

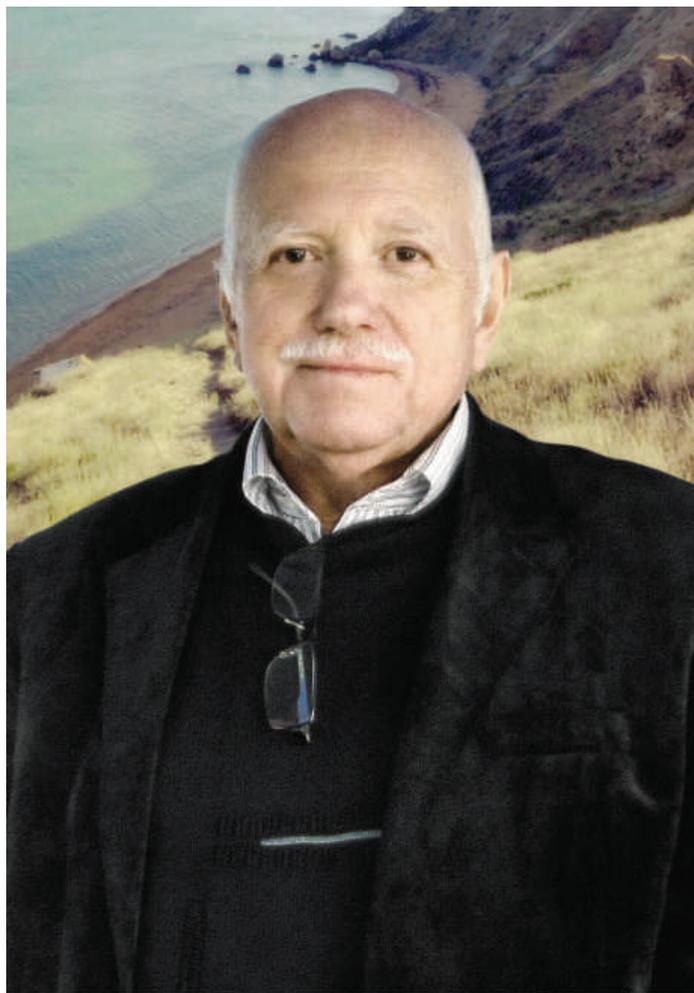
Археологические вести

— 29 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.Виноград

70-летию Юрия Алексеевича Виноградова посвящается

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yuri Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Терехина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebinin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Содержание

НАШ ЮБИЛЯР

<i>В. А. Горнчаровский. Faber est suae quisque fortunae</i> (к 70-летию Юрия Алексеевича Виноградова)	9
Библиография Ю. А. Виноградова (составитель Л. М. Всевиов)	18

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М. М. Ахмадеева. Новые исследования в ближнем предместье Феодосии</i>	33
<i>В. А. Хршановский. Курганная группа на кряже Чатр-Тав</i> (по материалам разведок 2015 и 2018 гг.)	43
<i>Н. А. Павличенко. Mensa ponderaria из Пантикапея?</i>	50
<i>А. М. Бутягин. Две находки архаических костяных накладок на ножны</i> из Северного Причерноморья	60
<i>Н. М. Милихина. Новые данные о косторезном ремесле Мирмекия</i>	69
<i>С. В. Кашаев. Погребение 40 из раскопок некрополя Артющенко II</i>	79
<i>Й. Форнасье, А. В. Буйских, А. Г. Кузьмищев.</i> О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время	88
<i>М. Ю. Трейстер. Ахеменидская цилиндрическая печать из Косики</i>	100

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

<i>Д. Е. Чистов. Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде</i> греческой урбанизации Северного Причерноморья	111
<i>В. Н. Зинько. К вопросу о датировке ранних крепостных стен</i> боспорского города Тиритака	129
<i>А. В. Батасова. Сельские поселения Азиатского Боспора: проблемы выявления</i> и интерпретации по данным археологических разведок	136
<i>Е. А. Молев. Награда за... поражение?</i> (триумф Мурены за победу над Митридатом Евпатором)	147
<i>И. Ю. Шауб. Боспорские «Ники»</i>	155
<i>Н. Л. Кучеревская. К вопросу о фронтонном декоре в архитектуре Боспора</i> (по материалам Керченского лапидария)	162

А. В. Подосинов. Некоторые замечания к образу скифской полуженщины-полузмеи у Геродота	168
Д. К. Браунд. Между Вифинией и Борисфеном: от ристалища Ахилла на Кальпе к прибытию Афродиты в Гилею	175
В. П. Копылов (†2020), А. Н. Коваленко. Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии	191
Г. Р. Цецхладзе. «Богатая золотом» Колхида «Аргонавтики»: миф, реальность и современные исследования	207
В. П. Никонов. Сасанидские боевые рельефы и происхождение темы конной дуэли на пиках в прокламативном искусстве доисламского Ирана	215

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ

А. Г. Букина. Любые античные вазы из Северного Причерноморья: путешествие к трансцендентальному	239
А. А. Завойкин. Комплекс с «псевдосамосской» амфорой из раскопок Фанагории	252
С. Ю. Монахов. Склад амфор в пантикапейском погребке № 645 (1967 г.)	263
М. Ю. Вахтина, Т. В. Рябкова. О фрагменте греческой ойнохои из кургана у с. Болтышка	269
А. Е. Петракова. «Exotische Utopien einer fernen Welt»: два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья	278
Ю. И. Ильина. Краснофигурный килик из раскопок на Березани	291
Т. В. Егорова. Керамика с росписью в стиле <i>West Slope</i> из Танаиса	298
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Рельефная «мегарская» чаша с Елизаветинского городища	308
Е. В. Четверкина. Кухонная керамика в ритуальных и погребальных комплексах Боспора	314

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

В. Кожокару. Несколько замечаний о монетах как средстве обмена между денежной и престижной экономикой в Северо-Западном Причерноморье	322
А. Е. Терещенко. Случайные находки из поселка Прогресс	334
Н. В. Молева. Некоторые соображения по поводу одной боспорской надписи (КБН. 150)	340
А. С. Намойлик. Цифровое граффито из раскопок Нимфея	348
С. Ю. Сапрыкин. Гигиенонт — архонт на Боспоре	355

ИСТОРИЯ НАУКИ

А. А. Масленников. Пещера Лейхтвейса	367
Е. Г. Панкратова. К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А. Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела)	376

Contents

OUR HERO OF THE DAY

V. A. Goroncharovsky. Faber est suae quisque fortunae (to the seventieth birthday of Yury Vinogradov)	9
Bibliography of Yury Vinogradov (composer L. M. Vseviov)	18

NEW DISCOVERIES AND RESEARCH

M. M. Akhmadeeva. New investigations in the neighbouring outskirts of Theodosia	33
V. A. Hrshanovskij. A group of burial mounds at the Chatr-Tav mountain-ridge (based on the materials of explorations of 2015 and 2018)	43
N. A. Pavlichenko. Mensa ponderaria from Panticapaeum?	50
A. M. Butyagin. Two finds of archaic bone plates for scabbard from the North Black Sea Region	60
N. M. Milikhina. New data about art of bone-carving in Myrmekion	69
S. V. Kashaev. Burial no. 40 from the excavations of the necropolis of Artyuschenko II	79
J. Fornasier, A. V. Buyskykh, A. G. Kuz'mishchev. On the question of the city boundary of Olbia Pontike in Archaic times	88
M. Yu. Treister. Achaemenid cylinder seal from Kosika	100

CURRENT PROBLEMS OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

D. E. Chistov. Dugouts, hats, houses: notes on early days of Greek urbanization of the Northern Black Sea Coastal Region	111
V. N. Zinko. On dating of early fortification walls of Bosporan city Tyritake	129
A. V. Batasova. Rural settlements of Asiatic Bosphorus: problems of detection and interpretation of data of archaeological explorations	136
E. A. Molev. Prize for... defeat? (Muraena triumph for a victory over Mithridates Eupator)	147
I. Yu. Shaub. Bosporan "Nikes"	155
N. L. Kucherevskaya. On pediment decoration of Bosporan architecture (based on the materials of Kerch Lapidarium)	162
A. V. Podosinov. Some comments on the image of Scythian half-woman-half-snake in Herodotus	168
D. C. Braund. Between Bithynia and Borysthenes: from Achilles' racecourses on the Kalpe to the arrival of Aphrodite in Hylaea	175

<i>V. P. Kopylov</i> (†2020), <i>A. N. Kovalenko</i> . The final stage of history of the Eastern region of Scythia	191
<i>G. R. Tsetskhladze</i> . “Gold-rich” Colchis, land in Argonautica: myth, reality and modern scholarship	207
<i>V. P. Nikonorov</i> . The Sasanian combat reliefs and the origin of the theme of equestrian duel with lances in the proclamative art of pre-Islamic Iran	215

QUESTIONS OF STUDYING ANTIQUE CERAMICS

<i>A. G. Bukina</i> . Any ancient vases from the North Black Sea region: a journey to transcendence	239
<i>A. A. Zavoykin</i> . A complex with a “pseudo-Samian” amphora from the excavations of Phanagoria	252
<i>S. Yu. Monakhov</i> . Amphorae storage in the Panticapaeum cellar no. 645 (1967)	263
<i>M. Yu. Vakhtina</i> , <i>T. V. Ryabkova</i> . Concerning the fragment of a Greek oinochoe from a burial mound near Boltyska village	269
<i>A. E. Petrakova</i> . “Exotische Utopien einer fernen Welt”: two red-figure kraters with a rare depiction of Grypomachy from the excavations in the Northern Black Sea Area	278
<i>Yu. I. Ilyina</i> . Red-figure kylix from the excavations at Berezan	291
<i>T. V. Egorova</i> . Painted pottery of <i>West Slope</i> style from Tanais	298
<i>N. Yu. Limberis</i> , <i>I. I. Marchenko</i> . Moldmade “Megarion” Bowl from Elizavetinskaya Settlement ...	308
<i>E. V. Chetverkina</i> . Cooking ware in ritual and burial complexes of Bosphorus	314

NUMISMATICS AND EPIGRAPHY

<i>V. Cojocar</i> . Some Remarks on the Coins as a Medium of Exchanges between Money Economy and Prestige Economy in the North-Western Black Sea Area	322
<i>A. E. Tereshenko</i> . Casual artifacts from the village of Progress	334
<i>N. V. Moleva</i> . Some considerations on one Bosphoran inscription (CIRB. 150)	340
<i>A. S. Namoilik</i> . Numeric graffito from the Nymphaion excavations	348
<i>S. Yu. Saprikin</i> . Hygianon — archon at Bosphorus	355

HISTORY OF SCIENCE

<i>A. A. Maslennikov</i> . Leichtweis Cave	367
<i>E. G. Pankratova</i> . Notes on the biography of “the leader of the terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” A. G. Prigozhin (based on the archive criminal investigations case files)	376

НАШ ЮБИЛЯР

Faber est suae quisque fortunae (к 70-летию Юрия Алексеевича Виноградова)¹

В. А. Горончаровский²

Аннотация. Автор на основе личных воспоминаний описывает путь в науке одного из ведущих специалистов в области античной археологии Северного Причерноморья и Средиземноморья, ведущего научного сотрудника ИИМК РАН Ю. А. Виноградова.

Annotation. The author provides a description of a scientific path of one of the leading specialists in the field of ancient archaeology of the Northern Black Sea and the Mediterranean regions, chief researcher of the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences Yu. A. Vinogradov based on personal memories.

Ключевые слова: воспоминания, Ю. А. Виноградов, античная археология, Боспорская экспедиция, Отдел истории античной культуры ИИМК РАН.

Keywords: memories, Yu. A. Vinogradov, Classical archaeology, Bosporan expedition, Department of History of ancient culture of the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-9-17

Будущий известный антиковед и археолог родился 12 сентября 1950 г. в деревне Илюхино Ярославской области в семье рабочего Алексея Александровича Виноградова, ветерана Великой Отечественной войны, прошедшего боевой путь от Курской дуги до Берлина. Одиннадцать лет спустя семья Виноградовых переехала под Ленинград, в курортный город Зеленогорск, где Юра продолжил учебу в школе. Уже тогда у него зародился носивший романтический оттенок интерес к археологии. Как многие мальчишки, он мечтал найти клад или на худой конец какой-нибудь старинный меч. Под влиянием книжных иллюстраций, например впечатляющего изображения

художником Иваном Билибиным сказочной русской старины, в его воображении рисовались картины далекого прошлого. Примерно к шестому классу у юного школьника не было никаких сомнений в том, что он должен стать археологом. Но, как говорится, «мы не ищем легких путей». К моменту окончания в 1968 г. средней школы с неплохим результатом (с серебряной медалью) у Юры Виноградова владел юношеский практицизм. Возможно, вспомнились строчки известного стихотворения Бориса Слуцкого: «Что-то физики в почете./ Что-то лирики в загоне». Выбор был сделан в пользу физики, но попытка поступления в Ленинградский политехнический институт закончилась провалом на экзаменах. Пришлось пойти работать на стройку, рядом с отцом.

Скоро подошел срок службы в армии (1969–1971 гг.), проходившей недалеко от дома, в Сертолово. После демобилизации перед молодым сержантом запаса вновь остро

---

¹ «Каждый человек — творец своей судьбы» (Гай Саллюстий Крисп «Первое письмо к Гаю Юлию Цезарю о государственных делах»).

² Ведущий науч. сотрудник, д-р ист. наук, Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

встала проблема выбора жизненного пути, но теперь чаша весов окончательно склонилась в пользу археологии. Свой путь в науку он начал почти 50 лет назад, когда летом 1971 г. поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Конкурс был серьезный: 12 человек на место, но, чтобы попасть на кафедру археологии, этого было мало, предстоял еще один, внутренний, конкурс. Собеседование, после которого из многих претендентов осталась лишь пятая часть³, проводили сам заведующий кафедрой Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) и только что защитивший докторскую диссертацию Абрам Давидович Столяр (1921–2014). Уже на первом курсе предстоял выбор конкретной специализации. Во многом его определили увлекательные занятия в семинаре Дмитрия Алексеевича Мачинского (1937–2012) и Марка Борисовича Шукина (1937–2008) по скифо-сарматской археологии. Все его участники жадно впитывали новые знания, знакомились с основополагающими трудами известных ученых, занимавшихся этой проблематикой. Именно тогда впервые для Юрия Виноградова прозвучало имя Михаила Ивановича Ростовцева, 150-летний юбилей со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Можно сказать, что название его книги «Скифия и Боспор» в дальнейшем стало определяющим для круга научных интересов молодого исследователя, связанных, прежде всего, с изучением греко-варварских взаимодействий. Большое значение имел и первый в его жизни полевой сезон. Волей случая в 1972 г. практикант Виноградов попал в Илуратский отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР, под начало своего будущего учителя — Игоря Георгиевича Шургая (1934–1982), настоящего ученого и непревзойденного эрудита не только в области истории и археологии, но и архитектуры,

литературы и вообще мира искусства. В разговоре этот удивительный рассказчик легко затрагивал любые темы — от устройства древнегреческого дома до деталей биографии Наполеона. Тогда ему было всего 38 лет, но он казался солидным мэтром. В подвижном лице и жестах рук, безусловно, присутствовал кавказский темперамент. При первой встрече в ЛОИА он очень эмоционально рассказывал о Керчи, жизни в палатках и о том, какое замечательное место этот Илурат, где даже нет комаров, потому что их ветер уносит. Позднее выяснилось, что насчет комаров это была шутка, а вот постоянно дующий в одном направлении ветер действительно присутствовал. Так или иначе, уже первые недели раскопок (рис. 1) принесли понимание, внутреннее ощущение древнего города-крепости, где так хорошо сохранились оборонительные стены и башни, улицы и жилые дома. При небольшой доле воображения жизнь древних боспорян обретала здесь вполне зримые формы.

Впечатлений после завершения экспедиции было много, и с этого момента маленькая провинциальная Керчь с ее обилием памятников древности навсегда запала в душу молодого студента. Благодаря Илурату был сделан первый реальный шаг на пути в сияющий храм археологической науки, к исследованию античных памятников Северного Причерноморья. Вторым на следующий год стало участие в работе еще одного отряда Боспорской экспедиции, раскапывавшего Порфмий — небольшой укрепленный городок VI–I вв. до н. э. у переправы через Керченский пролив. Руководила этим отрядом Елизавета Григорьевна Кастанаян (1910–1991), археолог старой школы, которой на тот момент было уже 63 года, что не мешало ей, в случае необходимости, попыхивая папиросой, управляться на раскопе с тяжелой киркой. Здесь Юрий Виноградов приобрел дополнительный полезный опыт в отношении археологического памятника, более раннего, чем Илурат. В Порфмии он оказался еще раз два года спустя, и с тем полевым сезоном связана его первая (в соавторстве) печатная работа в «Археологических открытиях 1975 г.» (М., 1976).

³ Почти все из состава той группы первокурсников, наряду с Ю. А. Виноградовым и автором этих строк, связали с археологией свою дальнейшую судьбу: А. А. Александров, С. В. Белецкий, В. С. Бузин, М. Ю. Вахтина, Г. П. Иванов, В. Я. Конецкий, В. Т. Монгуш, А. М. Смирнов.

Рис. 1. Ю. А. Виноградов (второй справа) и будущий известный филолог и историк С. Р. Тохтасьев (слева) на раскопках Илурата (июль 1972 г.)

Fig. 1. Yu. A. Vinogradov (the second on the right) and in the years ahead well-known historian and philologist S. R. Tochtasiev (on the left) at excavations of Iluraton (July 1972)

Рис. 2. Ю. А. Виноградов среди выпускников кафедры археологии ЛГУ (июнь 1976 г.)

Fig. 2. Yu. A. Vinogradov among the graduates of the Department of Archaeology of the Leningrad State University (June 1976)

Потом были и другие античные экспедиции, но даже в студенческие годы Ю. А. Виноградов не ограничивал свои интересы исключительно Северным Причерноморьем. И здесь не последнюю роль сыграли достаточно случайные обстоятельства. Дело в том, что после завершения обучения на военной кафедре все лето 1974 г. ушло на сборы для получения звания лейтенанта запаса. Проходили они в Карелии, на финской границе, в местечке под названием Свободное, правда, как шутили преподаватели кафедры, «въезд и выезд оттуда несвободный». Когда новоиспеченные офицеры-артиллеристы вернулись в город, на календаре было уже 1 сентября. Занятия на истфаке для археологов начинались только через месяц. Пропускать полевой сезон полностью не хотелось. Так Юрий Виноградов впервые оказался в Туркмении на раскопках поселения Алтын-депе, в «царстве» сырцовой архитектуры эпохи бронзы. Здесь у него проснулся реализовавшийся позднее интерес к восточной археологии, чему в немалой степени способствовало общение с Вадимом Михайловичем Массоном (1929–2010), замечательным археологом с практически безграничным научным кругозором.

В 1976 г. обучение на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ завершилось для Ю. А. Виноградова получением красного диплома. Сохранилась фотография выпускников кафедры археологии, где он запечатлен с волосами до плеч (рис. 2). Тем, кто не видел его в те годы, такое трудно себе представить, поскольку Юрий Алексеевич уже давно перешел в категорию так называемых «блестящих» ученых. Так или иначе, успешное окончание университета сразу дало ему возможность работать в ЛОИА АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры РАН), где он по служебной лестнице прошел путь от стажера-исследователя до заведующего Отделом истории античной культуры, который возглавлял в 2006–2012 гг.

Первые годы в ЛОИА Юрий Алексеевич продолжал набираться опыта в отношении античной археологии Северного Причерноморья. Огромной школой методики полевых

исследований стало для него участие в Тарханкутской экспедиции под руководством А. Н. Щеглова (1933–2009), а работа в составе Нижнебугской экспедиции К. К. Марченко помогла понять значение изучения сельских поселений для истории античного Причерноморья, поскольку они всегда четко реагировали на изменение военно-политической ситуации. Кстати, именно в этой экспедиции, на раскопках поселения Старая Богдановка в 1977 г., состоялось его знакомство со студенткой факультета прикладной математики ЛГУ Екатериной Федосюк, и через несколько лет они поженились. С тех пор Катя Виноградова стала верной спутницей и помощницей своего мужа практически во всех экспедиционных поездках, в том числе и зарубежных. При этом она продолжала успешно заниматься любимым делом — математикой — и достигла в этом немалых результатов: стала профессором СПбГУ и доктором физико-математических наук. «Она святая, — говорят о ней студенты, — и очень добрая». Все, кто бывали в гостях у этой в высшей степени гостеприимной семьи, сначала в коммуналке на улице Жуковского, затем в отдельной квартире на Лиговском проспекте, знают, как радушно и хлебосольно принимают там друзей.

Бывали в жизни юбиляра и тяжелые моменты. Один из них пришелся на февраль 1982 г., когда скоропостижно скончался И. Г. Шургая, о котором он до сих пор сохраняет благодарную память. Традиции перед каждым полевым сезоном навещать могилу учителя на Северном кладбище уже больше 30 лет, а каждый визит к его младшему брату Герману, в хорошо знакомую еще по студенческим временам уютную квартиру на 2-й линии Васильевского острова, превращается в вечер воспоминаний.

Так случилось, что в том же 1982 г. начался самостоятельный этап в полевой карьере Ю. А. Виноградова. Собственно, еще при жизни И. Г. Шургая в археологических кругах стал активно обсуждаться вопрос о возобновлении остановленных в 1966 г. исследований Мирмекия, одного из так называемых малых боспорских городов, расположенного

Рис 3. Ю. А. Виноградов на мирмекийской скале с участниками XIX Боспорских чтений (май 2018 г.)
Fig. 3. Yu. A. Vinogradov on the Myrmekion rock with the participants of the 19th Bosporan readings (May 2018)

Рис. 4. На раскопках поселения Артющенко I (август 2016 г.)
Fig. 4. At the excavations of the settlement Artiushchenko I (August 2016)

на северной оконечности Керченской бухты. Для этого можно было использовать немалые новостроечные деньги, появившиеся в связи с планом возведения к западу от городища пансионата «Киев». Эти раскопки поручили Ю. А. Виноградову, и он получил первый в жизни Открытый лист, давший возможность возродить Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции (рис. 3), сделавший на протяжении последующих почти 20 лет много весьма значимых открытий, сосредоточив основные усилия на изучении участка близ скалы акрополя. В частности, проведенные исследования показали, что основание здесь греческого поселения происходит около рубежа первой–второй четверти VI в. до н. э., а после середины этого столетия вслед за сильным пожаром мирмекийский акрополь был укреплен оборонительной стеной, одной из самых ранних в Северном Причерноморье. Свой сорокалетний юбилей уже вполне сложившийся ученый отметил защитой кандидатской диссертации на тему «Особенности греко-варварских взаимодействий на Боспоре в VI–III вв. до н. э.», а 12 лет спустя состоялась успешная защита уже докторской диссертации «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху».

С конца 1990-х гг., в силу разного рода обстоятельств, деятельность Боспорской экспедиции в основном переместилась на другую сторону Керченского пролива, где уже зрелый ученый возглавил Бугазский отряд, ведущий раскопки античного поселения Артющенко I на Таманском полуострове (рис. 4). Выявленные в итоге периоды функционирования и длительного запустения поселения позволили получить новые данные о военно-политической и демографической ситуации, складывавшейся в Северном Причерноморье на различных исторических этапах.

Стоит отметить, что научные интересы Юрия Алексеевича Виноградова всегда были на стыке исследований древней истории Запада и Востока. Как говорит он сам: «Если Восток войдет в сердце человека, то уже не выйдет из него никогда!». В немалой степени этому способствовало состоявшееся 35 лет

назад знакомство с известным востоковедом Петром Афанасьевичем Грязневичем (1929–1997). Многим он был знаком по вышедшей в 1978 г. книге «В поисках затерянных городов» о сохранившихся в Йемене памятниках великой сабейской цивилизации. И вот этот человек сумел добиться почти невозможного в условиях позднего Советского Союза — создать Советско-Йеменскую (впоследствии Российско-Йеменскую) комплексную экспедицию, работавшую на юге Аравийского полуострова. Когда у Грязневича возникла проблема с нехваткой археологов, он обратился к В. М. Массону с вопросом: нет ли у него подходящей кандидатуры? Тот предложил Ю. А. Виноградова, отметив, что знает его по работе в Туркмении. «Значит, он хорошо переносит жару», — глубокомысленно заметил П. А. Грязневич, и этого ему было достаточно. Раскопки в Йемене продолжались много лет, с перерывами из-за периодически возникавших военных столкновений внутри страны, когда даже в столице Сане (рис. 5) безопасность участников экспедиции не могла быть гарантирована. Гораздо спокойнее было работать на маленьком острове Сокотра с первозданной африканской природой, где местное население абсолютно невоинственно. На западном побережье этого острова, связанного с развитием в древности морской торговли между Средиземноморьем и Индией, в 2010 г. впервые были найдены остатки засыпанных песком поселений с фрагментами античной керамики первых веков нашей эры. Наряду с работой в составе Российско-Йеменской экспедиции Ю. А. Виноградов по приглашению немецких, французских и итальянских коллег принимал участие в изучении ряда археологических памятников Йемена и соседнего Омана (рис. 6).

Сейчас на счету Юрия Алексеевича уже десятки экспедиций, конференций (рис. 7) и более трех сотен опубликованных книг и статей. Для всех его работ характерны широкий кругозор и фундаментальность. Среди них следует особо выделить книги, посвященные военному делу Северного Причерноморья: научно-популярные издания «„Там закололся Митридат...“.

Рис. 5. А. В. Сарабьев, Ю. А. Виноградов и В. А. Жуков на фоне Саны — столицы Йемена
Fig. 5. A. V. Sarab'ev, Yu. A. Vinogradov, V. A. Zhukov against the background of Sanaa, the capital of Yemen

Рис. 6. Ю. А. Виноградов среди участников археологического семинара в Дохе (Катар). В центре — директор Немецкого института в Санае Ирис Герлах
Fig. 6. Yu. A. Vinogradov with participants of archaeological workshop in Doha (Qatar). Iris Gerlach, the Director of the German Institute in Sanaa, is in the centre

Рис. 7. Ю. А. Виноградов во дворе Керченского музея (май 2014 г.)

Fig. 7. Yu. A. Vinogradov at the yard of the Kerch Museum (May 2014)

Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.)» (СПб.; М., 2004), «Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)» (СПб., 2006), «Военная история Боспорского царства» (М., 2017) и монографию «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — III в. н. э.)» (СПб., 2009) (две последние в соавторстве с В. А. Горнчаровским). В последние годы он издал ряд работ, посвященных истории изучения античных памятников Боспора. Это, прежде всего, «Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917)» (Симферополь; Керчь, 2012) и «Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (Симферополь; Керчь, 2017).

Совместно с В. Н. Зинько и Т. Н. Смекаловой написана коллективная монография «Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография» (Симферополь; Керчь, 2012). Второй том этого издания был подготовлен в соавторстве с его учеником, сотрудником Эрмитажа А. М. Бутягиным: «Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун» (Симферополь; Керчь, 2014). Ранее результатом их совместного творчества стали такие небольшие книги, как «Мирмекий в свете новых археологических исследований» (СПб., 2006) и «Мирмекийский саркофаг» (СПб., 2016), опубликованные Издательством Государственного Эрмитажа. Там же вышло всестороннее исследование Ю. А. Виноградова относительно одного из уникальных античных памятников, найденных

на Боспоре, — «Большой лекиф Ксенофанта» (СПб., 2007). Можно упомянуть и ряд написанных им очерков, которые стали данью памяти известных ученых-антиковедов, работавших в РАИМК-ГАИМК-ЛОИА-ИИМК, в том числе и тех, кого он знал лично (М. И. Максимова, М. А. Наливкина, В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. Г. Кастанаян, И. Г. Шургая, И. Б. Брашинский, Ю. В. Андреев, А. Н. Щеглов, В. И. Денисова, Е. Я. Рогов).

Пользуясь высоким научным авторитетом, Юрий Алексеевич на протяжении многих лет занимается подготовкой аспирантов и соискателей по истории и археологии. Под его руководством защитили диссертации несколько кандидатов наук, в том числе недавно пришедшая в Отдел истории античной культуры А. В. Батасова.

Ю. А. Виноградов входит в редколлегии многих отечественных и зарубежных журналов. Он неоднократно выступал с докладами на представительных международных научных конференциях в Болгарии, Польше,

Украине, Дании, Германии, Италии, Турции и других странах. Его активное руководящее участие во многом определило успешное завершение российско-швейцарского проекта «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии» и издание коллективной монографии с таким же названием (СПб., 2017).

Заслуги Ю. А. Виноградова в области археологии получили высокую оценку не только в России: он является членом-корреспондентом Германского археологического института, а недавно получил благодарность президента Переходного Совета Южного Йемена Айдаруса Касима аль-Зубейди.

С одной стороны, юбиляр достиг уже немалого возраста, но с другой — у него за спиной огромный научный опыт, позволяющий пребывать на пике своих возможностей и успешно продолжать свой научный путь. Без сомнения, впереди у него еще немало новых археологических экспедиций, находок и открытий, интересных книг и статей.

Faber est suae quisque fortunae (to the seventieth birthday of Yury Vinogradov)

V. A. Goroncharovsky

The short paper of V. A. Goroncharovsky is largely based on personal memories. It deals with key milestones of life and scientific path of chief researcher of the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences Yu. A. Vinogradov, his achievements in the field of ancient and eastern archaeology, his expeditionary activity, personal and professional qualities.

Библиография Ю. А. Виноградова

Составитель Л. М. Всевиов

1976

Раскопки Порфмия // АО. 1975. С. 332–333 (в соавторстве с Е. Г. Кастанаян, Т. Ф. Аскиркиной, Н. С. Беловой, В. А. Горончаровским).

1977

Исследование Илурата // АО. 1976. С. 394 (в соавторстве с И. Г. Шургая, В. А. Горончаровским).

Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: ТД. Тбилиси. С. 9–10 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. А. Горончаровским, Е. Я. Роговым).

1978

Конференция «Типология и социальная структура древнего и средневекового города» // ВДИ. № 1. С. 227–231.

Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье // АО. 1977. С. 353–354 (в соавторстве с Я. В. Доманским, К. К. Марченко, Н. В. Головачёвой, И. Ю. Шаубом).

1979

«Варварские» курганы V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.): Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 16–22.V.1979 г. ТДС. Тбилиси: Мецниереба. С. 8–9 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. А. Горончаровским, Е. Я. Роговым).

Раскопки античного поселения Старая Богдановка II // АО. 1978. С. 364 (в соавторстве

с К. К. Марченко, Н. В. Головачёвой, Я. В. Доманским).

Раскопки Илурата // АО. 1978. С. 426–427 (в соавторстве с И. Г. Шургая, В. А. Горончаровским, С. Р. Тохтасьевым).

1980

Историческая ситуация на Боспоре в конце IV — начале III в. до н. э. (опыт реконструкции) // Проблемы античной истории и классической филологии: Всесоюзная науч. конф., 6–8 февр. 1980 г., Харьков: ТД. Харьков: Б. и. С. 7.

Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Е. Я. Роговым).

Раскопки позднеархаического поселения Лупарево-2 // АДУ. 1978–1979. С. 105.

1981

К вопросу о мирмекийском зольнике // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: ТД. Киев. С. 79–80.

1983

Тигель из Илурата // СА. № 2. С. 229–231, ил.

1984

Исследования в западной части Мирмекия // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь: Б. и. С. 17.

Раскопки Мирмекия // АО. 1982. С. 248.

1985

Исследование Мирмекия // АО. 1983. С. 265–266. Некоторые аспекты изучения кушанских городов Индии // Археология зарубежной Азии:

Материалы к симпозиуму Совета молодых ученых ЛОИА. Л.: Наука. С. 55–56.

О взаимоотношениях Боспора с варварским миром в период раннего эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья, Цхалтубо [май] 1982 г. / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 7–8.

О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // Проблемы исследования Ольвии: ТДС. Парутино: ИА АН УССР. С. 14–15 (в соавторстве с К. К. Марченко).

1986

Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. С. Русяева. Киев: Наукова думка. С. 59–68, ил. (в соавторстве с К. К. Марченко).

Работы Мирмекийского отряда // АО. 1985. С. 222–223.

Рец.: Wells P. S. Culture Contact and Culture Change: Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean World. London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1980 // ВДИ. № 2. С. 194–199.

1987

В. Ф. Гайдукевич и исследования Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л.: Наука. С. 172–177.

Основные итоги раскопок Мирмекия (1982–1984, 1986 гг.) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф., Суздаль. М.: Наука. С. 64–65.

Работы в Народной Демократической Республике Йемен // АО. 1985. С. 635–637, ил. (в соавторстве с Х. А. Амирхановым, А. М. Акопяном).

Северное Причерноморье в скифскую эпоху: опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы: ТД Всесоюзн. семинара, посв. памяти А. И. Тереножкина. Ч. I–II. Кировоград: Б. и. С. 36–39.

1988

Боспорская экспедиция // АО. 1986. С. 259–261 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. А. Горончаровским).

Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII–IV вв. до н. э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–V вв. до н. э.: Материалы IV Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья, Цхалтубо—Вани, 1985 / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 28–34 (в соавторстве с К. К. Марченко).

О курганах варварской знати V–III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева; Ленинград, 14–17 марта 1989 года. Новочеркасск: Б. и. С. 38–40.

Об изучении античных архаических поселений левобережья Бугского лимана // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А. И. Доватура): ТД научно-практического семинара / Отв. ред. В. И. Петренко. Рени: Б. и. С. 47–48.

Ранняя оборонительная стена Мирмекия (предварительные итоги исследования) // ТД III научных чтений, посв. памяти В. Д. Блаватского (Москва, январь 1987 г.) / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: ИА РАН. С. 27–28 (в соавторстве с С. Р. Тохтасьевым).

Das nördliche Schwarzmeergebiet in der skythischen Epoche // Klio. Bd. 71, hft. 1–2. S. 539–549 (в соавторстве с К. К. Марченко).

The Scythian period in the northern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. Vol. 63, № 241. P. 803–813, ill., map. (в соавторстве с К. К. Марченко).

1989

К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П. О. Карышковского): ТДК (9–11 мая 1989 г.). Вып. 1 / Отв. ред. А. В. Гудкова. Одесса: Б. и. С. 16–17 (в соавторстве с К. К. Марченко, Е. Я. Роговым).

1990

К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Вып. 1. Одесса. С. 41–51 (в соавторстве с К. К. Марченко).

Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–II вв. до н. э.: Автореферат канд. дис. / АН СССР. ЛОИА. Л. 18 с.

1991

Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посв. памяти М. И. Ростовцева // СА. 1991. № 1. С. 291–296 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. Ю. Зуевым).

Исследования на западной окраине Мирмекия // КСИА. Вып. 204. С. 71–77, ил.

К проблеме греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье // Социогенез и культуригенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 30–31.

Некоторые итоги изучения древнейшей цивилизации (по работам СОЙКЭ) // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК (26–28 ноября 1991 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 31–32 (в соавторстве с П. А. Грязневичем).

Некоторые особенности развития Мирмекия в архаическую эпоху // Древности Кубани: Материалы НПК, посв. Е. Д. Фелицину / Отв. ред. И. И. Марченко, Е. А. Хачатурова. Краснодар: Б. и. С. 25–27.

О погребении воина у Карантинного шоссе (1834) // Проблемы истории Крыма: ТД науч. конф. Вып. 1. Симферополь: СимфГУ. С. 25–27.

Ранние комплексы мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. А. Молев. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т; Белгород: Упринформпечать. С. 12–19, ил.

Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. № 1. С. 145–155, ил.

1992

Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука. С. 99–120, ил.

Новое об архаическом Мирмекии // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб.: ИИМК РАН. С. 18–21, ил.

О полисах на Боспоре // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура: ТД МНК. Севастополь: Б. и. С. 21–22.

О принципах построения хронологии Северного Причерноморья скифской эпохи //

Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб.: ИИМК РАН. С. 60–63.

1993

Городище Станислав в первые века нашей эры // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса. С. 108–109.

Исследования на городище Мирмекий // АДУ. 1992. С. 31–33.

К проблеме полисов в Районе Боспора Киммерийского // АМА. Вып. 9. С. 79–96.

Курган Ак-Бурун (1875) // Скифия и Боспор: Сб. докл. симп. (Ленинград, 13–17 марта 1989 г.) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Б. и. С. 38–51.

Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н. э.) // АВ. Вып. 2. С. 72–79.

О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. № 6. С. 66–71.

1994

Еще одна архаическая полуземлянка Мирмекия // Боспорский сборник. М. Вып. 4. С. 59–64.

Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Изучение древних культур и цивилизация: Материалы к пленуму (5–7 апреля 1994 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 33–37 (Археол. изыскания. Вып. 14) (в соавторстве с А. С. Голенцовым, В. А. Горончаровским, К. К. Марченко, Е. Я. Роговым).

Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседания круглого стола) / Ред. А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, Л. С. Марсадолов, Вл. А. Семёнов. СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж. С. 72–76 (Археол. изыскания. Вып. 18).

Некоторые проблемы развития древнейшей цивилизации // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культуригенеза: Материалы методологического семинара / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 43–44 (Археол. изыскания. Вып. 13).

О ранней фортификации Мирмекия (предварительные итоги изучения мирмекийского акрополя) // Международные отношения

в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: ТД VIII МНК 17–24 мая 1994 г. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та. С. 19–21.

Работы на городище Мирмекий // АО. 1993. С. 196.

Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. № 1. С. 54–63, ил. (в соавторстве с С. Р. Тохтасьевым).

Раскопки городища Мирмекий // АИК. 1993. С. 55–60, ил.

Раскопки храма Зат-Химьян в Западном Хадрамауте (Райбун V) // АВ. № 3. С. 88–95, ил.

1995

Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 80–84, ил. (в соавторстве с К. К. Марченко).

К проблеме становления древнегреческих городов Боспора Киммерийского // Античное общество: проблемы истории и культуры: Доклады НК (9–11 марта 1995 г., исторический факультет СПбГУ). СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 43–45.

Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. № 3. С. 152–160, ил.

О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь: Материалы МНК «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь. С. 65–69.

Опыт сравнения керамических комплексов здания VI и участка I на городище Райбун I // Хадрамаут / Отв. ред. П. А. Грязневич, А. В. Седов. М.: Восточная литература. С. 103–111, ил. (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I) (в соавторстве с М. А. Ба-Махрама).

Позднеархаическое здание на городище Мирмекий в Крыму // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК 11–14 апреля 1995 года. СПб.: ИИМК РАН. С. 48–49.

Работы на городище Мирмекий // АО. 1994. С. 320–321.

Укрепления акрополя Мирмекия (предварительные итоги изучения) // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.: ИИМК РАН. С. 33–36.

1996

Археологические исследования на городище Станислав // РА. № 3. С. 180–185, ил. (в соавторстве с С. Л. Соловьёвым).

Археологические исследования на участке здания 6 // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. II). М.: Восточная литература. С. 68–84, ил.

Керамические находки с городища Майфа (Нахб ал-Хаджар) // Там же. С. 162–167, ил. (в соавторстве с М. А. Ба-Махрама).

О находках на городище Мирмекий // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: ТД VIII МНК. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та. С. 57–58.

О становлении античной археологии в России // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН. С. 24–27.

О формировании урбанистической структуры в Мирмекии // Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора П. О. Карышковского: ТД юбилейной конференции / Отв. ред. В. Н. Станко. Одесса: Астропринт. С. 25–26.

Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (некоторые аспекты изучения) // ВДИ. № 3. С. 77–88.

1997

Некоторые закономерности становления и развития греческих государств Северного Причерноморья // Stratum plus+ПАВ. СПб.; Кишинёв. С. 66–72 (в соавторстве с Е. Я. Роговым).

Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Сб. ст. памяти В. Д. Белецкого / Сост. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: Изд-во Администрации Псковской обл. Т. I. С. 141–146, ил.

О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum plus+ПАВ. СПб.; Кишинёв. С. 73–80.

Раскопки на городище Мирмекий // АИК. 1994. С. 59–61, ил.

Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93–103 (в соавторстве с К. К. Марченко, Е. Я. Роговым).

Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ДД. Вып. 5. С. 6–27 (в соавторстве с К. К. Марченко, Е. Я. Роговым).

1998

Новые посвященные граффити из Мирмекия // *Hyperboreus*. Vol. 4, fasc. 1. С. 22–47, ил. (в соавторстве с С. Р. Тохтасьевым).

О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // *Таманская старина*. Вып. 1 / науч. ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 62–68.

Особенности укреплений южноаравийского порта Кана // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы МК 2–5 сентября 1998 г.* СПб.: Гос. Эрмитаж, ИИМК РАН. С. 82–85.

Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе во второй половине III — первой половине II в. до н. э.) // *Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы НК (декабрь 1998 г.)* / Сост. В. А. Хршановский. СПб.: Гос. музей религии. С. 6–9.

1999

Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. № 3. С. 101–115.

Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // *Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Материалы МНК (декабрь 1999 г.)* / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. СПб.: Синтез-Полиграф. С. 195–199.

О двойной победе Неоптолема на Боспоре Киммерийском // *Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: МНК, посвящ. 60-летию Нимф. археол. экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач* / Редкол. С. П. Борисковская и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 17–19.

Обломок махайры из Мирмекия // *Археология и история Боспора*. Вып. 3. Керчь. С. 153–160, ил.

Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II в. до н. э.) // *Hyperboreus*. Vol. 5, fasc.1. С. 56–82.

Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // *Études et Travaux*. Vol. 19. P. 279–293, ill.

2000

Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I века до нашей эры): Сб. науч. тр. / Науч. ред. С. Л. Соловьёв*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 16–29 (Таманская старина. Вып. 3).

К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // *Συμπόσιον: Памяти Юрия Викторовича Андреева* / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя. С. 227–232.

Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения // *АВ*. № 7. С. 96–105, ил. (в соавторстве с Д. И. Фояковым).

Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I века до нашей эры)*. С. 90–93.

Раскопки городища Мирмекий в сезоне 1999 года // *АВУ*. 1998/1999. С. 79 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Д. Е. Чистовым).

Раскопки Городища Мирмекий в 1999 г. // *ОАС Гос. Эрмитажа*. 1999. СПб. С. 23–25 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Д. В. Чистовым).

Скульптурные находки из южно-аравийского порта Кана // *Взаимодействие культур и цивилизаций: Сб. ст. в честь юбилея В. М. Массона* / Отв. ред. Ю. Е. Берёзкин. СПб. С. 203–209, ил.

Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. № 3. С. 98–128.

2001

Две Скифии и скифы царские // *Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 2* / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 124–127.

Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // *Там же*. Ч. 1. С. 41–45, ил. (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной).

Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // *АВ*. № 8. С. 311–315.

Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // *Третья Кубанская археологическая конференция: ТД*. Краснодар; Анапа: Б. и. С. 17–20.

Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // *ВДИ*. № 4. С. 77–87.

О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // ХС. Вып. 11. С. 65–69.

О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // FAŁódź. С. 43–55, ил.

Работы Мирмекийской экспедиции // АО. 2000. С. 273–274 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Д. Е. Чистовым).

Работы Мирмекийской экспедиции в 2000 г. // ОАС Гос. Эрмитажа. 2000. С. 18–19 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Д. В. Чистовым).

Раскопки Мирмекия в 2000 г. // АБУ. 1999/2000. С. 84–85 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Д. В. Чистовым).

Раскопки на поселении Артющенко I // АО. 1999. С. 142.

Раскопки поселения Артющенко I // АО. 2000. С. 122–123.

Archäologische Untersuchungen auf der Taman'-Halbinsel, Rußland // Eurasia Antiqua. Bd. 7. S. 169–185, ill. (в соавторстве с Е. Я. Роговым, К. Stähler, J. Fomasier).

2002

Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Вып. 4 / Науч. ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 61–66, ил.

Городище Станислав (основные итоги исследований 1982, 1988–1991 гг.) // Археологічна збірка. Херсон. № 2. С. 88–106.

Евгений Яковлевич Рогов: Основные вехи биографии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 7–17, портр. (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. Ю. Зуевым).

О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища... Ч. 2. С. 177–179.

Особенности и историческое значение объединения Археанктидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире: Сб. ст. / Ред. Э. Д. Фролов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 183–196.

Работы Мирмекийской археологической экспедиции в 2001 г. // ОАС Гос. Эрмитажа. 2001. СПб. С. 17–20 (в соавторстве с А. М. Бутягиным, Н. Ю. Новосёловой).

Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВО-РАО. Новая серия. Т. 1 (26). С. 73–81, ил.

2003

Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО. 2002. С. 233–235 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Курган Мерджаны (Merdschana) под Анапой // Bildergeschichte: Festschrift Klaus Stähler. Paderborn. S. 515–521, ill. Рез. нем.

Памяти друга [Е. Я. Рогова] // АВ. № 10. С. 385–388 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной.)

Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // МИА Кубани. Вып. 3. С. 77–92.

Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса // Андреев Ю. В. Раннегреческий полис: гомеровский период. Избранные статьи. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». С. 5–22.

Murmekion — Porthmeus: Two “small” towns of Ancient Bosphorus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II. Thessalonici. P. 803–840, ill. (в соавторстве с А. М. Бутягиным, М. Ю. Вахтиной).

Two Waves of Sarmatian migrations in the Black Sea steppes during the Pre-Roman period // The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Århus. P. 217–226.

2004

В. Ф. Гайдукевич: путь советского археолога // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посв. 70-летию исторического фак-та СПбГУ / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 237–239.

Исследования поселения Артющенко I // АО. 2003. С. 245–246 (в соавторстве с Е. В. Лебедевой).

Керамические находки из раскопок храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте // Scripta Yemepica: Исследования по Южной Аравии: Сб. ст. в честь 60-летия М. Б. Пиотровского / Отв. ред. А. В. Седов. М.: Восточная литература. С. 151–164, ил.

Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. Вып. VII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография. С. 89–111, ил.

О двух волнах сарматских миграций в Причерноморских степях доримского времени // ХС. Вып. 13. С. 20–28.

О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 49–56, ил.

Слово об учителе [И. Г. Шургая] // АВ. № 14. С. 391–393, портр. (в соавторстве с В. А. Горнчаровским).

«Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 196 с, ил., карт. (Militaria Antiqua. Т. 4).

Хронология кургана Малая Близница // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 272–275.

2005

Боспор Киммерийский // Марченко К. К., Виноградов Ю. А., Вахтина М. Ю., Рогов Е. Я. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, Историческая книга. С. 211–296, ил., карт.

Бронзовый панцирь из Елизаветовского кургана // Боспорский феномен: Проблемы соотношения письменных и археологических источников / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 264–271, ил.

Исследования на античном поселении Артющенко I // АО. 2004. С. 269–270 (в соавторстве с Е. В. Лебедевой).

К изучению зерен культурных растений в Мирмекии // ХС. Вып. 14. С. 94–98.

К 100-летию В. Ф. Гайдукевича // АВ. № 12. С. 323–330, ил.

Концепция греческой колонизации Боспора в трудах В. Ф. Гайдукевича // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию В. Ф. Гайдукевича. СПб.: Изд-во СПб. университета. С. 74–80.

Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Stratum plus. № 3. С. 198–207.

Новый храм Сайина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.) // Arabia Vitalis: Арабский

Восток, ислам, древняя Аравия: Сб. ст., посвящ. 60-летию В. В. Наумкина / Сост. и отв. ред. А. В. Седов, И. М. Смилянская. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 385–400 (в соавторстве с А. В. Седовым, С. А. Французовым).

О семантике изображений на золотых стateraх Пантикапея // АВ. № 12. С. 219–223, ил. (в соавторстве с И. Ю. Шаубом).

Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1981–2001) // Stratum plus. № 3. С. 9–12 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной).

Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Марченко К. К., Виноградов Ю. А., Вахтина М. Ю., Рогов Е. Я. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, Историческая книга. С. 27–41, карт. (в соавторстве с К. К. Марченко).

Терракотные статуэтки поселения Артющенко I // Четвертая Кубанская археологическая конференция (Геленджик, 5–8 октября 2005 г.): ТД / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар. С. 44–46.

Excavations at the Classical-Period settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. Vol. 11, fasc. 2. P. 316–319 (в соавторстве с Е. В. Лебедевой).

2006

Боспор Киммерийский: Основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э.: Материалы МНК / Ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 36–43.

Еще раз о дате Федуловского клада // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра / Отв. ред. А. А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 207–227, ил.

Керамические находки с вершины Хусн аль-Гураб — акрополя южноаравийского порта Каны // ЗВОРАО. Новая серия. Т. 2. С. 83–90, ил.

Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗИИМК. № 1. С. 69–76, ил.

Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 79 с. (в соавторстве с А. М. Бутягиным).

Счастливый город и война. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 251 с., ил., карт. (Militaria Antiqua. Т. 9).

О семантике изображений на мирмекийском саркофаге // Древнее Причерноморье. Вып. VII: Сб. ст., посвящ. 85-летию профессора П. О. Карышковского / Отв. ред. Т. А. Избаш. Одесса: Гермес. С. 40–43.

О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. Вып. XIII / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько, Е. В. Власова. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография. С. 134–161, ил.

Отдел истории античной культуры. Работа в 2001–2004 гг. // ЗИИМК. № 1. С. 140–147 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Вып. XIII. С. 3–15, портр.

Работы Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2005 гг. // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археолог. съезда (Новосибирск, 23–28 октября 2006 г.). Т. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. С. 14–16.

Российская экспедиция в Хадрамауте. Полевой фольклор. Освященный крестик // Культура Аравии в азиатском контексте. Сб. ст. к 60-летию М. А. Родионова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 290–297, ил.

Рец.: Н. Hoffmann. Sotades: Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Claredon Press, 1997. 205 p. // ВДИ. № 2. С. 213–220.

2007

Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 62 с., ил. (Античность в Эрмитаже).

Деревянная основа седла из Керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // Ранний залізний вік Евразії: До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна / Отв. ред. С. А. Скорый. Киев; Чигирин. С. 52–54, ил. (в соавторстве с В. П. Никоноровым).

Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. Вып. XVII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня. С. 5–20, ил.

Культовые комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // VIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир. Святилища и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня. С. 62–65.

Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 220–224 (в соавторстве с И. Ю. Шаубом).

Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ. С. 118–139.

Эллинистические материалы с городища Станислав I // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История. С. 45–49.

Cimmerian Bosphorus: Main Phases of Pre-Roman History // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC. Oxford. P. 145–149 (BAR. Intern. Series. 1729).

Temple Kafas/Na'mān (Raybūn V): description archéologique // Frantsouzoff S. Raybūn Kafas/Na'mān, temple de la Dhāt Himyam. Inventaire des inscriptions Sudarabiques. Т. 6. Paris; Rome, P. 15–25 (в соавторстве с А. В. Седовым).

2008

Археологи и власти: один штрих к вечной проблеме // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: Материалы юбилейного Международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 82–87.

Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // ЗИИМК. № 3. С. 51–54, ил.

Кочевники и земледельцы: соперничество на поле боя // IX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня. С. 60–66.

Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия (по материалам раскопок 1992–1994 гг.) // ВДИ. № 1. С. 42–54, ил.

Расширенное заседание Ученого совета Института истории материальной культуры РАН, посвященное памяти Ю. В. Андреева // ЗИИМК. № 3. С. 236–238 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Rhythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian Bosphoros in Pre-Roman Times // Meeting of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence. Århus. P. 13–27.

Рец.: Baitinger H. Die Angriffswaffen aus Olympia (Olympische Forschungen. Bd. XXIX). Berlin; N.Y., 2001 // АВ. № 15. С. 237–241.

2009

Боспорской экспедиции ИИИМК РАН (ГАИМК — ИИМК СССР — ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы МНК / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 24–29.

Военная история и военное дело Боспора Киммерийского VI в. до н. э. — III в. н. э. СПб.: Нестор-История. 350 с., ил., карт. (Труды ИИМК; Т. 25) (в соавторстве с В. А. Горончаровским).

Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // БИ. Вып. XXII (Степи Евразии и история Боспора Киммерийского) / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня. С. 127–134, ил. (в соавторстве с В. П. Никоновым).

Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1858–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 248–401, ил., карт.

Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // Там же. С. 487–524, ил. (в соавторстве с А. Е. Мусиным).

Исследование поселения Артющенко I на Таманском полуострове // АО. 2006. С. 350–351, ил. (в соавторстве с Р. В. Стояновым, А. Е. Терещенко).

Миграции кочевников Европы и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. Т. 22. С. 5–90.

Монархические титулы в истории Древней Греции // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сб. ст. к 80-летию В. М. Массона / Сост. В. М. Массон. СПб.: Инфо-Ол. С. 117–128.

Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // БИ. Т. 22. С. 135–149 (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

Новое в изучении боспорских расписных склепов (двойной склеп 1873 г.) // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира... С. 152–155 (в соавторстве с С. В. Швембергером).

Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. № 4. С. 7–36, ил.

Памяти Александра Николаевича Щеглова (17.10.1933–28.06.2009) // ЗИИМК. № 4. С. 258–260, портр. (в соавторстве с К. К. Марченко).

Работы Российской археологической миссии на острове Сокотра (Йемен) // АО. 2006. С. 704–705 (в соавторстве с В. В. Наумкиным, А. Али Ахмедом).

Расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное И. Б. Брашинскому (1928–1982) // ЗИИМК. № 4. С. 212–213.

Укрепления акрополя Мирмекия // Eikon. Bd. 9. С. 95–114, ил., карт. Текст нем., рус.

Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н. э. // БЧ X. С. 76–82.

The Cimmerian Bosphorus: The Main Stages of History // Le grec dumonde colonial antique. I. Le N. et N.-O. de la Mer Noir. Actes de la Table Ronde de Nancy. Nancy. P. 21–40.

2010

Большой саркофаг из Мирмекия // Дюбрюкс П. Собрание сочинений / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. Т. 1. СПб.: Коло. С. 458–462.

Городище Мирмекий // Там же. С. 445–453.

Золотой курган (Алтын-Оба) // Там же. С. 471–476.

Исследование поселения Артющенко I на Таманском полуострове // АО. 2007. С. 250–251 (в соавторстве с А. Е. Терещенко).

К истории изучения древних гробниц Боспора // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. С. 471–476.

Комплексное изучение Лабриса (Семибратнего городища) // АО. 2007. С. 25–251 (в соавторстве с В. А. Горончаровским).

Курганы Куль-Оба // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. С. 420–425.

Курган на Лысой горе под Таманью // GUADEAMUS IGITUR: Сб. ст. к 60-летию

А. В. Подосинова. М.: Ин-т всеобщей истории. С. 113–118.

Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. С. 526–532.

Некоторые перспективы в изучении боспорских расписных склепов // Интернет и современное общество: Труды XIII Всероссийской объединенной конференции (СПб., 19–22 октября 2010 г.). М.: Полиграф. С. 13–15 (в соавторстве с С. В. Швембергером, П. П. Щербаковым, Е. В. Логдачёвой).

Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. // АМА. Вып. 14. С. 308–319.

О «циклопических» стенах Боспора // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. С. 522–523.

Об исследованиях И. Е. Забелина на городище Фанагория в 1872 г. // ДБ. Т. 14. С. 39–45.

Памяти Александра Николаевича Щеглова (1933–2009) // ВДИ. № 3. С. 236–237, портр. (в соавторстве с К. К. Марченко, С. Ю. Монаховым).

Cult complexes and objects discovered by the Bosporas expedition of the Institute for history of material culture, Russian of sciences (Saint-Petersburg) // Ancient sacral monuments in the Black Sea. Thessaloniki. P. 367–398, ill. (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. А. Горончаровским).

The Polis in the Northern Black Sea Area // Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art and Museology (BAR. Intern. Series. 2061). P. 129–132.

2011

Важное археологическое открытие на острове Сокотра (Йемен) // ВДИ. № 4. С. 99–105, ил.

Вспоминая о друге [Е. Я. Рогове] // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Иванов, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 687–691, портр.

Греко-скифские отношения в Нижнем Побужье в V в. до н. э. (О начале реколонизации сельской округи Ольвии Понтийской) // Thracia. Т. 19. С. 247–255 (в соавторстве с К. К. Марченко).

Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное выходу книги:

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. СПб, 2010. Т. 1–2 // ЗИИМК. № 6. С. 247–248 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. Я. Рогова // ЗИИМК. № 6. С. 249–250 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Исследование поселения Артющенко I на Таманском полуострове // АО. 2008. С. 276 (в соавторстве с Е. В. Лебедевой, А. Е. Терещенко).

Комплекс IV в. н. э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия: XIV чтения памяти А. Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 314–320, ил.

Компьютерные трехмерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского: склеп 1872 г. (Стасовский) // Боспорский феномен: Население, языки, контакты... С. 192–197, ил. (в соавторстве с Е. В. Логдачёвой, С. В. Швембергером).

Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. С. 185–191.

Некоторые перспективы использования трехмерных реконструкций при изучении боспорских расписных склепов // Интернет и современное общество: Материалы XIV Всерос. объедин. конф. (СПб., 12–14 декабря 2011 г.) / Науч. ред. А. В. Чугунов. СПб.: С.-Петербургский нац. исслед. ун-т информ. технологий, механики и оптики. С. 12–13 (в соавторстве с Е. В. Логдачёвой, С. В. Швембергером).

Раскопки на острове Сокотра (Йемен) // АО. 2008. С. 523–525, ил. (в соавторстве с В. В. Наумкиным, И. А. Ал-Шаибани, В. А. Жуковым).

2012

Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXIV. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 298–302.

Еще раз о становлении городов Боспора Киммерийского // XIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня. С. 86–91.

Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. Вып. 16. С. 39–50, ил.

Курганные древности Боспора Киммерийского // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Ред. А. П. Деревянко. М.: РОССПЭН. С. 143–151 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, В. А. Горончаровским, С. В. Кашаевым, Р. В. Стояновым, О. В. Шаровым, И. Ю. Шаубом).

Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в формах научно-исследовательского и образовательного процесса: Сб. ст. / Под ред. Л. И. Бородкина, М. В. Румянцева, Р. А. Барышева. Красноярск: Северный ФУ. С. 31–48 (в соавторстве с В. А. Горончаровским, В. Б. Мартировым, С. В. Швембергером).

Отдел истории античной культуры (2006–2010 гг.) // ЗИИМК. № 7. С. 194–199 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // Новый Гермес. № 5. С. 100–115, ил.

Расширенное заседание Отдела истории античной культуры, посвящ. 60-летию И. Ю. Шауба // ЗИИМК. № 7. С. 220–221 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Расширенное заседание Ученого Совета и Отдела Истории античной культуры ИИМК РАН, посвящ. памяти И. Б. Брашинского и И. Г. Шургая // Там же. С. 222–224 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Трехмерные компьютерные реконструкции склепов Боспора // Вестник СПбГУ. Сер. 15. Вып. 1. С. 31–48 (в соавторстве с Н. В. Борисовым, С. В. Швембергером, Е. В. Логдачёвой).

Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Мастер книг. 288 с., ил., карт. (БИ. Supplementum. 9) (в соавторстве В. Н. Зинько, Т. Н. Смекаловой).

Excavations at Wadi Hajrya on Soqotra island (Yemen) // Anabasis. № 3. P. 303–316, ill.

La colonisation greque du Bosphore Cimmérien // Etude. Lousanne. P. 57–85, ill.

2013

Вспоминая Юрия Викторовича Андреева // Фидития: Памяти Ю. В. Андреева / Ред. Ю. А. Виногорадов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский.

СПб.: Дмитрий Буланин. С. 7–11, портр. (в соавторстве с К. К. Марченко).

Кимвал из раскопок поселения Артющенко-2 на Таманском полуострове // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Б. и. С. 146–148, ил.

О склепах македонского типа на Боспоре // XIV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: Материалы МНК / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня. С. 86–91.

Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью // Фидития: Памяти Ю. В. Андреева... С. 39–51.

Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 160–190, портр.

Отто Оскарович Крюгер — временно исполняющий обязанности председателя ГАИМК с сентября 1936 по август 1937 г. // Академическая археология на берегах Невы... С. 23, портр.

Результаты изучения железного века на острове Сокотра (2006, 2008–2012 гг.) // АВ. Вып. 19. С. 115–134, ил. (в соавторстве с В. А. Жуковым, А. В. Сарабьевым).

Сергей Александрович Жебелёв — временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР с 8 ноября по 28 декабря 1941 г. // Там же. С. 27, портр.

Слово о Борисе Ильиче Бабиче // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 804–808, портр.

Слово о двух советских археологах (И. Б. Брашинский и И. Г. Шургая) // Культурный слой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Вып. 2. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ им. Н. И. Лобачевского. С. 201–214.

Стасовский склеп в Керчи (древний Пантикапей): опыт компьютерной 3D реконструкции // Науки о культуре и перспективе “digital humanities”: Материалы МК (СПб.,

3–5 октября 2013 г.). СПб.: Астерион. С. 429–437 (в соавторстве с Е. В. Логдачёвой, С. В. Швембергером).

Уступчивые склепы III в. до н. э. на Боспоре // Боспорский феномен: Греки, варвары на евразийском перекрестке... С. 222–227.

Юз-Оба — некрополь боспорской аристократии: культура и хронология // Принципы датирования эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы рос.-герм. коллоквиума (2–3 декабря 2013 г., СПб.) / СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ. С. 122–125.

Юз-Оба: Некрополь аристократии Боспорского государства // Есенни четения Сборяново. 2011/2012. Т. 890. С. 76–77.

Die Kaiserliche Archäologische Kommission und die Erforschung der klassischen Altertümer im nördlichen Schwarzmeergebiet (1859–1917) // Hyperboreus. Vol. 19. P. 239–272.

2014

«Дом жреца» храмового комплекса Райбун V в Западном Хадрамауте (Йемен) // Исследования по Аравии и исламу: Сб. ст. в честь 70-летия М. Б. Пиотровского / Отв. ред. А. В. Седов. М.: Гос. музей востока. С. 80–91 (в соавторстве с М. А. Ба-Махрама).

Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // ЗИИМК. № 9. С. 187–196.

Еще раз о кургане Баксы в Восточном Крыму у села Баксы // БИ. Вып. XXX / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня. С. 529–534.

Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: По материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.). СПб.: Нестор-История. С. 93–98.

К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981) // АВ. Вып. 20. С. 430–436.

Керамические находки из храма Сийана в Западном Хадрамауте (Райбун VI) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: Арт-Экспресс. С. 296–303, ил. (Труды ИИМК РАН. Т. XLII).

Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. Вып. XXX. С. 510–534, ил.

О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. Вып. XXX. С. 171–189, ил.

О хронологии некрополя боспорской аристократии Юз-Оба // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 82–87.

Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф. И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 24–32.

Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. Вып. XXX. С. 535–552, ил.

Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ. Вып. 20. С. 143–164.

Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н. э. // БИ. Вып. XXX. С. 497–509, ил.

Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь: БФ Деметра. 184 с., ил. (БИ. Suppl. 13) (в соавторстве с А. М. Бутягиным).

2015

Античные поселения Артющенко 1 и 2 на Таманском полуострове: К оценке масштабов природного разрушения // VI БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 55–59 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Владимиру Анатольевичу Горончаровскому 60 лет // ЮИ. Вып. 31. С. 32–34, портр.

Два великих пролива Индийского океана в древности: Баб-эль-Мандеб и Ормуз // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Ред. В. П. Никоноров, В. А. Алёкшин. СПб.: ООО «Контраст» (Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. III (XXVIII)). С. 65–145, карт. (Труды ИИМК РАН. Т. XLV).

Итоги изучения Мирмекия // *Krum i północne wybrzeże Morza Czarnego w badaniach archeologicznych 1956–2013*. Warszawa. S. 38 (в соавторстве с А. М. Бутягиным).

Константину Константиновичу Марченко 85 лет // *БИ. Вып. XXXI / Отв. ред. В. Н. Зинько*. Керчь: Керченская городская типография. С. 17–19, портр.

Марину Юрьевну с юбилеем // *Там же*. С. 5–7, портр.

Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л. А. Перовский о приобретении древностей у населения // *Там же*. С. 396–404.

Новые раскопки античного поселения Артющенко-2 на Таманском полуострове (участок VI) // *Новый Гермес. Вып. 7*. С. 141–151, ил.

О гробнице на Карантинном мысу под Керчью (городище Мирмекий) // *ЗИИМК. № 11*. С. 97–198.

Погребения элиты Боспора Киммерйского: к выделению центров концентрации и периферии // *Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза*. М.: Ин-т всеобщей истории. С. 46–51.

Работы на Сокотре (Йемен) в 2012 г. // *АО. 2010–2013*. С. 799–800 (в соавторстве с В. А. Седовым, В. А. Жуковым, А. В. Сарабьевым).

Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2010–2013 г. // *АО. 2010–2013*. С. 371–372 (в соавторстве с С. В. Кашаевым, М. С. Павловой, А. С. Цинько).

Раскопки поселения Артющенко I на Таманском полуострове в 2011–2012 гг. // *Там же*. С. 327–328 (в соавторстве с Е. М. Виноградовой, А. Е. Терещенко).

Расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвящ. 60-летию В. А. Горончаровского // *ЗИИМК. № 11*. С. 180–182 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Скифия и Боспор: два века развития научной идеи в отечественной историографии // *Скифия: образ и историко-культурное наследие: Материалы конференции 26–28 октября 2015 г.* / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 18–22.

Excavations at the settlement of Artyushchenko I (Bugazskoe) on the Taman peninsula // *Hyperboreus. № 1*. С. 157–160, ill.

2016

Античные поселения Артющенко-1 и Артющенко-2 на Таманском полуострове: к оценке масштабов природного разрушения // *БИ. Вып. XXXIII / Отв. ред. В. Н. Зинько*. Керчь: Керченская городская типография. С. 95–109, ил. (в соавторстве с В. А. Горончаровским).

Богатое эллинистическое погребение Таманского некрополя // *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы междунар. круглого стола (М., 7–8 июня 2017 г.)*. М.: ГИМ. С. 19–22, ил.

В. Ф. Гайдукевич и изучение культуры боспорской знати // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола (СПб., 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский*. СПб.: Палаццо. С. 414–420, портр.

Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун (1875 г.) // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: VII Международная конференция (СПб., 11–15 октября 2016 г.) ТД / Ред. С. В. Мальцева*. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 33–34.

Изучение молотильного тока на поселении Артющенко-1 в 2015 г. // *Таврические студии. № 10*. С. 32–36, ил.

Курганы на мысе Ак-Бурун и особенности формирования боспорской элиты в V–IV вв. до н. э. // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура...* С. 106–112, ил. (в соавторстве с А. М. Бутягиным).

М. И. Максимова: Путь русского ученого // *ЗИИМК. № 14*. С. 7–23, ил.

Мария Иванова Максимова и семья Церетели // *Новый Гермес. № 8*. С. 261–293.

О деревянных конструкциях в насыпях боспорских курганов // *Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: Сб. ст. по материалам XIX и XX чтений памяти А. и Д. А. Мачинских (Старая Ладога, 20–21 декабря 2014 г.) / Отв. ред. В. Е. Мусбахова*. СПб.: Нестор-История. С. 44–48.

Российский археолог Кирилл Романович Бегичев // *XVII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько*. Керчь: Солорич. С. 87–91.

«Счастливая Аравия»: военно-полевые воспоминания // *Арабские маршруты в азиатском*

контексте / Отв. ред. П. И. Погорельский. СПб.: МАЭ РАН. С. 519–530.

Юз-Оба — некрополь боспорской знати. Культура и хронология // РАЕ. Вып. 5/6. С. 79–99, ил.

Рец.: Французов С. А. История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Т. 1. СПб., 2014 // АВ. Вып. 22. С. 203–205.

2017

Античное поселение Артющенко-1 на Таманском полуострове: Особенности культурного развития в первые века н. э. // Археология и этнография Кавказа и Крыма: ТД конференции (СПб., 6–8 апреля 2017 г.). СПб.: СПбГУ. С. 41–44.

В. Ф. Гайдукевич и изучение курганов боспорской аристократии // Там же. С. 68–73, ил.

Военная история Боспорского царства. М.: Ломоносовъ. 228 [3] с., ил., карт. (в соавторстве с В. А. Горончаровским).

Деревянные конструкции в насыпях боспорских курганов // Там же. С. 125–129, ил.

Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь: ИП Литвиненко Е. А.; Керчь: Б. и. 310 с., ил. (БИ. Suppl. 17).

Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX — начале XX в. и курганные древности Европейского Боспора / Отв. ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА. С. 23–44, ил.

Из истории создания «Античной декоративной живописи на юге России» М. И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб.: ИИМК РАН; Лема. С. 9–30 (Труды ИИМК РАН. Т. LI) (в соавторстве с М. В. Медведевой).

Из писем Г. Ф. Церетели и М. И. Максимова // Новый Гермес. № 9. С. 58–68.

Комментарий к истории одной неопубликованной рецензии // АВ. Вып. 23. С. 427–431.

Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. Вып. 34. С. 112–223, ил.

Курганный некрополь Пантикапея // Известные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История. С. 67–110, ил.

Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров) //

Ex Ungue Leonem: Сб. ст. к 90-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История. С. 322–333, ил.

Наталья Владимировна Молева как исследователь сакральной жизни Боспора // Артефакты и сакральное в истории Боспора / Ред. А. В. Махлаюк. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ. С. 165–170.

Номады и земледельцы: Проблемы мирного сосуществования // XVIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич. С. 60–67.

О российско-швейцарском проекте «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского» // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского... С. 7–8 (в соавторстве с М. В. Медведевой).

Об элите Боспора и не только // БИ. Вып. XXXIV / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 3–24.

Отдел истории античной культуры ИИМК РАН в 2011–2016 гг. // ЗИИМК. № 15. С. 156–159 (в соавторстве с В. А. Горончаровским).

Памяти Виктории Ивановны Денисовой (Пругло) // АВ. Вып. 23. С. 434–437, портр. (в соавторстве с И. Ю. Шаубом).

Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского... С. 40–52.

Шесть веков развития культуры боспорской аристократии // БИ. Вып. XXXIV. С. 325–331.

Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // Там же. С. 261–287, ил.

2018

Вспоминая Викторину Ивановну Денисову (Пругло) // Новый Гермес. № 10. С. 239–256, портр. (в соавторстве с И. Ю. Шаубом).

Два письма из личного архива В. И. Денисовой // АВ. Вып. 24. С. 411–420, ил.

Илурат священный // БИ. Вып. XXXVII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 103–110.

Исследования античного поселения Артющенко 1 // АО. 2016. С. 205–207, ил.

Памяти И. Б. Брашинского: К 90-летию со дня рождения // ЗИИМК. № 18. С. 175–181, портр.

Памяти Сергея Швембергера (15.12.1959–13.05.2018) // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД. Ч. 2. С. 370–375, портр. (в соавторстве с Е. В. Логдачёвой, Н. В. Логдачёвой, А. Е. Терещенко).

Политическая ситуация в Средиземноморье и особенности культуры элиты Боспора Киммерийского в доримскую эпоху // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXX. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 55–59.

Поселение Артющенко-1 (Бугазское) на Таманском полуострове: Итоги археологических исследований 1998–2017 гг. // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира... Ч. 1. С. 271–277.

Последнее письмо академика С. А. Жебелёва // АВ. Вып. 24. С. 401–404, портр.

Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // XIX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А. С. 83–88.

2019

В. А. Горончаровскому 65 лет! // ЗИИМК. № 20. С. 192–194, портр.

Гераклейский или «репрессированный сборник» // Античные реликвии Херсонеса. Севастополь. С. 45–48 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

Кана и Сумхурам — два древних порта Южной Аравии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в европейском культурном пространстве. СПб. С. 194–196.

Основные итоги в изучении священного участка поселения Артющенко-1 (Таманский полуостров) // XX БЧ. Боспор Киммерийский и

варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И. С. 110–115.

О терракотовых статуэтках воинов из Ольвии // Земля наша велика и обильна...: 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская типография. С. 61–65, ил.

Священный участок античного поселения Артющенко-1 // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 254–270, ил.

Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // БИ. Вып. XXXVIII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 3–16.

Этюд к истории Херсонесского музея в 1937 г. // АВ. Вып. 25. С. 301–312.

2020

Из писем к Н. М. Печёнкину // Гераклейский сборник. Вып. 4. С. 25–33.

Из писем Н. М. Печёнкина к Д. П. Струкову // Там же. С. 34–38.

История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова // Там же. С. 39–54, ил. (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

К изданию археологических трудов Н. М. Печёнкина // Там же. С. 7–9.

Несколько писем из стола В. Ф. Гайдукевича (Всю ли правду нам надо знать?) // АВ. Вып. 27. С. 384–391.

Николай Михайлович Печёнкин: Верный солдат российской археологии // Там же. С. 10–24, ил.

Остеологические материалы поселения Фонтан-6 в Восточном Крыму // АВ. Вып. 27. С. 113–124 (в соавторстве с А. К. Каспаровым).

Bosporan Tumulus with Import of Rhodian Coins // Acta Archaeologica Lodziensia. No. 65. P. 149–155.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые исследования в ближнем предместье Феодосии

М. М. Ахмадеева¹

Аннотация. В статье приводятся первые результаты работ экспедиции Государственного Эрмитажа в ближайшем предместье античной Феодосии. В ходе исследования сооружения, обнаруженного в 80-е гг. XX в., открыта часть крупной постройки IV в. до н. э.

Annotation. The article provides first results of works of expedition of the State Hermitage carried out in the neighbouring outskirts of Theodosia. During further examination of a building found in the 1980s a part of a big building of the 4th century BC was unearthed.

Ключевые слова: античность, Феодосия, ближняя округа, IV в. до н. э.

Keywords: the ancient world, Theodosia, neighbouring outskirts, 4th century BC.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-33-42

Античную Феодосию можно назвать своего рода «белым пятном» на археологической карте Боспорского царства, поскольку этот крупный в древности полис и по сей день остается практически неизученным. Из истории изучения древностей Юга России мы знаем, что археологические исследования Феодосии были начаты в середине XIX в. с раскопок курганного могильника. Здесь можно упомянуть работы Е. Ф. де Вильнева и А. А. Сибирского, И. К. Айвазовского, А. Е. Люценко (Петрова, 2000. С. 17–21; Катюшин, 2007. С. 5; Тункина, 2011. С. 189–222). В течение следующего столетия Феодосия и ее ближайшая округа становились объектом внимания исследователей лишь эпизодически. В 1930-х гг. здесь проводились изыскания экспедиции ГАИМК по изучению водоснабжения древнего Крыма (Отчет, 1934; Данилевский, 1936; Ахмадеева, 2018; Панкратова, 2018. С. 80; Ахмадеева, 2019). Дважды — в 1950-х и в 1970-х гг. — на территории Карантинного холма, то есть городища

Феодосии, кратковременно работала экспедиция Феодосийского музея при участии ИИМК АН СССР (Зеест, 1953) и экспедиция ИА АН СССР (Петерс, Голенцов, 1981). Ближайшая округа исследовалась экспедицией Феодосийского краеведческого музея под руководством Е. А. Катюшина в течение нескольких полевых сезонов в 1970–1980 гг., а также в 1994 г. (Катюшин, 1977, 1978, 1979, 1982, 1994; Бейсанс и др., 1997; Ахмадеева, 2019). Хора Феодосии стала известна чуть лучше благодаря систематическим исследованиям А. В. Гаврилова (Гаврилов, 2004), однако сколько-нибудь целостного представления об этом важнейшем для истории античного Боспора центре в современной археологической науке до сих пор нет.

С целью восполнить этот пробел в 2017 г. была организована Феодосийская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Одним из основных направлений ее работы стало изучение территории на северном склоне хребта Тепе-Оба, предварительно отнесенной к городскому некрополю. Исследуемый район представляет собой участок, примыкающий с запада

---

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: akhmadeeva@hermitage.ru.

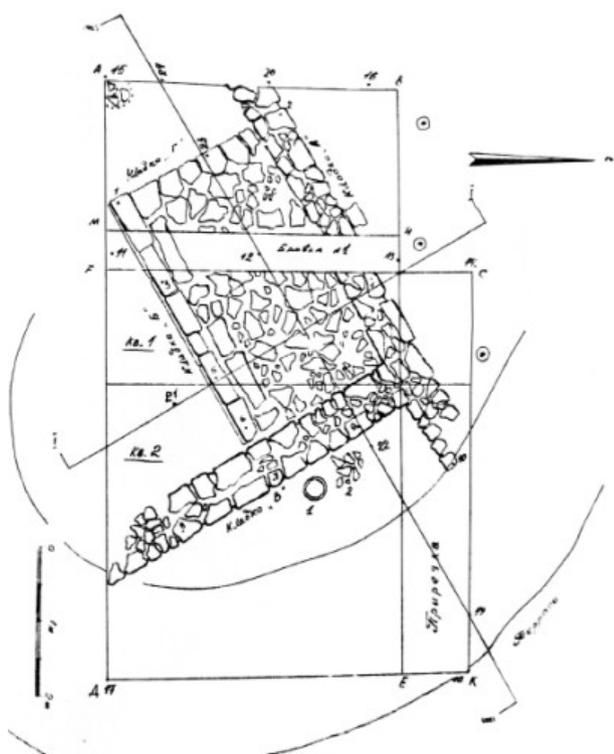

Рис. 1. Феодосия, южное предместье. Раскоп А. Раскопки Е. А. Катюшина, 1982 г. План (Катюшин, 1982)

Fig. 1. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A. Excavations of E. A. Katiushin, 1982. Plan (Катюшин, 1982)

к глубокой, до 35 м, так называемой Генуэзской балке. Это относительно ровное плато с уклоном в северо-восточном направлении, рельеф которого был несколько нарушен террасами и неглубокими параллельными бороздами в результате лесоустроительных работ. На поверхности западного очень пологого склона балки был зафиксирован многочисленный подъемный материал, что в свое время побудило Е. А. Катюшина начать здесь небольшие разведочные исследования. Раскоп А общей площадью 36 м² был заложен им на небольшом высоком мысу, на самом краю балки в 1982 г. (Катюшин, 1982). В результате удалось открыть угол небольшого прямоугольного сооружения, где между кладками А и В была встроена платформа, забутованная мелким камнем (рис. 1).

Кладка А, ориентированная по линии юго-запад—северо-восток, была исследована

в длину на 5,6 м. Она продолжалась за пределы раскопа как в северо-восточном, так и юго-западном направлении. Сохранившаяся высота кладки — 2–3 ряда. Встык к южному фасу кладки А была пристроена перпендикулярная ей кладка В, аналогичная по своему устройству и основным параметрам. Кладка В исследована в длину на 4,8 м и сохранилась до 4–5 рядов в высоту (около 1 м). К западному фасу кладки В встык пристроена кладка Б общей длиной 3,5 м и шириной 0,6 м. В отличие от всех остальных открытых раскопками конструкций, она сложена из двух рядов прекрасно обработанных известняковых блоков. Нижний ряд состоит из трех массивных квадратов высотой около 0,2 м, верхний ряд сложен из шести блоков высотой до 0,14 м. При этом нижний ряд выступает вперед относительно верхнего на 0,06 м (рис. 2). Под прямым углом к ней примыкает кладка Г, сохранившаяся до двух рядов в высоту и сложенная, судя по всему, на одно лицо. Пространство между этими кладками забутовано обломками известняка в виде каменной платформы, размеры которой достигают 4,2 × 2,7 м.

Е. А. Катюшин полагал, что всё сооружение было возведено в несколько этапов, на последнем из которых, очевидно, и была построена каменная платформа с «парадной» кладкой Б и замыкающей контур кладкой Г. Исследователь датировал эту конструкцию III в. до н. э., однако отмечал значительное присутствие более ранних материалов. Среди них присутствуют несколько фрагментов чернолаковых сосудов, относящихся к рубежу V–IV вв. до н. э. Пытаясь интерпретировать открытое сооружение, Е. А. Катюшин в первую очередь связал его с феодосийским некрополем, исходя из расположения памятника поблизости от известных погребальных комплексов. Назначение постройки установить не удалось, однако наличие «главной» парадной кладки позволило предположить симметричность всего сооружения и гипотетически видеть в нем часть ансамбля пропилеев городского некрополя (Катюшин, 1982. С. 15).

Очевидно, что сооружение в свое время было исследовано далеко не полностью —

Рис. 2. Феодосия, южное предместье. Раскоп А. Раскопки Е. А. Катюшина, 1982 г. Вид с юга (Катюшин, 1982)

Fig. 2. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A. Excavations E. A. Katiushin, 1982. View from the South (Катюшин, 1982)

неясны его назначение и планировка в целом. В связи с этим одной из первоочередных задач, стоящих перед Феодосийской экспедицией Гос. Эрмитажа, является исследование этого интересного объекта. На первом этапе, в течение трех сезонов в 2017–2019 гг. были проведены комплексные разведочные работы. Сопоставление результатов археологических разведок, шурфовок, геодезических работ и ряда геофизических изысканий с данными раскопа 1982 г. позволяет утверждать, что на данном участке определенно фиксируются следы довольно плотной застройки на большой площади, ориентированной по линии северо-запад—юго-восток, параллельно западному склону Генуэзской балки. Эту застройку предварительно можно датировать в пределах IV–III вв. до н. э.

В сезоне 2019 г. экспедиция, приступая к исследованию строительного комплекса

1982 г., начала работы по расчистке площади раскопа А, для чего в первую очередь были восстановлены границы раскопа. Это стало возможно, поскольку угол кладок А и В хорошо виден на поверхности. После первичной расчистки раскопа выяснилось, что, к сожалению, последние 40 лет не прошли для него бесследно. Квадровая кладка Б была полностью разобрана: на месте не сохранилось ни одного ее камня. Точно так же оказалась полностью разобрана и ограничивающая платформу с запада кладка Г, с той лишь разницей, что все хорошо обработанные блоки, составлявшие кладку Б, были унесены, вероятнее всего, для использования в хозяйственных целях, а большинство камней кладки Г находились здесь же. Вся западная часть раскопа А довольно сильно пострадала: юго-западный угол раскопа, между кладкой Г и западным бортом, был использован в качестве

большой мусорной ямы, диаметром около 1,2 м и глубиной до 0,7 м. Яма была заполнена обычным бытовым мусором 1980–1990-х гг., по большей части битым стеклом и полиэтиленом. Здесь же была захоронена довольно крупная собака. Восточная половина раскопа А также пострадала: была разобрана часть каменной платформы близ кладки В. Сама эта кладка, открытая в 1982 г. на высоту до пяти рядов, на момент расчистки в сезоне 2019 г. насчитывала в лучшем случае два ряда. Пространство, прилегающее к восточному фасу кладки В, также было использовано для свалки бытового мусора, хотя, к счастью, не так интенсивно, как в западной части раскопа. В целом нужно отметить, что, несмотря на усилия экспедиции Феодосийского музея по консервации открытых сооружений, а именно по закреплению кладок и камней платформы строительным раствором и присыпке бортов, раскоп А за прошедшие несколько десятилетий пришел в достаточно плачевное состояние.

Помимо фиксации очевидных повреждений, в ходе расчистки раскопа А были получены новые данные относительно исследуемой постройки. Прежде всего, был открыт фундамент квадратной кладки Б, сложенный из небольших плоских камней. Кроме того, вопреки представлениям о том, что кладки А и В возведены на материке, выяснилось, что их подошвы пока еще не открыты. В связи с этим были продолжены исследования к востоку от кладки В. Этот участок расположен между восточным фасом кладки В и краем мыса, довольно резко переходящим в склон балки. При разборке слоя плотного светло-желтого суглинка на данном участке был обнаружен ряд находок, позволяющих предварительно оценить время функционирования кладки В. Это прежде всего фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом [ἔ]λί Δημο / [κρά]τεος Σι(---) (рис. 3, 1). Оно принадлежит магистрату Демократу, относимому к поздней магистратской группе V, хронологические рамки которой определяют в пределах 325–306 гг. до н. э. (группа VA, *Kau*, 2007. С. 243. Прил. V-б. С. 430) либо

серединой 320-х гг. до н. э. (группа VB, *Федосеев*, 2016. С. 61). В фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранятся несколько аналогичных клейм, происходящих из раскопок Пантикапея и поселения Генеральское-Западное (*Федосеев*, 2016. С. 61–62, № 315–320). Практически идентичный оттиск был найден при раскопках поселения Новопокровка I, относящегося к хоре Феодосии (*Гаврилов*, 2011. С. 105, № 272). Морфологические характеристики массивного, четко профилированного венчика позволяют отнести его к биконическому типу III гераклейской тары (*Монахов*, 2003. С. 140–142, табл. 98).

В отношении датировки представляет интерес и находка фрагмента миниатюрной чернолаковой аттической миски на широком поддоне (рис. 3, 2). На внутренней поверхности донца аккуратно нанесен штампованный орнамент в виде пальметок, на внешней стороне его процарапано числовое граффито. Подобные сосуды представляют собой массовую продукцию аттических мастерских, широко распространенную в позднеклассическое-раннеэллинистическое время. Издатели материалов Афинской Агоры относят ближайшие нашему сосуду аналогии к периоду от третьей четверти IV в. до н. э. (*Sparks, Talcott*, 1970. № 887. P. 299, fig. 9) до первой четверти III в. до н. э. (*Rotroff*, 1997. № 1057, 1059. P. 345, pl. 78, fig. 65). Последней четвертью IV в. до н. э. датируется и похожий сосуд, обнаруженный в 1979 г. при раскопках Центрального раскопа Пантикапея (*Егорова*, 2017. Кат. № 143. С. 83, рис. 15, табл. 30). Ряд характерных признаков, таких как основные пропорции, характер лакового покрытия, желобок на широком поддоне, оставленные в цвете глины поверхность поддона и полоса на месте стыка поддона и тулова, заставляют отнести феодосийский сосуд к ранней группе данного типа аттического импорта и определить его дату рубежом третьей и последней четвертей IV в. до н. э.

Мощность исследованного в сезоне 2019 г. слоя на данном участке составила до 0,5 м, при этом уровень подошвы кладки В всё еще не достигнут. С учетом данных 1982 г. ее выявленная высота составила почти

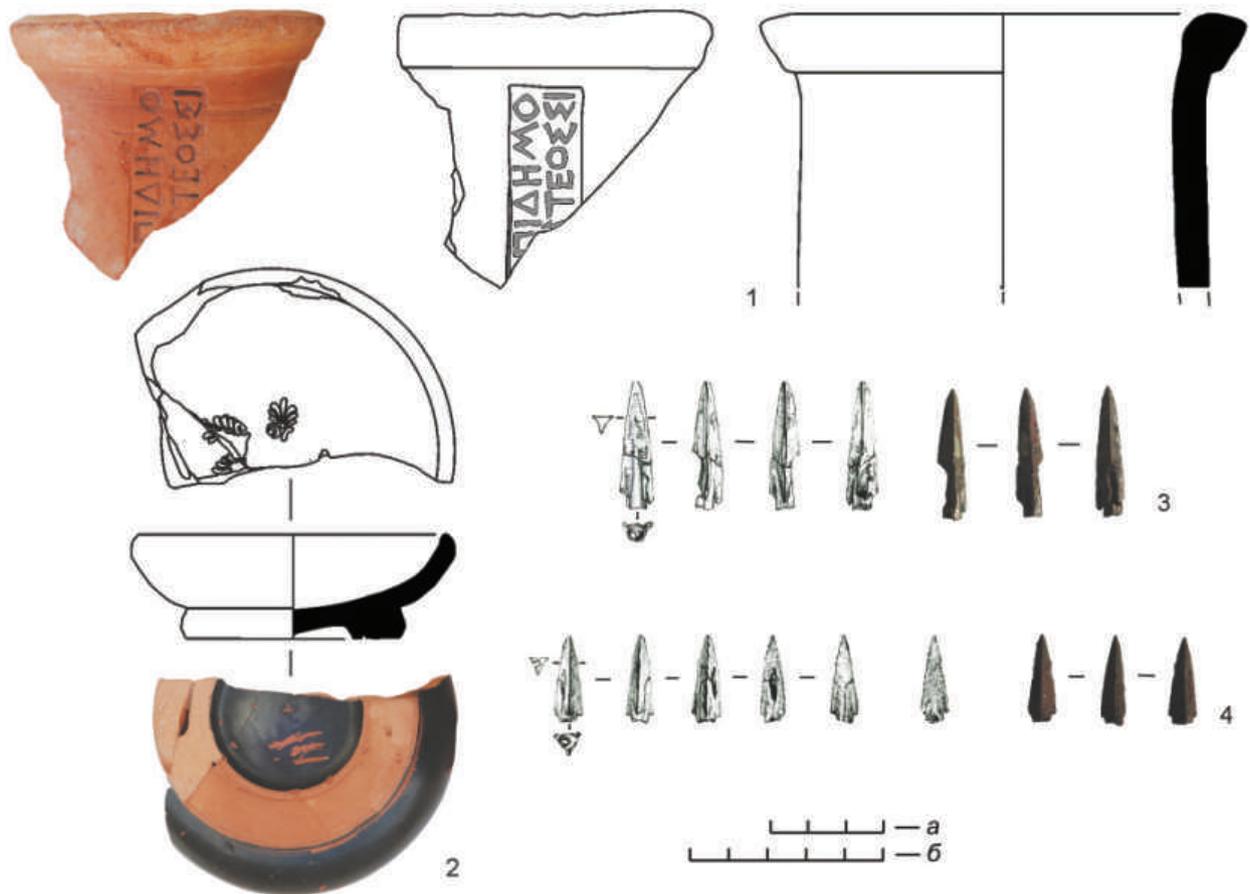

Рис. 3. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Находки: 1 — фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом; 2 — фрагмент миниатюрной чернолаковой миски; 3, 4 — бронзовые наконечники стрел. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3, 4

Fig. 3. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. Finds: 1 — fragment of a Herakleian amphora neck with a stamp; 2 — fragment of a tiny black-glazed bowl; 3, 4 — bronze arrowheads. Scale: a — for 1, 2; б — for 3, 4

1,2 м. Длина кладки В превышает 5 м, ширина составляет 0,7 м. При этом она продолжается за пределы раскопа в южном направлении. Кладка двухлицевая, трехслойная, сложена из колотых камней плотного известняка.

В южной части раскопа А был вскрыт небольшой участок культурного слоя, подстилающего основание кладок Б, Г и всей каменной «платформы». При его разборке обнаружены фрагменты амфор, по большей части гераклейских и синопских, которые в целом относятся к IV в. до н. э. Гераклейскому же производству принадлежит и редкая находка стенки пифоса со следами ремонта, для чего была использована массивная свинцовая скоба. Среди других находок стоит отдельно

упоминать обломок крупного пифоса с рифленой лощеной поверхностью². Сосуд изготовлен из сырья, совершенно нехарактерного ни для боспорского, ни для южнопонтийского керамического производства: это светло-коричневое глиняное тесто, с сероватым закалом и очень большим количеством светлых минеральных включений, среди которых довольно крупные обломки мергеля.

Особо следует отметить находку двух бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в 1 м к югу от фундамента кладки Б (рис. 3, 3, 4). Один из них трехгранный, длиной 2,2 см, второй — трехлопастной, чуть

² Фрагмент этого же сосуда был найден в 1982 г.

крупнее — 3,2 см. По классификации А. И. Мелюковой подобные наконечники относят к четвертой хронологической группе и обычно датируют IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964. Табл. 9, Н, № 1, 2, 4).

Как уже отмечалось, восточная часть каменной «платформы» была сильно повреждена, поэтому ее забутовка здесь частично разобрана и зачищен полученный разрез. Выяснилось, что «платформа» сформирована из камней плотного известняка, уложенных без какого-либо порядка. Основание ее находится на одном уровне с подошвами кладок Б и Г. Общая мощность забутовки составляет 0,4 м.

Расчистка наиболее пострадавшей, западной, части раскопа А показала, что, как и в случае с кладкой В, подошва кладки А не достигнута, при этом высота ее южного фаса, открытая в 2019 г., достигает 1 м. Длина кладки А в пределах раскопа насчитывает 9 м, причем она, очевидно, продолжается как в западном, так и в восточном направлении. Об этом свидетельствуют несколько камней, открытых в ходе расчистки. Ширина кладки составляет 0,65–0,70 м. По своему устройству она аналогична кладке В: двухлицевая, трехслойная с забутовкой, иррегулярная, сложена из колотых камней плотного известняка.

С целью исследования западной части постройки была заложена небольшая прирезка, ориентированная не по сторонам света, а параллельно трассе кладки А. В ходе раскопок на этом участке открыта кладка № 3, примыкающая к кладке А с запада, а также перпендикулярная ей кладка № 2. Эти конструкции были перекрыты мощным слоем каменного завала, верхние камни которого были открыты сразу же под тонким дерновым слоем. Завал состоит из колотых обломков плотного известняка средними размерами 0,10 × 0,15 × 0,20 м, среди которых нередко встречаются крупные камни размерами 0,3 × 0,3 × 0,4 м с одной-двумя ровными гранями. Мощность завала в целом соответствует рельефу участка и уменьшается в северном направлении с 0,4 до 0,2 м. Максимальная плотность его фиксируется в западной части раскопа, где он

состоит в основном из крупных камней, в отличие от остальной площади. При разборке каменного завала среди немногочисленных обломков керамики был обнаружен фрагмент чернолаковой миниатюрной миски с неясным граффито на внутренней стороне (рис. 4, 1) и около десятка фрагментов красноглиняного столового кувшина (рис. 4, 2). Непосредственно под камнями завала были найдены фрагмент сероглиняного закрытого светильника (рис. 4, 3), стенка краснофигурного сосуда, оббитая и заглаженная ножка хиосской колпачковой амфоры, небольшой бронзовый гвоздик и фрагмент бронзового перстня с плавно переходящей в уплощенный щиток шинкой (рис. 4, 4). Все эти находки можно в целом отнести к IV в. до н. э. Однако для датировки каменного завала особое значение имеет находка боспорского медного халка типа «голова безбородого сатира вправо — лук, горит, ПАН-ПІ» (рис. 4, 5). Чекан этих монет относят ко времени правления Перисада I и датируют в пределах 320–310 гг. до н. э. (Анохин, 2011. № 1025. С. 151). Таким образом, можно утверждать, что стены постройки были разрушены не ранее чем в последней четверти IV в. до н. э., скорее, ближе к концу столетия.

После разборки каменного завала была открыта кладка № 3, примыкающая к кладке А с запада (рис. 5). Несмотря на полностью совпадающую трассу, стало очевидно, что западная часть стены по своим характеристикам существенно отличается от кладки А. В отличие от последней, кладка № 3 сложена из крупных, очень хорошо обработанных камней плотного светлого известняка, средние размеры которых составляют 0,4–0,6 × 0,4 м. Ширина ее достигает 0,9 м, длина — 6,5 м. Кладка двухлицевая, трехслойная, с забутовкой более мелкими камнями, между которыми фиксируется чистый глинистый раствор почти белого цвета. Конструкция кладки сложная: в западной части южный ее фас укреплен двумя орфостатами, кроме того, часть камней северного фаса выдвинута вперед на 0,2 м, а камень, образующий западный торец кладки, — на 0,4 м. Более

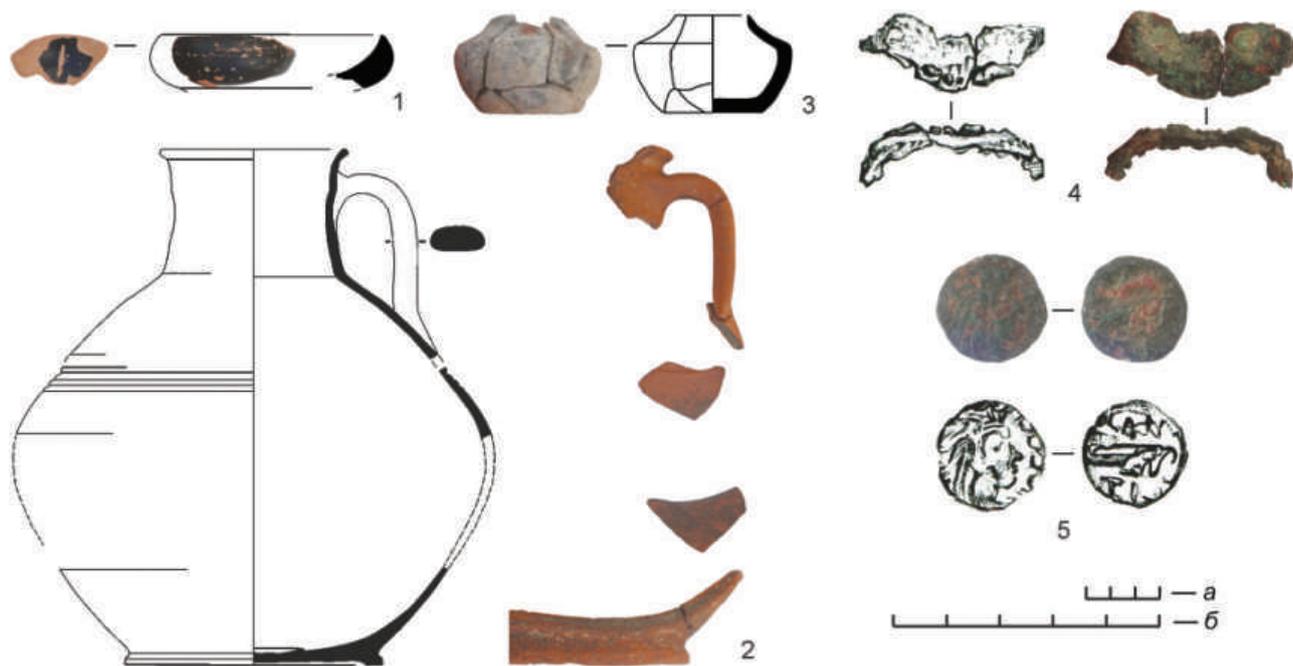

Рис. 4. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Находки: 1 — фрагмент миниатюрной чернолаковой миски; 2 — фрагменты красноглиняного кувшина; 3 — фрагмент серо-глиняного светильника; 4 — фрагмент бронзового перстня; 5 — медный халк, Перисад I. Масштаб: а — для 1-3; б — для 4, 5

Fig. 4. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. Finds: 1 — fragment of a tiny black-glazed bowl; 2 — fragments of a red ware jar; 3 — fragment of a grey ware lamp; 4 — fragment of a bronze ring; 5 — copper hulk, Paerisades I. Scale: a — for 1-3; b — for 4, 5

Рис. 5. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Общий вид

Fig. 5. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. General view

того, к северному фасу кладки № 3 примыкают два очень крупных грубо отесанных блока размерами $1,0 \times 1,1 \times 0,9$ м и третий, чуть меньше, — $0,7 \times 0,7 \times 0,6$ м. Верхние их части были видны на поверхности участка еще до начала раскопок. Эти массивные блоки стоят на плоских камнях кладки № 3, а не наоборот, кладка пристроена к ним с юга. Относительно трассы стены они выдвинуты вперед на 0,7 м. Грани блоков, пространство между которыми забутовано мелкими камнями, образуют почти ровную линию, чего не могло быть при случайном сдвиге. Исходя из этого можно предположить, что первоначально они входили в структуру и, возможно, служили чем-то вроде контрфорса.

Вторая из открытых на участке прирезки конструкций — кладка № 2, ограничивающая всё сооружение с запада. Она регулярная, однослойная, двухлицевая, сложена из тщательно обработанных блоков размерами порядка $0,6-0,7 \times 0,8$ м. Ширина кладки составляет 0,8 м, а ее длина до южного борта раскопа достигает 2,8 м. Высота хорошо подогнанных друг к другу блоков составляет как минимум 0,5 м, хотя полностью открыт пока только один из них. Следует отметить, что вследствие смещения углового камня в месте соединения кладок № 2 и № 3 образовался разрыв, заполненный упавшими камнями.

На многих камнях кладок № 2 и № 3 видны следы подтёски в виде тонких полос, при этом везде они расположены параллельно и под одним и тем же углом. В данном случае можно говорить о том, что окончательная обработка камней велась уже на месте, после их установки. Эта деталь еще раз подтверждает предположение о синхронности возведения кладок № 2 и № 3.

Существенная разница основных характеристик кладок А и № 3 — в технике постройки и размерах, а также характере их соединения, при котором мелкие камни кладки А расположены поверх плоско уложенных крупных камней кладки № 3, — красноречиво свидетельствует в пользу того, что относительно узкая и небрежно сложенная кладка А была пристроена к массивной капитальной кладке № 3 с востока.

Учитывая близость основных параметров кладок № 2 и № 3 при очевидном их отличии от конструкций восточной части раскопа, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующую последовательность возведения исследуемой нами части постройки: наиболее ранними являются кладки № 2 и № 3, к последней с востока была пристроена кладка А и примыкающая к ней с юга кладка В, после чего в углу между ними была возведена каменная «платформа» и ограничивающие ее кладки Б и Г. Время этих перестроек пока установить сложно, однако на сегодняшний момент можно утверждать, что все находки, происходящие из раскопок строительного комплекса, укладываются в диапазон конца V в. до н. э. — конца IV в. до н. э.

Давая общую характеристику находок, обнаруженных при исследовании сооружения, можно отметить следующие особенности. При относительной немногочисленности керамического комплекса необычно большое число фрагментов принадлежит пифосам: всего на участке было найдено более 170 таких обломков. На основании визуальных характеристик керамического теста и способов обработки поверхности из их общего числа удалось выделить как минимум три сосуда, которым принадлежало около сотни обломков. Стоит отметить, что два пифоса с большой долей вероятности могут быть отнесены к гераклеяскому производству, а глиняное тесто третьего визуально практически не отличается от глины синопских амфор. К продукции Синопы принадлежат и все обломки строительной черепицы, за исключением единственного фрагмента боспорского калиптера. В составе комплекса керамической тары около половины определимых фрагментов амфор принадлежит сосудам хиосского производства, оставшуюся половину примерно в равных частях составляют фрагменты синопских и гераклеяских амфор. Еще одна особенность — высокое качество лепной керамики. Количество ее фрагментов очень невелико, однако практически все они принадлежат сосудам, изготовленным из хорошо подготовленной керамической

массы, скорее всего с применением поворотного столика либо доработкой на гончарном круге, с ровными стенками и тщательно обработанной лощеной поверхностью.

Таким образом, в ходе раскопок была открыта северная часть крупного сооружения позднеклассического времени, размеры которой составили 16,5 × 5,5 м. Определить

назначение этой постройки на данном этапе не представляется возможным. Очевидно лишь то, что она входила в структуру застройки предместья античной Феодосии позднеклассического времени, комплексное исследование которого станет первостепенной задачей экспедиции Гос. Эрмитажа в ближайшие годы.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев: ИД «Стилос», 2011. 328 с.

Ахмадеева, 2018 — Ахмадеева М. М. Погребальные традиции Феодосии классического времени и технические инновации инженера Ф. И. Зибольда // XIX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 24–31.

Ахмадеева, 2019 — Ахмадеева М. М. Полтора века исследований некрополя античной Феодосии // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 60–69.

Бейсанс и др., 1997 — Бейсанс Д., Жиода А., Мо-рель Ж.-П., Катюшин Е. А., Евсеев А. А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму: Сб. науч. тр. / Ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 54–57.

Гаврилов, 2004 — Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 68 с.

Гаврилов, 2011 — Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс, 2011. 348 с. (Археологический альманах. № 24).

Данилевский, 1936 — Данилевский В. В. О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1935 году. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1-1935. Д. 10, 84; ФО. О. 1158.

Егорова, 2017 — Егорова Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государствен-

ного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: Научный каталог. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017. 203 с.

Зеест, 1953 — Зеест И. Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 143–148.

Катюшин, 1977 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1977 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 26671. НА-369.

Катюшин, 1978 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1978 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 28051. НА-426.

Катюшин, 1979 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1979 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 53957. НА-514.

Катюшин, 1982 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда Феодосийского краеведческого музея в 1982 году // Научный архив Феодосийского музея древностей.

Катюшин, 1994 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии в 1994 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. № 641/674.

Катюшин, 2007 — Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк. Феодосия: Арт Лайф, 2007. 176 с.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).

Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 112 с. (САИ. Д1-4).

- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров — экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Саратовского ГУ, 2003. 352 с.
- Отчет*, 1934 — О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1934 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1-1934. Д. 205-209, 210а; Р-1, Арх. 1000, инв. 7959-7966, л. 1-8; ФО: О.1082, О.1083
- Панкратова*, 2018 — *Панкратова Е. Г.* История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.; Симферополь: Соло-Рич, 2018. 159 с.
- Петерс*, *Голенцов*, 1981 — *Петерс Б. Г., Голенцов А. С.* Археологические раскопки в Феодосии в 1975–1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 68–72.
- Петрова*, 2000 — *Петрова Э. Б.* Античная Феодосия. История и культура. Симферополь: Сонат, 2000. 264 с.
- Тункина*, 2011 — *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
- Федосеев*, 2016 — *Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма: из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2016. 319 с.
- Rotroff*, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1997. 612 p., 106 figs, 147 pls. (The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX).
- Sparkes et al.*, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1: Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472 (The Athenian Agora. Vol. 12).

New investigations in the neighbouring outskirts of Theodosia

M. M. Akhmadeeva

The article provides the main outcome of the works of the Theodosian Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 2019. The main task in the research agenda of the expedition is to conduct further examination of the building partly revealed in 1982 during excavations of E. A. Katiushin in the neighbouring outskirts of Theodosia (Fig. 1, 2). The northern part of the big building was discovered during the archaeological excavations in 2019. Its overall dimensions are 16.5 × 5.5 m (Fig. 5). The building functioned during the Late Classical period. The finds that are dated to the period between late 5th–4th century BC prove that. The most notable of these objects are a fragment of a Herakleian amphora neck with the stamp [Ε]πί Δημο / [κρά]τεος Σι(---) (Fig. 3, 1) and a fragment of a tiny Attic black lacquered bowl on a wide tray with stamped palmette ornament and numeral graffito on the external side (Fig. 3, 2). The building had obviously undergone several reconstructions that can hardly be dated at the present time. The destruction of the building happened at the end of the 4th century BC. Its date was identified primarily by the finds of a Bosporan copper hulk of the type “the head of beardless satyr to the right — arrow, gorytos, ΠΑΝ-ΤΙ” of Paerisades I mint (Fig. 4, 5) found below the stone debris that covered the foundations of the walls.

Курганная группа на кряже Чатр-Тав (по материалам разведок 2015 и 2018 гг.)¹

В. А. Хршановский²

Аннотация. В статье публикуются материалы разведок 2015 и 2018 гг. на кряже Чатр-Тав в 2 км к западу от городища Китей. Проведенной топографической съемкой были выявлены и обозначены на плане шесть курганных насыпей. Во всех насыпях имелись многочисленные грабительские ямы. Археологическое исследование кургана № 5, расположенного на самой высокой восточной оконечности кряжа, позволило открыть под грабительским отвалом монументальную гробницу, сложенную из блоков и плит известняка. Немногочисленные находки позволяют датировать её 2–3 четвертью V в. до н. э. Судя по некоторым признакам, гробница могла быть вторично использована в римское время.

Annotation. The article publishes material of the explorations conducted in 2015 and 2018 at the Chatr-Tav mountain-ridge 2 km west to a site of ancient town Kytaion (south-east of the Kerch peninsula). Topographical survey carried out at the chain of hills revealed six burial mounds, which were put on the plan. There were many burglarious holes in all the mounds. As a result of an archaeological reinvestigation of a hillock no. 5 at the highest point of the easternmost tip of the chain of hills a giant tomb composed of blocks and slabs of limestone was found under a burglarious heap. Few finds allow dating the tomb to the second-third quarters of the 5th century BC. There are a few signs of a secondary use of the tomb in Roman times.

Ключевые слова: Китей, Чатр-Тав, курганы, гробница, 2–3 четверть V в. до н. э.

Keywords: Kytaion, Chatr-Tav, burial mounds, tomb, the second-third quarter of the 5th century BC.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-43-49

Среди многочисленных тем и сюжетов из истории и археологии Боспорского царства, к которым обращается Юрий Алексеевич Виноградов, важное место занимают курганы и, прежде всего, курганы варварской знати,

расположенные вблизи боспорских городов (Виноградов, 2005. С. 245–258, 268–274; 2010. С. 526–532; 2012; Виноградов, Бутягин, 2014). «Топографическое положение курганов около боспорских городов не случайно, — пишет он. — Появление их в V в. до н. э. представляет собой результат как общего развития греко-варварских взаимоотношений на Боспоре, так и конкретных взаимоотношений данного античного центра (полиса) с тем или иным туземным „народом“» (Виноградов, 2005. С. 247–248). Известны курганные группы, возникшие возле боспорских полисов — Пантикапея и Нимфея —

¹ Исследование выполнено при поддержке Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды» в 2018 и 2019 гг.

² Науч. сотрудник, Отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; e-mail: vax48@mail.ru.

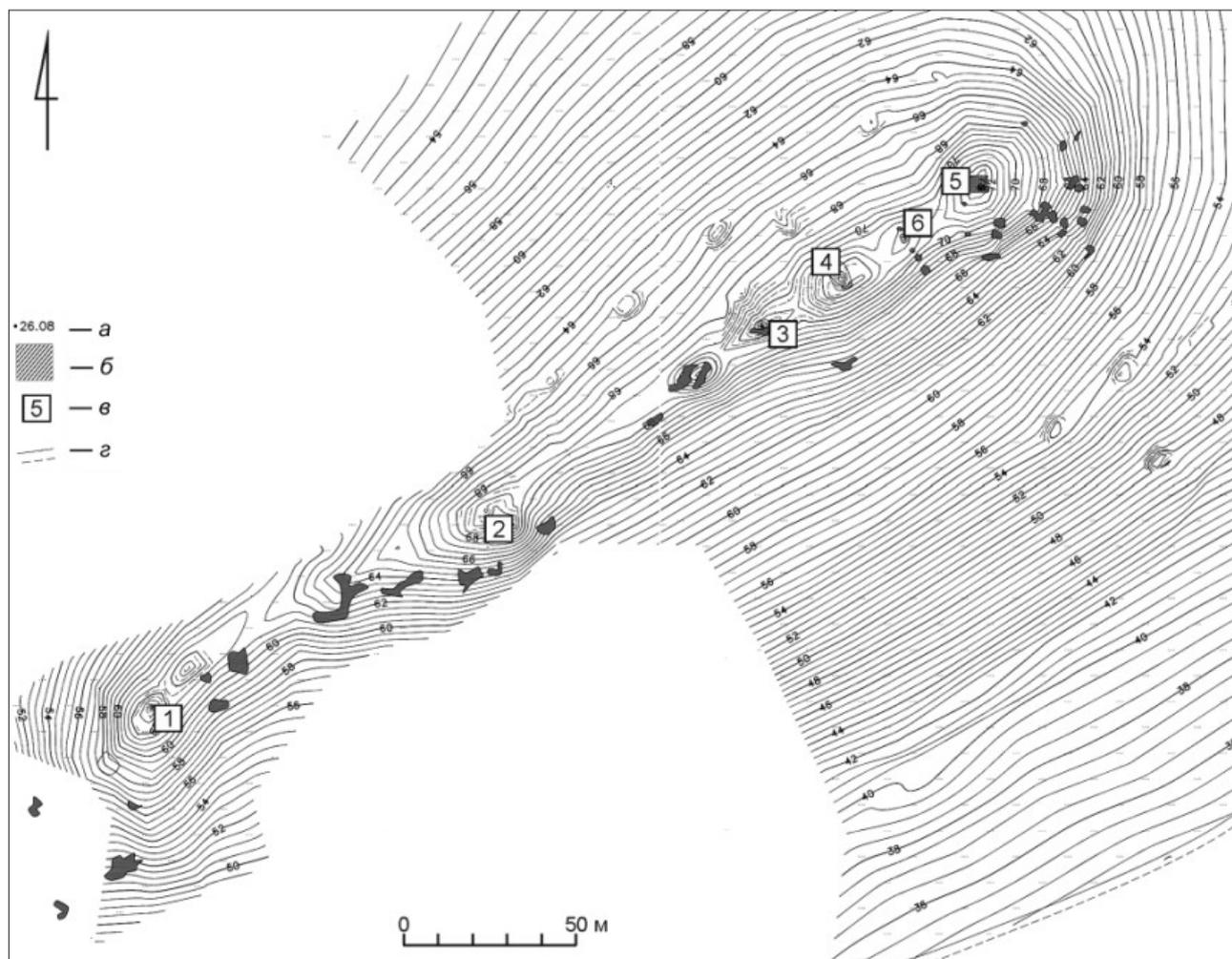

Рис. 1. Курганная группа Чатр-Тав. План. Условные обозначения: *a* — высотные отметки; *б* — граница раскопа; *в* — обозначение предполагаемых курганных насыпей; *z* — дорога

Fig. 1. Group of burial mounds at the Chatr-Tav. Legend: *a* — topographic elevation data; *б* — border of excavation area; *в* — notation of suspected barrow mounds; *z* — road

на самых ранних этапах их существования. В 2015 и 2018 гг. археологической экспедицией ИА РАН (Москва) была проведена разведка на кряже, расположенном в 2 км к западу от Китея и по самой высокой его вершине получившем название Чатр-Тав (Тау).

Еще В. Ф. Гайдукевич отметил на его хребте несколько курганов (Гайдукевич, 1959. С. 212, рис. 81). В ходе проведенных разведок и раскопок в 2015 и 2018 гг. на топографический план были нанесены шесть курганных насыпей (рис. 1). Координаты по GPS участка между самым западным курганом № 1 и самым восточным — № 5: $45^{\circ}04'50''$ с. ш., $36^{\circ}23'56''$ в. д. и $45^{\circ}04'55''$ с. ш., $36^{\circ}24'07''$ в. д.

Высота сохранившихся насыпей — от 1 до 3 м, самого кряжа — от подножья до хребта — 20–30 м. Возле каждой из них (или в самих насыпях) имелись грабительские ямы.

Самая большая насыпь находилась на восточной оконечности кряжа возле высшей его точки — горы Чатр-Тав (рис. 1). Координаты ее центра по GPS — $45^{\circ}04'55,1''$ с. ш., $36^{\circ}24'07,3''$ в. д. Первоначальный вид кургана был искажен грабительскими действиями. На срезанной и перекопанной вершине горы в восточной части образовавшейся площадки неправильной формы (5 × 7 м, вытянута в направлении юго-запад—северо-восток) находилась грабительская яма.

Для выявления и фиксации ее границ и потенциальных археологических объектов был заложен разведочный шурф (5 × 5 м). Верхняя часть ямы была заполнена грабительским отвалом из камней, щебня и скальной крошки с небольшим количеством грунта. Среди камней из ямы встречались известняковые плитки и небольшие блоки с обработанными гранями. Обработанные блоки известняка, явно представлявшие собой часть какой-то конструкции, встречались и на южном склоне горы.

В результате проведенного исследования на глубине около 1,4–1,5 м было обнаружено монументальное погребальное сооружение, сложенное из блоков и плит известняка (рис. 2). В плане гробница имела форму правильного прямоугольника, вытянутого в направлении юго-запад—северо-восток. Ее размеры по внешнему контуру: длина 3 м, ширина 1,8 м, высота 0,75–0,80 м. Стенки гробницы были сложены из двух рядов гладко отесанных блоков известняка. Нижний ряд каждой из боковых стен (южной и северной) был образован двумя горизонтально поставленными на ребра блоками известняка подпрямоугольной формы длиной 1,00–1,25 м, высотой 0,70–0,75 м и толщиной 0,35–0,40 м. По углам гробницы и в середине боковых стен между блоками были вертикально поставлены подквадратные в сечении блоки высотой 0,65–0,70 м, со сторонами 0,25–0,30 м. Блоки верхнего ряда в сечении представляют собой почти правильные квадраты (0,35 × 0,40 м). На блоках нижнего ряда южной стены лежали два блока: западный длиной 1 м, восточный — 1,2 м, посередине между ними небольшой блок длиной 0,35 м. На блоках нижнего ряда северной стены — два блока: западный длиной 1,15 м и восточный — 1,3 м.

Восточная торцовая стенка также была образована двумя рядами блоков. Нижний ряд — одним горизонтально лежащим блоком длиной 1,25 м, высотой 0,7 м, толщиной 0,25–0,35 м. Верхний — также одним, длиной 1,15 м, квадратным в сечении со стороной 0,35–0,40 м. Западной торцовой стенки нет.

Рис. 2. Гробница под курганной насыпью № 5: 1 — вид с запада; 2 — вид с юга

Fig. 2. Tomb under burial mound no. 5: 1 — view from the west; 2 — view from the south

На верхних блоках лежали разбитые и сдвинутые грабителями плиты перекрытия. У самой большой из них — Г-образной формы (1,40 × 1,25 м) — отсутствовала северо-западная часть. Толщина плиты 0,3–0,4 м. Вторая — над средней частью — толщиной 0,25–0,40 м, имела подпрямоугольную форму (1,2–1,3 × 0,80–0,85 м). Полom для гробницы служила выровненная подрубка в скале.

К западу от западной торцовой стороны гробницы в скале имелась подрубка высотой 0,2–0,3 м. Если она синхронна первоначальному погребальному комплексу, то ее можно интерпретировать как ступеньку, а гробницу, соответственно, как подкурганый склеп со входом, обращенным на запад. Если она появилась в результате деятельности грабителей, то вопрос о характере

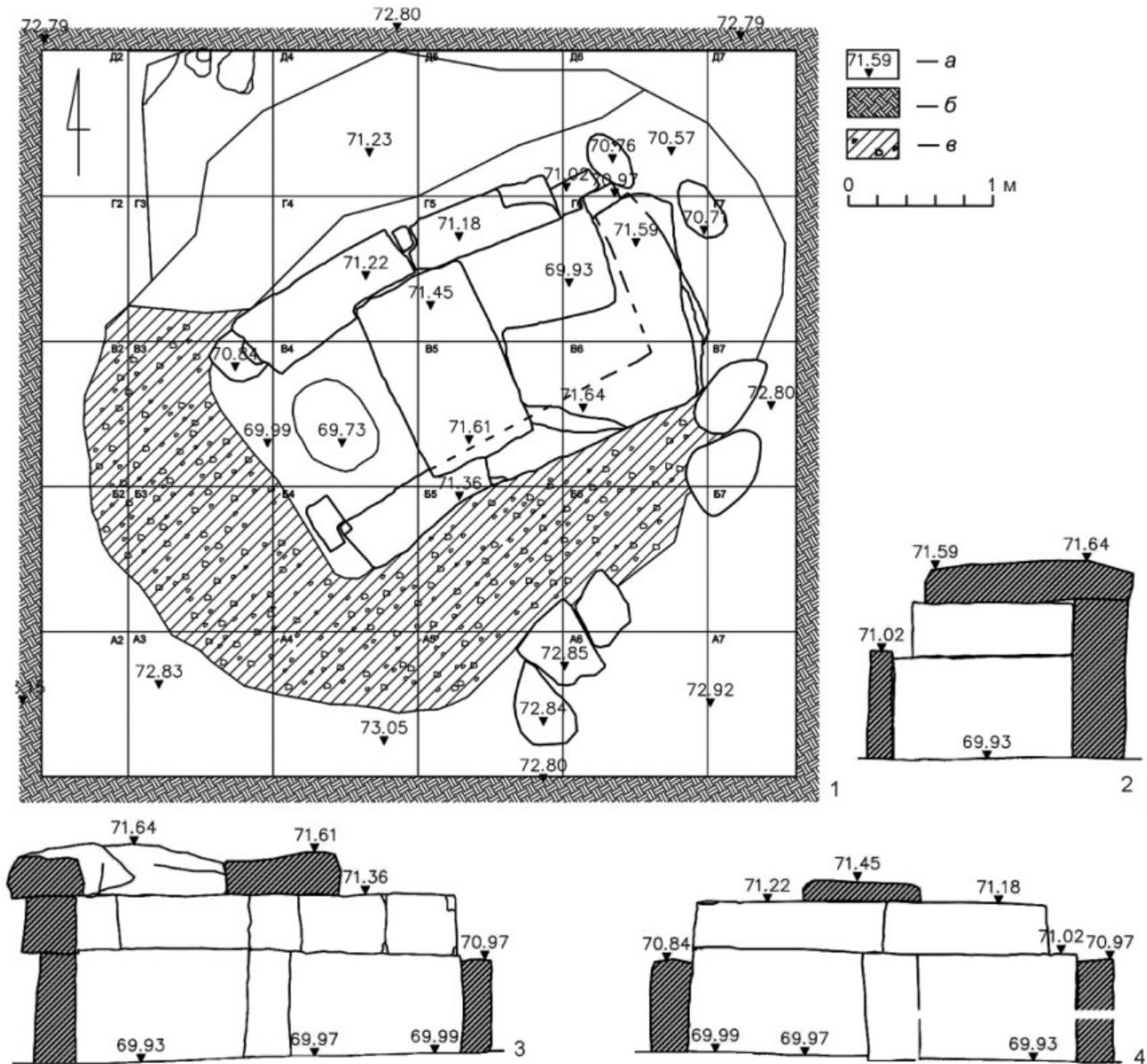

Рис. 3. Гробница под курганной насыпью № 5. План (1) и разрезы (2 — восточная стена, фас; 3 — южная стена, фас; 4 — северная стена, фас). Условные обозначения: а — высотные отметки; б — некопанный грунт; в — грунт с включениями щебня

Fig. 3. Tomb under hillock of burial mound no. 5. Plan (1) and sections (2 — East wall, front side; 3 — South wall, front side; 4 — North wall, front side). Legend: а — topographic elevation data; б — non-dug soil; в — soil with inclusions of small rocks

погребального сооружения остается открытым. Вертикальный блок из известняка в юго-западном углу гробницы с прямоугольной подрубкой под западный торец нижнего блока стены не позволяет на него ответить, потому что подобный строительный прием был использован и для связки северной и восточной стен, и с западной

стороны могила находилась как несохранившаяся западная торцовая стена, так и вход с закладной плитой (рис. 3).

Обращает на себя внимание разнокалиберный характер плит перекрытия, сохранившихся над средней и восточной частями гробницы, что наводит на мысль о возможном вторичном использовании.

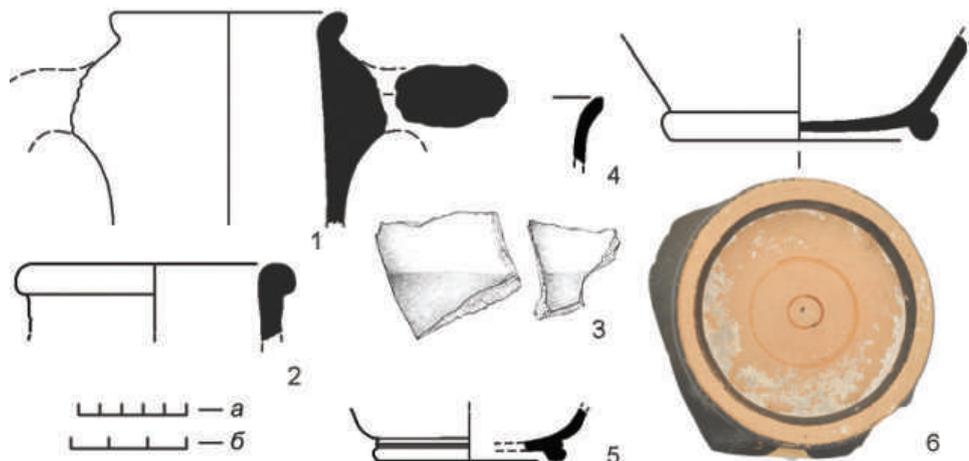

Рис. 4. Находки, относящиеся ко времени сооружения и первоначального использования гробницы. Фрагменты хиосских амфор: 1 — части горла с венчиком и ручкой, 2 — венчика, 3 — стенка с полосами красной краски; фрагменты чернолаковых сосудов: 4 — венчика, 5 — дна; 6 — дно чернолакового аттического скифоса. Масштаб: а — для 1–4, б — для 5–6

Fig. 4. Finds related to the time of the construction and the initial use of the tomb. Fragments of Chian amphorae: 1 — parts of neck with a rim and a handle, 2 — parts of the rim, 3 — body parts with bands of red paint; fragments of black-glazed vessels: 4 — rim, 5 — bottom; 6 — bottom of black-glazed Attic skyphos. Scale: a — for 1–4, б — for 5–6

Стратиграфия шурфа малоинформативна, так как фиксирует лишь отвал грабительской ямы, полностью перекрывший гробницу и всё примыкающее к ней пространство. В северо-западной части раскопа, в слое, возможно не потревоженном грабителями, между камнями был найден череп ребенка 6–12 месяцев, а возле него — дно чернолакового скифоса.

Внутри гробницы в верхнем мешаном слое были найдены разрозненные куски дерева и древесного тлена, невыразительный фрагмент железного предмета. За северо-восточным углом гробницы — небольшой кусок бронзовой проволоки. На дне в противоположных концах могилы зафиксированы куски дерева, древесный тлен, в восточной части — разрозненные кости человека, а за западной (отсутствующей) торцовой стенкой (или порогом, ведущим к входу в склеп) — череп взрослого человека.

Антропологический анализ показал, что костные останки внутри гробницы принадлежали трем мужчинам (*Maturus*) в возрасте 25–45, 35–45 и 45–55 лет. Количество и половозрастные характеристики погребенных в гробнице кургана № 5 косвенно подтверждают

предположение о ее вторичном использовании в римское время.

Вещевые находки в целом и датирующие особенно были весьма немногочисленны. Самым ранним хронологическим ориентиром, потенциально синхронным времени сооружения гробницы, были два венчика хиосских амфор. Первый (рис. 4, 1), ближе всего к венчику пухлогорлых амфор «позднего» варианта, датирующихся третьей — началом последней четверти V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 19, табл. 7, 6; Монахов и др., 2019. С. 87, ch. 34). Второй (рис. 4, 2) — к более раннему нимфейскому варианту IV-A начала третьей четверти V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 20, табл. 8, б). К тому же времени могут относиться фрагменты стенок хиосской амфоры со следами полос, нанесенных красной краской (рис. 4, 3), венчика (рис. 4, 4) и обломка дна (рис. 4, 5) чернолаковых сосудов. Дно аттического чернолакового скифоса (рис. 4, б), по достаточно близкой аналогии, дает более узкую датировку — 70–60-е гг. V в. до н. э. (Sparkes et al., 1970. Cat. 342. P. 259, p1. 16, fig. 4).

При этом некоторые находки при всей малочисленности и неинформативности

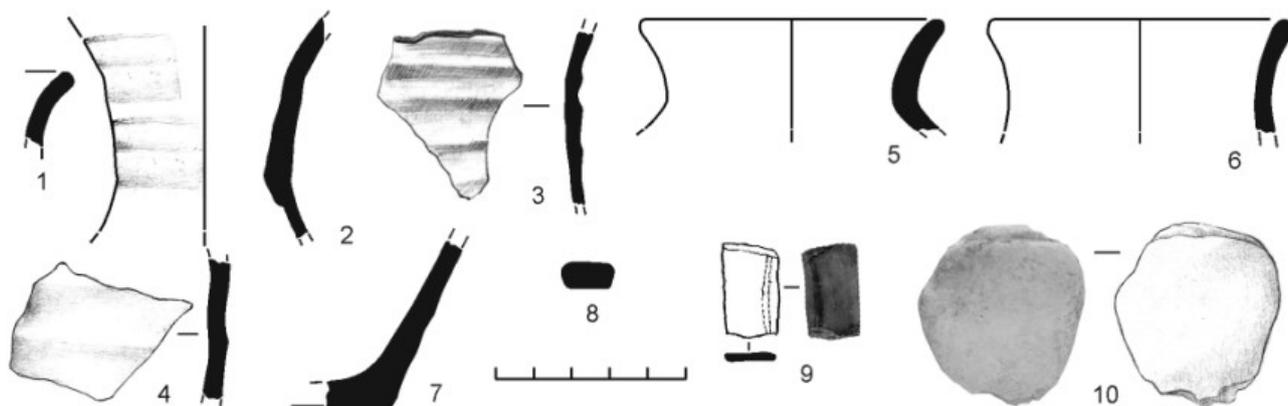

Рис. 5. Находки, предположительно относящиеся к вторичному использованию гробницы. Фрагменты красноглиняных сосудов: 1 — венчика сосуда со светлой обмазкой; 2–4 — ребристого горла и стенок кувшина; 9 — фрагмент ручки стеклянного сосуда. Находки, не поддающиеся датировке. Фрагменты лепных сосудов: 5–6 — венчиков; 7 — дна; 8 — ручки; 10 — округлый предмет из известняка

Fig. 5. Objects presumably related to the secondary use of the tomb. Fragments of red ware vessels: 1 — of rim of a vessel with light overlay; 2–4 — of ribbed neck and walls of a jar; 9 — fragment of a handle of a glass vessel. Artifacts that cannot be dated. Fragments of hand-made vessels: 5–6 — rims; 7 — bottoms; 8 — handles; 10 — roundish limestone object

свидетельствуют в пользу высказывавшегося предположения о неоднократном использовании гробницы. Так фрагменты венчика красноглиняного сосуда со светлой обмазкой (рис. 5, 1), ребристого горла (рис. 5, 2) и стенок (рис. 5, 3–4) красноглиняного кувшина вместе с ручкой стеклянного сосуда (рис. 5, 9) условно могут быть признаками ее вторичного использования в римское время. Остальные находки — фрагменты венчиков (рис. 5, 5–6), дна (рис. 5, 7) и ручки (рис. 5, 8) лепных сосудов, округлый каменный предмет из известняка (рис. 5, 10), невыразительные фрагменты железных и бронзовых предметов — не могли быть привлечены для уточнения хронологии сооружения. По свидетельству одного из местных жителей, грабителями здесь же были найдены наконечник копья и глиняный горшок, но следы их затерялись.

Судя по проведенной разведке, археологические исследования даже на разграбленных

курганах Чатр-Тав могут принести интересные результаты. Взаиморасположение курганов на хребте кряжа говорит в пользу их принадлежности одному историческому периоду (что не исключает возможности их вторичного использования в последующие эпохи). Судя по самым ранним материалам, найденным при исследовании кургана № 5, он мог быть сооружен во второй-третьей четвертях V в. до н. э. Расположенный в зоне прямой видимости ближайший к этой курганный группе боспорский город Китей, по последним данным, был основан в начале V в. до н. э. (Молев, 2010. С. 30).

Таким образом, если в ходе дальнейших работ появятся дополнительные аргументы в пользу предполагаемой датировки первоначальных погребальных комплексов на кряже Чатр-Тав, китейские курганы, наряду с пантикапейскими и нимфейскими, подтвердят закономерность их появления возле греческих городов уже на первоначальном этапе их существования.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 211–296.

Виноградов, 2010 — Виноградов Ю. А. Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: ИД «Коло», 2010. С. 526–532.

- Виноградов и др.*, 2012 — *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. История изучения и топография. Т. I. Симферополь; Керчь: Мастер Книг, 2012. 288 с.
- Виноградов, Бутягин*, 2014 — *Виноградов Ю. А., Бутягин А. М.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Курганы на мысе Ак-Бурун. Т. II. Симферополь; Керчь: Мастер Книг, 2014. 184 с.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН, 1959. С. 154–238 (МИА. № 69).
- Молев*, 2010 — *Молев Е. А.* Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь: Мастер Книг, 2010. 316 с.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, Изд-во Саратовского университета, 2003. 352 с.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: ООО «Амирит», 2019. 352 с.
- Sparkes et al.*, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1:Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472 (The Athenian Agora. Vol. 12).

A group of burial mounds at the Chatr-Tav mountain-ridge (based on the materials of explorations of 2015 and 2018)

V. A. Hrshanovskij

The archaeological explorations were conducted 2 km west to Kytaiion at the Chatr-Tav mountain-ridge (south-east of the Kerch peninsula) in 2015 and 2018. Before the beginning of the works, six identified hillocks of burial mounds were marked on the plan land following a land survey (Fig. 1). As a result of an archaeological reinvestigation of a burglarious test pit in a hillock no. 5 at the highest point of the easternmost tip of the hill-chain, a giant tomb composed of blocks and slabs of limestone was found (Fig. 2, 1, 2, 3, a, б). There were few finds left after repeated looting. The earliest of them are fragments of Chian amphorae (Fig. 4, 1–3), black-glazed vessels (Fig. 4, 4–5), and a bottom of an Attic black-glazed skyphos (Fig. 4, 6). They allow to date the time of the construction and the initial use of the tomb to the second — third quarters of the 5th century BC. However a portion of objects — fragments of a rim of a red ware vessel with light overlay (Fig. 5, 1), a ribbed neck (Fig. 5, 2) and body parts (Fig. 5, 3–4) of red ware jar and a handle of a glass vessel (Fig. 5, 9) can be the signs of a secondary use of the tomb in Roman times. The results of an anthropological analysis that showed that the bone remains inside the tomb belonged to three adult men indirectly support this assumption. If later works confirm such an early dating of the group of burial mounds at the Chatr-Tav mountain-ridge, burial mounds of Kytaiion, along with mounds of Pantikapaion and Nymphaion, will affirm a pattern of their appearances near Greek cities at an initial stage of their existence.

Mensa ponderaria из Пантикапея?¹

Н. А. Павличенко²

Аннотация. В статье представлен беспаспортный фрагмент блока из местного плотного среднепористого мелкозернистого известняка, поступивший в ВКИКМЗ в 2012 г. Форма этого блока и форма полностью сохранившегося полусферического углубления со стоком дают основание утверждать, что это широко распространенное в античности устройство для контроля над мерами объема продаваемых жидких продуктов — mensa ponderaria. Рассмотренные аналогии из других греческих полисов показывают, что sekomata использовались для государственного контроля над мерами и весами наравне с мерными сосудами.

Annotation. This paper considers a passportless fragment of a block made of a local dense medium-porous fine-grained limestone which arrived to the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve in 2012. The shape of this block and the shape of the remaining hemispheric funnel terminating in a hole allows us to argue that this is a widely spread device in the Ancient world used as a capacity measure for liquid products being on sale — mensa ponderaria. Considered analogies from other Greek poleis show that sekomata were used to exert state control over weights and measures on par with measure vessels.

Ключевые слова: Пантикапей, Боспор, σήκωμα, mensa ponderaria, меры емкости, античная метрология.

Keywords: Panticapaeum, Bosphorus, σήκωμα, mensa ponderaria, measures of capacity, ancient metrology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-50-59

В лапидарии Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранится фрагмент блока из известняка, поступивший

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Автор выражает благодарность Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику за разрешение опубликовать этот памятник и Н. Л. Кучеровской за постоянную помощь при работе с ним. Данная статья не была бы дописана без дружеской помощи многих коллег, присылавших недостающую литературу в то время, когда все библиотеки, музеи и архивы были уже закрыты из-за карантина по COVID-19.

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com.

в музей в 2012 г. вместе с надписями и архитектурными фрагментами, которые были выявлены во время работ по благоустройству территории вокруг Царского кургана (ВКИКМЗ. № КП-198921). Ни происхождение, ни дата находки этого фрагмента неизвестны (рис. 1; 2).

В отличие от Мелек-Чесменского кургана, имевшего статус самостоятельного музея (Марти, 1913. С. 26–31), в дромосе и у входа в дромос Царского кургана находилась часть коллекции лапидарных надписей и архитектурных фрагментов Керченского музея древностей, что нашло отражение, например, в относящейся к 1891 г. переписке академика В. В. Латышева и графа А. А. Бобринского (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 5, 9). В своих рапортах в ИАК в конце 1891 г. К. Е. Думберг предлагал

соорудить рядом с курганом «большой сарай» для хранения памятников крупного размера (Виноградов, 2009. С. 293, 336). Судя по фотографии из архива ВКИКМЗ, крытый каменный навес с черепичной крышей для хранения лапидарных памятников располагался напротив сторожки, справа от входа. Неясно, правда, был ли это тот «большой сарай», который предлагал построить Думберг, или, как полагал Н. Ф. Федосеев, это сооружение появилось в предвоенные годы. Во время Великой Отечественной войны навес был полностью разрушен (Федосеев, 2015. С. 135, рис. 1; 2017. С. 204). Благодаря раскопкам, проведенным на месте этого навеса в 1980 и в 2014 гг., удалось выявить некоторое количество лапидарных памятников и их фрагментов (Бабич 2014. С. 85–86; Федосеев, 2015. С. 136–141).

Учитывая то, что блок вытесан не из мрамора, а из местного плотного среднепористого мелкозернистого известняка, являющегося материалом для многих боспорских лапидарных памятников, представляется вполне вероятным, что публикуемый фрагмент происходит с территории Боспорского царства и не был привезен на Боспор, например, в качестве балласта. К сожалению, определить, был ли он найден в окрестностях Керчи или на Тамани, откуда также поступали вещи в Керченский музей, не представляется возможным.

Фрагмент представляет собой угол плиты и имеет два сквозных отверстия (рис. 1; 2). Одно из них сохранилось полностью («А») и в разрезе представляет собой полусферу со скосами (вероятно, они служили для предотвращения перелива жидкостей) и с подпрямоугольным отверстием для стока. Второе отверстие («Б») сохранилось частично и в разрезе является правильным конусом. В первоначальном виде у него сохранились, по-видимому, только скосы, а мерная часть и отверстие для стока были стесаны при вторичном использовании.

Верхняя и сохранившаяся боковая грани плиты тщательно обработаны и зашлифованы. Нижняя плоскость обработана небрежно.

Сохранившиеся размеры фрагмента, см: длина — 46,0–28,0; ширина — 31,5–27,0; толщина — 15,0.

Рис. 1. Фрагмент mensa ponderaria (?) из Пантикапея

Fig. 1. A fragment of mensa ponderaria (?) from Panticapaeum

Углубление «А»: высота общая — 11,0–13,0, высота откоса — 6,0, высота измерительной чаши — 5,0, высота стока — 1,6–2,0, размеры верхней плоскости — 13,0 × 14,0, диаметр верха измерительной чаши — 9,0, диаметр верхней части стока — 5,0, диаметр нижней части стока — 4,0.

Углубление «Б»: диаметр верхний — 13,0–12,0; диаметр нижний — 8,0–7,0.

Объем углубления «А» без скосов и стока составляет 275 ± 3 мл. Измерения проводились круглозернистым рисом, мелким песком и водой. Перед измерением сток был заполнен вровень с нижней поверхностью углубления «А», после чего в него был помещен тонкий широкий полиэтиленовый пакет, наполняемый поочередно рисом, песком и водой вплоть до «перегиба» откоса.

Никаких надписей, отдельных букв или небуквенных меток обнаружить не удалось.

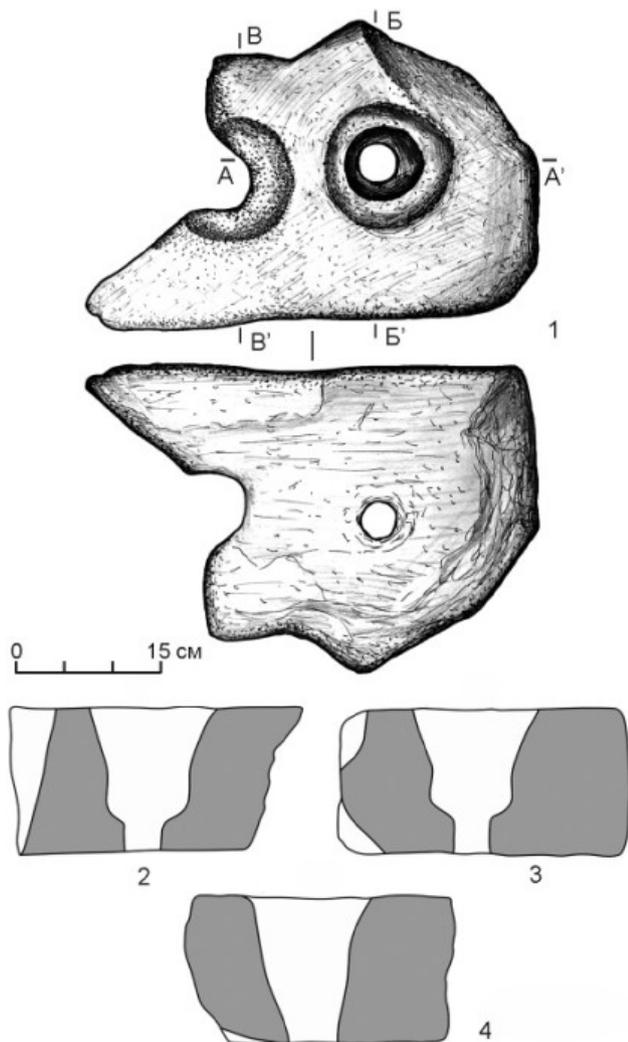

Рис. 2. Фрагмент mensa ponderaria (?) из Пантикапея: 1 — прорисовка; 2–4 — разрезы по линиям (2 — А–А', 3 — В–В', 4 — С–С'). Чертеж А. С. Цинько
 Fig. 2. A fragment of mensa ponderaria (?) from Panticapaeum. 1 — drawing; 2–4 — view along lines (2 — А–А', 3 — В–В', 4 — С–С'). Drawing by A. S. Cinko

Форма этого блока и форма полностью сохранившегося полусферического углубления со стоком наводят на мысль, что это фрагмент устройства для контроля над мерами объема продаваемых жидких и сыпучих продуктов, то есть στήκιον, или, буквально, «мерный стол» — mensa ponderaria (Cioffi, 2014. P. 42).

Если не считать двух недавно опубликованных фрагментов mensa ponderaria из Херсонеса, для Северного Причерноморья подобные находки до сих пор не были засвидетельствованы, но они часто встречаются

во множестве греческих полисов (Dumont, 1892. P. 116–125; Deonna, 1938. P. 167–186; Guarducci, 1969. P. 470–472; Finkielsztejn, 2010. P. 193–203; Fritzilas, 2012. P. 322–327), в том числе и на южном берегу Понта Эвксинского (Nankov, 2017. P. 170–184).

Обычно mensae ponderariae представляют собой каменную столешницу с несколькими углублениями различного объема в форме полусферы или конуса. Как правило, вокруг углублений есть невысокие бортики (Finkielsztejn, 2010. P. 194, fig. 9, 1; Nankov, 2017. P. 179, fig. 1), реже поверхность плиты вокруг них остается плоской (Hasenohr, 2012. P. 254, fig. 10) или же присутствует небольшой откос над мерной частью (Fritzilas, 2012. P. 322, fig. 9) (рис. 3).

В полость мог вставляться металлический вкладыш, χώνη (буквально — воронка), — [τὰ σκευεά ἐσσι δαμόσια ... ἄλλ[ο ἤμ] ἴχοον χώναν ἔχον, Syll.³ 945, Ассос, IV в. до н. э.), следы от креплений которого в виде двух или четырех прямоугольных вырезов видны у краев мерных углублений (Hasenohr, 2012. P. 251, fig. 4, 5; P. 252, fig. 7; Fritzilas, 2012. P. 323). Вероятно, именно такие вкладыши изображены на декрете в честь агораномов из Месембрии III в. н. э. (IGBulg. I. 317) (рис. 4).

На sekomata, предназначенных для измерения объема жидкостей, могли иметься углубленная площадка вокруг мерных емкостей и отводной желобок, которые предотвращали потери при переполнении мерной емкости и в процессе переливания продукта (Finkielsztejn, 2010. P. 196, fig. 9, 2c; Hasenohr, 2012. P. 251, fig. 4).

Как правило, на верхней плоскости рядом с углублениями указывается объем каждого из них (например, см.: I.Eleusis. 179 — Элевсин, IV–III вв. до н. э.) или есть какое-то другое указание на емкость: на sekoma из Мегалополя в Аркадии II–I вв. до н. э. высечена надпись ἀμ[φορε]ῦς Μεγ[αλοπολι]τῶν (Fritzilas, 2012. P. 322–327). Около углублений могли находиться также числовые метки, в некоторых случаях sekoma одновременно выполняла функции абака (Pouilloux, 1954. P. 405, note 2, pl. 44, 3; Lang, 1968. P. 241–243; Cioffi, 2014.

Р. 44, 45). Иногда присутствует специальное обозначение, для чего предназначена данная *sekomata*, для вина — οἰνήρα (Forest, 1956. P. 63–67 — Хиос, III в. до н. э.; Pouilloux, 1955. P. 365, 366, fig. 37, 38 — Фасос, I в. до н. э.), для зерна — σήκωμα σιτηροῦ ἡμεδίμνου (ID. Vol. IV, № 1820 — Делос, ок. 100 г. до н. э.). Благодаря таким надписям на *sekomata* как IG. V. 1. 1156 (Гифий в Лаконии, II в. н. э.), нам известно, что помимо слова σήκωμα для обозначения мерных устройств применялся и термин τὰ μέτρα (ср. также [τὸν] ζυγὸν καὶ τὰ μέτρα ἀνέ[θηκεν] в посвяtitельной надписи агораномы — IG II² 2886, Аттика, I–II в. н. э.).

Контроль государства над мерами объема с помощью регламентированных мер и весов нашел отражение в ряде специальных декретов и законов. В афинском законе о взимании хлебных пошлин 374/373 г. до н. э. (Stroud, 1998. P. 56–61) откупщик пошлины (πριάμενος) должен был отмерять пшеницу и ячмень, «наполнив мерное устройство до краев, как это обычно делают купцы» (τὸ σ<ή>κωμα ἐπὶ τῆ[.]ΩΝ<Η>Ι σηκώσας, καθάπερ οἱ ἄλλοι ἔμποροι). Из нескольких предложенных Р. Струдом вариантов восстановления лакуны в конце стр. 25 самым логичным, пожалуй, является восстановление τὸ σ<ή>κωμα ἐπὶ τῆ[ι ζ]ών<η>ι σηκώσας, где ζώνη — это приподнятый бортик вокруг мерного углубления (Stroud, 1998. P. 58, 59; Engels, 2000. S. 104). Другими словами, следовало следить, чтобы зерно насыпали не «с горкой», а только вровень с краями соответствующей мерки.

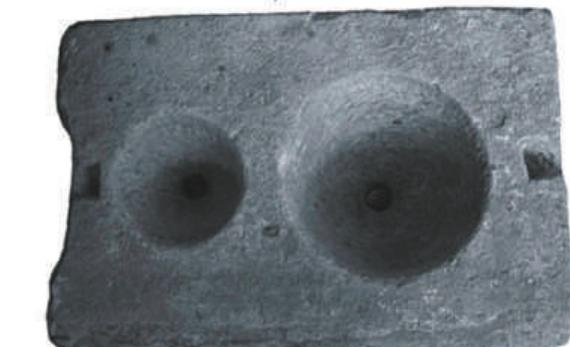
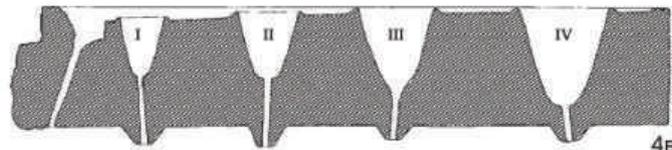
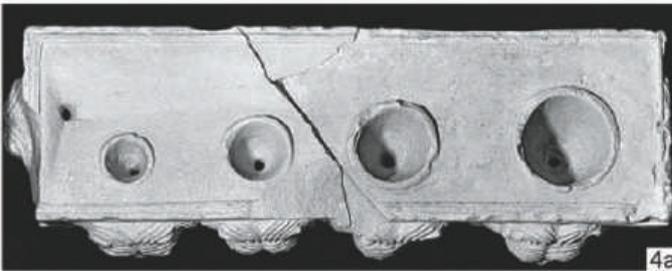
В афинском декрете конца II — начала I в. до н. э. о реорганизации метрологических норм (IG. II². 1013₇₋₁₂; Day, 1942. P. 111–113, 150) указывается, что магистраты (αἱ δὲ ἀρχαὶ αἷς οἱ νόμοι προστά<τ>τουσιν) должны делать мерные приспособления (σηκώματα) в соответствии с установленными мерами (σύμβολα) для измерения объема жидких (ύγρά) и сухих (ξηρά) продуктов и что продавцы должны пользоваться именно этими мерами «и на агоре, и в эргастериях, и в мелочных лавочках, и в тавернах (винных лавках), и на складах» (ἐν τῇ ἀγορᾷ «ἢ» ἐν τοῖς ἐργαστηρίοις ἢ τοῖς κα<π>ηλείοις ἢ οἰνώσιν ἢ ἀπο[θήκαις]).

В декрете о праздновании мистерий из Андалии (Мессения) 92/91 г. до н. э. (IG. V. 1. 390) указывалось, что агораном должен следить за тем, чтобы продающие «...пользовались весами и мерами, соответствующими установленным государством» (χρῶνται σταθμοῖς καὶ μέτροις συμφώνοις ποτὶ τὰ δαμόσια).

Встречаются также посвяtitельные надписи на самих *sekomata*, сообщающие о посвящении (обычно после окончания срока магистратуры) данного приспособления магистратом, отвечающим за соблюдением мер и весов (Schachter, Marchand, 2012. P. 296, 297; Deonna, 1938. P. 172, 173). Чаще всего такими магистратами оказываются агораномы (Pouilloux, 1954. P. 405, № 153, pl. 44, 1, 2; Pouilloux, 1955. P. 365, 366, fig. 37, 38 — оба посвящения сделаны одним и тем же агораномом, Фасос, I в. до н. э.; IG. V. 1. 1156 — Гифий (Лакония), II в. н. э.) и эпимелеты эмпория (Fritzilas, 2012. P. 322 — святилище Деспойны, Ликосира (Аркадия), I в. н. э.). Иногда подобные функции делегировались и другим должностным лицам. Так, в Афинах mensa ponderaria посвятили астиномы (IG II². 2878+3939; Wilhelm, 1909. S. 83, № 68; Peppas-Delmouzou, 2014. P. 125–127; SEG. LV. 291, нач. I в. н. э.).

На Делосе обнаружено большое количество *sekomata*, относящихся к концу II — началу I в. до н. э., то есть ко времени, когда остров находился под властью Афин. В тот момент, когда проводилась централизованная унификация мер и весов, за их соблюдением следили не только агораномы, но и должностные лица гораздо более высокого уровня. Пять *sekomata* посвятили Аполлону афинский эпимелет Делоса (ἐπιμελητής Δήλου) и Ариарат, эпимелет эмпория Делоса (ἐμπορίου ἐπιμελητής), еще одну установил проконсул Азии С. Julius Caesar (ID. Vol. IV. 1820, 1827–1829, 1847; Deonna, 1938. P. 175, № 1, 3–5; 177, № 15; Hasenohr, 2012. P. 250–254; Chankowski-Sablé, Hasenohr, 2012. P. 29–36).

В том случае, когда *sekomata* устанавливались агораномы в течение срока их магистратуры, надписи на них выполнялись по той же схеме (генитив названия магистратуры с эпонимным предлогом или без него),

что и в леммах клейм на мерных сосудах, амфорах и черепице: ἐπὶ ἀγορανομούντων Φίλωνος [--] (*Deonna*, 1938. P. 177, № 13 — Делос, конец II — начало I в. до н. э.) и ὀρ' ἀγορανομούντων Ἀντιπάτρου τοῦ Ἡλιοδώρου καὶ Ἀριστοδάμου τοῦ Ἀριστον[--] (*Finkielsztejn*, 2010. P. 196 — Мареша, 143/142 г. до н. э.).

В Херсонесе два фрагмента подобных устройств эллинистического и римского времени были обнаружены в квартале № 45 (*Кленина*, 2018. С. 123; 133, рис. 8; 134, рис. 9, 1, 2; *Klenina, Biernacki*, 2018. P. 295). По мнению Е. Ю. Клениной и А. Бернацки, их находка доказывает существование в этом квартале торговой агоры, которая находилась там начиная с III в. до н. э. до конца IV в. н. э. Оба фрагмента использовались в качестве строительных блоков в ранневизантийских постройках. Один из них был найден в юго-восточной стене нартекса ранневизантийской базилики и представляет собой часть блока из местного известняка-ракушечника с тремя наполовину сохранившимися конусовидными углублениями (к сожалению, их объем не был реконструирован), два из которых имели сквозные отверстия.

До находки херсонесских фрагментов *mensa ponderaria* единственным свидетельством того, что в Северном Причерноморье использование определенных мер объема в розничной торговле регламентировалось

Рис. 4. Декрет агораномов Месембрии, первая половина III в. н. э., IGBulg. I. 317 (*Nankov*, 2017. P. 181, fig. 5)

Fig. 4. Edict of agoranomoi of Mesembria, the first half of the 3rd century BC. IGBulg. I. 317 (*Nankov*, 2017. P. 181, fig. 5)

государством, являлись находки различных мерных сосудов.

Подобные сосуды известны для Ольвии (*Леви*, 1956. С. 62, 63; *Рубан*, 1982. С. 33–36; *Крапивина*, 2004. С. 128, 129; *Федосеев*, 1991. С. 245, 246, рис. 1, 2) и для Херсонеса. Клейма на мерных ольпах из Херсонеса примечательны тем, что идентичные отпечатки встречаются на херсонесских амфорах 220–210-х гг. до н. э.: в фрагментированном штампе Σκύ[--] В. И. Кац восстанавливает имя астинома Σκύθας Σωπό-

Рис. 3. Греческие *sekomata*. 1 — *sekoma* и абак с о-ва Наксос (*Cioffi*, 2014. P. 45, fig. 2); 2 — *sekoma* с о-ва Фасос (*Ibid.* P. 47, fig. 5); 3 — *sekoma* с о-ва Делос (*Ibid.* P. 47, fig. 6); 4, а-в — *sekoma* с посвятителной надписью ὀρ' ἀγορανομούντων Ἀντιπάτρου τοῦ Ἡλιοδώρου καὶ Ἀριστοδάμου τοῦ Ἀριστον[--], Мареша, 143/142 г. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2010. P. 52, 53, fig. 1, a, b; fig. 2, c); 5, а-в — *sekoma* с посвятителной надписью Ἀριαράθης ἐμπορίου ἐπιμελητῆς / Ἀπόλλωνι, Делос, конец II — начало I в. до н. э.) (по *Hasenohr*, 2012. P. 252, fig. 7); 6 — *sekoma* с посвятителной надписью Ἀριαράθης ἐμπορίου ἐπιμελητῆς / Ἀπόλλωνι (ID. Vol. IV. 1829, Делос, конец II — начало I в. до н. э.) (*Hasenohr*, 2012. P. 254, fig. 10); 7 — *sekoma* из Партикополиса, III в. н. э. (*Nankov*, 2017. P. 179, fig. 1)

Fig. 3. Greek *sekomata*. 1 — *sekoma* and abacus from Naksos island (*Cioffi*, 2014. P. 45, fig. 2); 2 — *sekoma* from Thasus island (*Ibid.* P. 47, fig. 5); 3 — *sekoma* from Delos island (*Ibid.* P. 47, fig. 6); 4, a-b — *sekoma* with a dedicatory inscription ὀρ' ἀγορανομούντων Ἀντιπάτρου τοῦ Ἡλιοδώρου καὶ Ἀριστοδάμου τοῦ Ἀριστον[--], Maresha, 143/142 BC (*Finkielsztejn*, 2010. P. 52, 53, fig. 1, a, b; fig. 2, c); 5, a-b — *sekoma* with a dedicatory inscription Ἀριαράθης ἐμπορίου ἐπιμελητῆς / Ἀπόλλωνι, Delos, the end of the 2nd — the beginning of the 1st century BC (*Hasenohr*, 2012. P. 252, fig. 7); 6 — *sekoma* with a dedicatory inscription Ἀριαράθης ἐμπορίου ἐπιμελητῆς / Ἀπόλλωνι (ID. Vol. IV. 1829, Delos, the end of the 2nd — the beginning of the 1st century BC (*Hasenohr*, 2012. P. 254, fig. 10); 7 — *sekoma* from Partikopolis, the 3rd century AD (*Nankov*, 2017. P. 179, fig. 1)

λιος, штамп ἀστυνομοῦντος Σωτηρίου τοῦ Διονυσίου сохранился полностью (Федосеев, 2005. С. 337, 338, рис. 2–4; Кац, 2007. С. 442, 443).

На Боспоре мерные сосуды с клеймами обнаружены в большинстве городских и сельских поселений, а также на их некрополях. Среди них следует отметить фанагорийские клейма второй четверти V — IV в. до н. э., в лемму которых входят буквы ΦΑ и эмблемы дионисийского круга (виноградная гроздь, голова сатира или канфар), связанные с культом одного из главных божеств фанагорийского пантеона Диониса (Завойкин, 2011. С. 199–201). В лемму клейм на сосудах из Пантикапея входит сокращение ΠΑΝΤΙ и близкие монетному типу изображения головы сатира.

Залепленный глиняной нашлепкой ретроградный штамп на стенке сосуда III в. до н. э. из пос. Заветное-5 в округе Акры представляет еще один вариант государственной маркировки. Н. Ф. Федосеев вначале прочел его как δημ[ό]σιον (Федосеев, 2004. С. 55, № 52), но затем, на мой взгляд неоправданно, предложил восстановление ΔΗΜ[Ο]/ΚΙΟΝ (Федосеев, 2016. С. 489)³. Можно предположить, что нашлепка появилась в тот момент, когда мерный сосуд стал использоваться частным лицом.

Наконец, в Пантикапее, Гермонассе, Китее и на некоторых сельских поселениях были найдены целые ойнохои и фрагменты их стенок с клеймами, содержащими одно или несколько личных имен в генитиве, иногда с указанием на магистратуру (Ковальчук, 2012. С. 233–236, рис. 1–4; Федосеев, 2013. С. 29, 30, рис. 1, 2). Среди них следует упомянуть, например, штамп Ἀλολλοδώρου / ἀγορανομοῦντος (Коровина, 1984. С. 81, табл. XI, 9, 10 — Гермонасса, III в. до н. э.), найденное в Пантикапее пятистрочное агораномное клеймо из слоя первых веков нашей эры (Блаватский, 1962. С. 61, рис. 44, 1), штампы без указания магистратуры Полу-

ξενίδου / Σατυρίωνος (Ковальчук, 2012. С. 226, 227, рис. 1, 4–6 — Гермонасса, III в. до н. э.), Εὔφρο[νος] / Δημη[τρίου] / Ἀριστω[---] (Ковальчук, 2012. С. 32, рис. 4, 5, 6 — Крутой берег, III в. до н. э.)⁴.

Вопрос о происхождении сосудов с подобными клеймами остается открытым. Атрибуция фанагорийских мерных ойнохой подтверждается находкой нескольких подобных сосудов на свалке производственного брака в районе так называемого Керамика (Блаватский, 1962. С. 219, рис. 16, 5–7; Завойкин, 2011. С. 203). Что же касается мерных сосудов с агораномными клеймами из Пантикапея и Гермонассы, то основным аргументом и сторонников, и противников их боспорского происхождения является характер глиняного теста (Гайдукевич, 1959. С. 99, 100; Грибанов, 2010. С. 199–201; Ковальчук, 2012. С. 221–225; Сапрыкин, 2015. С. 300; Федосеев, 2016. С. 487, 488). Дискуссионным остается и вопрос о существовании на Боспоре царской администрации и полисных магистратур.

Тем не менее, независимо от того, в чьих руках находился контроль над единицами меры и веса, вряд ли можно сомневаться в том, что этот контроль неизбежно должен существовать в государственном образовании любой формы правления. Насколько можно судить по афинскому декрету IG. II². 1013, *sekomata* должны были делаться в соответствии с σύμβολα, то есть установленными государством стандартными мерами. Как уже было сказано выше, объем полностью сохранившейся мерной чаши составляет около 275 мл, это приблизительно соответствует одной аттической котиле для жидкостей (Hultsch, 1882. S. 104, 703), что позволяет предположительно говорить об использовании системы мер, основанной на такой котиле. Пантикапейская *sekoma* использовалась, вероятнее всего, не для сыпучих продуктов, а для жидкостей, и по аналогии

³ Выражаю признательность Е. В. Болонкиной за качественную фотографию этого клейма. Сигма во второй строке имеет лунарную форму с резким перегибом посередине. Хорошо видно, что за ней нет никакой вертикальной галсы.

⁴ В первом имени после *ro* ясно читается омикрон, а не *omega*. Подразумеваемый в подобного рода клеймах предлог ἐπί требует генитива, а такие имена как Εὔφρων образуют падежные формы от основы на -ο-, а не на -ων. Кроме того, *omega* в III в. до н. э. не могла иметь такое написание.

с другими подобными устройствами имела несколько мерных чаш. В пользу этого предположения говорит и наличие откосов, препятствующих разбрызгиванию и переливу при наливании измеряемых жидкостей, и довольно узкий сток, и маленький объем углубления «А». Чуть больший, по сравнению с аттической котилой, объем мерной чаши «А» объясняется, по-видимому, тем, что в мерную чашу помещался тонкий металлический вкладыш, препятствующий впитыванию жидкостей пористым известняком.

Полных аналогий публикуемой *sekomata* обнаружить пока не удалось, но это неудивительно, учитывая разнообразие форм известных нам *sekomata*. Например,

у большинства *sekomata* из тех, что имеют препятствующее переливу устройство, оно выглядит как углубленная площадка около мерных чаш. На мерном же устройстве из Марешы отводной желобок выведен насквозь через блок и имеет такой же сток, как и мерные чаши.

В Афинах, как и во всех остальных греческих полисах, мерные сосуды с государственным клеймом сосуществовали с *sekomata*, так что находка на Боспоре *mensa ponderaria* не выглядит чем-то неожиданным и является еще одним аргументом в пользу предположения о государственной регламентации единиц мер и весов в Боспорском царстве (Завойкин, 2011. С. 204).

- Бабич*, 2014 — *Бабич О. П.* Репозиция надгробных памятников из собрания Керченского лапидария // Науч. сб. Керченского заповедника. Вып. IV. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. С. 85–137.
- Блаватский*, 1951 — *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 189–226 (МИА. № 19).
- Блаватский*, 1962 — *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 6–85 (МИА. № 103).
- Виноградов*, 2009 — *Виноградов Ю. А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Отв. ред. А. Е. Мусин, Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 248–401.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. 1934–1956. Варшава: Б. и., 1959. 121 с.
- Грибанов*, 2010 — *Грибанов Д. В.* К вопросу о боспорских агораноммах // Вопросы эпиграфики. М., 2010. Вып. 4. С. 191–214.
- Завойкин*, 2011 — *Завойкин А. А.* Заметки о культе Диониса в Фанагории // ПИФК. 2011. № 4. С. 199–209.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).
- Кленина*, 2018 — *Кленина Е. Ю.* Проба идентификации античной агоры в Херсонесе Таврическом // ХС. Вып. XIX. Севастополь: Альбатрос, 2018. С. 119–136.
- Коровина*, 1984 — *Коровина А. К.* Гермонасса // АГСП. М.: Наука, 1984. С. 81–82.
- Ковальчук*, 2012 — *Ковальчук А. В.* Боспорские мерные сосуды // ДБ. 2012. Т. 16. С. 220–238.
- Крапивина*, 2004 — *Крапивина В. В.* Коллегия агораноммов в Ольвии // БИ. Вып. V / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2004. С. 127–141.
- Леви*, 1956 — *Леви Е. И.* Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 35–118 (МИА. № 50).
- Марти*, 1913 — *Марти Ю. Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 1913. Т. 31. Приложение. С. 1–88.

- Рубан, 1982 — Рубан В. В. Магистратура агорономів в Ольвії // Археологія. Вып. 39. Киев: Наукова думка, 1982. С. 30–40.
- Сапрыкин, 2015 — Сапрыкин С. Ю. Пантикапейские агораномы // ДБ. 2015. Т. 19. С. 293–301.
- Федосеев, 1991 — Федосеев Н. Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 1991. № 2. С. 244–247.
- Федосеев, 2004 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // Соловьёв С. Л., Шепко Л. Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. Отчет античной комплексной экспедиции 2002 г. Ч. I. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 45–56.
- Федосеев, 2005 — Федосеев Н. Ф. Мерные сосуды Херсонеса Таврического // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 337–340.
- Федосеев, 2013 — Федосеев Н. Ф. К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы МНК (СПб., 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 25–33.
- Федосеев, 2015 — Федосеев Н. Ф. Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи // Таврические студии. Симферополь: Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2015. № 7. С. 133–141.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Еще раз о пантикапейских агораномы // ДБ. Т. 20. М., 2016. С. 483–490.
- Федосеев, 2017 — Федосеев Н. Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.
- Chankowski-Sablé, Hasenohr, 2012 — Chankowski-Sablé V., Hasenohr C. Étalons et tables de mesure à Délos hellénistique: évolutions et ruptures // Dialogues d'histoire ancienne. 2014. Suppl. 12. P. 21–39.
- Cioffi, 2014 — Cioffi C. Documenting, measuring and integrating sekomata: An example from Naxos // Dialogues d'histoire ancienne. 2014. Suppl. 12. P. 41–56.
- Day, 1942 — Day J. An economic history of Athens under Roman domination. N.-Y.: Columbia University Press, 1942. 300 p.
- Deonna, 1938 — Deonna W. Le mobilier délien. Athènes; Paris: EFA-de Boccard, 1938. 406 p. (Exploration Archéologique de Délos. XVIII).
- Dumont, 1892 — Dumont A. Archéologie et épigraphie grecque et Gréco-Romaine. Métrologie grecque // Mélanges d'archéologie et d'épigraphie, par Albert Dumont / Réunion par Th. Homolle. Paris: Ernest Thorin, 1892. P. 116–154.
- Engels, 2000 — Engels J. Das Athenische Getreidesteuergesetz des Agyrrhios und angebliche "sozialstaatliche" Ziele in den Maßnahmen zur Getreideversorgung spatklassischer und Hellenistischer Poleis // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2000. Vol. 132. S. 97–124.
- Finkielsztejn, 2010 — Finkielsztejn G. The sekoma: a volume standard for liquids // Maresha Excavations Final report III. Epigraphic finds from the 1989–2000 Seasons / Eds. A. Kloner, E. Eshel, H. B. Korzakova, G. Finkielsztejn. Jerusalem, 2010. P. 193–203 (IAA Reports. 45).
- Forest, 1956 — Forest W. G. A Chian wine measure // The Annual of the British School at Athens. 1956. Vol. 51. P. 63–67.
- Fritzilas, 2012 — Fritzilas S. ΑΜΦΟΡΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΠΟΛΙΤΩΝ. Un sékôma en marbre de Mégalopolis // Structures et équipements des marchés antiques / Eds. V. Chankowski, P. Karvoni. Tout vendre, tout acheter. Bordeaux; Athènes: École française d' Athènes, Ausonius Éditions, 2012. P. 319–331 (Scripta Antiqua. 42).
- Guarducci, 1969 — Guarducci M. Epigrafia Greca. Vol. II. Epigrafi di carattere pubblico. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1969. 768 p.
- Hasenohr, 2012 — Hasenohr C. Ariarathès, épimélète de l'emporion et les magasins du Front de mer à Délos // Tout vendre, tout acheter. Structures et équipements des marchés antiques. Actes du colloque international de Athenes, 16–19 juin 2009 / Eds. V. Chankowski, P. Karvoni. Bordeaux: Ausonius, 2012. P. 247–259 (Scripta Antiqua. 42).
- Hultsch, 1882 — Hultsch F. Griechische und Römische Metrologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1882. 746 p.

- Klenina, Biernacki*, 2018 — *Klenina E., Biernacki A. B.* Mensae Ponderariae from the North-Western Black Sea Region. Preliminary Approach // Proceedings of the First International Roman and Late Antique Thrace Conference “Cities, Territories and Identities” (Plovdiv, 3rd–7th October 2016) / Eds. L. Vagalinski, M. Raycheva, D. Boteva, N. Sharankov. Sofia, 2018. P. 289–298 (Известия на Националния археологически институт. Т. XLIV).
- Lang*, 1968 — *Lang M.* Abacus from the Athenian agora // *Hesperia*. 1968. Vol. 37, No. 2. P. 241–243.
- Nankov*, 2017 — *Nankov E.* Sekoma: A Volume Standard for Liquids from Parthicopolis // Proceedings of an International Conference at Sandanski. September 17–20, 2015. Sandanski and its territory during prehistory, antiquity and middle ages. Current trends in archaeological research / Ed. E. Nankov. Veliko Tarnovo: Faber Publishers, 2017. P. 170–184.
- Peppas-Delmouzou*, 2014 — *Peppas-Delmouzou D.* Dédicace d’une mesure à grains par deux astynomes (IG II² 3939 + 2878) et la politique de l’annone à Athènes sous Auguste, in *L’hellénisme d’époque romaine: nouveaux documents, nouvelles approches* — (Ier s. a. C. — IIIe s. p. C.) // Actes du colloque international à la mémoire de Louis Robert, Paris 7–8 juillet 2000. Paris: De Boccard, 2014. P. 121–138.
- Pouilloux*, 1954 — *Pouilloux J.* Recherches sur l’histoire et les cultes de Thasos: De 196 avant J.-C. jusqu’à la fin de l’antiquité. Paris: E. de Boccard, 1954. 490 p. (Études thasiennes. Vol. III).
- Pouilloux*, 1955 — *Pouilloux J.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1954 // *BCH*. 1955. Vol. 79. P. 205–376.
- Schachter, Marchand*, 2012 — *Schachter A., Marchand F.* Fresh Light on the Institutions and Religious Life of Thespiiai: Six New Inscriptions from the Thespiiai Survey // *Parazarkadas Epigraphical Approaches to the Post-classical Polis Fourth Century BC to Second Century AD* / Ed. P. Martzavou. Oxford: University Press, 2012. P. 277–299.
- Stroud*, 1998 — *Stroud R.* The Athenian grain-tax law of 374/3 B.C. // *Hesperia*. 1998. Suppl. 29. P. 140.
- Wilhelm*, 1909 — *Wilhelm A.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde mit einem Anhang über die öffentliche Aufreicherung von Urkunden. Wien: Alfred Hölder. K.U.K. Hof- und Universitäts Buchhändler, 1909. 379 S.

Mensa ponderaria from Panticapaeum?

N. A. Pavlichenko

The fragment of mensa ponderaria found in 2012 among the passportless material from older excavations held in a dromos of the Tzarskiy Kurgan (Fig. 1,2) gave the opportunity to come around to a discussion about state control over weights and measures in the Bosporan kingdom. As far as one can judge by the Athenian decree IG. II², sekomata had to be made according to standard measures defined by the state (Fig. 3,4). Until now the only evidence that the usage of predefined measures of capacity at retail trade in the Northern Black Sea Coastal Region was state-regulated were artifacts of various measure vessels. In all Greek poleis measure vessels with an official (state?) stamp existed along with sekomata. The discovery of mensa ponderaria at the Bosphorus is not unexpected. It again proves the theory of the state regulation of weights and measures in the Bosporan kingdom.

Две находки архаических костяных накладок на ножны из Северного Причерноморья

А. М. Бутягин¹

Аннотация. Статья посвящена находкам костяных накладок на устье ножен, найденных в 2015 г. в Северном Причерноморье. Две костяные накладки от одних ножен были найдены в Мирмекии в слое первой четверти V в. до н. э., накладка из раскопок на острове Березань датируется второй половиной VI в. до н. э. Ножны, украшенные этими пластинами, были предназначены для меча типа махайра (копис). Они еще раз свидетельствуют о распространенности мечей этого типа в Северном Причерноморье с эпохи архаики. Находка на Боспоре в слое городища меча греческого типа является доказательством того, что греческие колонисты продолжали использовать греческий набор вооружения, опровергая мнение о широком заимствовании варварского набора наступательного оружия.

Annotation. The paper deals with the finds of bone plates for scabbard mouth found in 2015 in the North Black Sea Region. Two bone plates for the same scabbard were found in Myrmekion in a layer of the first quarter of the 5th century BC. An onlay from an excavation site at the Berezan Island is dated to the second half of the 6th century BC. The scabbards decorated with these plates were made for the sword of makhaira (kopis) type. These finds support the idea that the abundance of this type of swords in the North Black Sea Region had existed from the Archaic period. A finding of a sword of the Greek type in a layer of a site at the Bosphorus proves that Greek colonists continued to use a Greek set of weapons which disproves an opinion about the widespread adoption of the barbarian offensive weapons set.

Ключевые слова: Боспор, Березань, Мирмекий, махайра, ножны, вооружение, архаика.

Keywords: Bosphorus, Berezan, Myrmekion, makhaira, scabbard, weapons, Archaic period.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-60-68

Среди многочисленных интересов Ю. А. Виноградова военное дело всегда занимало особое место. Его перу принадлежат несколько книг по военному делу в Северном Причерноморье (Виноградов, 2004; 2006), а монография, написанная в соавторстве с В. А. Горончаровским, является наиболее крупным научным трудом, изданным на эту тему в России (Виноградов, Горончаровский, 2009). В ходе работ экспедиции под руководством

Ю. А. Виноградова на городище Мирмекий были обнаружены интересные образцы античного вооружения (Виноградов, 1997. С. 141–146).

Эта публикация, посвященная находкам двух ранних фрагментов древнегреческой амуниции в Мирмекии и на острове Березань, может служить небольшим дополнением к замечательным исследованиям юбиляра. Удивительно, что две однотипные редкие находки были сделаны в один сезон в двух удаленных друг от друга районах Северного Причерноморья. Обратимся к первой их них.

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com.

В первой половине 2010-х гг. Мирмекийская экспедиция Гос. Эрмитажа занималась изучением большого позднеархаического квартала в северной части участка «И», исследование которого было начато еще В. Ф. Гайдукевичем в начале 1960-х гг. (Гайдукевич, 1987. С. 5–36). Экспедиция продолжила изучение этого квартала (Butyagin, 2019. Р. 161–164), в результате удалось выяснить структуру его северной части, состоявшей, как минимум, из трех отдельных домохозяйств. В сезоне 2015 г. основной задачей было дойти по всей площади участка до основания позднеархаических кладок, а также раскопать недоследованные линзы раннего грунта в западинах на материке. Находок в этих слоях было немного, но их ценность состояла в том, что они относились к самому началу строительства позднеархаического квартала: концу VI — началу V в. до н. э. При этом в северной части улицы в заплыве зеленоватого суглинка, возможно образовавшегося в промоине большой лужи² или какой-то небольшой яме, была сделана чрезвычайно интересная находка³ (рис. 1) (Бутягин и др., 2017. С. 220–221). Она представляла собой две костяные пластины, лежавшие одна на другой⁴. В ходе раскопок верхняя пластина была сдвинута и вынута по частям. Еще в земле она раскололась по линии естественного напряжения (у нижней пластины в таком же месте проходит трещина). Даже по первому найденному небольшому фрагменту сразу стало ясно, что мы имеем дело с чрезвычайно редкой для Северного Причерноморья находкой.

Обе пластины прямоугольной формы и примерно одинакового размера: длиной 7,3–7,5 см, шириной 2,3–2,5 см (рис. 2, 1, 2). На верхней длинной стороне расположен выступ высотой около 0,5 см, при этом он смещен относительно середины пластины и находится

Рис. 1. Городище Мирмекий. Участок «И». Раскопки 2015 г. Костяные пластины в момент находки

Fig. 1. Site of ancient Myrmekion. Section “I”. Excavations of 2015. Bone plates at the moment of discovery

примерно в 1,6 см от края. Пластины сделаны зеркально по отношению друг к другу (рис. 2, 3). Возможно, они изготовлены из части таза особи крупного рогатого скота, так как заметна трубчатая структура кости⁵. Снаружи также зеркально на обеих пластинах прочерчены косые кресты, причем весьма грубо. По торцам пластин сделано по три небольших отверстия для крепления. Стоит обратить внимание на то, что на одной из пластин эти отверстия просверлены дважды, вероятно в связи с тем, что первый раз мастер ошибся с необходимыми точками.

В принципе подобные парные пластины могли быть использованы для украшения целого ряда различных предметов, например, гребня, шкатулки или ложки. Однако нестандартный парный выступ на длинной стороне сразу же навел на мысль, что мы имеем дело с оформлением устья ножен меча.

Греческое оружие на территории городов Северного Причерноморья находят весьма редко. Особенно это относится к мечам, которые были явно более дороги, чем, например, копья, и сохранялись особенно тщательно. Фактически каждая находка греческого меча

² Это самая низкая часть улицы, и здесь должна была скапливаться вода.

³ Работами на участке руководил В. П. Колосов.

⁴ Полевые номера М.2015-17, 18. В настоящее время находятся в коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

⁵ Благодарю за любезную консультацию канд. ист. наук А. К. Каспарова.

Рис. 2. Городище Мирмекий. Костяные пластины от устьев ножен меча: 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона; 3 — совмещённое положение. Остров Березань, раскопки 2015 г.: 4 — костяная пластина от устьев ножен меча

Fig. 2. Site of ancient Myrmekion. Bone plates at the scabbard mouth of the sword: 1 — external side; 2 — internal side; 3 — combined position. Berezan island, excavations in 2015: 4 — bone plate at the scabbard mouth of the sword

является если не сенсацией, то большой удачей археологов. Находки деталей ножен еще более редки, а кроме того, не столь очевидны для исследователей, в результате чего многие из них оседают в коллекциях музеев и археологических институций как «предметы неизвестного назначения»⁶.

Конструкция ножен греческого меча была довольно простой. Основная часть (футляр) изготавливалась из дерева и кожи, а устья и бутероли делались из кости или бронзы, в редких случаях использовалось железо. Форма и тех, и других частей относительно

стандартна. На устьях и бутеролях проделывались отверстия с целью крепления их к деревянным частям. Кроме того, на ножны могли ставиться кольца для крепления портупейных ремней.

Изображения ножен мечей встречаются на многочисленных вазовых изображениях, особенно на памятниках краснофигурной аттической керамики. На вазах устья ножен часто изображаются гладкими⁷. Скорее всего, это связано с тем, что часть мечей фиксировалась именно таким образом. Действительно,

⁶ Так, например, трактовалась бутероль из Севтополиса (Огненова-Маринова, 1984. С. 193–194, обр. 44).

⁷ Сводку изображений см.: Литвинский, 2001. С. 287–288; вариант сводной таблицы, см.: Черненко, 1977. С. 123, рис. 3.

такое устройство имеют ножны ксифоса из Камповолано (*Cianfarani*, 1972. Р. 30, ill. 3), хотя на гарде имеется небольшая выемка (возможно, греческий меч был переложен в ножны местного производства). На ряде устьев мы видим важную деталь — небольшой выступ в середине верхней части. Соответственно на гарде находился принимающий вырез. Похоже, что такое соединение было весьма распространенным для устройства ножен прямого греческого меча — ксифоса. Выступы находятся в центре верхней части устьев с обеих сторон, ответственно двум вырезам на гарде. Назначение подобной конструкции не совсем ясно. Вероятно, это было нужно для точной фиксации (центровки) положения меча в ножнах⁸. Также возможно, что данные выступы служили для более плотной фиксации гарды в ножнах. Подобное устройство устьев ножен подтверждается археологическими находками, хотя их не слишком много. Рассмотрим некоторые из них.

Примеры устьев ножен с выступом и парной к ним гардой встречаются на территории Греции, Фракии и Италии. Можно упомянуть меч в ножнах из Алфедены, где имеется небольшой выступ (*Cianfarani*, 1972. Р. 30, ill. 2). На неплохо сохранившемся мече с Марафонского поля железная гарда сильно корродированна, и не совсем понятна форма верхней части костяных устьев ножен (*Черненко*, 1977. С. 122, рис. 5, 6, 1). Роскошным примером сохранившихся деталей ножен и рукояти ксифоса является меч из Вергины (*Kottaridi*, 2013. Р. 271). Заметим, что из четырех ксифосов, найденных в захоронении Филиппа II, как минимум, у трех есть выемки на гарде под выступ устья (помимо того, что у меча, упомянутого выше, сохранилась и костяная обкладка устья). Любопытно, что в Олимпии среди разнообразных фрагментов вооружения фрагментов устьев ножен найдено относительно немного. Открыто всего два целых устья и одна отдельная пластина (*Baitinger*, 2001. Р. 78, 236, taf. 66, 80a). Все они

⁸ Благодарю за устно высказанное предположение Ю. П. Калашника.

с выступами в верхней части. Богатый образец устья из слоновой кости, возможно эллинистического времени, найден на Афинской Агоре (*Liston, Rotroff, Snyder*, 2018. Р. 92–94). Наконец, прекрасный набор устьев ножен ксифоса найден и среди приношений в храм в Оксе на городище Тахти-Сангин (*Литвинский*, 2001. С. 265–268, табл. 75–77). Здесь представлены как образцы с гладкой верхней частью, так и с выступами. Судя по всему, эта деталь использовалась не постоянно, но достаточно часто. Например, в Тахти-Сангин из 12 устьев пять с выступом в верхней части, шесть без них, а у одной поврежденная интересующая нас сторона. В Северном Причерноморье детали ножен — костяные устье и бутероль — были найдены только в Ольвии (*Черненко*, 1977. С. 120–121)⁹. Насколько мне известно, другие находки устьев в регионе, в том числе и на Боспоре, пока неизвестны.

От приведенных примеров пластины из Мирмекия отличаются значительным смещением выступа к краю ножен. Несмотря на то что на вазах встречаются асимметричные ножны ксифоса, такая ситуация, видимо, является художественной вольностью. Представляется, что смещение выступа соответствует мечу с асимметричной рукоятью. Она характерна для однолезвийного греческого меча, который в отечественной литературе именуется махайра или копис. Этот тип меча хорошо известен как по вазописи, так и по археологическим находкам. Заметим, что вазопись дает весьма разнообразные конструкции ножен махайры, например без бутероли или с высоким выступом с одной из сторон верхней части ножен, имеются и изображения с гладким примыканием. Единственный известный мне аналог мирмекийским накладкам изображен на краснофигурной аттической кальпиде из провинциального археологического музея в Салерно, где

⁹ Любопытно, что на экспозиции Археологического музея в Киеве устье меча было ошибочно развернуто вниз выступом, что демонстрирует редкость и непривычность такой находки для исследователей Северного Причерноморья.

меч висит на поясе Ипполиты, сражающейся с Гераклом¹⁰.

Наиболее надежные данные дают археологические находки. К сожалению, все они относятся к эллинистическому периоду, когда применение махайры в бою претерпело серьезные изменения. Сохранность костяной накладки меча рубежа V–IV вв. до н. э. из Сейтомер Хойюк в Западной Анатолии не позволяет точно говорить о ее форме (Coşkun, 2017. P. 84–85). Если в доэллинистическую эпоху однолезвийный меч был разновидностью оружия ближнего боя пехотинца, который было удобно применять в тесной схватке, то с усилением роли конницы махайра превращается в излюбленное оружие всадников, предназначенное для рубки с коня. При этом длина меча существенно увеличивается. В связи с тем что устья ножен махайр могут выглядеть по-разному, в их определении помогают вотивные рукояти мечей, найденные при раскопках святилища Зевса в Додоне (Daix, 1966. P. 846–847). Эти вотивы сделаны в виде рукояток мечей, иногда украшенных головами животных или птиц, утопленных в устья ножен. Они отливались из одного куска бронзы, но линия касания рукоятки и устья на них прослеживается очень четко. Точно такой же изгиб дают и многочисленные устья ножен махайры из Тахти-Сангин, сделанные из кости и железа (Литвинский, 2001. С. 265–260, табл. 64–70). Всего здесь найдено 45 экземпляров, что можно считать абсолютным рекордом по количеству находок устьев античных мечей в мире (Литвинский, 2001. С. 275). Любопытно, что выступ в месте крепления рукояти наличествует на всех (!) имеющихся экземплярах удовлетворительной сохранности, а также на вотивах. Обычно здесь присутствует двойной выступ, но встречаются и одинарные.

Несмотря на то что в Северном Причерноморье до сих пор не были найдены фрагменты ножен махайры, сами мечи обнаруживали не раз. На Боспоре имеется неплохой набор фрагментов однолезвийных мечей, в частности,

лезвия найдены в Мирмекии и Вышестеблиевской-11 (Виноградов, 1997. С. 141–146; Грицик, 2004. С. 104–108). Хорошо сохранился экземпляр небольшой, вероятно вотивной, махайры из Пантикапея. В последнее время появилась информация о находке прекрасно сохранившегося образца такого меча из некрополя поселения Волна-1 на Тамани. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский подчеркивали, что этот тип меча особенно рано распространился именно среди греков Северного Причерноморья (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 42–43). Популярность его на Боспоре отмечал и Н. И. Сокольский (Сокольский, 1954. С. 134). Таким образом, находка в Мирмекии накладок на ножны махайры не вызывает особого удивления. При этом они, несомненно, боспорского происхождения, на что указывает неаккуратная работа мастера, а также весьма простой способ пометки — косой крест.

Причины, по которым ножны махайры оказались на одной из улиц Мирмекии не совсем ясны. Пластины найдены вместе, и нет никаких сомнений в том, что они располагались непосредственно на деревянных ножнах, а не были сломаны и выброшены. Вероятность последнего невелика, так как рядом с ними не были найдены никакие другие предметы, то есть здесь не было даже небольшой древней помойки. Скорее всего, ножны были утеряны или повреждены в ходе военных событий, связанных с разрушением Мирмекии в конце первой трети V в. до н. э., когда город был сожжен, а оборонительная стена прикрыла только участок в районе акрополя (Vinoogradov, Butyagin, Vakhtina, 2003. P. 811).

Возможно, накладки, найденные в Мирмекии, стали бы единственным и самым ранним экземпляром такого типа вещей, обнаруженным в Северном Причерноморье, если бы не еще одна находка, сделанная в том же 2015 г. Березанской экспедицией Гос. Эрмитажа в ходе раскопок на острове Березань¹¹.

¹⁰ Ваза находится на экспозиции музея, ее публикации мне неизвестны.

¹¹ Хочу поблагодарить начальника Березанской экспедиции Д. Е. Чистова за любезную возможность опубликовать эту находку.

Здесь была обнаружена костяная пластина сложной формы, вне всякого сомнения являющаяся половиной устья ножен махайры¹². Ее размеры 8,2 × 3,0 см (рис. 2, 4). Обе стороны пластины тщательно зашлифованы, за исключением двух выступов на внутренней стороне, ограничивавших лезвие меча. На верхней части пластины присутствует полукруглый выступ, расположенный со смещением от центра, причем короткая часть пластины, примыкавшая к гарде меча, чуть приподнята вверх, а внешняя, в отличие от мирмекийской, оканчивается большим прямоугольным выступом, обеспечивающим плотную фиксацию рукояти. Любопытно, что такая деталь иногда изображается на ножнах махайры в краснофигурной вазописи, но небольшой полукруглый выступ при этом отсутствует. Такая форма ножен, вероятно, была более совершенной, и это, наряду с тщательной обработкой березанской пластины, позволяет предположить, что она была изготовлена за пределами Северного Причерноморья.

Пластина была найдена во дворе большого жилого дома МК-3, относящегося к строительной фазе II-A, которая датируется временем от 540-х гг. до н. э. до последней четверти VI в. до н. э. Таким образом, этот фрагмент является наиболее ранним обломком ножен махайры, найденным в Северном Причерноморье, а возможно, и в мире. Судя по тому, что найдена только одна пластина от устья ножен, вероятно, мы имеем дело с выброшенной частью поврежденной амуниции.

Находка в городских слоях двух разных регионов Северного Причерноморья фрагментов ножен махайры еще раз свидетельствует о широкой распространенности этого типа меча уже в позднеархаическое время. Кроме того, можно констатировать разнообразие форм устьев, возможно, связанное с различными традициями их производства в метрополии. Особенно важно, что накладки из Мирмекия, как, вероятно, и сами ножны,

были изготовлены на Боспоре, что свидетельствует о том, что и махайры вполне могли производиться здесь в начале V в. до н. э.

Находка на Боспоре еще одного образца вооружения греческого типа заставляет снова обратиться к проблеме боспорских погребений с оружием. Многочисленные мужские грунтовые могилы с предметами вооружения (бронзовыми наконечниками стрел, железными мечами, наконечниками копий, очень редко топорами) были распространены в античных некрополях региона во второй половине VI — V в. до н. э., причем пик их численности приходится на вторую четверть — середину V в. до н. э. Удивительной особенностью этих погребений является наличие в них предметов вооружения почти исключительно негреческих типов, что особенно характерно для найденных в погребениях мечей¹³.

В научной дискуссии вокруг этой проблемы самой авторитетной сейчас является точка зрения, наиболее последовательно высказанная Н. И. Сударевым (*Завойкин, Сударев, 2006. С. 104–106*). Согласно ей, почти со времени своего появления на Боспоре греки убедились в бессмысленности тактики применения тяжелой пехоты в условиях степей Северного Причерноморья. Это привело к изменению вооружения колонистов, которые полностью переняли местные типы наступательного оружия. Таким образом, вопрос этнической интерпретации решается просто: все погребения с оружием принадлежат греческому населению колоний.

Основным проблемным моментом данной интерпретации является удивительное несоответствие между находками греческих мечей в боспорских погребениях и поселениях. Несмотря на то что при раскопках поселений подобные находки встречаются нечасто, здесь, вне всякого сомнения, присутствуют греческие типы оружия, в первую очередь махайры. К ним относится и устье ножен, описанное выше. То, что ножны, скорее всего, были изготовлены на Боспоре, лишней раз

¹² Полевой номер БЭ 2015 13/464. В настоящее время находится в коллекции Национального историко-археологического заповедника «Ольвия».

¹³ Сводку погребений, с включением в нее курганных могил см.: *Завойкин, Сударев, 2006. С. 107–118*.

свидетельствует о широком использовании мечей греческих типов в регионе.

Совсем другая картина наблюдается в боспорских воинских погребениях, где подавляющая часть мечей относится к варварским типам. В свое время Н. И. Сокольский обратил внимание на то, что меч в них часто располагается у правого бедра погребенного и даже лежит наискось через кости ног, как это принято в погребениях кочевников (*Сокольский*, 1954. С. 129–130). Такие погребения Н. И. Сокольский предлагал считать однозначно варварскими, что является вполне здоровой точкой зрения. Если предположить, что они принадлежат грекам, придется признать, что они не только использовали варварские типы мечей, но и систему их ношения с правой стороны.

Как представляется, прямые мечи варварских типов было удобно носить с правой стороны. Вынимание же меча с лезвием изогнутой формы при таком способе ношения будет затруднительным, если хозяин, конечно, не левша. Таким образом, ношение махайры с правой стороны корпуса можно считать исключенным. Среди варварских памятников Боспора можно вспомнить только находку рукояти такого меча в III Семибратнем кургане, но она относится уже к первой четверти IV в. до н. э. (*Бутягин*, 1996. С. 44), когда удлиненные махайры использовались для рубки с коня. Соответственно широкое распространение махайр в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, заставляет предполагать, что значительное число греческих поселенцев были вооружены греческими мечами. Следовательно воинские погребения с мечами варварских типов, особенно в том случае, когда они располагаются с правой стороны, должны рассматриваться как негреческие погребения (*Бутягин*, 2018. С. 112–113).

В заключение, пользуясь юбилейным характером издания, хотелось бы сказать несколько слов о Юрии Алексеевиче Виноградове, который очень много значит для меня. Думаю, что никто не сомневается в прекрасном полевом чутье и практическом опыте юбиляра, его выдающихся способностях

к анализу археологических материалов и крупных исторических процессов. Доказательством тому являются многочисленные статьи и книги, которые уже давно стали настольными для любого специалиста, занимающегося археологией и историей античного Северного Причерноморья. Мне хотелось бы здесь сказать о своих личных впечатлениях от многолетнего совместного общения и работы с Юрием Алексеевичем.

Наше знакомство состоялось благодаря моей матери Елизавете Сергиенко и моему горячему желанию участвовать в раскопках какого-нибудь боспорского города. Через знакомых ей удалось связаться с Юрием Алексеевичем и договориться о том, что я, будучи школьником (только закончил 9-й класс), смогу принять участие в работе Мирмекийской экспедиции. С самого начала нашего знакомства Юрий Алексеевич произвел на меня огромное впечатление своим профессионализмом, внимательностью, уверенностью в действиях и самоотверженностью в работе. Неудивительно, что он пользовался и пользуется до сих пор искренней любовью и уважением всех людей, которым пришлось работать в экспедиции под его началом или рядом с ним.

Поступив в 1988 г. на кафедру археологии ЛГУ, я ни секунды не сомневался в выборе научного руководителя. До сих пор я считаю, что это было огромным везением, удачно случившимся в самом начале моих научных занятий. Юрий Алексеевич отличался крайней внимательностью к студенческим работам, к малейшим недостаткам которых он относился без всяких скидок на молодость и неопытность. При этом он всегда был открыт для любого научного обсуждения и со всей серьезностью относился к любым нашим соображениям, даже если они не совпадали с его мнением. Это была лучшая научная школа, которую можно себе представить. Таким же прекрасным обучением была и совместная работа в экспедициях. Мне посчастливилось работать под руководством Ю. А. Виноградова в Мирмекии и на городище Станислав. Даже закончив университет и поступив работать в Гос. Эрмитаж, я, пока это было

возможно, пытался найти время, чтобы поработать в экспедиции Юрия Алексеевича.

Впоследствии, с началом работ в Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа, наше сотрудничество стало весьма тесным. Проявилось оно и в совместных публикациях, при работе над которыми Ю. А. Виноградов проявлял удивительный такт и всегда брал на себя львиную долю работы, которую, как всегда, выполнял блестяще. Надеюсь, что наши совместные исследования продолжатся.

Несмотря на прошедшие десятилетия Юрий Алексеевич Виноградов остался моим

единственным научным руководителем, авторитету которому я чрезвычайно доверяю и самым серьезным образом воспринимаю его советы и замечания. Мое отношение к Юрию Алексеевичу не ограничивается рамками научной работы. Зная его две трети своей жизни, я давно уже воспринимаю его как очень важную часть собственной жизни, человека близкого, жизнь которого чрезвычайно важна для меня. Хочется поздравить Юрия Алексеевича с юбилеем и верить, что нашему общению и сотрудничеству суждены еще долгие годы.

Бутягин, 1996 — Бутягин А. М. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: ТД тематической НК / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 44–45.

Бутягин, 2018 — Бутягин А. М. Кризис V в. до н. э. и феномен воинских погребений Боспора // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 108–114.

Бутягин и др., 2017 — Бутягин А. М., Еремеева А. А., Колосов В. П. Работы Мирмекийской экспедиции в 2015 году // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 217–228.

Виноградов, 1997 — Виноградов Ю. А. Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I / Сост. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: Администрация Псковской обл., Комитет по культуре и туризму, 1997. С. 141–146.

Виноградов, 2004 — Виноградов Ю. А. «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 193 с.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 251 с.

Виноградов, Горнчаровский, 2009 — Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А. Военная

история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.

Гайдукевич, 1987 — Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 178 с.

Грицик, 2004 — Грицик Е. В. Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2004. С. 104–108.

Завойкин, Сударев, 2006 — Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. 1 // ДБ. 2006. Т. 9. С. 101–143.

Литвинский, 2001 — Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древнебактрийском и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 512 с.

Огненова-Маринова, 1984 — Огненова-Маринова Л. Дребни находки, теракоти, скульптура // Севтополис. Т. I. Бит и култура. София: Издательство на Българската академия на науките, 1984. С. 159–228.

Сокольский, 1954 — Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–196.

Черненко, 1977 — Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 120–127.

- Baitinger*, 2001 — *Baitinger H.* Die Angriffswaffen aus Olympia. Berlin; New York: Walter de Gruyter ed., 2001. 258 p. (Olimpische Forschungen. XXIX).
- Butyagin*, 2019 — *Butyagin A.* Investigations of the Myrmekion expedition in 2014–2018 // *Hyperboreus*. 2019. Vol. 25, fasc. 1. P. 161–169.
- Cianfarani*, 1972 — *Cianfarani V.* The necropolis of Campovalano — Mysteries of Middle Adriatic Culture // *Expedition*. 1972. Vol. 14, Issue 4. P. 27–32.
- Coşkun*, 2017 — *Coşkun G. A.* One-Edged curved Sword from Seyitömer Höyük // *Adalya*. 2017. 20. P. 83–102.
- Daux*, 1966 — *Daux G.* Chronique des fouilles et découvertes en Grece en 1965 // *BCH*. 1966. Vol. 90, Livr. 2. P. 715–1019.
- Kottaridi*, 2013 — *Kottaridi A.* Aigai. The royal metropolis of the Macedonians. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation, 2013. 370 p.
- Liston, Rotroff, Snyder*, 2018 — *Liston M. A., Rotroff S. I., Snyder L. M.* The Agora bone well. London: American school of classical Studies of Athens, 2018. 200 p.
- Vinogradov, Butyagin, Vakhtina*, 2003 — *Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Yu.* Myrmekion-Porthmeus. Two “Small” Towns of Ancient Bosphorus // *Ancient Greek colonies in the Black Sea*. Vol. II / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. P. 803–831.

Two finds of archaic bone plates for scabbard from the North Black Sea Region

A. M. Butyagin

Among many scientific interests of Yu. A. Vinogradov, studies of art of war of the ancient North Black Sea Coastal Region have a special place. In particular he noted the spread of the sword of the mahira (kopis) type in the North Black Sea Region.

Two symmetrical bone plates labelled with the cut oblique crosses were found in Myrmekion in 2015. There was a semicircular ledge on the upper part of the plate's base. It is offset from the middle of the long side. Such ledges are common for the plates decorating the scabbard mouths of the Greek swords. These ledges are known on the scabbard mouths of the swords from Athens and Vergina. They are also found at the red-figure vase painting. The offset of the ledge indicates that the sword handle is offset as well. This is especially typical for the single-edged sword — the makhaira. Fragments of the iron blades of such swords were made in Myrmekion and in Vyshestebliyevskaya-11. The way of the processing of the bone plates from Myrmekion evidences that they were made at the Bosphorus. The plates were found in the layers of a street of the first third of the 5th century BC. They were probably lost during the destruction of Myrmekion during the nomad attack.

Another plate which also was the facing of the makhaira scabbard was found in the same year at the Berezan island during the excavations. It differs from the Myrmekion finding. Its processing quality is higher and it has the square ledge from the side of the blade. This ledge was designed to be a steady support of the single-edged sword. This scabbard was probably made in the metropolis and transported to the North Black Sea Coastal Region. The layer where the fragment was found is dated to the period from 540 BC to the last quarter of the 6th century BC.

These rare finds give additional information about the construction of the makhaira scabbard in the Late Archaic period. They also point to the fact that this weapon type was widespread in the North Black Sea Region in the Late Archaic period. This observation is important for the interpretation of male burials with weapons at the Bosphorus region in the second half of the 6th century BC — the 5th century BC. Only barbarian types of swords were found in these burials. Many of them lay on the right side of the body and they often lay across the legs like in barbarian burial sites. Therefore it is suggested that the Greek settlers adopted the barbarian system of the offensive weapons. Meanwhile fragments of weapons of the Greek types prevail in the Greek settlements. The considered plates are of the Greek type. We think that people did not carry the makhaira — the single-edged sword — on the right side. Based on the displayed finds we can say that many Greek settlers continued to use the Greek types of offensive weapons. In this case the burials with weapons should be regarded as predominantly barbaric.

Новые данные о косторезном ремесле Мирмекия

Н. М. Милихина¹

Аннотация. В статье предварительно публикуется серия заготовок костяных изделий, обнаруженных в ходе исследований западной части Мирмекия в 2017–2018 гг. Ранее комплексы, связанные с организацией косторезного производства, не были известны, тогда как описываемые в статье вещи несомненно могут быть интерпретированы как следы существования ремесленной мастерской на городище. Керамический материал, найденный вместе с косторезным сбросом, позволяет датировать комплекс первой половиной IV в. до н. э.

Annotation. There is a preliminary publication of a series of half-finished products of bone objects revealed during the investigations of the western part of Myrmekion in 2017–2018. Complexes related to the organization of a bone-carving manufacturing were previously unknown. Meanwhile, finds described in the article can undoubtedly be interpreted as traces of existence of a craft producer at the site. Ceramic material found with bone-carving debris allows us to date the complex to the first half on the 4th century BC.

Ключевые слова: Боспорское царство, Мирмекий, классика, косторезное производство, изделия из кости и рога.

Keywords: Bosphoran kingdom, Myrmekion, Classical period, bone-carving manufacturing, objects made of bone and horn.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-69-78

Юрию Алексеевичу Виноградову, посвятившему археологическому изучению городища Мирмекий почти 20 лет², принадлежит немало открытий, связанных с ранним этапом его существования. В частности, его экспедицией на участке «С» у подножья скалы акрополя были обнаружены остатки богатого дома эпохи классики (Vinogradov et al., 2003. P. 815). В 2017 г. неподалеку уже Мирмекийской экспедицией Гос.

Эрмитажа под руководством А. М. Бутягина на участке «ТС» был обнаружен еще один объект того же времени. Это яма под стеной большой усадьбы римского периода, в которой было найдено уникальное двустороннее свинцовое письмо³ (Бехтер и др., 2018). В следующем полевом сезоне ввиду того что несколько каменных блоков кладки просели в более рыхлый грунт, стал возможным частичный разбор стены и доследование заполнения ямы⁴.

Стоит отметить непростую стратиграфическую ситуацию в данной части раскопа.

¹ Лаборатория камеральной и цифровой обработки и учета археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: n.milikhina@gmail.com.

² С 1982 по 1999 г. он возглавлял Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (с 1991 г. — ИИМК РАН).

³ В полевой документации — «Яма № ТС-7/2018».

⁴ Благодарю А. М. Бутягина за возможность работать с полевой документацией и помощь в работе над статьей.

Описываемая яма была вырыта в материке и частично задела погребение эпохи бронзы, а ее устье было повреждено в ходе более поздних строительных нивелировок. Кроме того, в годы войны культурные напластования к северу от ямы были уничтожены взрывом авиабомбы (рис. 1).

Яма, округлая в плане, имела устье размерами 2,15 × 1,60 м и глубину около 0,5 м. На дне ее была обнаружена вкопанная нижняя часть фасосской амфоры. В рыхлом золистом заполнении помимо обильного керамического материала находились многочисленные обломки костей со следами обработки, вызвавшие особый интерес в связи с тем, что до недавнего времени в Мирмекии не удавалось обнаружить комплексов, непосредственно связанных с косторезным производством. Костяные изделия высокого класса — здесь не редкость. В этой связи можно упомянуть прекрасный костяной перстень с рельефным изображением Геракла, обнаруженный экспедицией В. Ф. Гайдукевича во время раскопок мирмекийского зольника II (*Гайдукевич*, 1987. С. 88, рис 114, 1). Вместе с тем довольно частыми находками в слоях античного времени являются мелкие поделки из кости (*Петерс*, 1986). До сих пор в довольно большом количестве подобные изделия в виде резных орнаментированных пластин, профилированных стержней и костяных спиц были обнаружены только в напластованиях IV в. до н. э. на участке «И» (*Гайдукевич*, 1987. С. 46, рис 48).

Из рассматриваемого комплекса происходят 79 обработанных обломков костей⁵. Все они небольшого размера: самый крупный — 9,2 × 2,3 см, самый мелкий — 0,7 × 0,6 см. По степени обработки эти фрагменты можно разделить на три категории, соответствующие этапам, на которых они выпадали из цикла производства и были отброшены мастером. Это могло быть обусловлено первоначальным замыслом либо случайностью

(браком) — непредвиденным раскалыванием или внутренним дефектом кости.

К первой категории — *обрезков* — отнесены фрагменты костей, подвергшиеся начальной обработке — распиливанию и резке. На этом этапе удалялись ненужные в производстве части, задавались грубые параметры будущего изделия, будь то пластина, стержень или кольцо. В эту группу попадает 47 обломков, что составляет 60 % от общего количества (рис. 2, А).

При последующей работе костяные полуфабрикаты подвергались более точной подрезке и шлифовке, их форма получала конечные (или близкие к тому) очертания. Категория *заготовок*, соответствующая второму этапу, включает 29 фрагментов (или 36 % от общего числа) (рис. 2, Б). В этот момент на костяные пластины могли быть нанесены тонкие врезные линии для приклеивания, просверлены отверстия для крепления к поверхности. Кроме того, на этой стадии использовался токарный станок. Для рассматриваемых изделий он применялся для вытачивания цилиндрических стержней и, возможно, для точной подрезки их краев.

Наконец, на последней стадии мастер мог добавить дополнительные декоративные элементы и отполировать детали, после чего изделие могло считаться готовым. Из всех найденных в описываемом комплексе фрагментов только три могут быть отнесены к *готовым изделиям* или их частям: это два астрагала и прямоугольная костяная пластина с отверстиями (рис. 2, В).

Таким образом, в Мирмекии неподалеку от скалы акрополя можно предполагать существование мастерской, специализировавшейся на обработке кости, поскольку наряду с такими простыми операциями, как распиливание и резка, имела место более тонкая резьба, а также обработка на токарном станке, что требовало специальных навыков и сложных инструментов. Необходимо отметить, что обнаружение обработанных астрагалов может быть лишь косвенно связано с комплексом косторезного сброса. Тем не менее это позволяет предположить, что и такие

⁵ Все описываемые в статье вещи переданы на хранение в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Далее в тексте приведены номера коллекционной описи Мирмекийской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа.

Рис. 1. Городище Мирмекий. Яма № ТС-7/2018. Вид после расчистки
Fig. 1. Site of Myrmekion. Pit № TS-7/2018. View after the cleaning

Рис. 2. Городище Мирмекий. Фрагменты кости и рога со следами обработки. А — «обрезки»: 1 — фрагмент обрезанной плоской кости, М.2018-357 (здесь и далее приводятся шифры полевой описи); 2 — фрагмент обрезанной трубчатой кости, М.2018-108; 3, 4 — фрагменты костяных стержней со следами продольной резки, М.2018-124, 129; 5, 6 — фрагменты оснований рогов, М.2018-105, 85; 7, 8 — фрагменты концевых частей рогов, М.2018-118, 121. Б — «заготовки»: 9-17 — фрагменты костяных пластин, М.2018-356, 359, 113, 112, 94, 138, 140, 96, 109; 18-22 — фрагменты костяных стержней, М.2018-87, 114, 123, 131, 127. В — «изделия»: 23 — астрагал со сверленным отверстием, М.2018-104; 24 — шлифованный астрагал, М.2018-354; 25 — фрагмент костяной накладки с отверстием, М.2018-117

Fig. 2. Site of Myrmekion. Fragments of bones and horn with the marks of processing. А — “clippings”: 1 — fragment of cut flat bone, M.2018-357 (here and after field inventory codes are provided); 2 — fragment of cut cortical bone, M.2018-108; 3, 4 — fragments of bone rods with marks of length cutting, M.2018-124, 129; 5, 6 — fragments of bases of horns, M.2018-105, 85; 7, 8 — fragments of end parts of horns, M.2018-118, 121. Б — “blanks”: 9-17 — fragments of bone plates, M.2018-356, 359, 113, 112, 94, 138, 140, 96, 109; 18-22 — fragments of bone rods, M.2018-87, 114, 123, 131, 127. В — “finished objects”: 23 — astragalus with a drilled hole, M.2018-104; 24 — faceted astragalus, M.2018-354; 25 — fragment of bone plate with hole, M.2018-117

незамысловатые предметы могли изготавливаться в мастерских наряду с более сложными в производстве.

В качестве сырья в основном использовались плотные кости копытных: козы, овцы, коровы⁶. Необычным является наличие обрезка стержня из таранной кости лошади⁷. Также среди костяных заготовок присутствуют фрагменты рога благородного оленя. Интересно, что в обработку шли рога, сброшенные естественным образом, о чем свидетельствуют нижние части их оснований. По-видимому, сброшенных в степи рогов хватало для производственных нужд, а охота ради их добычи не была распространена. Всего в выборке 14 фрагментов рога, все они представлены либо частями оснований, либо узкими концами, которые, вероятно, не использовались. Кроме этого, материал одного из обломков⁸ (рис. 2, 18) предварительно может быть определен как слоновая кость, однако, для уточнения требуется более детальное его изучение.

Остановимся подробно на каждой из перечисленных категорий. *Обрезки* в целом имеют большие размеры относительно *заготовок*, что соответствует логике операций, когда с каждой последующей стадией обработки отсекаются всё меньшие фрагменты. Здесь выделяются тонкие (толщиной до 0,2 см) асимметричные пластины из плоских костей черепа или лопаток (рис. 2, 1). На некоторых из них видны следы грубой шлифовки поверхности рашпилем. Пластины отличаются четкие срезы с одной или нескольких сторон и неровные сломы с другой, из-за которых они, вероятно и были выброшены⁹. Многочисленны обработанные фрагменты внешних частей трубчатых (длинных) костей, которые были разрезаны по продольной линии (рис. 2, 2). С короткой стороны присутствует неровный скол, как и в предыдущем

варианте, имеют место шероховатости и изгибы кости, которые помешали бы дальнейшему изготовлению пластины¹⁰. Значительна доля обрезков будущих костяных стержней — центральных частей длинных костей с характерными гранями — следами продольной подрезки¹¹ (рис. 2, 3–4). Отдельно отметим фрагменты рогов, не пошедшие в дальнейшую обработку: отпиленные части оснований с неровной, бугристой боковой поверхностью¹² (рис. 2, 5–6) и концевые конусовидные фрагменты¹³. Причем последние, вероятно, отделялись уже после общей первичной шлифовки¹⁴ (рис. 2, 7), а иногда и после продольной обрезки¹⁵ (рис. 2, 8).

Заготовки по большей части представлены пластинами различных форм и размеров. Это вытянутые треугольные, подтреугольные и трапециевидные вставки¹⁶ (рис. 2, 9–11) прямоугольные накладки шириной от 1 см¹⁷ (рис. 2, 12–13), а также узкие пластинки шириной до 0,5 см¹⁸ (рис. 2, 14–15). Многие детали обломаны с одной из сторон. В отличие от пластинок-обрезков они подверглись более тщательной обработке и шлифовке. В некоторых из них были просверлены аккуратные отверстия для крепления¹⁹. Нередко на пластины для приклеивания наносились тонкие врезные линии²⁰ (рис. 2, 11–15). При этом отдельные детали (возможно, заготовки фигурных накладок) имеют неправильную форму²¹ (рис. 2, 16). Еще одним вариантом крепления являлись вырезанные пазы, которые могли

¹⁰ М.2018-98, 99, 102, 108, 116, 122, 132, 133, 350, 351, 352, 355, 358, 361, 362.

¹¹ М.2018-95, 97, 124, 125, 128, 129, 136.

¹² М.2018-82, 86, 105, 106, 107.

¹³ М.2018-83, 110, 115, 116, 126, 130, 132, 135.

¹⁴ М.2018-111, 118, 119.

¹⁵ М.2018-83, 121.

¹⁶ М.2018-88, 113, 134, 349, 356, 359, 360.

¹⁷ М.2018-93, 94, 112.

¹⁸ М.2018-89, 92, 101, 102, 109, 138, 139, 140, 141.

¹⁹ М.2018-112, 113, 94.

²⁰ М.2018-88, 96, 112, 120, 138, 139, 141.

²¹ М.2018-96, 120.

⁶ Благодарю А. К. Каспарова за консультации и анализ остеологического материала.

⁷ М.2018-91.

⁸ М.2018-87.

⁹ М.2018-84, 348, 353, 357.

быть совмещены с выступами, например, на деревянной шкатулке²² (рис. 2, 17).

В категории заготовок представлены также фрагменты костяных стержней (рис. 2, 18–21). Важной особенностью в данном случае является наличие следов обработки на токарном станке. Можно реконструировать их производство следующим образом: стержень плотной кости обрезался ножом по всей длине по кругу, затем следовало сточить получившиеся при резке острые грани с помощью шлифовки, например, рыбой кожей (Петерс, 1986. С. 38) или стачиванием поверхности резцом на токарном станке. При этом та часть изделия (длиной от 1 до 4 см), которая закреплялась на станке, сохраняла острые грани. После этого необработанная часть обрезаалась²³. Кроме того, токарный станок мог использоваться и для нанесения декоративных линий на круглые стержни²⁴ (рис. 2, 22).

В категорию готовых изделий включены два астрагала, один из которых имеет небольшое просверленное отверстие²⁵ (рис. 2, 23), а другой — сошлифованные уплощенные грани²⁶ (рис. 2, 24). Туда же можно отнести фрагмент прямоугольной профилированной пластины размером 2,5 × 2,0 см и толщиной около 0,2 см²⁷ (рис. 2, 25). По четырем сторонам лицевая часть пластины подрезана так, что в центре образовался выпуклый прямоугольник, подчеркнутый резными линиями. Кроме того, она тщательно отполирована. На длинной грани изделия следы излома, что дает возможность предположить еще несколько аналогичных прямоугольников на пластинке, которая могла крепиться на невысокую деревянную шкатулку при помощи гвоздиков, три отверстия для которых видны на обломке.

Для уточнения хронологии комплекса обратимся к другим находкам из заполнения

²² М.2018-109.

²³ Например, М.2018-87, 114, 123, 131.

²⁴ М.2018-127.

²⁵ М.2018-104.

²⁶ М.2018-354.

²⁷ М.2018-117.

ямы. Наиболее показательными здесь являются фрагменты амфор с клеймами. Обнаружено горло фасосской амфоры²⁸ с клеймом магистрата Δάρης — Θασίων / Δ[άρης] / Φεί[διπ(ος)], рядом дополнительное клеймо в виде буквы Β (рис. 3, 1), может быть отнесено к группе Β (390–380 гг. до н. э.) по И. Гарлану (Garlan, 1999. Р. 118, № 146, 115, 257). Близкую датировку дает Ч. Цочев, который относит такое клеймо к I хронологическому периоду (Tzochew, 2016. Р. 79–80). Хорошей аналогией является находка оттиска того же штампа в тризне I кургана № 1 у с. Каменка Днепропетровская, которую С. Ю. Монахов датирует 400–385 гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 213–214, 237–238).

Оттиск одного и того же штампа на двух фрагментах гераклеийских амфор²⁹ — Χιάδα / Δεινο [(-)] (рис. 3, 2), без сомнения, относится к штампам эпонима Δεινόμαχος 70-х гг. IV в. до н. э. — II-Б магистратской группы по В. И. Кацу (Кац, 2007. С.429; Федосеев, 2016. С. 213). Такие клейма, которые относительно часто встречаются в Мирмекии, Н. Ф. Федосеев также датирует 370-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. № 301, 306, 1207, 1651, 1788, 1791, 1990³⁰). Еще одно клеймо Гераклеи Понтийской³¹ сохранилось весьма фрагментарно — Κ[ερκίνος]/ рыба / Δα[μοφῶν], ретроградно (рис. 3, 3)³². Такое клеймо II-Б магистратской группы (Кац, 2015. № 701, 2193) ранее не встречалось в Мирмекии, но хорошо известно на Боспоре (Федосеев, 2016. С. 142, № 1211–1216).

²⁸ М.2018-343.

²⁹ М.2018-219, 277.

³⁰ Под этим номером в публикации Н. Ф. Федосеева фигурирует клеймо, абсолютно идентичное двум найденным в яме с отходами косторезного производства. К сожалению, одно из указаний на находку клейма с именем Дейномаха в Мирмекии (Федосеев, 2016. С. 213, № 1992) ошибочно: такому номеру в полевой описи и коллекции ВГИКМЗ соответствует ручка синопской амфоры с хорошо читаемым трехстрочным клеймом.

³¹ М.2018-342.

³² Благодарю за это наблюдение и консультацию Н. А. Павличенко.

Рис. 3. Городище Мирмекий. Находки керамики из заполнения ямы: 1 — амфорное клеймо Фасоса, М.2018-343; 2, 3 — амфорные клейма Гераклеи Понтийской, М.2018-219, 342; 4 — чернолаковый одноручный канфар, М.2018-279; 5 — чернолаковый канфар, М.2018-278

Fig. 3. Site of ancient town Myrmekion. Finds of ceramics from the filling of the pit: 1 — amphora stamp of Thasos, М.2018-343; 2, 3 — amphora stamp of Heraclea Pontica, М.2018-219, 342; 4 — black-glazed one-handed cantharos, М.2018-279; 5 — black-glazed cantharos, М.2018-278

Также необходимо упомянуть два фрагментированных чернолаковых сосуда, найденных в заполнении ямы. Один из них, канфар со штампованным узором из пальметок на внутренней поверхности дна³³ (рис. 3, 5), может быть датирован 375 г. до н. э. по аналогии с сосудом из раскопок Афинской Агоры (Sparkes, Talcott, 1970. № 655). Другой, одноручный канфар³⁴ (рис. 3, 4), вероятно, относится к чуть более позднему периоду — 370–350 гг. до н. э. (*Ibid.* № 705). Интересно, что аналогичные сосуды (в том числе и редкий одноручный) были открыты в погребении и тризне кургана № 16 Ливенцовского могильника в устье Дона (Монахов, 1999. С. 301–302, рис. 126). В свое время С. Ю. Монахов, учитывая клеймо магистрата Кира, отнес этот комплекс к 360-м гг. до н. э. (*Там же.* С. 301–302, рис. 126), но сейчас деятельность этого магистрата относят к предшествующему десятилетию (Кац, 2007; Федосеев, 2016; Монахов и др., 2019. С. 206, № НР.64). В целом такая датировка вполне соответствует датировке чернолаковых сосудов. Таким образом, весь приведенный керамический материал укладывается в рамки первой половины IV в. до н. э., ближе к 370-м гг. до н. э.

Эти хронологические наблюдения ни в коей мере не противоречат данным, полученным при изучении палеографических особенностей надписи на свинцовой пластине³⁵ из рассматриваемого комплекса. Авторы исследования отнесли это письмо к последней четверти IV в. до н. э. (Бехтер и др., 2018. С. 936), да и сопутствующие находке этого документа немногие обломки керамики, известные на момент публикации, датировались 30-20-ми гг. IV в. до н. э. (*Там же.* С. 934). Как было показано выше, датирующий материал из последующих раскопок принадлежит к более раннему времени, хотя среди профильных керамических фрагментов и встречены соответствующие предполагаемой ранее дате. Возможно, яма первой

половины IV в. до н. э. была нарушена в ходе хозяйственных работ эллинистического времени, вследствие чего в комплексе появилась примесь более позднего материала, включая свинцовое письмо. Таким образом, можно предполагать наличие двух хронологических периодов заполнения ямы. Тем не менее, учитывая то, что клейма были обнаружены на одном уровне с костяными изделиями и одновременно с ними, можно датировать комплекс резной кости первой половиной IV в. до н. э.

Стоит упомянуть аналогичные мирмекийским заготовки из кости и рога, обнаруженные при исследовании заполнения одного из помещений VI–V вв. до н. э. на городище Тиритака. Среди них присутствует множество костяных обломков пластин, обрезков оленьих рогов, а также накладок, обработанных на токарном станке. Предварительно комплекс, который интерпретируется как косторезная мастерская, отнесен к первой трети V в. до н. э. (Зинько, 2018. С. 78). Вместе с тем подобного рода находки нередки и для Пантикапея. Многочисленные спилы рогов оленя и лося и другие поделки из кости разного качества широко представлены в городских слоях с эпохи классики вплоть до позднеримского времени (Кругликова, 1957).

Несмотря на то что рассматриваемый в данной статье комплекс существовал как минимум веком позднее тиритакского, аналогичный состав находок, родственный характер памятников и их близкое расположение дают возможность утверждать, что ремесленная традиция обработки кости на Боспоре сохранялась неизменной в своей основе с позднеархаического периода на протяжении по крайней мере нескольких веков.

Обнаружение следов косторезных мастерских в двух «малых» городах Боспора свидетельствует о том, что производство костяных изделий не концентрировалось лишь в крупных центрах. Широкая доступность сырья и востребованность этого вида изделий привели к тому, что ремесленники-косторезы, обладавшие навыками и специальным оборудованием, открывали свои мастерские и в более мелких населенных пунктах.

³³ М.2018-278.

³⁴ М.2018-279.

³⁵ М.2017-233.

- Бехтер и др.*, 2018 — *Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М.* Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 2018. № 4. С. 931–948.
- Гайдукевич*, 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 178 с.
- Зинько*, 2018 — *Зинько В. Н.* Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака // ПИФК. 2018. № 3. С. 73–79.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).
- Кац*, 2015 — *Кац В. И.* Керамические клейма азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище: Каталог. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2015. 180 с.
- Кругликова*, 1957 — *Кругликова И. Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // МИА. 1957. № 56. С. 174–181.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1999. 679 с.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.
- Петерс*, 1986 — *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 185 с.
- Федосеев*, 2016 — *Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма: из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2016. Т. 2: Гераклея Понтийская. 319 с.
- Vinogradov et al.*, 2003 — *Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Yu.* Myrmekion — Porthmeus: Two «Small» Towns of Ancient Bosphorus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. II / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. P. 803–840.
- Garlan*, 1999 — *Garlan Yv.* Les Timbres amphoriques de Thasos. Vol. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Athènes; Paris: l'École française d'Athènes, 1999. 335 p.
- Sparkes et al.*, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1:Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472. (The Athenian Agora. Vol. 12).
- Tzochev*, 2016 — *Tzochev Ch.* Amphora stamps from Thasos. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 2016. 264 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXVII).

New data about art of bone-carving in Myrmekion

N. M. Milikhina

Over the course of years long systematic study of Myrmekion — one of the “smaller” Bosporan towns — many pieces of information about its development during the whole period of antiquity were received. However the archaic and classical layers were often destroyed during latter city renewals. Especially important are the discoveries of the early complexes.

In 2017–2018 Myrmekion archaeological expedition of the State Hermitage Museum during the excavations at the “TS” section revealed a household pit of the anterior building period under the masonry of the Roman villa (Fig.1). Apart from the rich ceramic material the archaeologists found 79 fragments of bones and horns with manufacture marks. All the fragments can be divided into three categories depending on the degree of processing — clippings (Fig. 2, A), blanks (Fig. 2, Б), and finished objects (Fig. 2, B). Such division corresponds to the stages at which a particular fragment fell out of the production cycle. These stages are crude treatment (sawing up, clipping useless parts of

bone), subsequent more accurate carving, grinding, in some cases, lathing and the final decoration and polishing. The enumerated operations demanded special skills using sophisticated tools which allows us to assume that the workshop was functioning directly at the site.

The fragments of stamped transport amphorae made in Thasos and Heraclea Pontica (Fig. 3, 1–3) and two fragmented of attic black-glazed cantharoi (Fig. 3, 5–4) are the dating material. They belong to the first half of the 4th century BC, closer to 370s BC. Besides, a unique two-sided lead letter was found in the pit (*Bekhter, Butyagin, Dana, 2018*). However palaeography data doesn't allow us to attribute the letter to the aforementioned period. It is dated closer to the end of the 4th century BC. Such date discrepancy let us split the time of the functioning of the complex into two chronological periods, whereas date the bone-carving debris to the first period — to the first half of the 4th century BC.

Similar objects made of bone and horn were found in 2018 during the excavations of an archaic house at the site of Tyritake. Although the bone unworked parts from Tyritake were made much earlier, their similar character as well as the close connection between two settlements allow us to conclude that there was a strong craft tradition at the Bosphorus. It has been preserved for at least several centuries, and possibly for the whole period of antiquity. It's also important to notice that it seems like bone-carving masters didn't live exclusively at the capitals (Panticapaeum and Phanagoria), but organized their manufactures at smaller city centres as well.

Погребение 40 из раскопок некрополя Артющенко II¹

С. В. Кашаев²

Аннотация. Статья представляет собой публикацию погребения 40, одного из наиболее интересных комплексов, открытых в процессе исследования грунтового некрополя Артющенко II, расположенного в южной части Таманского полуострова, примерно в 15 км к юго-востоку от станции Тамань. Захоронение можно датировать рубежом первой и второй четверти V в. до н. э. и считать эталонным для мужских погребений некрополя.

Annotation. The article is a publication of a burial no. 40, one of the most interesting complexes discovered during the investigation of the ground necropolis of Artyushchenko II located at the southern part of the Taman peninsula, about 15 km to the south-west of the Cossack village Taman. The burial can be dated to the edge of the first and the second quarter of the 5th century BC. It can be considered as a standard for men's burials at the necropolis of Artyushchenko II.

Ключевые слова: античность, Таманский полуостров, некрополь, погребение, инвентарь, греческая керамика.

Keywords: Classical antiquity, Taman peninsula, necropolis, burial, inventory, Greek pottery.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-79-87

Грунтовой некрополь Артющенко II расположен в южной части Таманского полуострова, примерно в 15 км к юго-востоку от станции Тамань. В ходе регулярных раскопок 2003–2019 гг. на некрополе исследована площадь около 5430 кв. м, обнаружено 208 погребений, из которых 18 исследовано за современными грабителями (Кашаев, 2009. С. 188; 2019. С. 230).

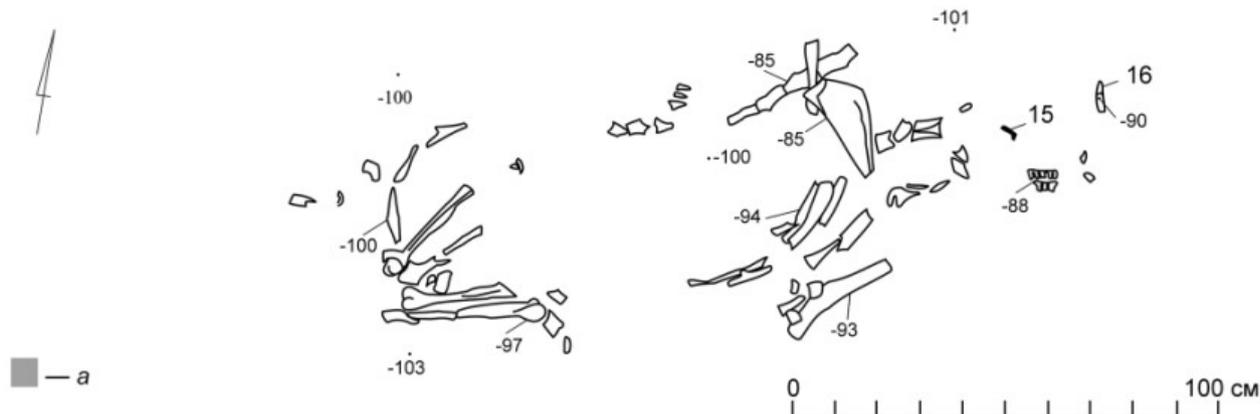
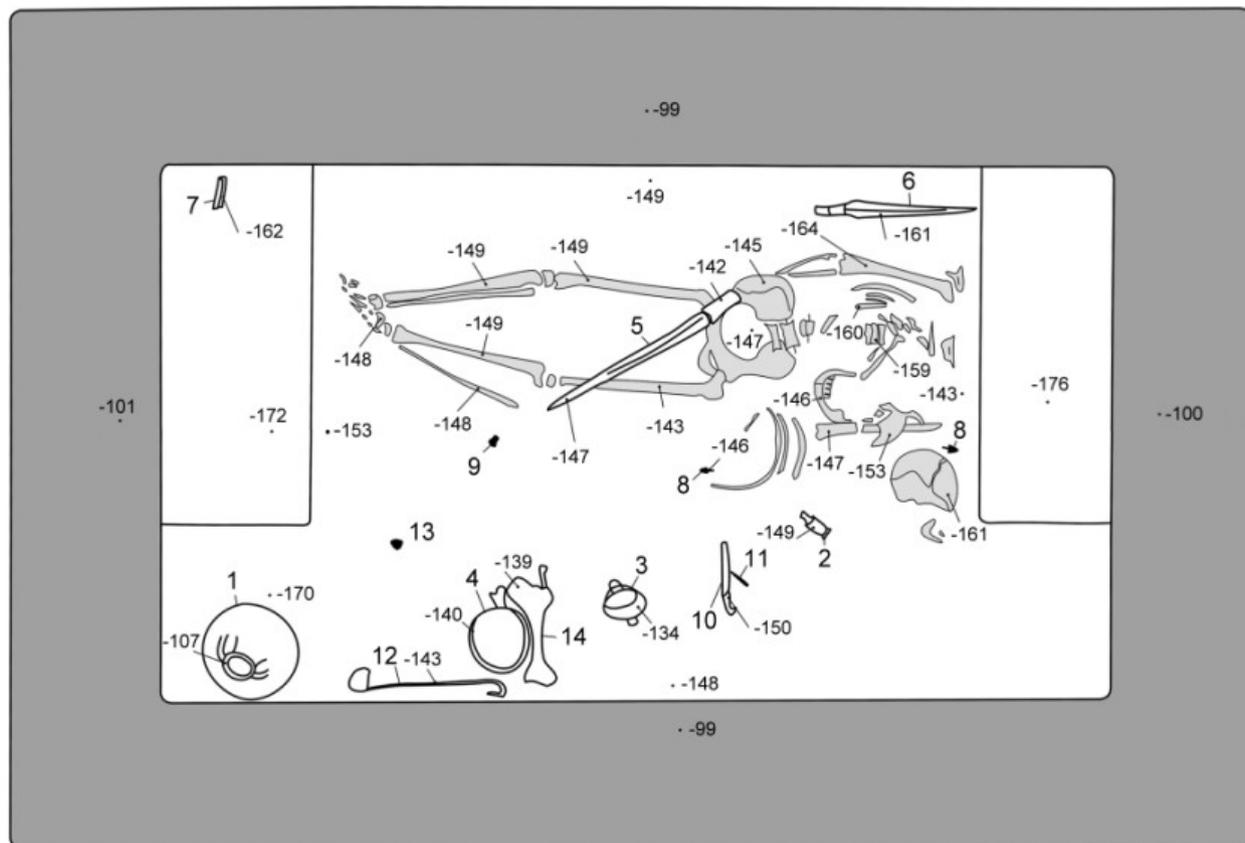
Некрополь функционировал в V–II вв. до н. э. Самые ранние комплексы относятся

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: kashaevs@mail.ru.

к концу VI в. до н. э. или рубежу VI–V вв. до н. э. Значительная часть погребений относится к V–IV вв. до н. э., еще часть комплексов — к III–II вв. до н. э. Одним из наиболее ярких комплексов, открытых на некрополе Артющенко II, является погребение 40, исследованное в 2007 г. Оно совершено в сырцовом склепе, где был захоронен мужчина-воин с сопроводительным захоронением коня (рис. 1; 2).

Комплекс располагался в центральной части раскопа. Над юго-западным углом могилы был найден каменный алтарь-жертвенник. Это необработанный камень подпрямоугольной формы, размером примерно 43 × 28 × 20 см. На одной из уплощенных граней выбито неглубокое округлое углубление с канавкой стоком (рис. 3, б). Алтарь обнаружен перевернутым, углублением вниз, рядом с ним лежала ножка фасосской амфоры. Она

Рис. 1. Некрополь Артющенко II. Погребение 40 и захоронение коня 2. План. 1 — амфора протофасосская; 2 — чернолаковый лекиф; 3 — килик чернолаковый; 4 — чаша на ножке чернолаковая; 5 — меч железный; 6 — наконечник копья железный; 7 — вток копья железный; 8 — наконечник стрелы железный; 9 — ворворка бронзовая; 10 — нож железный; 11 — игла бронзовая; 12 — киаф бронзовый; 13 — пряслице железное; 14 — кости животных; 15 — псалий бронзовый; 16 — железный колышек. Условные обозначения: *a* — сырцовые кирпичи

Fig. 1. Necropolis of Artyushchenko II. Burial complex no. 40 and burial site of a horse no. 2. Plan. 1 — proto-Thasian amphora; 2 — black-glazed lekythos; 3 — black-glazed kylix; 4 — black-glazed cup; 5 — iron sword; 6 — iron spearhead; 7 — iron counter-weight of a spear; 8 — iron arrowhead; 9 — bronze vorvorka; 10 — iron knife; 11 — bronze needle; 12 — bronze kyathos; 13 — iron spindle whorl; 14 — animal bones; 15 — bronze psalium; 16 — iron spill. Legend: *a* — raw bricks

принадлежала амфоре коническо-биконического типа серии П-А-3, датируемой последней третью V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 65; 271, рис. 41.1).

После снятия алтаря и зачистки поверхности было обнаружено могильное пятно прямоугольной формы, образованное сырцовыми стенками погребальной камеры. При расчистке удалось зафиксировать частично сохранившуюся конструкцию погребального сооружения. Она представляет собой прямоугольную гробницу, стены которой сложены из сырцовых кирпичей. Внешние размеры сооружения 2,2 × 3,0 м, размеры самой погребальной камеры примерно 1,2 × 2,2 м. Сырцовые конструкции сохранились на высоту около 0,5 м.

Дно погребальной камеры оказалось неровным, вдоль западной и восточной стенок были сделаны небольшие углубления. Можно предположить, что тело было помещено в могилу на деревянном ложе или носилках. Ножки этих носилок опускались в специально сделанные углубления (рис. 2).

В склепе находился скелет мужчины 40–45 лет, ориентированный головой на восток (рис. 1). Кости ног, таза и части позвоночника расположены в анатомическом порядке. Верхняя часть скелета, череп, ребра, часть позвоночника, кости рук расположены хаотично, что свидетельствует о том, что по какой-то причине анатомический порядок был нарушен.

Можно отметить, что аналогичная или очень близкая ситуация наблюдалась при исследовании других захоронений некрополя, например погребений 14 и 188 (раскопки 2005 и 2019 гг.). В них также кости грудной клетки и череп были значительно смещены и разбросаны по могиле, а кости ног находились *in situ*.

Такое положение скелета, скорее всего, указывает на то, что могила была ограблена в древности. Добычей похитителей во всех этих случаях могли быть нагрудные доспехи и, возможно, шлем воина. Судя по тому, что кости ног сохранили свое положение, ограбление произошло, когда тело находилось уже в достаточно разложившемся состоянии,

но связки еще не полностью распались. Возможно, относительная сохранность нижней части тела является косвенным свидетельством того, что на теле была одежда (в данном случае это могли быть штаны).

По примерным оценкам ограбление могилы могло произойти в течение года после похорон, вероятно, в период от трех до двенадцати месяцев после захоронения. Если исходить из того, что ограбление могил не было единичным явлением, можно предположить, что древние грабители хорошо знали, через сколько месяцев можно будет проникнуть в склеп. Скорее всего, они также знали, что ценное или привлекательное для них находилось в данном захоронении.

Весь инвентарь в погребении располагался вдоль южной стенки могилы (рис. 1). Только копье находилось у северной стены, на что указывают сохранившиеся наконечник и вток. Сложно сказать, был ли дошедший до нас инвентарь потревожен грабителями, каких-либо признаков, указывающих на это, мы не обнаружили.

В ногах погребенного в южном углу могилы стояла протофасосская амфора (рис. 3, 5). Сосуд можно отнести к амфорам 5-й серии, датирующимся первой половиной V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 41; 256, рис. 26.6). В захоронении были найдены три чернолаковых сосуда. На уровне пояса погребенного был обнаружен чернолаковый цилиндрический лекиф (рис. 3, 2), украшенный росписью в виде трех крупных пальметок. Чернолаковый килик находился примерно на уровне середины южной стенки погребальной камеры (рис. 3, 3). В качестве аналогии ему можно привести сосуда из материалов Афинской Агоры № 573, 578, 490–480 гг. до н. э. (Sparkes *et al.*, 1970. P. 276). Чернолаковая чаша на ножке, также находящаяся аналогии в материалах Афинской Агоры (*Ibid.* P. 303, № 958) и датированная приблизительно 500 г. до н. э., находилась между амфорой и киликом (рис. 3, 4). Рядом с ней были обнаружены кости животного.

На теле погребенного по диагонали располагался железный меч (рис. 4, 7). Это меч-акинак с простым антенным навершием и

Рис. 2. Некрополь Артющенко II, погребение 40: 1 — после расчистки; 2 — сырцовые конструкции
Fig. 2. Necropolis of Artyushchenko II, finds from burial complex no. 40: 1 — after cleaning; 2 — mudbrick constructions

Рис. 3. Некрополь Артющенко II. Находки из погребения 40: 1 — киаф бронзовый; 2 — лекиф цилиндрический; 3 — килик чернолаковый; 4 — чаша на ножке чернолаковая; 5 — амфора протофасосская; 6 — алтарь каменный

Fig. 3. Necropolis of Artyushchenko II. Finds from burial complex no. 40: 1 — bronze kyathos; 2 — cylindrical lekythos; 3 — black-glazed kylix; 4 — black-glazed coupe; 5 — proto-Thasian amphora; 6 — stone altar

бабочковидным перекрестьем (Ворошилов, Кашаев, 2010. С. 77). Около правого плеча лежал железный наконечник копья. Около правого плеча лежал железный наконечник копья. Он имел ромбовидное в сечении острие и полую, круглую в сечении втулку (рис. 4, 6). Вток имеет конусовидную форму, внутри полый, в сечении круглый (рис. 4, 2).

В могиле было обнаружено 13 железных наконечников стрел: четыре трехлопастных

и девять двулопастных (рис. 4, 8, 10). Все они имеют выделенную втулку. Два из них располагались у левой руки погребенного, остальные происходят из заполнения могилы. У левого колена погребенного была обнаружена бронзовая ворворка колоколовидной формы (рис. 4, 9).

Слева от погребенного лежал железный нож с остатками костяных накладок на ручке (рис. 4, 4). Накладки, крепившиеся к лезвию

железными заклепками, сохранились очень плохо. Короткое лезвие имеет на конце необычный выступ, что позволяет предположить, что нож имел какое-то специальное назначение. Скорее всего, он использовался для выполнения неких специфических действий, возможно, в качестве бритвы. Рядом с ножом лежала бронзовая игла (рис. 4, 1). Вероятно, для нее на ножнах был сделан специальный кармашек.

У южной стенки погребальной камеры рядом с амфорой был найден бронзовый киаф (рис. 3, 1). Похожие черпаки происходят из некрополей Нимфея (*Билимович*, 1973. С. 21, № 43; *Силантьева*, 1959. С. 65, 72, рис. 34, 1; 39, 4) и Тирамбы (*Коровина*, 1987. Р. 16, рис. 13).

Около южной стенки камеры, между киликом и чашей, лежали две кости животных, являющиеся остатками заупокойной пищи. Одна из них принадлежала корове, вторая, предположительно, — козе (овце) (рис. 2).

В заполнении могилы найден сильно коррозированный округлый железный предмет (рис. 4, 5), идентифицированный как пряслице или ворворка (?).

К югу от погребения, примерно в 0,5–0,6 м от южной стенки сырцового склепа, расчищен скелет коня, получивший обозначение ЗК-2 (захоронение коня 2) (*Кашиаев и др.*, 2019. С. 25). Кости коня сохранились очень плохо. Остатки лошади зафиксированы на 0,5 м выше уровня, на котором располагалось захоронение человека. Скелет коня расположен примерно по линии запад–восток, черепом на восток. Таким образом, ориентация положения воина и коня одинакова.

Недалеко от черепа коня были обнаружены фрагмент бронзового псалия и железный «колышек». Верхняя оконечность псалия выполнена в виде головы лошади (рис. 4, 1). В средней части сохранилось одно колечко, нижняя часть обломана. «Колышек» имеет конусовидную форму, с одним тупым и одним заостренным краями, в сечении округлый (рис. 4, 3). Предназначение этого предмета не совсем понятно.

Анализ инвентаря погребения 40 некрополя Артющенко II, содержавшего захоронения воина и коня, позволяет датировать его концом первой — началом второй четверти V в. до н. э.

Подведем итог обзору обряда и находок этого интересного комплекса и попробуем охарактеризовать его особенности по сравнению с другими открытыми на этом некрополе.

С погребением 40 соотносится каменный алтарь, стоявший около захоронения. Для некрополя Артющенко II это уникальная находка, свидетельствующая о культовых действиях, совершавшихся в русле местных погребальных традиций. Ножка амфоры, найденная рядом с алтарем, имеет более позднюю датировку по сравнению с датой захоронения. Если она находилась там неслучайно, то можно предположить, что могилу посещали долгое время, не менее 50 лет. Это могли делать не только дети, но внуки захороненного воина.

Из погребения происходит довольно многочисленный и разнообразный инвентарь. В него входили оружие и снаряжение: железные меч, копьё, набор разнообразных, трехгранных и двулопастных, железных наконечников стрел. Скорее всего, в захоронении находился и лук, но он не сохранился. Мы также можем предположить, что в погребении 40 могли находиться нагрудный доспех и, возможно, шлем, которые унесли грабители, потревожившие могилу.

К снаряжению можно также отнести бронзовую и, возможно, железную ворворки. В составе инвентаря были обнаружены сосуд для вина (амфора), для еды и питья (чернолаковая чаша и килик), туалетный сосуд (лекиф), бронзовый киаф. Из погребения происходят орудия труда и инструменты (железный нож, бронзовая игла). О заупокойной пище, положенной в могилу, свидетельствуют кости животных, коровы и овцы.

К югу от погребения воина открыто сопроводительное захоронение коня ЗК-2. Недалеко от его черепа найден элемент уздечного набора (псалий), а в погребении воина —

Рис. 4. Некрополь Артющенко II. Находки из погребения 40: 1 — псалий бронзовый; 2 — вток копья железный; 3 — «колышек» железный; 4 — железный нож с костяной рукояткой; 5 — ворворка(?) железная; 6 — наконечник копья железный; 7 — меч железный; 8 — наконечники стрел железные трехгранные; 9 — ворворка бронзовая; 10 — наконечники стрел железные двулопастные; 11 — игла бронзовая. Масштаб: а — для 1, 3; б — для 2, 6, 7; в — для 4, 5, 8-11

Fig. 4. Necropolis of Artyushchenko II. Finds from burial complex no. 40: 1 — bronze psalium; 2 — iron counter-weight of a spear; 3 — iron spill; 4 — iron knife with bone handle; 5 — iron vorvorka(?); 6 — iron spearhead; 7 — iron sword; 8 — iron three-edged arrowheads; 9 — bronze vorvorka; 10 — iron two-bladed arrowheads; 11 — bronze needle. Scale: a — for 1, 3; б — for 2, 6, 7; в — for 4, 5, 8-11

ворворка. Погребение воина с конем, совершенное в сырцовом склепе, несомненно, свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе такого воина. Такие захоронения воина и коня встречаются на некрополе Артющенко II нечасто. За всё время работы нами обнаружено всего четыре захоронения коней.

В заключение можно отметить, что в погребении 40 удалось зафиксировать

максимальное количество деталей и элементов мужского погребального обряда, известных для некрополя. В их числе каменный алтарь, сырцовый склеп, захоронение коня, набор погребального инвентаря, содержащий оружие и другие предметы. По сумме всех этих перечисленных особенностей данный комплекс можно рассматривать как эталон для мужских погребений на некрополе Артющенко II.

Приложение 1.

Инвентарь комплекса, описание, аналогии

1. Амфора (рис. 3, 5).
Высота 54,0 см, диаметр тулова 30,0 см.
Аналогии: 5-я серия, первая половина V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 41; 256, рис. 26.6).
2. Лекиф цилиндрический чернолаковый (рис. 3, 2).
Высота 12,0 см, диаметр венчика 3,0 см.
3. Килик (рис. 3, 3).
Высота 6,0 см, диаметр 12,4 см.
Аналогии: № 573, 578, 490–480 гг. до н. э. (Sparkes et al., 1970. P. 276).
4. Чаша на ножке чернолаковая (рис. 3, 4).
Высота 8,5 см, диаметр закраины 18,0 см.
Аналогии: № 958, 500 г. до н. э. (Sparkes et al., 1970. P. 303).
5. Меч железный (рис. 4, 7).
Длина 54,0 см, длина лезвия 43,0 см, максимальная ширина лезвия 3,5 см (Ворошилов, Кашаев, 2010. С. 77).
6. Наконечник копья железный (рис. 4, 6).
Длина 47,0 см.
7. Вток копья железный (рис. 4, 2).
Длина 12,0 см.
8. Наконечники стрел железные (рис. 4, 8, 10).
Длина 3,0–4,7 см.
Всего 13 наконечников стрел, из них четыре трехлопастных и девять двулопастных.
9. Ворворка бронзовая (рис. 4, 9).
Высота 2,8 см, диаметр основания 3,0 см.
10. Нож железный (рис. 4, 4).
Длина около 14,0 см.
11. Игла бронзовая (рис. 4, 11).
Сохранившаяся длина 8,8 см.
12. Киаф — черпак для вина бронзовый (рис. 3, 1).
Длина 41,0 см.
Аналогии: Билимович, 1973. С. 21, № 43; Коровина, 1987. С. 16, рис. 13; Силантьева, 1959. С. 65, 72, рис. 34, 1; 39, 4.
13. Пряслице (?) железное или ворворка (рис. 4, 5).
Высота 2,0 см, диаметр 2,5 см.
14. Кости животных.
Кости коровы и козы (овцы) (рис. 2).
15. Псалий бронзовый (рис. 4, 1).
Длина 10,5 см, диаметр 0,5–2,0 см.
16. Кольшек железный (рис. 4, 3).
Длина 10,5 см, диаметр 0,5–2,0 см.

Билимович, 1973 — Билимович З. А. Греческие бронзы // Античная художественная бронза: Каталог выставки / Авт. ст. и сост. кат. З. А. Билимович. Л.: Аврора, 1973. 137 с.

Ворошилов, Кашаев, 2010 — Ворошилов А. Н., Кашаев С. В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. № 14. М., 2010. С. 66–87.

Кашаев, 2009 — Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2009. С. 188–267 (БИ. Вып. XXII).

- Кашаев*, 2019 — *Кашаев С. В.* Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–254.
- Кашаев и др.*, 2019 — *Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И.* Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V МК «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт. 2019. С. 25–30.
- Коровина*, 1987 — *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.
- Силантьева*, 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107 (МИА. № 69).
- Sparkes et al.*, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1:Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472. (The Athenian Agora. Vol. 12).

Burial no. 40 from the excavations of the necropolis of Artyushchenko II

S. V. Kashaev

The work is devoted to a burial no. 40 — one of the most impressive and representative complexes discovered at the necropolis of Artyushchenko II. It was a grave of a warrior with an accompanying burial of a horse (Fig. 1) and a set of funeral equipment (Fig. 3–4). It was made in a mudbrick vault (Fig. 5). The inventory allows to date this burial complex to the edge of the first and the second quarter of the 5th century BC. All these factors allow us to consider it as a standard for men's burials at the necropolis Artyushchenko-2.

О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время

Й. Форнасье, А. В. Буйских, А. Г. Кузьмищев¹

Аннотация. Изучение урбанистического развития античного города-колонии Ольвии Понтийской архаического периода с 2014 г. ведется в рамках совместного немецко-украинского проекта. Впечатляющее открытие ранее неисследованной фортификационной системы, незаметной на поверхности земли и поэтому неизвестной в течение длительного времени, позволяет предложить принципиально новую реконструкцию начального периода истории Ольвии. Результаты исследований однозначно свидетельствуют о том, что поселение с самого начала развивалось по тщательно продуманному плану, и опровергают принятую ранее концепцию о разделении на «основной город» и временное предместье.

Annotation. Since 2014 a German-Ukrainian cooperation project has been researching the urban development of the ancient colonial city of Olbia Pontike in the Archaic-Classical period. The spectacular localization of a hitherto unknown fortification system, which is not visible above ground and which therefore was unknown for a long time, makes it possible to reconstruct the history of Olbia's origins in a new light. The results clearly show that the settlement of Olbia was deliberately planned from the very beginning and that the previously assumed separation into a core town and a temporary suburb did not exist.

Ключевые слова: колонизация, Причерноморье, Ольвия Понтийская, градостроительство, фортификационная система, немецко-украинский исследовательский проект, геомагнитное исследование.

Keywords: colonization, Black Sea Area, Olbia Pontike, Urban development, fortification system, German-Ukrainian research project, geomagnetic prospection.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-88-99

До недавнего времени в исторических и археологических работах вопрос об урбанистическом развитии Ольвии в архаическую и классическую эпохи в общих чертах считался

¹ Й. Форнасье — doctor of philosophy, a professor for Classic Archaeology; Goethe-Universität Frankfurt am Main, Institut für Archäologische Wissenschaften, Klassische Archäologie, Fach 7; Norbert-Wollheim-Platz 1, D-60323 Frankfurt am Main; e-mail: Fornasier@em.uni-frankfurt.de. А. В. Буйских — д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник, зав. отделом античной археологии, Институт археологии НАН Украины; пр. Героев Сталинграда, д. 12, г. Киев, 04210, Украина; e-mail: allabuy@ukr.net. А. Г. Кузьмищев — канд. ист. наук, науч. сотрудник, Институт археологии НАН Украины; e-mail: a.kuzm@ukr.net.

решенным. В конце VII — начале VI в. до н. э. греческие колонисты основали новое поселение на берегу р. Гипанис (в настоящее время — Южный Буг), выбрав для него наиболее выгодный со стратегической точки зрения участок треугольной формы близ современного с. Парутино (см.: Буйских, 2013. С. 21–39; Fornasier, 2016. С. 34; Буйских, 2017. Р. 5; Fornasier et al., 2017a. С. 21; 2017b. С. 242–245). Эта центральная часть города, с востока ограниченная Гипанисом, а с севера и запада — естественными низинами и оврагами, с самого начала была структурирована распланированной системой дорог, различными

сакральными зонами и участками, предназначенными для общественного пользования. Древнейшие жилые и хозяйственные постройки начального периода были частично или полностью заглублены в землю и использовались жителями Ольвии в течение времени, равного жизни примерно первых трех поколений. Такие жилища можно было быстро и легко построить, они служили достаточно надежной защитой от суровых погодных условий (см.: *Виноградов*, 2000а. С. 229 сл.; *Bujskikh*, 2017. Р. 5–8). Площадь этих прямоугольных или круглых в плане землянок в среднем достигала 8–15 кв. м. Вероятно, они имели скатные или остроконечные крыши, стены из сырцового кирпича и вместе с окружающими их структурами могли образовывать поселенческие блоки площадью до 45 кв. м (*Vinogradov, Kryžickij*, 1995. С. 30; *Fornasier et al.*, 2017а. С. 22 f.). В этой связи большая заслуга Ю. А. Виноградова заключается в том, что ему удалось показать, что фаза использования землянок на протяжении более чем 70–80-летнего периода времени была характерна не только для милетского города на Гипанисе; как отмечал юбиляр, эту фазу можно проследить и для многих других колоний Северного Причерноморья (*Виноградов*, 2000а. С. 231; 2000б. С. 19; *Vinogradov et al.*, 2003. Р. 809). И все же наибольшее количество подобных структур (около 500) зафиксировано в северо-западной части северного побережья Чёрного моря.

Недавние раскопки в Ольвии также показали, что эти землянки нельзя рассматривать как примитивные дома, так как они, по видимому, могли иметь различные архитектурные особенности (дифференцированную архитектуру) (*Буйских и др.*, в печати). Так, например, в 2019 г. в землянке на Юго-Западном участке Ольвии (объект П2) было впервые обнаружено большое количество сырцовых кирпичей, упавших внутрь после того, как землянка была оставлена; значительная их часть имела стандартные размеры — 52 см в длину (рис. 1). Кроме того, были зафиксированы сырцовые кирпичи, также имевшие стандартную длинную сторону в 35 см.

Во всяком случае они отчетливо видны на плане участка, где во время предшествующих раскопок был открыт жилой комплекс, при строительстве которого использовался ионийский фут, определенный А. фон Герканом (*v. Gerkan*, 1940. С. 149). И хотя позднее было высказано мнение, что фут, равный 34,8–34,9 см, для ионийской системы мер являлся «химерой» (*de Zwarte*, 1994. С. 115), можно по-прежнему считать, что, по крайней мере, этот тип кирпича уже несколько раз был опробован в Ольвии, и поэтому можно предположить использование стандартизированной системы мер в этом милетском городе-колонии.

Количественное и качественное расширение и развитие Ольвии в классическое время, в конечном счете, привело к увеличению площади урбанистического поселения, которое теперь было окружено мощной каменной городской стеной, в центральной его части — до 44–47 га, а также к изменениям в его архитектурном облике, для которого стали характерны наземные жилые дома (см.: *Крыжицкий*, 1986. С. 305; *Крыжицкий и др.*, 1999. С. 99; *Fornasier et al.*, 2017а. С. 24 f.). Геродот (IV, 78) писал и о предместье Ольвии, существование которого на участке к западу от города было подтверждено исследованиями Ю. И. Козуб в 1960–1970-х гг. (*Козуб*, 1979а. С. 316–325; 1979б. С. 3–34; *Папанова*, 2006. С. 62 сл.). На основании находок, обнаруженных в это время, Ю. И. Козуб предположила, что это так называемое предместье возникло в первой четверти V в. до н. э. и существовало на протяжении почти 100 лет, до первой четверти IV в. до н. э. (см.: *Форнасье и др.*, 2017. С. 33).

Недавно открытая оборонительная система в западной части Ольвии

Однако в ходе реализации совместного немецко-украинского проекта, в рамках которого работы в Ольвии идут с 2014 г., были получены новые результаты. Они подвергают серьезному сомнению подобную реконструкцию урбанистического развития Ольвии, так как идут вразрез со схемой развития города, которая, в основных своих

Рис. 1. Землянка (объект П2) в юго-западной части Ольвии

Fig. 1. Dugout (object P2) in the southwest of Olbia

чертах, до недавних пор считалась верной. Результаты новых раскопок, проведенных вдоль так называемой Западной дороги, показали, что в западной части Ольвии жилые и хозяйственные постройки уже существовали в архаическое время (Буйских и др., 2016. С. 50–54; Fornasier et al., 2017a. S. 40–42; 2017b. S. 248–256). Кроме того, следует отметить, что особенности открытых землянок, как и весь спектр находок, очень близки к тем, которые выявлены для землянок центральной части города, существовавших в то же время (как об этом уже писал С. Д. Крыжицкий: Крыжицкий, 1979. С. 121). Поэтому можно предположить с большой степенью вероятности, что Ольвия с самого начала была распланирована определенным образом, в соответствии с конкретным планом; а затем в течение длительного времени городская территория развивалась незначительно.

Этот тезис о крупномасштабном урбанистическом проекте развития Ольвии замечательно подтверждает выразительное местоположение неизвестной ранее фортификационной системы, объединяющей две части поселения (центральный город и предместье), которые до того рассматривались по отдельности в рамках городской планировки. Она заметна над уровнем земли и потому долгое время оставалась неизвестной. Лишь масштабные геофизические исследования, проведенные в 2014 и 2017 гг. в западной части Ольвии, смогли выявить остатки системы «вал и ров» протяженностью более 480 м в длину, которые, несмотря на лакуны, позволяют реконструировать первоначальную линию обороны (рис. 2) (Буйских и др., 2016. С. 47 сл.; Patzelt et al., 2016. P. 3–6; Форнасье и др., 2017. С. 33 сл.; Fornasier et al., 2017a. S. 31–35; 2017b. S. 256–260; 2018. S. 77 f.). Южный конец системы «вал и ров» непосредственно «переходит» в балку, которая

Рис. 2. Реконструкция линии обороны в западной части Ольвии

Fig. 2. Reconstruction of the fortification line in the west of Olbia

круто спускается вниз на протяжении примерно 15 м к берегу реки, производя четкое впечатление единого функционального целого. Археологические раскопки, проведенные в 2016–2017 гг. на участке Некр-7, подтвердили существование здесь траншеи, средняя ширина которой составляет 5 м, а глубина — 2,10 м от древней дневной поверхности (и 2,48 м от современного уровня) (рис. 3), и вала, расположенного к востоку от нее и достигавшего 4 м в ширину; об их протяженности можно судить лишь по особенностям топографии участка — сохранившейся практически во всю длину впадине и вертикальному разрезу, сделанному нами (Буйских и др., 2019. С. 153 сл.).

Хронологические индикаторы для определения времени, в течение которого использовались эти укрепления, были получены в результате масштабных исследований

заполнения рва, которые дали в целом очень разнородную картину. Круг находок из нижних слоев заполнения, образованного желтоватым суглинком на дне траншеи, содержит множество керамического материала, относящегося ко времени начиная с первой/второй четверти V в. до н. э., что делает наиболее вероятным предположение о том, что укрепления были возведены именно в это время. Такое предположение прекрасно подтверждают находки фрагментов хиосских амфор типа П.3, которые датируются второй четвертью V в. до н. э. по Ю. Бырзеску (Bîrzescu, 2012. S. 76–77), что соответствует и типологии С. Ю. Монахова (тип III-B: Монахов, 2003. С. 17–18).

Стратиграфические же характеристики слоев заполнения траншеи, лежащих выше, показывают, что фортификационная система не могла существовать после середины/

Рис. 3. Южный разрез рва на участке Некр-7

Fig. 3. Southern profile of the ditch in the excavation area Nekr-7

начала второй половины IV в. до н. э. Таким образом, уже для первой половины столетия мы располагаем бесспорными свидетельствами последовательной засыпки. Однако для времени не позднее третьей четверти IV в. до н. э. зафиксированы мощные слои мусора с многочисленным надежно датированным материалом, и поэтому глубина траншеи того времени уменьшилась до 1,0–1,2 м.

Еще одним надежным показателем того, что оборонительные сооружения были заброшены не позднее второй половины IV в. до н. э., является находка человеческого скелета, обнаруженного лежащим вдоль внутренней стены рва в 30 см выше дна траншеи. Археологический контекст находки не позволяет интерпретировать ее как погребение, так как не были зафиксированы ни могильная яма, ни какие-либо предметы, которые можно было бы отнести к погребальному

инвентарю. Более того, скелет был найден лежащим в «неправильной» позе, свидетельствующей, скорее, о падении вниз вдоль покатой стены рва.

И, наконец, самые верхние слои заполнения (0–1,2 м) с комплексом чрезвычайно неоднородных мелких находок дают основание полагать, что хотя трасса котлована, вероятно, была все еще видна до I в. н. э., в это время он использовался лишь как мусорная свалка. Это наблюдение соответствует археологической ситуации, отмеченной для всей территории так называемого предместья, где неизвестны регулярные поселенческие структуры, которые можно было бы датировать временем после середины IV в. до н. э. (cf. Fornasier et al., 2017b. S. 264). Эта территория вновь начинает использоваться городом уже как некрополь только спустя столетия с начала нашей эры.

Фортификационная система V в. до н. э., выявленная недавно в западной части Ольвии, является первой оборонительной системой такого рода, открытой в греческом городе-колонии на северо-западном берегу Понта. До сих пор подобные сооружения известны в основном на варварских поселениях региона. На Боспоре Киммерийском наблюдается иная ситуация. Здесь такие укрепления использовались как в греческих, так и в варварских поселениях. Примером может служить обнаруженная недавно в результате немецко-российских раскопок на поселении Голубицкая 2 на Таманском полуострове система укреплений «вал-ров» в восточной части поселения — ее местонахождение тоже удалось поначалу обнаружить при помощи геофизических методов исследования (Schlotzhauer, Zhuravlev, 2013; 2014; Журавлёв и др., 2019). Археологический контекст свидетельствует о существовании этих укреплений, имевших несколько строительных периодов, с третьей четверти VI до III в. до н. э. Установлено, что здесь, в Голубицкой, ров, достигавший 9,5–11,0 м в ширину и 2,3–2,8 м в глубину, также использовался как мусорная свалка после утраты им своего первоначального назначения (Журавлёв и др., 2019. С. 188).

Значительно более долгий период использования и бóльший размер оборонительной системы поселения Голубицкая 2 по сравнению с ольвийской позволяют предположить, что эти две системы с самого начала были спроектированы по-разному. В то время как укрепления таманского поселения, очевидно, должны были быть постоянными, система «вал-ров» в Ольвии, по-видимому, была рассчитана на непродолжительное время, в течение которого она была востребована. Синхронность выхода из употребления системы «вал-ров» в западной части Ольвии и завершение строительства мощной каменной городской стены вокруг центральной ее части не позднее середины IV в. до н. э. кажется весьма примечательным явлением, которое нельзя объяснить случайным совпадением. Эта ситуация находит параллели в развитии некоторых греческих колоний на юге Италии

в начальный период их существования, где переход от одного типа фортификационных сооружений к другому также происходил в течение относительно короткого промежутка времени (Hüllden, 2018. P. 99–102). Однако основное различие между укреплениями Ольвии классического времени и теми, которые известны в эпоху архаики в Великой Греции, заключается в хронологии этого процесса, что заслуживает специального объяснения.

Городские границы Ольвии в архаический период: новый научный подход

Предшествующие реконструкции городского ландшафта Ольвии основывались на допущении, что изначально была заселена так называемая центральная часть города, тогда как район к западу от нее не был включен в городскую территорию вплоть до V в. до н. э., и, кроме того, он был ее частью лишь недолгое время. Однако с учетом новых результатов, полученных в рамках немецко-украинского исследовательского проекта, это положение должно быть пересмотрено, так как во время раскопок 2015–2019 гг. на участке так называемого предместья были открыты упомянутые выше поселенческие структуры архаического периода. Эти структуры были сконцентрированы вдоль Западной дороги, тогда как участки, лежавшие дальше от дороги, вероятно, в действительности не были структурированы в границах поселения до V в. до н. э. и с середины столетия были дополнительно включены в границы недавно открытой системы «вал-ров» (Fornasier, 2017b. S. 261). В этой связи следует особо подчеркнуть тот факт, что все известные в настоящее время погребения эпохи архаики располагаются за пределами линии обороны, тогда как захоронения *intra muros* могут быть прослежены лишь с третьей четверти IV в. до н. э. (Ивченко, 2010. С. 20) и, таким образом, появляются лишь после предполагаемого угасания деятельности в так называемой области предместья.

Этот своеобразный феномен сложных территориальных отношений трех основных

частей Ольвии — центральной части города, предместья и некрополя — был отчетливо определен благодаря впечатляющим результатам исследований, проведенных в рамках совместного немецко-украинского проекта. Результаты этих исследований и предложенный научный подход, несомненно, окажут в будущем огромное влияние на реконструкцию истории города. Исследования этой темы продолжаются, скоро их результаты будут введены в научный оборот и станут известны широкой научной общественности. В связи с этим мы сейчас обратимся к вопросу о визуализации границ города VI–V вв. до н. э., ответ на который будет способствовать лучшему пониманию исторического процесса, особенно на протяжении начального этапа греческой колонизации Северного Причерноморья.

Уже в 1980-х гг. Ю. И. Козуб отметила особое расположение архаического некрополя, который, как она полагала, располагался на площади, по очертаниям похожей на полукруг, с севера–северо-востока на запад вокруг нежилой городской зоны (Козуб, 1984. С. 158). Не располагая данными об укреплениях в западной части Ольвии, исследовательница не могла тогда подтвердить свою точку зрения научными данными, и именно поэтому это положение было принято не всеми исследователями (Папанова, 2006. С. 68). Прошло 30 лет, и результаты геомагнитных исследований начинают заполнять этот пробел. Более того, они могут подтвердить замечательное предвидение Ю. И. Козуб, так как выявленное направление системы «вал–ров» предоставляет новый, важный аргумент в исследовательской дискуссии. Однако в этом контексте хронологическое несоответствие между датировками архаического некрополя и фортификационных сооружений, которые были построены только в середине V в. до н. э., поначалу представляет сложность, хотя они отчетливо соотносятся топографически. В конечном счете это может обозначать лишь то, что территория так называемого предместья с самого начала предназначалась для заселения и потому была преднамеренно пропущена —

обстоятельство, которое явственно противоречит нашей прежней идее об урбанистической территории, которая только увеличивалась в размерах с течением времени.

Опять же Ю. И. Козуб еще в 1960-х гг. смогла выявить первые признаки специфической городской планировки, уже существовавшей в архаическое время. Тогда она раскрыла строительный комплекс, находящийся в непосредственной близости от более поздних укреплений и отличавшийся по облику и размерам и другим характеристикам от всех прочих комплексов так называемого предместья. Исследовательница изначально определила его функцию как сакральную (Козуб, 1975. С. 139–163; Марченко, 1982. С. 127; Fornasier et al., 2017. S. 26 f.; Форнасье и др., 2017. С. 33). Постройка, возведенная уже во второй половине VI в. до н. э., постоянно достраивалась, увеличиваясь в размерах, на протяжении всего периода. Она имела общую площадь пола 42 кв. м, была заглублена в землю более чем на 2 м и состояла из четырех помещений, некоторые из которых имели сырцовые стены. Судя по археологическим отчетам, многочисленные находки из этого комплекса были представлены не только обломками терракотовых статуэток, но также большим количеством фрагментов импортной и местной керамики, в том числе принадлежавшими аттическим черно- и краснофигурным чашам и скифосам, рыбным блюдам, чернолаковой посуде с граффити, а также значительным количеством круглых или овальных камней и черепками амфор. В Помещении А на отдельной площади в 6 кв. м был обнаружен холм из золы высотой 1,2 м, содержащий множество костей животных, 20 костей дельфинов и фрагменты глиняных светильников местного производства.

Дальнейшие исследования показали, что этот строительный комплекс мог быть локализован по одной оси с самым ранним известным святилищем Аполлона Иетроса на северной окраине архаического поселения, которое интенсивно исследовалось в 1980-х гг. Однако тогда по поводу этой интересной топографической ситуации не было сделано

никаких конкретных выводов. Когда в результате раскопок под руководством А. В. Буйских (Буйских, 2015. С. 6–21) в начале 2000-х гг. было открыто архаическое святилище Афродиты в южной части города, его весьма примечательное расположение на границах ранней городской зоны также не было принято в расчет при реконструкции урбанистического развития Ольвии в эпоху архаики, хотя еще Платон (Plat. Leg. 778c) писал о практике сакральной защиты городских территорий в античном мире. К этому вопросу ученые обращаются и сегодня, особенно после выхода в свет в 1990-х гг. исследования Ф. де Полиньяка (*de Polignac*, 1995), и эта проблема до сих пор является предметом оживленной дискуссии (см., например, для Метапонта: *Mertens*, 2006. S. 47).

Известные раньше сакральные зоны на севере и юго-востоке и строительный комплекс на северо-западе, который Ю. И. Козуб интерпретировала как ритуальный, в действительности появляются как маркеры границ, которые в сочетании с природными особенностями рельефа Верхнего города ограничивали территорию раннего поселения. К этому можно добавить, что в 2017 г. при помощи магниторазведки на юго-западе были определены границы прямоугольной структуры необычайно больших размеров (приблизительно 10 × 20 м), разительно отличающейся от всех других архитектурных комплексов, известных в настоящее время для так называемого предместья. В связи с проблемой локализации ольвийских архаических сакральных центров и их предполагаемых взаимосвязанных функций как плановых «размежевателей» территории, предназначенной для будущего поселения, этот объект можно рассматривать не только как «отсутствующее звено». Он также является весьма примечательным из-за его близости к возникшей позже системе «вал–ров» (рис. 4).

Раскопки, проведенные в 2018 г., дали первое археологическое свидетельство в пользу этой концепции. В результате удалось открыть северо-восточный угол объекта второй половины VI в. до н. э., заглубленного

в землю более чем на 2 м. Судя по выявленным многочисленным уровням пола, он существовал на протяжении длительного периода времени. Внутри него были выявлены более сложные глинобитные структуры, однако из-за небольшой площади раскопа (5 × 5 м) их назначение пока определить невозможно, для этого необходимы дальнейшие исследования.

Однако уже понятно, что этот объект является одной из самых древних построек к западу от центральной части города и датируется тем же временем, что и предполагаемое святилище, находившееся далее к северу и открытое Ю. И. Козуб. Помимо этого, по своей необычной глубине, которая не была зафиксирована больше ни для одной постройки на всей территории, этот недавно открытый объект близок комплексу, обнаруженному Ю. И. Козуб. Найденный здесь фрагмент кровельной черепицы, покрытый белой краской, находки которой для VI в. до н. э. зафиксированы лишь в уже известных ольвийских святилищах, — черепицы, которая в это время не использовалась ни в частных, ни в общественных домах, — также является важным показателем особой функции этой постройки наряду с количеством и качеством всего спектра находок в целом.

Таким образом, современные исследования позволяют увидеть урбанистическое развитие Ольвии в совершенно новом свете. Появляются все новые и новые свидетельства того, что с самого начала ольвийское поселение застраивалось по специально разработанному плану, в котором зона, которую раньше считали предместьем, очевидно, играла такую же важную роль, как и центр города; обе зоны, в конечном счете, формировали урбанистическую территорию в ее функциональных границах. Если принять это положение, то полукруглая форма архаического некрополя, располагавшегося вокруг современной поселенческой зоны, в целом уже распланированной в VI в. до н. э., но постепенно застраиваемой на протяжении последующих десятилетий, которую так точно определила Ю. И. Козуб, может быть убедительно объяснена.

Рис. 4. План Ольвии с нанесенными на него известными ранее святилищами (1–4) и аномалией к юго-западу от центральной части города: 1 — Западный теменос (Аполлона Иетроса); 2 — Восточный теменос (Аполлона Дельфиния); 3 — Южный теменос (Афродиты); 4 — так называемое святилище (неясно, кому посвящено), исследованное Ю. И. Козуб в 1964 г.; 5 — зафиксированная во время геофизических исследований 2017 г. необычайно большая прямоугольная аномалия, которая, возможно, указывает местоположение другого святилища

Fig. 4. Plan of the Olbia with location of the previously known sanctuaries (1–4) and the anomaly southwest of the core town area: 1 — Western temenos (Apollo Ietros); 2 — Eastern temenos (Apollo Delphinios); 3 — Southern temenos (Aphrodite); 4 — so-called sanctuary, examined by Ju. I. Kozub in 1964 (no assignment); 5 — during geophysical prospection in 2017 fixed, exceptionally large rectangular anomaly, which possibly marks the location of another sanctuary

Агломерации, или скопления, землянок, поначалу имевшие довольно условные границы, окруженные сакральными постройками и охраняемые божествами, с середины V в. до н. э. и далее начинает ограждать *de facto* более земная, пусть и довольно скромная, но тем не менее достаточно надежная система «вал-ров». Она определяла облик западной части города на протяжении почти трех поколений, в то время как далее к востоку в Верхнем городе на многих участках успешно реализовывался огромный строительный проект, в результате которого происходила застройка ранее не использованных площадей на склоне и постепенно осваивался Нижний город. Только начиная с IV в. до н. э., когда центральная часть была защищена мощными каменными укреплениями и зона *intra-muros* вплоть до реки была использована для поселения, система «вал-ров», жилые и хозяйственные постройки на западе были оставлены.

Этот новый исследовательский подход к развитию истории города, несомненно,

нуждается в дополнительных научных аргументах, которые будут получены в будущем, а также в целенаправленном включении в исторический контекст. Однако новые результаты, полученные в ходе реализации совместного немецко-украинского научного проекта в 2014–2019 гг., уже показали, что существующие ранее представления о генезисе и урбанистической структуре позднеархаической и классической Ольвии должны быть пересмотрены. Условия существования милетской колонии на берегах Буга, которая не была застроена в послеантичное время, предоставляют чрезвычайно благоприятные возможности для археологических исследований, позволяющих проникать непосредственно в исторический процесс колонизации северного побережья Чёрного моря. В идеальном варианте Ольвия могла бы даже стать образцом для изучения урбанистического развития греческого города-колонии — и не только для Северного Причерноморья.

Буйских, 2013 — Буйских А. В. О греческой колонизации северо-западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. М.: Наука, 2013. № 1. С. 21–39.

Буйских, 2015 — Буйских А. В. Южный Теменос Ольвии Понтийской (Предварительные итоги изучения) // ВДИ. М.: Наука, 2015. № 2. С. 6–21.

Буйских и др., 2016 — Буйских А. В., Форнасье Й., Кузьмищев А. Г. Предместье Ольвии в свете новых украинско-германских исследований // ЗИИМК РАН. СПб., 2016. № 14. С. 46–57.

Буйских и др., 2019 — Буйських А., Форнасьє Й., Кузьмищев О. Дослідження ольвійського передмістя // Археологічні дослідження в Україні 2017. Київ: Інститут археології НАНУ, 2019. С. 152–154.

Буйских и др., в печати — Буйських А., Форнасьє Й., Кузьмищев О. Дослідження ольвійського передмістя у 2019 році. В печати.

Виноградов, 2000а — Виноградов Ю. А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // SYSSITIA.

Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетей, 2000. С. 227–232.

Виноградов, 2000б — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в до-римскую эпоху // Таманская старина 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 26–29.

Ивченко, 2010 — Ивченко А. В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2009 г. Киев, 2010 // Научный архив Института археологии НАНУ. Д. 2009/59.

Козуб, 1975 — Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия / Ред. С. Д. Крыжицкий и др. Киев: Наукова думка, 1975. С. 139–163.

Козуб, 1979а — Козуб Ю. И. Предместье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры II. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979. С. 316–325.

Козуб, 1979б — Козуб Ю. И. Передмістя Ольвії // Археологія. Київ: Інститут археології НАНУ, 1979. Вып. 29. С. 3–34.

Козуб, 1984 — Козуб Ю. И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная

- культура Северного Причерноморья: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1984. С. 156–173.
- Крыжицкий, 1979 — Крыжицкий С. Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации северного и западного Причерноморья: Материалы Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтуго, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 119–124.
- Крыжицкий, 1986 — Крыжицкий С. Д. Ольвия // Археология Украинской ССР. Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология / Гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 304–310.
- Крыжицкий и др., 1999 — Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейтунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. 478 с.
- Марченко, 1982 — Марченко К. К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. М.: Наука, 1982. № 3. С. 126–136.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, 2003. 350 с.
- Папанова, 2006 — Папанова В. А. Урочище сто могил. Некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України, 2006. 278 с.
- Форнасье и др., 2017 — Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. Новые данные об ольвийском предместье // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 33–44.
- Журавлёв и др., 2019 — Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 183–191.
- Bîrzescu, 2012 — Bîrzescu Iu. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 2012. 356 s. (Hистria. Vol. XV).
- Bujskikh, 2017 — Bujskikh A. From Dugouts to Houses: Urban Development in Late Archaic Olbia Pontica // Caiete A.R.A. Bucureşti: Arhitectură. Restaurare. Arheologie. 2017. No. 8. P. 5–15.
- Fornasier, 2016 — Fornasier J. Die griechische Kolonisation im nördlichen Schwarzmeerraum vom 7. bis 5. Jahrhundert v. Chr. Archäologie in Eurasien. Bd. 32. Bonn: Habelt-Verlag, 2016. 216 S.
- Fornasier et al., 2017a — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuz'miščev A. G., Patzelt A., Helfert M., Kratzsch N., Vor den Toren der Stadt. Deutsch-ukrainische Forschungen in der Vorstadt von Olbia Pontike // Archäologischer Anzeiger. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2017. Bd. 1. S. 19–61.
- Fornasier et al., 2017b — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuz'miščev A. G. Ein Stadtbild im Wandel. Neue Ergebnisse eines deutsch-ukrainischen Forschungsprojektes aus der griechischen Kolonie Olbia Pontike // Das Altertum. Oldenburg: Isensee-Verlag, 2017. Bd. 62. S. 214–270.
- Fornasier et al., 2018 — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuz'miščev A. G. Neues aus der Vorstadt. Aktuelle Forschungsergebnisse aus der griechischen Schwarzmeerkolonie Olbia Pontike // Antike Welt. Darmstadt: von Zabern/Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2018. No. 2. S. 75–83.
- v. Gerkan, 1940 — von Gerkan A. Der Tempel von Didyma und sein antikes Baumaß // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1940. Bd. 32. S. 127–150.
- Hüllden, 2018 — Hüllden O. Greek Fortifications before the Persian Wars. An Overview // Ed. A. Ballmer. Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2018. 180 p.
- Mertens, 2006 — Mertens D. Städte und Bauten der Westgriechen. Von der Kolonisationszeit bis zur Krise um 400 vor Christus. München: Hirmer Verlag, 2006. 463 S.

- Patzelt et al.*, 2016 — *Patzelt A., Fornasier J., Buyskikh A., Ivchenko A., Kuzmischev A.* Geomagnetic prospections in the suburb of Olbia Pontike — an ancient Greek Colony in the northern Black Sea area, Ukraine // *ISAPNews*, 2016. 45. P. 3–6.
- de Polignac*, 1995 — *de Polignac F.* *Cults, Territory, and the origins of the Greek City-State*. London; Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 187 p.
- Schlotzhauer, Zhuravlev*, 2013 — *Schlotzhauer U., Zhuravlev D. V.* Forschungen in der antiken Siedlung “Golubickaja-2” auf der südrussischen Taman'-Halbinsel. *Archäologie—Geoarchäologie—Historische Interpretation* // *Eurasia Antiqua*. Bonn: Rudolf Habelt, 2013. Bd. 19. S. 105–125.
- Schlotzhauer, Zhuravlev*, 2014 — *Schlotzhauer U., Zhuravlev D. V.* Greek Colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Ed. A. Twardecki, Tyritake. *Antique Site at Cimmerian Bosphorus: Proceedings of the International Conference, Warsaw, 27–28 November 2013*. Warsaw: The National Museum in Warsaw, 2014. P. 203–219.
- Vinogradov, Kryžickij*, 1995 — *Vinogradov Ju. G., Kryžickij S. D.* Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. *Mnemosyne Suppl. vol. 149*. Leiden: Brill, 1995. 168 S.
- Vinogradov et al.*, 2003 — *Vinogradov Y. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Y.* Myrmekion — Porthmeus. Two “small” towns of Ancient Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. 2* / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. P. 803–840.
- de Zwarte*, 1994 — *de Zwarte R.* Der ionische Fuß und das Verhältnis der römischen, ionischen und attischen Fußmaße zueinander // *BaBesch*. Leiden: Babesch Foundation, 1994. 69. S. 115–143.

On the question of the city boundary of Olbia Pontike in Archaic times

J. Fornasier, A. V. Buyskykh, A. G. Kuz'mishchev

Based on the current results of a German-Ukrainian cooperation project, which has been working in Olbia Pontike since 2014, our knowledge about the urban genesis in the Archaic and Classical period fundamentally changed. The previous reconstructions of the Olbian townscape were based on the assumption that the so-called central city area was settled first, while the area to the west was not incorporated in the settlement territory until the 5th century BC and when so, only for a short time. In contrast, our new results indicate that from the very beginning an intentional design was applied to the settlement of Olbia, in which the area previously interpreted as a suburb obviously played just as important a role as the central city, both of which ultimately functionally form an urban space. Dugouts agglomerations of the Archaic time (Fig. 1), at first rather metaphorically bordered and God-guarded by sacral facilities (Fig. 4), then from the middle of the 5th century BC onwards more profanely and *de facto* shielded by a wall-ditch system determined the cityscape in the west of Olbia for almost three generations. This spectacular localization of a hitherto unknown fortification system, which is not visible above ground and which therefore was unknown for a long time, was only possible due to an extensive geomagnetic prospection in 2014 and 2017 in the west of Olbia. It could be revealed the remains of a wall-ditch system running over a total length of more than 480 m, which despite some interruptions allow a complete reconstruction of the original fortification line (Fig. 2). The archaeological evidence confirm a ditch with an average width of 5 m and a depth of 2,10 m from the ancient level (Fig. 3) with a wall up to 4 m wide to the east, the extent of which can be determined in the planum and via the profile. Only in the period from the 4th century BC onwards, when the central area was enclosed by a massive stone fortification and the area *intra-muros* up to the river was used for settlement, the wall-ditch system and the residential and commercial buildings in the west were abandoned.

Ахеменидская цилиндрическая печать из Косики¹

М. Ю. Трейстер²

Аннотация. Статья посвящена ахеменидской цилиндрической печати со сценой схватки персидского героя с двумя львами из сарматского княжеского погребения третьей четверти I в. до н. э. у с. Косика в Нижнем Поволжье. Проведенный анализ показал, что печать датируется V в. до н. э., скорее его первой половиной. Не исключено, что она могла быть изготовлена в периферийной мастерской в Месопотамии или Сирии. Печать, выполненная из высококачественного материала, на хорошем уровне и представляющая сложную и в определенных элементах очень редкую композицию, явно выделяется на общем фоне ахеменидской глиптики. Между временем изготовления печати и ее попаданием в погребение прошло не менее 400 лет. Трудно предположить, что все это время печать находилась у кочевников, которые передавали ее по наследству, тем более что находки ахеменидских печатей в погребениях кочевников Евразии V–IV вв. до н. э., в отличие от некрополей Боспора, единичны. Ахеменидская печать из Косики, наряду с найденной в этом же погребении касситской цилиндрической печатью, принадлежит к кругу переднеазиатских и ближневосточных печатей середины II — середины I тыс. до н. э. из погребений сарматской знати I в. до н. э. — начала II в. н. э. в Побужье, Нижнем Подонье и Прикубанье. Скорее всего, они попали к кочевникам при ограблении святилищ в Закавказье.

Annotation. This article is devoted to the Achaemenid cylinder seal, representing a fight of the Persian hero with two lions, from the princely burial in Kosika in the Lower Volga region dated to the third quarter of the 1st century BC. The analysis has shown that the seal is dated to the 5th century BC, more likely to its first half. There is a good chance that it could be carved in a peripheral workshop in Mesopotamia or in Syria. The seal, made of a high quality-material at the high level, represents a complicated and in certain aspects very rare composition, clearly standing out in the context of the Achaemenid glyptics. At least 400 years passed between the time the seal had been carved and its use as part of the burial inventory in Kosika. It is hardly to suggest that the seal belonged to nomads all this time, especially since the finds of the Achaemenid seals in the nomadic burials in Eurasia of the 5th–4th centuries BC are extremely rare, unlike their finds in the necropoleis of the Bosphoran Kingdom. The Achaemenid seal from Kosika along with a Kassite cylinder seal found in the same burial belongs to the circle of the Western Asian and Near Eastern seals of the mid-2nd — mid-1st millennium BC which were found also in the burials of Sarmatian elite of the 1st century BC — early 2nd century AD in the Bug, the Don and the Kuban regions. They probably fell into the hands of the nomads during robbery of sanctuaries at Transcaucasia.

Ключевые слова: ахеменидские цилиндрические печати, сарматы, Нижнее Поволжье, Закавказье, Боспор Киммерийский.

Keywords: Achaemenid cylinder seals, Sarmatians, Lower Volga region, Transcaucasia, Cimmerian Bosphorus.

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. — III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер с российской стороны — Б. А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в фондах Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника и за всестороннюю помощь, оказанную в исследовании публикуемой находки, заведующей отделом фондов Музея Элине Рамильевне Чиняковой.

² Науч. сотрудник Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut); Podbielskiallee, 69–71, 14195, Berlin, Deutschland; e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-100-110

Ю. А. Виноградов является одним из многих исследователей античного Боспора, кто обращал внимание на находки предметов ахеменидского круга в погребальных памятниках местной элиты (Виноградов, 2011. С. 185–191; 2019. С. 6–7).

Данная статья посвящена публикации цилиндрической ахеменидской печати из сарматского княжеского погребения у с. Косика Енотаевского р-на Астраханской обл. в Нижнем Поволжье. Это погребение в бугре Бэра, длинной возвышенности, перпендикулярной Волге, было открыто в 1984 г. во время прокладки водопроводной траншеи вдоль шоссе, в 111 км к северу от Астрахани. Многие вещи из центральной части погребения, практически полностью разрушенной роторным экскаватором, попали к строителям и позднее были переданы Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, силами которой этот погребальный комплекс был доследован в том же году (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1993. С. 141–179). Несмотря на то что датировка погребения с самого начала вызывала и продолжает вызывать дискуссии (см., например: Воронятов, 2019. С. 74–75), есть достаточно веские основания³ для отнесения его к третьей четверти I в. до н. э.

На вырезанной из полупрозрачного серовато-голубого халцедона цилиндрической печати представлена сцена схватки героя с двумя львами, стоящими по обеим сторонам от него на задних лапах. Он душит их вытянутыми в сторону руками. Сам герой изображен в профиль влево, в персидском костюме, на голове — зубчатая тиара, над головой — крылатый диск солнца, скорее всего, символ Ахурамазды (рис. 1, 2) (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1993. С. 177, рис. 21, 9; 178; Клочков, 1994. С. 211–214, рис. 1; Deller, Klengel, 1995. S. 44, nr. 563; Klochkov, 1996. P. 38–43, fig. 1; *Cat. Rome*, 2005. P. 135, no. 90; ср.: Boardman, 2000. P. 242, note 73).

³ Они приведены нами с обзором точек зрения в недавно опубликованной работе (Белюсов, Трейстер, 2018. С. 92–128).

Как отмечал И. С. Клочков, особенностью печати, в центральной части которой использована довольно характерная для ахеменидской официальной глиптики сцена, являются помещенные на ней изображения «помощников» героя — воинов в персидско-аншанских костюмах с луками и колчанами за спиной (Клочков, 1994. С. 211; Klochkov, 1996. P. 40). Каждый из них вонзает копье в тело стоящего рядом с ним льва, что и делает сцену на печати с его точки зрения уникальной. Этих воинов И. С. Клочков сопоставлял с образами телохранителей царя на глазурованных рельефах из дворца в Сузах, а сами изображения «помощников» считает связанными с заказчиком печати, человеком, занимавшим высокое положение в окружении царя (Клочков, 1994. С. 213–214; Klochkov, 1996. P. 42–43). Датируя печать в рамках V в. до н. э., исследователь склонялся к тому, что это изделие высококлассного резчика, скорее всего, эпохи Артаксеркса I (464–424 гг. до н. э.) (Клочков, 1994. С. 214; Klochkov, 1996. P. 43).

Если обратиться к центральному персонажу, то изображения ахеменидского героя (Root, 1979. P. 303–308; Kaplan, 2002. P. 56–73) с крылатым диском над ним⁴, держащего в руках стоящих на задних лапах животных или монстров, появляются еще на оттисках печатей так называемого Фортификационного архива Персеполя конца VI в. до н. э., то есть еще при Дарии I⁵. Подобные сцены сохранились

⁴ Об идентификации его как символа Ахурамазды (за и против этого предположения) см., например: Shahbazi, 1974. P. 135–144; Shahbazi, 1980. P. 119–147; Garrison, Root, 2001. P. 69, note 2; Ehrenberg, 2017.

⁵ Root, 1999. P. 170–171, fig. 6; Garrison, Root, 2001. P. 68–70, no. 4, PFS 7, pl. 4, a–d (503/502 гг. до н. э., здесь крылатые быки); 88–89, no. 19, PFS 113, pl. 13, a–d (495/494 гг. до н. э., здесь сфинксы и без диска с крыльями над головой героя); 129–130, no. 54, PFS 301, pl. 34, c–d (498/497 гг. до н. э., здесь крылатые львы и без диска с крыльями над головой героя); 180, no. 100, PFS 326, pl. 58, a–c (495/494 гг. до н. э., здесь крылатые быки с человеческими головами и без диска с крыльями над головой героя). См. также аналогичный мотив на оттисках печатей из Даскилейона: Kaplan, 2002. P. 68, DS 9, DS 11–13, DS15, DS 17, DS 19, DS 26–28. Особенностью изображений на буллах из Даскилейона

Рис. 1. Ахеменидская печать из погребения № 1/1984 в Косике. Астрахань, Государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 35558: 1-7 — общие виды; 8 — прокатка (фото М. Ю. Трейстера)

Fig. 1. Achaemenid seal from a burial no. 1/1984 in Kosika. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv. no. 35558: 1-7 — general views; 8 — rolling (photos by M. Yu. Treister)

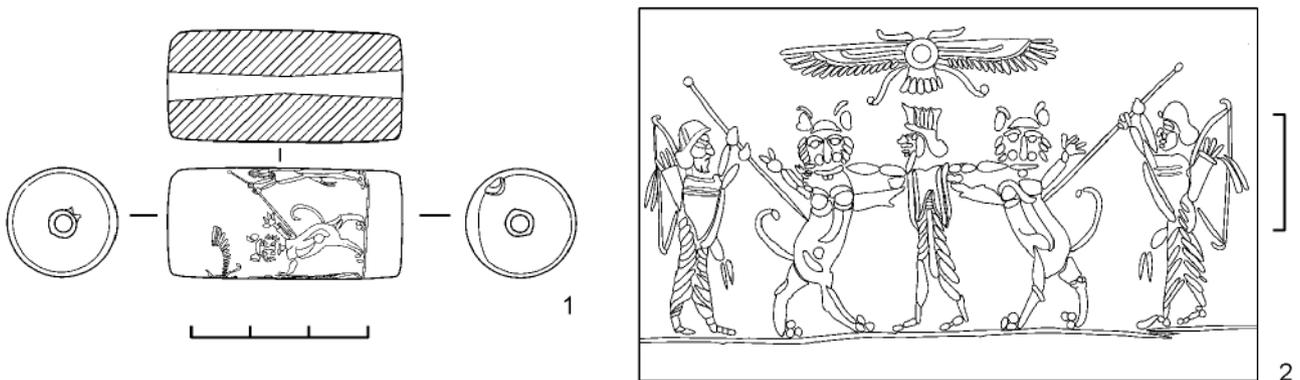

Рис. 2. Ахеменидская печать из погребения № 1/1984 в Косике. Астрахань, Государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 35558. Прорисовка Н. Е. Беспалой

Fig. 2. Achaemenid seal from a burial no. 1/1984 in Kosika. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv. no. 35558. Drawing by N. E. Bespalaya

на цилиндрических⁶ и конических (*Cat. London*, 2005. Р. 92, no. 67) печатях, а также на скарабеоидах (*Boardman*, 2000. Р. 154, fig. 5.1). Львы на оттисках печатей из Персеполя появляются не позднее рубежа VI–V вв. до н. э., причем герой держит львов за горло, как и на рассматриваемой печати из Косики⁷. К тому же времени относятся изображения героев в аналогичных одеждах и тиарах в схватке с животными, но в других композициях⁸. Вместе с тем они представлены и на печатях, датирующихся серединой — второй половиной

является то, что голова героя изображена не в профиль, а *en face*.

⁶ Британский музей: *Cat. London*, 2005. Р. 92–93, nos. 68, 70. Лувр: Sb 1476 (из Суз). Режим доступа: <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/3019481>. AOD 114 (из Суз). Режим доступа: <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/3019535> (дата обращения 15.10.2019). См. также печати из частных коллекций в США: Никулина, 1994. Рис. 420, 424.

⁷ *Root*, 1999. Р. 164, fig. 4; *Garrison, Root*, 2001. Р. 92–94, no. 22, PFS 16, pl. 15, *a–f. Modeled style* (500 г. до н. э., без диска с крыльями).

⁸ *Garrison, Root*, 2001. Р. 323–324, no. 221, PFS 39s, pl. 121, *d–f. Court style* (501 г. до н. э., герой в схватке с крылатым львом, без диска с крыльями); 324, no. 222, PFS 139s, pl. 122, *a–b. Broad and Flat style* (499/498 гг. до н. э., герой в схватке с крылатым львом, без диска с крыльями); 334–335, no. 230, PFS 1428s, pl. 127, *a.*

V в. до н. э.⁹ К сожалению, ни форма короны, ни количество ее зубцов на ахеменидских цилиндрических печатях, вопреки мнению, к которому присоединился И. С. Клочков (*Клочков*, 1994. С. 213; *Klochkov*, 1996. Р. 43), не являются критериями ни для их датировки, ни для атрибуции каким-то конкретным мастерским (*Kaplan*, 2002. Р. 58–59).

Что касается дополнительных персонажей, то И. С. Клочков ошибался, считая, что их изображения делают печать из Косики уникальной. Действительно, фигуры воинов довольно редко появляются в сценах с изображением персидского героя в схватке с животными или монстрами. Обычно такие сцены асимметричны, так как дополнительный персонаж на них только один. Так, на оттиске цилиндрической печати 499 г. до н. э. лучник появляется слева от сцены с героем и двумя стоящими фигурами львов¹⁰, а на оттиске печати 497/496 гг. до н. э. дополнительный

⁹ См., например, печати: Энлил-шум-иддина, сына Нинурта Эриба (464–404 гг. до н. э.): <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/2562010>; Мардук-шум-иддина, сына Нидинтум-Бела: <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/2562308>; Ша-иди-аху, сына Хашдайя: <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/2563760> (дата обращения 15.10.2019).

¹⁰ *Garrison, Root*, 2001. Р. 95–96, no. 23, PFS 49, pl. 16, *a–c. Fortification style* (без диска с крыльями).

персонаж вонзает кинжал в тело животного¹¹. Подобная композиция с лучником, стреляющим в спину одного из львов в сцене с героем и двумя львами, представлена на цилиндрической печати из сардоникса, хранящейся в Мюнхене и датированной первой половиной V в. до н. э.¹²

Рассматривая аналогии фигурам воинов, вонзающих копья во львов, И. С. Клочков указал, прежде всего, на изображения на лазурованных панелях дворца в Сузах (Клочков, 1994. С. 213; *Klochkov*, 1996. Р. 43). Между тем имеются значительно более близкие параллели в глиптике. Так, воины в сходных позах, убивающие врагов копьями (с подобными же шариками на концах), представлены на цилиндрической халцедоновой печати из клада Окса. Они изображены в таких же одеждах, а за спиной у них лук и колчан со свисающими кистями (*Dalton*, 1964. Р. 31–32, no. 114, pl. XVI; *Shahbazi*, 1980. Р. 141, fig. 11; *Boardman*, 2000. Р. 160, fig. 5.5; *Cat. London*, 2005. Р. 228–229, no. 413; *Merrillees*, 2005. No. 66; *Kat. Speyer*, 2006. S. 29, вверху; *Wu Xin*, 2010. Р. 548, 549, fig. 51.3; *Wu Xin*, 2012. Р. 84, fig. 4.3; *Яценко*, 2011. С. 504, 505, рис. 4, 1; *Curtis*, 2012. Р. 40, fig. 30). Печать из клада Окса датируют в пределах V в. до н. э., но не исключено, что ее следует относить ко времени царствования Ксеркса I (486–465 гг. до н. э.). Копье с шариком на конце представлено у спешившегося воина в мидийской одежде в схватке с кабаном на печати неизвестного происхождения из Британского музея (*Никулина*, 1994. Рис. 535; *Merrillees*, 2005. No. 12; *Cat. London*, 2005. Р. 228–229, no. 417; *Kat. Speyer*, 2006. S. 54a). На халцедоновой цилиндрической печати из собрания Переднеазиатского музея в Берлине воины, вооруженные копьями с шариками, с луками и колчанами за спиной, фланкируют изображение Ахурамазды, над которым

парит крылатый диск¹³. А. Шахбази (*Shahbazi*, 1980. Р. 122) сопоставлял эту сцену с изображением аудиенции Артаксеркса I в Стоколном зале Персеполя (*Schmidt*, 1953. Р. 133–134, fig. 96–99).

В подобной позе и с такими же копьями изображены воины в персидской одежде (но без луков и колчанов) на цилиндрической печати из серого халцедона, предположительно происходящей из Вавилонии, в собрании Британского музея (*Merrillees*, 2005. No. 58; *Cat. London*, 2005. Р. 189, no. 287). Сцена на этой печати заслуживает внимания еще потому, что два воина атакуют помещенных в центре львиноголовых грифонов, над которыми изображен диск с крыльями, то есть по крайней мере в своей периферийной части она напоминает печать из Косики. Воин в такой же одежде вонзает копье в спину стоящего на задних лапах льва на оттиске цилиндра неизвестного происхождения из Лейдена¹⁴ и на лазуритовом цилиндре из Топраккале, хранящемся в Берлине (*Moortgat*, 1988. S. 152, nr. 771, taf. 90; *Kat. Speyer*, 2006. S. 44b). Близкая сцена присутствует и на одном из оттисков печатей, происходящих из клада в Уре¹⁵. На нем изображены два персонажа в тиарах — лучник и копеежник, атакующие стоящего на задних лапах льва (*Collon*, 1987. Р. 90–91, no. 422; 1996. Р. 68, pl. 12, 2.a–b; *Boardman*, 2000. Р. 157, fig. 5.4a; *Henkelmann et al.*, 2004. Р. 28, note 25).

Печати из Косики и клада Окса сближают не только изображения воинов с копьями, но и крылатого диска. Дело в том, что в ахеменидском искусстве известно несколько его разновидностей. По классификации, предложенной Д. Каптан, крылатый диск на печати из Косики относится к типу с закругленными

¹¹ *Garrison, Root*, 2001. Р. 419–420, no. 297, PFS 1101, pl. 166, c–a. *Mixed style* (без диска с крыльями, герой в ассирийской одежде).

¹² *Brandt*, 1968. S. 52, nr. 232, taf. 25; *Zazoff*, 1983. S. 170, anm. 38; S. 174, abb. 49, b; taf. 38, 3.

¹³ *Pope*, 1977. Pl. 123; *Shahbazi*, 1980. Р. 122, 123, fig. 2, ошибочно, как хранящаяся в Британском музее; *Moortgat*, 1988. Nr. 768; *Никулина*, 1994. Рис. 408 (конец VI — начало V в. до н. э.).

¹⁴ *Henkelmann et al.*, 2004. Р. 27–29, no. RB4, fig. 20–22. Режим доступа: <http://www.achemenet.com/fr/item/?/musee-achemenide/categories-d-objets/sceaux/1637772> (дата обращения 15.10.2019).

¹⁵ *Terminus post quem* для него, судя по оттискам монет, ок. 460/450 гг. до н. э. (*Collon*, 1996. Р. 66).

крыльями, кстати, наиболее распространенному на оттисках печатей из Даскилейона (Kartan, 2002. P. 45). Однако и среди крылатых дисков этого типа имеются существенные отличия. В данном случае к ним можно отнести завитки внизу по сторонам от хвоста и вверху. Подобные детали, помимо печати из клада Окса, представлены на изготовленных из халцедона цилиндрических печатях с изображениями коней, хранящихся в Иерусалиме (Boardman, 2000. P. 163, fig. 5.20), Берлине¹⁶, а также на цилиндре из скифского кургана в Холодном Яре близ Смелы¹⁷, на скарабеоидах в Лувре с изображением прыгающего льва группы *The Leaping Lions* по классификации Д. Бордмана (Boardman, 2001. P. 317–318, 354, pl. 908) и в Эрмитаже с изображением квадриги и перса, стреляющего из лука, кембриджской группы (Boardman, 2001. P. 317–318, 355, pl. 928). Для датировки этих резных камней важное значение имеет находка в надежно датированном греческими импортами первой половины V в. до н. э. погребении кургана № 24 в некрополе Нимфея золотого перстня со стеклянным скарабеоидом¹⁸. На одной стороне его представлен теленок, сосущий вымя коровы, на другой — крылатый диск того же типа, что и на оттиске цилиндрической печати из сокровищницы Персеполя с надписью Ксеркса¹⁹. Есть все основания считать, что

рассматриваемый образ как символ *хварны* (*khvarnah*) сложился уже в эпоху Дария I, судя по его изображениям над крылатыми сфинксами на глазурованных панелях из дворца в Сузах (*Cat. New York*, 1992. P. 228–230, no. 157 с лит.; *Soudavar*, 2010. P. 120, 121, fig. 12.2). Такие крылатые диски известны и в торевице, в частности, на золотых бляшках из погребения V в. до н. э. в Сардах (*Curtis*, 1925. P. 11, no. 1, Pl. I, 1, no. 4652; *Rehm*, 1992. S. 206, 224, nr. H.77, Abb. 176; *Dusinberre*, 2003. P. 148, Fig. 54; 254).

Львы на печати из Косики имеют характерную для ахеменидского стиля подробную проработку мускулов, которую мы видим и на других цилиндрических печатях, рассмотренных выше. С ними сопоставимы изображения львов в сцене с персидским героем на приобретенной в Месопотамии цилиндрической печати, хранящейся в Британском музее (*Cat. London*, 2005. P. 160, no. 208). Особенностью образов львов на печати из Косики является разворот их голов *en face*, который не встречается в других известных автору подобных сюжетах, например, сценах охоты на печати из Британского музея (*Merrillees*, 2005. No. 9; *Cat. London*, 2005. P. 228–229, no. 418) и оттиске печати из сокровищницы Персеполя (*Schmidt*, 1957. P. 7, 22, no. 8, PT 4 471, 549a, Pl. 5; *Root*, 1999. P. 164, Fig. 4; *Garrison, Root*, 2001. P. 92–94, no. 22, PFS 16, Pl. 15, a–f), где голова стоящего льва показана в профиль. Единственным исключением является фронтальный разворот головы одного из крылатых рогатых львов в сцене с героем на конической печати из голубого халцедона в собрании Музея Гетти. Д. Спир, датировавший печать V в. до н. э., предполагал, что, судя по ее форме, она была изготовлена в мастерской Вавилона (*Spier*, 1992. P. 56, no. 108). По справедливому мнению Д. Бордмана, фронтальное изображение голов львов на цилиндрической печати из Косики может говорить о месопотамской или сирийской традиции (Boardman, 2000. P. 242, note 73).

impressions#5E12_72dpi.png (дата обращения 15.10.2019). См. также оттиск RB 5: *Henkelmann et al.*, 2004. P. 30–31, fig. 23–26.

¹⁶ *Zwierlein-Diehl*, 1969. S. 86–87, nr. 195 (последняя четверть V — первая четверть IV в. до н. э.), taf. 42; *Никулина*, 1994. Рис. 303; *Boardman*, 2000. P. 159–160, fig. 5.14; *Boardman*, 2001. P. 351, pl. 831; *Kat. Speyer*, 2006. S. 45d.

¹⁷ *Бобринский*, 1887. С. 76, ил. на с. 77; *Minns*, 1913. P. 193, fig. 85; *Rostowzew*, 1931. S. 425; *Онайко*, 1970. С. 119, № 849, табл. XVIII; *Treister*, 2010. P. 255–256, no. 15 с лит.

¹⁸ ОАК за 1877 г., табл. III, 7–8; *Силантьева*, 1959. С. 56, рис. 24, 2; *Neverov*, 1995. P. 72–73, no. 15, pl. XII, 3; *Кат. С.-Петербург*, 1999. С. 112, № 293; *Кат. С.-Петербург*, 2004. С. 32, № 18; *Острроверхов*, 2006. С. 142, рис. 6, 1; 143; *Treister*, 2010. P. 254, no. 10 с лит.; *Бабенко*, 2017. С. 30–31, 32, рис. 2, 4.

¹⁹ P 57472: [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://oi.uchicago.edu/gallery/seals-and-seal-impressions#5E7_72dpi.png. См. также на оттиске 57464: [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://oi.uchicago.edu/gallery/seals-and-seal-impressions#5E9_72dpi.png; PT4 752, 758: <https://oi.uchicago.edu/gallery/seals-and-seal->

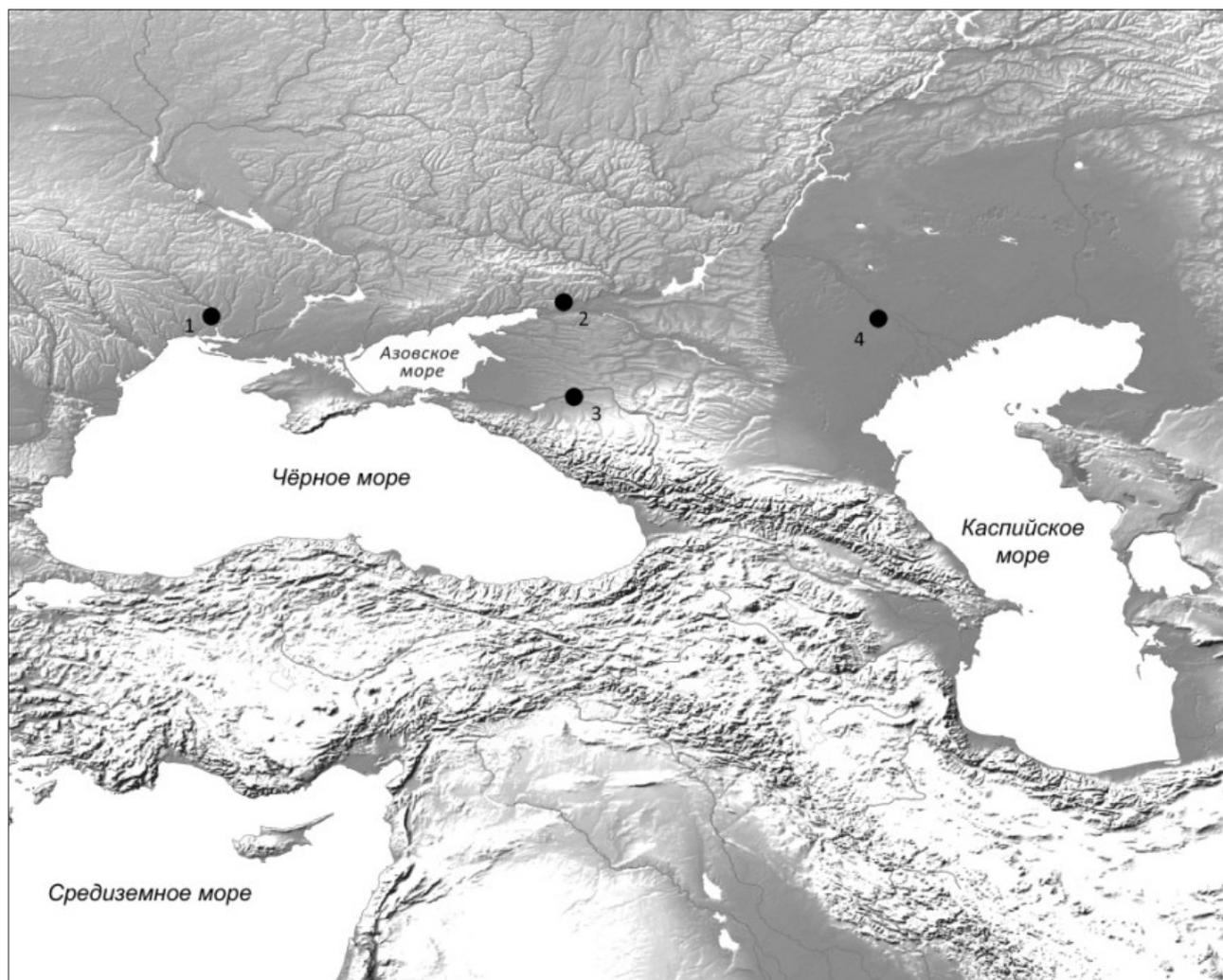

Рис. 3. Распространение переднеазиатских и ближневосточных печатей середины II — середины I тыс. до н. э. в сарматских погребениях I в. до н. э. — первой половины II в. н. э.: 1 — Соколова могила; 2 — Чеботарев V; 3 — Тбилисская; 4 — Косика (карта: *Трейстер*, 2019, подоснова выполнена Г. П. Гарбузовым)

Fig. 3. Spread of Western Asian and Middle Eastern seals of the middle of the 2nd — middle of the 1st millennium BC at Sarmatian burials of the 1st century BC — the first half of the 2nd century AD: 1 — Sokolova Mogila; 2 — Chebotarev V; 3 — Tbilisskaya; 4 — Kosika (map: *Трейстер*, 2019, subbase is made by G. P. Garbuzov)

Неоднократно высказывались мнения о том, что в Ахеменидском государстве подобные цилиндрические печати использовались для документов царской администрации (*Colton*, 1987. P. 90; *Klochkov*, 1996. P. 39; *Cat. London*, 2005. P. 189). Опубликованные в последние десятилетия корпуса печатей из архивов позволяют скорректировать эту точку зрения. Вполне очевидно, что для ахеменидской эпохи тип печати не являлся определяющим

критерием для ее использования как официальной или частной (*Boardman*, 2000. P. 152–153; *Kaplan*, 2002. P. 26). Хотя царские имена встречаются на цилиндрах, количество таких примеров очень незначительно²⁰. Верховным чиновникам царской администрации могли

²⁰ *Root*, 1979. P. 119–122 (список 15 цилиндров с царскими именами); *Schmitt*, 1981. S. 32–33; *Kaplan*, 2002. P. 26.

принадлежать печати высокого качества с арамейскими надписями (*Garrison, Root*, 2001. P. 8, note 25). Оттиски на *Persepolis fortification tablets* показывают преимущественное использование цилиндров по сравнению с коническими печатями, но большей частью они принадлежали поставщикам (*Garrison, Root*, 2001. P. 533–534).

Итак, сравнительный анализ позволяет утверждать, что печать из Косики датируется V в. до н. э., скорее его первой половиной. Выполненная из высококачественного материала, на хорошем уровне (несмотря на ошибки резчика, отмеченные И. С. Клочковым), она демонстрирует сложную и в определенных элементах очень редкую композицию. Этим печать явно выделяется на общем фоне ахеменидской глиптики, хотя вряд ли она принадлежала именно официальному лицу, а уж тем более сподвижнику царя. Между временем ее изготовления и попаданием в погребение прошло не менее 400 лет. Трудно предположить, что печать находилась у кочевников, которые передавали ее по наследству столь длительное время. Как известно, находки ахеменидских печатей в погребениях кочевников Евразии V–IV вв. до н. э., в отличие от некрополей Боспора (*Трейстер*, 2011. С. 114–119), единичны. Печать из Косики, наряду с найденной в том же погребении касситской

цилиндрической печатью (*Дворниченко, Фёдоров-Давыдов*, 1993. С. 177, рис. 21, 8; 178; *Клочков*, 1994. С. 213–217, рис. 2; *Klochkov*, 1996. P. 43–48, fig. 2–3; *Cat. Rome*, 2005. P. 135, no. 91; *Трейстер*, 2019. С. 25, рис. 3), принадлежит к кругу переднеазиатских и ближневосточных изделий середины II — середины I тыс. до н. э., найденных в погребениях сарматской знати I в. до н. э. — начала II в. н. э.²¹ (*Трейстер*, 2019. С. 21–26, рис. 1–3) (рис. 3). Скорее всего, они попали к кочевникам при ограблении святилищ в Закавказье (*Трейстер*, 2019. С. 25–26)²².

²¹ К этому кругу можно отнести скарабеоид из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V (рис. 2, 2) (*Балахванцев и др.*, 2017. С. 155–159; *Трейстер*, 2019. С. 21–26, рис. 1, 1), а также конические печати из Соколовой могилы (рис. 2, 1) (*Ковпаненко*, 1986. С. 103, рис. 108; *Трейстер*, 2019. С. 21, рис. 1, 3–4; 24, № 3–4) и сарматского погребения у ст. Тбилисской (рис. 2, 3) (*Ждановский*, 1984. С. 73, рис. 1, 28; С. 78; *Kat. Mannheim*, 1989. S. 142, nr. 160; *Cat. Tokyo*, 1991. P. 53, no. 23; *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 353, nr. 64, taf. 92, 2; *Трейстер*, 2019. С. 21, рис. 1, 2; 24, № 5).

²² В пользу этого предположения в сравнительном плане говорит тот факт, что, несмотря на определенное запаздывание ахеменидских печатей, найденных на Боспоре, по сравнению с хронологией комплексов (*Трейстер*, 2011. С. 115–116), откуда они происходят, автору неизвестен ни один из них, который датировался бы позднее первой половины III в. до н. э.

Бабенко, 2017 — *Бабенко Л. И.* Два монетных сюжета на изделиях греко-скифской торевтики // *Археологія і давня історія України*. 2017. № 2 (23). С. 30–39.

Балахванцев и др., 2017 — *Балахванцев А. С., Мимоход Р. А., Успенский П. С.* Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // *РА*. 2017. № 4. С. 155–159.

Белоусов, Трейстер, 2018 — *Белоусов А. В., Трейстер М. Ю.* Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // *Аристей: вестник классической филологии и древней истории*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. Т. XVIII. С. 92–128.

Бобринский, 1887 — *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. 172 с.

Виноградов, 2011 — *Виноградов Ю. А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // *Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы МНК (СПб., 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Иванов, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 185–191.

Виноградов, 2019 — *Виноградов Ю. А.* Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // *БИ*. 2019. Вып. XXXVIII. С. 3–17.

- Воронятов*, 2019 — *Воронятов С. В.* Знак-тамга боспорского царя Аспурга: ареал находок, контекст, датировка // X МНК «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма Салта ЛТД», 2019. С. 69–79.
- Дворниченко*, *Фёдоров-Давыдов*, 1993 — *Дворниченко В. В., Фёдоров-Давыдов Г. А.* Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179.
- Ждановский*, 1984 — *Ждановский А. М.* Подкуранные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н. э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Ред. Н. И. Кирей. Краснодар: Кубанский ГУ, 1984. С. 72–94.
- Кат. С.-Петербурга*, 1999 — Древний город Нимфей. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж / Ред. С. П. Борисковская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. 137 с.
- Кат. С.-Петербурга*, 2004 — Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2004. 255 с.
- Клочков*, 1994 — *Клочков И. С.* Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика // ВДИ. 1994. № 3. С. 210–217.
- Ковпаненко*, 1986 — *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 145 с.
- Никулина*, 1994 — *Никулина Н. М.* Искусство Ионии и ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н. э. М.: Искусство, 1994. 144 с.
- ОАК за 1877 г. — Отчет археологической комиссии за 1877 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880. 296 с.
- Онайко*, 1970 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 216 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Островецких*, 2006 — *Островецких А. С.* Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н. э.) // ВДИ. 2006. № 2. С. 131–154.
- Силантьева*, 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.: Наука, 1959. С. 5–107 (МИА; № 69).
- Трейстер*, 2011 — *Трейстер М. Ю.* Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феномен: население, языки, контакты... С. 113–121.
- Трейстер*, 2019 — *Трейстер М. Ю.* Скарабеоид из погребения № 1 кургана № 1/2015 могильника Чеботарев-V (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени) // РА. 2019. № 1. С. 20–31.
- Яценко*, 2011 — *Яценко С. А.* Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. 2001. № 3. С. 495–510.
- Boardman*, 2000 — *Boardman J.* Persia and the West. L.: Thames and Hudson, 2000. 256 p.
- Boardman*, 2001 — *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. 2nd ed. L.: Thames and Hudson, 2000. 480 p.
- Brandt*, 1968 — *Brandt E.* Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Bd. I. Teil 1. Staatliche Münzsammlung München. München: Prestel, 1968. 183 S.
- Cat. London*, 2005 — Forgotten Empire. The World of Ancient Persia / Eds. J. Curtis, N. Tallis. L.: University of California Press, 2005. 272 p.
- Cat. New York*, 1992 — The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre / Eds. P. O. Harper, J. Aruz, F. Tallon. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 1992. 316 p.
- Cat. Rome*, 2005 — I Tesori della steppa di Astrakhan / Eds. L. Anisimova, G. L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V. V. Plakhov. Milano: Electa, 2005. 183 p.
- Cat. Tokyo*, 1991 — The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. 180 p.
- Collon*, 1987 — *Collon D.* First Impressions. Cylinder Seals in Ancient Near East. L.: British Museum Publications, 1987. 208 p.
- Collon*, 1996 — *Collon D.* A Hoard of Sealings from Ur // Archives et Sceaux du Monde Hellénistique / Eds. M.-F. Boussac, A. Invernizzi. Athènes: École française d'Athènes; Paris: Diff. de Boccard, 1996. P. 65–84 (BCH. Suppl. 29).
- Curtis*, 1925 — *Curtis C. D.* Jewelry and Gold Work. Part I. 1910–1914. Roma: Sindacato italiano arti grafiche, 1925. 48 p. (Sardis. XIII).
- Curtis*, 2012 — *Curtis J.* The Oxus Treasure. L.: British Museum Press, 2012. 64 p.
- Dalton*, 1964 — *Dalton O. M.* The Treasures of the Oxus. 3rd ed. L.: British Museum, 1964. 80 p.

- Deller, Klengel*, 1995 — *Deller K., Klengel H.* Keilschriftbibliographie. 54: 1994 // *Orientalia*. 1995. Bd. 64.1. S. 1–100.
- Dusinberre*, 2003 — *Dusinberre E. R. M.* Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 342 p.
- Ehrenberg*, 2017 — *Ehrenberg E.* Achaemenid Visual Representations of Royal Figures. *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2017. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.iranicaonline.org/articles/achaemenid-visual-reps> (дата обращения: 14.10.2019).
- Garrison, Root*, 2001 — *Garrison M. B., Root M. C.* Seals on the Persepolis Fortification Tablets. Vol. 1. Images of Heroic Encounter. Chicago: The Oriental Institute, 2001. 562 p. (Oriental Institute Publications. 117).
- Henkelmann et al.*, 2004 — *Henkelmann W. F. M., Jones C. E., Stolper M. W.* Clay Tags with Achaemenid Seal Impressions in the Dutch Institute of the Near East (NIMO) and Elsewhere. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.achemenet.com/pdf/arta/2004.001.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).
- Kaptan*, 2002 — *Kaptan D.* The Daskyleion Bullae; Seal Images from the Western Achaemenid Empire. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2002. 246 p.
- Kat. Mannheim*, 1989 — Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban / Hrsg. A. M. Leskow, W. L. Lapuschnjan. Stuttgart: Konrad Theiss, 1989. 189 S.
- Kat. Speyer*, 2006 — Pracht und Prunk der Grosskönige. Das persische Weltreich / Hrsg. Historisches Museum der Pfalz Speyer. Stuttgart: Theiss, 2006. 260 S.
- Klochkov*, 1996 — *Klochkov I. S.* Two Cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1996. Vol. 3.1. P. 38–48.
- Marčenko, Limberis*, 2008 — *Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: Zabern, 2008. S. 267–400 (*Archäologie in Eurasien*. 25).
- Merrillees*, 2005 — *Merrillees P. H.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals VI. Pre-Achaemenid and Achaemenid Periods. L.: The British Museum Press, 2005. 161 p.
- Minns*, 1913 — *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 720 p.
- Moortgat*, 1988 — *Moortgat A.* Vorderasiatische Rollsiegel. Berlin: Gebr. Mann, 1988. 155 S.
- Neverov*, 1995 — *Neverov O. J.* Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // *Archaeologia*. 1995. Vol. 46. P. 71–75.
- Pope*, 1977 — *Pope A. U.* A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. VII. 2nd ed. Tehran: Soroush Press, 1977. 257 p.
- Rehm*, 1992 — *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden. Münster: Ugarit, 1992. 358 S.
- Root*, 1979 — *Root M. C.* The King and Kingship in Achaemenid Art. Leiden: Peeters Publ., 1979. 357 p. (*Acta Iranica*. 19).
- Root*, 1999 — *Root M. C.* The Cylinder Seal from Pasargadae: of Wheels and Wings, Date and Fate // *Iranica Antiqua*. 1999. T. XXXIV. P. 157–190.
- Rostowzew*, 1931 — *Rostowzew M. I.* Skythien und der Bosphorus. Berlin: H. Schoetz & Co, 1931. 651 S.
- Schmidt*, 1953 — *Schmidt E. F.* Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: The Oriental Institute, 1953. 297 p. (Oriental Institute Publications. 68).
- Schmidt*, 1957 — *Schmidt E. F.* Persepolis II: Contents of the Treasure and Other Discoveries. Chicago: The Oriental Institute, 1953. 166 p. (Oriental Institute Publications. 69).
- Schmitt*, 1981 — *Schmitt R.* Altpersische Siegel-Inschriften (SB Wien 381). Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1981. 49 S.
- Shahbazi*, 1974 — *Shahbazi A. S.* An Achaemenid Symbol I. A Farewell to “Fravahr” and “Ahuramazda” // *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1974. Bd. 7. P. 135–144.
- Shahbazi*, 1980 — *Shahbazi A. S.* An Achaemenid Symbol II. Farnah. “(God given) Fortune” Symbolized // *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1980. Bd. 13. P. 119–147.

- Soudavar*, 2010 — *Soudavar A.* The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on the Avesta // *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East: Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September — 1st October 2005* / Eds. J. Curtis, St. J. Simpson. L.: I. B. Tauris & Co. Ltd., 2010. P. 111–138.
- Spier*, 1992 — *Spier J.* Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1992. 200 p.
- Treister*, 2010 — *Treister M.* “Achaemenid” and ‘Achaemenid-inspired’ Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // *BSS*. 2010. Vol. 3. P. 223–279.
- Wu Xin*, 2010 — *Wu Xin.* Enemies of Empire: A Historical Reconstruction of Political Conflicts between Central Asia and the Persian Empire // *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East: Proceedings of a Conference at the British Museum. 29th September — 1st October 2005* / Eds. J. Curtis, St. J. Simpson. L.: I. B. Tauris & Co. Ltd., 2010. P. 545–563.
- Wu Xin*, 2012 — *Wu Xin.* Violence and power visualized: representations of military engagements between Central Asia and the Achaemenid Persian Empire // *Regimes and Revolutions: Power, Violence, and Labor in Eurasia Between the Ancient and the Modern* / Eds. C. Hartley, G. Bike Yazıcıoğlu, A. T. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 78–90.
- Zazoff*, 1983 — *Zazoff P.* Die antiken Gemmen. München: C-H. Beck, 1983 (*Handbuch der Archäologie*). 443 S.
- Zwierlein-Diehl*, 1969 — *Zwierlein-Diehl E.* Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Bd. II: Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung, Berlin. München: Prestel, 1969. 324 S.

Achaemenid cylinder seal from Kosika

M. Yu. Treister

The article is devoted to the Achaemenid cylinder seal with the scene of the fight of the Persian hero with two lions from the Sarmatian princely burial near Kosika village in the Lower Volga region dated to the third quarter of the 1st century BC (Fig. 1, 2). The analysis has shown that the seal is dated to the 5th century BC, more likely to its first half. There is a good chance that it could be carved in a peripheral workshop in Mesopotamia or in Syria. The seal, made of a high-quality material at the high level, represents a complicated and in certain aspects very rare composition, clearly standing out in the context of the Achaemenid glyptic. At least 400 years passed between the time the seal had been carved and its entry into the burial in Kosika. It is hardly to suggest that the seal belonged to nomads all this time especially since the finds of the Achaemenid seals in the nomadic burials in Eurasia of the 5th–4th centuries BC are extremely rare, unlike their finds in the necropoleis of the Bosporan Kingdom. The Achaemenid seal from Kosika along with a Kassite cylinder seal found in the same burial belongs to the circle of the Western Asian and Near Eastern seals of the mid-2nd — mid-1st millennium BC which were also found in the burials of Sarmatian elite of the 1st century BC — early 2nd century AD in the Bug, Don and Kuban regions (Fig. 3). They probably fell into the hands of the nomads during robbery of sanctuaries at Transcaucasia.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде греческой урбанизации Северного Причерноморья

Д. Е. Чистов¹

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду становления античных городов Северного Причерноморья. Дается обзор современного состояния проблемы «периода землянок», предшествующего урбанизации центров Северного Понта. На примере Березанского поселения доказывается наличие такого периода в пространственном освоении ряда центров. Тем не менее его продолжительность на разных памятниках сильно различается. Кроме того, несопоставимы степень изученности архаических слоев и количество раскрытых комплексов типа полуземлянок — это не позволяет безоговорочно экстраполировать картину, очевидную для Березани и Ольвии, на другие памятники региона.

Annotation. The article is devoted to the early period of rise of ancient cities of the Northern Black Sea Coastal Region. There is an overview of modern state of the problem of “dugout period”, which preceded an urbanization of centers of the Northern Pontus. With the example of the Berezan settlement we prove that such period of spatial development of some centers undoubtedly took place. Nevertheless its duration at various sites significantly differs. Besides a level of knowledge of archaic layers and a number of discovered structures of semi-dugout type is not comparable. It does not let unconditionally extrapolate the picture obvious for Berezan and Olbia at other sites of the region.

Ключевые слова: полуземлянки, урбанизация, Березань, Северное Причерноморье, Боспор.

Keywords: semi-dugouts, urbanization, Berezan, Northern Black Sea Coastal Region, Bosphorus.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-111-128

Два десятка лет назад в журнале *Stratum plus* увидела свет статья Ю. А. Виноградова «Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья» (Виноградов, 1999). В этой программной работе, вызвавшей очень широкий отклик, автор наиболее последовательно сформулировал несколько положений, касающихся местных особенностей пространственного развития греческих полисов.

По мнению Ю. А. Виноградова, северо-причерноморские апойки на раннем этапе существования, как правило, не представляли собой городских центров, будучи по своему облику сельскими поселениями. Это обстоятельство вовсе не исключало наличие самоуправляемой гражданской общины и полисный статус части этих поселений с момента их основания (Виноградов, 1999. С. 104–106). По мнению автора, периоду активного формирования городской структуры античных центров Северного Понта обычно предшествовал продолжительный адаптационный период, составлявший около 60–80 лет.

---

¹ Канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Причину такого «отложенного старта» в урбанизации причерноморских колоний Ю. А. Виноградов находит в чрезвычайно низком экономическом и демографическом потенциале коллективов первых переселенцев². Сходная для разных центров продолжительность периода адаптации может, по его мнению, объясняться демографическими закономерностями: естественным взрывным ростом населения во втором-третьем поколении колонистов (Виноградов, 1999. С. 108). Доказательной базой для этих выводов послужили как наиболее хорошо изученные землянки Березани, Ольвии и ее хоры, так и комплексы близкого им облика, раскрытые к 1990-м гг. в ходе исследований ранних горизонтов ряда центров Европейского и Азиатского Боспора.

Наиболее последовательным критиком концепции «периода землянок» и земляночного домостроительства на архаических греческих поселениях Северного Причерноморья выступает В. Д. Кузнецов. Базовые положения его статьи 1995 г. (Кузнецов, 1995) и ее английской версии (Kuznetsov, 1999) многими исследователями были восприняты, в целом, критически (Виноградов, 1999. С. 107; Крыжицкий, Марченко, 2011. С. 33–35; Бутягин, 2001; Буйских С. Б., 2005. С. 6, прим. 1; Tsatskheladze, 2004; Суриков, 2015). Недавно автор выпустил еще одну работу, посвященную той же теме, однако рассмотренной с привлечением новых данных, накопившихся за последние десятилетия (Кузнецов, 2018). Основные тезисы этого исследования можно обобщить следующим образом. Найденные на территории архаических греческих поселений землянки, то есть заглубленные в грунт изолированные сооружения жилого назначения, В. Д. Кузнецов, как и прежде, предлагает считать фейком, научной иллюзией, возникшей вследствие ошибочной интерпретации хозяйственных объектов: зерновых и мусорных

ям и их групп, прорезающих друг друга, — в случае с круглыми землянками, и подвалов наземных построек, если речь идет о прямоугольных. По мнению Кузнецова, сторонники использования первыми поколениями колонистов землянок в качестве жилищ выдвигают на первый план полученные в результате раскопок данные, игнорируя их возможную неполноту и неверную интерпретацию, с одной стороны, и совершенно не учитывая греческий культурный контекст, урбанистические и архитектурные традиции, с другой (Кузнецов, 2018. С. 118–121). Вместе с тем появляющиеся новые находки ранних каменно-сырцовых построек (в особенности в Пантикапее, где недавно было раскрыто однокамерное сооружение первой половины VI в. до н. э.) (Толстиков и др., 2017. С. 14–15, табл. 7, 11) и удревание периода появления первых наземных домов на некоторых памятниках, сокращающее «земляночный» период на несколько десятилетий, приводит к тому, что «гипотеза о „земляночном домостроительстве“ сжимается, как шагреновая кожа» (Кузнецов, 2018. С. 123).

В какой мере эта критика справедлива, а приведенные контраргументы доказательны? Рассмотрим их на примере урбанизированного поселения, на котором ранний, «догородской» горизонт изучен в наилучшей степени. Речь идет о памятнике, благодаря раскопкам которого идея о достаточно продолжительном периоде, предшествующем началу строительства каменно-сырцовых домов средиземноморского типа, в наибольшей степени и сформировалась: о Березанском поселении.

Что же известно о наиболее раннем I периоде существования архаического поселения на Березани? К настоящему времени на острове исследовано уже около 240 полуземлянок конца VII — первой половины VI в. до н. э. и ни одной (!) наземной каменно-сырцовой постройки этого же периода (Чистов, 2017а). Не приходится сомневаться в том, что количество комплексов указанного типа, раскрытых с начала систематических раскопок на Березани в 1960 г., значительно превышает общее число архаических землянок

² Схожим образом ранее объяснял специфику наиболее раннего этапа пространственного освоения Ольвии и Березани С. Д. Крыжицкий (Крыжицкий, 1982. С. 29).

и полуземлянок, исследованных на всех остальных античных урбанизированных памятниках Северного Причерноморья вместе взятых, кроме, пожалуй, Ольвии и ее предместья³. Факт отсутствия каких-либо следов наземных капитальных построек первой половины VI в. до н. э. (или еще более раннего времени) признавался несколькими поколениями исследователей Березани, несмотря на то что их представления о характере раннего поселения и этническом составе его жителей порой существенно различались.

Возможность того, что следы самых ранних наземных построек были полностью уничтожены в результате каких-либо масштабных нивелировочных работ последующих периодов (Кузнецов, 2018. С. 126) сразу следует исключить как полностью противоречащую всей сумме наших знаний о стратиграфии памятника. Городской период на Березани длился сравнительно недолго, порядка 70–80 лет, приблизительно с 540-х гг. до н. э. и до второй четверти V в. до н. э., поэтому архаические остатки лишь на немногих отдельных участках подвергались повреждению в результате строительной активности последующих исторических периодов. Подожвы кладок первых многокамерных каменно-сырцовых домов, построенных в начале третьей четверти VI в. до н. э., нередко находились непосредственно на уровне погребенной почвы или, в ряде случаев, залегали на 10–20 см выше этого уровня⁴. Сама погребенная

почва выглядит как однотонный плотный темно-коричневый суглинок и фактически представляет собой слой дерна того времени, когда на Березань ступили первые греческие колонисты. Она очень четко выделяется на больших раскопанных площадях, будучи потревоженной лишь ямами и полуземлянками первой половины VI в. до н. э. В тех случаях, когда на этом уровне находятся следы легких наземных глиноплетневых построек (ровики, скопления столбовых ямок), они достаточно хорошо читаются. Случаев таких, вместе с тем, пока известно совсем немного, а датировка подобных сооружений обычно вызывает сомнения, поскольку с ними редко когда связан репрезентативный керамический материал. Некоторые из скоплений столбовых ям, выявленных на уровне погребенной почвы, могут быть связаны и с домами второй половины VI в. до н. э.

При исследовании участка «О-Западный» Березанского поселения в 2004–2018 гг. на площади порядка 5000 кв. м обнаружено лишь три объекта, которые можно было бы интерпретировать в качестве глиноплетневых наземных построек, но достоверно восстановить план и объемное решение удалось лишь для одной из них — небольшого (4,50 × 1,95 м) однокамерного строения с двускатной кровлей, одна из стен которого имела форму полукруглой апсиды (Чистов, 2017а. С. 134, рис. 7, 6; С. 140–141, рис. 11).

В ряде случаев в ходе раскопок обнаруживались следы подсыпок, с помощью которых, вероятно, выравнивалась территория перед строительством каменных цоколей стен сооружений третьей четверти VI в. до н. э. Видимо, многие из углублений, возникших на территории массовой городской квартальной застройки за предшествующие полвека (или более), к моменту начала массового строительства были еще хорошо видны. Однако возникает впечатление, что подобные работы производились не повсеместно, наспех и не очень основательно; как результат — кладки и вымостки домов второй половины VI в. до н. э. часто сильно проседали в рыхлое заполнение ранних ям.

³ Здесь и далее в представленной статье рассматриваются исключительно землянки, раскрытые в ранних слоях урбанизированных центров Северного Причерноморья и предшествующие городской застройке.

⁴ Само отсутствие выраженного слоя VII — первой половины VI в. до н. э. уже является аргументом в пользу того, что массовое строительство в это время не велось. В наибольшей степени культурный слой Березанского поселения формировался за счет заплывания сырцовых кладок при разрушении и перестройках городских домов. Мощностные напластований, накопившихся за вторую половину VI — первую четверть V в. до н. э., в среднем достигает 1,0–1,5 м, однако ничего хоть сколько-нибудь сравнимого для второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. в стратиграфии всех исследованных районов памятника не наблюдается.

Подобная активность не могла уничтожить все следы домов первой половины VI в. до н. э., если бы таковые существовали.

Основным критерием выделения круглых и овальных землянок, помимо их размеров и глубины, является наличие столбовых конструкций, позволяющих предполагать перекрытие шатрового типа. В первую очередь, это ямки от центрального столба, иногда несколько раз переустановившегося. Нередко встречаются также следы от наклонных жердей по краям котлована и глиноплетневой стены по его периметру (Чистов и др., 2012. С. 9–13, ил. 6–7). Разумеется, бывают и спорные случаи, но утверждать, что любые круглые землянки представляют собой группы прорезающих друг друга хозяйственных ям, как это делает В. Д. Кузнецов всего лишь на двух примерах (Кузнецов, 2018. С. 118–119), у нас нет никаких оснований.

Важно заметить, что вся совокупность раскрытых на Березани объектов, которые принято обозначать в качестве «землянок» или «полуземлянок», в действительности не является однородной и принадлежащей единой строительной традиции. Так, в их составе присутствует немногочисленная группа прямоугольных, заглубленных в грунт, изолированных построек второй четверти — середины VI в. до н. э. (Доманский и др., 1989. С. 36; Solovuyov, 1999. P. 59–63; Соловьёв, 2008; Отрешко, Мазарати, 2009. С. 81–83; Чистов, 2017а. С. 132–136; 2017б. С. 133–137; Чистов, Ильина, 2017. С. 189–190, ил. 11). Они выделяются значительными размерами, деталями интерьера (очаги, печи, внутренние плетневые перегородки) и конструктивными особенностями (наличие глинобитных, сырцовых или глиноплетневых стен по периметру, столбовых конструкций, позволяющих реконструировать односкатную или двускатную безраспорную кровлю), сближающими их с наземными каменно-сырцовыми домами II периода.

Между расположением ряда комплексов данного типа и планировкой городской застройки II периода прослеживается связь: они либо имеют одинаковую ориентацию

с более поздними домами, либо вписываются в квартальную сеть второй половины VI в. до н. э. (Чистов, 2017а. С. 139, рис. 4). Можно предположить, что появление подобных объектов относится к одной, достаточно короткой, фазе, непосредственно предшествовавшей началу массового строительства наземных домов на Березанском поселении. Их жители наверняка были связаны с представителями вскоре последовавшей колонизационной волны начала третьей четверти VI в. до н. э. и уже потому имели определенные представления о границах еще не застроенных кварталов и направлениях улиц. Нельзя исключить и того, что такие сооружения служили временными жилищами колонистам «второй волны» непосредственно после их прибытия. В ходе последующего строительства часть этих построек могла быть снесена и заменена многокамерными домами, другая же часть оказалась включена в систему городской застройки.

Рассматривая возможности ошибочных интерпретаций, следует признать, что за отдельные постройки типа «дома колониста», действительно, могли бы быть приняты полуподвальные помещения домов третьей четверти VI в. до н. э., тем более что эта традиция в домостроительстве архаической Березани (Копейкина, 1981. С. 198–201; Чистов, 2017б. С. 143–146) и Ольвии (Bujskikh, 2017. P. 10–13) была очень широко распространена⁵. Однако, поскольку «домов колониста» на всех исследованных участках Березани насчитывается пока лишь около десятка, на понимании облика поселения до середины VI в. до н. э. такие методические просчеты, если бы они имели место, существенно сказаться не могут.

Но говорить о прямой преемственности строительной традиции от ранних полуземлянок к заглубленным помещениям наземных домов (Крыжицкий, 1982. С. 26–27; 1993. С. 41–42;

⁵ Полуподвальные помещения многокамерных домов, конечно, имеют ряд отличительных черт. От полуземлянок они отличаются в первую очередь формой, обычно близкой к квадратной, и отсутствием столбовых ям по центральной оси помещения.

Копейкина, 1981. С. 201; *Буйских С. Б.*, 2005. С. 9; *Вуйских*, 2017) оправданно лишь применительно к тем же сооружениям типа «домов колониста». Как отмечалось выше, возможно, они и представляют собой следы начального этапа развертывания городского строительства. При рассмотрении наиболее массовых объектов совсем иного типа — округлых полуземлянок, то есть остатков легких недолговременных конструкций с шатровой крышей, — идея об их постепенной эволюции в полуподвальные помещения многокамерного дома не выглядит убедительной.

Тем большее удивление вызывает тот факт, что жители раннего Березанского поселения, соорудившие такие постройки, были всё же знакомы с греческой строительной традицией. В двух известных нам случаях стенки круглых землянок укреплялись кладкой из сырцовых кирпичей в месте прорезания более раннего котлована, то есть там, где земляная стенка легко осыпалась (*Чистов*, 2017а. С. 129, рис. 2, 2; 3); схожие наблюдения делались и в Ольвии (*Крижицкий, Русяева*, 1978. С. 5–6). Эти примеры позволяют предполагать, что круглые землянки могли быть иногда оформлены невысокой сырцовой стеной по периметру, поскольку вряд ли было бы оправданно формовать кирпичи исключительно для укрепления небольшого участка стенки подобного сооружения⁶.

В отличие от «домов колониста» взаимное расположение полуземлянок округлых форм не коррелируется с уличной сетью второй половины VI в. до н. э. Полуземлянки и связанные с ними хозяйственные ямы образуют скопления (*Solovyov*, 1999. Р. 41; *Чистов*, 2017а. С. 137–138), которые, вероятно, можно отождествлять с отдельными домохозяйствами (*Буйских С. Б.*, 2006; 2007. С. 114). Отдельные комплексы в их составе нередко

прорезают друг друга небольшими секторами, что, с одной стороны, указывает на их неодновременность, с другой — демонстрирует явное стремление хозяев сооружать новые землянки вблизи мест, которые занимали предыдущие. Концентрация таких кластеров ощутимо сокращается по мере продвижения от бухты в северо-восточной части современного острова к его центру (*Чистов*, 2017а. С. 138).

С. Л. Соловьёв, развивая свою концепцию ранней Березани, предполагающую превалирование негреческого субстрата среди ее жителей, исследовал взаимосвязь различий планировки ранних землянок и наличия определенных форм лепной керамики в их заполнении (*Соловьёв*, 1994. С. 88–89, рис. 2–3; *Solovyov*, 1999. Р. 44, 46, fig. 19). Как представляется сейчас, различия в доле лепной керамики в заполнении землянок и сменяющих их наземных домов не столь значительны, чтобы служить указанием на смену этнического состава населения. Постепенное же сокращение доли лепной керамики в позднеархаических слоях, скорее, связано с увеличением объемов импорта на Березань кухонной кружальной посуды (*Чистов и др.*, 2012. С. 37–38, 70–71, 101; *Чистов*, 2017а. С. 139–140). Вместе с тем комплекс находок из заполнения землянок первой половины VI в. до н. э. действительно обладает определенной спецификой, отличающей его от городских слоев второй половины VI — первой трети V в. до н. э. В землянках и ранних ямах очень редко встречаются терракоты, нет находок грузил для ткацкого станка, в малом количестве встречаются фрагменты кухонной кружальной посуды греческих форм. Число памятников письменности в слоях и комплексах I периода заметно уступает объему таких находок из городских слоев последующего времени⁷,

⁶ В ходе недавних исследований предместья Ольвии была изучена округлая полуземлянка, в которой найдена часть такой невысокой сырцовой стены, вероятно, сползшей в заполнение с края котлована. Размеры этих кирпичей близки тем, что использовались при строительстве обычных каменно-сырцовых домов (*Буйских и др.*, 2020. Рис. 1)

⁷ В ходе раскопок 2004–2018 гг. на участке «О-Западный» Березанского поселения в комплексах I периода и предматериковом слое было найдено в общей сложности 80 граффити различной информативности, включая незначительные фрагменты, отдельные знаки и т. п. Суммарное количество таких находок для различных фаз и этапов II периода составляет

однако среди них есть и важные информативные находки⁸.

Таким образом, для Березани продолжительный «земляночный» период является доказанным фактом, лишь всё более подкрепляемым результатами новых исследований. Предполагать наличие в какой-то неисследованной или полностью уничтоженной береговой абразией части поселения компактного участка с наземной застройкой этого времени у нас пока нет оснований. Вместе с тем имеющаяся картина ранней апойкии на Березани, по-прежнему, очень фрагментарна. Несмотря на значительное число исследованных комплексов, мы не можем определенно судить ни о составе ее населения, ни об основных занятиях жителей. Несомненно лишь то, что транзитная торговля (Буйских А. В., 2018. С. 225–228; Марченко, 2005. С. 59–62; Chistov, Pavlichenko, 2019. Р. 273–274) и металлургия (Доманский, Марченко, 2007) играли в экономике этого центра очень существенную роль.

Трудности оценки продолжительности периода, предшествовавшего быстрой урбанизации поселения, в наибольшей степени вызваны неполным соответствием письменных и археологических источников относительно времени его основания⁹. Время возникновения на Березани городской застройки и квартальной уличной сети удалось уточнить благодаря результатам работ последних десятилетий, понизив предполагаемую дату с конца третьей четверти VI в. до н. э. (Соловьёв, 1993. С. 41; Solovyov, 1999. Р. 64) до ее начала (Чистов и др., 2012. С. 41, 72, 120; ср.: Копейкина,

1981. С. 197), однако мы всё еще не имеем комплексов (полуземлянок, хозяйственных ям), находки из заполнения которых достоверно датировались бы ранее конца VII в. до н. э. Тем не менее невозможно отрицать и наличие в слое памятника керамики второй половины VII в. до н. э., включая его третью четверть (Буйских А. В., 2015. С. 244–248; 2019. С. 9 сл.).

А. В. Буйских предлагает снять это противоречие, определяя раннее поселение Борисфена как торговую станцию — эмпорий, функционировавший до рубежа VII–VI в. до н. э., в основном сезонно. Интенсивное развитие жилой и хозяйственной активности на поселении с этого времени совпадает со временем основания Ольвии и Ольвийского полиса (620/610 — 590 гг. до н. э.), актуализированным по совокупности находок ранней восточнореческой керамики (Буйских А. В., 2013. С. 228–230). Несмотря на то что эта позиция может быть подвергнута критике как очередная после С. Л. Соловьёва попытка реанимировать на березанском материале «эмпориальную» теорию (Виноградов, 1999. С. 108), следует признать, что иные объяснения имеющимся данным подыскать сложно. Более того, к известной в историографии конца 1940–1950-х гг. «эмпориальной теории» эта точка зрения отношения не имеет, поскольку в ее основе лежат совершенно иные аргументы.

Следует, правда, заметить, что облик Березанского поселения и позднее — вплоть до конца второй четверти — середины VI в. до н. э. — не дает оснований предполагать наличие многочисленного ядра постоянных жителей. Свидетельства товарного бронзолитейного производства также подкрепляют представление о торгово-сырьевой ориентированности этого форпоста (Марченко, 2005. С. 59–62; Доманский, Марченко, 2007).

Хотя хозяйственная активность в рамках I периода определенно возрастает к его концу, то есть ко второй четверти VI в. до н. э. (Чистов и др., 2019. С. 10), переход от I ко II периоду не выглядит закономерным поступательным развитием в жизни поселения. Как отмечалось ранее,

1981. С. 197), однако мы всё еще не имеем комплексов (полуземлянок, хозяйственных ям), находки из заполнения которых достоверно датировались бы ранее конца VII в. до н. э. Тем не менее невозможно отрицать и наличие в слое памятника керамики второй половины VII в. до н. э., включая его третью четверть (Буйских А. В., 2015. С. 244–248; 2019. С. 9 сл.).

⁸ Из последних можно отметить граффито с посвящением Гермесу на ионийской чаше из ямы, связанной с группой землянок второй четверти VI в. до н. э. (Chistov, 2019. Р. 103–104, fig. 6.2), и свинцовое письмо, найденное в хозяйственной яме вместе с киликом конца VII — начала VI в. до н. э. (Chistov, Pavlichenko, 2019).

⁹ Признание, что это несоответствие пока не имеет убедительного объяснения, как представляется, нельзя приравнивать к отрицанию важности исторического источника (ср.: Кузнецов, 2018. С. 125–127).

расположение групп наиболее ранних землянок не имеет связи с последующей сетью улиц. После возникновения городской застройки металлургическое производство на ее территории было свернуто¹⁰, хотя возникает производство керамическое (Крутилов, Бондаренко, 2015), вероятно, начатое несколькими мастерами, прибывшими в составе группы «второй волны» колонистов.

Землянки архаического горизонта Ольвии к настоящему времени изданы не полностью. Видимо, на различных участках городища и на территории предградья их к настоящему времени открыто порядка полутора сотен¹¹. Таким образом, по количеству исследованных комплексов этого типа среди городских центров Северного Причерноморья Ольвия занимает второе место. Помимо группы из более чем 30 землянок, исследованной в центральном квартале на участке АГД (Крижицкий, Русяева, 1978; Крыжицкий, 1993. С. 41–42), ранние полуземлянки раскрываются в последние годы в юго-восточной части Верхнего города, на участке Р-25 (Буйских А. В., 2005; Вижских, 2017) и в ольвийском предместье (Форнасье и др., 2017). Типы округлых и прямоугольных полуземлянок Березани и Ольвии очень близки по размерам и особенностям планировки. Размещение полуземлянок прямоугольного плана цепочкой вдоль Главной продольной улицы Ольвии определенно можно сопоставлять с «домами колониста» на Березани, расположение которых также демонстрирует связь с направлениями уличной сети. Находки керамики второй половины VI в. до н. э. в заполнении ольвийских комплексов (Крижицкий,

Русяева, 1978. С. 8–11, рис. 5–6) позволяют предполагать, что переход к массовому наземному домостроительству в Ольвии произошёл несколькими десятилетиями позже, чем в Борисфене, однако ранее конца VI в. до н. э. (Вижских, 2015. Р. 246–248; 2017. Р. 8).

Сходная ситуация выявлена при раскопках Никония, где позднеархаические прямоугольные полуземлянки с сырцовыми кладками по периметру (единственный тип жилища на памятнике до середины V в. до н. э.) располагались в определенном порядке, в котором можно усмотреть признаки градостроительной регламентации (Секерская, 2013. С. 516–517).

Если на Ольвию вполне допустимо экстраполировать картину, полученную в ходе исследования «догородского» периода существования Березанского поселения, то в отношении Боспора Киммерийского мы имеем более фрагментарную и не столь однозначную информацию. Представления о раннем периоде существования Пантикапея за последние годы претерпели значительные изменения. В ходе раскопок на Западном плато г. Митридат было раскрыто семь круглых землянок диаметром 2,8–3,0 м и глубиной до 1,4 м, при этом некоторые были связаны с металлургическим производством. В заполнении одной из них находились сырцовые кирпичи, возможно, принадлежавшие обрушившейся стенке, оформлявшей эту постройку по периметру (Толстиков и др., 2003. С. 259–260). Эти сооружения отнесены ко II периоду в хронологии памятника и датируются в рамках 540–510-х гг. до н. э. В соответствии с новыми данными они не предшествуют первым каменно-сырцовым постройкам на акрополе, а синхронны им и могли представлять собой временные, может быть сезонные, сооружения хозяйственного и производственного назначения, возникавшие на территории, прилегавшей к первоначальному ядру апойкии (Толстиков и др., 2017. С. 17–20). Непродолжительное возвращение к практике сооружения землянок наблюдается также на рубеже второй-третьей четвертей V в. до н. э. К этому времени

¹⁰ Речь идет о следах производства по выплавке меди (Доманский, Марченко, 2007) и производству железа (Лапин, 1961. С. 46–47; Чистов и др., 2012. С. 17–18, прим. 1 на с. 18) в комплексах I периода. Вместе с тем известна постройка второй половины VI в. до н. э., интерпретированная в качестве кузницы (Крутилов, 2007).

¹¹ Эта цифра дана по приблизительной оценке А. В. Буйских, сделанной в частной переписке; в том числе на участке Р-25 — около 30, включая разрушенные и частично раскрытые комплексы. Благодарю Аллу Валерьевну за консультацию по этому вопросу.

относятся остатки двух прямоугольных землянок значительных размеров — 25–28 кв. м (Толстиков и др., 2017. С. 41).

Объем данных о раннем периоде существования Нимфея пока слишком мал для того, чтобы судить о наличии особого, начального периода земляночной застройки, предшествовавшего строительству первых каменно-сырцовых домов. Интерпретация ранних ям и их скоплений, раскрытых в конце 1940-х гг. в восточной мысовой части городища в качестве жилищ-землянок автохтонного «скифского» населения (Скуднева, 1954. С. 306–311; Худяк, 1962. С. 12–16), была подвергнута обоснованной критике (Butjagin, 1998. P. 61, fn.10). Несмотря на это, идея раннего догреческого поселка получила развитие в работах С. Н. Сенаторова (Сенаторов, 1999; 2000), а также на материалах раскопок участка «Г» 1983–1990 гг., где исследовались две землянки середины — третьей четверти VI в. до н. э.

Надо заметить, что оба эти комплекса раскрыты лишь частями. Кладки построек последующих периодов и многочисленные прорезающие их хозяйственные ямы не позволяют реконструировать их форму и объемное решение. Ясно одно: это были котлованы довольно значительных размеров, определенно не круглые в плане. В их границах выявлено много деталей интерьера — промазки полов, столбовые ямки, следы глиноплетневой стены (?), очаги, глиняная прямоугольная платформа типа «столик» и т. п. (Butjagin, 1998. P. 61–66). Хотя в заполнении этих котлованов присутствует аномально высокий процент фрагментов лепных сосудов (до 30 %), большая часть находок всё же относится к амфорной таре, столовой восточногреческой и аттической керамике (в составе находок присутствуют даже фрагменты терракот), поэтому не следует сомневаться в том, что речь идет о комплексах, возникших уже после основания греческого поселения.

В архаическом горизонте Мирмекии полуземлянки к настоящему времени представлены 10 комплексами. Восемь из них были исследованы в западной части памятника,

неподалеку от укрепленной скалы акрополя (Виноградов, 1991. С. 1994; Butjagin, 2007. P. 23, fig. 1). Они датируются второй половиной VI в. до н. э.; большая часть (пять) котлованов имела подпрямоугольную форму, причем в трех из них, относящихся к последней четверти VI в. до н. э., по периметру стенок выявлены остатки каменных кладок. Одна из круглых полуземлянок имела слишком малый диаметр — всего 2 м (Виноградов, 1992. С. 102–103, рис. 2, 1), поэтому сомнения в том, что она является таковой (Кузнецов, 1995. С. 102), не лишены оснований. По мнению А. М. Бутягина, ко времени ранее середины VI в. до н. э. в Мирмекии можно пока отнести лишь три небольшие ямы, раскрытые вблизи скалы на Карантинном мысу. Вероятно, в это же время начала функционировать одна из землянок, вписанная в расщелину скалы (Бутягин, 2017. С. 91–92).

Еще две полуземлянки и группа связанных с ними хозяйственных ям раскрыты в восточном районе Мирмекии, на участке «И». Исследователи склонны датировать их в рамках второй половины VI в. до н. э. Судя по описаниям, одна имела округлую, а другая — прямоугольную со скругленными углами форму (Милихина, 2019. С. 378–379). Впрочем, отсутствие в имеющейся публикации планов и фотографий не позволяет прояснить детали их устройства, как и оценить предположение о наличии в этой части Мирмекии групп землянок и хозяйственных ям (Милихина, 2019. С. 379–380). Обе землянки раскрыты лишь частями, однако выявлены детали их интерьера — вырезанные в материке «ступени» и столбовые ямки; следы очагов не зафиксированы.

Появление в Мирмекии квартальной застройки городского облика относится к рубежу VI–V вв. до н. э. (Виноградов, 1992. С. 105–106; Бутягин, 2004. С. 127; Бутягин, Чистов, 2015. С. 30–32), поэтому максимальный временной интервал от появления первых землянок до возникновения сети кварталов можно оценить в 50–70 лет.

Несмотря на очевидную фрагментарность сведений о наиболее ранних строительных горизонтах, в Мирмекии они изучены довольно

хорошо в сравнении с другими памятниками Европейского Боспора. Пожалуй, самым важным результатом является обнаружение комплексов типа землянок второй половины VI в. до н. э. в двух различных частях городища, удаленных друг от друга приблизительно на 200 м. Следовательно, мы имеем дело не с локальным явлением, обусловленным спецификой определенного района поселения.

Самые ранние комплексы архаической Тиритаки исследованы на раскопе XXVI, где были раскрыты три компактно расположенные землянки — две овальной формы и одна прямоугольная (Зинько, 2014. С. 22–36, 37, рис. 27). Время их функционирования определяется автором раскопок в пределах второй трети VI в. до н. э., то есть до начала около 530 г. до н. э. массового строительства на той же территории объединенных в квартал каменно-сырцовых домов. Таким образом, продолжительность «земляночного периода» для Тиритаки оценивается в 30–35 лет (Зинько, 2014. С. 292, 297–298). Овальные землянки имеют максимальный диаметр 3,12 и 3,25 м, глубину — 0,86 и 1,61 м соответственно. В обеих¹² выявлены столбовые ямки, указывающие на наличие перекрытия. Землянка № 3 была сильно повреждена более поздними хозяйственными ямами. Она представляла собой котлован размерами 4,3 × 2,4 м, врезанный в материк на 0,73 м; столбовые ямки зафиксированы лишь в ее южной части (Зинько, 2014. С. 32, рис. 22).

Раскопки Фанагории не дали примеров землянок, предшествующих первым сырцовым домам третьей четверти VI в. до н. э. Скорее всего, это обусловлено обстоятельствами заселения этого города колонистами из Теоса или теосцами из Абдер около 540 г. до н. э. (Кузнецов, 2010; 2019. С. 396–401). Единовременное прибытие достаточно большой группы переселенцев, бывших частью одной гражданской общины и сплотившихся

вокруг давшего свое имя городу ойкиста, обеспечило значительный демографический потенциал новой апойки (Завойкин, Толстиков, 2017. С. 51). Вследствие этого новое поселение с момента его основания развивалось как город. Строительство первых архаических домов в Фанагории по времени совпадает с урбанизацией Березани; облик этих центров и процесс сложения их городской структуры в третьей четверти VI в. до н. э., надо полагать, были довольно сходными.

Вместе с тем в Фанагории известны две очень небольшие прямоугольные полуземлянки, по мнению В. С. Долгорукова, недолгое время служившие «временками» после разрушения первых домов в пожаре последней четверти VI в. до н. э.¹³ (Завойкин, 2009. С. 188, прим. 38; Долгоруков, 1984. С. 77, табл. 38, IV). Закономерен вопрос: если такие заглубленные постройки действительно использовались в архаической Фанагории в качестве недолговременных жилищ после пожаров, почему несколькими десятилетиями ранее подобные хижинки не сооружали в качестве первого жилья прибывших колонистов? В этой связи интересен пример небольшого (12,5 кв. м) однокамерного дома № 6, помещение которого было заглублено в грунт на 0,6–0,7 м. Он, правда, возводится не в 540-х гг. до н. э., а после упомянутых выше землянок (Завойкин, 2009. С. 188) и погибает в пожаре конца VI в. до н. э. Объемная реконструкция, предложенная В. Д. Кузнецовым (Кузнецов, 2001. С. 9–11, рис. 2) представляет «полуторатажную» постройку с отдельными входами в полуподвальный и надстроенный над ним первый этаж. Наличие второго этажа в этом случае обосновывается расчетами количества сырцовых кирпичей, эквивалентного объему глинистой массы в заполнении помещения (Кузнецов, 1995. С. 112). Этот расчет не кажется нам корректным — как по той причине, что к глине заплывших сырцовых кирпичей

¹² В том числе и землянке № 2, что была подвергнута сомнению В. Д. Кузнецовым по фото из-за наличия в ее полу округлого углубления диаметром 1,98 м (Зинько, 2014. С. 29, 31, рис. 19–20).

¹³ Примечательно, что на Березани также фиксируется кратковременный возврат к практике сооружения землянок после пожаров последней четверти VI в. до н. э. (Чистов и др., 2012. С. 73–78).

наверняка примешивался иной грунт (включая и глиняную обмазку с обвалившейся крыши), так и потому, что помещение после пожара могло быть сnivelировано остатками сырцовых стен близлежащих построек. Сам же «дом № 6» вполне мог быть как изолированной однокамерной постройкой, подобной раскрытым на Березани «домам колониста», так и заглубленным изолированным помещением многокамерного домохозяйства.

В архаических слоях других городских центров Азиатского Боспора известно лишь несколько полуземлянок, причем бесспорных атрибуций в данном случае, пожалуй, нет. Прямоугольная полуземлянка площадью около 16–17 кв. м, заглубленная в грунт на 0,5–0,6 м, раскрыта на Северо-Западном раскопе Гермонассы. На ее глинобитном полу находилась печь. Постройка сгорела в пожаре конца VI в. до н. э., после чего на том же месте был возведен жилой дом, состоявший из нескольких помещений (Финогенова, 2005. С. 423–424, рис. 1, 1; 2; 2010. С. 512–513, рис. 3). С учетом ограниченной площади, в границах которой были исследованы ранние строительные остатки, трудно быть уверенным в том, что это однокамерное сооружение, а не заглубленное помещение многокомнатного дома. При раскопках городища в пос. Пересыпь («Тирамбы») было частично раскрыто углубление с позднеархаическим материалом, интерпретированное как полуземлянка (Коровина, 1968. С. 55). Тем не менее его сравнительно небольшие размеры (диаметр 1,9 м) и отсутствие столбовых конструкций заставляют в этом усомниться. Наличие отдельного этапа строительства землянок в архаическом Анапском поселении (Синдской гавани) оспаривается, поскольку находки из этих комплексов синхронны материалам из первых наземных домов (Завойкин, 2009. С. 189), а опубликованная реконструкция такого сооружения (Алексеева, 1997. С. 11, рис. 2, 13–14, табл. 14), действительно, более всего напоминает хозяйственную яму.

Таким образом, общее количество ранних землянок, исследованных на территории боспорских городов, к настоящему времени

насчитывает немногим более двух десятков. Значительная часть указанных комплексов раскрыта лишь частично, а достоверная реконструкция планировки и объемного решения этих сооружений во многих случаях невозможна. Работы последних десятилетий скорректировали хронологические рамки ранних фаз существования этих памятников, в результате чего мы имеем довольно разнообразную картину. Предположение Ю. А. Виноградова о наличии во многих центрах «адаптационного периода» примерно равной продолжительности, по видимому, новыми данными не подкрепляется. В Фанагории такого этапа могло не быть вовсе по историческим обстоятельствам основания города. В Пантикапее, с учетом данных последних раскопок, этот период был существенно короче 60–80 лет, а землянки сосуществовали с первыми каменно-сырцовыми домами. В Мирмекии и Тиритаке «земляночный» период также, судя по всему, был менее длительным, чем представлялось ранее. Длительность адаптационного периода на Березани, напротив, могла составить почти столетие — с 640-х по 540-е гг. до н. э. Трудно объяснить последовавший затем быстрый и организованный переход от земляночного поселка к распланированной сети улиц и кварталов внутренними демографическими причинами¹⁴. Очевидно, в этом случае, как и в Фанагории, быстрая урбанизация была обусловлена прибытием новой многочисленной группы колонистов.

Сказанное выше не должно приводить нас к отрицанию самого факта наличия особого периода, на протяжении которого ряд древнейших греческих поселений Северного Причерноморья существовал без выраженной городской структуры, а единственным зафиксированным в ходе раскопок типом жилища являются полуземлянки различной конструкции. Очевидным доказательством тому для нас является Борисфен; вместе с тем,

¹⁴ То есть взрывным ростом населения в третьем поколении переселенцев (Рогов, 1996. С. 83–84; Виноградов, 1999. С. 106–109).

история развития Березанского поселения не может быть механически перенесена на любую современную ему памятник региона. Хотя наличие полуземлянок, каркасно-столбовых и каменно-сырцовых однокамерных сооружений — то есть временных или быстровозводимых типов построек жилого или хозяйственного назначения — по очевидным причинам является характерной чертой начального этапа застройки многих апоикий, выделение их в отдельную фазу в существовании поселения может быть достоверным лишь при исследовании древнейшего строительного горизонта широкими площадями.

Источник традиции сооружений подобных построек на античных памятниках Северного Понта долгое время был предметом дискуссий; следует признать, что эта проблема и сейчас далека от убедительного разрешения. Между тем полуземлянки известны и в Западном Причерноморье: в Истрии и ее округе — на поселении Тариверде (*Timofan*, 2010. Р. 358, pl. 3.6; *Birzescu*, 2012). Их немногочисленность объясняется слабой изученностью ранних строительных периодов Истрии, за исключением архаического теменоса.

В Северо-Западном Причерноморье округлые полуземлянки появляются еще в ранней фазе Гальштата НаА и далее распространились среди различных групп культурного комплекса Басарабь и населения лесостепи раннескифского периода (*Kashuba, Levitski*, 2012. Р. 579–580). Наряду с этим неоднократно указывалось на различия между полуземлянками греческих памятников и жилищами крупных варварских городищ лесостепи: последние отличаются существенно большими размерами и основательностью конструкции (*Бутягин*, 2001). Так, например, круглые землянки Немировского городища раннескифского времени имели диаметр 4,4–6,2 м, их внутренняя площадь достигала 28 кв. м (*Смирнова*, 1998. С. 82–84, 88–91, 97–99; *Кашуба, Вахтина*, 2017. С. 215) — втрое больше сходных по планировке комплексов Березани. Их появление на памятнике также может быть связано с носителями культурного комплекса Басарабь (*Кашуба, Вахтина*, 2014. С. 58–59).

Нельзя ставить знак равенства (ср.: *Буйских С. Б.*, 2005. С. 7) и между круглыми полуземлянками античных центров Северного Причерноморья и различными типами криволинейных построек — апсидальными и овальными в плане сооружениями (в т. ч. глиноплетневыми конструкциями с каменным цоколем или без него), являвшимися одним из распространенных типов греческого жилья геометрического периода и ранней архаики приблизительно до середины VII в. до н. э. (*Mazarakis Ainian*, 2001). Известны примеры использования небольших криволинейных домов и в архаическое время; более того, в Клазоменах зафиксирован временный (на 10–20 лет) возврат к такой строительной традиции в исключительных обстоятельствах — в ходе восстановления жилой застройки после персидского завоевания в 546 г. до н. э. (*Ersou*, 2007. Р. 156–169, fig. 2, 6, 7). Близкой аналогией таким домам может служить апсидная глиноплетневая постройка с Березани.

Полуземлянки, в том числе и круглые, как тип жилища хорошо известны на территории Анатолии с эпохи бронзы и раннего железного века (*Tsetskhladze*, 2004. Р. 267–268; *Görmüş*, 2010. Р. 365–367, 371–373, fig. 1–5). Прямоугольные землянки, напоминающие по своему устройству северопричерноморские «дома колониста», раскрыты в Гордионе в слоях XI в. до н. э.; этот тип жилища снова появляется на том же памятнике и позднее, в ахеменидское время (VI–IV вв. до н. э.). Высказывавшееся предположение о связи таких построек с миграцией фригийцев с Балкан в Анатолию в раннем железном веке пока не имеет достаточных обоснований (*Tsetskhladze*, 2000). Следы круглых, заглубленных в грунт хижин с шатровым перекрытием в античных городах Ионии или на их периферии археологически не фиксировались. Вместе с тем землянки, датируемые последней четвертью VII в. до н. э., совсем недавно раскрыты в Юго-Западном Причерноморье, в ионийской колонии Тиос¹⁵ (*Tsetskhladze*, 2019). Остается

¹⁵ Исследование Министерства культуры и туризма Турции под руководством Ш. Йылдырыма (*Şahin Yıldırım*).

лишь ожидать детальной публикации этих сооружений.

Между тем появляется всё больше свидетельств наличия в ряде центров Великой Греции раннего поселенческого ядра, состоявшего из заглубленных «хижин» криволинейной формы, то есть полуземлянок в «северопричерноморской» терминологии. Следы таких структур к настоящему времени выявлены во многих центрах на Ионическом побережье от Салентинского полуострова до Калабрии: в районе Тарента (поселение Л'Амастуола), в Метапонте и на территории его хоры («греческая» Инкороната), Сириесе (Поликоро), Сибарисе и Кротоне¹⁶. Наличие подобных построек, предшествующих домам прямоугольного плана, а иногда и сосуществующих с ними, нередко трактуется исследователями как свидетельство гетерогенного, «симбиотического» характера этих поселений, в материальной культуре которых сочетались греческие и местные черты (*Burgers, Crielaard, 2007. P. 121*). Существует мнение, согласно которому такие архаические поселения ионического побережья, как Поликоро, «греческая» Инкороната, Л'Аамстуола и ряд других, представляют собой культурно-экономический феномен, явившийся результатом проникновения в местные общины торговцев и ремесленников (главным образом восточногреческого происхождения) в первой половине VII в. до н. э. Позднее, около 660–630 гг. до н. э., они претерпевают дальнейшие трансформации в ходе освоения этого региона ахейскими и ионийскими переселенцами (*Giardino, 2010. P. 367*).

Стоит отметить, что формы криволинейных заглубленных и прямоугольных каркасно-столбовых жилищ в целом характерны для Южной Италии с эпохи бронзы и до конца VII в. до н. э. (*Bianco, Giardino, 2012. P. 14*). Их размеры и особенности планировки довольно близки архаическим полуземлянкам Северного Причерноморья, хотя и не вполне тождественны. При сопоставимой площади (до 10 кв. м) некоторые наиболее хорошо

сохранившиеся комплексы имеют продолговатую, грушевидную в плане форму, что, вероятно, указывает на расположение входа. Однако известны и объекты иных очертаний — овалных, апсидальных и т. п., причем их форма, по-видимому, не является хронологическим признаком (*Gallo, 2016. P. 283–288, fig. 8*).

Занимающее фактически всю площадь такого криволинейного сооружения углубление (или несколько смыкающихся углублений) некоторые исследователи склонны интерпретировать как погреб для хранения продуктов, который перекрывался деревянным полом: на примере наиболее хорошо сохранившейся «хижины № 1» второй половины VII в. до н. э. в Поликоро это обосновывается наличием столбовых ям по периметру котлована и отсутствием их внутри. Почти все находки из этой полуземлянки относятся к греческим формам керамики (*Bianco, Giardino, 2012. P. 16–17, fig. 10–11*), что позволяет атрибутировать эту «хижину» как жилую или хозяйственную постройку греческого населения (*Gallo, 2016. P. 319–321*). Кроме того, в Поликоро прослеживается определенная преемственность при переходе от «хижин» к каменно-сырцовым городским домам в конце VII в. до н. э., что позволяет предполагать, что эти изменения не были связаны с прибытием новых жителей (*Bianco, Giardino, 2012. P. 26*).

При всей несхожести культурного контекста, окружавшего первых греческих поселенцев в Северо-Западном Причерноморье и в Великой Греции, подобные наблюдения наглядно показывают высокую способность последних к адаптации и заимствованиям при освоении новых территорий и соприкосновении с инокультурной средой. Исследования самых ранних страниц проникновения греков на ионическое побережье показывают и более поразительные примеры гибридизации материальной культуры. Так, предполагаемая совместная работа местных и пришлых греческих (эвбейских) гончаров в одних мастерских с VIII в. до н. э. (*Denti, 2009. P. 126–128; Handberg, Jacobsen, 2011. P. 178; Jacobsen et al., 2015*) привела к возникновению локального эотрийско-эвбейского керамического стиля.

¹⁶ См. обзор литературы: *Handberg, Jacobsen, 2011. P. 176–178*.

Подобные аналогии вполне позволяют рассматривать округлые в плане полуземлянки Северного Причерноморья как результат адаптации греческими поселенцами типов жилищ, не присущих их культуре, в тот начальный период, когда малочисленность и нестабильность состава их коллективов не давала уверенности в будущем апойки и исключала всякую возможность планирования городского центра. Практика использования землянок в качестве жилищ на протяжении столь длительного времени не может объясняться климатическими или сугубо экономическими причинами (Марченко, 2005. С. 56–59). Длительный «земляночный» период Березани, вероятно, следует воспринимать как время существования этого пункта в качестве торгово-промышленного поселка с малочисленным и нестабильным составом

жителей¹⁷, продолжавшееся до его «переосвоения» новой группой колонистов после середины VI в. до н. э. В этом отношении ранний Борисфен уместнее сравнивать с небольшими поселениями (и анклавами в границах местных поселений) ионического побережья VIII — первой половины VII в. до н. э., нежели с такими центрами, как Мегара Гиблея, с первых лет существования имевшими урбанистическую структуру. При таком подходе различия в продолжительности «адаптационного» периода в Великой Греции и Северном Причерноморье (ср.: *Виноградов*, 1999. С. 107–110; 2000. С. 228) не выглядят столь очевидными.

¹⁷ Часть этих людей могла прибывать на Березань сезонно или на время торговых экспедиций.

Алексеева, 1997 — *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 558 с.

Бутягин, 2001 — *Бутягин А. М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // *Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 36–41.

Бутягин, 2004 — *Бутягин А. М.* Дом под мирмекийскими зольниками // *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 126–131.

Бутягин, 2017 — *Бутягин А. М.* Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора // *ТГЭ.* 2017. Вып. LXXXVIII. С. 87–96.

Бутягин, *Чистов*, 2015 — *Бутягин А. М., Чистов Д. Е.* Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // XVI БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 29–37.

Буйских А. В., 2005 — *Буйских А. В.* Новая землянка VI в. до н. э. в Ольвии: новый взгляд на старые проблемы // *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы МНК / Отв. ред. В. Ю. Зуев.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 183–186.

Буйских А. В., 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній Світ, 2013. 456 с.

Буйских А. В., 2015 — *Буйских А. В.* Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье) // *АМА.* 2015. Вып. 17. С. 238–252.

Буйских А. В., 2018 — *Буйских А. В.* Шел второй год 33-й олимпиады // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время.* Вып. 2: Сб. науч. тр., посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-н/Д, 2018. С. 220–231.

Буйских А. В., 2019 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев: ИА НАН Украины, 2019. 389 с.

Буйських и др., 2020 — *Буйських А. В., Форнасьє Й., Кузьміщев О. Г.* Дослідження ольвійського передмістя у 2019 році // *АДУ.* 2019 (в печати).

- Буйских С. Б.*, 2005 — *Буйских С. Б.* Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // БИ. Вып. IX / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Симферополь: Керченская городская типография, 2005. С. 3–21.
- Буйских С. Б.*, 2006 — *Буйских С. Б.* Ойкос греческой хоры в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // VII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир. Ойкос: Сб. материалов конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2006. С. 29–31.
- Буйских С. Б.*, 2007 — *Буйских С. Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // Старожитності степового Причорноморья і Криму. Вип. 14 / Отв. ред. П. П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький Держуніверситет, 2007. С. 110–125.
- Виноградов*, 1991 — *Виноградов Ю. А.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е. А. Молева. Воронеж: Воронежский гос. пед. институт; Белгород: Упринформпечать, 1991. С. 11–19.
- Виноградов*, 1992 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992. С. 99–119.
- Виноградов*, 1994 — *Виноградов Ю. А.* Еще одна архаическая полуземлянка из Мирмекия // БС. 1994. № 4. С. 59–64.
- Виноградов*, 1999 — *Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 101–115.
- Виноградов*, 2000 — *Виноградов Ю. А.* К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 222–232.
- Долгоруков*, 1984 — *Долгоруков В. С.* Фанагория // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 77–81.
- Доманский и др.*, 1989 — *Доманский Я. В.*, *Виноградов Ю. А.*, *Соловьёв С. Л.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 33–60.
- Доманский, Марченко*, 2007 — *Доманский Я. В.*, *Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / Под ред. А. Д. Столяра и др. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 22–27.
- Завойкин*, 2009 — *Завойкин А. А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. Т. 13. С. 176–205.
- Завойкин, Толстиков*, 2017 — *Завойкин А. А.*, *Толстиков В. П.* Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: Материалы к выставке. М., 2017. С. 47–67.
- Зинько*, 2014 — *Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь: БФ Деметра, 2014. 592 с. (БИ. 2014. Suppl. 11).
- Кашуба, Вахтина*, 2014 — *Кашуба М. Т.*, *Вахтина М. Ю.* Комплексы землянок раннескифского времени Немировского городища // Феномен Більського городища — 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя вид дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934–2007): Збірник матеріалів наукової конференції. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України, Ін-т археології НАН України, 2014. С. 55–60.
- Кашуба, Вахтина*, 2017 — *Кашуба М. Т.*, *Вахтина М. Ю.* Некоторые аспекты изучения материалов раннего железного века из раскопок Немировского городища в Побужье // АВ. 2017. № 23. С. 211–228.
- Копейкина*, 1981 — *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 192–208.
- Коровина*, 1968 — *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 54–84.
- Крыжицкий*, 1982 — *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 164 с.

- Крыжицкий*, 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 248 с.
- Крыжицкий*, *Марченко*, 2011 — *Крыжицкий С. Д.*, *Марченко К. К.* К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 33–36.
- Крыжицкий*, *Русяева*, 1978 — *Крыжицкий С. Д.*, *Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. Вип. 28. С. 3–25.
- Крутилов*, 2007 — *Крутилов В. В.* Железодельная мастерская с сырцовыми стенами на территории теменоса березанского поселения // МАИЭТ. 2007. Suppl. 4. С. 117–126.
- Крутилов*, *Бондаренко*, 2015 — *Крутилов В. В.*, *Бондаренко Д. В.* Керамические обжигательные печи Борисфена середины VI в. до н. э. (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // OLBIO. In *memoriam V. V. Krapivina*. Київ: Інститут археології НАН України, 2015. С. 205–216.
- Кузнецов*, 1995 — *Кузнецов В. Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6. С. 99–126.
- Кузнецов*, 2001 — *Кузнецов В. Д.* Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина / Под ред. С. Л. Соловьёва. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Вып. 1. С. 9–14.
- Кузнецов*, 2010 — *Кузнецов В. Д.* О времени основания Фанагории // ДБ. 2010. Т. 14. С. 313–321.
- Кузнецов*, 2018 — *Кузнецов В. Д.* Домостроительство северного Понта (эпоха архаики) // Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 / Под ред. В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. С. 117–135.
- Кузнецов*, 2019 — *Кузнецов В. Д.* Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 2019. Т. 24. С. 396–414.
- Лалин*, 1961 — *Лалин В. В.* Раскопки поселения на острове Березань в 1960 г. // КСИА АН УССР. 1961. № 11. С. 43–52.
- Марченко*, 2005 — *Марченко К. К.* Глава III. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 42–136.
- Милихина*, 2019 — *Милихина Н. М.* Две архаические землянки из Мирмекия // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 377–381.
- Отрешко*, *Мазарати*, 2009 — *Отрешко В. М.*, *Мазарати С. Н.* Архаические сооружения Березани // Ольвийские древности: сб. научн. тр. памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2009. С. 81–92.
- Рогов*, 1996 — *Рогов Е. Я.* Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–84.
- Секерская*, 2013 — *Секерская Н. М.* Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Под ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойловой. Одесса: Одесский археологический музей, 2013. С. 493–522.
- Сенаторов*, 1999 — *Сенаторов С. Н.* О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 60–66.
- Сенаторов*, 2000 — *Сенаторов С. Н.* Кизил-кобинская керамика VIII–VI вв. до н. э. из Нимфея // Таманская старина. Вып. 3. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 85–88.
- Скуднова*, 1954 — *Скуднова В. М.* Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. № 21. С. 306–318.
- Смирнова*, 1998 — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 77–121.
- Соловьёв*, 1993 — *Соловьёв С. Л.* О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ. 1993. № 3. С. 30–43.
- Соловьёв*, 1994 — *Соловьёв С. Л.* Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. № 8. С. 85–95.
- Соловьёв*, 2008 — *Соловьёв С. Л.* «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // ТГЭ. 2008. Т. ХLI. С. 216–236.

- Суриков, 2015 — Суриков И. Е. Еще раз о «земляночном» периоде в ранней истории греческих колоний Северопричерноморского региона // «С Митридата дует ветер...» Боспор и Причерноморье в античности: К 70-летию В. П. Толстикова / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 75–82.
- Толстикови др., 2003 — Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А. Новая землянка в Пантикапее // IV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. материалов IV Боспорских чтений (Керчь, 20–24 мая 2003 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2003. С. 259–266.
- Толстиков и др., 2017 — Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М.: РФФИ, 2017. 396 с.
- Финогенова, 2005 — Финогенова С. И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Т. 8. С. 422–442.
- Финогенова, 2010 — Финогенова С. И. Гермонасса // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. С. 510–527.
- Форнасье и др., 2017 — Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. Новые данные об ольвийском предместье // Північне Причорномор'я за античної доби: на пошану С. Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 33–44.
- Худяк, 1962 — Худяк М. М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 63 с.
- Чистов, 2017а — Чистов Д. Е. Землянки архаической Березани // Північне Причорномор'я за античної доби: на пошану С. Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 127–144.
- Чистов, 2017б — Чистов Д. Е. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н. э. // АВ. 2017. Вып. 23. С. 132–152.
- Чистов, Ильина, 2017 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2015 году // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 177–216.
- Чистов и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг.: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 297 с.
- Чистов и др., 2019 — Чистов Д. Е., Моныхов С. Ю., Кузнецова Е. В. Амфоры первой половины — середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // ПИФК. 2019. № 1. С. 8–24.
- Bianco, Giardino, 2012 — Bianco S., Giardino L. Forme e processi di urbanizzazione e di territorializzazione nella fascia costiera ionica tra i fiumi Sinni e Basento // Alle origini della Magna Grecia. Mobilità, migrazioni, fondazioni. Atti L Convegno Studi sulla Magna Grecia. Taranto, 2010. Taranto: Istituto per la storia e l'archeologia della Magna Grecia, 2012. P. 609–641.
- Bîrzescu, 2012 — Bîrzescu I. Die archaische Siedlung von Tariverde // Dacia. 2012. Vol. LVI. S. 77–90.
- Bujskikh, 2015 — Bujskikh A. V. The Southern Temenos in Pontic Olbia (Preliminary Results of the Investigation) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2015. Vol. 21. P. 222–250.
- Bujskikh, 2017 — Bujskikh A. V. From dugouts to houses: urban development in late archaic Olbia Pontic // Caiete ARA. Vol. 8. Bucharest, 2017. P. 5–16.
- Burgers, Crielaard, 2007 — Burgers G.-J., Crielaard J. P. Greek Colonists and Indigenous Populations at L'Amastuola, Southern Italy // Bulletin Antieke Beschaving. Leuven. 2007. Vol. 82, Issue 1. P. 77–114.
- Butjagin, 1998 — Butjagin A. M. Archaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia. 1998. Vol. XLVIII. P. 61–70.
- Butjagin, 2007 — Butjagin A. M. Archaic Myrmekion // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC. 2007. P. 22–25 (BAR. International Series 1729).
- Chistov, 2019 — Chistov D. Investigations on Berезan Island in 2014–2018 (Hermitage Museum Archaeological Expedition) // Hyperboreus. 2019. Vol. 25, fasc. 1. P. 97–106.
- Chistov, Pavlichenko, 2019 — Chistov D., Pavlichenko N. Lead letter from the excavations of area “O-Western” at the Berезan settlement in 2017 // Hyperboreus. 2019. Vol. 25, fasc. 2. P. 259–277.
- Denti, 2009 — Denti M. Un contesto produttivo enotrio della prima metà del VII secolo a.C. all'Incoronata // Prima delle Colonie.

- Organizzazione territoriale e produzioni ceramiche specializzate in Basilicata e in Calabria settentrionale ionica nella prima età del ferro / Eds. M. Osanna, M. Betelli, C. De Faveri. Venosa: Osanna edizioni, 2009. P. 111–138.
- Ersoy*, 2007 — *Ersoy Y.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // *Milesische Forschungen*. 2007. Bd. 5. P. 149–178.
- Gallo*, 2016 — *Gallo S.* La capanna protoarcaica N. 1 sulla terrazza meridionale di Policoro (MT). Studio dei materiali e considerazioni sulla struttura // *Epigrafia e territorio Politica e società. Temi di antichità romane*. 2016. Vol. X. P. 277–327.
- Giardino*, 2010 — *Giardino L.* Forme abitative indigene alla periferia delle colonie greche. Il caso di Policoro // *Greco et Indigene de la Catalogne à la mer Noire, Actes des rencontres du programme européen Ramses 2 (2006–2008)* / Ed. H. Tréziny. Paris: Errance, Centre Camille Jullian, 2010. P. 349–369.
- Görmüş*, 2010 — *Görmüş A.* New Approaches for Interpretation of Eastern Anatolian Early Iron Age Pits: Semi-Subterranean Cooking Facilities from Salat Tepe // *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. May, 5th–10th, 2008. Vol. 3 / Eds. P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro ve N. Marchetti. Wiesbaden: Harrasowitz, 2010. P. 365–373.
- Handberg, Jacobsen*, 2011 — *Handberg S., Jacobsen J. K.* Greek or Indigenous? From Potsherd to Identity in Early Colonial Encounters // *Communicating Identity in Italic Iron Age Communities* / Eds. M. Gleba, H. Horsnaes. Oxford: Oxbow books, 2011. P. 175–194.
- Jacobsen et al.*, 2015 — *Jacobsen J. K., Colelli C., Mitrica G., Handberg S.* Pottery workshop organization and transformation at the archaeological site of Timpone Della Motta between 800 and 650 BC: a case study from Northern Calabria, Southern Italy // *Keramos. Ceramics: A Cultural Approach: Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9–13, 2011, İzmir*. Ankara: Bilgin Kultur Sanat, 2015. P. 158–165.
- Kashuba, Levitski*, 2012 — *Kashuba M., Levitski O.* The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae* / Ed. W. Blajer. Kraków: Wydawnictwo Profil-Archeo, 2012. P. 573–582.
- Kuznetsov*, 1999 — *Kuznetsov V. D.* Early Types of Greek Dwelling Houses in the North Black Sea // *Ancient Greeks West and East* / Ed. G. R. Tsetschladze. Leiden: Brill, 1999. P. 531–564.
- Mazarakis Ainian*, 2001 — *Mazarakis Ainian A.* From Huts to Houses in Early Iron Age Greece // *From Huts to Houses. Transformations of Ancient Societies, International Seminar, Rome Sept. 22–25, 1997* / Eds. L. Karlson, R. Brant. Uppsala: Paul Astroms, 2001. P. 139–161.
- Solovyov*, 1999 — *Solovyov S. L.* Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. Leiden: Brill, 1999. 148 p. (*Colloquia Pontica*. Vol. 4).
- Timofan*, 2010 — *Timofan A.* Archaic Domestic Architecture and Construction Techniques on the Western Plateau of Histria. A Synthesis of Building Activity in the Black Sea Area (7th–6th centuries BC) // *Antiquitas Istro-Pontica. Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu* / Eds. A. Angelescu et al. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2010. P. 355–365.
- Tsetschladze*, 2000 — *Tsetschladze G. R.* Note on semi-pithouses and handmade pottery from Gordion // *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques* / Eds. A. Avram, M. Babes. Bucarest: Editura enciclopedică, 2000. P. 165–170.
- Tsetschladze*, 2004 — *Tsetschladze G.* On the Earliest Greek Colonial Architecture in the Pontus, Pontus and the Outside World. *Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* // *Colloquia Pontica 9. Monograph Supplement of Ancient West and East*. Leiden: Brill, 2004. P. 225–278.
- Tsetschladze*, 2019 — *Tsetschladze G. R.* Once again about the Establishment Date of Some Greek Colonies around the Black Sea // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select papers from the third international conference “The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast”*, 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun / Eds. G. R. Tsetschladze, S. Atasoy. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 1–42.

Dugouts, huts, houses: notes on early days of Greek urbanization of the Northern Black Sea Coastal Region

D. E. Chistov

Works of Yu. A. Vinogradov with a number of researches from the one side and V. D. Kuznetsov from the other, reflected two different approaches to the problem of the earliest period of existence of city centres of the Northern Black Sea Coastal Region of Archaic period which preceded their mass urbanization. According to the first approach, there had been a long adaptation period before an active development of city structures of ancient centers of the Northern Pontus begun. This adaptation period lasted about 60–80 years. During this period these centers were rural settlements and the main type of housing was different dug in structures like the dugouts. The opposite approach denies the very possibility of usage of such buildings as dwellings by the Greeks. It casts doubt on the existence of a “dugout” period in the history of colonies of the Northern Black Sea Coastal Region. The example of the Berezan settlement where almost 240 semi-dugouts of the late 7th — the first half of the 6th century BC have been investigated thus far, proves that such period of spatial development of some centers undoubtedly took place. But still the history of the development of the Berezan settlement cannot be mechanically transferred to any site of the same age in the region. The level of knowledge of archaic layers and the number of discovered structures of dugout type is incomparable. Berezan and Olbia have hundreds of dugouts and total amount of early dugouts investigated at the city-sites of Bosphorus thus far is a little more than two dozens. The assumption that there are approximately equal durations in many centers of the pre-urban period is apparently not supported by new data.

Roundish semi-dugouts of the Northern Black Sea Coastal Region can be seen as a result of adaptation of types of dwellings by Greek settlers. These types of dwellings were extrinsic to the Greek culture. Greeks adapted them at the early period when small number and instability of the composition of their collectives did not give confidence in the future of apoikia and excluded any possibility of planning of city center. Long “dugout” period at Berezan was possibly the time when this location was an industrial and commercial settlement with small and unstable population which lasted to its “refounding” by a new group of colonists after the middle of the 6th century BC.

К вопросу о датировке ранних крепостных стен боспорского города Тиритака

В. Н. Зинько¹

Аннотация. По результатам новейших исследований автора, боспорский город Тиритака представляет как один из ранних и довольно крупных центров европейского побережья Боспора Киммерийского. На рубеже двух последних десятилетий VI в. до н. э., после пережитого пожара, связанного с военным катаклизмом, город был опоясан достаточно мощными крепостными стенами на площади не менее 5 га.

Annotation. According to the results of the latest author's research, Bosporan city Tyritake was one of early and relatively big centres of the European coast of the Cimmerian Bosporus. At the turn of the last two decades of the 6th century BC after the fire associated with a war cataclysm had broken out, the city was surrounded by a relatively solid fortification walls on an area of at least 5 hectares.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, город Тиритака, архаика, крепостные стены.

Keywords: Cimmerian Bosporus, city of Tyritake, Archaic period, fortification walls.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-129-135

Новейшие археологические исследования в боспорских городах Пантикапей, Тиритака и Мирмекий открыли значительное количество фактов, указывающих на постоянную военную напряженность в районе побережья Боспора Киммерийского во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. Это чередующиеся слои пожаров с находками предметов вооружения. Наиболее ранние слои пожаров, датируемые около середины VI в. до н. э., фиксируются в Пантикапее и Мирмекии (Толстиков, Муратова, 2013. С. 182; Бутягин, 2012. С. 17). Раскопки последних лет в Тиритаке позволили выявить такую же картину для рубежа двух последних десятилетий VI в.

до н. э., когда были разрушены сырцово-каменные дома (фаза II-A) II строительного периода (Зинько, 2014. С. 64).

На каком-то этапе ранние постройки Тиритаки были окружены крепостной стеной. Время ее сооружения датировалось исследователями, производившими здесь раскопки, в промежутке от конца VI до первой половины V в. до н. э. Так, Ю. Ю. Марти открыл в 1932–1934 гг. в юго-западной части нижнего города (раскопы I–II) под стеной эллинистической башни I остатки более ранних фортификационных сооружений. Основываясь на найденных фрагментах керамики, он датировал эту крепостную стену позднеархаическим временем (Марти, 1941. С. 13–14). В 1933–1936 гг. на западной окраине нижнего города Тиритака исследователи открыли еще один участок ранней крепостной стены (кладка № 106) шириной свыше 2 м, которую они датировали концом VI — началом V в.

¹ Д-р ист. наук, ведущий науч. сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского ФУ им. В. И. Вернадского; пр. Вернадского, д. 2, г. Симферополь, 295007, Республика Крым; e-mail: zinko@bf-demetra.ru.

до н. э. (Книпович, Славин, 1941. С. 42). В нижнем ряду ее фундамента были положены лицевой стороной вниз два каменных изваяния кеми-обинской культуры (Там же. Рис. 50–52). Непосредственно у стены обнаружено значительное скопление фрагментов аттических чернофигурных сосудов конца VI — начала V в. до н. э., ранняя чернолаковая и ионийская керамика (Там же. Рис. 54–57).

Позднее на раскопе I–II в предвоенный период В. Ф. Гайдукевич расширил площадь исследования вокруг башни II и открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1,7–1,8 м. Оборонительная стена сохранилась не только под кладкой башни, но и тянется от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно эллинистической куртине I (Гайдукевич, 1952. С. 16, рис. 5). Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1–2 ряда кладки, служит материк в виде плотного слежавшегося морского песка. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I, от башни II до башни I, раскоп был расширен. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобрана, и только непосредственно около башни I обнаружались небольшие остатки фундамента стены. Продолжение того же фундамента ранней крепостной стены перекрыто башней I и лишь немного выступает за линию ее фасада. В. Ф. Гайдукевичем остатки этой ранней городской стены были датированы первой половиной V в. до н. э. (Там же. С. 19–20).

В 1937 г. на западной окраине верхнего города был заложен раскоп XIV, который в последующие годы стал одним из основных, и в 1940 г. его площадь составила 1187,5 кв. м. Здесь были исследованы остатки двух домов и ранней крепостной стены (стена № 2), которая тянется в юго-восточном направлении на протяжении 15,25 м. Северной оконечностью крепостная стена № 2 вплотную примыкает к стене № 23 позднеархаического дома. На этом участке стена № 2 имеет толщину почти 2 м, а противоположный конец — 1,7 м.

Наибольшая сохранившаяся высота стены № 2 — 1,23 м. Остатки аналогичной, но сильно разрушенной крепостной стены (№ 2а) сохранились и дальше на север между домами (Там же. С. 87). В. Ф. Гайдукевич предположил, что это остатки оборонительной стены, ограждавшей западную сторону Тиритаки. К тому же характер кладки этой стены имел полное сходство с ранее открытой южной крепостной стеной на раскопе I. Крепостную стену на западной окраине верхнего города исследователь датировал концом VI — началом V в. до н. э. (Там же. С. 88–89), а раннюю стену в юго-западной части нижнего города — первой половиной V в. до н. э. (Там же. С. 20). В. Ф. Гайдукевич полагал, что она была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников (Там же. С. 89).

Впоследствии исследователи не так часто обращались к анализу городских крепостных сооружений Тиритаки, хотя и сделали некоторые существенные замечания. Так, К. Э. Гриневич датировал самые ранние фортификационные сооружения «с известной долей осторожности» серединой V в. до н. э. (Гриневич, 1946. С. 163–164). Позднее В. П. Толстиков предложил новую дату возведения ранних стен Тиритаки — первая четверть V в. до н. э. (около 480 г. до н. э.) (Толстиков, 1984. С. 33). Он не только присоединился к мнению К. Э. Гриневича (Гриневич, 1946. С. 161) о связи городских укреплений с «тиритацким» валом, но и выдвинул предположение, что конфигурация крепостных стен была тесно связана с трассой вала, примыкавшего с юга к Тиритаке, а также представил схему развития планировки оборонительных сооружений города в определенные хронологические периоды (Толстиков, 1984. С. 34, рис. 4). Однако следует отметить, что К. Э. Гриневич датировал «тиритацкий» вал временем не позднее конца V в. до н. э. (Гриневич, 1946. С. 164). Также несостоятельна датировка строительства крепостных стен по реконструируемой общепоспорской исторической ситуации, а не по конкретным результатам раскопок.

И, конечно же, никакой вал не мог подходить с юга к крепостным стенам низинной южной части Тиритаки, расположенной на берегу морского залива (палео-Чурбашского лимана), в который с севера впадала речка, отсекавшая с запада территорию города от открытых степных пространств (Зинько А., Зинько В., 2018. С. 235). Следует также напомнить, что наиболее ранние насыпи в центральной части «тиритацкого» вала (район Золотого кургана и курганов Юз-обы) датируются А. А. Масленниковым концом IV — III в. до н. э., а южный отрезок строится и того позднее — в конце XVIII в. (Масленников, 2003. С. 216–218). Этот южный отрезок вала, не доходя 1,5 км до Тиритаки, поворачивает на восток к проливу, к расположенной на побережье деревне Ампилаки, позднее это место получило название Старый Карантин.

Несмотря на все эти противоречия, к предложенной В. П. Толстиком датировке начала строительства крепостных стен первой четвертью V в. до н. э. несколько позднее присоединились Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский (Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 49). А. А. Завойкин на основе поверхностного анализа работ В. Ф. Гайдукевича также полагает, что «в 1-й половине V в. до н. э. ввиду надвигающейся опасности „городок“ обносится первыми оборонительными стенами» (Завойкин, 2013. С. 111).

Современные исследователи не обратили должного внимания на то, что при раскопках на западном участке XIV В. Ф. Гайдукевичем не была изучена вся свита культурных слоев даже в местах обнаружения позднеархаических построек. Лишь на ограниченном участке в 1939 г. им был сделан небольшой разведочный «прокоп», показавший, что под глинобитным полом дома А залегает культурный слой толщиной 0,2 м с весьма незначительным содержанием культурных остатков в виде единичных «крайне невыразительных мелких фрагментов керамики», а глубже — желто-коричневатая материковая глина (Гайдукевич, 1952. С. 77). Поэтому проводимые с 2008 г. по настоящее время работы в западной части Тиритаки на раскопе XXVII

(рис. 1)², включившем центральную и южную части старого участка XIV, позволили внести существенные уточнения в хронологию строительства ранних городских стен.

На протяжении более 30 м не только была открыта западная крепостная стена, но и впервые исследованы ее основание и вся свита культурных напластований с внешней и внутренних сторон этой куртины. Было установлено, что до сооружения на этом участке городской крепостной стены здесь располагалась сырцово-каменная постройка (СК-III), от которой сохранились остатки стен двух помещений (рис. 2). Обнаруженные здесь фрагменты позднеархаической ионийской и аттической чернофигурной керамики³ последней трети VI в. до н. э. позволили отнести эту постройку к фазе II-A II строительного периода. На рубеже двух последних десятилетий VI в. до н. э. она, как и другие дома на соседнем раскопе XXVI, разрушается, и на перекрывающих каменные основания сырцовых развалах и слое пожара возводится городская крепостная стена (рис. 3). При этом часть помещений оказалась за ее пределами.

Западная куртина (стена № 7) на этом участке имела толщину от 1,7 до 1,8 м. Кладка стены постелистая, двухлицевая, с внутренней забутовкой из более мелких камней. Ее западный фас аккуратно сложен из довольно больших (до 0,80 × 0,30 × 0,25 м) слегка обтесанных кусков известняка и сохранился на высоту четырех–пяти рядов (до 1 м). На основании стратиграфии установлено, что западная куртина построена после первого пожара Тиритаки в конце VI в. до н. э., а слой следующего пожара, около 480–470 г. до н. э., уже соприкасается с этой стеной на уровне нижнего ряда камней кладки (рис. 4). Слои этих пожаров выявлены и в центральной части города.

² В этих работах в 2008–2013 гг. принимали участие польские археологи под руководством А. Твардецкого.

³ Среди находок особо следует отметить несколько фрагментов стенок небольшого аттического кратера 530–510 гг. до н. э. с изображением гоплита в коринфском шлеме (Зинько, 2015. Рис. 5).

Рис. 1. Западная стена и постройки на раскопе XXVII. Вид сверху. 2018 г.

Fig. 1. Western wall and buildings on the excavation area XXVII. Top view. Photo made in 2018

Рис. 2. Остатки построек VI в. до н. э., перекрытых западной крепостной стеной. Вид с запада

Fig. 2. The remains of the buildings of the 6th century BC covered by the western fortification wall. View from the west

Рис. 3. Слой пожара и сырца под основанием западной крепостной стены. Вид с запада
Fig. 3. Fire and sun-dried brick layer under the base of the western fortification wall. View from the west

Рис. 4. Слои пожаров и разрушений конца VI в. до н. э. и конца первой трети V в. до н. э.
с внешней стороны западной крепостной стены Тиритака. Вид с севера
Fig. 4. Layers of fires and destructions of the end of the 6th century BC and the end of the last third
of the 5th century BC from the external side of the Western fortification wall of Tyritake. View from the north

Пожар и разрушения в Тиритаке на рубеже последних десятилетий VI в. до н. э., возможно, следует связывать с какими-то военными событиями, которые были вызваны известными из письменных источников морскими экспедициями персов к северному побережью Понта (Зинько, 2013. С. 198–199).

Помимо западного участка фрагменты ранней крепостной стены, как уже сообщалось выше, были открыты в южной (нижней) части города (участки I, V, XV). Судя по найденной здесь керамике, они также могут быть датированы в пределах последних десятилетий VI в. до н. э. Основываясь на полученных данных, можно предположить, что ранней крепостной стеной был охвачен весь город на площади около 5 га (Зинько, 2012. С. 156). При этом следует отметить, что до сих пор не удалось выявить северную границу

позднеархаического города и потому его размеры могут быть несколько больше. Западная граница ранней городской застройки также изучена еще недостаточно, но она могла состоять лишь на несколько десятков метров от постройки СК-III под крепостной стеной, так как далее к западу начиналась пойма реки, ограждавшей территорию Тиритаки со стороны степи.

Итак, по результатам исследований последнего десятилетия боспорский город Тиритака предстает как один из ранних и довольно крупных центров европейского побережья Боспора Киммерийского, который на рубеже двух последних десятилетий VI в. до н. э., после пережитого пожара, связанного, вероятно, с военным катаклизмом, был опоясан крепостными стенами на площади не менее 5 га.

Бутягин, 2012 — Бутягин А. М. Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора // ТГЭ. 2012. Т. 88. С. 87–96.

Виноградов, Горончаровский, 2009 — Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ; Нестор-История, 2009. 332 с.

Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Ч. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–134 (МИА. 25).

Гриневиц, 1946 — Гриневиц К. Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 160.

Завойкин, 2013 — Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: Крым. отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, ИА РАН, БФ «Деметра», 2013. 592 с.

Зинько, 2012 — Зинько В. Н. Основы городской планировки Тиритаки в VI–V вв. до н. э. // XIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня, 2012. С. 152–156.

Зинько, 2013 — Зинько В. Н. Военно-политическая история европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) // XIV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: Материалы МНК / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня, 2013. С. 195–199.

Зинько, 2014 — Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 2014. 592 с.

Зинько, 2015 — Зинько В. Н. Городские стены позднеархаической Тиритаки // «С Митридата дует ветер...» Боспор и Причерноморье в античности / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. С. 137–140.

Зинько А., Зинько В., 2018 — Зинько А. В., Зинько В. Н. Новые сведения о гавани Тиритаки // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 234–239.

Книпович, Славин, 1941 — Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части

- Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. С. 37–60 (МИА. № 4).
- Марти*, 1941 — *Марти Ю. Ю.* Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // Археологические памятники Боспора и Херсонеса М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. С. 11–24 (МИА. № 4).
- Масленников*, 2003 — *Масленников А. А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К°, 2003. 279 с.
- Толстиков*, 1984 — *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48.
- Толстиков*, *Муратова*, 2013 — *Толстиков В. П.*, *Муратова М. Б.* К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–193.

On dating of early fortification walls of Bosporan city Tyritake

V. N. Zinko

Excavations conducted from 2008 in the Western part of Tyritake at the excavation site XXVII (Fig. 1) allowed us to significantly clarify the chronology of the construction process of the early fortification walls. Not only the Western fortification wall was discovered for more than 30 m, but also its base and the whole suite of cultural layers from inside and outside part of this curtain wall were studied for the first time. It was determined that before the city fortification wall was erected in this region, a mud-brick and stone building had been there. A few walls of two rooms of the building can still be seen (Fig. 2). At the turn of the last two decades of the 6th century BC this building (and other houses on the neighbouring excavation site XXVI) was destroyed. The city fortification wall was built on the mud-brick debris covering the stone bases and on the fire layer (Fig.3). However, some of the rooms were situated outside the wall. Based on the stratigraphic data it was evidenced that the Western curtain wall was built after the first fire in Tyritake and the layer of the next fire in about 480–470 BC already touches this wall at the level of the lower row of masonry stones (Fig. 4).

According to the results of the research of the last decade, Bosporan city Tyritake was one of early and relatively big centres of European coast of the Cimmerian Bosporus. At the turn of the last two decades of the 6th century BC after the fire most likely associated with a war cataclysm had broken out, the city was surrounded by the fortification walls on an area of at least 5 hectares.

Сельские поселения Азиатского Боспора: проблемы выявления и интерпретации по данным археологических разведок¹

А. В. Батасова²

Аннотация. Работа посвящена проблеме анализа и интерпретации данных археологических разведок. На примере памятника Солёный 3 на Таманском п-ве сравниваются подходы и результаты исследований, предпринятых в разные годы Я. М. Паромовым и Г. П. Гарбузовым. Представлена реконструкция и историческая интерпретация жизни на памятнике Солёный 3 в античное время. Проведенное сравнение методик археологических разведок позволяет сделать вывод о природе выявляемых в их результате областей скопления подъемного материала и о возможностях их исторической интерпретации.

Annotation. This work is devoted to a problem of analysis and interpretation of data of archaeological explorations. Based on an example of the Solyonyj 3 site on the Taman Peninsula, the approaches and results of studies made over the years by Ya. M. Paromov and G. P. Garbuzov are compared. The reconstruction and the historical interpretation of life at the Solyonyj 3 site in the Ancient World are submitted. The comparison of methods of archaeological explorations allows us to make a conclusion about a nature of artefactual remains revealed as a result of these archaeological explorations and about possibilities of their historical interpretation.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, сельские поселения, археологические разведки, анализ подъемного материала.

Keywords: Asiatic Bosphorus, rural settlements, archaeological explorations, analysis of surface remains.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-136-146

В соответствии с письменной традицией и данными археологии поселения разного ранга (города, деревни, усадьбы) являются ключевыми элементами системы греческого расселения (Hansen, 2003; Bintliff, 2006; Cavanagh, 2009; Bintliff, Snodgrass, 1998; и др.). Такая иерархически упорядоченная организа-

ция расселения прослеживается и на материалах Северного Причерноморья, в частности в Нижнем Побужье (Kryžickij, 2006. С. 105) и на Европейском Боспоре (Масленников, 2001. С. 82). Справедливо предположить, что данная схема применима также к территории Азиатского Боспора. К примеру, в работе «Археологическая карта Таманского полуострова» Я. М. Паромовым было учтено более 200 памятников, которые в большинстве случаев интерпретировались как «сельские поселения» либо «усадьбы» (Паромов, 1992). Однако предпринятые спустя несколько десятилетий исследования на хоре Фанагории

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

поставили ряд вопросов о корректности данных Я. М. Паромова. В частности, допускалось многократное увеличение по сравнению с «Археологической картой...» числа сельских поселений (Гарбузов, 2010), что вносит существенные коррективы в картину греческого расселения на Таманском п-ве. Подобные расхождения вызывают сомнения в объективности результатов археологических разведок, следовательно, ограничивают изучение вопросов регионального масштаба, что зачастую невозможно без привлечения этой категории источников. На наш взгляд, понимание причин расхождения в оценках и исторической интерпретации одних и тех же участков разными исследователями поможет решить возникшую проблему. Для этого сравним между собой результаты трех эпизодов исследования археологического памятника Солёный 3 и его округа.

Обширное местонахождение археологического материала на окраине поселка Солёный было выявлено Я. М. Паромовым в 1983 г. Согласно его оценкам, здесь располагалось большое сельское поселение площадью около 60 га. В подъемном материале встречались фрагменты керамики с VI в. до н. э. по первые века нашей эры, а также находки средневекового времени. В структуре памятника выделялись несколько возвышенностей, где концентрировался материал (Паромов, 1992. С. 339–342).

В 2005 и 2008 гг. участок, включавший в себя территорию данного памятника, повторно обследовался Г. П. Гарбузовым. В результате его работ было выявлено десять областей скопления подъемного материала — «сайтов», два из которых находились за пределами границ памятника, очерченных Я. М. Паромовым. Кроме того, на основании пространственного распределения материалов разных хронологических периодов были созданы карты, отражающие динамику расселения на исследованной территории и его структуру на разных этапах (в пределах четвертей столетия). В частности, отмечалось, что выделенные «сайты» неравноценны по площадям и значениям частоты встречаемости подъемного материала. Также было

замечено, что во второй половине III в. до н. э. на данном участке имели место «структурная перестройка» и снижение интенсивности жизнедеятельности (Гарбузов, 2009; 2010). Это исследование, несомненно, представило более детальную картину жизни на Солёном 3 и в его округе, однако возможности ее исторической интерпретации ограничивались нерешенностью проблемы соотношения «сайтов» — мест концентрации подъемного материала — с реальными поселенческими структурами (Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 171–172). Тем не менее полученные результаты позволяли говорить о развитии исследованного участка («поселенческой системы») в целом. Несмотря на признание вышеуказанной проблемы, в работе 2010 г. Г. П. Гарбузовым в качестве рабочей гипотезы было предложено, что в «большинстве своем сайты соответствуют элементам региональной поселенческой системы разных рангов и их площади хорошо коррелируют с „истинными“ площадями поселений» (Гарбузов, 2010. С. 446). На наш взгляд, возникшее разночтение может быть связано с многозначностью английского термина *site*, который может пониматься и как поселение, и как выявленное аналитическими методами скопление археологического материала (Dunnell, 1992). В результате остается неясным, что именно получено в ходе данного исследования: обобщенные представления о динамике жизни на участке, не соответствующие конкретным поселениям, или же, напротив, выявлен ряд новых поселений, что принципиально изменяет картину расселения в округе Солёного.

Существующее противоречие вызвало необходимость в повторном изучении данного памятника. В 2012–2013 гг. южная половина Солёного 3 была обследована разведочным отрядом Боспорской археологической экспедиции ГИМ и Евразийского отдела Германского археологического института под руководством автора данной статьи. В 2018 г. было произведено дистанционное зондирование участка, охваченного разведками в 2012–2013 гг., которое существенно дополнило результаты сбора материала (Журавлёв и др., 2019).

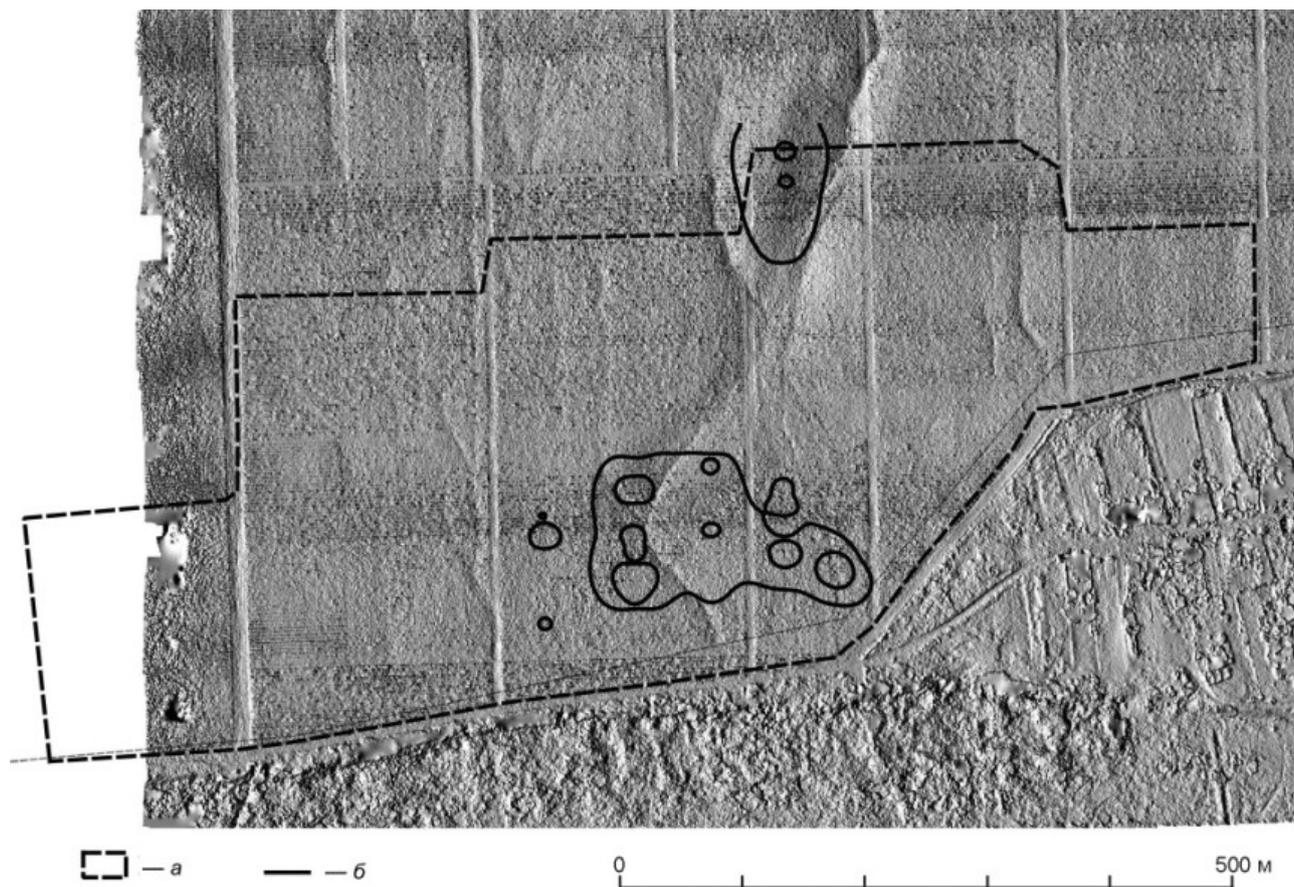

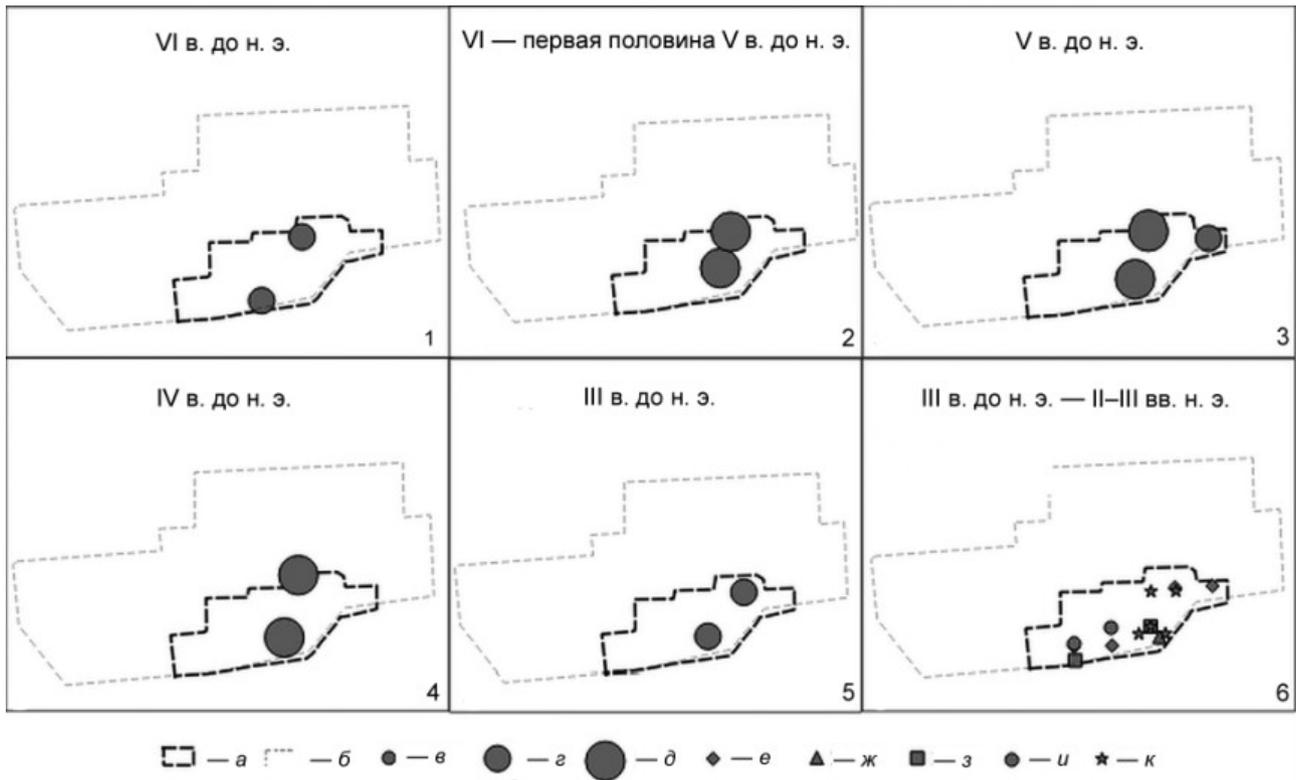
Рис. 1. Области повышенной концентрации материала на южном участке памятника Солёный 3 (по результатам сборов 2012–2013 гг.). Условные обозначения: *a* — границы обследованной территории, *б* — области повышенной концентрации находок

Fig. 1. Areas of elevated concentration of remains of the Southern part of the Solyonyj 3 site (based on the results of collections of 2012–2013). Legend: *a* — borders of explored territory, *б* — regions of elevated concentration of finds

Сбор подъемного материала производился по участкам, размеры которых варьировались: области, слабо насыщенные керамикой, обследовались широкими площадями, места с повышенной концентрацией керамики дробились для получения более детальной картины. Координаты границы участков фиксировались с помощью GPS-трекера, и, в результате, была получена цифровая схема обследованной территории, послужившая основой для дальнейшего анализа. В ходе последующей обработки данных оценивалась плотность археологического материала на каждом участке (количество фрагментов керамики на кв. м) и производилось выделение областей с максимальной концентрацией

находок (от одного фрагмента на кв. м) — кластеров, или «сайтов»³. В результате были получены два кластера — в южной и в северной части обследованной территории, разделенные расстоянием примерно 150 м (рис. 1). Интересно, что северный кластер оказался приурочен к элементу рельефа, выявленному в ходе съемки 2018 г., — небольшому по площади клиновидному возвышению, от которого расходятся два отрезка древней дороги.

³ При описании процедуры и результатов исследований 2012–2013 и 2018 гг. используются термины «сайт» и «кластер» как синонимы, под ними понимается участок с повышенной концентрацией материала, соотношение которого с древними структурами необходимо исследовать дополнительно.

Рис. 2. Динамика жизни на Солёном 3 (южный участок). 1–6 — нумерация периодов. Условные обозначения: границы участков: *a* — участок, обследованный в 2012–2013 гг., *b* — участок, обследованный Г. П. Гарбузовым в 2005 и 2008 гг.; значения плотности подъемного материала: *v* — низкие, *z* — средние, *d* — высокие; временные промежутки: *e* — III–II вв. до н. э., *ж* — II в. до н. э., *з* — I в. до н. э. — I в. н. э., *u* — I в. н. э., *к* — II–III вв. н. э.

Fig. 2. Life dynamic of Solonyj 3 (southern part). 1–6 — numbering of periods. Legend: borders of the site parts: *a* — part explored in 2012–2013, *b* — part explored by G. P. Garbuzov in 2005 and 2008; density of artefactual remains: *v* — low, *z* — medium, *d* — high; time intervals: *e* — 3rd–2nd centuries BC, *ж* — 2nd century BC, *з* — 1st century BC–1 century AD, *u* — 1st century AD, *к* — 2nd–3rd centuries AD

В результате картографирования областей повышенной концентрации керамики в разные хронологические периоды было установлено, что северный и южный «сайты» существовали синхронно на протяжении V–III вв. до н. э. При этом максимальная интенсивность жизнедеятельности характерна для V–IV вв. до н. э., а количество материала III в. до н. э. на обоих участках невелико (рис. 2, 2–5). Стоит отметить, что границы южного кластера более стабильны, в то время как на северном область повышенного скопления материала в течение V–III вв. до н. э. постепенно смещалась сначала на север, а после на восток (рис. 2, 3–5). Материал последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры встречался разрозненно на всей территории

памятника и не образовывал каких-либо устойчивых пространственных структур (рис. 2, 6), что позволяет говорить, вслед за Г. П. Гарбузовым, о перестройке в этот период «поселенческой системы», а вероятнее всего — об исчезновении стационарных поселенческих форм. Однако стоит заметить, что на территории памятника имеются весьма яркие находки последних веков до нашей эры (Шедевры..., 2011. С. 290–293; *Абрамзон, Кузнецов*, 2015. С. 60–61), которые свидетельствуют, вероятно, о спорадических посещениях этого участка.

Таким образом, на обследованной территории были выявлены два «сайта» — участки с повышенной концентрацией подъемного материала, относящегося преимущественно

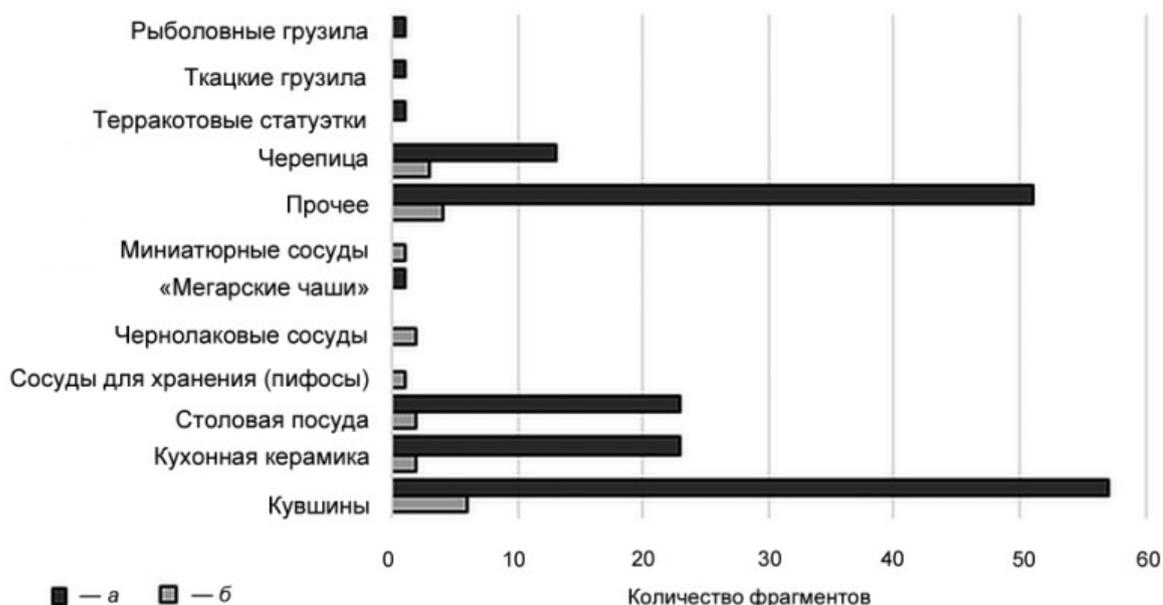

Рис. 3. Состав и количество неамфорных находок в подъемном материале, собранном на памятнике Солёный 3 в 2012–2013 гг. Условные обозначения: *а* — южный «сайт», *б* — северный «сайт»

Fig. 3. Composition and number of non-amphorae finds in the artefactual remains collected at the Solyonyj 3 site in 2012–2013. Legend: *a* — Southern “site”, *b* — Northern “site”

к V–III вв. до н. э. Для выяснения природы этих «сайтов» обратимся к функциональному анализу материала, то есть к находкам, указывающим на характер застройки участка (черепица), и к индикаторам различных видов человеческой деятельности: хозяйственной, ремесленной и культовой активности (рис. 3). Черепица встречается на всей территории памятника, но ее максимальная концентрация зафиксирована в границах выделенных нами «сайтов», особенно на южном, что явно указывает на существование крытых построек. Также на южном «сайте» гораздо чаще встречаются фрагменты кухонной и столовой керамики, в то время как на северном зафиксированы находки фрагментов чернолаковой керамики и миниатюрного сосуда⁴. Индивидуальные находки происходят преимущественно с южной части

обследованной территории, при этом непосредственно на площади южного «сайта» были встречены рыболовное и ткацкое грузило, фрагмент терракотовой статуэтки. Фрагмент второй терракотовой статуэтки и обломок зернотерки были найдены несколько западнее. Таким образом, на южном сайте и в его окрестностях зафиксированы индикаторы целого спектра активностей (земледелия, рыболовства, домашнего ремесла, культовых практик). Кроме того, можно довольно уверенно говорить о наличии крытых построек. Все эти признаки характерны для стационарного поселения. Что касается северного «сайта», здесь стоит отметить следующие особенности: слабо представлена хозяйственная активность (практически отсутствует кухонная и столовая керамика), имеются единичные фрагменты чернолаковой керамики и миниатюрных сосудов. На поверхности участка встречались, главным образом, фрагменты амфор и кувшинов, однако общее количество находок по сравнению с южным «сайтом» невелико. Учитывая это, а также его параллельное существование с поселением, которому,

⁴ Стоит отметить, что количество подобного материала исчисляется несколькими фрагментами, поэтому одно лишь его присутствие на участке не может являться основой для его интерпретации, однако в комплексе с другими признаками эти находки могут способствовать решению данной задачи.

вероятно, соответствует южный «сайт», и постепенное смещение со временем области концентрации находок, можно предположить, что в северной части обследованной территории располагался некрополь античного времени⁵.

В результате проведенного анализа была получена следующая картина: единичные находки фрагментов амфор третьей четверти VI в. до н. э. указывают на греческое присутствие здесь как минимум со второй половины VI в. Форма освоения территории в это время остается неясной ввиду незначительного количества материала. Однако имеются признаки того, что с V в. до н. э. на данном месте существовали стационарное поселение и сопутствующая структура (некрополь?). Возможно, помимо этого в округе поселения были и другие кратковременные структуры, например, прослеженный на карте плотности археологического материала V в. до н. э. кластер, находящийся к востоку от северного участка, природа которого неясна. Подобные локации-спутники могли возникать в связи с перемещением некоторых аспектов хозяйственной и других активностей за пределы территории поселения. Основные же элементы поселенческой системы данного участка, соответствующие северному и южному «сайтам», существовали, вероятно, в течении V–III вв. до н. э. В последние века до нашей эры поселение и сопутствующие ему структуры, видимо, прекратили свое существование. Несмотря на признаки спорадического человеческого присутствия на данном участке в последние века до нашей эры — первые века нашей эры, о каких-то стационарных формах заселения в данном случае говорить затруднительно.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются результаты трех эпизодов изучения

⁵ Схожая топографическая ситуация прослежена на некрополе Артющенко II, а именно расстояние между границей некрополя и поселения в пределах 150 м и смещение площади некрополя в направлении с юго-запада на северо-восток (Кашиев, 2013. С. 53; 2019. С. 102). Состав керамических находок из северного «сайта» Солёного 3 также в общих чертах не противоречит составу находок из погребений и остатков гризн, обнаруженных на Артющенко II (Кашиев, 2019. С. 103, 110).

памятника Солёный 3, которые сходятся в одном: общая хронология памятника в античный период укладывается в рамки со второй половины VI столетия вплоть до первых веков нашей эры. Кроме того, как в ходе работ Г. П. Гарбузова, так и в ходе исследований 2012–2013 гг. был отмечен спад интенсивности жизнедеятельности на данной территории и структурные перестройки в поселенческой системе, приходящиеся на вторую половину III в. до н. э. — последние века до нашей эры. Всё это, несомненно, указывает на некоторые объективные характеристики данного памятника, которые не зависят от методов и личного восприятия исследователей. Во всех остальных аспектах — структуре данного участка и интерпретации кластеров — мнения разнятся. Причина подобных расхождений, на наш взгляд, заключается в методических подходах к археологическим разведкам, которым следуют те или иные авторы.

Так, исследования Я. М. Паромова соответствуют «сайт»-ориентированной модели равномерного распределения (Uniformed model), основной задачей которой является поиск нуклеарных поселенческих структур, определение их границ и хронологии (Banning, 2002. P. 14–15). В соответствии с этим направлением в ходе исследования Солёного 3 были очерчены обобщенные границы распространения археологического материала, который был затем датирован. Что касается внутренней структуры памятника, можно предположить, что области скопления материала были определены условно, на основании полевых наблюдений, а не аналитической обработки данных. На это указывает количество находок, приведенное в «Археологической карте...» (113 фрагментов), что недостаточно для построения областей концентрации материала на площади в 60 га. Кроме того, отметим, что античные памятники Азиатского Боспора имеют ряд черт, способных исказить картину, получаемую при данном подходе. Это, во-первых, длительное время освоения территории, за которое сама поселенческая система могла сильно трансформироваться. Как следствие, определяемые таким

методом границы памятника — это совокупные границы всех этапов жизни на нем, от стационарных поселений до спорадического присутствия человека. Во-вторых, многие античные памятники интенсивно распахиваются, что приводит к перемещению материала и увеличению области его распространения (см.: *Yorston et al.*, 1990). В связи с этим о «поселениях» из «Археологической карты...» Я. М. Паромова корректней говорить как о *местонахождениях* подъемного материала, которые *могут быть ассоциированы* с поселениями. Наличие поселений на территории выявленных Я. М. Паромовым памятников подтверждается результатами раскопок таких памятников, как Приазовский 4, Береговой 2, Волна 1, Ахтанизовская 2, Голубицкая 2 и др.

Сплошные разведки, проводившиеся Г. П. Гарбузовым, как правило используются с целью поиска даже самых незначительных местонахождений подъемного материала, для получения более подробной картины жизни людей не только в границах стационарного поселения, но и в его округе (*Banning*, 2002). В соответствии с данным подходом была обследована обширная территория (135 га), на которой был собран представительный подъемный материал (929 датирующих фрагментов из 10 904)⁶. Далее были определены кластеры и межкластерное пространство. Границей между ними было принято значение плотности археологического материала в среднем 0,3–0,5 фрагментов на кв. м, что привело к выделению большого количества местонахождений, существенно различающихся по площадям, количеству подъемного материала и его плотности. Следующим этапом этой методики должно являться установление природы областей концентрации подъемного материала и их взаимосвязи с древними элементами системы на основании сравнения состава подъемного материала в кластерах и межкластерном пространстве и функционального

анализа находок (*Dunnell, Dancey*, 1983. С. 273–274). Данный этап отсутствует в исследовании Г. П. Гарбузова, и вместо этого предлагается априори считать большинство выделенных локаций древними поселениями. Из этого предположения вытекает, что сравнительно небольшая территория в округе поселка Солёный была очень плотно населена. Здесь должно было располагаться по меньшей мере 4–5 поселений. Такая концентрация могла бы объясняться тем, что они существовали в разное время, сменяя друг друга или существуя на некоторых отрезках параллельно. Однако совмещенные данные о хронологии «сайтов» и количестве материала, относящегося к каждому из периодов, указывают на синхронность их жизни, что, скорее, соответствует системе центр — периферия, нежели совокупности поселений, где каждое имеет собственную округу (рис. 4). В целом они все укладываются в общие рамки со второй половины VI до середины III в. до н. э.

Сопоставление динамики жизни на «сайтах», выделенных Г. П. Гарбузовым и выделенного нами южного «сайта» («поселения»), позволяют также сделать следующее наблюдение. Как уже говорилось, в последние века до нашей эры стационарное поселение (южный «сайт»), видимо, прекратило свое существование, но некоторое количество материала этого времени всё же было собрано на его площади и в округе. В пересчете по предложенной Г. П. Гарбузовым методике даже такое небольшое количество керамики дает в сравнении с выделенными им «сайтами» весьма высокий показатель, позволяющий говорить о существовании здесь области концентрации материала, а следовательно, по логике исследователя, и поселения (рис. 4). Показатели лишь пары «сайтов» несколько превышают уровень «спорадического посещения», а при сравнении «взвешенных» значений даже они сливаются с общим фоном (рис. 4, Б)⁷. Всё это указывает на то, что

⁶ Отметим, что в ходе разведок 2012–2013 гг., несмотря на то что была обследована в четыре раза меньшая площадь, на ней было собрано 1113 датирующих фрагментов керамики.

⁷ На основании этих данных можно сделать вывод, что все выделенные Г. П. Гарбузовым «сайты» являются лишь случайными образованиями, что, на наш

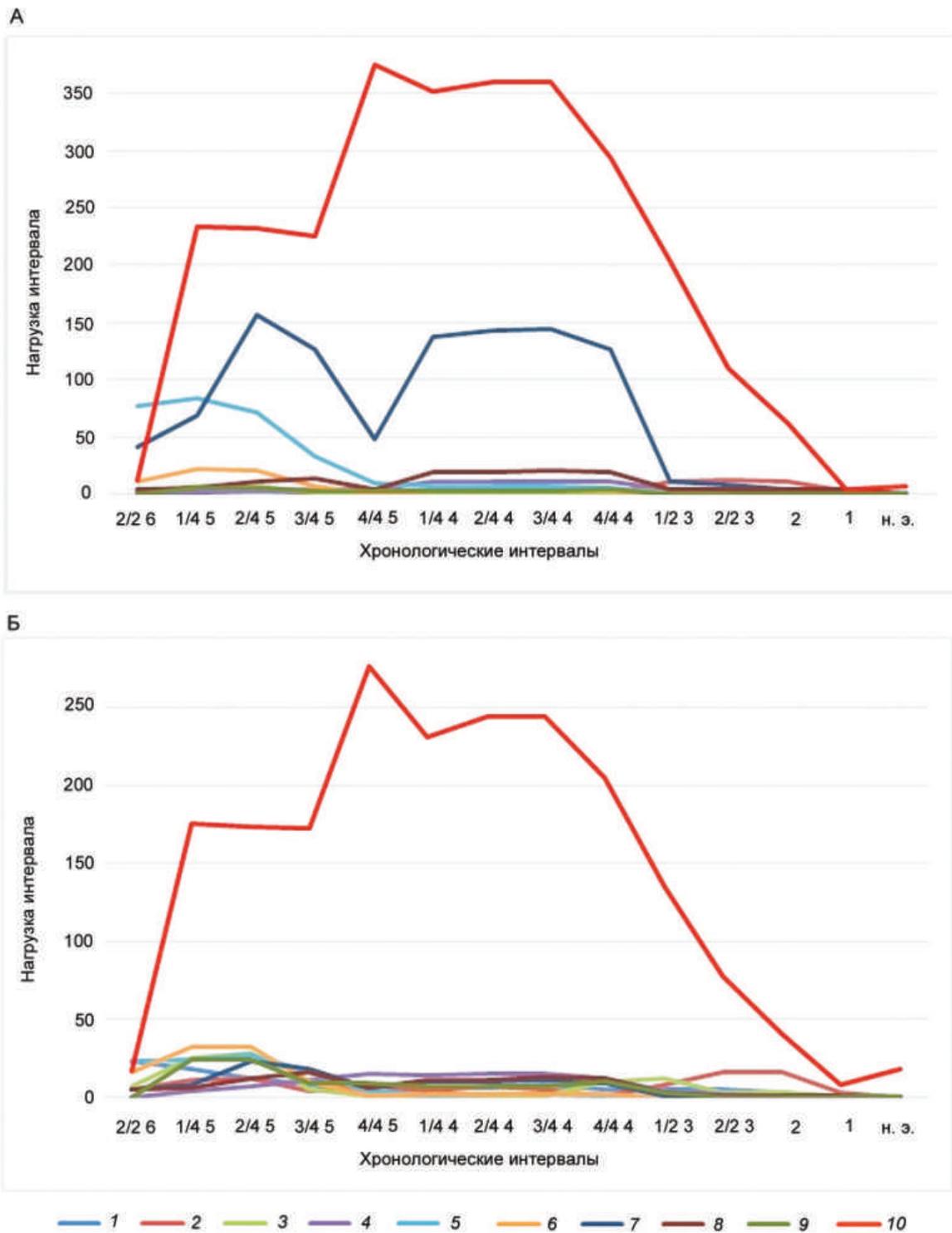

Рис. 4. Динамика жизни на Солёном 3 по результатам работ 2005, 2008 и 2012–2013 гг.: А — «невзвешенные» значения; Б — «взвешенные» значения. Условные обозначения: «сайты» 2005–2008 гг.: 1–9 — «сайты» 1–9; «сайт» 2012–2013 гг.: 10 — южный «сайт» («поселение»)

Fig. 4. Life dynamic of Solonyj 3 based on the results of excavations of 2005, 2008 and 2012–2013. А — “unweighed” values; Б — “weighed” values. Legend: “sites” 2005–2008: 1–9 — “sites” 1–9; “site” 2012–2013: 10 — Southern “site” (“settlement”)

наличие археологического материала на некотором участке свидетельствует лишь о факте человеческого присутствия, но не может без дополнительного анализа соотноситься с конкретными формами освоения.

Соответственно, вопреки предположению Г. П. Гарбузова о том, что большинство выделенных им «сайтов» являются поселениями, вероятнее всего, в своем большинстве они представляют лишь скопления материала, возникшие в ходе разного рода активностей или образовавшиеся случайно⁸.

Всё вышесказанное не означает, что необходимо отказаться от поиска небольших

взгляд, маловероятно. Скорее всего, сильная разница в оценках «невзвешенных» и «взвешенных» значений связана с несовершенствами самой методики расчета.

⁸ Как отмечает Р. Даннелл, специфика формирования подъемного материала и его перемещения позволяет говорить о том, что лишь многократно зафиксированные кластеры указывают на объективное существование древних структур (Dunnell, 1992. P. 27).

«сайтов». Напротив, получение данных о различных локусах активности обогащает наши знания и представления об организации жизни, локальной структуре и иерархии расселения в разные исторические периоды. Однако, на наш взгляд, необходимо более строго подходить к критериям их выделения, а тем более к исторической интерпретации.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале данной статьи, отметим, что по итогам археологических разведок и Я. М. Паромова, и Г. П. Гарбузова были выявлены (с разной степенью обобщенности) *местонахождения* археологического материала, которые указывают на потенциальные зоны, освоенные человеком в тот или иной период. Проверка объективности и интерпретация выявленных кластеров, или «сайтов» является задачей следующего уровня анализа, которая должна решаться на каждом конкретном участке с применением более обширного комплекса признаков, в том числе с учетом состава собранного материала.

Абрамзон, Кузнецов, 2015 — Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории. Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2015. Т. 3. 382 с.

Гарбузов, 2009 — Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // Древности Боспора. 2009. Вып. 13. С. 141–175.

Гарбузов, 2010 — Гарбузов Г. П. Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Вып. 1 (27). С. 444–457.

Гарбузов, 2013 — Гарбузов Г. П. Комплексные археологические исследования в округе Фанагории. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 // Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. Т. 1. С. 178–191.

Журавлёв и др., 2019 — Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Шлотцауэр У., Курков В. М., Скрипицына Т. Н., Князь В. А., Кудряшова А. И., Кобзев А. А., Мишка К. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниды Г.И., 2019. С. 193–200.

Кашаев, 2013 — Кашаев С. В. О топографии развития некрополя Артющенко-2 // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: ТД / Ред. коллегия: А. И. Габелия, А. И. Джонуа, Г. А. Сангулия, Р. М. Барцыц. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, 2013. С. 52–53.

- Кашаев*, 2019 — *Кашаев С. В.* Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг. // Археологические вести. 2019. Вып. 25. С. 101–112.
- Масленников*, 2001 — *Масленников А. А.* Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы исследований) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 75–101.
- Паромов*, 1992 — *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Деп. в ИНИОН РАН. 01.10.1992. № 47103.
- Шедевры..., 2011 — Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина / Ред. Л. И. Акимова, О. В. Тугушева, В. П. Толстиков и др. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2011. 476 с.
- Banning*, 2002 — *Banning E. B.* Archaeological survey. New York [u. a.]: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2002. 273 с.
- Bintliff*, 2006 — *Bintliff J.* Issues in the economic and ecological understanding of the chora of the Classical polis in its social context: a view from the intensive survey tradition of the Greek homeland // Black Sea Studies. Vol. 4. Surveying the Greek chora. Black Sea region in a comparative study / Eds. P. G. Bilde, V. Stolba. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2006. P. 13–26.
- Bintliff, Snodgrass*, 1998 — *Bintliff J., Snodgrass A.* Mediterranean survey and the city // Antiquity. March 1998. Vol. 62. P. 57–71.
- Cavanagh*, 2009 — *Cavanagh W.* Settlement structure in Laconia and Attica at the end of the archaic period: The fractal dimension // American Journal of archaeology. July 2009. Vol. 111, no. 3. P. 405–421.
- Dunnell*, 1992 — *Dunnell R. C.* The notion site // Ed. by J. Rossignol, LuA. Wandsnider. Space, time and archaeological landscapes. New York; London: Plenum press, 1992. P. 21–41.
- Dunnell, Dancey*, 1983 — *Dunnell R. C., Dancey W. S.* The Siteless survey: a regional scale data collection strategy // Advances in archaeological method and theory. Vol. 6 / Ed. M. B. Schieffer. New York [et al.]: Academic Press, 1983. P. 267–287.
- Hansen*, 2003 — *Hansen M. H.* 95 Theses about the Greek “Polis” in the archaic and classical periods. A report on the results obtained by the Copenhagen Polis Centre in the period 1993–2003 // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2003. Bd. 52, H. 3. P. 257–282.
- Kryžickij*, 2006 — *Kryžickij S. D.* The rural environs of Olbia: some problems of current importance // Black Sea Studies. 4. Surveying the Greek chora. Black sea region in a comparative perspective / Eds. P. G. Bilde, V. F. Stolba. Aarhus: Aarhus University press, 2006. P. 104.
- Yorston et al.*, 1990 — *Yorston R. M., Gaffney V. L., Reynolds P. J.* Simulation of artefact movement due to cultivation // Journal of archaeological science. 1990. Vol. 17, no. 1. P. 67–83.

Rural settlements of Asiatic Bosphorus: problems of detection and interpretation of data of archaeological explorations

A. V. Batasova

This work is devoted to a problem of analysis and interpretation of data of archaeological explorations. Based on the example of the Solyonyj 3 site on the Taman Peninsula (Fig. 1), the approaches and results of studies made over the years by Ya. M. Paromov and G. P. Garbuzov are compared. The reconstruction and the historical interpretation of life at the Solyonyj 3 site in the Ancient World are submitted. In the structure of the monument there are two regions (“sites”) with the maximum density of the artefactual remains (Fig. 2). The time of functioning of these structures was determined based on

the dating of the material: 6th–3rd centuries BC. The analysis of the composition of the artefactual remains (Fig. 3) allowed us to assume that there was an ancient settlement at the Northern part of the Solyonyj 3 site and there was a necropolis of this settlement at the Southern part of the site. The results obtained after the examination of this monument by Yu. M. Paromov and G. P. Garbuzov at some aspects coincide with our conclusions. The main difference is the historical interpretation of discovered regions of the surface remains which are often interpreted as settlement structures *a priori*. Meantime, it is necessary to make the functional analysis of the composition of the surface remains to make such conclusions. It can shed light on the nature of the “sites”.

Награда за... поражение? (триумф Мурены за победу над Митридатом Евпатором)

Е. А. Молев

Аннотация. В статье исследуются итоги второй Митридатовой войны в оценках античных авторов и современной историографии. Значимость этой войны и интерес к ней у историков нашего времени объясняются, прежде всего, тем, что Аппиан — автор, наиболее подробно описавший ее, считал победителем Митридата, а награду за победу (триумф) получил римский полководец Мурена. Как считает автор данной статьи, это произошло потому, что власть в Риме находилась в руках диктатора Суллы и решение о предоставлении триумфа Мурене было принято лично им. Сделано это было с целью представить собственную деятельность на Востоке как правильную и показать, что военная ситуация в Малой Азии находится под контролем Рима. Но на самом деле это было далеко не так, и уже у младших его современников (Цицерон, Тит Ливий) подобная оценка вызывала вполне законные сомнения.

Annotation. The article considers the results of the second war of Mithridates based on evaluations of ancient authors and modern historiography. Although historian Appian believed that the winner in this war was Mithridates Eupator, the award for the victory was received by Roman warlord Muraena. It is probably explained by the fact that the power in Rome belonged to dictator Sulla and he personally took a decision on giving the triumph to Muraena.

Ключевые слова: Митридат Евпатор, Мурена, Сулла, Мемнон, триумф, империй.

Keywords: Mithridates Eupator, Muraena, Sulla, Memnon, triumph, imperium.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-147-154

Для римлян самой высокой наградой за победу в войне было право проведения триумфа полководцем-победителем (Beard, 2007. P. 1). Заслужить это право было непросто. Его могли получить лишь те, кто имел империй и вели войну в качестве консула или претора¹. С 326 г. триумф присуждался и бывшим магистратам — проконсулам и пропреторам (Develin, 1978. P. 429–430, 437–438). Вопрос

о притязаниях полководца на триумф рассматривался сенатом (Bastien, 2007. С. 196–206). И назначался триумф также сенатом, в редких случаях — постановлением народного собрания². Условия получения триумфа формировались на протяжении длительного периода

¹ О критериях предоставления триумфа (ius triumphandi) см.: Val. Max. 2I, 8; Liv. XXVIII, 38, 4–5; XXXI, 20, 2–7; Plut. Pomp. 14; Cass. Dio. XVII, 56. См. также: Develin, 1978. P. 429–438; главу “Triumphal Decision Making and the SPQR” в книге Pelikan Pittenger, 2008; Lundgreen, 2011. P. 210–213, 215, 219–222, 229–231.

² В новейшее время порядок и правила предоставления триумфов в Риме были подробно рассмотрены с учетом анализа предшествующих исследований в статьях сборника *The Roman Republican Triumph Beyond the Spectacle* ((Analecta Roman Instituti Danici. Suppl. 45). Rome, Quasar, 2014), что избавляет от необходимости излагать этот вопрос более подробно. Но будем обращаться к статьям, которые наиболее близко затрагивают поднятую тему.

и действовали на протяжении всего периода истории Рима (Lundgreen, 2014. P. 19–21).

Но как показывает история Рима, уже в период республики законы и традиции неоднократно игнорировались. Триумфы могли присуждаться полководцам и за сравнительно незначительные успехи, а полководцы, достигшие крупных военных результатов, могли быть лишены этой чести (Liv. 38, 47, 5–6; 35, 6, 8–10; ср.: Lange, 2013. P. 78–80; Lundgreen 2011. P. 206). Исключения могли быть вызваны различными обстоятельствами. Нас интересует одно из таких исключений.

За победы над царем Понта Митридатом VI Евпатором право триумфа получили четыре римских полководца — Сулла (81 г. до н. э. Degrassi, 1947. P. 84, 563), Мурена (81 г. до н. э. Там же. P. 84–85, 563), Лукулл (63 г. до н. э. Там же. P. 84–85, 565) и Помпей (61 г. до н. э. Там же. P. 84–85, 566). Однако реальным победителем царя Понта, доведшим войну до полного разгрома Понта и гибели его царя, был только последний из них. Первый и третий триумфаторы, хотя и одержали немало побед, но всё же не смогли довести войну до полной победы, что было одним из главных условий предоставления триумфа. Валерий Максим приводит в качестве критерия для предоставления триумфа то, насколько важной была победа для государства, отмечая при этом, что он не был предназначен для полководцев, которые не осуществили новых завоеваний, но вернули только то, что уже было Римской территорией (Val. Max. 2, 8, 7). По условиям Дарданского мира, заключенного Суллой, лишь восстанавливался *status quo* довоенного времени, что формально лишало его права на триумф. Лукулл, при всех его завоеваниях, так и не завершил войну, что также не давало ему оснований требовать триумфа. Мурена же, если верить Аппиану (App. Mithr. 66), вообще был разбит Митридатом. Таким образом, во всех этих трех случаях традиция предоставления триумфа в Риме была нарушена (Madsen, 2014. P. 119). Так почему же Мурена всё же оказался в рядах победителей царя Понта? Чтобы ответить на этот вопрос,

рассмотрим еще раз сведения античных авторов об этой войне и полученном Муреной триумфе, а также их интерпретацию в трудах современных исследователей.

Единственным античным автором, который сообщает о причинах второй Митридадовой войны, является Аппиан. Он пишет, что Мурена начал эту не санкционированную ни сенатом, ни диктатором Суллой войну, будучи «охвачен жаждой триумфа — δι' ἐπιθυμίαν θριάμβου» (App. Mithr. 64). Римляне той эпохи не сомневались, что «воинская доблесть, бесспорно, превосходит все остальные» (Cic. Pro Murena, 9, 22). Поэтому это его желание было вполне естественным для любого римского полководца, облеченного соответствующими полномочиями. Но у Мурены, как наместника провинции Азия, таких полномочий не было. Более того, как один из ближайших сподвижников Суллы, он хорошо знал условия Дарданского мира и, будучи назначен на этот пост, должен был лишь «привести в порядок остальные дела в Азии» — τὰ λοιπὰ τῆς Ἀσίας ὑπελέλειπτο (App. Mithr. 64). Думается, что расплывчатость такой формулировки и давала основание Мурене возможность воспользоваться своим положением для последующих военных действий. Тем более, что, с одной стороны, он, судя по сообщению Мемнона (Memn. 36, 1), был утвержден сенатом в качестве военачальника, вероятно, в ранге пропретора (Cic. Pro Murena, 7, 15; Broughton, 1952. P. 61), то есть получил необходимую полноту власти для самостоятельных действий, а с другой — Митридат еще не покинул Пафлагонию и все занятые им районы Каппадокии, которые он должен был освободить по условиям Дарданского договора, что давало Мурене определенные основания применить против него силу на законном основании (Молев, 1995. С. 83). Однако на это он решился не сразу.

Последовательность и характер его действий наиболее полно описаны Мемноном и Аппианом. Первый описывает события следующим образом: «Сенат отправляет военачальником Мурену. Митридат шлет к нему

послов, предъявляя ему договор с Суллой и одновременно прося его утвердить. Но тот не принял посольства... и двинулся против Митридата. Он утвердил власть Ариобарзана над Каппадокией, а на подступах к царству Митридата основал город Экинею... Многие советовали Мурене двинуться к Синопе и повести войну за царскую резиденцию, так как если бы он взял ее, то легко овладел бы и остальным. Митридат, поручив ее значительному гарнизону, сам принялся за ведение войны. В первых стычках войска царя побеждали. Затем успех в битвах стал почти равным, и, наконец, воинственный пыл врагов взаимно ослабел под влиянием битв. Поэтому Митридат отправился в области вокруг Фасиса и Кавказа, а Мурена отступил в Азию, и каждый занялся своими делами» (Мемн. XXXVI; Мемнон, 1951. С. 304–305).

При всей односторонности и тенденциозности автора как историка труд Мемнона является одним из достаточно надежных источников по истории Митридатовых войн, что не раз отмечалось исследователями его творчества (*Laqueur*, 1926. P. 1098; *Дзагурова*, 1951. С. 283–288; *Фролов*, 1974. С. 118; *Murat Aslan*, 2012. P. 403). В нашем случае Мемнон передает явно проримскую версию изложения событий. В ней нет упоминаний о римских грабежах в Каппадокии и землях Митридата, нет сведений о послах сената, передающих запрет на ведение войны, и нет даже каких бы то ни было свидетельств о заключении мира. Но нет и упоминаний о каких-либо выдающихся победах римлян. Это дает основание отнести к его сведениям с определенным скепсисом, отмечая всё же, что его информация не может ни в коей мере служить обоснованием для заслуженного получения Муреной триумфа.

Наиболее подробно излагает события второй Митридатовой войны Аппиан: «Вторая же война между римлянами и Митридатом началась вот с чего. Сулла оставил в Азии Мурену с двумя легионами, бывшими у Фимбрии, чтобы привести в порядок остальные дела в Азии; но Мурена издевательским

образом искал поводов к войне, охваченный жаждой триумфа... Он (Митридат) не отдал еще Ариобарзану всей Каппадокии, но некоторые части ее он и тогда продолжал удерживать за собой... Архелай бежал к Мурене и, подстрекая его, убедил его первым напасть на Митридата. И действительно, Мурена тотчас же через Каппадокию напал на Команы, очень большое поселение, бывшее под властью Митридата, с чтимым и богатым храмом, убил нескольких всадников Митридата, а его посла, ссылавшимся на договор, ответил, что этого договора не видел (дело в том, что Сулла не закрепил письменно договора, но, подтвердив свои слова делом, удалился из Азии. Сказав это, Мурена тотчас же стал заниматься грабежом, не воздержавшись даже от храмовых денег:³ зиму он провел в Каппадокии. Митридат отправил в Рим к сенату и Сулле послов, жалуясь на образ действия Мурены. А тот, тем временем, перейдя реку Галис... быстро прошел по 400 деревням Митридата; царь нигде не встречался с ним, но ожидал возвращения посольства. Нагруженный большой добычей, Мурена вернулся во Фригию и Галатию. Тут посланный к нему из Рима по жалобам Митридата Калидий не передал ему никакого постановления, но с трибуны среди собравшегося народа официально сказал ему, что сенат велит ему воздерживаться от нападения на царя, так как с ним заключен договор. После этого заявления Калидия видели беседующим с Муреной с глазу на глаз; Мурена, не отказавшись ни в чем от своего намерения, даже после этого, двинулся на землю Митридата.

Тогда Митридат, считая, что римляне явно ведут с ним войну, велел Гордию напасть на деревни (по ту сторону реки). Гордий тотчас же захватил много рабочего и вьючного скота, людей, как простых, так и солдат,

³ Любопытно, что Страбон, подробно описавший этот храм, ничего не упоминает о его ограблении Муреной. И это неудивительно, поскольку, как справедливо заметил Дэвид Браунд, «восхищение Митридатом и лесть в отношении римлян у Страбона идут рука об руку» (*Braund*, 2005. P. 233–234).

и стал лагерем против самого Мурены, имея между ним и собой реку. Ни тот, ни другой не начинали, пока не пришел Митридат с гораздо бóльшим войском, и тотчас же около реки произошел сильный бой. Одержав победу, Митридат перешел реку, оказавшись и во всем остальном сильнее Мурены. Мурена бежал на сильно защищенный холм, а когда царь попытался напасть на него и здесь, он, понеся большие потери, бежал по горным местностям во Фригию, по непроезжей дороге, под стрелами врагов, с большими трудностями. Молва об этой победе, столь блестящей, столь решительной с самого начала, быстро распространилась и привлекла многих на сторону Митридата. Митридат, заставив бежать или изгнав из Каппадокии все гарнизоны Мурены, принес Зевсу-Воителю по обычаю отцов жертву на высокой горе... Сочтя недопустимым, что ведется война против Митридата, заключившего договор с римлянами, Сулла отправил Авла Габиния, чтобы передать Мурене строгий приказ не воевать с Митридатом, а Митридата и Ариобарзана примирить друг с другом» (App. Mithr. 64–66; *Аппиан*, 1946. С. 264–265).

Аппиан написал «Римскую историю» между 160 и 165 гг. н. э., находясь при императорском дворе. К этому времени он уже располагал достаточно большим объемом самой разнообразной информации и старался излагать события добросовестно, без отклонения от темы (*Хан*, 1968. С. 85). Несомненно, Аппиан пользовался также тенденциозными мемуарами участников войн с Митридатом VI, в частности Суллы. Весьма вероятно, что с такого рода материалами Аппиан дополнительно знакомился еще по сочинению Тита Ливия. Не исключено, что некоторую информацию он мог почерпнуть и из трудов пропонтийски настроенных авторов. В итоге сведения Аппиана о второй Митридатовой войне можно считать в достаточной мере полными и наиболее достоверными (*McGing*, 1993. Р. 500; *Гуленков*, 2000. С. 69–70). А значит, и его оценка результатов этой войны как поражения римлян заслуживает наибольшего доверия.

Согласно информации, содержащейся в сочинениях Мемнона, Аппиана и ряда других авторов, описывающих события Митридатских войн еще более кратко (Страбон, Ливий, Плутарх, Светоний, Дион Кассий), восстанавливается следующая последовательность самостоятельных действий Мурены. Первой его задачей, с которой он успешно справился, было обеспечение сбора контрибуции с малоазийских городов (App. Mithr. 64). Кроме того, известно, что в 84 г. до н. э. он некоторое время не вполне удачно боролся с пиратами (*Münzer*, 1926. Р. 445; *Короленков*, *Смыков*, 2007. С. 328) и вел незначительные военные действия в Ликии (Strabo. XIII, 4, 17). Еще одной заботой Мурены должно было стать подчинение Митилены на Лесбосе — единственного греческого города, оставшегося верным Митридату и после Дарданского мира (Suet. Iul. 2; *Светоний*, 1966. С. 5; *Смыков*, 2002. С. 59), но он предпочел войну с Митридатом, оставив подчинение Митилены на долю своего преемника.

Судя по тому, что и после заявления Калидия Мурена продолжил войну, можно думать, что переданное этим послом распоряжение не было приказом, и Митридат имел все основания подозревать в нем реальный замысел Суллы продолжать войну (App. Mithr. 65), не желавшего афишировать, пока в Риме еще шла гражданская война, свою стратегию на официальном уровне (*Короленков*, *Смыков*, 2007. С. 328; *Madsen*, 2014. Р. 122). Однако события развернулись не так, как ожидал диктатор. Его ставленник был разбит, и часть Каппадокии, которую Митридат должен был вернуть Ариобарзану, осталась за ним (*Гуленков*, 2001. С. 73–93). Но признание перед лицом сената и сограждан поражения в столкновении с Митридатом не входило в планы диктатора (*Талах*, 2013. С. 104). Именно поэтому Мурена по его приказу вместе с посланцем Суллы Авлом Габинием возвращается в Рим, где справляет свой триумф. Надо полагать, что для этого у него было достаточно добра, награбленного в Каппадокии и Понте. Но кто предоставил ему право на триумф?

Сенат в то время находился под полным контролем Суллы, и потому не будет преувеличением считать, что в основе такого его решения лежало разрешение, а вероятнее, даже прямой приказ Суллы (*Madsen*, 2014. P. 124). Он нуждался в позитивной истории своего правления и для этого связал военные операции Мурены со своими действительно реальными победами. Таким образом, он показывал себя спасителем Рима от столь сильного врага Рима на Востоке (*Plut. Sull.* 34). Было ли это воспринято его современниками именно так — мы не знаем, но вряд ли кто-либо мог в то время возразить диктатору (*Lange*, 2013. P. 73–74). Во всяком случае биография Суллы у Плутарха не дает для этого никаких оснований.

Сам факт предоставления права на триумф Луцию Лицинию Мурене зафиксирован лишь в Капитолийских фастах (*Degrassi*, 1947. P. 84–85, 563; *Rich*, 2014. P. 251), в речах Цицерона (66 г. до н. э. — *Cic. De. imp. Gn. Pomp.* 3, 8; *Cic. Pro Murena.* 4, 8; 5, 11; 7, 15; 41, 88) и в отрывке из труда Грания Лициниана (*Gran. Lic. XXXVI*, 5, 1). Другие греческие и римские авторы, писавшие о Митридатских войнах, об этом не упоминают. Вероятно, им это событие не показалось достаточно интересным. Иное дело — Цицерон. Выступая в защиту сына полководца (тоже Луция Лициния Мурены), он открыто заявляет, что с ним его «соединяет тесная и давняя дружба» (*Cic. Pro Murena.* 4, 8) и долг во имя этой дружбы «будет выполнен мной в полной мере» (*Cic. Pro Murena.* 4, 10). Но и Цицерон всё же замечает, что не всё, сделанное Муреной, соответствует требованиям получения столь высокой награды. Вот его оценки:

1) quem L. Murena, pater huiusce, vehementissime vigilantissimeque vexatum repressum magna ex parte, non oppressum reliquit — «Луций Мурена, его отец, сражался с величайшей неутомимостью и бдительностью и вытеснил его (Митридата Евпатора) почти отовсюду, но не уничтожил» (*Cic. Pro Murena.* 15, 32);

2) Etenim adhuc ita nostri cum illo rege contenderunt imperatores ut ab illo insignia victo-

riae, non victoriam reportarent. Triumphavit L. Sulla, triumphavit L. Murena de Mithridate, duo fortissimi viri et summi imperatores, sed ita triumpharunt ut ille pulsus superatusque regnaret. Verum tamen illis imperatoribus laus est tribuenda quod egerunt, venia danda quod reliquerunt, propterea quod ab eo bello Sullam in Italiam res publica, Murenam Sulla revocavit — «Наши императоры сражались с этим царем так, что возвращались домой со знаками победы, но не с самой победой. Справил триумф Луций Сулла, справил триумф по случаю победы над Митридатом и Луций Мурена, оба — храбрейшие мужи и выдающиеся императоры; но они справили свои триумфы так, что Митридат, отброшенный и побежденный, продолжал царствовать. Впрочем, этих императоров всё же можно похвалить за то, что они сделали, и простить им то, что они не доделали: Суллу отозвали в Италию с войны дела государственные, а Мурену — Сулла» (*Cic. De imp. Sp. Pomp.* 3, 8).

В последней речи, которая является «первой в римской литературе попыткой теоретически сконструировать некую целостную модель идеального военного лидера» (*Махлаук*, 2002. С. 97), Цицерон со всей очевидностью не относит к таковым Мурену. И хотя он и хвалит отца своего друга, но в то же время отмечает факты, которые не соответствуют ему как идеальному полководцу. Современные оценки трудов Цицерона как исторического источника позволяют думать, что он хорошо знал и понимал то, о чем говорит и пишет (*Lintott*, 2008. А, III)⁴. И приводимые им факты деятельности Мурены позволяют думать,

⁴ В главе III части А. Линтотт показывает, что следует остерегаться толкования вне контекста каких-либо мест в речах Цицерона и учитывать то, что автор (Цицерон) отдает предпочтение убедительности перед правдивостью. Характеризуя его работу в целом, В. Дж. Татум заметил, что автор последовательно защищает состоятельность сочинений Цицерона как исторического источника, исходя из его правдивости во всех отношениях (*Tatum*, 2011. P. 191–194). Эта оценка представляется мне недостаточно убедительной, если учесть вышеприведенные высказывания самого Линтотта.

что он, не отрицая факта триумфа, сомневался в его целесообразности. Именно это и обусловило сдержанность его оценок.

Правда, возможен и другой вариант объяснения сомнений в речах Цицерона, особенно в последней. В ней он ставил своей главной задачей объяснить необходимость назначения нового полководца для войны с Митридатом. Для этого он неоднократно подчеркивает силу и могущество понтийского царя (Cic. De imp. Sn. Pomp. 3, 8) и наличие иных причин, помешавших продолжению войны до победного конца. В силу этого его характеристики предшественников Помпея (Суллы, Мурены и Лукулла), при всей их положительности, не могли быть идеальными. Иначе его слушателям было бы непонятно, зачем назначать нового полководца.

Что касается Грания Лициниана, от трудов которого сохранились лишь незначительные отрывки, то этот автор отдавал предпочтение занимательным явлениям, чудесам и поучительным примерам. Время его жизни точно не установлено, но, вероятнее всего, он жил и писал в конце II в. н. э. (The Cambridge History, 1982. P. 735). В XXXVI книге его сочинения перечисляются триумфы Помпея, Мурены и Валерия Флакка. Причем о последних ничего не сообщается, кроме того, что они были, а в описании триумфа Помпея он отмечает как некое необычное явление молодость Помпея и его попытку отпраздновать триумф на слонах: *et Pompeius annos natus XXV, equus Romanus, quod nemo antea, pro praetore ex Africa triumphavit III idus Martias. Qui memorant eodie populum Romanum elephantos in triumpho videri. Sed cum urbem ingrederetur, minorem fuisse elephantis quatuor ad currum unctis portam triumphalem, quamquam his experirentur. Et Murena ex Asia triumphavit, et Valerius Flaccus...* (Gran. Lic. XXXVI, 2.1–5.1) — «и Помпей, когда ему было 25 лет, римский всадник, чего раньше никто не делал, праздновал триумф в качестве претора Африки, на четвертый день перед

мартовскими идами. Некоторые писатели говорят, что по этому случаю римскому народу показали слонов в триумфе. Но когда он въехал в город, Триумфальная арка была слишком мала для четырех слонов, запряженных в его колесницу, хотя они и пытались сделать это дважды. Триумфы праздновали также Мурена из Азии и Валерий Флакк...». Отсутствие описания деталей триумфа Мурены не дает оснований для далеко идущих выводов, хотя не исключено, учитывая специфику интересов этого автора, что этот триумф мог быть включен им в повествование, так как Граний Лициниан соглашался с высказываниями о нем Цицерона.

Принято считать, что произведение Лициниана представляло собой извлечение из трудов Тита Ливия (Schmidt, 1979. P. 868. Ср.: Циркин, 2007. С. 10). Это дает некоторые основания думать, что и в труде последнего — знаменитого римского писателя и несомненного патриота Отечества — оценка триумфа Мурены также не привлекала особого внимания. Может быть, потому что Ливий уже знал мнение по этому поводу Цицерона, он и не счел нужным афишировать «победу» Мурены.

Таким образом, присвоение права проведения триумфа Мурене отнюдь не было объективным. Совершенно очевидно, что оно было обусловлено политической игрой в высших слоях римского общества (Madsen, 2014. P. 117). Принимая триумф Мурены, Сулла создавал впечатление, что его собственная деятельность на Востоке была правильной и военная ситуация в Малой Азии находилась под контролем Рима. Но на самом деле это было далеко не так, и уже у младших его современников (Цицерон, Тит Ливий) подобная оценка вызывала вполне законные сомнения.

Что же касается самой второй Митридатовой войны, то она, вопреки мнению некоторых исследователей (Mastrocinque, 1999. P. 97–99), выглядит событием не большим, чем набег грабителя (Madsen, 2009. P. 236; 2014. P. 123), получившего триумф отнюдь не за реальные военные заслуги.

- Appiani. *Historia Romana*. Leipzig, 1879. 564 p.
- Marcus Tullius Cicero. *De Imperio Cn. Pompei ad Quirites oratio: pro lege Manilia*. Bristol Classical Press, 1966. 117 p.
- Cicero's *Pro L. Murena Oratio*. New York: Oxford University Press, 2013. 224 p.
- Grani Liciniani quae supersunt. Stuttgart: B. G. Teubner, 1967. 58 p.
- Memnon. *De rebus Heracleae* / Ed. C. Müller. *Fragmenta historicorum Graecorum*. Vol. 3. Parisiis, 1849. P. 525–558.
- Plutarch's *Lives*, Vol. IV: Alcibiades and Coriolanus. Lysander and Sulla / Translated by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA: William Heinemann Ltd.; Harvard University Press, 1959. 496 p. (Loeb Classical Library. No. 80).
- Plutarch's *Lives*, Vol. V: Agesilaus and Pompey. Pelopidas and Marcellus / Translated by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1917. 533 p. (Loeb Classical Library. No. 87).
- Geography of Strabo: in Eight Volumes*. Cambridge, Massachusetts; London, Harvard University Press; William Heinemann LTD, 1917–1932.
- Аппиан, 1946 — Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела / Пер. О. И. Севастьяновой // ВДИ. 1946. № 4. С. 231–317.
- Гуленков, 2000 — Гуленков К. Л. Митридатовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди: Сб. науч. ст., посвящ. 60-летию ист. фак-та Казанского ГУ / Редкол. В. Д. Жигунин и др. Казань: [Б. и.], 2000. С. 69–76.
- Гуленков, 2001 — Гуленков К. Л. Вторая Митридатова война и ее последствия // *Studia historica*. Вып. I. М., 2001. С. 73–93.
- Короленков, Смыков, 2007 — Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М.: Молодая гвардия, 2007. 432 с.
- Махлаюк, 2002 — Махлаюк А. В. Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // *Акра: Сб. науч. тр.* / Отв. ред. А. В. Махлаюк. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. С. 96–109.
- Мемнон, 1951 — Мемнон. О Геракле / Введение, пер. и комм. В. П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316.
- Молев, 1995 — Молев Е. А. Властитель Понта. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ им. Н. И. Лобачевского, 1995. 145 с.
- Светоний, 1966 — Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1966. С. 5–34.
- Смыков, 2002 — Смыков Е. В. Митридат и эллины (к вопросу о позиции греческих полисов во время Первой Митридатовой войны) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: ТД VII МНК (17–21 мая 1994 г.)* / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д: Изд-во Рост. н/Д гос. педагогического ун-та, 2002. С. 57–59.
- Талах, 2013 — Талах В. Н. Рожденный под знаком кометы: Митридат Эвпатор Дионис / Под ред. В. Н. Талаха и С. А. Куприенко. Изд. 2-е, доп. и перераб. Киев: Видавель Купрієнко С. А., 2013. 214 с.
- Фролов, 1974 — Фролов Э. Д. Тирания в Геракле Понтийской // *Античный мир и археология*. Вып. 2 / Отв. ред. В. Г. Борухович. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1974. С. 114–139.
- Хан, 1968 — Хан И. Аппиан и Александрия // ВДИ. 1968. № 1. С. 72–86.
- Циркин, 2007 — Циркин Ю. Б. Помпей в политической борьбе 80–70 гг. до н. э. // *Мнемон*. Вып. 6 / Отв. ред. Э. Д. Фролов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 309–328.
- Bastien, 2007 — Bastien J.-L. *Le triomphe romain et son utilisation politique à Rome aux trois derniers siècles de la République*. Rome: École Française de Rome, 2007. 482 p.
- Beard, 2007 — Beard M. *The Roman Triumph*. Cambridge, Massachusetts; London: Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, 2007. 434 p.
- Braund, 2005 — Braund D. *Greek Geography and Roman Empire: The Transformation of Tradition in Strabo's Euxine* // *Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia* / Eds. D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. P. 216–234.
- Broughton, 1952 — Broughton R. *Magistrates of the Roman Republic*. New York: American Philological Association, 1952. Vol. II. 558 p.
- Degrassi, 1947 — Degrassi A. *Inscriptiones Italiae*. Vol. XIII. 1. *Fasti consulares et triumphales*. Roma, 1947. P. 1–142.

- Develin*, 1978 — *Develin R.* Tradition and the development of triumphal regulations in Rome // *Klio*. 1978. Bd. 60. P. 429–438.
- Lange*, 2013 — *Lange C. H.* Triumph and Civil War in the Late Republic // *Papers of the British School at Rome*. 2013. Vol. 81. P. 67–90.
- Laqueur*, 1926 — *Laqueur R.* *Lokalchronik*. PWRE. 1926. Bd. XIII, Hbbd. 25. 1083–1110.
- Lintott*, 2008 — *Lintott A.* *Cicero as Evidence: A historian's Companion*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 480 p.
- Lundgreen*, 2011 — *Lundgreen C.* *Regelkonflikte in der römischen Republik. Geltung und Gewichtung von Normen in politischen Entscheidungsprozessen*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 375 s. (*Historia Einzelschriften*. 221).
- Lundgreen*, 2014 — *Lundgreen Chr.* Rules for Obtaining a Triumph — the *ius triumphandi* once // *The Roman Republican Triumph Beyond the Spectacle* / Eds. C. H. Lange, F. J. Vervaet. Rome: Quasar, 2014. P. 17–32 (*Analecta Romana Instituti Danici. Suppl.* 45).
- McGing*, 1993 — *McGing B. C.* Appian's "Mithridateios" // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. II. 34. 1. Bonn, 1993. P. 496–522.
- Madsen*, 2009 — *Madsen J. M.* Mithradates VI: Rome's perfect Enemy // *Proceedings of the Danish Institute at Athens VI*. Aarhus, 2009. P. 223–236.
- Madsen*, 2014 — *Madsen J. M.* The Loser's Prize: Roman triumphsand Political Strategies during the Mithridatic Wars // *The Roman Republican Triumph Beyond the Spectacle Rome* / Eds. C. H. Lange, F. J. Vervaet. Quasar, 2014. P. 117–130. (*Analecta Roman Instituti Danici. Suppl.* 45).
- Mastrocinque*, 1999 — *Mastrocinque A.* *Studi sulle guerre Mitridatiche*. Stuttgart: F. Steiner, 1999. 129 p. (*Historia Finzelschriften*. 124).
- Murat Aslan*, 2012 — *Murat Aslan*. *Küçük Asya Yerel Historiograflarina Bir Örnek: Herakleia Pontike'li Memnon ve Eseri An Example of Local Asia Minor Historiographers: Memnon of Hraclea Pontica and his Work* // *KAAM Yayinlary*. OLBA. XX. Mersin, 2012. P. 383–406.
- Pelikan Pittenger*, 2008 — *Pelikan Pittenger M. R.* *Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome*. Berkeley: University of California Press, 2008. 384 p.
- Rich*, 2014 — *Rich J.* The Triumph in the Roman Republic: Frequency, Fluctuation and Policy // *The Roman Republican Triumph Beyond the Spectacle* / Eds. C. H. Lange, F. J. Vervaet. Rome: Quasar, 2014. P. 197–258 (*Analecta Roman Instituti Danici. Suppl.* 45).
- Schmidt*, 1979 — *Schmidt P. L.* *Granius Licinianus* // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. 2. Sp. 868.
- Tatum*, 2011 — *Tatum W. J.* Review: *Lintott A. Cicero as Evidence: A historian's Companion* // *Phoenix*. 2011. Vol. 65, no. 1/2. P. 191–194.
- The Cambridge History of Classical Literature*. Vol. 2: *Latin Literature* / Eds. E. J. Kenney, W. V. Clausen. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 154 p.

Prize for... defeat?

(Muraena triumph for a victory over Mithridates Eupator)

E. A. Molev

The article considers the results of the second war of Mithridates based on evaluations of ancient authors and modern historiography. The importance of this war and the interest in it among the modern historians is explained primarily by the fact that Appian — the author who provided the most detailed description of it — thought that Mithridates was the winner but the prize for the victory (a triumph) was received by the Roman warlord Muraena. The author of this article believes that it happened because the power in Rome belonged to Emperor Sulla and he personally took a decision on giving the triumph to Muraena. It was done in order to present his own activity in the East looking correct and to show that military situation in Asia Minor was under the control of Rome. But actually it was far from reality. His younger contemporaries (Cicero, Titus Livius) had well-founded doubts of this characterization.

Боспорские «Ники»¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. Статья посвящена опровержению устоявшегося представления, согласно которому крылатые антропоморфные персонажи женского пола на памятниках античного искусства, найденных в боспорских курганах, изображали Нику. Поскольку присутствие богини победы на предметах погребального инвентаря женских могил не находит должного объяснения, автор предполагает, что женский образ в иконографии Ники получил переосмысление. Судя по изображениям на ритуально значимых предметах, обитавшие на Боспоре варвары в образе крылатой женщины на греческих изделиях видели свое собственное божество, одно из воплощений Великой богини.

Annotation. This article is devoted to refuting of an established concept according to which female winged anthropomorphic characters at monuments of ancient art found in Bosporan burial mounds depicted Nike. The presence of the goddess of victory on object from burial inventory has not been explained. The author assumes that a female role at iconography of Nike has been reconsidered. The images on important ritual objects allow suggesting that barbarian inhabitants of the Bosporus saw their own goddess in the image of the winged woman, one of incarnations of the Great goddess.

Ключевые слова: античное искусство, религия, крылатые антропоморфные персонажи, Ника, Боспор, курганы, Великая богиня.

Keywords: ancient art, religion, winged anthropomorphic characters, Nike, Bosporus, burial mounds, Great goddess.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-155-161

В искусстве греческой архаики подавляющее большинство женских божеств нередко изображалось с крыльями. Таковы Артемида, Афина, Афродита, Ника, Немесида, Эос, Ирида, Эринии, Горгоны и др. (Isler-Kerényi, 1969; Weiss, 1986; Sarian, 1986; Giroux, 1986; Kossatz-Deißmann, 1990; Karamastassi, 1992; Moustaka et al., 1992; Icard-Ginolio, 1997)³.

Эта традиция и иконографически, и семантически восходит к искусству Месопотамии, где крылатой представлялась великая шумерская богиня неба Инанна, а ее аккадский аналог Иштар изображалась с крыльями и птичьими лапами⁴. Ассоциация женского божества с крылатостью на протяжении тысячелетий была столь живуча, что еще у ранних христиан Богоматерь представлялась крылатой (Голан, 1993. С. 173).

Знаменательно, что древнейшими изображениями антропоморфных божеств,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Д-р ист. наук, ведущий науч. сотрудник Отдела истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Еще у Гомера Афина и Гера имеют птичьи черты.

⁴ Эта традиция могла иметь и европейские корни, поскольку среди найденных женских статуэток культуры Триполье-Кукутени есть крылатые (Голан, 1993. С. 173).

обнаруженными на территории Скифии — в «царских» Келермесских курганах, являются изображения именно крылатого женского божества, притом в обличии Владычицы зверей, на зеркале (Шауб, 2007. Рис. 5, а, б) и ритоне (Там же. Рис. 6, а, б) конца VII в. до н. э.⁵ То же божество, но уже в варваризованной форме, представлено на золотой пластине (возможно, от деревянной чаши) из кургана Шахан (Манцевич, 1966. С. 34–35, рис. 7, 11). Поскольку многократные попытки идентифицировать это божество с одной из богинь, известных из письменных источников (Кибелой, Артемидой, Аргимпасой и др.), явно несостоятельны (Шауб, 1999; 2007; 2011), то наиболее адекватным представляется наименование этой Владычицы всего сущего Великой богиней (Шауб, 1999 и др.)⁶. На Боспоре эффектное изображение крылатой Владычицы зверей в обличии Горгоны со змеями в руках представлено на халцедоне начала V в. до н. э. из погребения на Юз-Обе (Шауб, 2007. Рис. 18)⁷.

О том, что скифам и в гораздо более позднее время был близок образ крылатого женского божества, свидетельствуют не только вещи из их курганов, созданные греками, но и изделия собственно скифских мастеров, например бронзовые навершия из Александропольского кургана (Артамонов, 1966. Табл. 189). Здесь же были найдены и железные ажурные пластины, покрытые с одной стороны золотой с вдавленным рисунком,

⁵ Об иконографии представленных здесь персонажей см.: Вахтина, 1998; 2004; 2005.

⁶ Явления, в некотором роде аналогичные предполагаемым для Скифии, наблюдаются и в Греции, где образ Великой минойской богини, ипостазирясь, порождает целый ряд божественных персонажей, но продолжает существовать в народной религии прежде всего в обличии Владычицы зверей. Об этом популярном иконографическом типе и стоящем за ним образе универсальной богини см.: Christou, 1968.

⁷ В Скифии крылатая Горгона представлена на ручке бронзового кратера VI в. до н. э. из кургана Мартоноша (Шауб, 2007. Рис. 11). О Медузе Горгоне как одной из ипостасей Великой богини см.: Шауб, 1992. С. 70–72; Шауб, 2007. С. 95 сл.; Шауб, 2011. С. 83 сл.

с другой — серебряной гладкой обивкой, прибитой серебряными гвоздями. В очень грубой форме здесь представлена крылатая женская фигура (как и на навершиях — в фас) в схеме Владычицы зверей: с обеих сторон она держит за рога оленей (Там же. Рис. 130). Ритуальные функции наверший несомненны; об аналогичной роли блях свидетельствует тот факт, что они подвергались починкам. В обоих случаях явно представлено одно и то же божество, но в разных ипостасях⁸.

В эпоху классики крылатость, прежде характерная для Владычицы зверей и прочих ипостасей некогда всеединой Великой богини Эгеиды, становится отличительной чертой богини победы. Поэтому традиционно считается, что крылатые антропоморфные персонажи женского пола на памятниках античного искусства, как средиземноморских⁹, так и боспорского происхождения (золотых серьгах и подвесках, терракотах, расписных вазах), представляли Нику¹⁰ (за исключением тех редких случаев, когда иконография этого не позволяет), а персонажи мужского пола — Эрота (Скржинская, 2007).

⁸ Так же считал и М. И. Артамонов, называвший это божество «восточной крылатой богиней» (Артамонов, 1966. С. 55). О различных интерпретациях образов крылатого божества на навершии и бляхе см.: Бабенко, 2018. С. 602.

⁹ Изображением Ники считаются даже те памятники, которые, несомненно, представляют иных божественных персонажей. Так, например, объемистый комментарий о Нике сопровождает воспроизведение увенчанного голубем терракотового фимиатерия, подставкой которого служит изображение крылатой женщины (Великая Греция, ок. 500 г. до н. э.) (Ferruzza, 2016. P. 180, 181–187, fig. 53). Поскольку и фимиатерий, и голубь являются атрибутами Афродиты, можно с уверенностью предполагать, что здесь изображена крылатая Афродита.

¹⁰ Аналогичным образом называют Никами свинцовые культовые (вотивные) фигурки в виде крылатой женщины, отливавшиеся в Ольвии (Зайцева, 2004. С. 138–139). Только В. И. Денисова (Пругло) назвала найденную ею фигурку данного типа «персидской Артемидой» (Пругло, 1978. С. 48). Это вызвало категорический протест со стороны К. И. Зайцевой (Зайцева, 2004. С. 138), которая уверена, что на всех подобных памятниках представлена именно «богиня победы».

Однако если образ Эрота (на расписной керамике, женских украшениях или поздних жанровых терракотах) вполне закономерен, то его изображение на краснофигурных погребальных пеликах само по себе необъяснимо. Еще более непонятно наличие Ники на вещах из женских могил, особенно на таких предметах погребального инвентаря, как деревянный саркофаг «царицы» из Куль-Обы, в сюжетах росписи которого неоднократно фигурирует крылатый женский персонаж, управляющий квадригой (Дюбрюкс, 2010. С. 115, ил. 262).

Наличие подобного персонажа, но в полове и с растительными побегам вместо ног, на фронте одного боспорского деревянного саркофага, крылатость змееного монстра, представленного на золотых бляшках из Куль-Обы и ряде аналогичных памятников (схожие стилизованные образы фигурируют на золотых бляшках и украшениях (погребального ложа?) из слоновой кости, найденных в Большой Близнице), а главное, присутствие крылатой женщины на жреческих головных уборах (в погребениях № 1 и № 3 Большой Близницы, на боспорской диадеме из Мюнхена; на подвесках из Павловского кургана (Шауб, 2016. С. 59; 2017. С. 302 сл.) позволяют предполагать не только в змееногих крылатых образах (и их «растительных» аналогах), но и в полностью (за исключением крыльев) антропоморфных их подобиях воплощение Великой богини. В связи с тем, что в роли ее главной ипостаси на Боспоре выступала Афродита Урания, нужно вспомнить о находке в сакральном зольнике Китея ее бюста «в высоком головном уборе, украшенном крыльями лебеда или гуся» (Молева, 2002. С. 99, рис. 2).

Следует особо отметить «Нику», которая изображена на стелгиде из склепа № 1 Большой Близницы сидящей на овечьей шкуре, предмете глубоко сакральном, связанном с представлением о фарне (божественной благодати). Эта композиция явно намекает на то, что присутствующее здесь крылатое божество мыслилось в качестве его подателя (Шауб, 2011. С. 321).

Крылатая женская фигурка с калафом (пóлосом) на голове и тениями в руках,

представленная на височных подвесках из Павловского кургана, равно как и аналогичная богиня (исполненная в рельефе), которая являлась центром композиции на калафе из погребения № 4 Большой Близницы (реконструкцию этого священного головного убора см.: Калашник, 2014. С. 180–181), явно воспринималась не в качестве Ники, которая «выступает как аллегория победоносной красоты» (Там же. С. 112)¹¹, и не просто как олицетворение смерти, мужским аналогом которого выступал Эрот-Танатос (Шауб, 2007. С. 380).

К. Излер-Кереньи полагает, что присутствие крылатых фигур в сюжетных композициях намекает на «божественное вмешательство», на нечто происходящее «свыше» (Isler-Kerényi, 1969. S. 45). Вероятно, это предположение можно расширить, распространив в ряде случаев и на одиночные крылатые персонажи, причем не только на женские, но и на мужские (Эрот, Эрот-Танатос). Важно отметить широкое распространение заимствованного у греков образа Эрота у сарматов и парфян, что, несомненно, было обусловлено тем, что этот образ соответствовал их собственным верованиям.

Характеризуя образ крылатой женщины, часто фигурирующей в греческой вазописи, Х. Хоффман (Hoffmann, 1997. P. 44–45) не без основания связывает его с представлениями о загробном мире, видя в нем символ перехода от смерти в одном состоянии к возрождению в другом. Таким образом, скрытая в этом персонаже семантика прямо соотносится с тайной жизни и смерти на различных уровнях¹².

¹¹ Ю. П. Калашник, отмечая изображение на голове Ники калафа — атрибута божеств плодородия, полагает, что «он служит, вероятно, знаком обещания процветания и изобилия, что можно рассматривать как пример усиления возможностей божества в рамках его обычных функций» (Калашник, 2014. С. 112–113). Любопытно, что «с обратной стороны нижней части серег припаяно по петельке, что, видимо, свидетельствует о каком-то ином первоначальном использовании фигурок» (Там же. С. 112).

¹² Ср. крылатую женскую фигуру — центральный персонаж сцены посвящения — на фреске «Виллы мистерий» в Помпеях.

Поэтому даже тогда, когда в иконографии Ники нет сомнений (как, например, в ее изображении на золотых бляшках из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана (*Трейстер*, 2006. С. 166, рис. 4¹³), весьма вероятно, что (при всех прочих ассоциациях) она могла восприниматься местным населением Боспора как одна из ипостасей Великой богини.

Нет сомнений в том, что именно Ника представлена и на более ранних греческих артефактах (V в. до н. э.) из варварских погребений: летящей — на золотом перстне из гробницы 8 кургана № 17 Нимфея (*Калашник*, 2014. С. 64) и сидящей — на серебряном позолоченном килике из IV Семибратнего кургана (*Горбунова*, 1971. С. 23, рис. 5). Однако трудно предположить, что погребенные здесь варвары в образе крылатой женщины на данных вещах видели персонификацию победы инокультурной для них мифологии, а не свое собственное божество¹⁴. Сказанное можно отнести и к «Никам» на единственной серьге из женского погребения в Куль-Обе (*Калашник*, 2014. С. 144–145)¹⁵, а также к крылатой богине, управляющей квадригой, представленной на знаменитых золотых серьгах, которые были найдены И. К. Айвазовским в одном из курганов Феодосии (*Там же*. С. 196–197). Думается, что наряду с такой чисто эллинской чертой скульптурной композиции серёг, как нагой юноша со щитом, в их украшении присутствует и «варваризм» —

¹³ О том, что данное погребение жреческое, см.: *Шауб*, 2017. С. 318 сл.

¹⁴ Даже в Греции классической эпохи трактовка образа крылатого женского божества не так проста, как кажется на первый взгляд. Так, если причину появления Ники на вышеупомянутом серебряном килике афинского производства из IV Семибратнего кургана объяснить с точки зрения «классической» греческой мифологии вполне возможно, то трактовать аналогичным образом подобное изображение на аттических белофонных лекифах (см., например: *Горбунова*, 1973. С. 20, рис. 2 и 3), специально предназначенных для погребального ритуала, уже весьма трудно. О сложностях трактовки образа «Ники» на южноиталийских вазах см.: *Cambitoglou*, 1954; *Schauenburg*, 1987.

¹⁵ По Ю. П. Калашнику, «Ника здесь — символ торжества красоты» (*Калашник*, 2014. С. 145).

протомы грифонов (перемежающиеся розетками). Аналогичные протомы представлены на почти идентичных с феодосийскими украшениях — серьгах из гробницы № 1012 Херсонеса (*Там же*. С. 206–207) и ожерелье из склепа № 1 Большой Близницы (*Там же*. С. 198–199); знаменательно, что все эти драгоценности входили в ритуальный убор жриц (*Шауб*, 2017. С. 295 сл.). Даже в таком, казалось бы, бесспорном с точки зрения иконографии образе Ники, которая представлена венчающей всадника на погребальном золотом венке III в. н. э. из некрополя Пантикапея (*Калашник*, 2014. С. 260–261), боспоряне явно должны были видеть больше, чем просто изображение персонификации победы.

Чрезвычайно важное значение для нашей темы имеет сюжет, представленный на найденном в кургане Куль-Оба браслете скифского «царя». Здесь полностью доминирует крылатое женское божество, держащее на руках если не безжизненное, то бессильное нагое мужское тело (левая рука мужчины изображена повисшей). Скорее всего, данная иконографическая схема, в которой на аттических краснофигурных вазах представлялся миф об Эос и ее сыне Мемноне (или ее возлюбленном Кефале, которому, согласно мифу, она даровала бессмертие), привлекла заказчика-скифа тем, что он увидел в рассматриваемом изображении одну из ипостасей своей Великой богини (ср. с вышеупомянутой крылатой богиней, которую фланкируют морские монстры (кетосы), на диадеме начала III в. до н. э., найденной на Боспоре)¹⁶. Другой сюжет, изображенный на этом браслете, — борьба Пелея и Фетиды, протейский образ которой является одной из ипостасей Великой богини Эгеиды (*Шауб*, 2012. С. 7, 9); кстати, Фетида иногда изображалась крылатой (*Weiss*, 1986. S. 786; *Giroux*, 1986. P. 848).

Поэтому вполне резонно предположить, что браслет — предмет, который практически

¹⁶ М. Ч. Скржинская без всяких оснований видит в этой тяжеловесной композиции, которая была присоединена к изящному греческому украшению, иллюстрацию не дошедшего до нас эллинского мифа (*Скржинская*, 2010. С. 210).

во всех архаических обществах наделяется сакральными функциями, был особенно дорог «царю» тем, что обеспечивал магическую защиту посредством изображения двух разных воплощений почитавшейся им Великой богини (Шауб, 2012. С. 9).

Трактовка всех рассмотренных выше памятников полностью совпадает с мнением Ю. А. Виноградова, который тонко узрел воплощение Великой богини в образах «Ники» на Большом лекифе Ксенофанта (Виноградов, 2007. С. 49) и на фрагментах аттических краснофигурных ваз из кургана Малая Близница (Виноградов, 2004).

Конечно, отнюдь не любой крылатый женский персонаж на памятниках искусства, происходящих с территории Боспора, может автоматически считаться ипостасью Великой богини. К примеру, в таком качестве вряд ли рассматривалось изображение крылатой женщины на фигурном сосуде из гробницы, открытой в 1852 г. в некрополе Фанагории. Этот персонаж (вероятно, демон) изображен пляшущим возле жертвенника, на котором видны следы крови только что закланной жертвы (Виноградов, Шауб, 2007. С. 221). Возможно, схожую роль загробного демона приписывали «Никам», которые изображены на невысокого

качества аттических краснофигурных лекифах и других небольших сосудах конца V в. до н. э., найденных в могилах боспорян (Пантикапей и Фанагория, 2017. С. 185, ил. 12).

В то же время вряд ли можно сомневаться в наличии какой-то связи между этими персонажами и Богиней всего сущего. Здесь стоит вспомнить интересную иранскую параллель к рассматриваемому нами образу. Это фравашы (зафиксированные уже у мидян) — крылатые олицетворения души женского пола. Они выступают и как творцы мира, и как закованные в броню воительницы, подобные германским Валькириям (Шауб, 2013. С. 79–80). Как бы то ни было, налицо необходимость дифференцированного подхода к тем многочисленным и разнообразным персонажам боспорского искусства, которые называются «Никами» только из-за того, что имеют крылья¹⁷. Поэтому логично заключить, что семантика женского образа в иконографии Ники на Боспоре зависела от контекста.

¹⁷ Стоит отметить, что та же композиция, что и на кульбоском браслете, представлена на одной аттической чернофигурной ольпе конца VI в. до н. э. Однако здесь крылатым женским персонажем с нагой мужской фигурой на руках является не Эос, а Афина (Vermeule, 1979. P. 176, fig. 28).

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия, Советский художник, 1966. 120 с.

Бабенко, 2018 — Бабенко Л. И. Коллекция Александропольского кургана в собрании Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова // Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Издавец Олег Филюк, 2018. С. 591–631 (Курганы Украины. Т. 6).

Вахтина, 1998 — Вахтина М. Ю. К вопросу об иконографии женских божеств на келермесских зеркале и ритоне // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Нестор-История, 1998. С. 67–71.

Вахтина, 2004 — Вахтина М. Ю. Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. 2004. Вып. 7. С. 63–78.

Вахтина, 2005 — Вахтина М. Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 297–399.

Виноградов, 2004 — Виноградов Ю. А. Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. Вып. VII. 2004. С. 89–111.

Виноградов, 2007 — Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.

Виноградов, Шауб, 2007 — Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. Погребения с фигурными сосудами

- из некрополя Фанагории // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 220–224.
- Голан, 1993 — Голан А. Миф и символ. М.: Руслит, 1993. 375 с.
- Горбунова, 1971 — Горбунова К. С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира: Сб. ст. / Ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1971. С. 18–38.
- Горбунова, 1973 — Горбунова К. С. Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / Ред. К. С. Горбунова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1973. С. 16–41.
- Дюбрюкс, 2010 — Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. СПб.: ИД «Коло», 2010. 310 с.
- Зайцева, 2004 — Зайцева К. И. Свинцовые изделия IV–II вв. до н. э. местного производства в Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. ст. к 60-летию М. Б. Пиотровского / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 120–149.
- Калашник, 2014 — Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 279 с.
- Манцевич, 1966 — Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. № 8. С. 23–38.
- Молева, 2002 — Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород: Б. и., 2002. 156 с.
- Пантикапей и Фанагория, 2017 — Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: Каталог выставки. М.: Новые решения, 2017. 439 с.
- Пругло, 1978 — Пругло В. И. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 45–52.
- Скржинская, 2007 — Скржинская М. В. Образ Эрота в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. 2007. № 2. С. 16–24.
- Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2010. 324 с.
- Трейстер, 2006 — Трейстер М. Ю. Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н. э. / Ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 164–190.
- Шауб, 1992 — Шауб И. Ю. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к пленуму ИИМК 26–28 ноября 1991 г. Л.: б. и., 1992. С. 70–72.
- Шауб, 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–224.
- Шауб, 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken; Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб, 2012 — Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // Новый Гермес. 2012. № 5. С. 5–9.
- Шауб, 2013 — Шауб И. Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 78–82.
- Шауб, 2016 — Шауб И. Ю. Золотая диадема из Артюховского кургана // ЗИИМК. 2016. Вып. 14. С. 58–68.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.
- Cambitoglou, 1954 — Cambitoglou A. Groups of Apulian Red-figured Vases decorated with Heads

- of Women or of Nike // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 74. London, 1954. P. 111–121.
- Christou*, 1968 — *Christou A. Ch.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968. 232 S.
- Ferruzza*, 2016 — *Ferruzza M. L.* Ancient terracottas from South Italy and Sicily in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2016. 243 p.
- Giroux*, 1986 — *Giroux H.* Eris // LIMC. 1986. Bd. III. P. 846–850.
- Hoffmann*, 1997 — *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. 228 p.
- Icard-Ginolio*, 1997 — *Icard-Ginolio N.* Potnia // LIMC. 1997. Bd. VIII. P. 1021–1027.
- Isler-Kerényi*, 1969 — *Isler-Kerényi C.* Nike: Der Typus der laufenden Flügelfrau in archaischer Zeit. Zürich; Stuttgart: Eugen Rentsch, 1969. 145 S.
- Karamastassi*, 1992 — *Karamastassi P.* Nemesis // LIMC. 1992. Bd. VI. S. 733–770.
- Kossatz-Deißmann*, 1990 — *Kossatz-Deißmann A.* Iris I // LIMC. 1990. Bd. V. S. 741–760.
- Moustaka et al.*, 1992 — *Moustaka A., Goulaki-Voutira A., Grote U.* Nike // LIMC. 1992. Bd. I. S. 850–904.
- Sarian*, 1986 — *Sarian H.* Erinys // LIMC. 1986. Bd. III. P. 825–843.
- Schauenburg*, 1987 — *Schauenburg K.* Flugelgestalten auf unteritalischen Grabvasen // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts*. 1987. Bd. 102. S. 199–232.
- Vermeule*, 1979 — *Vermeule E. T.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley-Los Angeles; London, 1979. 270 p.
- Weiss*, 1986 — *Weiss C.* Eos // LIMC. 1986. Bd. III. S. 747–789.

Bosporan “Nikes”

I. Yu. Shaub

In the art of Greek Archaic period the vast majority of female goddesses were often portrayed with wings. In Classical epoch wings becomes a hallmark of the goddess of victory. That is the origin of the established conception according to which female winged anthropomorphic characters at monuments of ancient art found in Bosporan burial mounds (golden jewels, terracottas, painted vases etc.) depicted Nike. However, her presence on objects of burial inventory cannot be properly explained. Therefore it is logically to suggest that the female role at iconography of Nike has been reconsidered and its semantics depended on a context. As we can see from the representation on important ritual objects, barbarian inhabitants of the Bosphorus saw in the image of a winged woman on the Greek works of art not a personification of victory from alien mythology, but their own deity, one of the incarnations of the Great goddess.

К вопросу о фронтонном декоре в архитектуре Боспора (по материалам Керченского лапидария)

Н. Л. Кучеревская¹

Аннотация. Статья посвящена архитектурному убранству фронтонов культовых и общественных зданий античного Боспора. На основе анализа хранящихся в Керченском лапидарии архитектурных деталей, скульптур, памятников погребального культа подтверждается существование фронтовой скульптуры. Выделены основные типы декора фронтонов и их прототипы в архитектуре Древней Греции. Подчеркивается символическое значение этого вида пластического искусства.

Annotation. This paper deals with the architectural decorations of pediments of religious and public places of the ancient Bosporus. The analysis of architectural details, sculptures and funeral monuments proves that pediment sculpture existed. We identified the main types of decorations of pediments and their prototypes in the architecture of the ancient Greece. The article highlights a symbolic meaning of this type of plastic art.

Ключевые слова: античная архитектура, Боспор, фронтон, декор.

Keywords: Classical architecture, Bosporus, pediment, decoration.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-162-167

О декоре фронтонов храмов в городах Боспора мы можем судить лишь по косвенным данным. Представление об архитектурном убранстве сооружений Боспора дают элементы декора саркофагов и наверший надгробных стел, перекрытия наисков, а также акротерии, являвшиеся неотъемлемой частью фронтовых композиций.

Доказательства существования фронтовой скульптуры в архитектуре боспорских городов, в частности в Пантикапее, убедительно приводит Г. И. Соколов (Соколов, 1989. С. 65–67) на основе анализа оформления двух пантикапейских стел из собрания Гос. Эрмитажа. На одном из надгробий II в. до н. э., на котором в рельефе вырезаны пятиколонный

портик и сцена увенчания воина богиней победы Никой, в тимпане фронтона помещено рельефное изображение женского божества (инв. № П. 1889.10) (Давыдова, 1990. С. 64–65. № 57). На фронте другой стелы с надписью фиаса (КБН. 75), датированной этим же временем, представлена летящая верхом на лебеде Афродита в сопровождении Эрота (инв. № П. 1876.102) (Соколов, 1989. С. 65).

К собственно фронтовой скульптуре Г. И. Соколов отнес мраморное изваяние поверженной амазонки (рис. 1, 1) из собрания Керченского лапидария (инв. № КЛ-1094) (Соколов, 1973. С. 86, № 84; 1989. С. 65–66; 1999. С. 260–261, ил. 189; Матковская, 2003. С. 171; Античная скульптура..., 2004. С. 128–129, № 70). Эта скульптура была частью многофигурной скульптурной композиции фронтона. Основанием для подобной атрибуции послужили необработанная тыльная сторона и небольшая высота горельефа (7 см),

¹ Канд. культурологии, заведующая отделом «Лапидарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»; ул. Свердлова, д. 7, г. Керчь, 298300, Россия, Республика Крым; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru.

подтесанный угол на тыльной стороне для установки на поле фронтона и характерное для горизонтального положения лежащей фигуры расположение складок хитона (Сokolov, 1989. С. 65). Небольшие размеры (длина 54 см, ширина 32 см) лежащей на земле с приподнятой головой и, вероятно, с согнутой в колене правой ногой амазонки указывают на ее расположение в углу фронтона. Центральная же часть фронтона могла быть заполнена фигурами участников амазономатии, показанными в наклонном и вертикальном (в центре тимпана) положении.

Наличие на Боспоре фронтовой скульптуры подтверждается еще двумя памятниками из Пантикапея.

В тимпане фронтона стелы (инв. № КЛ-221), датированной предположительно II в. до н. э., помещено поясное изображение Гермеса с кадучеем в левой руке (рис. 1, 2) (Бобринский, 1913. С. 125–126, рис. 186; Иванова, 1961. С. 103, рис. 47; Матковская, 2003. С. 171; Античная скульптура..., 2004. С. 60, № 16). Фигура Гермеса, вырезанная в относительно высоком рельефе относительно поверхности плиты, удачно вписана в треугольное пространство фронтона.

На мраморной стеле (инв. № КЛ-1163) с надписью фиаса 82 г. н. э. все внутреннее пространство фронтона занимает горельеф с погрудным изображением Зевса со скипетром (рис. 1, 3) (Чуистова, 1955. С. 207–208, № 3; КБН. 76; КБН-альбом. 76; Античная скульптура..., 2004. С. 62–63, № 18). Верхний центральный акротерий фронтона отсутствует, боковые акротерии выполнены в несоразмерно большом масштабе, на основании чего можно предположить, что архитектурный декор фронтона стелы не является копией реально существовавшего здания. Однако обе стелы подтверждают применение фронтовой скульптуры в архитектуре Пантикапея.

Свидетельство использования скульптурных фронтонов в архитектуре Нимфея дает надгробный рельеф, найденный в одном из Трёхбратних курганов на окраине нимфейского некрополя (инв. № КЛ-1267) (Бессонова,

Кирилин, 1977. С. 128–138; Савостина, 1995. С. 110–119, табл. I, 1,2, табл. II, 1; Зинько, 1996. С. 34–36; Зинько, 1999. С. 190–191, 194; Русяева, 2000. С. 130–134; Античная скульптура..., 2004. С. 55, № 12). В тимпане фронтона наиска, внутри которого помещена фигура совершающей «загробный выезд» богини (Савостина, 1992. С. 361–362), частично сохранилась красная краска. На фоне раскрашенного фона довольно отчетливо выделяется светлый силуэт орла с распростертыми крыльями, умело вписанный в треугольную раму, украшенную сверху невысокими акротериями, а в нижней части — фризом дентикул (рис. 1, 4).

Фронтон греки представляли в виде орла, парящего в небе, и так же называли его *ἀετός* — «орел». Элементы пластического декора дополнялись росписью на гладком фоне тимпана (Молок, 2016. С. 132). На стеле из курганной группы «Три брата» силуэт орла усиливает и удваивает семантический фон фронтона. Этот прием объясняется сакральным назначением надгробия, связанным с идеей посмертного существования, и обусловлен смысловой структурой памятника. В архитектуре центр фронтона также несет смысловую нагрузку порога или «проницаемой границы» и места эпифании божества (Там же. С. 148).

Фронтонная скульптура в античном искусстве была неотъемлема от живописного изображения и служила фоном для полихромной росписи. Очевидно, что и на Боспоре были распространены фронтоны, украшенные орнаментальными мотивами или сюжетными сценами, которые, к сожалению, не сохранились до нашего времени.

В Керченском лапидарии хранятся перекрытия наисков, один из которых, ионического ордера, имеет фронтон с фризом дентикул на нижней плоскости (инв. № КЛ-958) и сохранившимся правым боковым акротерием (Гайдукевич, 1958. С. 70, рис. 23; Буйских, 2009. С. 81, № 57). На гладкой поверхности фронтона явных следов краски не выявлено, однако угадывается абрис диска в центре тимпана.

Второй мраморный наиск в виде фронтонного портика III в. н. э. (Пичикян, 1984. С. 238–240, рис. 87; Буйских, 2009. С. 204.

0 30 cm

1

0 30 cm

2

0 30 cm

4

0 30 cm

3

№ 192) дает достаточно оснований судить об облике фронтонов сооружений коринфского ордера. Тимпан фронтона декорирован круглым щитом. Профилировка верхней части, центральный и боковые акротерии утрачены. Под фронтоном помещен ряд консолей, сохранивших на правой боковой стороне рельеф в виде аканфовых листьев, ниже — фриз дентикул, под ним фриз с растительным орнаментом в виде побегов аканфа. Двухфасциевый архитрав акцентирован шнуром жемчужника и лесбийским киматием. На нижней плоскости вырезаны двухступчатые кассеты с розетками в центре.

Диск, помещенный в тимпане, являлся наиболее распространенным архитектурным декором фронтона, судя по изображениям на надгробных стелах. На реальных фронтонах диски, вероятно, могли быть терракотовыми или бронзовыми.

Неотъемлемой частью ордерного сооружения являются акротерии — в виде центральной пальметты и боковых полупальметт. Представления об их облике дают анфемии, венчающие стелы. Наиболее ранние боспорские анфемии, датированные временем, близким к рубежу VI–V вв. до н. э., имеют в основе пальметту и зеркально расположенные две пары вертикальных S-видных волют. В Керченском лапидарии этот тип представлен двумя акротериями из мрамора (инв. № КЛ-1756) и известняка (КЛ-681) (*Буйских и др.*, 2014. С. 88–101; *Буйских, Кучеревская*, 2014. С. 56–60).

Прототипом акротериев с S-видными (или «лировидными») волютами, вероятно, служил акротерий, венчавший фронтон храма Афины Афайи на острове Эгина (конец

VI в. до н. э. — 480 г. до н. э.), построенный в виде периптера дорического ордера. Материалом для строительства храма, как и в архитектуре Боспора, служил местный известняк, облицовка и скульптуры фронтовой композиции были выполнены из паросского мрамора (*Furtwangler*, 1906). В декоре храма Афины Афайи акротерий фланкирован по обеим сторонам фигурами кор, облаченных в хитоны и гиматии, ниспадающие мягкими складками (*Хабарова*, 2017. С. 136–137).

Сведения об архитектурном убранстве древнегреческих фронтонов дают также саркофаги. Древнейшие саркофаги имели форму простого прямоугольного ящика в виде сундука с плоской, полукруглой или двускатной крышкой. Этот тип, сохранявшийся и позднее, имитирует крышу культового сооружения. «Таманский» мраморный саркофаг, датированный второй половиной IV в. до н. э., имеет форму храма, украшен резьбой в виде архитектурно-орнаментальных фризов, мраморными акротериями на длинных сторонах двускатного перекрытия, позолоченными розетками на розовом фоне углублений в гладких стенках саркофага (*Сокольский*, 1969. С. 21–35). В лапидарной коллекции ВКИКМЗ хранится мраморный угловой акротерий (инв. № КЛ-972), высеченный в монолите с ящиком саркофага. Сохранилась нижняя часть акротерия над гладким обрамлением фронтона, под ним помещены рельефный ионийский киматий и угловая пальметта. Этот акротерий принадлежал крышке «Таманского» саркофага, что было убедительно подтверждено Н. В. Быковской (*Быковская*, 2011. С. 136–142).

К декоративному убранству фронтонов сооружений первых веков нашей эры относятся

Рис. 1. 1 — скульптура поверженной амазонки (ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-1094); 2 — стела с изображением Гермеса на фронте (ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-221); 3 — стела с изображением Зевса на фронте (ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-1163); 4 — рельеф из курганный группы «Три брата» (ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-1267)

Fig. 1. 1 — sculpture of a defeated Amazon (Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. Inventory number KL-1094); 2 — stele with a figure of Hermes on the pediment Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve (Inventory number KL-221); 3 — stele with a figure of Zeus on the pediment Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve (Inventory number KL-1163); 4 — relief sculpture from the burial mound group “Three brothers” (Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. Inventory number KL-1267)

калиптер с фигурным антефиксом в виде маски Медузы (инв. № КЛ-1169) (Античная скульптура..., 2004. С. 131, № 72) и служившие украшением метоп горгонеяны (инв. № КЛ-1266, КЛ-1412) (Там же. С. 132, № 73; С. 133, № 74).

Самое раннее известное скульптурное изображение Медузы сохранилось на западном фронте дорического храма Артемиды в Керкире, датируемом ок. 590 г. до н. э. (Ohly, 1976; Fuchs, 1983. С. 389, abb. 420/430; Молок, 2016. С. 143). С тех пор горгонеяны-апотропеи

становятся одним из самых распространенных в архитектурном декоре мотивов.

Несмотря на скудость сохранившихся источников, существование скульптурного и рельефного декора фронтонов зданий античного Боспора не вызывает сомнений. Хранящиеся в Керченском лапидарии архитектурные детали, скульптуры и надгробные стелы дают представление об архитектурном облике некоторых культовых и общественных построек боспорских городов.

Античная скульптура..., 2004 — Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция: Каталог / Авт.-сост. Т. Матковская, Е. Зинько, Е. Иллариошкина, В. Толстикова, В. Хршановский, А. Кулакова, С. Тохтасьев. Киев: Мистецтво, 2004. Т. I. 256 с.

Бессонова, Кирилин, 1977 — Бессонова С. С., Кирилин Д. С. Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана // Скифы и сарматы / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 128–139.

Бобринский, 1913 — Бобринский А. А. Раскопки в Керчи // ОАК. 1913. № 40. С. 117–127.

Буйских, 2009 — Буйских А. В. Античная архитектура из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво, 2009. 224 с.

Буйских, Кучеревская, 2014 — Буйских А. В., Кучеревская Н. Л. О времени появления надгробных стел в некрополе Пантикапея // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 56–60.

Буйских и др., 2014 — Буйских А. В., Давыдова Л. И., Кучеревская Н. Л. Об одном редком типе погребальных стел из Северного Причерноморья // ДБ. Т. 18 / Ред. А. А. Масленников. 2014. С. 88–101.

Быковская, 2011 — Быковская Н. В. О принадлежности акротерия из лапидарной коллекции

Керченского заповедника к Таманскому саркофагу // Науч. сб. Керченского заповедника. Симферополь: Бизнес-информ, 2011. Т. III. С. 136–142.

Гайдукевич, 1958 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–219.

Давыдова, 1990 — Давыдова Л. И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. — III в. н. э.: Каталог выставки. Л.: Гос. Эрмитаж, 1990. 127 с.

Зинько, 1996 — Зинько Е. А. К семантике образов рельефа из «Старшего» Трёхбратнего кургана // Проблемы археологии и истории Боспора / Ред.-сост. Н. Ф. Федосеев. Керчь: Б. и., 1996. С. 34–36.

Зинько, 1999 — Зинько Е. А. Сакральная скульптура сельской округи Нимфея // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Материалы МНК (декабрь 1999 г.) / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. СПб.: Синтез-Полиграф, 1999. С. 188–194.

Иванова, 1961 — Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев: Мистецтво, 1961. 150 с.

Матковская, 2003 — Матковская Т. А. Декоративная скульптура из Керченского лапидария // IV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. материалов IV Боспорских чтений (Керчь, 20–24 мая 2003 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2003. С. 171–173.

Молок, 2016 — Молок Д. Происхождение фронтонной композиции // Классика и истина. Статьи об античном искусстве / Сост.

- Н. Молок, Е. Савостина, Е. Шарнова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, Дефи, 2016. С. 130–161.
- Пичикян*, 1984 — *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984. 294 с.
- Русяева*, 2000 — *Русяева А. С.* К интерпретации известнякового рельефа из Трёхбратнего кургана на Боспоре // I БЧ. Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность–средневековье): Сб. науч. материалов I Боспорских чтений (Керчь, 4–8 сентября 2000 г.) / Отв. за вып. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2000. С. 130–134.
- Савостина*, 1992 — *Савостина Е. А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1992. Вып. 10. Археология и искусство Боспора. С. 357–386.
- Савостина*, 1995 — *Савостина Е. А.* Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Вып. 1 / Ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар: Армавирский краеведческий музей, 1995. С. 110–119.
- Соколов*, 1973 — *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973. 191 с.
- Соколов*, 1989 — *Соколов Г. И.* О фронтонной скульптуре Боспорского царства // Искусство. 1989. № 11. С. 65–67.
- Соколов*, 1999 — *Соколов Г. И.* Искусство Боспорского царства. М.: МЭИ, 1999. 532 с.
- Сокольский*, 1969 — *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М.: Наука, 1969. 190 с. (САИ. Вып. Г 1-17).
- Хабарова*, 2017 — *Хабарова Ю. В.* Акротериальная скульптура Древней Греции // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История / Гл. ред. И. И. Тучков. 2017. № 2. С. 134–152.
- Чуистова*, 1955 — *Чуистова Л. И.* Надпись фиа-са из Пантикапея // ВДИ. 1955. № 3. С. 207–208.
- Fuchs*, 1983 — *Fuchs W.* Die Skulptur der Griechen. 3-e Aufl. München: Hirmer, 1983. 636 S.
- Furtwangler*, 1906 — *Furtwangler A.* Aegina. Das Heiligtum der Aphaia. München, 1906. 504 S.
- Ohly*, 1976 — *Ohly D.* Die Aegineten. Die Marmorskulpturen des Tempels der Aphaia auf Aegina. Ein Katalog der Glyptothek München. Band I: Die Ostgiebelgruppe. München, 1976. 116 S.

On pediment decoration of Bosporan architecture (based on the materials of Kerch Lapidarium)

N. L. Kucherevskaya

Materials of the Kerch Lapidarium characterize the pediment decoration of the architectural building of the ancient Bosphorus. The statue of a defeated Amazon (Fig. 1, 1) undeniably proves that multi-figure statuary groups were used. The images of ornately shaped pediments on the tops of burial steles from the collections of the Hermitage State Museum and the Kerch Lapidarium (Fig. 1, 2, 3) are the indirect proofs of the existence of pediment sculpture. An example of pediment painting is decorative design of the naiskos on a relief sculpture from the burial mound group “Three brothers” (Fig. 1, 4). The naiskos of the burial building of the Corinthian order from the Lapidarium collection is an example of pediment decoration. Anthemions on gravestones and covers of coffinettes let us understand how acroterions which were on top of pediments of religious and public places looked like. Figured calipters and gorgoneions in the decoration of antefics and metopes perform architectural, ornamental, and protective functions. The pediment itself as a burial symbol conveys the meaning of a doorstep and the place of god’s epiphany.

Некоторые замечания к образу скифской полуженщины-полузмеи у Геродота

А. В. Подосинов¹

Аннотация. В статье анализируются образ полуженщины-полузмеи, описанной Геродотом в IV, 9, и выступающей в качестве прародительницы скифов, а также многочисленные изображения змееподобной богини, в которой часто видят либо иконографический вариант Геродотова персонажа, либо «прорастающую деву». К анализу привлекается описание дев, нижнюю часть которых представляет виноградный куст, в «Правдивой истории» Лукиана (I, 8), который явно пародирует здесь текст Геродота. Есть у Лукиана и другие эпизоды такого пародирования, в частности, он упоминает огромные следы на скале, будто бы оставленные Дионисом и Гераклом (I, 7), что отсылает нас к рассказу Геродота об отпечатке ступни Геракла на скале у реки Тира (IV, 82). Свидетельство Лукиана, возможно, подтверждает мнение историков, видящих в изображении северочерноморских богинь «прорастающих дев».

Annotation. This article analyses the image of half-woman-half-snake described by Herodotus in IV, 9. She was known to be an ancestress of the Scythians. We will also look at numerous images of a goddess who is often seen as either an iconographic variant of Herodotus' character or a "sprouting maiden" (Rankenfrau). The analysis involves descriptions of maidens with lower part in the form of a grape plant in Lucian's "A True Story" which obviously parodies the Herodotus' text. Lucian also has other episodes of such caricature. For example, he references to large footprints on a rock that Dionysos and Herakles would have left (I, 7) which refers to Herodotus' tale about Herakles footprint on a rock near the Tyras river (IV, 82). Lucian's evidence probably confirms an opinion of historians who see "sprouting maidens" in the images of North Black Sea region goddesses.

Ключевые слова: Геродот, Лукиан, пародия, змееногая богиня, «прорастающая дева».

Keywords: Herodotus, Lucian, parody, snake-legged goddess, "sprouting maiden" (Rankenfrau).

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-168-174

Среди легенд о происхождении скифов Геродот приводит и такую: «IV, 8. (3) Когда Геракл прибыл отсюда в страну, называемую ныне Скифией... он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному

предопределению. 9. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он, наконец, прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину деву, которая выше ягодич была женщиной, а ниже — змеей. (2) Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за

¹ Д-р ист. наук, гл. науч. сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Ленинский пр., д. 32а, г. Москва, 119991, Россия; профессор, зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Ленинские горы 1, ГСП-1, г. Москва, 119991, Россия.

такую цену. (3) ...Наконец она, возвратив [коней], сказала: „Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду — ведь у меня от тебя три сына...“» (перевод здесь и далее И. А. Шишовой с участием Е. Б. Новикова).

Полуженщина-полузмея, ставшая родоначальницей скифов, упоминается также Диодором Сицилийским, хотя его версия несколько отличается от Геродотовой (II, 43): «Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами». (перевод П. И. Прозорова с дополнениями В. В. Латышева).

В отечественной историографии змееногая богиня Геродота долгое время считалась скифским хтоническим божеством Апи, которую Геродот отождествляет с греческой Геей (IV, 59). Многие исследователи полагали, что ее образ довольно широко представлен в искусстве Северного Причерноморья на бляшках, ритуальных чашах, в резных изображениях на саркофагах. Скифологи настаивают на местном, скифском, характере «иконографического материала из Северного Причерноморья, где сохранилось значительное количество изображений женского существа «...со змеевидной нижней частью тела» (Раевский, 2006. С. 64). О «змееногости» образа писали в разные годы Н. В. Пятышева (1947), Д. Б. Шелов (1950), А. П. Иванова (1951), Э. А. Грантовский (1960), М. И. Артамонов (1961), В. П. Петров, М. Л. Макаревич (1963), Н. А. Онайко (1970), Д. С. Раевский (1977; 1985), Д. А. Мачинский (1978), С. С. Бессонова (1983), Л. В. Копейкина (1986), Н. В. Анфимов (1987), Ю. П. Калашник (1995), И. Ю. Шауб (1999), А. И. Иванчик (2001), Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин (2005), Д. П. Алексинский (2008) и др.

Так, например, М. И. Артамонов писал о знаменитом изображении богини: «В конском налобнике из Цымбаловой могилы имеется превосходное изображение змееногой богини,

по всей вероятности, той самой, которая почиталась в Гилее. Она одета в строго стилизованную одежду, на голове ее калаф с вырастающей из него пальметткой. Нижняя часть изображения, начиная от бедер, состоит из трех пар змееобразно изогнутых отростков, заканчивающихся головами львиного грифона, орлиного грифона и змеи» (Артамонов, 1961. С. 65). На рис. 1 приведено несколько подобных изображений (рис. 1, 1–4).

Однако в последнее время все чаще археологи и историки высказывают сомнения в том, что на этих изображениях нижняя половина богини представляет собой змею (или змей), скорее и чаще всего там можно видеть растительный орнамент, а само изображение причислять к типу Rankenfrau, по терминологии Савостиной — «прорастающая дева» (Савостина, 1996. С. 72–82; Соколов, 1999; Вахтина, 2005. С. 297–399; Буйских, 2006. С. 127–145; Буiskikh, 2007. Р. 157–181; Скржинская, 2010. С. 193–290; Журавлёв, Новикова, 2012. С. 81–82).

Уже Г. И. Соколов, выступая против традиционного понимания таких изображений, деликатно предполагал, что «змееногости» в них нет; например, его замечание о знаменитой «змееногой» богине из Куль-Обы, хранящейся в Эрмитаже: «Замысловата по контуру фигурная бляшка с так называемой (по-видимому, ошибочно, ноги у нее не змеиные, а в виде растительных узоров) змееногой богиней, держащей маску силена, похожую на известную по фрескам значительно более поздней виллы Мистерий в Помпеях» (Соколов, 1999. С. 195). Для сравнения высказывание того же автора о керченской «змееногой» богине из Керченского музея: «...Название богини „змееногой“ весьма условно, так как побеги, за которые она держится, имеют не змеиные, а растительные формы» (Там же. С. 358).

Решительно отвергла «змееногость» изображений в Северном Причерноморье и связь со скифскими религиозными представлениями многих образов богинь с растительным орнаментом А. В. Буйских, написавшая: «It is high time that the interpretation of images

Рис. 1. Предметы с изображением змееной богини: 1 — золотая бляшка из кургана Куль-Оба, IV в. до н. э.; 2 — каменная скульптура I–II вв. н. э. из Керчи; 3 — таз из кургана Чертомлык, последняя треть IV в. до н. э.; 4 — золотой конский налобник из кургана Большая Цимбалка, IV в. до н. э.; 5 — Rankenfrau из храма Адриана в Эфесе

Fig. 1. Objects with the image of snake-legged goddess: 1 — golden plaque from Kul-Oba burial mound (the 4th century BC); 2 — stone sculpture from Kerch (the 1st–2nd centuries AD); 3 — washbowl from Chertomlyk burial mound (the last third of the 4th century BC); 4 — golden horse frontlet from Bolshaya Tsimbalka burial mound (the 4th century BC); 5 — Rankenfrau from the Temple of Hadrian in Ephesus

containing the figure of the *Rankenfrau* should be removed from the sphere of strictly barbarian mythology — in this case that of the Scythians — to which it is not connected in the slightest (at least in the way it has been interpreted as the “snake-legged goddess”) (*Buiskikh*, 2007. P. 177–178). Известно, что декоративные

мотивы, включающие образ Rankenfrau, были широко распространены во всем античном мире (*Pfrommer*, 1990. P. 75, fig. 7) (рис. 1, 5).

В связи с этой трактовкой «змееной» богини, которая оказывается «прорастающей девой», хотел бы напомнить об одном образе,

рисуемом Лукианом в «Правдивой истории», где на острове в Атлантическом океане живут именно такие женщины с виноградной растительностью в нижней части тела (I, 8): «Пройдя реку (текущую вином. — А. П.) в мелком месте, мы натолкнулись на удивительный род виноградных лоз: начиная от земли, ствол был свеж и толст, выше же он превращался в женщин, которые приблизительно до бедер были вполне развиты, — вроде того, как у нас рисуют Дафну, превратившуюся в дерево в то мгновение, когда Аполлон собирался ее схватить. Из концев пальцев у них вырастали ветки, сплошь увешанные гроздьями. Головы женщины были украшены вместо волос виноградными усиками, листьями и гроздьями. Когда мы подошли к ним, они встретили нас приветствиями и протянули нам руки; одни из них говорили на лидийском, другие на индийском, большинство же на эллинском языке. И они целовали нас в уста. Кого они целовали, тот сразу пьянел и становился безумным. Плодов, однако, они не позволяли нам срывать, а если кто-нибудь рвал гроздь, то они кричали как от боли. Им страстно хотелось соединиться с нами любовью. Двое из наших товарищей исполнили их желание, но не могли потом освободиться, точно связанные ими. Они, действительно, срослись с ними и пустили корни, а потом стали вырастать ветки из их пальцев, — они обвили лозами, не хватало только того, чтобы и они стали производить плоды» (перевод здесь и далее К. В. Тревер).

Вероятно, это единственное описание в античности *Rankenfrau*, которая была столь популярна в изобразительном искусстве всего греческого мира.

Известно, что все повествование Лукиана в «Правдивой истории» построено на пародировании авторов фантастических путешествий, утопий и авантюрных романов, как Лукиан прямо говорит во Вступлении (I, 2): «В нем (сочинении Лукиана. — А. П.) читателя будут привлекать не только своеобразие содержания и прелесть замысла, не только пестрота выдумок, изложенных убедительным и правдоподобным языком,

но и то, что каждый из рассказов содержит тонкий намек на одного из древних поэтов, историков и философов, написавших так много необычайного и неправдоподобного (πολλὰ τεράστια καὶ μυθώδη), и которых я мог бы назвать по имени, если бы ты при чтении сам не догадался, кого я имею в виду».

Современные исследователи, пытаясь догадаться, кого Лукиан имел в виду, находят в его сочинении отклики на эпизоды, образы, стилистику и даже текстуальные совпадения с «Одиссеей» Гомера, Аргонавтикой, Ктесием, Геродотом, Платоном, Аристофаном, Ямбулом, Апулеем, Антонием Диогеном, да и со всей античной литературой (см.: Swanson, 1976. P. 227–239; Swain, 1992. P. 74–76; Georgiadou, Larmour, 1998).

Уже давно текст о виноградоногих женщинах Лукиана связали с Геродотовым описанием змееногой богини, видя здесь пародию на Геродотово описание (см.: Stengel, 1962. P. 14–15; Olliers, 1962. P. 14–15; von Möllendorff, 2000. P. 90–91). Пародирование фантастических эпизодов Геродота у Лукиана неслучайно: он хорошо знал его труд и резко критически оценивал его достоверность.

В «Правдивой истории» Лукиан однажды прямо ссылается на Геродота, описывая Остров Блаженных (II, 5): «...На нас подул удивительный ветер, сладкий и благоухающий, какой, по словам историка Геродота, веет в счастливой Аравии». Геродот в III, 113 действительно упоминает о том, что «вся Аравийская земля благоухает божественным ароматом».

Еще в одном месте «Правдивой истории» Лукиан прямо обвиняет Геродота во лжи: описывая остров, где преступники несли тяжелые наказания, он сообщает следующее (II, 31): «Самые ужасные из всех наказаний претерпевали те, кто при жизни лгали и писали неправду (οἱ ψευδάμενοί τι παρὰ τὸν βίον καὶ οἱ μὴ τὰ ἀληθῆ συγγεγραφότες); среди этих преступников находились книдиец Ктесий, Геродот и многие другие. Глядя на них, я преисполнился доброй надеждой, так как не знал за собой ни одной произнесенной лжи».

В другом своем сочинении, «Как следует писать историю», Лукиан несколько раз упоминает Геродота в качестве одного из историков вместе с Фукидидом и Ксенофонтом (2, 18, 42 и 54). В 42-м параграфе, однако, слышна критика Геродота, когда устами Фукидида он замечает, что Фукидид «не останавливается на баснях, но оставляет в наследие будущим поколениям истину о событиях (μη τὸ μῦθῶδες ἀσπάζεσθαι, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν τῶν γεγενημένων ἀπολείπειν τοῖς ὕστερον)» (перевод С. В. Толстой). Имеется в виду, он это делает в отличие от Геродота, который позволяет себе «любить рассказы» (τὸ μῦθῶδες ἀσπάζεσθαι).

В диалоге «Любители лжи, или Невер» Лукиан еще раз называет Геродота, Ктесия Книдского и Гомера лжецами (2): «Ты сам знаешь лучше меня древних писателей — Геродота, Ктесия Книдского и их предшественников-поэтов, самого, наконец, Гомера — мужей прославленных, письмом закреплявших ложь, благодаря чему они обманывали не только своих тогдашних слушателей: хранимая в прекрасных рассказах и стихах, их ложь (τὸ ψεῦδος) преемственно дошла и до нашего времени» (перевод И. И. Толстого).

Напомню, что в античности часто высказывались сомнения в достоверности Геродотовой исторической информации (см. анализ античных свидетельств: *Hose*, 2004. P. 153–174). Аристотель называл Геродота μυθολόγος (*De gen. an.* III, 7, 756b, 6–7), то есть «рассказчиком баснословного». Напомню, что и Цицерон в знаменитой характеристике Геродота как «отца истории» отмечает в его труде бесчисленные «сказки» — *fabulae* (мифы, выдумки, небылицы), см.: *De legibus*. 1, 5: «et apud Herodotum, patrem historiae, et apud Theopompum sunt innumerabiles fabulae», служащие «для развлечения (ad delectationem)», противопоставленного «истине» (*veritas*) (подробнее см.: *Dunsch*, 2013. P. 153–199). То, что под словом *fabulae* следует понимать именно нечто фиктивное, отличное от *veritas*, показывает классификация Цицерона этих двух понятий в *De inventione* (1, 27): «*Fabula est, in qua nec verae nec veri similes res continentur... Historia est*

gesta res ab aetatis nostrae memoria remota» — «Выдумка — это то, в чем не содержится ничего правдивого или правдоподобного... История — это деяния, отстоящие от памяти нашего времени». Тит Ливий также различает в историческом предании о времени, предшествующем основанию Рима, *poeticae fabulae* и *incorrupta rerum gestarum monumenta* (*Praef.* 6).

В характеристике Геродота у Цицерона важным представляется сопоставление Геродота с Феопомпом из Хиоса, который был знаменит своими историческими фикциями, включая описание утопической Меропиды; Страбон считал, что Феопомп в своих исторических трудах рассказывал басен (*μύθους*) больше, чем Геродот (I, 2, 35). Кстати, в своем сочинении «Как следует писать историю» Лукиан также нелицеприятно отзывается о Феопомпе (см.: II, 59).

В «Правдивой истории» Лукиана есть и еще одно место, которое можно трактовать как пародирование «басен» Геродота. На том же фантастическом острове Лукиан и его спутники находят столб с надписью и каменные отпечатки ступней Геракла и Диониса, маркирующие границы ойкумены, до которых дошли эти античные «путешественники» (1, 7): «Пройдя приблизительно три стадия от моря в лес, мы увидели какой-то медный столб, а на нем греческую надпись, стершуюся и неразборчивую, гласившую: „До этого места дошли Геракл и Дионис“. Вблизи на скалах мы увидели два следа, один большой, другой поменьше, и я решил, что Дионису принадлежит след, который поменьше, первый же Гераклу (ἦν δὲ καὶ ἵχνη δύο πλησίον ἐπὶ πέτρας, τὸ μὲν πλεθριαῖον, τὸ δὲ ἕλαττον — ἐμοὶ δοκεῖν, τὸ μὲν τοῦ ὁ Διονύσου, τὸ μικρότερον, θάτερον δὲ Ἡρακλέους). Почтив их падением ниц, мы отправились дальше».

Параллелью этим отпечаткам является известное свидетельство Геродота об отпечатке ступни Геракла на скале у реки Тира (совр. Днестр) (IV, 82): «Эта страна (т. е. Скифия. — А. П.) не имеет ничего примечательного (θαυμάσια), за исключением рек величайших и многочисленных. О том, что представляется

достойным удивления (τὸ ἀποθωμάσαι ἄξιον), помимо рек и обширности равнины, будет рассказано. У реки Тираса показывают след Геракла, находящийся в скале (ἵχνοϛ Ἡρακλέοϛ φαίνουσι ἐν πέτρῃ ἐνεόν); он похож на след ноги человека, но по величине он размером в два локтя. Так с этим обстоит дело. Я же перехожу к тому, о чем я собирался рассказать с самого начала».

Этот пассаж Геродота, как никакой другой, выдает склонность Геродота к фантастическим, «удивительным» фактам (*fabulae* — в терминологии Цицерона), приписываемую историку всеми античными критиками и сочтенную Лукианом достойной осмеяния: в Скифии нет ничего замечательного, но достоин удивления след Геракла, о котором я сейчас расскажу, после чего можно снова рассказывать «историю».

Итак, Лукиан явно пародирует Геродота, рассказавшего о следе Геракла на скале

(*von Möllendorff*, 2000. P. 83–84), и, по видимому, делает то же самое с двухчастной богиней скифов; при этом он изменяет ее змеиную нижнюю половину на растительную, что, собственно, мы и видим в большинстве изображений в Северном Причерноморье.

Как объяснить такое противоречие?

Возможно, Лукиан, который явно интересовался скифской тематикой (см. его «скифские» диалоги «Токсарис, или дружба», «Скиф, или гость», «Анахарсис, или о гимназиях» и др.), был знаком и с иконографией «змееногой» богини, которая также показана ему более растительной, чем змеиной. Напомню, что местные изображения богини были выполнены греческими мастерами и помимо Северного Причерноморья были популярны во всем греческом мире. В этом случае в тексте Лукиана можно видеть подтверждение наблюдениям археологов о растительном характере нижней части «скифской» богини.

Артамонов, 1961 — Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 57–87.

Буйских, 2006 — Буйских А. В. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. Вып. 11. 2006. С. 127–145.

Вахтина, 2005 — Вахтина М. Ю. IV вв. до н. э. — эпоха расцвета греко-скифской торевтики // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Под ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, 2005. С. 297–399 (Новая античная библиотека).

Журавлёв, Новикова, 2012 — Журавлёв Д. В., Новикова Е. Ю. Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени. Из истории древнего искусства / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2012. С. 80–97 (Тр. ГИМ. Вып. 189).

Раевский, 2006 — Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.

Савостина, 1996 — Савостина Е. А. «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический

альманах. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1996. Вып. 2. С. 72–82.

Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXIV. 2010. С. 193–290.

Соколов, 1999 — Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 529 с.

Buiskikh, 2007 — Buiskikh A. On the Question of the Stylistic Influences reflected in the Architecture and Art of Chersonesos: “Snake-legged Goddess” or Rankenfrau // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 13, no. 3–4. Leiden: Brill, 2007. P. 157–181.

Dunsch, 2013 — Dunsch B. Et apud patrem historiae sunt innumerabiles fabulae. Herodot bei Cicero // Herodots Quellen — Die Quellen Herodots / Hrsg. B. Dunsch, K. Ruffing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 153–199.

Georgiadou, Larmour, 1998 — Georgiadou A., Larmour D. H. J. Lucian’s Science Fiction Novel

- True Histories: Interpretation and Commentary.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. 254 p.
- Hose, 2004 — *Hose M.* Am Anfang war die Lüge? Herodot, der “Vater der Geschichtsschreibung” // Große Texte alter Kulturen. Literarische Reise von Gizeh nach Rom / Hrsg. M. Hose. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. S. 153–174.
- von Möllendorff, 2000 — *von Möllendorff P.* Auf der Suche nach verlogener Wahrheit. Lukians *Wahre Geschichten*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2000. 622 S.
- Olliers, 1962 — *Olliers F.* Lucien. Histoire Vraie. Édition, introduction et commentaire. Paris: Presses universitaires de France, 1962. 100 p.
- Pfrommer*, 1988 — *Pfrommer M.* Wurzeln hermogener Bauornamentik // Hermogenes und die hochhellenistische Architektur. Intern. Kolloquium / Eds. W. Hoepfner, E.-L. Schwandner. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1988. S. 69–80.
- Stengel*, 1911 — *Stengel A.* De Luciani Veris Historiis. Diss. Rostock. Berolini: Typis expressit A. Ebering, 1911. 94 p.
- Swain*, 1992 — *Swain S.* Antonius Diogenes and Lucian // *Liverpool Classical Monthly*. 1992. Vol. 17, no. 5. P. 74–76.
- Swanson*, 1976 — *Swanson R. A.* The True, the False, and the Truly False: Lucian’s Philosophical Science Fiction // *Science Fiction Studies*. 1976. T. 3 (3). P. 228–239.

Some comments on the image of Scythian half-woman-half-snake in Herodotus

A. V. Podosinov

This article analyses the image of half-woman-half-snake described by Herodotus in IV, 9. She was known to be an ancestress of the Scythians. The article also considers numerous images of a goddess who is often seen as either an iconographic variant of Herodotus character or a “sprouting maiden” (Fig. 1). The author summarizes the discussion, which today is leaning in favour of the “sprouting maiden”. The images in the article support such opinion. There are images of Rankenfrau from the Temple of Hadrian in Ephesus (Fig. 1, 5), “sprouting maidens” from the North Black Sea region on different objects: a golden plaque from Kul-Oba burial mound (the 4th century BC) (Fig. 1, 1), a stone sculpture from Kerch (the 1st–2nd centuries BC) (Fig. 1, 2), a washbowl from Chertomlyk burial mound (the last third of the 4th century BC) (Fig. 1, 3) and a golden horse frontlet from Bolshaya Tsimbalka burial mound (the 4th century BC) (Fig. 1, 4). The analysis involves descriptions of maidens with lower part in the form of a grape plant in Lucian’s “A True Story” which obviously parodies the Herodotus’ text. Lucian also has other episodes of such caricature. For example, he references to large footprints on a rock that Dionysos and Herakles would have left (I, 7) which refers to Herodotus’ tale about Herakles footprint on a rock near the Tyras river (IV, 82). Lucian’s illustration probably confirms an opinion of historians who see “sprouting maidens” in the images of North Black Sea region goddesses.

Между Вифинией и Борисфеном: от ристалища Ахилла на Кальпе к прибытию Афродиты в Гилею

Д. К. Браунд¹

Аннотация. О Дионисии Ольвийском мы знаем лишь по нескольким словам, на которые ссылаются, когда речь заходит о реке Кальпа на северном побережье древней Вифинии. Обычно этого автора причисляют к числу немногих писателей Северного Причерноморья, но это маловероятно. Греки обычно называли Ольвию Понтийскую Борисфеном. Кроме того, Дионисий Ольвийский определенно писал об особенностях мифической топографии реки Кальпа, где по преданию Ахилл состязался в беге (как на Тендре и Левке): сюжет и употребление названия «Ольвия» позволяют предположить, что мы, вероятно, можем поместить Дионисия в ряду писателей Вифинии, уделявших внимание этим вопросам, так как Ольвия являлась частью Никомедии, царской столицы Вифинии. Обычно в качестве примера такого рода сочинений приводят малоизвестного Демосфена из Вифинии, а также Псевдо-Скимна. Исходя из общих мифологических связей между Вифинией, соседними регионами и Северо-Западным Причерноморьем, можно предположить, что Афродиту Уранию (которая пришла сюда не из Милета) считали прибывшей в Ольвию по пути, шедшему через Мраморное море, по которому туда добирались греческие мореплаватели.

Annotation. Dionysios of Olbia is known only from a few words quoted in connection with the river Kalpe on the north coast of ancient Bithynia. The author is usually believed to be one of a very few from the northern Black Sea, but that is unlikely. The Greeks usually called the Pontic city of Olbia by the name Borysthenes. In addition, this author clearly wrote about a detail of the mythical topography of the river Kalpe, where Achilles was said to race (as at Tendra and on Leuke): the topic and use of the name Olbia suggests that we should probably locate Dionysios among the many Bithynian writers on such matters, since an Olbia was part of the Bithynian royal capital, Nicomedia. The obscure Demosthenes of Bithynia is discussed as an example of this kind of work, as also Pseudo-Scymnus. Shared mythical links between Bithynia, neighbouring regions, and the north-western Black Sea may suggest that Aphrodite Ourania (who had not come from Miletos) was believed to have come to Olbia by way of the Sea of Marmara, as Greek sailors did.

Ключевые слова: Дионисий Ольвийский, Кальпа, Ахилл, Вифиния, Никомедия, Афродита Урания, Демосфен из Вифинии.

Keywords: Dionysios of Olbia, Kalpe, Achilles, Bithynia, Nicomedia, Aphrodite Ourania, Demosthenes of Bithynia.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-175-190

В начале статьи приведены достаточно известные сведения о топографии и топонимии Северного Причерноморья, особое внимание

уделено району Ольвии с общим устьем рек Гиппанис и Борисфен. Эти факты порождают большие сомнения в справедливости общепринятой точки зрения о том, что малоизвестный Дионисий Ольвийский происходил из Северо-Западного Причерноморья, особенно

¹ Dept. of Classics and Ancient History, CHUMS, Northcote House, Queen's Drive; Exeter, UK EX4 4QJ; e-mail: D.C.Braund@exeter.ac.uk.

если учесть тот факт, что в греческом мире много мест носили названия Ольвия. Далее будут высказаны доводы в пользу того, что, вероятнее всего, он происходил из Ольвии, лежащей напротив города Астака в «Ольвийском заливе», где царь Вифинии Никомед I в III в. до н. э. основал великий город Никомедия. Из сочинений Дионисия нам известен лишь краткий комментарий о реке Кальпа, у которой располагалось ристалище Ахилла. Очевидно, Дионисий знал этимологию названия Кальпы, связывая его с разновидностью состязаний в беге, что могло быть известно греческому автору, происходящему из Вифинии². Это приведет нас к более общим рассуждениям о сочинениях подобного рода в эллинистической Вифинии (Демосфена Вифинского и Псевдо-Скимна) и их влиянии на римлян I в. до н. э. Помимо этого мы видим не только масштаб мифотворчества, касающегося топографии региона, в том числе и суждения о сходстве греков Скифии с греками Вифинии (которое имело множество вариаций), так что Ахилл, например, мог фигурировать там в общих мифологических сюжетах. В конечном счете использование Проперцием вифинских традиций усиливает вероятность существования мифологической традиции, повествующей о прибытии Афродиты в Гилею.

Ольвия против Борисфена: концепции новых миров

В настоящее время в общих чертах установлено, что колониальное поселение на периферии греческого мира развивалось в течение столетий и что сказания об основании колонии возникали, по большей части, на базе устной традиции, существовавшей в самой

² Вопрос заключается не в месте рождения, а в месте, где осуществлялась творческая деятельность: мы можем полагать, например, что Менекрыт, подобным образом соотносимый (см.: FGgH 701) с Никеей и ее окрестностями, скорее всего, работал под покровительством Вифинии (см. ниже). Однако на этом основании нельзя утверждать, что он родился в Никее или даже в Вифинии, хотя, конечно, он вполне мог быть родом и оттуда.

развивающейся колонии. Эти колониальные мифы должны были придать должный вид, мощь и величие неоригинальному городскому прошлому, включив в него богов, героев и описания эпических событий. Конечно, такое истолкование нуждается в том, чтобы мы привели доводы многих состоявшихся научных дискуссий о феномене колонизации, допуская стремительное колониальное движение, предполагавшее момент «большого взрыва», когда первопереселенцы приезжали и сразу же основывали свою колонию. Это также важно для осмысления и более близкой нам по времени картины мира. В частности, борьба колонистов с испытаниями, связанными с освоением новой среды обитания, покажется не такой изнурительной, если мы будем рассматривать ее как часть длительного и поступательного процесса приспособления к новым колониальным условиям, сопровождавшегося конструктивными связями, по крайней мере с некоторыми группами обитателей, ранее населявшими колонизируемое пространство. Действительно, нам будет легче представить, как греческие поселенцы справлялись с трудностями освоения новых миров (с иными климатом, почвами, флорой и фауной, возможностями для охоты и рыболовства и, конечно же, новыми соседями), стоит нам только посмотреть на это не как на совокупность внезапно возникших проблем, а с точки зрения развития новых навыков и связей. Несмотря на то что для ранней стадии трудно выявить конкретные детали подобных процессов, все же достаточно ясно, что в этом случае эволюционное развитие, вероятнее всего, было гораздо более успешным, чем революционное. Мы также располагаем общими представлениями о росте креативности на периферии, безусловно, вызванном новой окружающей средой и ее обитателями. Исследователи, занимавшиеся изучением приграничья, по крайней мере начиная с XIX в., прекрасно представляли себе и эту креативную силу, и обратную связь, идущую от периферии к уже существующим ранее основанным центрам — или же, говоря на языке исследователей греческих

колоний, от колоний к метрополиям и другим основным областям греческого мира³.

Геродот доносит до нас множество сведений (касающихся не только побережья Чёрного моря), которые помогают уловить суть этого креативного процесса. Говоря, например, о Геракле, он демонстрирует набор представлений местных греков о деятельности этого героя в Северо-Западном Причерноморье, что находит подтверждение в случайных эпиграфических находках (Hdt. IV, 8–10). В своем рассказе он недвусмысленно утверждает, что эти представления разделяют греки, живущие в Северном Причерноморье и районе Геллеспонта. Это были не истории, принесенные из мира Средиземноморья, так как они абсолютно не соответствуют многим бытовавшим там преданиям, создававшимся в традициях другого периферийного региона, Великой Греции (Braund, 2019, с подробной библиографией). Следует ясно понимать, что эти представления были не просто малозначащими историями, существовавшими независимо от других сторон культурной и общественной жизни. В частности, для Ольвии культ Геракла объясняется (особенно когда речь идет о Гилее) культовой этиологией. Это касается и всех ольвийских представлений о появлении скифов, об их происхождении от Геракла, которое выражалось не только в кровном родстве, но и в образе жизни. Между тем широкое распространение в скифском мире изображений Геракла может служить наглядным примером того, как версии его подвигов воспринимались местным населением, по крайней мере скифской элитой (процесс этот или протекал мирно, или сопровождался конфликтами, ср.: Hdt. IV, 59). Действительно, привлекательность Геракла в глазах местного населения можно наблюдать и в случае с тирагетами, утверждавшими, что именно в их землях герой превратился в бога, оставив след своей ноги в скале у Днестра⁴.

³ Более подробно об этих спорных вопросах см.: Braund, 2019a. Классическим исследованием о влиянии приграничного местоположения является работа Turner, 1920.

⁴ Hdt. IV, 82. Этот хорошо известный эпизод послужил поводом многочисленных дискуссий: см.

В сведениях о столь обширном мифотворчестве в регионе, с которым были связаны и другие важные персонажи и божества (Анахарсис, Кибела, Скил, Дионис, Афродита Урания, Ахиллес и др.), особо примечательно то, что в них можно, с одной стороны, найти отличия в деталях с традициями и концепциями колониальных регионов, а с другой, — черты, которые были присущи представлениям и в основных районах Греции, и в других местах на периферии. Растущие колонии, коллективно и в каждой общине, развивали свои собственные представления и терминологии. Мы можем выделить в этом процессе ключевые личности, формировавшие традиции и излагавшие свои взгляды публично с целью получить общественное одобрение, как, например, Сириск в крымском Херсонесе (IOSPE. I². 344; см.: Chaniotis, 1988 об этом «историке» и других, ему подобных). В городе бытовало убеждение, что он был основан (хотя бы изначально) Гераклеей Понтийской, расположенной в Вифинии на южном берегу Чёрного моря. Уже для конца V в. до н. э. мы имеем рассказ знаменитого Геродора, который со знанием дела писал о приключениях героя-основателя этого города, самого Геракла. Повествование, состоявшее из историй о его приключениях в Скифии и сопредельных областях, заметно отличалось от тех, которые рассказывали в большинстве областей греческого мира (о Геракле Геродора в Скифии см.: Braund, 2009; 2010; 2016; о культуре Гераклеи см.: Hall, 2019).

Эти мифологические рассказы иллюстрируют широко распространенные на побережье Чёрного моря и вокруг него, как, впрочем, и во всем античном мире, провинциализм и местный патриотизм. Возможно, самым ранним примером, свидетельствующим об этой тенденции, является тот факт, что ольвийские греки называли свой город Ольвией, а себя — ольвиополитами. Так могли их именовать и причерноморские соседи, о чем, например, свидетельствует надпись в честь Нила.

классическую работу: Граков, 1950. Для более позднего времени см.: Braund, 2018. P. 213 (с библиографией).

В основных же регионах греческого мира и вообще на всем пространстве греческой культуры город этот обычно называли Борисфеном, а его жителей — борисфенитами. Геродот взял на себя труд (IV, 18) объяснить тот простой факт, что местное употребление отличается от общепринятого у греков и знакомого большинству его слушателей. В географической терминологии, так же как и в мифообразовании, местное значение названий могло значительно отличаться от считавшегося нормой в других областях. Геродот не вполне ясно объяснил, почему местная практика в этом случае была уникальной, однако он сообщил достаточно для того, чтобы попытаться это понять. Так как он указывает, что в этом локальном мире Ольвия находится более на Гиппанисе, чем на Борисфене, и потому «борисфенитами» здесь считаются (вполне обоснованно) те, что живут непосредственно на Борисфене. Он не упоминает о том, что его слушатели и так знали: что река Борисфен была важным ориентиром для всего региона и носила имя, давно и прочно укоренившееся в греческой культуре. Даже на больших расстояниях название Борисфен было совершенно понятно средиземноморским грекам, даже если оно влекло за собой неточности, имевшие местное значение. Город, который его жителям нравилось называть Ольвией, при взгляде на него издали находился, в общем и целом, в пределах огромной дельты могучего Борисфена, и этого было достаточно. Во всяком случае, как мы увидим далее, в Средиземноморье и даже в самом Черноморском регионе существовало множество других мест, претендующих на название Ольвия.

Эти двойные стандарты прекрасно иллюстрируют данные эпиграфики. Насколько мне известно, в надписях, обнаруженных в самом городе, его жители никогда не называются борисфенитами, однако всегда именуется ольвиополитами. Вместе с тем в надписях, найденных за пределами города, город почти всегда назван Борисфеном, тогда как в городских надписях используется название Ольвия. В текстах, письменных или литературных

источниках, известно ничтожно малое количество исключений, что, по-видимому, указывает на особую ситуацию. К таким исключениям относится почетный декрет, изданный в Томах в честь Нила, выходца из Тиры. В числе его славных дел упоминается и эффективная поддержка тех, кто ходит по морю «в город Ольвию» (εἰς Ὀλβίαν πόλιν: ISM. II. 5₁₆). Хотя текст этот был написан за пределами Ольвии, по своему содержанию он достаточно близок представлениям об этом городе, чтобы сделать это «исключительное употребление» понятным. Ведь в тексте из Том речь идет о благополучном пути из Том в Ольвию и о роли жителя Тиры в процессе, который обеспечивал сообщение и приносил выгоду городам, расположенным вдоль побережья. Следовательно, в этом случае мы даже могли ожидать, что Ольвия будет названа так, как предпочитали ее называть жители самого города. Впрочем, вероятно, что в Причерноморье существовала общепринятая практика называть этот город Борисфеном, как мы видим в позднеархаической надписи Фавла из Боспорского региона (SEG. 48. 1024). Конечно, этот короткий текст оставляет открытой возможность полагать, что его автор указывал не на Ольвию, а на другое, более определенное место (скажем, Березань) или же просто имел в виду неопределенное направление, подразумевавшее, к примеру, в целом район реки Борисфен. Мы не можем ждать от рассматриваемых текстов того, чтобы они демонстрировали заинтересованность в точности и определенности, выходящую за пределы их собственных нужд. Даже в гораздо более официальных контекстах термин «Борисфен» сохранял твердое значение точности предоставленных данных в широком понимании этого слова в той мере, в какой название могло не только указывать на северо-западную часть Чёрного моря, но и на важное расхождение в результатах измерений и на неясность того, что именно подразумевалось — место или же река. Для тех, кто находился за пределами Причерноморья, и для многих, живших в его пределах, такие уточнения не представляли большого интереса или же вовсе были

не нужны (е. г. ILS. 986, из Тибура недалеко от Рима, середина I в. н. э.).

Другим очевидным исключением является знаменитый декрет о монетной чеканке Ольвии — он особенно интересен как исключение, в действительности лишь подтверждающее правило (I. Kalchedon. 16). Эта надпись начинается с упоминания Борисфена, и, тем не менее, далее в ней вместо него употребляется название Ольвия. Более внимательное изучение показывает, что такое употребление не является ни непоследовательным, ни исключительным в общепринятой традиции этого города. Надпись делится на две части: первую строку и остальные. Первая строка представляет собой заголовок — «Для тех, кто плывет в Борисфен», затем следует «в соответствии со следующими правилами» (*kata tade*). Эти слова начинают вторую часть текста, которая воспроизводит основную часть городского декрета. Как обычно, город здесь назван городскими магистратами Ольвией. Однако в заглавии используется название Борисфен, и это происходит вовсе не из-за путаницы или желания определить местоположение какого-либо иного населенного пункта, нежели Ольвии, а потому, что этот документ предназначался для тех, кто входил в Чёрное море и прибывал в Гиерон, где, очевидно, и была установлена надпись. Соответственно, в каждой из двух частей текста использовалась терминология, адресованная, вероятно, двум разным группам людей. Для первой, которую составляли моряки в Гиероне, город назван Борисфеном, но в декрете, имевшем хождение внутри самого города, использовано название Ольвия. Точно так же, когда мы встречаем название Ольвия в свидетельствах, касающихся дипломатических отношений города с его метрополией, Милетом, мы не должны удивляться, что в них используется то название, которое предпочитали горожане (Milet. I, 3, 136).

Что касается отдельных личностей, то самым знаменитым ольвиополитом древнего мира был раннеэллинистический философ Бион. В основном биографическом описании этого философа Диоген Лаэртский всегда

называет его борисфенитом и никогда не пишет о нем как о жителе Ольвии, не соотнося его с этим названием (D. L. 4. 1ff.; cf.: *Kindstrand*, 1976). Это поразительная закономерность. В случае, когда речь шла о городе и его гражданах, в греческом мире обычно вообще предпочитали не употреблять название Ольвия и его производные, используя вместо них Борисфен, борисфениты и тому подобное. Действительно, в античной традиции мы не сможем обнаружить никакого внятного комментария по поводу этой нормы, ни, тем более, ее надежного объяснения. Сами греки, несомненно, были частично осведомлены об альтернативном варианте, но не менее ясно и то (по крайней мере, во времена Геродота), что сам автор мог стремиться к точности в деталях, что предпочитал делать и сам Геродот (Hdt. IV, 18). Столетиями позже, около 100 г. до н. э., в географической поэме был предложен необычный подход касательно появления названия Ольвия. Эту поэму написал для царя Вифинии Никомеда неизвестный автор, которого принято называть Псевдо-Скимном (*Braund*, 2019b). В этом произведении мы не найдем объяснения интересующего нас вопроса, зато обнаружим хронологию:

При слиянии рек Гипанис и Борисфен лежит город, прежде называвшийся Ольвией, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества (Ps. Scymnus. 804–9; перевод В. В. Латышева. SC. I. C. 88).

В этих лаконичных стихах предпринята попытка предложить версию истории города, согласно которой он каким-то образом был известен как Борисфен, затем как Ольвия, а позже опять как Борисфен. Тот факт, что поэт подчеркивает греческое использование названия Борисфен на «третьей стадии», представляется очень важным. Кажется, что поэтому в кратком сообщении говорится о том, что город (или, возможно, просто его местоположение) был известен как Борисфен до того, как греки называли его Ольвией, а после вернулись к его первоначальному названию.

Подобная история, безусловно, соответствует очевидно «греческому» названию Ольвия и явно негреческому (должны ли мы назвать его «скифским»?) наименованию Борисфен. Следует также отметить, что мы имеем здесь еще одно подтверждение того, что для греков было более привычно называть город Борисфеном. Однако это выглядит как попытка дать разумное рационалистическое объяснение факту, что город фигурировал под двумя названиями. У Геродота нет ни единого намека на изменения названий в разные периоды времени, однако, как мы могли убедиться, оба названия были в ходу одновременно. Даже при таких условиях мы можем предположить, что в этих кратких строках содержится некая подсказка, имеющая отношение к колониальной истории места, к тому, как эта история понималась в Причерноморском регионе и, вполне возможно, в самом городе. Эти стихи содержат важные знания и существенные подробности о греческих колониях на Эвксинском Понте, которые нигде более обнаружить нельзя. Царь Вифинии был меценатом, который, вероятно, проявлял особый интерес к названиям и истории греческих поселений, основанных в Понтийском мире. Мы можем быть совершенно уверены в том, что название Ольвия интересовало царя более других, так как его собственный город (или, по крайней мере, какая-то его часть) некогда носил это название, пока в середине III в. до н. э. не был переименован в Никомедию его предком, царем Никомедом I (Steph. Byz. s. v. Nikomedia; см. далее). В отличие от проявляемого вифинским правителем интереса, Страбон, например, не приводит никаких данных о том, что название Ольвия в какой-либо определенный период было более предпочтительным в использовании в устье Борисфена (см.: Strabo. VII, 3, 17, где название Ольвия упоминается в качестве альтернативного).

Необходимо понимать, что мы почти ничего не знаем о том, что думали в самом городе о его прошлом. Вполне возможно, что жители Ольвии также принимали участие в подобных исследованиях. Если это так, то нас не должно удивлять «протоэллинистическое»

предпочтение названия Ольвия названию Борисфен (учитывая или же не учитывая исторический подход Псевдо-Скимна), так как в греческом мире существовало множество городов, называемых Ольвией. В случае с Ольвией Понтийской, где бытовало и альтернативное название (ассоциирующееся с одним из самых знаменитых мировых рубежей, отчетливо соотносившимся с Чёрным морем), имелась очевидная выгода использовать именно его, именуя город Борисфеном. Стефан Византийский приводит длинный перечень городов, носящих имя Ольвия, где Понтийская Ольвия упоминается на втором месте, после Ольвии Италийской (s. v. Olbia). Он, несомненно, знал и о других, например, об Ольвии на Красном море, не включенной в этот список, но также им упомянутой (s. v. Aitolias). Конечно, употреблению названия Борисфен способствовала и устойчивая тенденция давать городам имена местных рек. Таким образом, когда Дион Хризостом описывал свой визит в Ольвию после 100 г. н. э. в своей Борисфенитской речи (Or. 36), он довольно много говорил о реках, не упомянув, однако, об Ольвии. Напротив, в качестве названия города он приводит Борисфен, что было обычной практикой в греческой культуре.

Дионисий Ольвийский

К немногочисленным интеллектуалам и людям искусства, соотносимым с Северным Причерноморьем, обычно причисляют и некоего Дионисия Ольвийского⁵. Мы почти ничего о нем не знаем, так как он упомянут лишь в одном античном комментарии к Аполлонию Родосскому (schol. Ap. Rhod. 2, 658-9). Там по поводу нескольких слов, написанных родосским поэтом (который писал: καὶ εὐρείας ποταμοῖο ἦόνας — «и широкие берега реки (Кальпа)» (Kalpe)), мы можем прочесть следующее примечание: Διονύσιος ὁ Ὀλβιανὸς

⁵ Основной работой на эту тему остается работа: Блаватский, 1978. Правда, положения ее гипотетичны: нет никаких оснований считать Дионисия источником Страбона (Strabo. VII, 3, 49). См. также: Dana, 2011.

ἱστορεῖ τὰς εὐρείας ἦνας λέγεσθαι Ἀχιλλέως δρόμους, «Дионисий Ольвийский утверждает, что широкие берега реки называются ристалищами Ахилла». Обычно этого Дионисия считают жителем Понтийской Ольвии, работавшим в эпоху эллинизма и написавшим в такой манере о ристалище (ристалищах) Тендры, расположенной неподалеку от Ольвии Понтийской или же, возможно, Левки, где также можно представить существование подобной площадки, или же в каком-либо другом месте Северо-Западного Причерноморья, например Бейкуше⁶. Эта общепринятая точка зрения на первый взгляд представляется справедливой, ее часто повторяли в тех случаях, когда речь шла об этом малоизвестном авторе. Однако отмечены и проблемы, связанные с подобной трактовкой.

Во-первых, и это самое важное, мы видели, что (как и в более известном случае, связанном с Бионом), маловероятно, что человека из Понтийской Ольвии называли бы ольвийцем. Скорее, его во всех случаях называли бы борисфенитом в соответствии с общими традициями греческой культуры. Как мы уже видели, житель Понтийской Ольвии мог быть упомянут как ольвиец в исключительных ситуациях, но даже в подобном случае (если мы в состоянии представить себе таковой) мы могли бы ожидать, что его назовут ольвиополитом (ὁ Ὀλβιολίτης). Эта форма в течение некоторого времени встречается у населения Понтийской Ольвии, она употреблялась внутри города и в его окрестностях. Но форма ὁ Ὀλβιανός, использованная античным комментатором, похоже, не засвидетельствована для

⁶ О Тендре, см., например: Hdt. IV, 55 and 76 (ед.); а также *Tinkina*, 2007; *Oller Guzman* (в печати). Представляется важным, что ристалище Ахилла могло быть локализовано также на Левке, например судя по свидетельству Арриана (Arrian. Per. 21.1). По-видимому, Еврипид (Euripides) был согласен с локализацией Арриана Ахилловых ристалищ (мн. ч.) на Левке (Andr. 436-7); несомненно, это было совершенно ясно если не для нас, то для афинских слушателей. Псевдо-Скимн (Ps.-Scymn. 821) использует то же слово, что и Дионисий, ἦν, хотя подчеркивает протяженность и, вероятно, узость, но не ширину. Что же касается Бейкуша и локализации там культа Ахилла, см.: *Nire*, 2006.

населения Ольвии в греческой эпиграфике. Следовательно, нам следует отнестись с большим сомнением к современной интерпретации этого древнего комментария, якобы свидетелем о том, что Дионисий был сочинителем из города Борисфен. Существуют лишь два соображения, которые могли бы побудить нас сохранить некоторую симпатию к идее о том, что этот Дионисий был выходцем из Понтийской Ольвии. Это, во-первых, свидетельство Стефана Византийского о том, что жителю Итальянской Ольвии мог быть дан греческий этникон Ὀλβιανός так же, как и Ὀλβιολίτης. Хотя он и не говорит ничего подобного о Понтийской Ольвии, это сообщение можно было бы интерпретировать и «в пользу» ее жителей. Но обычные и засвидетельствованные формы, как мы видели, от них сильно отличаются. Более того, Стефан предлагает возможную форму Ὀλβιανός (для итальянского города) только во множественном числе, что вполне могло бы навести на мысль, что он встречал это слово только в форме множественного числа и оно использовалось для обозначения жителей Итальянской Ольвии как единого целого или же населения этого города вообще. В Понтийской Ольвии мы встречаем в подобных случаях лишь форму Ὀλβιολίται.

Вторая причина возможного сочувствия не более весома, но может вызвать дополнительный интерес к античному комментарию в целом. Упоминаемые автором «ристалища Ахилла» легче всего связать, как мы видели, с косой Тендры. Предположение, что Дионисия, писателя из Понтийской Ольвии, цитировали как авторитетный источник в рамках широкого ольвийского «локального кода», привлекало современных исследователей, однако интерес древних к Ахиллу и его «ристалищам» был широко распространён⁷, поэтому эти темы не требовали никаких специальных «местных» познаний или заинтересованности. И это вызывает вопросы иного рода. Почему схолиаст вообще решил цитировать

⁷ См. сноску 6, где речь идет о свидетельстве Еврипида.

Дионисия Ольвийского, в то время как в его распоряжении было множество других, более выразительных и авторитетных, источников информации? И какое влияние имели слова Дионисия на то, что сочинил на эту тему Аполлоний?

На самом деле комментарий связан не столько с темой ристалищ Ахилла, сколько с определенной местностью, описанной в поэме Аполлония Родосского. Он писал о широких берегах реки Кальпа. Античный комментатор отмечает, что Дионисий говорил о подобных берегах как о месте ристалищ Ахилла. Там нет ни единого намека на Тендру, и комментарий схолиаста был бы гораздо более уместен, если бы слова Дионисия относились к берегам реки Кальпа. В этом случае мы лучше понимали бы, почему была процитирована неизвестная работа Дионисия. Конечно, можно предположить, что берега Кальпы могли рассматриваться (как Тендра, Левка и, возможно, Бейкуш) в качестве места Ахилловых конных состязаний, по крайней мере так считал Дионисий. Мы не встречаем другого такого местного мифа во всех прочих текстах, хотя нужно отметить, что мы и о Кальпе знаем немного, несмотря на знаменитые размышления Ксенофонта о ее прибрежных областях как о чудесном во всех отношениях, за исключением враждебного местного населения, месте для колониального поселения (*Anab.* VI, 4). В то же время возможность существования такого местного мифа находит убедительное подтверждение в значении слова *kalpe*. Это был особый термин, означавший определенного рода упражнение в управлении лошадью и беге, о чем во II в. до н. э. поведал нам Павсаний, рассматривая последовательность событий, происходивших на Олимпийских играх:

Эта последняя (кальпа) состоит в скачке на кобылах; в конце состязания всадники, соскочив с них, бегут рядом с лошадьми, держась за узду, как в мое время делают так называемые анабаты; у анабатов и участников бега кальпы разница в том, что они носят различные значки и ездят на жеребцах (вместо кобыл) (*Paus.* V, 9, 1, 2; перевод С. П. Кондратьева).

Слова *káλλης δρόμος* подразумевают непосредственную возможность мифотворчества на вифинской Кальпе. В этой форме состязаний нет ничего непонятного. Такой вид состязания как *kalpe* фиксируется в Олимпии на протяжении большей части V в. до н. э., даже если предположить, что известность такого рода соревнований на греческих играх была небольшой (*Harris*, 1972. P. 158–159; *Golden*, 2004. P. 93). Похоже, что в Великой Греции такие состязания были более популярны (см.: *Thuillier*, 1988. P. 382), хотя, например, изображения на монетах Тарента не могут служить точной иллюстрацией *kalpe*, при том что изображения на монетах других центров, особенно Эритреи, представляют этот вид состязаний не очень отчетливо⁸. Однако важным моментом здесь является не популярность или непопулярность *kalpe*, а тот факт, что греки, очевидно, различали слово *kalpe* как означающее этот вид конного спорта (см. также: *Plut. Mor.* 674d–675b). Действительно, слово *καλάζω* означало «Я иду рысью» (*LSJ*, s. v.), в то время как историческое и лингвистическое происхождение топонима Кальпа остается неизвестным. Название разновидности скачек *kalpe* могло легко приводить греков к мысли о том, что она происходит от состязаний, устраивавшихся там в прошлом. Слава этих прибрежных земель как родины быстрых лошадей могла только усилить эту связь (см., например: *Devereux*, 1964 об энетских лошадях Ипполита). Ахилл был главным мифологическим персонажем на территории Северо-Западной Малой Азии. Со времен Гомера он имел репутацию быстрого героя, владевшего к тому же прекрасными лошадьми. Он был бесспорным кандидатом на роль участника *kalpe* на Кальпе. Трудно понять, подталкивало ли представление о его связях с Левкой и Северо-Западным Причерноморьем мифографов представить его в качестве участника ристалищ на Кальпе или же нет. В этой

⁸ *Brauer*, 1974–1975 предполагает со знаком вопроса, что на них была изображена именно *kalpe*. Последующие исследователи в этом явно не сомневались (см.: *Golden*, 2004. P. 93).

связи нужно отметить краткие указания на то, что образ Партенос был важен в местных мифах Северо-Западной Малой Азии, так же как и в мифах областей, лежавших за морем к северу, а связь Партенос с Ахиллом на территории большей части Причерноморья достаточно очевидна (*Braund*, 2018, особенно С. 35, где речь идет о реке Парфений (совр. Бартин); о Геракле в этих регионах см. ранее). Если не принимать во внимание эту цепочку ассоциаций и большое значение Трои в этом регионе, Кальпу в Вифинии, вероятно, можно было бы объяснить с помощью совсем иных слов, так же как и Кальпу на Гибралтаре, так как слово κάλλι могло обозначать и кувшин (LSJ, s. v. κάλλι (B)). При этом мы должны отметить, что Ахилл, культ которого зафиксирован близ вифинской Кальпы, отнюдь не был единственным мифологическим звеном, связывающим этот район с Фессалией⁹. Вероятно, мы приняли во внимание лишь некоторые мелкие фрагменты из сокровищницы греческих традиционных знаний о местном ландшафте побережья Вифинии и близлежащих районов.

Ни о чем нельзя судить с полной уверенностью, однако изложенное позволяет предположить, что схолиаст, скорее всего, решил процитировать Дионисия Ольвийского, потому что последний писал о традиции, согласно которой у Ахилла были скаковые ристалища на берегах Кальпы, вне зависимости от того, знал он или же нет о существовании подобных ипподромов где-либо еще. Так как весьма вероятно, что писатель из Вифинии предложил подобную трактовку этого неясного места, мы можем далее предположить, что Ольвия (маловероятно, что это была Понтийская Ольвия) располагалась в Вифинии. Там Ольвия упоминается как часть того, что стало городом Никомедия (*Steph. Byz. s. v. Nicomedia*), о чем уже говорилось.

Этот вопрос требует осторожности и некоторого пояснения, так как недостаточность

⁹ Так как аргонавты достигли Кальпы, Аполлоний вспоминает миф о Дипсаке и миф о прибытии туда Фрикса на златорунном баране.

содержащихся в античной традиции сведений привела ученых к тому, что они судили об основании Никомедии, опираясь на не самые точные данные, что вполне могло привести к ошибочным выводам. Это прекрасно продемонстрировано в классической работе Д. Ашери, даже если мы и не согласны со всеми деталями его аргументов¹⁰. Основание Никомедии в середине III в. до н. э., очевидно, повлекло за собой синойкизм двух более ранних поселений, а именно Астака и Ольвии. Мы должны отчетливо это представлять, так как современные исследователи часто пренебрегают ролью Ольвии, как показал Д. Ашери в своем исследовании запутанного мифа об основании Никомедии, от которого до нас дошли лишь несколько сюжетных линий (например, *Steph. Byz. s. v. Astacus*), упоминаемых Аррианом из Никомедии.

По-видимому, существовала ранняя связь (отразившаяся, по крайней мере, в мифе) между Астаком и Ольвией, нимфой этой области, о которой мы знаем немного. Если мы отождествим с Ольвией (что кажется нам весьма привлекательной идеей) изображения женской головы на монетах Астака, выпущенных с V в. до н. э., то это даст веские основания для предположения, что эти два поселения были соединены в Никомедию (*Head*, 1911. P. 510; *Asheri*, 1978. P. 95). Если это предположение верно, то создание Никомедом I объединенного поселения вовсе не было таким уж удивительным, как может показаться. В то же время сопроводительный миф представляется укорененным в местных традициях, что увеличивает его значение в связи

¹⁰ *Asheri*, 1978; cf.: *Robu*, 2014. Д. Ашери в своем исследовании о взаимосвязанных традициях беотийцев и мегарцев, возможно, зашел слишком далеко, говоря о незначительной роли культа Посейдона в Мегаре. Мы знаем, что для колониальных процессов была характерна не только религиозная преемственность, но и инновации, как в случае с ролью культа Афродиты Урании в милетских колониях, который, по-видимому, приобрел там большее значение, чем в самом Милете; подробнее см.: *Braund*, 2018, гл. 5 и сл. Интересно также, что мы вновь фиксируем традиции Мегар и Беотии в Геракле Понтийской и, следовательно, в Херсонесе Таврическом: *Braund*, 2018. P. 2.

с основанием поселения: в этом случае он не может считаться грубой выдумкой, созданной в III в. до н. э. в угоду политическим обстоятельствам. Что касается города Ольвии, то можно предположить, несмотря на извечную неопределенность в отношении его точной локализации, что это была та часть нового города, которую Мемнон из Гераклеи Понтийской помещает «напротив Астака». Это хотя бы указывает на географическую связь между двумя поселениями, в связи или же вне связи с Никомедией, на берегу залива, который Мела в I в. н. э. все еще называет *sinus Olbianus* (1. 100) (FGrH 434 F20; Asheri, 1978. P. 94). Конечно, наши ограниченные данные наводят на мысль о том, что Астак также в какой-то мере сохранял свою самобытность даже столетия спустя после создания Никомедии (см.: Asheri, 1978. P. 94, особенно прим. 8). Только по этой причине, если бы мы пожелали отнести Дионисия Ольвийского к периоду более раннему, чем III в. до н. э., например, ко времени, предшествующему образованию Никомедии, подобная датировка не могла бы быть надежной.

О существовании Дионисия вообще забыли бы, если бы не стихи Аполлония Родосского. Здесь, однако, стоит сказать несколько слов о культурной жизни эллинистической Вифинии, в границах которой мы, вероятно, должны его помещать. Таким образом мы сможем в какой-то мере ощутить дух его сочинений. Некоторые их компоненты достаточно ясны. Расположенная на черноморском побережье Гераклеи Понтийская имела богатые мифографические и историографические традиции, а также значительные достижения в области философии, драматургии и искусства. Она была тесно связана с имперскими Афинами, и эти отношения, несомненно, играли огромную роль в культурной деятельности тиранов IV в. до н. э. и широких кругов элиты (подробнее см.: Hall, 2019). Мифографу Геродору, благодаря его большому труду о Геракле, главном божестве города, принадлежит здесь особое место. Чрезвычайно интересно то, что Геродор предложил версию отношений героя со скифами, полностью

отличающуюся от той, которая была традиционной для Ольвии-Борисфена. Хотя мы не думаем, что он писал об Ахилле на берегах реки Кальпа (при всей ее близости к городу), его обработка сюжета о Геракле показывает, что вифинский автор, вероятно, придерживался совершенно иной версии регионального мифа. Потому что герой Геродора научился стрельбе из лука у скифа, тогда как в рассказе Геродота, составленном на основе того, что он услышал в Ольвии-Борисфене и округе, говорится, что скифы научились у Геракла обращаться с луком и переняли от него много других навыков (Braund, 2010; cf.: 2016).

Однако мы знаем гораздо меньше о писателях, живших в геллеспонтских городах Вифинии в V в. до н. э. и позже, до прихода сюда Рима, образования провинции Азия и последовавших затем Митридатскими войн. Нет необходимости в том, чтобы рассматривать здесь все эти события, но мы можем быть уверены, что цари Вифинии, как и другие эллинистические правители, были заинтересованы в развитии культуры при своих дворах. Замечательная географическая поэма Псевдо-Скимна, написанная для царя около 100 г. до н. э. и изложенная научным языком современной литературной теории, может служить иллюстрацией потенциальных возможностей царского покровительства и его результатов. Хотя особый интерес в Никее Вифинской вызывает Парфений благодаря своей интересной мифографии и поэтическому мастерству, мы, вероятно, все же должны рассматривать его труды в более широком контексте культурного мира Вифинии. Этот мир, конечно, был частью эллинистической культуры (что, например, отчетливо отражено в замечаниях Псевдо-Скимна о царском патронаже в Пергаме и его результатах). Когда представители культурной римской элиты и близких к ней кругов (Цезарь, Меммий, Катулл и другие) прибыли в Вифинию, они обнаружили, что регион находится под военным, политическим и экономическим гнетом, но в то же время здесь процветают все виды литературы и мифотворчества. Конечно, Цезаря, например, особенно интересовала

близость Трои, тогда как в рассказах о Геракле и всем цикле греческих мифов можно было обнаружить темы, имевшие непосредственное отношение к действительности, новые ракурсы и детали, как в очень короткой истории об Ахилле у реки Кальпа или же в более пространственных преданиях об аргонавтах, о его родителях Пелее и Фетиде; здесь также можно было увидеть замечательные местные культы и встретить людей, которые их практикуют (см.: *Wiseman*, 1985; cf.: *Braund*, 2019b).

Демосфен Вифинский

Вопросу о том, в чем выражалось (если отбросить обоснованные сомнения) влияние вифинской мифографии на римскую поэзию Проперция, уже было уделено большое внимание (*Cairns*, 2011; cf.: *Hutchinson*, 2013, P. 109–113). Здесь стоит поговорить об этом подробнее, так как этот вопрос связан с эллинистической культурой Вифинии и ее приоритетами, а также ее проявлениями в Риме. Мы можем поразмышлять о том, что общего было у Демосфена и Дионисия Ольвийского, даже если это и не обещает нам новых открытий. О Демосфене мы знаем больше, чем о его вифинском собрате. Исходя из дошедших до нас фрагментов, его можно считать эллинистическим автором, хотя поверхностный критицизм Полибия (см. далее) делает его, по меньшей мере, на столетие, а возможно, и на два или три, старше Проперция, жившего в эпоху Августа. Рассмотрев несколько дошедших до нас фрагментов текстов Демосфена, мы отметили несколько сюжетов, сходных с теми, которые затронуты в рассказах Дионисия про ристалища Ахилла на Кальпе — культ Зевса Тарентийского в вифинском Тарасе (FHG fr. 1); существование Тарса в Вифинии (fr. 2); покрытая травой гора Тевмесс (fr. 3); Александрия в Трояде (fr. 4); скрытые опасности пещеры Геры близ Халкедона, как Демосфен, поселенец на берегах Артаки во Фригии близ Геллеспонта (fr. 6, далее мы скажем об этом подробнее), передавал это название (fr. 5); гора Косс в Вифинии (fr. 7); изобретения карийцев (fr. 8); идиосинкратическая традиция, согласно которой Амастрий

в Пафлагонии получил свое название от имени амазонки (cf.: *Eustath. ad Dionys. Per.* 828), а не по имени жены Дионисия, тирана Гераклеи Понтийской (fr. 9); упоминание Аполлонии во Фракии как ионийского города (fr. 10); нетрадиционная орфография для Дорилея во Фригии (fr. 11); город Кресса в Пафлагонии, основанный Мерионом после Троянской войны и захваченный Зиаэлом, сыном Никомеда I (fr. 12); фессалийский обычай объяснять название города Олизон (fr. 13); Лампсак, основанный Приапом, сыном Диониса и Афродиты (fr. 14); трактовка слова Халкея в Ливии как названия города, которое Полибий объявил ошибочным (fr. 15). Здесь Демосфен писал о том, что было в значительной мере за пределами его обычного региона, возможно, его привлекло место под названием Халкедон, и потому у нас нет сомнений в его авторстве, в поддержку которого высказался даже Полибий, сообщавший о неосведомленности Демосфена в ливийском вопросе. Наличие в прибрежном районе Вифинии крепости под названием Либисса может также быть существенным фактом (*Steph. Byz. s. v.*). Так как Стефан не считал Демосфена вифинцем, приведенная выше цитата Демосфена является единственной в его большом труде. Демосфен был также одним из приверженцев вифинской идеи о том, что фракийцы перешли в Азию в то время, когда там находились киммерийцы и их предводитель Патар (*Pataros*) основал в Пафлагонии город Тиос, назвав его согласно одному из вариантов имени Зевса¹¹.

Принимая во внимание факт, что все исследуемые нами фрагменты текста Демосфена сохранились в единственной работе Стефана Византийского, мы вполне можем допустить, что смысл его записей был искажен. Конечно, так как почти все было взято из его «Вифиники», мы не можем быть полностью уверены в его *Ktiseis*. Однако труд о Вифинии, несомненно, был огромным и состоял,

¹¹ *Steph. Byz. s. v. Tios*; см.: *Magie*, 1950. P. 1193, прим. 28 к Арриану и далее. Современный лингвистический комментарий см.: *Lubotsky*, 2004. У нас есть свидетельство, что Демосфен посетил Дрепанон в Вифинии (*Steph. Byz. s. v.*).

по меньшей мере, из десяти книг, написанных стихами. Также ясно, что он был в основном посвящен Вифинии, но мы полагаем, что автора могли привлекать и другие районы, особенно соседние с Вифинией, куда (не только во время войны) могли ездить вифинцы. Исключительно большой объем «Вифиники» свидетельствует о чрезвычайно широком освещении выбранной автором темы, что, в свою очередь, могло соответствовать его стремлению показать Вифинию как чрезвычайно значимую область. Имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты могут быть характерны или же нехарактерны для всей его работы, но они демонстрируют склонность автора к описанию топографии, местных мифов, языковых особенностей, что в большой степени соответствует поэтике Псевдо-Скимна и тому, что мы могли бы легко представить в сочинениях Дионисия Ольвийского. Особенно выразительным в этой связи является фрагмент 13, так как здесь фигурирует греческий герой — скорее Мерион, чем Ахилл, прославленный (по меньшей мере) в вифинском контексте. Согласно этой традиции, герой пришел после Троянской войны из Пафлагонии и основал Крессу. Здесь важно и то, что Гомер особо упоминает Мериона как танцора, а представления этого автора о танцующих воинах были далеко не абсурдны (*Iliad.* 16.617–18 (Meriones); cf.: 7.238–41 (Гектор, Арес); подробнее см.: Braund, 2019b о военных и других танцах в Вифинии и Пафлагонии). Несмотря на то что Стефан не дает удовлетворительного объяснения, какое же значение все это имело для Вифинии, он сообщает достаточно, чтобы привести нас к мысли, что захват города Зиаэлом был ключевым моментом, привлечшим внимание автора к этому сказанию. Если это так, то мы можем предположить, что его работа написана после этого события, произошедшего во времена правления вифинского царя (Зиаэл правил в 254–228 гг. до н. э.) и примерно до конца II в. до н. э., к этому времени относится и критика Полибия. Названные даты, окружение и интересы Демосфена, кажется, вполне соответствуют тому, что мы можем представить и для нашего

малоизвестного Дионисия: это соответствие выражается в упоминании вифинских «двойников» для чужеземных феноменов, обращении к Гомеру и даже в интересе к Фессалии.

Для изучения Дионисия Ольвийского еще более интересен, хотя и в гипотетическом смысле, фрагмент 6. Если верно то, что фрагмент 6 Демосфена в некотором смысле восходит к грезам Проперция о возможных странствиях его возлюбленной Кинфии (Cairns, 2011), то мы должны отметить, что Проперций и, возможно, Демосфен связывали Артаку, расположенную на том же полуострове, что и Кизик, с Гилеей недалеко от Понтийской Ольвии. Если в соответствующей рукописи вопросы были изложены именно таким образом, то мы имеем здесь образец поэзии, ведущей свое начало от бытовавших в Вифинии представлений о путешествиях, которые, вероятно (Проперций почти ничего об этом не говорит), предпринимались из Гелеспонтской Фригии в Северо-Западное Причерноморье. Мы можем отметить существующие между этими регионами связи, которые вполне согласуются с декретом, помещенным северными ольвиополитами в вифинском Гиероне (см. ранее). Эти связи также могли способствовать «перенесению» Ахиллова ристалища с берегов Кальпы на север, на Тендру и в другие места этого региона.

Однако существует еще один важный момент для тех, кто изучает древнюю историю Причерноморья. Гилея представляется необычным пунктом назначения как для Кинфии, так и для любого другого путешественника. Анахарсис не высадился там на берег¹². Гилея была местом диким и опасным, где город Ольвия отправлял свои важнейшие культы. Она была также ключевой точкой для историй, относящихся к этиологии ольвийских культов. Особенно отчетливо эта связь прослеживается для культов Геракла и Кибелы, но не стоит исключать и другие. Среди

¹² Геродот (*Hdt.* IV, 76, 4) писал о том, что Анахарсис высадился на берег в Скифии и затем укрылся (*καταδύς*) в Гилее, чтобы провести обряды, посвященные Кибеле, сменив открытую степь на укрытие под кронами растущих здесь деревьев.

важных богов Ольвии Понтийской, связанных с Гилеей, мог быть и Аполлон: то обстоятельство, что Аристей, выйдя из окрестностей Артаки, возможно, прошел недалеко от Гилеи на своем пути на север, к исседонам, скорее всего, не было простым совпадением (Hdt. IV, 13). Было бы совсем неудивительно, если бы Ольвия заявила притязания на связь с этим знаменитым милетским колониальным чудотворцем, поэтом и служителем Аполлона¹³.

Однако, как я полагаю, для любовной поэмы Проперция Афродита была гораздо важнее. Путешествуя из Артаки в Гилею, Кинфия следовала бы по пути Афродиты из одного ее жилища к другому. Потому что во фрагменте 6 Демосфен рассказывает о человеке, поселившемся в Артаке, где упоминает также и местную Афродиту, имевшую там святилище. Несмотря на то что этого поселенца обычно считают мужчиной, греки допускали, что персонаж этот на самом деле мог быть женщиной и богиней. Сохранился фрагмент, принадлежавший Стефану Византийскому, который завершает описание его прибытия в Артаку такими словами:

καὶ Ἀρτάκιος εἶπε Δημοσθένῃς ἐν θ Βιθυνιακῶν, 'νάσσατο δ' Ἀρτακίοισιν ἐφέστιος αἰγιαλοῖσιν'. οὕτω γὰρ αὐτόθι ἡ Ἀφροδίτη καλεῖται.

И Демосфен в 9-й книге своей «Вифиники» сказал Ἀρτάκιος, и она поселилась на берегах Артаки. Это потому, что так там называется Афродита (Steph. Byz. s. v. Artace).

Стефан не пишет о том, что поселенец, упомянутый Демосфеном, был Афродитой, но он, по крайней мере, засвидетельствовал здесь существование ее святилища. Упоминание Стефаном богини в дополнение к приведенной цитате из вифинца свидетельствует в пользу предположения, что на самом деле Демосфен действительно писал о ней. Если мы примем это предположение, то должны задаться вопросом: направлялась ли Афродита,

подобно Кинфии, в Гилею? Мы знаем, что в Ольвии Понтийской эта богиня играла важную роль, знаем и то, что она была не просто частью пантеона, принесенного из Милета. Однако о ее прибытии в Ольвию нам ничего неизвестно. Тот факт, что даже в эпоху архаики ее называли (иногда) сирийской богиней, указывает, что, вероятно, существовало некое повествование о ее прибытии издалека (Braund, 2018. P. 192). В использовании текста Демосфена Проперцием, правда, опосредованном, мы можем увидеть намек на то, что были люди, полагавшие, что она приезжала в Гилею из Артаки, где находилось ее святилище.

Заключение

По моему мнению, вышеизложенное дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, мы должны считать Дионисия Ольвийского гражданином одной из многочисленных общин, ни одна из которых не носила название Ольвия Понтийская. Пока же, на основании того, что он был борисфенитом, можно предположить, что он, скорее всего, был воспитан на мифографических и географических традициях Вифинии, что явственно следует из его интереса к малоизвестным берегам реки Кальпа. Мы, возможно, должны помещать его в Вифинской Ольвии, бывшей частью агломерации, возникшей в результате синойкизма, который в середине III в. до н. э. привел к созданию Никомедии. Его локализация Ахилла на Кальпе может быть понята в рамках связей Вифинии с событиями Троянского цикла и созданием местной мифологии, которая соединила разные и порой противоречивые традиции, бытовавшие в западной части Чёрного моря.

Во вторых, с меньшей уверенностью можно говорить о том, что Демосфен Вифинский (250–150 гг. до н. э.?) был еще одним писателем в рамках этой вифинской культурной традиции, с интересами, перекликающимися с интересами Дионисия. Правда, об этих общих темах можно судить лишь приблизительно, на основании немногих сохранившихся фрагментов. К этой традиции можно отнести и Псевдо-Скимна и поразмышлять

¹³ Отметим, что имя Кинфия напоминает об Аполлоне.

о потенциальных возможностях царского патронажа для Дионисия и Демосфена, творчество которых (насколько мы можем судить) имело ценность для царя Вифинии в условиях соревновательной культурной политики эллинистического мира. Интерес Рима к культурной жизни Вифинии, вифинским писателям и их творчеству (особенно в области мифологии и географии) широко известен. Этот интерес, бесспорно, был универсальным явлением и проявлялся в отношении нескольких фигур, среди которых выделяется Парфений. Здесь мы бегло коснулись того, как Проперций мог использовать текст Демосфена Вифинского. Это перенесло нас, вслед за вифинским автором, из Геллеспонтской Фригии в Ольвию Понтийскую. И там мы нашли некоторые основания для того, чтобы предположить существование мифологической традиции, согласно которой Афродита прибыла из Сирии в Гилею, дикую и отдаленную область болотистых лесов, с которой Ольвия

соотносила некоторые из своих главных культов. Если в этих рассуждениях есть какой-либо смысл, то мы должны, в конечном счете, прийти к заключению, что наше самое полное и яркое представление о Гилее основано не на рассказе Геродота, который мало сделал для ее описания, а на так называемой Борисфенитской речи Диона Хризостома, автора из Вифинии, который, как полагают, посетил Ольвию Понтийскую и разглагольствовал о ней перед широкой публикой в своем родном городе, Вифинской Прусе (Or. 36, 3). Очевидно, хотя огромное море и отделяло Вифинию от скифского побережья, в Вифинии считали важным осмысливать мифологические и географические повествования о тех же самых героях, богах и связанных с ними местах, которые были известны в Скифии, если даже (как в случае с рассказом Геродора о Геракле) версии этих историй сильно различались, подобно истории Дионисия об Ахилле, мчавшемся на колеснице по берегам Кальпы.

Блаватский, 1978 — Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3. С. 80–89.

Граков, 1950 — Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИА. 1950. Вып. 34. С. 7–18.

Asheri, 1978 — Asheri D. On the “holy family” of Astacus // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens / Eds. E. Schwertheim, S. Sahin, J. Wagner. Leiden: Brill, 1978. Vol. 1. P. 93–98.

Brauer, 1974–1975 — Brauer G. C. The kalpe. An agonistic reference on several Greek coins? // San. 1974–75. Vol. 6, no. 1. P. 6–7.

Braund, 2009 — Braund D. The Baksy krater, Teutaros and Heraklion: Heracles and the Scythian bow in Graeco-Scythian art and culture(s) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы МНК / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 113–125.

Braund, 2010 — Braund D. Teutaros, the Scythian teacher of Herakles // Onomatologos: studies presented to Elaine Matthews / Ed. R. Catling. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 381–389.

Braund, 2016 — Braund D. Deukalion the Scythian // The Black Sea in the light of new archaeological

data and theoretical approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015 / Ed. M. Manoledakis. Oxford: Archaeopress, 2016. P. 67–73.

Braund, 2018 — Braund D. Greek religion and cults in the Black Sea region. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 314 p.

Braund, 2019a — Braund D. Clashing traditions beyond the Clashing Rocks: (un)ethical tales of Milesians, Scythians and others in archaic and later colonialism // Advances in ancient Black Sea studies: historiography, archaeology and religion: The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018 / Eds. V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A. Pázsint. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2019. P. 79–108.

Braund, 2019b — Braund D. Dancing around the Black Sea: Xenophon, Pseudo-Scymnus and Lucian’s bacchants // Ancient theatre and performance culture around the Black Sea / Eds. D. Braund, E. Hall, R. Wyles. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 470–489.

Cairns, 2011 — Cairns F. Artakes and Hylaea in

- Propertius 1.8.25-6 // *Cambridge Classical Journal*. 2011. Vol. 57. P. 1–8.
- Chaniotis*, 1988 — *Chaniotis A.* Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie. Stuttgart: Franz Steiner, 1988. 426 p.
- Dana*, 2011 — *Dana M.* Culture et mobilité dans le Pont-Euxin: approche régionale de la vie culturelle des cités grecques (*Scripta antiqua*, 37). Bordeaux: Ausonius Éditions, 2011. 608 p.
- Devereux*, 1964 — *Devereux G.* The Enetian horses of Hippolytus (Euripides, Hippolytos, 231,1131) // *L'Antiquité Classique*. 1964. Vol. 33. P. 375–383.
- Golden*, 2004 — *Golden M.* Sport in the ancient world from A to Z. London: Routledge, 2004. 205 p.
- Hall*, 2019 — *Hall E.* The tragedians of Heraclea and comedians of Sinope // *Ancient Theatre and Performance Culture around the Black Sea* / Eds. D. Braund, E. Hall, R. Wyles. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 45–58.
- Harris*, 1972 — *Harris H. A.* Sport in Greece and Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1972. 288 p.
- Head*, 1911 — *Head B. V.* *Historia nummorum*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1911. 966 p.
- Hupe*, 2006 — *Hupe J.* (ed.). *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die Römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung*. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006 (*Internationale Archäologie*. Bd. 94). 270 p.
- Hutchinson*, 2013 — *Hutchinson G.* Greek to Latin: Frameworks and Contexts for Intertextuality. Oxford: Oxford University Press, 2013. 438 p.
- Kindstrand*, 1976 — *Kindstrand J. F.* Bion of Borysthene. Uppsala: University Press, 1976. 310 p.
- Lubotsky*, 2004 — *Lubotsky A.* The Phrygian Zeus and the problem of the “Lautverschiebung” // *Historische Sprachforschung*. 2004. Vol. 117. P. 229–237.
- Magie*, 1950 — *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton: University Press, 1950. 661 p.
- Oller Guzman (в печати) — *Oller Guzman M.* Racing for love: Achilles and Iphigenia in the Black Sea.
- Robu*, 2014 — *Robu A.* Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin: histoire et institutions. Bern: Peter Lang, 2014. 544 p.
- Thuillier*, 1988 — *Thuillier J.-P.* Les “cursores” du cirque étaient-ils toujours des coureurs à pied? // *Latomus*. 1988. Vol. 47. P. 376–383.
- Tunkina*, 2007 — *Tunkina I. V.* New data on the panhellenic Achilles sanctuary on the Tendra spit (excavation of 1824) // *Une koinè pontique: cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer noire (VIIe s. a.C. — IIIe s. p.C.)* / Eds. A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2007. P. 225–240.
- Turner*, 1920 — *Turner F. J.* The frontier in American history. New York: Barnes and Noble, 1920. 247 p.
- Wiseman*, 1985 — *Wiseman T. P.* Catullus and his world. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 287 p.

Between Bithynia and Borysthene: from Achilles' racecourses on the Kalpe to the arrival of Aphrodite in Hylaea

D. C. Braund

Dionysios of Olbia is known only from a few words quoted in connection with the river Kalpe on the north coast of ancient Bithynia. The author is usually believed to be one of a very few from the northern Black Sea, but that is unlikely. We should understand Dionysios the Olbian as a citizen of one of the many communities of that name which are not Olbia Pontica. He most likely came from the Bithynian mythographical and geographical tradition in view of his interest in the obscure banks of the river Kalpe. We should probably place him in Bithynian Olbia, which was part of the synoecism that created Nicomedia in the middle of the third century BC. His location of Achilles on the Kalpe

may be understood within a Bithynian concern with Trojan matters and the formation of a mythology of place which brought together variant and even contradictory traditions around the western half of the Black Sea. Rather less certainly, Demosthenes of Bithynia was another writer in this Bithynian cultural tradition, with concerns which overlap with those of Dionysios, even if our few fragments give only a broad sense of that common ground. We may also bring Pseudo-Scymnus within this tradition. Here we have looked a little at what seems to be Propertius' use of Bithynian Demosthenes. This has taken us from Hellespontine Phrygia by way of the Bithynian writer, to Olbia Pontica. And there we have found some grounds to suspect a mythical tradition that Aphrodite had come from Syria to Hylaea. Evidently, while a great expanse of sea separated Bithynia and this Scythian shore, there was a concern in Bithynia to develop mythical and geographical tales about the same heroes deities and locations as were known in Scythia, even if (as with Herodorus on Heracles) the versions of these tales might seem to be strikingly different, as with Dionysios' conception of Achilles trotting on the banks of the Kalpe.

Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии

В. П. Копылов (†2020), А. Н. Коваленко¹

Аннотация. В работе анализируется вся совокупность источников, касающихся вопросов финального этапа скифской истории в устьевой области р. Танаис. Комплексный анализ археологического материала показывает, что кризисные явления, приведшие к финалу Великой Скифии, начались задолго до рубежа IV–III вв. до н. э. В третьей четверти IV в. до н. э. Елизаветовское городище в дельте Дона подверглось удару со стороны Боспорского государства, следствием которого стало появление в структуре скифского городища греческого квартала и, очевидно, частичная утрата скифами контроля над регионом. В конце IV в. до н. э. Боспор окончательно подчиняет важнейший варварский центр в устье р. Танаис и выводит на место Елизаветовского городища Большую греческую колонию, вытесняя из региона лишь скифов, связанных с Елизаветовским городищем. При этом скифское население в регионе остается, а военно-политическая обстановка стабилизируется. В середине 70-х гг. III в. до н. э. неукрепленная Большая греческая колония гибнет в результате внезапного военного удара. С гибелью этого памятника заканчивается история скифов в регионе, при этом нет никаких оснований и археологических данных, указывающих на участие в событиях второй половины IV — первой половины III в. до н. э. сарматских племен. В середине III в. до н. э. в период новой общей стабилизации в Северном Причерноморье в устье Дона появляется новая боспорская колония — Танаис, которая на начальном этапе своего существования до конца III — начала II в. до н. э. также не имела укреплений.

Annotation. The paper deals with all kinds of sources concerning the final stage of the Scythian history in the area of the Tanais river mouth. Comprehensive analysis of archaeological materials shows that the crisis, which led to the end of the Great Scythia, started long before the turn of the 3rd century BC. In the 3rd quarter of the 4th century BC the Elizavetovskoe settlement was attacked by the Bosphoran Kingdom. Consequently, a Greek quarter was founded within the Scythian settlement, and it is highly possible that the Scythians lost some of their control over the region. At the end of the 4th century BC the Bosphoran Kingdom finally conquered the Elizavetovskoe settlement, displaced its Scythian population and founded the Great Greek colony at the place. At the same time other Scythians stayed in the region. In the mid 70s of the 3rd century BC, a sudden military attack destroyed the unfortified Greek colony. That concludes the Scythian history of the region. There is no evidence that the Sarmatians took part in the events of second half of the 4th — first half of the 3rd century BC. Tanais, a new Bosphoran colony, was founded in the mouth of the Don river delta. It was during another stable period in the Northern Black Sea region, so up to the turn of the 2nd century BC Tanais had no fortifications.

Ключевые слова: Скифия, Боспор, сарматы, скифы, греки, Елизаветовское городище, Большая греческая колония, погребальные комплексы.

Keywords: Scythia, Bosphoran Kingdom, Sarmatians, Scythians, Greeks, Elizavetovskoe settlement, Great Greek colony, burials complexes.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-191-206

¹ В. П. Копылов — Ростовское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»; пер. Газетный, д. 92/85, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия; e-mail: vikkor48@mail.ru. А. Н. Коваленко — кафедра археологии и истории древнего мира, Учебный музей археологии, Институт истории и международных отношений, Южный ФУ; ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

В предложенной работе анализируется вся совокупность источников, касающихся вопросов заключительного этапа скифской истории в устьевой области р. Танаис, являющейся одним из регионов Скифии (Болтрик, 2013. С. 200–201; Копылов, Коваленко, 2015а. С. 59). Именно этот этап в истории Скифского государства сегодня является наиболее дискуссионным, поскольку многие составляющие исторического процесса в этот период претерпевают коренные изменения по сравнению с предшествующим этапом. Археологические материалы, полученные Южно-Донской экспедицией НМЦА в ходе исследований памятников устьевой области р. Танаис за последние 20 лет, позволили нам определить хронологические рамки заключительного этапа скифской истории в этом регионе и датировать их временем с третьей четверти IV до конца первой четверти III в. до н. э. Особо обратим внимание на проблему с выделением в Скифии надежно датированных греческим керамическим импортом памятников последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э., что находится в абсолютном противоречии с масштабными историческими событиями последних десятилетий IV в. до н. э., которые происходили и в Скифии, и на Боспоре (Алексеев, 2013. С. 350–351).

Прежде чем перейти к анализу источников, позволяющих охарактеризовать заключительный период истории в одном из крупнейших территориальных образований Скифии, необходимо рассмотреть этапы его формирования. Отметим, что именно с оформлением единого скифского политико-административного образования происходит процесс дальнейшей внутренней пространственно-территориальной организации этого объединения и выделения в его составе отдельных региональных центров. Уже Геродот пишет о делении Скифии на три части, и «первой из трех частей скифского царства» отец истории называет устьевую область р. Танаис (Геродот. IV, 120). Нам представляется, что эта область уже в период скифского похода Дария являлась одним из трех крупнейших территориальных образований Скифии, а то, что

в V–IV в. до н. э. здесь уже существует один из крупнейших региональных центров Скифии периода ее расцвета, сомнения не вызывает (Болтрик, 2013. С. 193). Как отмечалось выше, существуют определенные сложности с выделением скифских комплексов последней четверти IV и рубежа IV–III вв. до н. э. Возможность успешного решения этих проблем «пограничной истории» второй половины IV — первой половины III в. до н. э. в Нижнедонском историко-культурном регионе объясняется присутствием в нем Елизаветовского (Старший Танаис) и Недвиговского (Младший Танаис) городищ, в истории которых прекрасно представлены материалы этого времени с надежной узкой датировкой.

В контексте продолжающейся уже не одно десятилетие дискуссии о причинах кризиса Европейской Великой Скифии рубежа IV–III вв. до н. э. ситуация на ее восточном пограничье в устьевой области р. Танаис вызывает особый интерес. Исследователями называются несколько основных версий причин, приведших к кризису Скифии. Наиболее традиционной точкой зрения на события, послужившие причиной этого явления, является удар или удары с востока сарматских племен (Виноградов и др., 1997. С. 11–12; Клепиков, Скрипкин, 1997. С. 31; Скрипкин, 2016. С. 26; 2019. С. 9 и др.). Серьезная уязвимость этой точки зрения состоит в том, что в Северном Причерноморье и Приазовье на территории, занимаемой в IV в. до н. э. скифами, отсутствуют сарматские погребения, надежно датированные ранее II в. до н. э. (Полин, 1992. С. 146; 2018. С. 280; Симоненко, 2018. С. 32). Специальный анализ сарматских погребальных памятников Нижнего Дона, проведенный В. П. Глебовым, показал, что и в этом регионе на восточных границах Скифии отсутствуют сарматские погребения ранее конца III, а скорее всего начала II в. до н. э. (Глебов, 2004. С. 127; 2007. С. 69). В этой связи вызывает недоумение высказанное Ф. В. Шеловым-Коведяевым мнение «о накоплении сарматских погребальных памятников на левобережье Дона в течение всей второй половины IV в. до Р. Х.» и «сосредоточении тут критической

массы народа» (*Шелов-Коведяев*, 2018. С. 367). Крайняя немногочисленность и характер имеющихся эпиграфических и нумизматических материалов, которые приводятся рядом исследователей в качестве свидетельств сарматского удара по Скифии в конце IV — первой трети III в. до н. э. (*Шелов-Коведяев*, 2018. С. 366–367; *Виноградов*, 1997. С. 121–122), не позволяют сделать однозначный вывод и оставляют простор для разной интерпретации этих источников.

Что касается сарматских древностей более восточных областей, то необходимо отметить, что помимо традиционных хронологических построений существует мнение В. Ю. Зуева, согласно которому во всем ареале Приуралья и Поволжья надежно датированные III в. до н. э. раннесарматские памятники вообще отсутствуют, и между памятниками филипповского и прохоровского горизонтов имеется значительный хронологический разрыв. В. Ю. Зуев считает, что во II в. до н. э., причем только в середине этого столетия, в степи Приуралья и Поволжья приходит новая волна кочевников, оставившая многочисленные погребения с ярко выраженным прохоровским культурным комплексом вещей, заимствованных в Китае, Средней Азии, на Ближнем Востоке, и именно с этой волной кочевников и следует связывать появление сарматов (*Зуев*, 2013. С. 514–515, 517).

Еще одна версия крушения Скифии связывает это событие с опустошительными рейдами кельтов-галатов из Карпато-Дунайского бассейна (*Рубан*, 1985. С. 43–44). Существует также точка зрения, которую предлагает С. В. Полин, согласно которой причина упадка Причерноморской Скифии кроется в неблагоприятных природно-климатических факторах (*Полин*, 2018. С. 280), а Н. А. Гаврилюк видит ее во всеобщей пастбищной дигрессии (*Гаврилюк*, 2013. С. 528). А. В. Симоненко недавно высказал мнение, что виновниками гибели Скифии являлись меоты и сираки (*Симоненко*, 2018. С. 27), однако эта гипотеза практически сразу же вызвала критический отклик (*Скрипкин*, 2019. С. 19). Некоторые коррективы в свое видение сарматской вер-

сии гибели Скифии в 2014 г. внесли Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко. Признавая отсутствие сарматских памятников на территории Скифии, эти исследователи считают, что запустение Скифии в III в. до н. э. явилось следствием сразу двух экспансий, обращенных навстречу друг другу — сарматской с востока и галатской с запада (*Виноградов, Марченко*, 2014. С. 149).

Как бы то ни было, современное скифоведение в целом признает, что Причерноморская Скифия как единое политическое объединение в пределах от Дона до Дуная завершила свое существование между рубежом IV–III и концом первой трети III в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 277; *Виноградов, Марченко*, 2014. С. 143; *Полин*, 2018. С. 267; *Виноградов*, 2019. С. 8). При этом сама скифская культура в III в. до н. э. в Северном Причерноморье полностью не исчезает, а на западе, например на территории Поднестровья, скифские памятники в это время достаточно многочисленны (*Тельнов и др.*, 2016). К началу III в. до н. э. на территории Европейской Скифии прекращается традиция сооружения царских курганов. Интересно, что практически в то же время, к концу IV в. до н. э., прекращается традиция сооружения царских меотских курганов и в Прикубанье (*Виноградов, Марченко*, 2014. С. 144), а на Боспоре происходят изменения в погребальной культуре элиты, и с начала III в. до н. э. в ней прослеживается македонское влияние (*Виноградов*, 2019. С. 9).

Как можно видеть по неутраченной дискуссии о проблемах гибели Великой Скифии и особенностях смены скифского населения сарматским, она еще далека от разрешения. Соответственно для ее решения необходимо привлечение новых археологических материалов, особенно в связи с активным обсуждением сарматской версии. И особого внимания, несомненно, заслуживают археологические памятники второй половины IV — первой трети III в. до н. э. с территории восточного пограничья Скифии — устьевой области Дона, которые в силу своего расположения играют особую роль.

Рис. 1. Престижные вещи из погребений Елизаветовского курганного некрополя: 1 — панафинейская амфора; 2 — краснофигурная пелика

Fig. 1. Luxury items from the burials of Elizavetovskoe mound necropolis: 1 — Panathenaic amphora; 2 — red-figured pelike

В последнее время в ходе археологических исследований, которые проводятся Южно-Донской экспедицией в устьевой области р. Танаис, получены материалы, позволяющие, как нам представляется, с новых позиций оценивать события и динамику греко-варварских отношений в данном регионе на заключительном этапе истории Скифии (Копылов и др., 2009. С. 57–63).

С конца первой четверти V в. до н. э., с момента основания в устье р. Танаис скифского Елизаветовского городища, и до середины IV до н. э. динамику и приоритеты в греко-варварских отношениях в нижнедонском регионе определяют именно скифы. В то же время о значительной заинтересованности в торговых контактах с районом дельты Дона греческих центров и, в первую очередь, Боспорского государства могут свидетельствовать политические дары представителям скифской знати, контролировавшей устьевую область р. Танаис, присутствующие среди престижных вещей в материалах Елизаветовского курганного некрополя (рис. 1). Новые данные позволяют уверенно говорить о том, что уже в первой половине IV столетия до н. э. значительный процент населения в составе жителей Елизаветовского городища составляли

греки (Копылов, Коваленко, 2011. С. 212). Об этом свидетельствует недавно открытый эллинский культовый комплекс, общей площадью более 100 кв. м (рис. 2), который был сооружен на акрополе скифского городища в первой половине IV в. до н. э. и окончательно погиб в 70-х гг. III в. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2012. С. 96–97; Копылов, 2015а. С. 121–135). На значительное количество эллинов, проживавших на городище в первой половине IV в. до н. э., указывает и присутствие на его территории строительных комплексов полуземляночного типа, характеризующихся как лавки торговцев. О присутствии эллинов на поселении уже в первой половине — середине IV в. до н. э. свидетельствует также уникальный документ — граффито с почитательной надписью «Герою» на внешней стороне чернолакового болсала (рис. 3, 1), датируемое временем около середины IV в. до н. э. (Копылов, Шелов-Коведяев, 2017. С. 263–264) и обнаруженное в 2015 г. в северной, наиболее престижной, части акрополя Елизаветовского городища в непосредственной близости от храмового комплекса.

Мы считаем, что количество греческого населения в структуре того или иного района их обитания прямо пропорционально тому интересу, который они проявляли к этому

Рис. 2. 1 — место расположения храмового комплекса первой половины IV в. до н. э. в северной части акрополя Elizavetovskogo городища. 2018 г. Фото с квадрокоптера. Остатки эллинского храмового комплекса в северной части акрополя Elizavetovskogo городища: 2 — вид с северо-востока; 3 — вид с запада

Fig. 2. 1 — place of the temple complex of the first half of the 4th century BC in the northern part of the acropolis of Elizavetovskoe settlement. Photo taken by quadcopter, 2018. The remains of the Hellenic temple complex in the northern part of the acropolis of Elizavetovskoe settlement: 2 — view from the north-east; 3 — view from the west

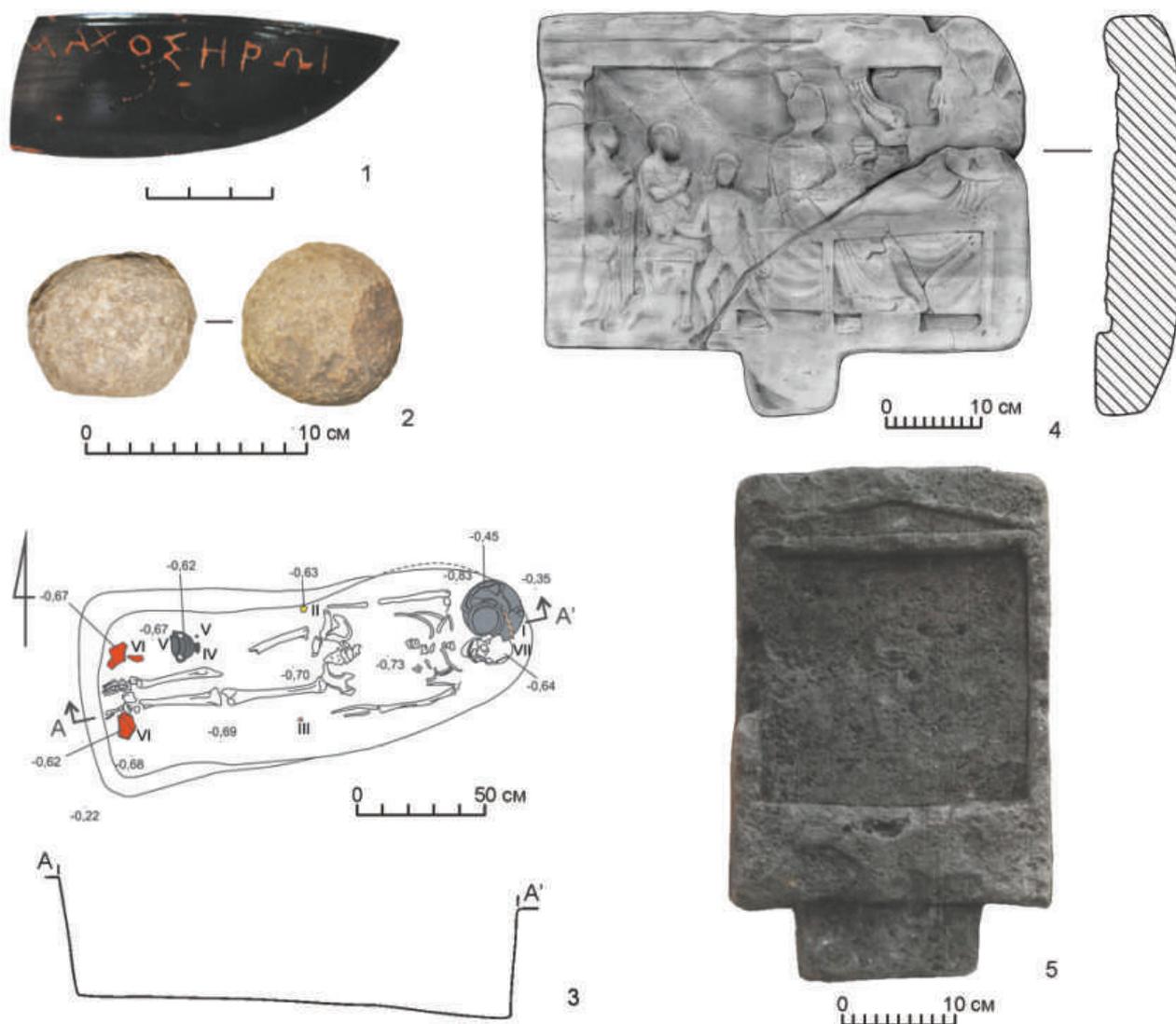

Рис. 3. Эллинские находки IV в. до н. э. с Елизаветовского городища и его некрополя: 1 — граффито с почитательной надписью; 2 — каменное ядро из строительного комплекса № 17; 3 — одно из погребений грунтового некрополя (ЕМ-09-В, погребение 3) (условные обозначения: I — сероглиняный кувшин, II — кость животного, III — фрагмент железа, IV — канфар, V — бусины, VI — фрагменты амфор, VII — железная проколка); 4-5 — каменные надгробия

Fig. 3. Greek finds of the 4th century BC from Elizavetovskoe settlement and its necropolis: 1 — graffito with the dedicatory inscription; 2 — stone nucleus from the building complex n. 17; 3 — one of the burials of the ground necropolis (EM-09-B, burial 3) (legend: I — grey clay jar, II — animal bone, III — iron fragment, IV — cantharos, V — pendants, VI — fragments of amphorae, VII — iron piercing tool); 4-5 — stone grave-stones

району. Первостепенное значение устьевой области р. Танаис для греков объясняется тем, что именно в устьях Танаиса товары и сырье с Урала, из Сибири, Средней Азии и Центральной России, которые шли по большому караванному пути, впервые соприкасались со средиземноморским водным путем.

Поступление различных товаров и, прежде всего, металлов — этого стратегического сырья — из разных районов в устьевую область р. Танаис во многом объясняет ту заинтересованность греков в этом регионе, которую они проявляли в течение всего античного периода (Kopylov, Andrianova, 2011. P. 197–198).

Открытие в структуре скифского городища ремесленного производственного комплекса, который являлся одним из основных ремесленных бронзолитейных и ювелирных центров в степной Скифии (Копылов А., Копылов В., 2018. С. 334–346), также может свидетельствовать о стремлении греков поставить под контроль торговлю этого скифского городища в устьевой области р. Танаис.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что в третьей четверти IV в. до н. э. характер греко-варварских отношений в дельте Дона коренным образом изменяется, что нашло отражение и в структуре Елизаветовского городища, и в погребениях его некрополя. Это, очевидно, было вызвано мощным военным потрясением, пережитым жителями поселения в 40-е гг. IV в. до н. э. Именно в это время на городище одновременно прекращает существование ряд строений, прежде всего строения производственного комплекса и «лавок торговцев» в северной, наиболее укрепленной, части городища. Отчетливо фиксируются разрушения греческого культового комплекса и связанного с ним колодца с каменной облицовкой стен (рис. 4, 1) — важного источника питьевой воды. Исследования, проведенные в 2015 г. на южном участке внешней линии обороны городища (рис. 5), выявили остатки большого количества столбовых ям, очевидно, связанных с деревянными надолбами, призванными остановить конницу противника, и среди них в слое, датированном 40-ми гг. IV в. до н. э., были обнаружены как отдельные человеческие кости, так и целый скелет взрослого человека (Копылов, Коваленко, 2018. С. 88). Ранее на внутренней линии обороны городища, в слоях скифского времени, были обнаружены отдельные человеческие кости, среди которых присутствует фрагмент со следами собачьих погрызов (Антипина, Магомедов, 2006. С. 324–325). Среди возможных интерпретаций присутствия подобных костных остатков в культурном слое поселения Е. Е. Антипина указывает, что такие находки могли являться «следствием гибели людей в природных катастрофических ситуациях или вооруженных

столкновениях, когда объективные причины задерживали момент возможного погребения погибших» (Антипина, Магомедов, 2006. С. 324). Археологические находки Елизаветовского городища, относящиеся к третьей четверти IV в. до н. э., дают веские основания полагать, что в это время торговый центр в дельте Дона подвергся мощному удару со стороны Боспорского государства. Подтверждением этому может служить появление в структуре скифского городища отдельного греческого квартала, который располагался на специально снивелированном валу внутренней линии обороны (Марченко и др., 2000. С. 250), что может свидетельствовать о потере политической самостоятельности этого скифского центра. Особо укажем, что после событий третьей четверти IV в. до н. э. на городище, на месте старых, засыпанных строений, возводятся строительные сооружения иной, чем прежде, ориентировки (Копылов, Коваленко, 2016а. С. 34–35) и увеличивается количество строительных комплексов полуземляночного типа, при возведении которых активно применяются приемы греческого домостроения (рис. 4, 2–4) (Коваленко, 2018. С. 347–363).

Особо следует отметить, что за все время исследований Елизаветовского городища в его материалах не было обнаружено никаких предметов, указывающих, что виновниками описанного выше удара могли выступать именно сарматы. К находкам, связанным с нападавшими, относятся каменные ядра. Одно из них (рис. 3, 2) было обнаружено в заповнивании строительного комплекса середины IV в. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2016б. С. 976), а еще восемь — в слоях Большой греческой колонии (Там же. С. 976).

В курганном некрополе с третьей четверти IV в. до н. э. резко сокращается как общее количество захоронений, в основном принадлежащих в это время женщинам и детям, так и количество погребений с оружием (Коваленко, 2009. С. 18–19). За исключением элитного захоронения в кургане № 8 группы «Пять братьев», в составе погребального инвентаря могил Елизаветовских курганов

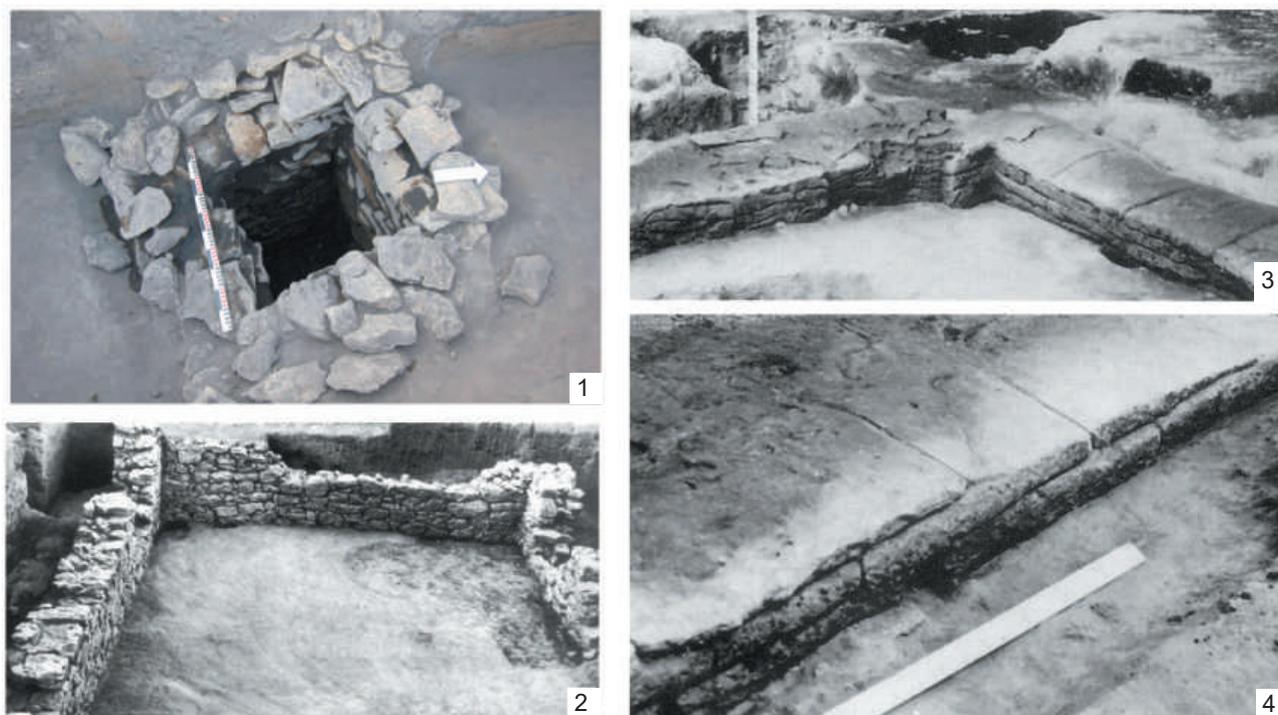

Рис. 4. Сооружения IV в. до н. э. на территории скифского Елизаветовского городища, выполненные с применением элементов греческой строительной технологии: 1 — колодец первой половины IV в. до н. э. с каменной облицовкой стен; 2 — использование камня при возведении стен в строительном комплексе № 6 (фото: *Марченко и др.*, 2000); 3–4 — стены из сырцового кирпича в строительном комплексе № 10 (фото: *Там же*)

Fig. 4. The buildings of the 4th century BC at the territory of the Scythian Elizavetovskoe settlement that were made with some elements of Greek building technology: 1 — well built in the first part of the 4th century BC with stone facing of the walls; 2 — usage of stone in the construction of the walls at the building complex no. 6 (photo: *Марченко и др.*, 2000); 3–4 — walls made of raw bricks at the building complex no. 10 (photo: *Ibid.*)

исчезают престижные предметы греческого импорта, а также резко сокращается торговая активность греческих центров, о чем свидетельствует характер поступления товаров в клейменных транспортных амфорах (*Кац*, 2007. С. 382–383). Видимо, из-за этих событий сводится к минимуму и поступление импорта вверх по Дону. Так, в междуречье Дона и Северского Донца самое позднее погребение, содержащее греческий импорт, датируется 30-ми — первой половиной 20-х гг. IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1982. С. 120–130; *Монахов*, 1999. С. 409–411, 576). В материалах погребений второй половины IV в. до н. э. могильников Терновое I — Колбино I и Горки I на Среднем Дону самая поздняя амфорная керамика датируется не позднее третьей четверти

этого столетия (*Савченко*, 2001. С. 56; 2002. С. 79–83). В последней четверти IV в. до н. э. в северо-восточной части Елизаветовского курганного некрополя функционирует греческий грунтовый некрополь, отдельные погребения которого недавно были открыты на участке, расположенном к востоку от внешней линии обороны городища (рис. 3, 3). (*Копылов и др.*, 2012. С. 125). О присутствии захоронений греков в этом могильнике и ранее свидетельствовали греческие надгробия (рис. 3, 4–5), открытые в разные годы на территории Елизаветовского историко-культурного комплекса (*Копылов*, 2015б. С. 316–320). Единственным правдоподобным объяснением причин столь значительных изменений в расстановке сил в устьевой области

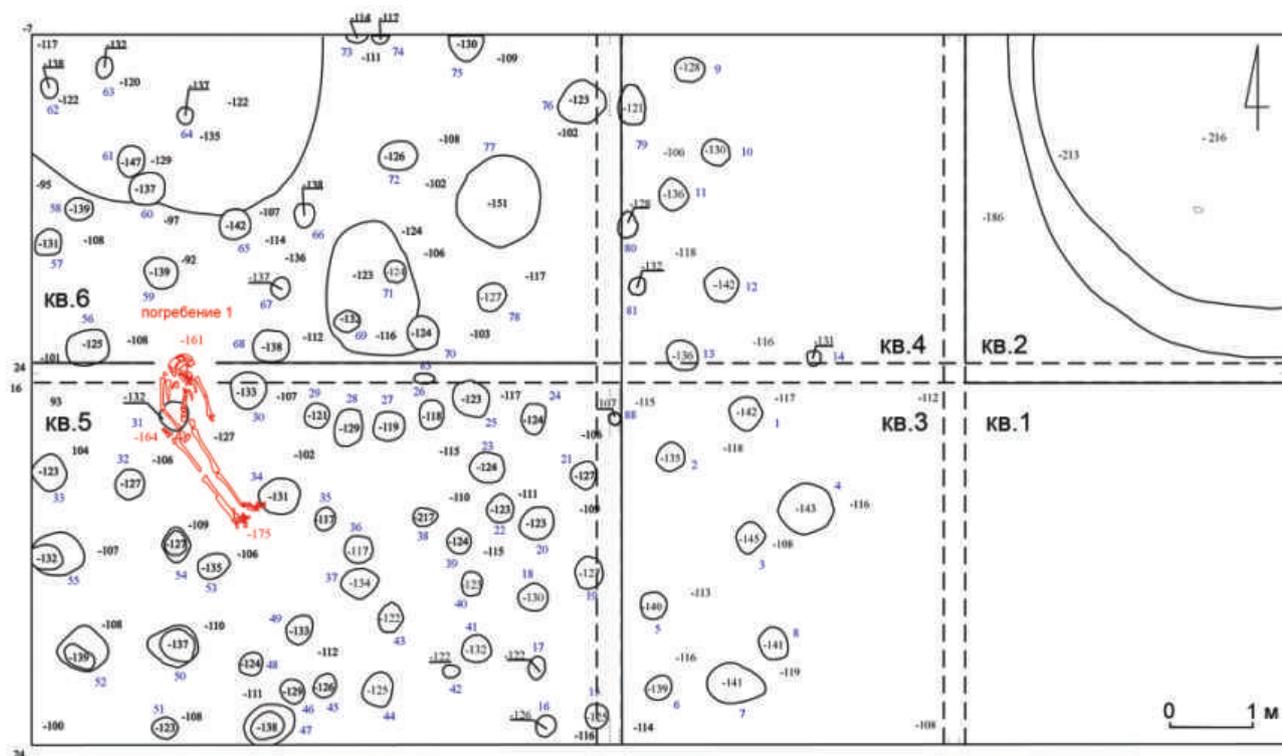

Рис. 5. Остатки частокола, открытые на южном участке внешней оборонительной линии Елизаветовского городища (раскоп XLV)

Fig. 5. Remains of the pale discovered at the southern part of the external line of defence of Elizavetovskoe settlement (excavation site XLV)

р. Танаис может быть территориальная экспансия на восток Боспорского государства, которое, воспользовавшись ослаблением Скифии, начинает подчинять себе важные в стратегическом и экономическом отношении территории. Подобные же явления отмечаются исследователями для меотских территорий Восточного Приазовья, где в это же время также происходят разительные изменения (Шевченко, 2013. С. 47–48).

В конце IV в. до н. э., очевидно, воспользовавшись многолетним ослаблением Скифии и ее поражением в междоусобной войне за боспорский престол, Боспор вынуждает скифов покинуть дельту Дона и оставить Елизаветовское городище. Сразу же после ухода елизаветовских скифов и прекращения функционирования их городища на его место Боспором была выведена колония, которая сегодня исследована на площади уже более 8000 кв. м. Выведение этой колонии,

которая вплоть до своей гибели в середине 70-х гг. III в. до н. э. играла роль основного торгово-экономического центра региона, могло произойти только после победы Эвмела в династической борьбе за престол (Диодор. XX, 22–24). Та стремительность, с которой греки выводят в устье р. Танаис свою колонию на место покинутого скифского городища, бесспорно, свидетельствует о стремлении Боспора установить полный контроль именно над этим районом, который до этого контролировали скифы. В этой связи заслуживает внимания свидетельство Страбона, который указывал, что скифы вытеснили киммерийцев, а последних — греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре (Страбон. География. XI, 5).

Археологические данные свидетельствуют, что устьевую область р. Танаис покинуло не все скифское население, а лишь гомогенная

группа, связанная с Елизаветовским городищем. Анализ надежно датированных греческой импортной керамикой погребальных комплексов кочевого варварского населения как на правом, так и на левом берегу Нижнего Дона свидетельствует о том, что эти погребения были оставлены также скифским населением (Коваленко, 2006. С. 53–55; Глебов, 2012. С. 28–30; Копылов, Коваленко, 2013. С. 253), появившимся в этом регионе в последней четверти IV или в самом начале III в. до н. э. Это население появляется в устьевой области р. Танаис уже после событий третьей четверти IV в. до н. э. и присутствует в этом регионе в первой четверти III в. до н. э., в период существования греческой колонии, основанной Боспором на месте Елизаветовского городища. Помимо этого, в устьевой области Дона, на северном побережье Таганрогского залива, в последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. функционирует скифский некрополь на Беглицкой косе (Коваленко, 2009. С. 13–14). Следовательно, Боспор вынужден покинуть этот регион только скифов Елизаветовского городища, контролировавших устьевую область р. Танаис, что свидетельствует о необходимости дифференцированного рассмотрения динамики греко-скифских отношений на заключительном этапе скифской истории.

При изучении особенностей заключительного периода скифской истории в устьевой области р. Танаис важная роль принадлежит Большой греческой колонии. Особо отметим, что эта боспорская колония не была укреплена. В условиях присутствия варварского населения в непосредственной близости от нее это обстоятельство, несомненно, свидетельствует об отсутствии для колонистов фактора военной угрозы со стороны степняков. Колония на протяжении более двух десятков лет вполне успешно справлялась с ролью основного торгово-ремесленного центра с динамично развивающейся экономикой, о чем ясно свидетельствуют археологические и нумизматические материалы, полученные в ходе многолетнего систематического изучения этого памятника. Импортные товары

поступали сюда большими партиями (Монахов, 1999. С. 487–491), и далеко не все из них были направлены на личное потребление колонистов. Предметы греческого керамического импорта времени функционирования колонии обнаружены за пределами дельты во многих скифских погребальных комплексах устьевой области р. Танаис (на левом и правом берегах Дона, а также в погребениях Беглицкого некрополя) (Коваленко, 2009. С. 19–20). Кроме того, археологические материалы свидетельствуют о функционировании в регионе нескольких поселений, синхронных Большой греческой колонии, на левом берегу Дона и на северном побережье Таганрогского залива (Там же. С. 17). Так, в начале III в. до н. э. у основания Беглицкой косы, очевидно, функционировало поселение, остатки которого в конце 20-х гг. XX в. наблюдал еще М. А. Миллер и на существование которого указывают материалы одноименного могильника (Миллер, Лунин, 1928. С. 45–46, 54). Находки III в. до н. э. присутствуют и в материалах Ново-Золотовского городища, где были обнаружены фрагменты косских, гераклейских, херсонесских амфор, амфорные клейма, а также чернолаковая и простая столовая гончарная керамика (Каменецкий, 1956; Панченко, 1980; Ларенок, 1998. С. 115; Далли и др., 2013. С. 74–84), и зафиксированы остатки наземных строений скифо-античного времени (Хьюи, Ильяшенко, 2013. С. 74–75). С территории этого памятника происходит и бронзовая боспорская монета первой трети III в. до н. э. с надчеканкой в виде двенадцатилучевой звезды, обнаруженная в ходе исследований 1982 г. Следует отметить, что некоторые типы сосудов в комплексе лепной керамики, обнаруженной в ходе исследования Ново-Золотовского городища, находят аналогии в материалах Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища. В 1927 г. в районе с. Золотая Коса на территории северного побережья Таганрогского залива М. А. Миллером были зафиксированы остатки поселения, где было обнаружено синопское клеймо, дата которого была определена И. Б. Брашинским в рамках III в. до н. э. (Брашинский, 1980. С. 87).

На левом берегу Дона среди памятников IV — начала III в. до н. э. следует отметить поселения Кулешовка и Кулешовка II, расположенные в непосредственной близости от курганных групп, в которых были обнаружены скифские погребальные комплексы, синхронные греческой колонии на месте Елизаветовского городища. Даже небольшие по масштабу исследования поселения Кулешовка выявили значительное количество хозяйственных ям и остатки стационарных жилых строительных комплексов, а также амфорную продукцию гераклейского и херсонесского производства (Гудименко, 2000. С. 86–88). Что же касается поселения Кулешовка II, исследованного в 2012 г., то в его материалах также присутствует амфорная продукция Гераклеи, Херсонеса и Синопы (Голда, 2018. С. 248–252). Обращает на себя внимание присутствие среди керамических находок этого поселения синопского клейма 90–80-х гг. III в. до н. э. (Голда, 2018. С. 251, рис. 3, 1; Монахов, 1999. С. 484, табл. 207, 1; Кац, 2015. № 1292). Близким по характеру и времени к указанным выше поселениям является также исследованное в 2012 г. многослойное поселение Свинячье озеро, расположенное на левобережье Дона к западу от г. Батайска. На этом памятнике также представлены материалы скифо-античного времени и, в частности, греческий керамический импорт последней четверти IV — начала III в. до н. э., в том числе фрагменты клейменных амфор (Голда, 2016. С. 288–293). Представляется интересным присутствие среди фрагментов керамической тары, обнаруженных на этом поселении, продукции Гераклеи, Херсонеса и Синопы. Возможно также, что еще с одним поселением связаны находки из Кагальницкого карьера, среди которых присутствуют гераклейские амфоры типа II-A варианта II-A-2 по классификации С. Ю. Монахова (одна с клеймом), дата которых определяется им в рамках конца IV — начала III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 138, 326, табл. 96, 2, 5).

Датируемый греческий импортный материал с левобережных поселений и поселений, расположенных на северном побережье

Таганрогского залива, в основной своей массе укладывается в хронологические рамки последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э., что представляется неслучайным и, очевидно, непосредственным образом связано с появлением на месте скифского Елизаветовского городища греческих колоний. В этой связи следует подчеркнуть, что уже в третьей четверти IV в. до н. э. исчезают и более не возрождаются **все** скифские поселения округа Елизаветовского городища на островной части дельты Дона. А все поселенческие структуры последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э., за исключением Елизаветовского городища и выведенной затем на его место Большой греческой колонии, располагались за пределами островной части дельты и не имели укреплений.

В целом же анализ материалов Большой греческой колонии первой четверти III в. до н. э. и других синхронных ей памятников Северо-Восточного Приазовья позволяет говорить о стабильности военно-политической ситуации в регионе в этот период и отсутствии какой-либо угрозы для жителей колонии и других поселений этого времени в регионе со скифским населением.

Ситуация резко изменяется в середине 70-х гг. III в. до н. э., когда Большая греческая колония была уничтожена в результате внезапного военного удара. Катастрофические события, обрушившиеся на колонию, привели к разрушению большинства наземных конструкций и образованию целой серии закрытых археологических комплексов катастроф (Копылов В., Копылов А., 2015. С. 49–50). На сегодняшний день у нас нет никаких археологических оснований считать виновниками этого события сарматские племена. За все время исследования Большой греческой колонии не было обнаружено ни одного предмета, который можно было бы связать с сарматским ударом. Детальный анализ предметов вооружения из материалов этого памятника (Копылов, Коваленко, 2015б. С. 86–90; 2016б. С. 974–981) позволяет с большой долей вероятности считать виновником этих событий Боспорское царство или же какую-

то группу скифских племен, которые в это же самое время оказывают серьезное давление на границы Херсонесского государства и Европейского Боспора (Туровский, 1996. С. 102). Очевидно, эта дестабилизация, произошедшая в конце первой — начале второй четверти III в. до н. э. и направленная преимущественно против греческих центров Северного Причерноморья, явилась для этих центров достаточно неожиданной и носила недолговременный характер. В дальнейшем же, приблизительно в середине III в. до н. э., ситуация в степях Северного Причерноморья на долгое время стабилизируется (Виноградов, Марченко, 2014. С. 152).

Что же касается памятников Нижнего Дона, то после насильственной гибели Большой греческой колонии на синхронных ей

памятниках поселенческого типа и погребальных комплексов кочевого скифского населения этого региона жизнь более не фиксируется. На территории Беглицкого некрополя погребения, относящиеся ко времени позже конца первой четверти III в. до н. э., также отсутствуют. В дальнейшем, по нашему мнению, не ранее середины III в. до н. э., уже в условиях общей стабилизации обстановки в Северном Причерноморье, в устьевой области р. Танаис Боспором основывается новая колония на месте Недвиговского городища — Младший Танаис (Копылов, Коваленко, 2013. С. 254), который вплоть до конца этого столетия или даже начала II в. до н. э. так же, как и Большая греческая колония в дельте Дона, не имел оборонительных рубежей (Арсеньева, Науменко, 2001. С. 183; 2006. С. 67).

Алексеев, 2013 — Алексеев А. Ю. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 349–352.

Антипина, Магомедов, 2006 — Антипина Е. Е., Магомедов Ш. Р. Собачьи погрызы на археологических костях: комментарий к находкам на Елизаветовском городище // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Вып. 22 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 323–325.

Арсеньева, Науменко, 2001 — Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Новые данные об эллинистическом Танаисе (по материалам раскопок последних лет. 1999–2000 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2001. С. 176–183.

Арсеньева, Науменко, 2006 — Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Исследования в основном

четырёхугольнике городища Танаис в 2005 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Вып. 22 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 64–78.

Болтрик, 2013 — Болтрик Ю. В. Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов на/Д: Научно-методический центр археологии, 2013. С. 193–202.

Брашинский, 1980 — Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.

Виноградов, 1997 — Виноградов Ю. А. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.

Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // БИ. Вып. XXXVIII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2019. С. 3–16.

Виноградов, Марченко, 2014 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ. СПб., 2014. Вып. 20. С. 143–164.

- Виноградов и др.*, 1997 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // *Донские древности*. Вып. 5: Сб. науч. докладов III МК «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 6–27.
- Гаврилюк*, 2013 — *Гаврилюк Н. А.* Экономика степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2013. 428 с.
- Глебов*, 2004 — *Глебов В. П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к V МК «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Б. и., 2004. С. 127–133.
- Глебов*, 2007 — *Глебов В. П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // *Региональные особенности раннесарматской культуры*. Вып. II / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2007. С. 59–82.
- Глебов*, 2012 — *Глебов В. П.* Кочевники Нижнего Подонья IV–II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: Материалы МНК (Тирасполь, 16–17 октября 2012 г.)* / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 28–33.
- Голда*, 2016 — *Голда Н. Н.* Амфоры IV в. до н. э. с поселения «Свинячье озеро» // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг.* Вып. 29 / Отв. ред. А. А. Горбенко, науч. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 288–293.
- Голда*, 2018 — *Голда Н. Н.* Керамический комплекс поселения «Кулешовка II» // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг.* Вып. 30 / Отв. ред. А. А. Горбенко, науч. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. С. 248–252.
- Гудименко*, 2000 — *Гудименко И. В.* Итоги исследований отряда «Дельта» в 1998 году // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 году*. Вып. 16 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2000. С. 85–87.
- Далли и др.*, 2013 — *Далли О., Ларенок П., Шунке Т.* Анализ керамики поселения Новозолотровка // *Археологические записки*. Вып. 8. Ростов н/Д, 2013. С. 74–92.
- Зуев*, 2013 — *Зуев В. Ю.* О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке...* СПб.: Нестор-История, 2013. С. 512–522.
- Каменецкий*, 1956 — *Каменецкий И. С.* Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея. 1956 // *Научно-отраслевой архив ИА РАН*. Р-1 1520; 3-1 1521.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // *БИ*. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крымский ФУ им. В. И. Вернадского, 2007. С. 3–478.
- Кац*, 2015 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).
- Клепиков, Скрипкин*, 1997 — *Клепиков В. М., Скрипкин А. С.* Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // *Донские древности*. Вып. 5: Сб. науч. докладов III МК «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 28–40.
- Коваленко*, 2006 — *Коваленко А. Н.* Население Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III вв. до н. э. (по материалам погребальных комплексов) // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по материалам XI МНК* / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д: Медиа-полис, 2006. С. 51–57.
- Коваленко*, 2009 — *Коваленко А. Н.* Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV — первой трети III в. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Коваленко*, 2018 — *Коваленко А. Н.* Эллинские и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию

- профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д: ИП Истратов И. В., 2018. С. 121–134.
- Копылов, 2015а — Копылов В. П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // БИ. Вып. XXXI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 121–134.
- Копылов, 2015б — Копылов В. П. Надгробия из Елизаветовского историко-культурного комплекса // Археологія і давня історія України. Вып. 1 (14) / Гл. ред. С. А. Скорый. Киев: ИА НАНУ, 2015. С. 316–320.
- Копылов, Коваленко, 2011 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье. Вып. IX / Гл. ред. И. В. Немченко. Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011. С. 207–214.
- Копылов, Коваленко, 2012 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 96–100.
- Копылов, Коваленко, 2013 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Два Танаиса: миф или реальность? (античная письменная традиция и археологические реалии) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время... С. 242–257.
- Копылов, Коваленко, 2015а — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Образ устья Танаиса как территориального центра Скифии в представлении античных авторов // Скифия: образ и историко-культурное наследие / Под ред. Т. Н. Джексон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 55–61.
- Копылов, Коваленко, 2015б — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища в дельте Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы МНК, посвящ. памяти А. И. Мелюковой / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов на/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 86–90.
- Копылов, Коваленко, 2016а — Копылов В. П., Коваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV — первой трети III в. до н. э. // Stratum plus. 2016. № 3. С. 33–44.
- Копылов, Коваленко, 2016б — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Каменные ядра из Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. № 4. 2016. С. 974–981.
- Копылов, Коваленко, 2018 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Фортификация Елизаветовского городища и военные конфликты в дельте реки Танаис // МНК «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: ТД / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 87–89.
- Копылов В., Копылов А., 2015 — Копылов В. П., Копылов А. В. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону // МНК «Крым и северное побережье Чёрного моря в археологических исследованиях 1956–2013» / Ред. М. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Варшава, 2015. С. 139–243.
- Копылов А., Копылов В., 2018 — Копылов А. В., Копылов В. П. Производственный комплекс первой половины IV в. до н. э. Елизаветовского городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время... С. 334–346.
- Копылов, Шелов-Коведяев, 2017 — Копылов В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. События второй половины IV в. до Р. Х. в устьевой области реки Танаис. Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования. № 8. М., 2017. С. 261–286.
- Копылов и др., 2009 — Копылов В. П., Коваленко А. Н., Янгулов С. Ю. Изменение военно-политической ситуации на Нижнем Дону в середине – конце IV в. до н. э. (В контексте дискуссии о причинах гибели Великой Скифии) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и

- региональной истории Северного Кавказа / Гл. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 56–64.
- Копылов и др.*, 2012 — *Копылов В. П., Андрианова Н. В., Коваленко А. Н., Меньшикова В. А., Сердюкова О. В.* Раскопки грунтового некрополя Елизаветовского могильника в 2010 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2012. С. 123–128.
- Ларенок*, 1998 — *Ларенок П. А.* Раскопки Таганрогской археологической экспедиции и Донского археологического общества в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 113–118.
- Марченко и др.*, 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000. 281 с. + 72 табл.
- Миллер, Лунин*, 1928 — *Миллер М. А., Лунин Б. В.* Некрополь у Беглицкой косы (Археологические раскопки летом 1928 г.) // Краеведение на Северном Кавказе. № 3–4. Ростов н/Д, 1928. С. 44–55.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н. э. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 678 с.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммерида; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 350 с.
- Панченко*, 1980 — *Панченко Т. Е.* Отчет об археологической разведке по побережью Таганрогского залива и Миусского лимана в 1979 году. Таганрог, 1980; *Панченко Т. Е.* Фотоальбом к отчету о раскопках 1980 года к. 1 у с. Дарьевка и Ново-Золотовского городища // Архив ТГЛИАМЗ.
- Полин*, 1992 — *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев: АН Украины, 1992. 201 с.
- Полин*, 2018 — *Полин С. В.* Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования. Проблемы: Сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Под ред. В. С. Синики и Р. А. Рабиновича. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 2018. С. 267–288.
- Рубан*, 1985 — *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. // ВДИ. 1985. № 1. С. 26–45.
- Савченко*, 2001 — *Савченко Е. И.* Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143.
- Савченко*, 2002 — *Савченко Е. И.* К вопросу о хронологии могильника «Терновое I — Колбино I» // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы X МНК (29 мая — 3 июня 2001 г.) / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. педагогического ун-та, 2002. С. 79–83.
- Симоненко*, 2018 — *Симоненко А. В.* О сарматском завоевании Скифии // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 27–49.
- Скрипкин*, 2016 — *Скрипкин А. С.* Гибель Скифии. Сарматский фактор // Stratum plus. 2016. № 3. С. 17–31.
- Скрипкин*, 2019 — *Скрипкин А. С.* К дискуссии о причинах гибели Скифии // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 8–24.
- Смирнов*, 1982 — *Смирнов К. Ф.* «Амазонка» IV века до н. э. // СА. 1982. № 1. С. 120–131.
- Тельнов и др.*, 2016 — *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.
- Туровский*, 1996 — *Туровский Е. Я.* К вопросу о причинах гибели «Великой Скифии» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: ТД VIII МНК / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. педагогического ун-та, 1996. С. 101–102.

- Хьюи, Ильяшенко, 2013* — *Хьюи С., Ильяшенко С.* Раскопки у Новозолотовки в 2008 году // Археологические записки. Вып. 8 / Гл. ред. В. Я. Кияшко. Ростов н/Д: Альтаир, 2013. С. 72–74.
- Шевченко, 2013* — *Шевченко Н. Ф.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов н/Д: Альтаир, 2013. 151 с.
- Шелов-Коведяев, 2018* — *Шелов-Коведяев Ф. В.* Об обстоятельствах гибели Елизаветовского поселения в 270-е годы до Р. Х. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов н/Д: ИП Истратов И. В., 2018. С. 364–370.
- Kopylov, Andrianova, 2011* — *Kopylov V., Andrianova N.* Greek-Barbarian Relations in the Lower Don Region in the 7th–3rd Centuries BC // *Pontika 2008. Recent Research the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times: Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków / Eds. E. Papuci-Władyka, M. Vickers, J. Bodzek, D. Braund.* Oxford: Archaeopress, 2011. P. 195–199 (British Archaeological Reports. International Series 2240).

The final stage of history of the Eastern region of Scythia

V. P. Kopylov, A. N. Kovalenko

The paper deals with all kinds of sources concerning the final stage of the Scythian history in the area of the Tanais river mouth. Comprehensive analysis of archaeological materials shows that the crisis, which led to the end of the Great Scythia, started long before the turn of the 3rd century BC. In the 3rd quarter of the 4th century BC the Elizavetovskoe settlement was attacked by the Bosporean Kingdom. Consequently, a Greek quarter was founded within the Scythian settlement, and it is highly possible that the Scythians lost some of their control over the region. At the end of the 4th century BC the Bosporean Kingdom finally conquered the Elizavetovskoe settlement, displaced its Scythian population and founded the Great Greek colony at the place. At the same time other Scythians stayed in the region. Around the 275 BC a sudden military attack destroyed the unfortified Greek colony. That concludes the Scythian history of the region. There is no evidence that the Sarmatians took part in the events of 350–250 BC. Around 250 BC Tanais, a new Bosporean colony, was founded in the mouth of the Don river delta. It was during another stable period in the Northern Black Sea region, so up to the turn of the 2nd century BC Tanais had no fortifications.

«Богатая золотом» Колхида «Аргонавтики»: миф, реальность и современные исследования¹

Г. Р. Цецхладзе²

Аннотация. Мифология всегда вызывала живой интерес у ученых, однако главный вопрос — можем ли мы использовать мифы как исторические источники или хотя бы выделять в них элементы, которые отражают реальность, — остается открытым. Эта статья посвящена «Аргонавтике», одному из основных мифов древней Греции. Ясон с товарищами должны были найти и привезти домой золотое руно, которое хранилось в стране Эя. Эта страна отождествлялась с Колхидой со времен Геродота и описывалась как изобилующая золотом, другими драгоценными металлами, железом и т. д. Некоторые исследователи склонны рассматривать эту историю, в частности указание на несметные богатства страны Эя, как источник исторической информации. Рассмотрев широкий круг источников, автор статьи приходит к выводу, что миф об аргонавтах имеет не историческую, а литературную основу.

Annotation. The problem of mythology has attracted broad attention from scholars. The main question persists: can we use myths as historical sources, or identify some elements of them that transmit reality. The article is focused on the Argonautica, one of the principal myths of Antiquity. The chief aim of Jason was to find the Golden Fleece and to take it back to his homeland. The fleece was supposed to exist in the country of Aia. This Aia was identified with Colchis in the time of Herodotus, described as gold-rich, full of precious metals, iron, etc. Some colleagues consider the myth, with its description of the wealth of Aia, as an historical source. Using other evidence the author concludes that the myth is not historical but literary.

Ключевые слова: миф, мифология, аргонавты, Эя, Ээт, золото, серебро, железо, вазопись.

Keywords: myth, mythology, Argonauts, Aia, Aetes, gold, silver, iron, vase-painting.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-207-214

Вопрос о времени проникновения греческих колонистов в Причерноморье остается одним из самых противоречивых и остро обсуждаемых тем в археологии Черного моря (Labaree, 1957; Graham, 1958; 1982; 1990; 1994; Boardman, 1991; Tsetskhladze, 1994; 2019.

¹ Эта работа является расширенной и дополненной версией статьи “Argonautica, Colchis, and the Black Sea: Myth, Reality and Scholarship” (Tsetskhladze, 1997). Перевод на русский язык выполнен А. В. Белоусовым.

² The Gallery; Spa Road, Llandrindod Wells, Powys LD1 5ER, United Kingdom; e-mail: g.tsetskhladze63@gmail.com.

Р. 28–32, tabl. 6; Avram et al., 2004. P. 924–973). Археологи, филологи, искусствоведы и другие специалисты ищут ответы на вопросы о том, когда греки впервые появились у Черного моря, как найти свидетельства этого и как их интерпретировать. В данной статье я хотел бы сконцентрироваться на одном аспекте проблемы, а именно: можно ли использовать миф об аргонавтах как исторический источник и содержит ли он данные о первом проникновении греков в Причерноморье. Такая постановка вопроса кажется мне важной, так как в современной научной литературе

мифология иногда воспринимается как отражение реальных исторических событий.

Греческая мифологическая традиция связывает первые контакты греков с жителями понтийского региона с микенскими временами и путешествием аргонавтов за золотым руном в Колхиду. Некоторые ученые относят этот миф к тем, что отражают реальные события. По их мнению, путешествие это произошло до Троянской войны (что аргументируется цитатами из Гомера, где встречаются мотивы мифа об аргонавтах, см.: *Lordkipanidze*, 1966. Р. 9–18; 1986. Р. 15–47; *Urushadze*, 1988; *etc.*). Эти авторы считают, что среди древних греков история аргонавтов по популярности была второй после мифов троянского цикла (*Лордкипанидзе*, 1979. С. 4).

Миф о путешествии Арго известен нам благодаря Аполлонию Родосскому, поэту эллинистического периода. Вопрос о времени создания мифа и о его многочисленных вариантах очень запутанный и сложный (*Hunter*, 1990. Р. 1–40; 1993; *Gautz*, 1993. Р. 340–373). Я бы хотел подойти к рассмотрению этого мифа с точки зрения археологии и попытаться определить, действительно ли он был столь популярен у древних греков и отражает ли он реальные контакты между Грецией и Понтом. С самого начала следует понимать, что с методологической точки зрения неправильно рассматривать миф об аргонавтах как отражение реальности, особенно с учетом того, что доступная нам версия мифа отражает его состояние в эллинистический период, когда греки уже хорошо были знакомы с реальной Колхидой благодаря греческим полисам в регионе (*Brillante*, 1990. Р. 91–138; *Tsetskhladze*, 1994).

Практически все специалисты, за несколькими исключениями, согласны, что страна Эя, в которую аргонавты отправились за золотым руном, никогда не была реальным географическим регионом. Она всегда была одним из сказочных мест на краю света, таким, как острова Блаженных, сады Гесперид, остров Эриффея и мифическая Эфиопия или же как большинство стран, которые посетил Одиссей, Дионисиева Ниса, Платонова

Атлантида и т. д. Со временем стали предприниматься попытки соотнесения этих фантастических мест с реальными географическими объектами. Так как Эя представлялась располагающейся где-то на севере, но при этом и на востоке (ближе к восходу солнца), то в конце концов она была отождествлена с Колхидой. Само слово *αἶα* встречается в поэтическом языке в значении «земля, страна», но, конечно же, эта чудесная страна должна была иметь и более выразительное и менее абстрактное собственное имя. Более того, в «Одиссее» описывается другая местность с очень похожим названием — остров Ээя, где жила сестра Ээта, волшебница Кирка (*Cook*, 1962. Р. 52; *Astour*, 1967. Р. 283–288; *Huxley*, 1969. Р. 60–79; *Болтунова*, 1976).

Когда же произошло отождествление Эи с Колхидой? Произведения Евмела — самый ранний источник, в котором Эя, мифическое восточное царство солнца, помещается в Колхиду рядом с рекой Фасис, которая традиционно отмечала восточную границу известного мира. Это отождествление указывает на время бурных открытий и колонизации, когда расширившийся новый мир необходимо было подстроить под старые концепции; однако само отождествление было, вероятно, произвольным — для Евмела (Fr. 2) река Фасис была восточной границей известного мира, а в мифе об аргонавтах Эя также представляла восточной страной. Эта локализация стала общепринятой лишь в V в. до н. э. благодаря Геродоту (VII, 193), когда грекам уже было известно, что Колхида, как и мифическая Эя, была богата золотом. Именно тогда Колхида, ее золото и золотое руно слились для греков в один неделимый образ.

Обратимся теперь к вопросу о том, был ли миф об аргонавтах действительно так популярен, для чего рассмотрим свидетельства, предлагаемые изобразительным искусством. В архитектурной скульптуре единственное известное нам изображение, связанное с аргонавтами, — сцена на так называемой сокровищнице сикионцев в Дельфах (вторая четверть VI в. до н. э.; *Ridgway*, 1966; 1993. Р. 341–342; *Szeliga*, 1986). Появление этих

мотивов необязательно объясняется популярностью рассказа об аргонавтах или связью с Колхидой. Этот миф в целом обычно рассматривался как миф-путешествие (именно по этой причине связанные с ним мотивы в изобразительном искусстве обычно никак не отражают те его части, которые относятся к пребыванию Ясона в Колхиде). Рассказы о путешествиях в дальние страны впервые нашли свое монументальное воплощение в западной зоне колонизации и в великих панэллинских святилищах, особенно в Дельфах, когда оракул принял на себя роль предводителя всех колонистов (*Ridgway*, 1991).

Известно 20 примеров изображений сцен из путешествия аргонавтов в греческой и этрусской вазописи, на инталиях и монетах; они датируются временем от V до II в. до н. э. (*Beatter*, 1984; *Simon*, 1990). Ясон на изображениях встречается 57 раз, самые ранние из них датируются последней четвертью VII в. до н. э., например роспись на коринфской вазе (на этой сцене, скорее всего, отражена одна из древних версий мифа о Ясоне, в которой он становится царем Коринфа), однако большинство относится к V–IV вв. до н. э. (*Neils*, 1990). Образ Медеи был более популярен в римском искусстве, чем в греческом. Известно лишь около 10 примеров ее изображения в греческом изобразительном искусстве и примерно шесть — на этрусских вазах. Самые ранние примеры этрусской вазописи с ее изображениями датируются 630–600-ми гг. до н. э., а самые ранние греческие — 530 г., остальные же изображения относятся к V–IV вв. до н. э. (*Sourvinou-Inwood*, 1990; *Schmidt*, 1992).

Таким образом, всего известно около 92 изображений, связанных с мифом об аргонавтах, Ясоном и Медеей, то есть история аргонавтов проиллюстрирована достаточно бедно. Некоторые сцены, представленные в вазописи, указывают на версии мифа, утраченные или почти утраченные литературной традицией (*Henle*, 1973. P. 103–112; *Schefold*, 1992. P. 183–197). Как кажется, Ясон был не очень популярным персонажем в вазописи, что может объясняться тем, что он воспринимался, скорее, как антигерой (по крайней

мере, таковым он изображается Аполлоном Родосским), как беспомощный персонаж, ведь он оказался не способен сам, без помощи колдовства Медеи, забрать золотое руно (*Neils*, 1990. P. 630). Медея — убийца с трагической судьбой родом из варварской страны — посредством трагедии была лучше знакома грекам (*Kerényi*, 1979. P. 20–40). Какие из этого можно сделать выводы? В греческом искусстве «Аргонавтика» никогда не могла соперничать в популярности с эпическими циклами. В архаической вазописи предпочтение отдавалось тем эпизодам из истории Ясона, которые были вторичными по отношению к его путешествию за золотым руном. В классическом же искусстве, напротив, Ясон — достаточно известная фигура, и наблюдается огромный интерес к истории золотого руна. Большинство художников предпочитало изображать момент кражи руна (*Shapiro*, 1994. P. 96–97). Важно отметить, что большая часть этих изображений относится к V в. до н. э., что еще раз подтверждает, что отождествление Эи с Колхидой произошло в это время. Это значит, что миф не мог отражать реальное путешествие по Черному морю, предположительно предпринятое греками в XIII в. до н. э. У П. Вена есть все причины задаваться вопросом: «Верили ли греки в свои мифы?» (*Veune*, 1988). Конечно же, на это невозможно дать простой и четкий ответ. Очень часто сегодня мы сами хотим верить в эти мифы больше, чем некогда сами греки.

Был ли миф об аргонавтах вторым по популярности после мифов троянского цикла? Скорее всего, нет. Мифы, связанные с северной частью Причерноморья, были более известны: изображения Ифигении в Тавриде, например, можно увидеть 33 раза на памятниках греческого изобразительного искусства, 24 — этрусского и 53 — римского (всего 112 раз; см.: *Neils*, 1990; *Скржинская*, 1988). Амазонки встречаются в греко-римском искусстве в общей сложности 819 раз, и еще 51 — в этрусском (LIMC I. P. 586–653; *Henderson*, 1994). Хотя греки из Северного Причерноморья знали миф об амазонках, он все же был занесен на Черное море колонистами

из Ионии (Скржинская, 1991. С. 11–72). Однако среди греков наиболее популярными из этих северопричерноморских мифов были те, что отражены в «скифском логосе» Геродота, особенно рассказ о Геракле в земле скифов (Скржинская, 1986). Известно 425 аттических ваз с изображениями скифов (Vos, 1963. P. 93–127). Но такая частотность изображения может объясняться не только популярностью мифа, но и тем фактом, что в Афинах имелись скифские лучники-рабы (*Ibid.* P. 67–69). В Северном Причерноморье были популярны и греческие мифы, и греческая литература: так, на Березани, после того как она стала частью Ольвии, сочинялись гимны, которые показывали, что ольвиополиты почитали Гомера (Шелов-Коведяев, 1990; Hedreen, 1991; etc.).

Считается, что Колхида была богата железом, медью, золотом и серебром. В стране Ээта было так много золотых сокровищ, что древние авторы, знакомые с мифом об аргонавтах, назвали ее «страной, богатой золотом». Другим общепринятым мнением является то, что эти драгоценные металлы и были причиной, по которой греки прибыли в Восточное Причерноморье. Но насколько реалистично такое предположение?

Начнем с обработки железа. Датировка первых произведенных в Колхиде железных предметов спорна: предположения разнятся от конца XIII до XII в. до н. э. Однако все эти гипотезы безосновательны: в кладе, в составе которого был обнаружены эти предметы, нет ничего, что могло бы точно датировать его. Известно о существовании около 400 кузнечных мастерских на территории Колхиды, однако лишь 27 из них были раскопаны. Обычно они датируются достаточно ранним временем — первой половиной или серединой II тыс. до н. э., однако в этих печах на самом деле не было обнаружено ни керамики, ни каких-либо других артефактов, которые могли бы указать на более точную дату. Таким образом, такая ранняя датировка беспочвенна и отражает лишь попытку ученых выдать желаемое за действительное. Не вдаваясь в детали, отмечу, что широкое использование железа в Колхиде началось в VIII–VII вв. до н. э., на что

указывает значительная масса источников. VII в. был зарей железного века в регионе, поэтому упомянутые выше металлоплавильные печи должны датироваться не раньше этого времени. Ввиду вышесказанного Колхида времен аргонавтов никак не могла быть «богатой железом», ведь неизвестно ни одного металлического предмета, который можно было бы с уверенностью отнести к данному периоду (*Tsetskhladze, Treister, 1995. P. 1–18, с литературой*)³.

Но как же обстояло дело с обработкой золота? Два самых ранних золотых предмета, обнаруженных на территории Колхиды, появились там в результате импорта с Ближнего Востока (это было выявлено на основании стилистического и технологического анализа). Третий предмет — золотая подвеска с зернью — датируется первой половиной VI в. до н. э. Сотни золотых украшений, обнаруженных в элитных погребениях, датируются самое раннее лишь первой половиной или же серединой V в. до н. э. Опять же, не вдаваясь в детали, укажу, что именно это время и следует считать началом местной традиции обработки золота, притом занесенной ионийцами, а не созданной колхами. Таким образом, аргонавты не могли обнаружить изобилие золотых сокровищ в царстве Ээта, куда они отправились за золотым руном (*Ibid.* P. 18–19)⁴.

Таким образом, греки не могли отправиться в Колхиду в поисках драгоценных и прочих металлов. Согласно новым исследованиям, а также переоценке давно известных сведений, первое греческое поселение на восточном берегу Чёрного моря — Диоскуриада — было основано в самом конце VII — начале VI в. до н. э., за ним последовали остальные (*Tsetskhladze, 2018*). Это является дополнительным

³ О торговле металлом см.: *Treister, 1996*. Другим аспектом этой дискуссии является локализация месторождений золота (см.: *Tsetskhladze, Treister, 1995. P. 17–18*).

⁴ Древние авторы также не были единодушны в понимании значения названия «золотое руно» и предлагали разные объяснения, см., например: *Strab. XI, 2, 19* и *App. Mithr. 103*.

доказательством того, что греки пришли в этот регион не за металлами — как уже говорилось, в это время традиция обработки металла находилась там еще на ранней стадии, а обработка золота вообще не началась. Так или иначе, основателям восточно-понтских колоний, ионийцам, не было нужды покидать родину в поисках металлов, так как в Анатолии было известно множество их месторождений (*Tsetskhladze, Treister, 1995. P. 19–24*)⁵.

Считается, что современный Кутаиси⁶, расположенный недалеко от Вани, и был древней Эей/Кутаей, резиденцией царя Ээта из мифа об аргонавтах (*Лордкипанидзе, 1988; Schuller, 1988*). Однако там не было обнаружено никаких археологических свидетельств той развитой материальной культуры Колхиды, которая была описана в мифе. Само проведение раскопок осложнено тем, что памятник находится под современным городом, однако на окружающей территории была обнаружена местная керамика, важная для датировки поселения, оставленного местным населением. Относительно недавно во время раскопок средневекового памятника на холме близ собора Сиони в слое VIII–VII вв. до н. э. было обнаружено несколько фрагментов керамики классического периода (*Lanchava et al., 2010. P. 67–69*). С этим слоем связаны постройки с каменными фундаментами и возве-

⁵ Истинные причины колонизации совсем не просты и не однозначны, и каждая колония, как и каждая метрополия, требуют отдельного исследования (см.: *Descœudres, 2008*).

⁶ О Кутаиси см.: *Dzikia, 2006; Lanchava, 2007* (расширенная версия этой публикации вышла в 2015 г.).

денными на них деревянными конструкциями. Такой же тип жилищ был зафиксирован в Саирхе, нигде более он неизвестен. В другом месте спасательные раскопки выявили срубные дома с покрытыми глиной стенами. Также были обнаружены постройки эллинистического периода. Это поселение (площадью 8–10 га) прекратило свое существование примерно в начале III в. до н. э., затем территория использовалась как некрополь с захоронениями в сосудах в течение II–I вв. до н. э. (*Ibid.*; см. также: *Tsetskhladze, 2018. P. 501*).

Таким образом, миф об аргонавтах не имеет под собой исторической основы и не может быть использован в качестве доказательства ранних контактов между Причерноморьем и Грецией. Сегодня можно без сомнения утверждать, что тесные контакты между двумя регионами начались со второй половины VII в. до н. э., когда греки основали свои первые понтские колонии. Современные ученые привыкли рассматривать греческую мифологию со своей собственной точки зрения, выдавая желаемое за действительность, однако лучшим подходом было бы попытаться понять, как сами греки воспринимали свои мифы, а не искать отражение реальности там, где его нет⁷.

⁷ О Колхиде см.: *Tsetskhladze, 2018*. Колхида привлекла внимание Генриха Шлимана из-за «тесных связей между древней Грецией и древней Колхидой». В январе 1883 г. он подал прошение председателю Императорской археологической комиссии князю А. А. Васильчикову о разрешении раскопок в Колхиде, но ему было отказано (*Ibid. P. 436–439*). Одной из целей Шлимана было подтверждение реальности мифа об аргонавтах. Очевидно, он надеялся обнаружить в Колхиде золотые вещи.

Болтунова, 1976 — Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида // Мацне. Тбилиси: Мецниереба, 1976. № 3. С. 37–44.

Лордкипанидзе, 1979 — Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. 232 с.

Лордкипанидзе, 1988 — Лордкипанидзе О. Д. К вопросу о первом упоминании г. Кутаиси в

письменных источниках // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. / Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 150–174.
Скржинская, 1986 — Скржинская М. В. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н. э. // ВДИ. М.: Наука, 1986. № 4. С. 84–95.

- Скржинская*, 1988 — *Скржинская М. В.* Реальное и фиктивное в описании Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 176–191.
- Скржинская*, 1991 — *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1991. 200 с.
- Шелов-Коведяев*, 1990 — *Шелов-Коведяев Ф. В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. М.: Наука, 1990. № 3. С. 49–62.
- Astour*, 1967 — *Astour M. C.* Hellenosemitica. An ethnic and cultural study in West Semitic impact on Mycenaean Greece. Leiden: Brill, 1967. 415 p.
- Avram et. al.*, 2004 — *Avram A., Hind J., Tsetskhladze G.* The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Eds. M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 924–973.
- Beatter*, 1984 — *Beatter R.* Argonautai // LIMC. Vol. II.1. P. 593–597.
- Boardman*, 1991 — *Boardman J.* Early Greek Pottery on Black Sea Sites? // Oxford Journal of Archaeology. New York: John Wiley & Sons, 1991. Vol. 10. P. 387–389.
- Brillante*, 1990 — *Brillante C.* History and Historical Interpretation of Myth // Approaches to Greek Myth / Ed. L. Edmunds. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. P. 93–140.
- Cook*, 1962 — *Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. London: Thames and Hudson, 1962. 268 p.
- Descoedres*, 2008 — *Descoedres J.-P.* Central Greece on the Eve of the Colonisation Movement // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. G. R. Tsetskhladze. Leiden; Boston: Brill, 2008. Vol. 2. P. 289–382.
- Dzikia*, 2006 — *Dzikia L.* Kolkhuri da utskhouri kultiris dzgglebi kutais kveknidan. Kutais: Metsniereba, 2006. 182 s.
- Gautz*, 1993 — *Gautz T.* Early Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1993. 836 p.
- Graham*, 1958 — *Graham A. J.* The Date of the Greek Penetration of the Black Sea // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Oxford: Oxford University Press, 1958. Vol. 5. P. 25–42.
- Graham*, 1982 — *Graham A. J.* The colonial expansion of Greece // Cambridge Ancient History / Eds. J. Boardman, N. G. L. Hammond. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Vol. 3., pt. 3. P. 83–162.
- Graham*, 1990 — *Graham A. J.* Pre-Colonial Contacts: Questions and Problems // Greek Colonists and Native Populations / Ed. J.-P. Descoedres. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 52–54.
- Graham*, 1994 — *Graham A. J.* Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coasts: Historical Background // Greek and Roman Settlement on the Black Sea Coast / Ed. G. R. Tsetskhladze. Bradford: Loid, 1994. P. 4–10.
- Hedreen*, 1991 — *Hedreen G.* The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1991. Vol. 60. P. 313–330.
- Henderson*, 1994 — *Henderson J.* Timeo Danaos: Amazons in Early Greek Art and Pottery // Art and Text in Ancient Greek Culture / Eds. S. Goldhill, R. Osborne. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 85–137.
- Henle*, 1973 — *Henle J.* Greek Myths: A Vase Painter's Notebook. Bloomington; London: Indiana University Press, 1973. 247 p.
- Hunter*, 1990 — *Hunter R. L.* (ed.). Apollonius of Rhodes. Argonautica. Book III. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 280 p.
- Hunter*, 1993 — *Hunter R. L.* The Argonautica of Apollonius: Literary Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 216 p.
- Huxley*, 1969 — *Huxley G. L.* Greek Epic Poetry: From Eumelos to Panyassis. London: Harvard University Press, 1969. 213 p.
- Kerényi*, 1979 — *Kerényi K.* Goddesses of Sun and Moon: Circe, Aphrodite, Medea, Niobe. Dallas: Spring Publications, 1979. 84 p.
- Labaree*, 1957 — *Labaree B. W.* How the Greeks Sailed into the Black Sea // American Journal of Archaeology. Boston; New York: Archaeological Institute of America, 1957. Vol. 61.1. P. 29–33.
- Lanchava*, 2007 — *Lanchava O.* Kutais arkeologia. Kutais: Metsniereba, 2007. 304 p.

- Lanchava et al.*, 2010 — *Lanchava O., Isakadze R., Berdzenishvili D., Kartsidze N., Chumburidze M.* Gatkhrebi Kutaissa da Gelatshi // *Dziebani*. Tbilisi: Metsniereba, 2010. № 19. P. 67–73.
- Lordkipanidze*, 1966 — *Lordkipanidze O. D.* Antikuri samkaro da kolkheti. Tbilisi: Metsniereba, 1966. 190 s.
- Lordkipanidze*, 1986 — *Lordkipanidze O. D.* Argonavtika da dzveli kokheti. Tbilisi: Metsniereba, 1986. 98 s.
- Neilis*, 1990 — *Neilis J. Iason* // LIMC. 1990. Vol. V. 1. P. 630–637.
- Ridgway*, 1966 — *Ridgway B. S.* Notes on the Development of the Greek Frieze // *Hesperia*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1966. Vol. 35. P. 196–197.
- Ridgway*, 1991 — *Ridgway B. S.* Archaic Architectural Sculpture and Travel Myths // *Dialogues d'histoire ancienne*. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 1991. Vol. 17.2. P. 95–112.
- Ridgway*, 1993 — *Ridgway B. S.* The Archaic Style in Greek Sculpture. Chicago: Ares, 1993. 2nd ed. xxviii+497 p.
- Schefold*, 1992 — *Schefold K.* Gods and Heroes in Late Archaic Greek Art. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. xiii + 375 p.
- Schmidt*, 1992 — *Schmidt M.* Medeia // LIMC. 1992. Vol. VI.1. P. 388–395.
- Schuller*, 1988 — *Schuller W.* Kolchis bei Herodot und bei Apollonios von Rhodos. Ein vergleich // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. / Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. P. 175–183.
- Shapiro*, 1994 — *Shapiro H. A.* Myth into Art: Poet and Painter in Classical Greece. London: Routledge, 1994. 220 p.
- Simon*, 1990 — *Simon E.* Un cratere en cloche d'époque Classique a sujet colchidien. Appendix par R. Olmos // *Le Pont-Euxin vu par les Grecs: sources écrites et archéologie* / Ed. par O. Lordkipanidze et P. Lévêque. Paris: Les belles lettres, 1990. P. 227–229, 231–234.
- Sourvinou-Inwood*, 1990 — *Sourvinou-Inwood C.* Myth in Images: Theseus and Medea as a case study // *Approaches to Greek Myth* / Ed. L. Edmunds. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1990. P. 395–445.
- Szeliga*, 1986 — *Szeliga G. N.* The Composition of the Argo Metopes from the Monopteros at Delphi // *American Journal of Archaeology*. Boston; New York: Archaeological Institute of America, 1948. Vol. 90.3. P. 297–305.
- Treister*, 1996 — *Treister M. Yu.* The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden; New York; Cologne: Brill, 1996. P. xiv, 481 (Mnemosyne Suppl. 156).
- Tsetskhladze*, 1994 — *Tsetskhladze G. R.* Greek Penetration of the Black Sea // *The Archaeology of Greek Colonisation: Essays Dedicated to Sir John Boardman* / Eds. G. R. Tsetskhladze, F. de Angelis. Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1994. P. 111–137.
- Tsetskhladze*, 1997 — *Tsetskhladze G. R.* Argonautica, Colchis, and the Black Sea: Myth, Reality and Scholarship // *Thracia Pontica*. Varna, 1997. Vol. 6(1). P. 337–347.
- Tsetskhladze*, 2018 — *Tsetskhladze G. R.* The Colchian Black Sea Coast: Recent Discoveries and Studies // *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral* / Eds. M. Manoledakis, G. R. Tsetskhladze, I. Xydopoulos. Leuven; Paris; Bristol (CT): Peeters, 2018. P. 425–545 (Colloquia Antiqua. 18).
- Tsetskhladze*, 2019 — *Tsetskhladze G. R.* Once Again About the Establishment Date of Some Greek Colonies Around the Black Sea // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity: Selected Papers from the Third International Conference “The Black Sea in Antiquity and Tekkekoy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast”, 27–29 October 2017, Tekkekoy, Samsun* / Eds. G. R. Tsetskhladze, S. Atasoy. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 1–41.
- Tsetskhladze, Treister*, 1995 — *Tsetskhladze G. R., Treister M. Yu.* The Metallurgy and Production of Precious Metals in Colchis Before and After the Arrival of the Ionians (Towards the Problem of the Reasons for Greek Colonisation) // *Bulletin of the Metals Museum*. 1995. № 24. P. 1–32.
- Urushadze*, 1988 — *Urushadze A. A.* Dzakokari medeas kvekana // *Kavkasia da shvazgvispireti* / Eds. R. Gordeziani, A. Urushadze. Tbilisi: Metsniereba, 1988. P. 151–166.
- Veyne*, 1988 — *Veyne P.* Did the Greeks Believe in Their Myths? An Essay on the Constitutive Imagination. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 174 p.
- Vos*, 1963 — *Vos M. F.* Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Gröningen: J. B. Wolters, 1963. 142 p.

“Gold-rich” Colchis, land in Argonautica: myth, reality and modern scholarship

G. R. Tsetskhladze

The problem of mythology has attracted broad attention from scholars. The main question persists: can we use myths as historical sources, or identify some elements of them that transmit reality. This article is focused on the Argonautica, one of the principal myths of Antiquity. The chief aim of Jason was to find the Golden Fleece and to take it back to his homeland. The fleece was supposed to exist in the country of Aia, ruled over by king Aetes, whose daughter was the sorceress Medea. This Aia was identified with Colchis in the time of Herodotus, described as gold-rich, full of precious metals, iron, etc. Some colleagues consider the myth, with its description of the wealth of Aia, as an historical source. Can this be the truth? Using other evidence the author concludes that the myth is not historical but literary.

Сасанидские боевые рельефы и происхождение темы конной дуэли на пиках в прокламативном искусстве доисламского Ирана¹

В. П. Никоноров²

Аннотация. В статье рассматривается группа из шести сасанидских наскальных боевых рельефов, изображающих дуэли между катафрактами — конными пикейщиками, полностью облаченными, как и их кони, в доспехи. Автор на основе использования сравнительно-иконографического и историко-культурного методов пришел к выводу, что рассматриваемая уникальная иконографическая тема, символически отражавшая реальные события сасанидской истории в виде, как правило, вымышленных поединков вождей, вполне самостоятельно от внешних влияний сложилась в искусстве парфянского Ирана и была затем заимствована Сасанидами.

Annotation. The article deals with a group of six Sassanian rock combat reliefs depicting duels between the cataphracts — mounted lancers encased, like their horses, in full armour. The present author, based on the use of comparative-iconographic and historical-cultural methods, has come to a conclusion that the unique iconographic theme in question, symbolically reflecting the real events of Sasanian history in the form, as a rule, of fictional single combats of the leaders, had formed quite independently from external influences in the art of Parthian Iran and was then borrowed by the Sasanians.

Ключевые слова: парфянские и сасанидские наскальные боевые рельефы, прокламативное искусство, иконография, эпос, катафракты.

Keywords: Parthian and Sassanian rock combat reliefs, proclamative art, iconography, epos, cataphracts.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-215-238

Для меня чрезвычайно большая честь внести свой скромный вклад в чествование юбилея Юрия Алексеевича Виноградова — заме-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Ст. науч. сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. С.-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vrnikonorov@mail.ru.

чательного человека и выдающегося ученого. Мы знакомы с ним с лета очень далекого уже 1984 г., когда по заданию В. М. Массона приняли участие в раскопках на городище Старая Ниса близ Ашхабада в Южном Туркменистане. С тех пор нас связывает крепкая мужская дружба, которой я очень горжусь.

Наиболее впечатляющим видом изобразительного искусства древнего Ирана в сасанидскую эпоху, вне всякого сомнения, являются величественные наскальные рельефы (38 в Иране и один в Афганистане). Подавляющее большинство их находится в провинции

Фарс — древнем Парсе (греч. Персиде), на родине могущественных правителей из династий Ахеменидов и Сасанидов (*Herzfeld*, 1928; *Ghirshman*, 1962. P. 125–133, 151–178, 184–185, 190–199; *Porada*, 1965. P. 202–211; *Lukonin*, 1967. P. 107–110; *Hinz*, 1969. S. 115–228; *Schmidt*, 1970. P. 122–141; *Herrmann*, 1977a. P. 77, 87–96, 100, 104–106, 131–135; 1977b; 2000; *Herrmann*, *Curtis*, 2002; *Vanden Berghe*, 1983. P. 55–99, 106–108, 125–151 [cat. no. 32–105]; 1993. P. 72–88; *Shepherd*, 1983. P. 1077–1088; *Gall*, 1990. S. 20–47, 99–104; 2008; *Canepa*, 2013). Особое место среди сасанидской наскальной скульптуры занимает группа из шести рельефов с изображениями поединков всадников в тяжелом вооружении (рис. 1, 1–6). Всего на них показано восемь сцен единоборств, в семи из которых победители поражают своих противников ударами длинных пик, и только в одном случае единоборство выглядит как борцовская схватка. Пять боевых рельефов находятся в Фарсе: один в Фирузабаде — далее сокращенно Fir 1 (*Ghirshman*, 1947. P. 8–12, pl. VII, a; 1962. P. 125–130; *Vanden Berghe*, 1959. P. 50–51, pl. 71; 1983. P. 62, 125–126, fig. 8 [cat. no. 32–33]; *Hinz*, 1969. S. 115–118, 120; *Herrmann*, 1969. P. 71–73, fig. 5–7, pl. IA, IB; 1977a. P. 77, 87–89; *Gall*, 1990. S. 20–30, abb. 3, taf. 5–8) (рис. 1, 1), четыре в Накш-е Рустаме³ — NRm 7/IV и NRm 7/V (*Schmidt*, 1970. P. 130–131, pl. 89; *Vanden Berghe*, 1983. P. 77, 82, 139–140 [cat. no. 72], pl. 30; *Gall*, 1990. S. 31–32, 34, abb. 4, b, c, taf. 10, 11)

³ Нумерация боевых рельефов в Накш-е Рустаме дается по изданиям: *Gall*, 1990 (арабская цифра) и *Schmidt*, 1970 (римская цифра).

(рис. 1, 2, 3)⁴, NRm 5/VII (*Ghirshman*, 1950. P. 86, 88–90, fig. 4–7; 1962. P. 177–179; *Hinz*, 1969. S. 206, 209, 215, taf. 133a, 133b; *Schmidt*, 1970. P. 135–136, pl. 91–93; *Herrmann*, 1977a. P. 100; 1977b. P. 6–9, fig. 1, pl. 1–7; *Vanden Berghe*, 1983. P. 85, 141–142 [cat. no. 77–78], pl. 33; *Gall*, 1990. S. 30–31, abb. 4, a; taf. 9) (рис. 1, 4) и NRm 3/IX (*Schmidt*, 1970. P. 136–137, pl. 95; *Vanden Berghe*, 1983. P. 77, 82, 139 [cat. no. 71]; *Gall*, 1990. S. 34–36, abb. 4, d, taf. 12, 13) (рис. 1, 5), а также еще один (явно незавершенный и, более того, разрушенный при каджарском правителе Фетх Али-Шахе не раньше 1818 г.) располагался в Рее, рядом с Тегераном (*Schmidt*, 1970. P. 140; *Gall*, 1990. S. 36–37, abb. 5, taf. 14) (рис. 1, 6)⁵.

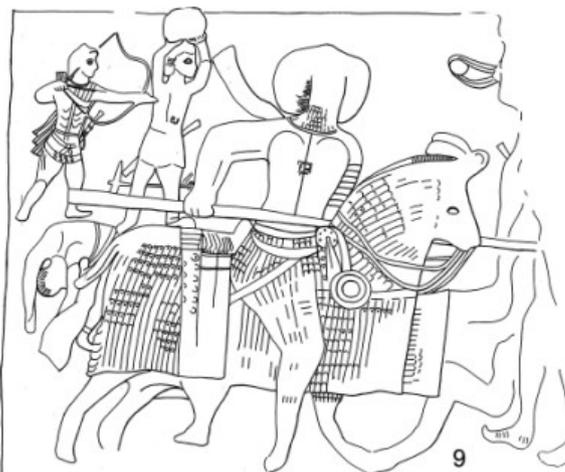
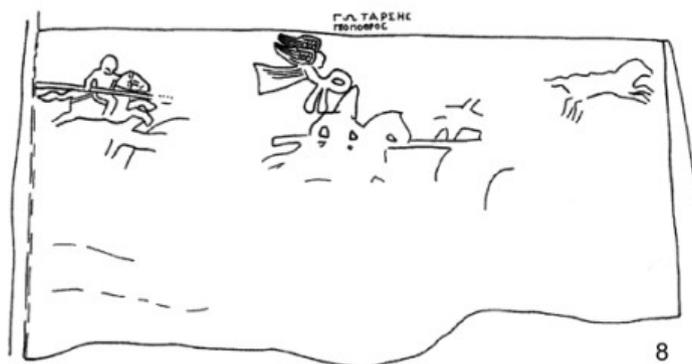
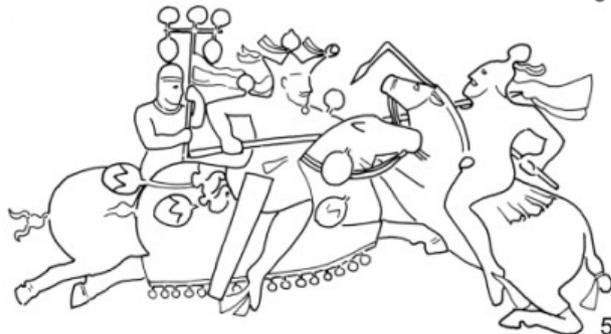
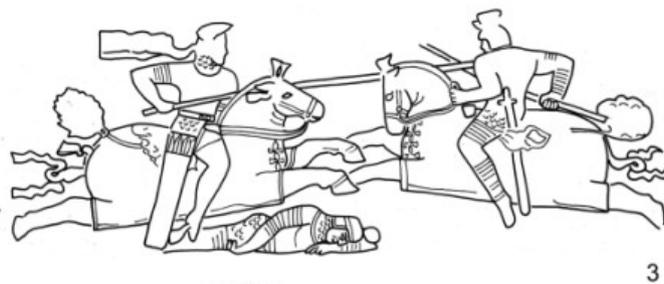
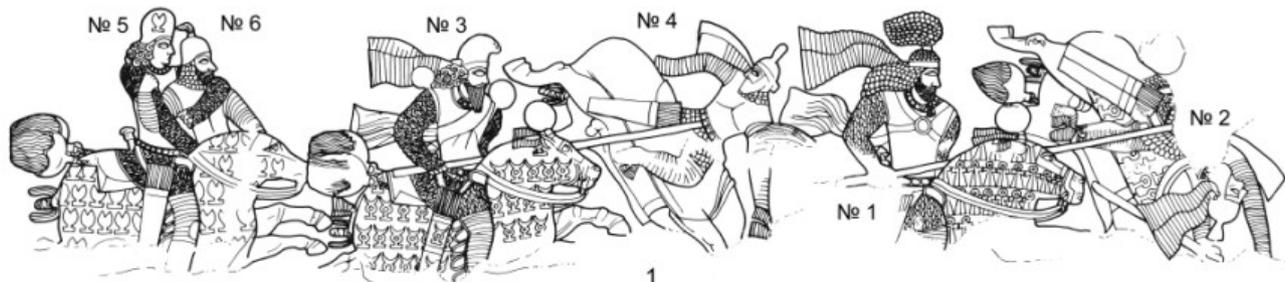
Fir 1, композиционно состоящий из трех поединков (рис. 1, 1), является самым большим из всех известных сасанидских наскальных рельефов (его длина с незаконченным изображением в правой части 22,40 м, а в высоту он сохранился почти на 4 м). Судя по стилистическим и техническим характеристикам, это самый ранний сасанидский наскальный монумент вообще, работа над которым началась вскоре после 224 г. (*Ghirshman*, 1947. P. 11; *Vanden Berge*, 1993. P. 82; *Canepa*, 2013.

⁴ Изображения поединков в верхнем и нижнем полях двойного рельефа № 7 по Х. фон Галлю (= № IV и V по Э. Шмидту) я вслед за Э. Шмидтом предпочитаю рассматривать как отдельные рельефы (NRm 7/IV и NRm 7/V).

⁵ В настоящей статье я намеренно не рассматриваю знаменитую скульптуру всадника-пикейщика в доспехах из грота наскального комплекса Так-е Бустан в Керманшахе (*Gall*, 1990. S. 384, abb. 6, a, taf. 15–16) ввиду отсутствия в композиции этого монумента противника изображенного персонажа.

Рис. 1. Сасанидские (1–7) и парфянские (8, 9) памятники искусства с батальными сценами: 1 — рельеф в Фирузабаде (Fir 1) (*Vanden Berghe*, 1983. Fig. 8); 2–5 — рельефы в Накш-е Рустаме: соответственно NRm 7/IV, NRm 7/V, NRm 5/VII и NRm 3/IX (*Gall*, 1990. Abb. 4); 6 — рельеф в Рее, акварель Р. Кер Портера (*Ibid.* Taf. 14); 7 — фреска из Дура-Европос (*Goldman, Little*, 1980. Fig. 2); 8 — рельеф в Бисутуне (*Gall*, 1996. Abb. 4); 9 — рельеф в Танг-е Сарваке (*Gall*, 1990. Abb. 1)

Fig. 1. Sasanian (1–7) and Parthian (8, 9) monuments of art with combat scenes: 1 — relief at Firuzabad (Fir 1) (*Vanden Berghe*, 1983. Fig. 8); 2–5 — reliefs at Naqsh-e Rostam: NRm 7/IV, NRm 7/V, NRm 5/VII and NRm 3/IX respectively (*Gall*, 1990. Abb. 4); 6 — relief at Ray, a watercolour by R. Ker Porter (*Ibid.* Taf. 14); 7 — mural from Dura-Europos (*Goldman, Little*, 1980. Fig. 2); 8 — relief at Bisotun (*Gall*, 1996. Abb. 4); 9 — relief at Tang-e Sarvak (*Gall*, 1990. Abb. 1)

Р. 873; Callieri, 2017). Первым в исторический контекст его вписал Э. Херцфельд⁶, который, учитывая информацию из средневековых источников (прежде всего, конечно же, «Истории пророков и царей» ат-Табари), пришел к выводу, что этот монумент символизирует решающую победу первого сасанидского монарха Ардашира I (224–241/242) над последним парфянским царем Артабаном (Ардаваном) IV⁷ в битве на равнине Хормиздаган в 224 г. н. э.⁸ Таким образом, участниками поединков здесь являются трое персидских и трое парфянских воинов, сражающихся друг с другом попарно, причем во всех этих парах верх одерживают персы, показанные слева: двое (№ 1 и 3) поражают врагов длинными пиками, а третий (№ 5) побеждает оппонента в борцовской схватке. Правую пару всадников (персонажей № 1 и 2) Э. Херцфельд определил как Ардашира и Артабана, центральную (персонажей № 3 и 4) — как наследного принца Шапура (будущего шаханшаха Шапура I) и парфянского визиря Дадбундада (гибель последнего от руки Шапура особо отмечается в сообщениях ат-Табари и Балами). В левой паре (персонажей № 5 и 6), по его мнению, представлены царский оруженосец/паж и неизвестный парфянин (Herzfeld, 1926. S. 253–254; 1928. P. 131–132; 1935. P. 78; 1941. P. 310).

Интерпретация Э. Херцфельда была поддержана многими авторитетными специалистами в области истории и культуры сасанидского Ирана, став, по сути, общепринятой

⁶ Примечательно, что он сделал это уже после своего посещения боевого рельефа в Фирузабаде в марте 1924 г. (Herzfeld, 1926. S. 253–254), тогда как ранее он атрибутировал этот памятник сасанидскому шаханшаху Варахрану II (276–293) — правнуку Ардашира I (Herzfeld, 1920. S. 42).

⁷ Долгое время в научной литературе он нумеровался (скорее ошибочно) как Артабан V, см.: Schippmann, 1987. P. 647, 649–650.

⁸ Сообщение ат-Табари: Widengren, 1971. P. 763; его обработка на новоперсидском языке за авторством Балами (X в.): Bel'ami, 1869. P. 72–73. Об этом эпохальном сражении см. также: Widengren, 1971. P. 739–745; Shahbazi, 2004b; Grabowski, 2011. P. 219–221; Syväntte, Maksymiuk, 2018. P. 29–34.

(Ghirshman, 1947. P. 8–11; 1962. P. 125–130; Vanden Berghe, 1959. P. 50–51; 1983. P. 125–126; Hinz, 1969. S. 115, 118, 120; Schmidt, 1970. P. 125; Herrmann, 1969. P. 72–73; 1977a. P. 77, 87–89; 2000. P. 38; Herrmann, Curtis, 2002; Lushey, 1987; Robinson, 2002. P. 20; Shahbazi, 2004b). Только много лет спустя после публикаций Э. Херцфельда Х. фон Галль резонно обратил внимание на тот факт, что противник царевича Шапура имеет на голове диадему, подобно самому Шапуру, Ардаширу и Артабану (персонажи № 1–4), — несомненный знак царского достоинства — и отождествил его с сыном и наследником Артабана, имя которого история не сохранила (Gall, 1990. S. 21; 2008. P. 149; см. также: Huff, 2008. P. 38–39), с чем следует согласиться. В остальном же трактовка сюжета на фирузабадском рельефе, предложенная Э. Херцфельдом уже почти 100 лет назад, продолжает сохранять свое значение и по сей день⁹. Важно подчеркнуть, что состав всех трех пар бойцов на этом монументе строго корректен в иерархическом смысле — здесь равный сражается с равным: монарх с монархом, наследный царевич с наследным царевичем, «оруженосец/паж» с «оруженосцем/пажем», что, по справедливому утверждению Х. фон Галля, «отражает социальную структуру Сасанидской империи» (Gall, 2008. P. 149).

Следует отметить, что по своим скульптурным формам Fir 1 серьезно отличается от подавляющего большинства других сасанидских наскальных рельефов (Sanera, 2013. P. 873). В частности, глубина изображения — всего от 4 до 8 см (Gall, 1990. S. 20)¹⁰, а само оно считается выполненным в манере, более близкой к настенной живописи, чем к скульп-

⁹ В данной связи замечу, что не так давно появилась публикация, в которой предлагается кардинально новая историческая интерпретация фирузабадского боевого рельефа, согласно которой на этом монументе отражены три кампании войны Ардашира I против Артабана IV в 220–228 гг. (Grabowski, 2011. P. 211–226), однако, на мой взгляд, при всей своей оригинальности она далеко не свободна от серьезной критики.

¹⁰ Для сравнения: наибольшая глубина изображения на NRm 5/VII (рис. 1, 4) достигает 31 см (Herrmann, 1977a. P. 100; 1977b. P. 6; Gall, 1990. S. 30).

птуре (*Herzfeld*, 1941. P. 310–311; *Porada*, 1965. P. 206; *Shepherd*, 1983. P. 1079).

Если на Fir 1 изображены три поединка, то на остальных боевых рельефах¹¹ изображено только по одной конной дуэли. При этом на трех из них — NRm 7/IV, NRm 5/VII и NRm 3/IX (рис. 1, 2, 4, 5) — наряду с основными действующими лицами, присутствует также сопровождающий царя знаменосец. Отсутствие последнего на NRm 7/V (рис. 1, 3), вполне возможно, указывает на то, что тамошний победоносный всадник является не монархом, а наследным принцем (*Gall*, 1990. S. 34; 2008. P. 149). Примечательно, что на NRm 7/IV и NRm 7/V (рис. 1, 2, 3) под копытами коней главных персонажей показаны уже сраженные ими ранее враги. Тематически к фирузабадскому рельефу наиболее близок NRm 5/VII (рис. 1, 4), где шаханшах повергает своего противника наземь вместе с его конем — точно так же, как расправляются со своими оппонентами Ардашир и Шапур, тогда как на двух других наскальных скульптурах в Накш-е Рустаме и, очевидно, на утраченном монументе в Рее противники главных героев, получив удар пикой, продолжают оставаться в седле (рис. 1, 2, 3, 5, 6).

В отличие от Fir 1, хронология и историческая интерпретация остальных боевых рельефов остается неясной. Только NRm 5/VII практически единодушно связывают с Хормиздом II (302–309) (*Ghirshman*, 1950. P. 88–90; 1962. P. 179; *Hinz*, 1969. S. 206, 209, 215; *Schmidt*, 1970. P. 135; *Bivar*, 1972. P. 281; *Herrmann*, 1977a. P. 100; 1977b. P. 6–7; 2000. P. 42; *Vanden Berghe*, 1983. P. 85, 141–142 [cat. no. 77–78]; 1993. P. 86; *Gall*, 1990. S. 30; 2008. P. 149; *Canepa*, 2013. P. 859, 874). NRm 7/IV и NRm 7/V атрибутируются либо Варахрану II (276–293) и Варахрану III (293) соответственно (*Schmidt*, 1970. P. 130–131), либо Варахрану II (оба рельефа) (*Herzfeld*, 1920. S. 44; *Bivar*, 1972. P. 279–280; *Vanden Berghe*,

1983. P. 77, 82, 139–140 [cat. no. 72]; 1993. P. 86; *Canepa*, 2013. P. 859, 874), либо Варахрану IV (388–399) и его наследнику соответственно (*Gall*, 1990. S. 32, 34, 36; 2008. P. 149–150). Считается, что NRm 3/IX был высечен либо при Варахране II (*Vanden Berghe*, 1983. P. 77, 82, 139 [cat. no. 71]; *Canepa*, 2013. P. 858, 874; ср.: *Bivar*, 1972. P. 281), либо при Шапуре II (309–379) (*Schmidt*, 1970. P. 136), либо в первой половине V в. (*Gall*, 1990. S. 36; 2008. P. 150). Рельеф в Рее, как полагают, относится ко времени Шапура II (*Schmidt*, 1970. P. 140; *Canepa*, 2013. P. 859), однако его датировка временем не раньше конца IV в. также не может быть исключена (*Gall*, 1990. S. 37).

К рассматриваемой группе памятников сюжетно примыкает довольно грубая по исполнению фреска, которая была открыта в декабре 1930 г. при раскопках одного из домов в центральной части Дура-Европос — римской приграничной крепости на Евфрате. Ее появление там было связано с временной персидской оккупацией Дура-Европос в 253 или 256 г. Эта настенная роспись, созданная, надо полагать, пришедшим с персами художником весьма низкой квалификации, изображает победу сасанидских всадников над их римскими оппонентами. Как и на рельефе Fir 1, картина сражения здесь распадается на несколько парных поединков (каковых, как минимум, пять), причем персы своими длинными пиками сбрасывают с коней вражеских воинов во время их преследования (*Rostovtzeff*, 1931–1932. P. 219–220, fig. 3, 4, 5, 6, pl. LXVII, a; *Goldman*, *Little*, 1980. P. 283–298, fig. 2, pl. I–VII; *Grenet*, 1988. P. 135–136, 144, 156, fig. 1; *Gall*, 1990. S. 52–55, taf. 18) (рис. 1, 7). В данной связи замечу, что в своей типологии сцен конных поединков в сасанидском искусстве X. фон Галль отнес эту настенную роспись, а также два наскальных боевых рельефа — Fir 1 и NRm 5/VII (рис. 1, 1, 4) — к т. н. схеме бегства (или преследования), в которой победоносные всадники повергают наземь своих врагов в тот момент, когда те пытаются спастись бегством (*Gall*, 1990. S. 91; 2008. P. 149). Почти 30 лет назад мне уже приходилось писать о принципиальном

¹¹ Размеры боевых рельефов в Накш-е Рустаме в ширину и высоту (в метрах): NRm 5/VII — 7,20–8,01×3,52–3,65, NRm 7/IV — 7,0×3,0; NRm 7/V — 6,70×2,35; NRm 3/IX — 8,55×3,55.

несогласии с данным мнением авторитетнейшего старшего коллеги (к огромному сожалению, ушедшего из жизни в 2018 г.), ибо, по моему убеждению, рассматриваемые рельефы явно принадлежат к выделенной им же на примере трех рельефов из Накш-е Рустама — NRm 7/IV, NRm 7/V и NRm 3/IX (рис. 1, 2, 3, 5) — схеме конфронтации, где победители сражаются со своими противниками лицом к лицу, то есть на встречном движении. Достаточно отчетливо видно, что поверженные всадники на рельефах Fir 1 и NRm 5/VII «пробиты пиками главных персонажей спереди, а не сзади, как это следовало бы ожидать в том случае, если бы они действительно спасались бегством; то же обстоятельство, что их кони как бы следуют в своем падении в одном направлении с победителями, можно объяснить, скорее всего, тем, что скульпторы, изобразившие их в столь вычурном „полете“, хотели таким образом подчеркнуть всеокрушающую мощь удара своих царственных заказчиков, повергающую наземь не только седоков, но и их скакунов» (Никонов, 1992. С. 216). Таким образом, из всех сасанидских памятников с изображениями всаднических боев лишь фреска из Дура-Европос по-настоящему соответствует выделенной Х. фон Галлем схеме бегства/преследования.

Сцены конных поединков в сасанидском искусстве символически, при помощи образов древнеиранского героического эпоса отображают события реальной истории, о чем очень точно сказал Э. Херцфельд еще в 1920 г.: «Иранская героическая сага так часто рассказывает о дуэлях между ее правителями и героями, что дуэль... можно охарактеризовать как такую форму, при помощи которой великие исторические и военные события получают в саге поэтическую выразительность. Все там экспрессия, иносказание. Очевидно, что изобразительное искусство подчиняется той же основной идее. Оно точно также отображает исторические, военные поворотные моменты в образе дуэли... Я хотел бы особо подчеркнуть идею интерпретации памятников как образов иранских саг, и тем самым также

выказать уважение необычайно верным, исконно народным представлениям в Персии, в соответствии с которыми памятники Сасанидов среди ахеменидских гробниц возле Персеполя и Стахра с давних пор именуются „Накш-е Рустам“, [т. е.] изображения Рустама¹². Среди них фактически уже встречаются образы иранских героических саг» (Herzfeld, 1920. S. 44–45)¹³. И действительно, в великой поэме Фирдоуси «Шахнаме», вобравшей в себя многие сказания древнеиранского эпоса, неоднократно встречаются описания конных единоборств, в которых богатыри выбивают копьями своих противников из седла (Фирдоуси, 1957–1989. Т. 1, с. 138, 296, 401, 405, 454; т. 2, с. 23, 25, 29, 37, 273, 276, 284; т. 3, с. 287, 307; т. 4, с. 94, 274; т. 6, с. 448), как это наглядно продемонстрировано на сасанидских рельефах Fir 1 и NRm 5/VII (рис. 1, 1, 4).

По словам В. Г. Луконина, сцены сражений на монументе Ардашира I в Фирузабаде и на сасанидской фреске из Дура-Европос (рис. 1, 7) «исполнены по одному и тому же канону, с одной и той же символикой: борьба армий сведена к турниру вождей» (Луконин, 1969. С. 58). По мнению Д. Шеперд, художники, создавшие фирузабадский боевой рельеф, вовсе «не пытались изобразить реальное сражение, а в соответствии с древними ближневосточными традициями аллегорически представили его в виде яростного рыцарского турнира» (Shepherd, 1983. P. 1078). Что ж, по поводу смыслового содержания Fir 1, пожалуй, лучше и не скажешь.

Всаднические дуэли на других сасанидских боевых рельефах наверняка тоже отражают конечные результаты каких-то серьезных военно-политических событий. Так, к примеру, сюжеты на рельефах NRm 7/IV и

¹² Имеется в виду богатырь по имени Рустам — самый знаменитый и почитаемый из древнеиранских легендарных героев (о нем см.: Yarshater, 1983. P. 373–377, 453–457).

¹³ Об эпической подоплеке сцен поединков на сасанидских боевых рельефах см. также: Rostovtzeff, 1931–1932. P. 220; Lukonin, 1967. P. 108; Gall, 1990. S. 96; Vanden Berge, 1993. P. 82, 86–87; Harper, 2006. P. 11; Wiesehöfer, 2007. P. 131.

NRm 7/V (рис. 1, 2, 3) порой связывают с победоносными военными действиями шаханшаха Варахрана II в 283 г. против соответственно римского императора Кара и своего восставшего брата Хормизда (*Herzfeld*, 1920. S. 44; *Bivar*, 1972. P. 279–280). Предполагают также, что рельеф NRm 5/VII (рис. 1, 4) отображает исход серьезного внутривосточного кризиса, разразившегося в Иране в самом начале IV в., — победу Хормизда II над питиахшем Папаком, являвшимся на тот момент вторым лицом в государстве, — в борьбе за верховную власть (*Hinz*, 1969. S. 206, 209, 215; *Shahbazi*, 2004a).

Интересно, что хотя изображения на этих монументах и в самом деле «выглядят как иллюстрации турниров задолго до эпохи рыцарства на Западе» (*Porada*, 1965. P. 206), в дошедших до нашего времени текстах — как в эпических, так и в исторических — вообще нет упоминаний о единоборствах конных витязей, происходивших при дворе иранских властителей доисламского времени, как это действительно имело место при королевских дворах Западной Европы в эпоху зрелого средневековья. Иными словами, данный иконографический сюжет, навеянный легендарными преданиями, служил в сасанидском Иране исключительно в качестве одного из символов наглядной государственной пропаганды.

В изображениях на всех шести сасанидских наскальных боевых рельефах представлен, по сути, один и тот же мотив: кульминация поединка («схема кульминации») двух всадников в тяжелом снаряжении. Левый из них, сидя на скачущем в т. н. летящем галопе¹⁴ коне, при встречном движении (т. е. согласно схеме конфронтации) вонзает пику в своего противника. В свою очередь, с точки зрения положения последнего и его скакуна этот мотив подразделяется на три варианта: 1) оппонент вместе со своим конем в процессе

падения наземь — Fir 1 (рис. 1, 1 [№ 2 и 4]) и NRm 5/VII (рис. 1, 4); 2) оппонент остается в седле, а его конь продолжает движение — NRm 7/V (рис. 1, 3); 3) оппонент остается в седле, но его конь заваливается на задние ноги — NRm 7/IV (рис. 1, 2) и NRm 3/IX (рис. 1, 5). Рельеф в Pee (рис. 1, 6) из-за своей незавершенности не может быть включен ни в какой из этих вариантов. Еще один важный иконографический признак данной группы памятников заключается в том, что головы и ноги всадников-победителей показаны в профиль, а грудь — в три четверти.

Откуда эта тема могла появиться в сасанидском прокламативном искусстве? Обычно исследователи напрямую связывают сасанидские боевые монументы и, прежде всего, Fir 1 с двумя наскальными рельефами парфянского периода — Готарза Геопотра в Бисутуне (Бехистуне) и монументом «D» в Танг-е Сарваке (*Rostovtzeff*, 1931–1932. P. 220–221; *Will*, 1962. P. 51–52; 1986. P. 435–440; *Vanden Berge*, 1993. P. 82, 86–87; *Canepa*, 2013. P. 862; *Callieri*, 2017. P. 230–231). На первом из этих памятников, высеченном на Бисутунской скале в пределах древней Мидии (между совр. Хамаданом и Керманшахом), изображена многофигурная композиция (рис. 1, 8): в центральной части рельефа скачущий на коне вправо главный персонаж, которому парящая в воздухе богиня Ника в этот момент возлагает на голову венок победителя, наносит таранный удар пикой своему противнику, и тот вместе с конем валится на землю. В верхнем левом углу композиции показан еще один конный пикейщик, который движется вправо и на своем пути, кажется, уже сбросил противника под копыта своего коня. В верхнем правом углу изображен бегущий вправо конь, потерявший своего седока. К большому сожалению, этот рельеф дошел до нашего времени в очень плохой сохранности, и многие важные детали на нем неясны (*Herzfeld*, 1920. S. 40–41, 45–47, taf. XXI, XXII, unten; XXIII, unten; *Vanden Berge*, 1983. P. 45, 119 [cat. no. 21b]; *Kawami*, 1987. P. 37–43, 157–159, fig. 1, pl. 1, 3 [cat. no. 2]; 2013. P. 753–754, fig. 38.2; *Gall*, 1990. S. 11–13, taf. 1–2; 1996. S. 68–71, abb. 4, taf. 10, 1; 11; 12, 1;

¹⁴ Этот вымышленный художественный мотив представляет собой «способ изобразить бегущее животное так, как будто бы оно летит со всеми четырьмя ногами, поднятыми над землей и вытянутыми параллельно туловищу» и «выражает идею движения быстрого как ветер» (*Rostovtzeff*, 1937. P. 45, 53; о летящем галопе см. также: *Reinach*, 1925; *Gall*, 1990. S. 81–87).

Mathiesen, 1992. P. 24–25, 174–175 [cat. no. 95]). Обычно этот памятник связывают с победой парфянского царя Готарза II над узурпатором Мехердатом в 49 г. н. э., однако на этот счет были высказаны и другие мнения — в частности, что этот памятник значительно старше и отображает какое-то событие, произошедшее еще во время завоевания Ирана парфянами (см.: *Mathiesen*, 1992. P. 24–25, 174–175).

На монументе «D» в ущелье Танг-е Сарвак в Восточном Хузистане (древней Элимиде) также представлена многофигурная боевая композиция — не менее пяти участников (рис. 1, 9). Центральное место в ней занимает тяжелооруженный всадник-катафракт, поражающий пикой своего оппонента, находящегося справа от него. Вновь приходится с сожалением констатировать, что и этот рельеф плохо сохранился — обрушилась его правая часть, в результате чего очень сильно пострадала фигура противника главного персонажа. Теперь вообще непонятно, был ли он конным или пешим (*Henning*, 1952. P. 161–162, pl. XX; *Vanden Berghe, Schippmann*, 1985. P. 79–81, fig. 12, pl. 46–48; *Kawami*, 1987. P. 105–109, 201–204, fig. 19, 20, pl. 49 [cat. no. 41]; 2013. P. 758–759, fig. 38.10; *Gall*, 1990. S. 13–19, abb. 1, taf. 3, 4; *Mathiesen*, 1992. P. 130–133, 145, fig. 16 [cat. no. 9]). Датируется этот монумент самым концом существования Парфянской империи, примерно 220–225 гг. (*Mathiesen*, 1992. P. 145).

Хотя голова главного персонажа на рельефе в Танг-е Сарваке, в отличие от сасанидских боевых памятников, показана фронтально, по своему основному замыслу и, что особенно важно, по своим техническим и стилистическим характеристикам этот рельеф близок к фирузабадскому (*Callieri*, 2017. P. 230–231). Последний сближает с парфянскими монументами в Бисутуне и Танг-е Сарваке еще и то обстоятельство, что все они многофигурные (не менее пяти персонажей). В то же время, по справедливому замечанию Д. Шеперд, по сравнению с ними рельеф в Фирузабаде с точки зрения тщательности проработки деталей военного костюма и знаков отличия, скульптурного моделирования, передачи динамики всей композиции и панорамно-

сти изображения, несомненно, представляет собой «поразительное развитие» (*Shepherd*, 1983. P. 1078–1079).

Конечно же, из-за очень плохой сохранности обоих парфянских боевых рельефов исключительно сложно определить, к какой из двух композиционных схем они принадлежат: бегства/преследования или же конфронтации. Имеющиеся описания центрального поединка на памятнике в Бисутуне, кажется, свидетельствуют в пользу схемы конфронтации (*Herzfeld*, 1920. S. 41; *Kawami*, 1987. P. 158–159; особенно: *Mathiesen*, 1992. P. 174). Такое же впечатление оставляет и остаток изображения в разрушенной правой части монумента «D» в Танг-е Сарваке. Но, разумеется, говорить об этом следует в немалой степени предположительно. С большей уверенностью можно утверждать, что кони на этих рельефах показаны в летящем галопе, пусть и не очень качественно с художественной точки зрения (особенно это касается рельефа в Танг-е Сарваке).

Как бы то ни было, происхождение темы конных дуэлей в сасанидском искусстве из парфянского не должно вызывать сомнений. И если так, то, естественно, возникает следующий вопрос: откуда она появилась в искусстве империи Аршакидов?

М. И. Ростовцев в итоге своих поисков прототипов сасанидской фрески из Дура-Европос и боевых рельефов в Бисутуне, Фирузабаде и Накш-е Рустаме предположил, что мотив конных поединков попал в парфянское искусство из Ассирии при посредстве ахеменидских художников (*Rostovtzeff*, 1931–1932. P. 220–222). Действительно, в древнеиранском искусстве мотив противоборства двух всадников впервые появляется в ахеменидское время, когда он начинает отображаться на объектах глиптики т. н. греко-персидского стиля¹⁵, сложившегося не раньше второй половины V в. до н. э. На сегодняшний день известны три геммы-печати — одна из собрания Государственного Эрмитажа (*Boardman*, 1970. P. 314, 353, pl. 882) (рис. 2, 1), вторая, проис-

¹⁵ Об этом стиле см.: *Boardman*, 1970. P. 303–357; *Kaplan*, 2002. Vol. 1, p. 3–4.

ходящая откуда-то из Афганистана (*Francfort*, 1975) (рис. 2, 2), и третья, найденная в Даскилеоне в Малой Азии (*Kaptan*, 2002. Vol. 1, p. 77, 79, 80, 82, 152; Vol. 2, p. 111, 209, pl. 272–273 [DS 91]) (рис. 2, 3), на которых изображены персидские всадники в доспехах¹⁶, в ходе преследования наносящие удары копьями своим конным противникам (сакам или скифам в двух случаях и греку в одном) сзади и сверху вниз (схема кульминации), а те в тот момент протягивают им навстречу руки, моля о пощаде. Вероятнее всего, эта тема, как и полагал М. И. Ростовцев, была заимствована из Ассирии — мы видим ее воспроизведение на двух рельефах из дворца Тиглатпаласара III (745–727) в Нимруде (*Barnett, Falkner*, 1962. P. 38, 39, 41, pl. LXIV–LXVII) (рис. 3, 4, 5), но с той лишь разницей, что кони на «греко-персидских» геммах как будто бы показаны парящими над землей, то есть в «летающем галопе», а на ассирийских рельефах — нет. В целом же рассматриваемый мотив всаднических поединков следует схеме бегства/преследования, что, с одной стороны, сближает упомянутые ассирийские и «греко-персидские» памятники искусства с сасанидской фреской из Дура-Европос, но, с другой стороны, принципиально отличает их от парфянских (?) и сасанидских боевых рельефов, демонстрирующих схему конфронтации.

Г. Роденвальдт в своем анализе изображений всаднических поединков на двух рельефах первой половины IV в. до н. э. из Тлоса и Ксанфа в Ликии (Малая Азия) пришел к выводу, что этот мотив, вероятно, попал туда «из области персидского искусства», а в качестве обоснования своего вывода упомянул его присутствие «в более позднюю эпоху в иранской героической саге и парфяно-сасанидском искусстве» (*Rodenwaldt*, 1933. S. 1044). Согласиться с таким утверждением весьма сложно. Дело в том, что как на первом рельефе, украшавшем основание т. н. монумента Изразы в Тлосе (*Smith*, 1900. P. 58–

59 [no. 955a]; *Borchhardt*, 1976. S. 73, abb. 6, 7; *Gall*, 1990. S. 79, taf. 22, b) (рис. 2, б), так и на втором, являвшемся декоративным элементом третьего фриза т. н. монумента Нерейд в Ксанфе (*Smith*, 1900. P. 29 [no. 894]; *Gall*, 1990. S. 79, taf. 22, c; *Jenkins*, 2006. P. 195, fig. 189) (рис. 2, 7), мы видим пары сражающихся по схеме конфронтации всадников. Кони их встали на дыбы, а сами они замахнулись друг на друга копьями, держа их над головой в правой руке, причем в их внешнем облике (лучше различимом на рельефе из Тлоса, второй же, очевидно, не был проработан до конца) нет ничего специфически иранского. Более того, их панцири, набедренники-*nmerigi* и плащи (опять-таки судя по тлосскому монументу) явно греческие, да и мотив поединка двух всадников по схеме конфронтации впервые встречается именно в греческом искусстве, а не в иранском. Такие дуэли на копьях с участием воинов в гоплитском снаряжении и амазонок, сидящих на вздыбленных конях, изображены на аттических чернофигурных вазах конца VI в. до н. э. (*Gerhard*, 1847. S. 115–116, taf. CCV, 1, 2; *Helbig*, 1904. P. 220–221, fig. 28, pl. II, 1; *Greenhalgh*, 1973. P. 128–129, 131, fig. 69–71) (рис. 3, 1). К тому же сцены на позднеархаических греческих и позднеклассических ликийских¹⁷ памятниках,

¹⁷ Кстати, изображением на указанных рельефах из Ликии очень близка сцена, выполненная, правда, в более грубой манере, на железной, плакированной золотом, пряжке, которая ныне хранится в Государственном Историческом музее в Москве (*Обзор*, 1916. С. 70, рис. 14; *Ростовцев*, 1913. Табл. LXXXV, 3; 1914. С. 311, 334; *Gall*, 1998. Abb. 5; *Нефёдкин*, 2011. С. 183) (рис. 2, 8). Известно, что она происходит из Керчи (*Обзор*, 1916. С. 70; М. И. Ростовцев ошибочно указал село Нижние Серогозы в Мелитопольском уезде как место ее находки: 1914. С. 311, прим. 3), но ее культурно-историческая принадлежность и хронология остаются непонятными. М. И. Ростовцев полагал, что поскольку правый из изображенных на этой пряжке всадников-копейщиков бородат и длинноволос, а также имеет колчан со стрелами, подвешенный к поясу, тогда как левый безбород, с короткой прической и носит что-то наподобие двойной гривны на шее, то первый персонаж — это сармат, а его противник — либо кельт, либо фракиец (*Ростовцев*, 1914. С. 311; ср.: *Нефёдкин*, 2011. С. 183, без ссылки на М. И. Ростовцева). Было высказано

¹⁶ На артефакте из Даскилеона, сохранившемся не полностью, присутствие такового может предполагаться с достаточной долей уверенности.

1

2

3

4

5

6

8

7

в отличие от парфянских и сасанидских боевых рельефов, демонстрируют начало (или разгар) поединка, а не его кульминацию, причем главный персонаж всаднического рельефа из Тлоса — местный правитель или военачальник Израза, чье имя вырезано рядом с его фигурой, — показан справа, а не слева, как это положено по парфяно-сасанидскому иконографическому канону. Так что рассматриваемый мотив пришел в Ликийю, вероятнее всего, из Греции. Добавлю, что нет никаких оснований предполагать влияние ликийских изображений конных единоборств на более поздние иранские.

Наконец, Эр. Вилль высказал идею, что тема всаднических поединков, присутствующая на сасанидских боевых рельефах, разрабатывалась сначала в греческом искусстве раннеэллинистического периода, а затем с определенными изменениями получила продолжение в искусстве Рима и Парфии (Will, 1986. P. 435–440). В качестве аргумента он привел знаменитейшие произведения искусства последней трети IV в. до н. э. — мозаику «Битва Александра с персами» из Помпей (имеется в виду ее живописный оригинал) и рельефный декор т. н. саркофага Александра (или Абдалонима) из Сидона. И в самом деле — всю левую часть мозаики из Помпей занимает сцена, где конный Александр Македонский своей очень длинной пикой-сариссой

насквозь пронзает знатного персидского всадника (Cohen, 1997. P. 7–8, fig. 4–7, 51, 53, 57, pl. I, II, Va, VIa; Moreno, 2001. P. 13, 23–25, 40, 89, fig. 1, 6, 14, 28, pl. I, II, VII, VIII, X; Palagia, 2017. P. 179–180, fig. 11.1–11.3) (рис. 3, 2). Судя по положению противника и особенно его коня, уже лежащего на земле крупом к Александру, этот поединок, казалось бы, соответствует схеме бегства/преследования. Данный весьма выразительный и драматический сюжет завоевал большую популярность в античном искусстве и был повторен на одном из рельефов сидонского саркофага (Winter, 1912. Taf. 1; Cohen, 1997. P. 128–129, fig. 20, 66; Moreno, 2001. P. 89, fig. 25; Palagia, 2017. P. 180–182, fig. 11.4) (рис. 3, 4), а также на рельефных украшениях этрусских урн и других италийских произведений искусства II–I вв. до н. э. (Cohen, 1997. P. 63, fig. 37–39; Moreno, 2001. P. 91–94, fig. 29–37) (рис. 3, 3).

Однако Эр. Вилль в своей гипотезе не учел один очень важный нюанс. Дело в том, что исследователи помпейской мозаики единодушно отмечают следующую запечатленную на ней деталь: лежащий на земле конь противника македонского царя показан раненым в область груди мечом или, скорее всего, дротом, причем эта рана явно была нанесена ему еще до удара царской сариссой, который принял на себя его седок, чтобы закрыть своим телом Дария III — главную цель атакующего порыва Александра (Cohen, 1997. P. 7; Moreno, 2001. P. 23; Palagia, 2017. P. 180). Иными словами, перед нами вовсе не конная дуэль в ходе столкновения двух армий, а только его эпизод, связанный с намерением

предположение, что данный предмет, возможно, был изготовлен на Боспоре во II в. до н. э. (Нефёдкин, 2011. С. 183), однако его дата не позже второй половины III в. до н. э. представляется более предпочтительной.

Рис. 2. Произведения древнего искусства с Ближнего Востока и из Северного Причерноморья с изображениями всаднических поединков: 1–3 — «греко-персидские» геммы (Boardman, 1970. Pl. 882; Francfort, 1975. Fig. 1; Kaptan, 2002. Pl. 272–273); 4, 5 — рельефы из дворца ассирийского царя Тиглатпаласара III в Нимруде (Barnett, Falkner, 1962. Pl. LXV, LXVII); 6, 7 — ликийские рельефы из Тлоса (гипсовый слепок в коллекции Британского музея) и Ксанфа (Gall, 1990. Taf. 22, b, c); 8 — железная, обтянутая листовым золотом, пряжка из Керчи (Gall, 1998. Abb. 5)

Fig. 2. Works of ancient art from the Near East and the Northern Pontic area with representations of equestrian combats: 1–3 — «Graeco-Persian» gems (Boardman, 1970. Pl. 882; Francfort, 1975. Fig. 1; Kaptan, 2002. Pl. 272–273); 4, 5 — reliefs from the palace of the Assyrian king Tiglath-Pileser III at Nimrud (Barnett, Falkner, 1962. Pl. LXV, LXVII); 6, 7 — Lycian reliefs from Tlos (plaster cast in the British Museum collection) and Xanthos (Gall, 1990. Taf. 22, b, c); 8 — gold-plated iron buckle from Kerch (Gall, 1998. Abb. 5)

Александра лично атаковать персидского царя и тем самым решить исход всей битвы¹⁸. А это, в свою очередь, не позволяет видеть в рассматриваемой сцене модель для парфянских и сасанидских боевых рельефов, разве что за исключением ее возможного влияния на их художественное воплощение.

Впрочем, на упомянутом саркофаге из Сидона мы видим еще один поединок македонского всадника (показан справа) с персидским, где первый вонзает свою пику (как и на рельефе с Александром, она, вероятно, была изначально изготовлена из дерева и потому не сохранилась) в неприятеля, который валится от этого удара на землю (*Winter*, 1912. Taf. 4; *Moreno*, 2001. P. 89, fig. 26) (рис. 3, б). Близкая, хотя и не во всех деталях, сцена вырезана на погребальной стеле конца III в. до н. э. из Вифинии в Малой Азии, на которой вифинский воин, изображенный слева, побеждает в конном единоборстве галата, одним копьём поразив его самого в шею, а другим — его коня ниже шеи (*Chaniotis*, 2005. P. 200, fig. 10.2) (рис. 3, 5). Как и в случае с парфянскими и сасанидскими рельефами, на обоих этих памятниках представлены схемы конфронтации и кульминации¹⁹, но есть и серьезное отличие: если на последних кони вздыблены, то на иранских монументах скакуны главных персонажей показаны в летящем галопе.

¹⁸ Такой эпизод действительно имел место в битве при Иссе (Киликия) в 333 г. до н. э. (*Diod.* XVII, 33, 5–34, 5).

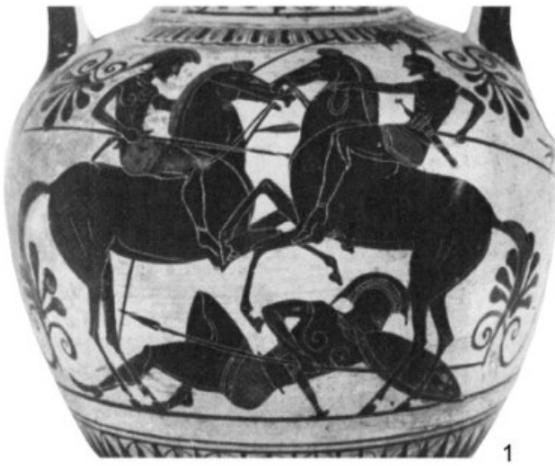
¹⁹ Примечательно, что на рельефах сидонского саркофага под копытами коней лежат поверженные враги (рис. 3, 4, б) — мотив, известный по более поздним сасанидским боевым рельефам NRm 7/IV и NRm 7/V (рис. 1, 2, 3).

Подведем итоги проведенного сравнительного анализа. По трем основным композиционным критериям — направлению движения противоборствующих всадников (схема конфронтации), ключевому моменту поединка (схема кульминации) и разновидности бега коней (летающий галоп) — парфянские и сасанидские боевые рельефы (рис. 1, 1–6, 8, 9) не находят себе полных аналогий среди рассмотренных выше памятников искусства второй половины VIII — конца III в. до н. э. с территории Ближнего Востока, Греции и Северного Причерноморья. В лучшем случае совпадение отмечается только по двум критериям (но с очевидными различиями в некоторых деталях внутри их): по схеме кульминации и летящему галопу — с «греко-персидскими» геммами (рис. 2, 1–3) и по схемам конфронтации и кульминации — с рельефами на саркофаге из Сидона (рис. 3, б) и стеле из Вифинии (рис. 3, 5). Таким образом, у нас нет строгих оснований напрямую связывать происхождение иранских боевых рельефов с какими-либо памятниками искусства допарфянского времени на территории Ирана или за его пределами. Другое дело, что мотив «летающий галоп», судя по объектам «греко-персидской» глиптики²⁰, сформировался в ахеменидском искусстве не позже второй половины V в. до н. э. и оттуда был заимствован в парфянском и затем сасанидском. Также можно предположить

²⁰ См.: *Rostovtzeff*, 1937. P. 47–48, fig. 5, 6; *Boardman*, 1970. P. 312, 316, 318, 319, 322, 325, pl. 882, 883, 888, 893, 904–908, 912, 915, 916, 921–929, 934, 936, 939, 943, 945, 967, 971, 974, 988; *Kaptan*, 2002. Vol. 1, p. 79, 82–83, 145; vol. 2, p. 97–101, 110–111, pl. 219–220, 223–224, 230–233, 238–241, 270–275 (DS 70, DS 72, DS 75, DS 76, DS 79, DS 90–92).

Рис. 3. Памятники греческого искусства позднеархаического и раннеэллинистического времени с батальными сценами: 1 — аттическая чернофигурная ваза позднеархаического времени (*Greenhalgh*, 1973. Fig. 70); 2 — деталь мозаики Александра из Помпей (*Moreno*, 2001. Pl. I); 3 — урна из Этрурии (*Ibid.* Fig. 34); 4, б — детали скульптурного декора т. н. Саркофага Александра из Сидона (*Ibid.* Fig. 25–26); 5 — надгробный рельеф из Вифинии (*Chaniotis*, 2005. Fig. 10.2)

Fig. 3. Monuments of Greek art of late Archaic and early Hellenistic times with combat scenes. 1 — Attic black-figure vase (*Greenhalgh*, 1973. Fig. 70); 2 — detail of the Alexander mosaic from Pompeii (*Moreno*, 2001. Pl. I); 3 — urn from Etruria (*Ibid.* Fig. 34); 4, б — details of the sculptural decoration of the so-called Alexander Sarcophagus from Sidon (*Ibid.* Fig. 25–26); 5 — funerary relief from Bithynia (*Chaniotis*, 2005. Fig. 10.2)

определенное влияние на парфянскую и сасанидскую наскальную скульптуру со стороны греческого эллинистического искусства, но опосредованно — через его более поздний сирийско-месопотамский вариант²¹.

На мой взгляд, при определении источника происхождения в доисламском искусстве Ирана темы конной дуэли на пиках нельзя ограничиваться только методами сравнительно-иконографического анализа. Здесь необходимо принять во внимание изображенные на парфянских и сасанидских боевых рельефах реалии военного дела, а также обязательно учесть те серьезные изменения, которые произошли в материальной и духовной культуре Ирана в парфянскую эпоху. Напомним, что Парфянское государство Аршакидов около середины III в. до н. э. основали апарны (парны) из племенной конфедерации дахов (даев), кочевавших в степном ареале между Каспийским и Аральским морями. Эти номады, захватившие поначалу Парфиену и Гирканию — области на северо-востоке Ирана, не позднее второй половины II в. до н. э. распространили свою власть почти на все Иранское нагорье, продолжая, тем не менее, поддерживать тесные связи с родственными им ираноязычными кочевыми народами, обитавшими на степной периферии западной части Центральной Азии и к северу от Кавказского хребта (подробно см.: *Olbrycht*, 1998; 2003). Более того, парфянское завоевание Ирана и Месопотамии привело к замене там древнеперсидской практики военного дела степной (*Coulston*, 1986. P. 70). Новые власти Ирана в соответствии со стандартами, выработанными на их степной прародине, самым радикальным образом изменили вооружение, структуру войск и военной организации, стратегию и тактические приемы использования войск. Теперь на первый план

²¹ По мнению П. Калльери, именно появление скульпторов высокой квалификации из сирийско-месопотамского региона на службе Ардашира I в результате его вторжений в восточноримские владения в 230-х гг. обеспечило качественное и поступательное развитие иконографии раннесасанидских наскальных рельефов (*Callieri*, 2017. P. 221, 234).

вышла конница, состоявшая из двух видов: 1) сравнительно немногочисленного корпуса защищенных доспехами вместе со своими конями пикейщиков-катафрактов (греч. *κατάφρακτοι*, лат. *cataphracti/catafracti*)²², который состоял исключительно из представителей знати; 2) значительной массы легковооруженных лучников (греч. *ἰπλοτοξόται*, лат. *equites sagittarii*), набравшихся из числа воинов незнатного происхождения. В бою оба этих рода кавалерии действовали в тактическом единстве, причем особо следует подчеркнуть, что ни *катафракты*, ни конные лучники не могли решить исход сражения по отдельности, и только строгая координация их действий обеспечивала парфянам превосходство над первоклассной тяжелой пехотой эллинистических государств и Рима — именно так они разгромили римскую армию во главе с Марком Крассом в знаменитой битве при Каррах в 53 г. до н. э. (*Nikonorov*, 2005; 2010; см. также: *Mielczarek*, 1993. P. 51–64; *Olbrycht*, 2003. P. 92–97; *Overtoom*, 2017).

Надо полагать, что *катафракты* и их тактическое использование появились не позднее начала III в. до н. э. в результате реформы, проведенной воинством ираноязычных кочевых племен (дахов, массагетов и саков), обитавших в западной части Центральной Азии, на основе опыта их поражений от армии Александра Македонского в ходе его военных кампаний на востоке в 329–327 гг. до н. э. В числе тех степных реформаторов были и апарны-дахи, из среды которых некоторое время спустя вышли родоначальники империи парфянских Аршакидов. Они-то и принесли с собой в Иран эти важнейшие новшества в сфере военного дела (*Nikonorov*, 1997. Vol. 1, p. 20–23).

Парфянская панцирная конница *катафрактов* производила неизгладимое впечатление на современников, сохранивших их яркие и детальные описания (*Plut. Crass.* 18, 3; 21, 7; 24, 1; 25, 5; 6; 25, 7–9; 27, 2; *Dio Cass.* XL, 15, 2;

²² О *катафрактах* как особой разновидностью античной тяжеловооруженной кавалерии см.: *Mielczarek*, 1993; *Nikonorov*, 1998; ср.: *Gall*, 1990. S. 73–78.

XLIX, 20, 2; 26, 2; Propert. III, 12, 12; Herodian. IV, 14, 3; 15, 2; Iust. XLI, 2, 10; Arr. *Parth.*, fr. 20 [ed. A. G. Roos]); Naz. *Paneg.* 24, 6). Под стать ей были и *катафракты* в армии сасанидских царей, унаследовавших этот род кавалерии от своих предшественников-парфян (Amm. Marc. XVIII, 8, 7; XIX, 7, 4; XX, 7, 2; XXIV, 6, 8; 7, 8; XXV, 1, 12–13; 3, 4; 6, 2; XXIX, 1, 1; Eunap. *Fr.* 27, 8 [ed. R. C. Blockley]; Heliod. IX, 14, 3; 15, 1–6; 16, 3; 17, 2; 18, 2; 20, 1; Iul. Or. II, 63 B; Liban. Or. XVIII, 265)²³. Главным наступательным оружием парфянских и сасанидских бронированных бойцов была длинная и тяжелая пика (греч. *κοῦτός*, лат. *contus*)²⁴, эффективно действовать которой в ближнем бою позволяло жесткое (с деревянным каркасом) седло т. н. рогатого типа, то есть снабженное по углам четырьмя упорами-«рогами», обеспечивавшими тяжеловооруженному всаднику даже без помощи стремян (появившихся как элемент снаряжения конного воинства не ранее IV–V вв. н. э. и то на Дальнем Востоке) очень удобную и надежную посадку на коне во время боя (Herrmann, 1989; Никоноров, 2002).

Важно подчеркнуть, что конные воины на парфянских и сасанидских боевых рельефах представляют собой как раз *катафрактов*, что в полной мере отражает реалии военного дела в позднеаршакидском и раннесасанидском Иране. Все изображенные на этих монументах всадники облачены в доспехи с головы до ног — панцири разных типов, трубчатые наручи и поножи, шлемы (или короны), а их кони защищены попонами, полностью прикрывающими их от морды до хвоста (Gall, 1990. S. 61–72; Robinson, 2002. P. 20–22). Сражаются наши витязи пиками-*контосами*,

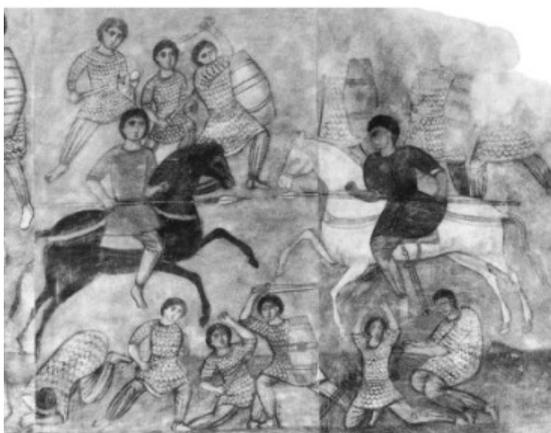
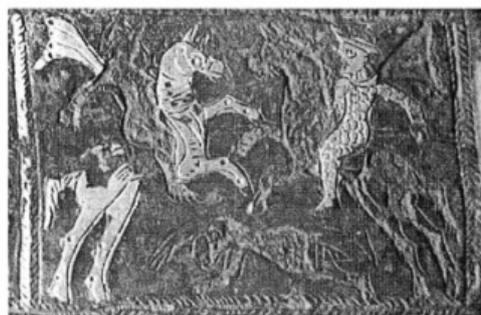
²³ О сасанидской тяжеловооруженной коннице см. также: Michalak, 1987; Mielczarek, 1993. P. 64–67; Никоноров, 2005. Следует особо подчеркнуть, что другое наименование тяжеловооруженной конницы, приводимое в античных источниках, — «клибанарии» (греч. *κλιβανάριοι*, лат. *clibanarii*) — вообще не прилагается древними авторами к сасанидской панцирной кавалерии, за единственным и весьма сомнительным исключением (см.: Никоноров, 2005. С. 154, прим. 47).

²⁴ Длина такой пики была не менее 3 м — см.: Симоненко, 2015. С. 90–93.

которые победители на полном скаку вонзают в своих оппонентов. Насколько грозным было это оружие, красноречиво свидетельствуют данные античной письменной традиции, утверждающие, что *катафракты* в своем стремительном натиске часто одним ударом контоса пробивали сразу двух неприятельских воинов (Plut. *Crass.* 27, 2; Heliod. IX, 15, 6; ср.: Dio Cass. XL, 22, 3).

Если снова задаться вопросом о происхождении темы поединка тяжеловооруженных всадников на пиках в парфянском и сасанидском прокламативном искусстве, то в качестве ее отдаленного прототипа можно рассматривать золотую пластину из скифского богатого захоронения IV в. до н. э., известного под названием Геремесова кургана, раскопанного в 1859 г. в Приднепровье. На ней изображена сцена боя между конным (слева) и пешим воинами в полном защитном снаряжении в момент его кульминации, когда всадник вонзает длинное копье в своего противника, нанеся удар чуть ниже шеи (Ростовцев, 1913. Табл. LXXXV, 2; 1914. С. 334; Горелик, 1971; Алексеев, 2012. С. 170–171) (рис. 4, 1). Было высказано предположение, что на этой сцене запечатлен эпизод одного из вариантов мифа о прародителях скифов (Раевский, 1977. С. 117–118), то есть легендарные и эпические представления скифов Северного Причерноморья — ираноязычного, кстати, народа, скорее всего, также лежали в основе тем и мотивов их изобразительного искусства. И хотя, строго говоря, дуэль на пластине из Геремесова кургана не является конной, по двум своим основным композиционным критериям — схемам конфронтации и кульминации — она предвосхищает сцены боев один на один на более поздних парфянских и сасанидских рельефах.

Для той эпохи, когда в Иране царствовали династии Аршакидов и Сасанидов, известен целый ряд памятников искусства с изображениями всаднических поединков, которые происходят с территорий за пределами собственно Ирана. Так, в погребении знатного сармата у села Косика в Астраханской области, датированном второй половиной I в. до н. э.,

был найден серебряный сосуд, декорированный охотничьими и боевыми сценами, на одной из которых, в соответствии со схемой бегства/преследования, показана кульминация схватки пикейщика в чешуйчатом панцире (слева) и легковооруженного лучника, когда первый своей очень длинной пикой повергает второго наземь. Примечательно, что кони обоих седоков бегут в летящем галопе (Трейстер, 1994; Treister, 1997. P. 49–74, fig. 24, 28–32; 2005. P. 223–245; Галль, 1997; Gall, 1998) (рис. 4, 2). Противоборства всадников, вооруженных длинными пиками, в рамках схемы конфронтации мы видим на боспорских фресках из пантикапейских склепов II или III в. н. э. (Ростовцев, 1913. Табл. LXIV, 1; LXXIX; Виноградов и др., 2017. Ил. 31, 60) (рис. 4, 3, 4). На большой костяной пластине из кургана № 2 Орлатского могильника под Самаркандом изображен бой с участием четырех пар полностью одетых в доспехи воинов, шесть из которых конные. Два всадника на левой стороне вонзают свои пики соответственно в грудь коня оппонента (вверху) и в спешенного противника, отбивающегося мечом (внизу). Наиболее вероятная дата погребения в Орлатском кургане № 2 — I–III вв. н. э. (Пугаченкова, 1989. С. 148–150, рис. 71; Никоноров, Худяков, 1999; Plyasov, Rusanov, 1998) (рис. 4, 5). Два сблизившихся друг с другом всадника в

повседневной одежде и с копьями наперевес занимают важное место в общей композиции на фреске, иллюстрирующей ветхозаветный сюжет — битву у Эвен-Эзера, из синагоги Дура-Европос, здание которой было построено не позже 244–245 гг. н. э. (Kraeling, 1956. P. 6, 95–97, 263, pl. LV; Weitzmann, Kessler, 1990. P. 15, 72–73, fig. 1, 7, 101; Gall, 1990. S. 50–52, taf. 17) (рис. 4, 6). На левой и правой панелях уникальной фигурной бронзовой плакетки, декорированной с использованием серебра и золота и попавшей на антикварный рынок из грабительских раскопок гробницы химьяритского времени близ города Зафара в Йемене, изображены две дуэли по схеме конфронтации с всадниками на вздыбленных скакунах и с пиками в руках. Посредине каждой панели, под копытами коней, видна лежащая на спине фигура поверженного неприятеля. Вполне вероятно, что этот артефакт не местного производства, а попал в химьяритский Йемен откуда-то извне, может быть, даже из Ирана. В любом случае его дата вряд ли выходит за пределы III–IV вв. н. э. (Antonini, 2005) (рис. 4, 7, 8). Наконец, на рельефах арки в Салониках, возведенной в самом начале IV в. н. э. в честь победы римского цезаря Галерия над персидским шаханшахом Нарсе в 298 г., символически воспроизведена кульминация всей кампании в виде дуэли (которой,

Рис. 4. Различные памятники древнего искусства с батальными сценами, происходящие из-за пределов собственно Ирана: 1 — золотая пластина из Геремесова кургана (5) (Алексеев, 2012. С. 170); 2 — деталь изображения на серебряном сосуде из погребения в Косике, прорисовка В. К. Гугуева (Gall, 1998. Abb. 2, 3); 3, 4 — фрагменты живописных копий утраченных настенных росписей из керченских склепов (Виноградов и др., 2017. Ил. 31, 60); 5 — костяная пластина из Орлатского могильника, прорисовка А. М. Савина; 6 — деталь фрески «Битва у Эвен-Эзера» из синагоги Дура-Европос (Gall, 1990. Taf. 17); 7, 8 — левая и правая панели на лицевой стороне плакетки из бронзы и серебра, найденной в Йемене (Antonini, 2005. Fig. 7–8); 9 — деталь скульптурного декора арки Галерия в Салониках, фото С. В. Никоненко (снято в феврале 2018 г.)

Fig. 4. Various monuments of ancient art with combat scenes originating from outside Iran proper: 1 — gold plate from the Geremesov barrow (Алексеев, 2012. С. 170); 2 — detail of the depiction on a silver vessel from a burial in Kosika, drawing by V. K. Guguev (Gall, 1998. Abb. 2, 3); 3, 4 — fragments of pictorial copies of lost wall paintings from Kerch crypts (Виноградов и др., 2017. Ил. 31, 60); 5 — bone plate from the Orlat burial ground, drawing by A. M. Savin; 6 — detail of the fresco «Battle of Eben-Ezer» from the synagogue of Dura-Europos (Gall, 1990. Taf. 17); 7, 8 — left and right panels on the obverse of a plaquette in bronze and silver found in Yemen (Antonini, 2005. Fig. 7–8); 9 — detail of the sculptural decoration of the Arch of Galerius in Thessaloniki, photo by S. V. Nikonenko (taken in February 2018)

разумеется, никогда не было), композиционно выстроенной согласно схеме конфронтации со вставшими на дыбы конями, где сражающийся слева Галерий наносит Нарсе разящий удар, вероятнее всего, пикой (*Laubscher*, 1975. S. 64–69, 134–136, taf. 46, 51, 52, 54; *Rothman*, 1977. P. 442–443, fig. 23; *Canera*, 2009. P. 93–95, fig. 15, 16) (рис. 4, 9).

Если сравнить перечисленные ранее памятники искусства с парфянскими и сасанидскими боевыми рельефами, то, конечно же, между ними можно отметить отдельные черты композиционного сходства, а именно в следовании схемам конфронтации (за исключением сцены из Косики) и кульминации (за исключением сцен из Пантикапея, Дура-Европос и Йемена), однако во всем остальном, включая стиль, бег коней и другие особенности иконографии, они серьезно различаются. Можно с полной уверенностью утверждать,

что тема, изображенная на парфянских и сасанидских наскальных монументах, — решающий момент конного поединка двух облаченных в доспехи витязей (*катафрактов*), когда левый всадник, сидя на коне, как бы парящем над поверхностью земли в летящем галопе, на встречном движении наносит удар пикой своему противнику, — абсолютно уникальна, ибо больше не повторяется ни на каких других древних памятниках с обширной территории от Балкан до Центральной Азии. Поскольку, как уже отмечалось выше, боевое оснащение воинов на наших рельефах полностью соответствует реалиям военного дела парфяно-сасанидского Ирана, рассматриваемый изобразительный мотив вряд ли мог сложиться где-то за его пределами, тем более что с точки зрения стилистических и иконографических особенностей подобные памятники вне Ирана вообще неизвестны.

Алексеев, 2012 — *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 272 с.

Виноградов и др., 2017 — *Виноградов Ю. А., Медведева М. В., Д. А. Кукина, Е. Г. Застрожнова Е. В. Бобровская, Д. А. Кукина, Н. А. Лазаревская.* Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб.: ИИМК РАН; Лемма, 2017. 246 с. (Труды ИИМК РАН. Т. 51).

Галль, 1997 — *Галль Х., фон.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // *ВДИ*. 1997. № 2. С. 174–198.

Горелик, 1971 — *Горелик М. В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Геремесова кургана // *СА*. 1971. № 3. С. 236–245.

Луконин, 1969 — *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. 221 с., 21 табл.

Нефёдкин, 2011 — *Нефёдкин А. К.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Никоноров, 1992 — *Никоноров В. П.* Поединки всадников в наскальных рельефах парфян и Сасанидов (рец. на кн.: *Gall H., von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1990 [TF. Bd. 6]) // *АВ*. 1992. № 1. С. 214–217.

Никоноров, 2002 — *Никоноров В. П.* К вопросу о седлах парфянской кавалерии // *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии* / Ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 21–27.

Никоноров, 2005 — *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы МНК, посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого* (СПб., 2–5 ноября 2004 года) / Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 141–179.

Никоноров, 2010 — *Никоноров В. П.* К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана) // *Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного*

- искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов МНК / Ред. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова. Алматы: ЛЕМ, 2010. С. 43–65.
- Никонов, Худяков*, 1999 — *Никонов В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии / Ред. О. А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 141–154.
- Обзор*, 1916 — Обзор важнейших памятников. Доисторические древности // Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III в Москве за XXV лет (1883–1908). М.: Синодальная типография, 1916. С. 54–80.
- Пугаченкова*, 1989 — *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Раевский*, 1977 — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 216 с.
- Ростовцев*, 1913 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. Табл. I–CXII. СПб.: Издание Императорской Археологической комиссии, 1913. 16 с., 112 табл.
- Ростовцев*, 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. I: Описание и исследование памятников. СПб.: Издание Императорской Археологической комиссии, 1914. XVIII, 537 с.
- Симоненко*, 2015 — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев: издатель Олег Филлюк, 2015. 466 с.
- Трейстер*, 1994 — *Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.
- Фирдоуси*, 1957–1989 — *Фирдоуси.* Шахнаме. Т. 1–4, 6 / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1957–1989. 3027 с.
- Antonini*, 2005 — *Antonini S.* A Himyarite Artefact in the Parthian-Sasanian Style // Scritti in onore di Giovanni M. D’Erme. Vol. 1 / A cura di M. Bernardini, N. L. Tornesello. Napoli: Università degli Studi di Napoli «L’Orientale», 2005. P. 1–15 (Università degli Studi di Napoli «L’Orientale». Dipartimento di Studi Asiatici. Series Minor. 68).
- Barnett, Falkner*, 1962 — *Barnett R. D., Falkner M.* The Sculptures of Aššur-našir-apli II (883–859 B.C.), Tiglath-pileser III (745–727 B.C.), Esarhaddon (681–669 B.C.) from the Central and South-West Palaces at Nimrud. London: Trustees of the British Museum, 1962. XXVI, 183 p., 129 pl.
- Bel’ami*, 1869 — *Chronique de Abou-Djafar-Mo’ammed-ben-Djarir-ben-Yezid Tabari*, traduite sur la version persane d’Abou-‘Ali Mo’ammed Bel’ami, d’après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H. Zotenberg. T. 2. Paris: Imprimerie Impériale, 1869. II, 552 p.
- Bivar*, 1972 — *Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1972. No. 26. P. 271–291.
- Boardman*, 1970 — *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. London: Thames and Hudson, 1970. 458 p.
- Borchhardt*, 1976 — *Borchhardt J.* Das Izraza-Monument von Tlos / Mit Beiträgen von G. Neumann und K. Schulz // *Revue Archéologique*. Paris, 1976. Fasc. 1. S. 67–90.
- Callieri*, 2017 — *Callieri P.* Cultural Contacts between Rome and Persia at the Time of Ardashir I (c. AD 224–40) // *Sasanian Persia between Rome and the Steppes of Eurasia* / Ed. E. W. Sauer. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 221–238.
- Canepa*, 2009 — *Canepa M. P.* The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran. Berkeley, Los Angeles; London: University of California Press, 2009. XX, 425 p. (The Transformation of the Classical Heritage. 45).
- Canepa*, 2013 — *Canepa M. P.* Sasanian rock reliefs // *The Oxford Handbook of Ancient*

- Iran / Ed. D. T. Potts. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 856–877.
- Chaniotis*, 2005 — *Chaniotis A.* War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2005. XXIII, 308 p.
- Cohen*, 1997 — *Cohen A.* The Alexander Mosaic: Stories of Victory and Defeat. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1997. XIV, 279 p., 8 pl.
- Coulston*, 1986 — *Coulston J. C.* Roman, Parthian and Sassanid Tactical Developments // The Defence of the Roman and Byzantine East: Proceedings of a colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Eds. Ph. Freeman, D. Kennedy. Pt. 1. Oxford: B.A.R., 1986. P. 59–75 (British Institute of Archaeology at Ankara. Monograph no. 8; BAR International Series. 297/1).
- Francfort*, 1975 — *Francfort H.-P.* Un cachet achéménide d'Afghanistan // Journal Asiatique. Paris, 1975. T. 263, fasc. 3–4. P. 219–222.
- Gall*, 1990 — *Gall H., von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1990. 108 S., 24 taf. (TF. Bd. 6).
- Gall*, 1996 — *Gall H., von.* Die parthischen Felsreliefs unterhalb des Dariusmonumentes // Bisutun: Ausgrabungen und Forschungen in den Jahren 1963–1967 / Hrsg. von W. Kleiss und P. Calmeyer. Berlin: Gebr. Mann, 1996. S. 61–71 (TF. Bd. 7).
- Gall*, 1998 — *Gall H., von.* Die Reiterkampfszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrußland // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 1998. Bd. 29 (1997). S. 243–269.
- Gall*, 2008 — *Gall H., von.* New Perspectives on Sasanian Rock Reliefs // Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History: Proceedings of a Conference held at Durham University, November 3rd and 4th, 2001 / Eds. D. Kennet, P. Luft. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 149–161 (BAR. International Series. 1810).
- Gerhard*, 1847 — *Gerhard E.* Auserlesene griechische Vasenbilder, hauptsächlich etruskischen Fundorts. Th. 3: Heroenbilder, meistens homerisch. Berlin: G. Reimer, 1847. 194 S., 179 taf.
- Ghirshman*, 1947 — *Ghirshman R.* Firūzābād // Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire, 1947. T. 46. P. 1–28.
- Ghirshman*, 1950 — *Ghirshman R.* Notes Iraniennes III. A propos des Bas-Reliefs rupestres sassanides // Artibus Asiae. Ascona, 1950. Vol. 13, 1/2. P. 86–98.
- Ghirshman*, 1962 — *Ghirshman R.* Persian Art. The Parthian and Sassanian Dynasties, 249 B.C. — A.D. 651. New York: Golden Press, 1962. 401 p. (The Arts of Mankind. [Vol. 3]).
- Goldman, Little*, 1980 — *Goldman B., Little A. M. G.* The Beginning of Sasanian Painting and Dura-Europos // IA. 1980. Vol. XV. P. 283–298.
- Grabowski*, 2011 — *Grabowski M.* Ardašīr's struggle against the Parthians. Towards a reinterpretation of the Firūzābād I relief // IA. 2011. Vol. 46. P. 207–233.
- Greenhalgh*, 1973 — *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge: At the University Press, 1973. XVI, 212 p.
- Grenet*, 1988 — *Grenet F.* Les Sassanides à Dura-Europos (253 ap. J.-C.): Réexamen du matériel épigraphique iranien du site // Géographie Historique au Proche-Orient (Syrie, Phénicie, Arabie, grecques, romaines, byzantines): Actes de la Table Ronde de Valbonne, 16–18 septembre 1985 / Sous la direction de P.-L. Gatier et al. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1988. P. 133–158 (Notes et monographies techniques. No. 23).
- Harper*, 2006 — *Harper P. O.* In Search of a Cultural Identity: Monuments and Artifacts of the Sasanian Near East, 3rd to 7th Century AD. New York: Bibliotheca Persica, 2006. XIII, 210 p. (Biennial Ehsan Yarshater Lecture Series. No. 2).
- Helbig*, 1904 — *Helbig W.* Les *ἱππεῖς* athéniens // Mémoires de l'Institut national de France. Paris, 1904. T. 37, pt. 1. P. 157–264.
- Henning*, 1952 — *Henning W. B.* The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak // Asia Major. New series. London, 1952. Vol. 2, pt. 2. P. 151–178.
- Herrmann*, 1969 — *Herrmann G.* The Dārābgird Relief: Ardashīr or Shāhpūr? A Discussion in the Context of Early Sasanian Sculpture // Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. London, 1969. Vol. 7. P. 63–88.

- Herrmann*, 1977a — *Herrmann G.* The Iranian Revival. Oxford: Elsevier-Phaidon, 1977. 150 p.
- Herrmann*, 1977b — *Herrmann G.* Naqsh-i Rostam 5 and 8. Sasanian Reliefs attributed to Hormizd II and Narseh. Berlin: Reimer, 1977. 11 p., 16 pl. (Iranische Denkmäler. Lfg. 8. Rh. II: Iranische Felsreliefs. D).
- Herrmann*, 1989 — *Herrmann G.* Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. II* / Ed. cur. L. de Meyer et E. Haerinck. Gent: Peeters Press, 1989. P. 757–809.
- Herrmann*, 2000 — *Herrmann G.* The Rock Reliefs of Sasanian Iran // *Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods: Rejection and Revival c. 238 BC — AD 642: Proceedings of a Seminar in memory of Vladimir G. Lukonin* / Ed. J. Curtis. London: British Museum Press, 2000. P. 35–45.
- Herrmann*, *Curtis*, 2002 — *Herrmann G., Curtis V. S.* Sasanian rock reliefs // *EIr. Online edition*. 2002. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/sasanian-rock-reliefs> (date of access 14.08.2019).
- Herzfeld*, 1920 — *Herzfeld E.* Am tor von Asien: Felsdenkmale aus Irans Heldenzeit. Berlin: Dietrich Reimer (Ernst Vohsen) A.-G., 1920. XI, 164 S., 65 Taf.
- Herzfeld*, 1926 — *Herzfeld E.* Reisebericht // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Neue Folge. Leipzig*, 1926. Bd. 5 (Bd. 80), Nr. 4. S. 225–284.
- Herzfeld*, 1928 — *Herzfeld E.* La Sculpture rupestre de la Perse sassanide // *RAA*. 1928. An. 5, no. 3. P. 129–142.
- Herzfeld*, 1935 — *Herzfeld E. E.* Archaeological History of Iran. London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1935. VI, 112 p., 20 pl. (The Schweich Lectures on Biblical Archaeology. 1934).
- Herzfeld*, 1941 — *Herzfeld E. E.* Iran in the Ancient East. Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston. London; New York: Oxford University Press, 1941. 363 p., 131 pl.
- Hinz*, 1969 — *Hinz W.* Altiranische Funde und Forschungen / Mit Beiträgen von R. Borger und G. Gropp. Berlin: Walter de Gruyter, 1969. 275 S.
- Huff*, 2008 — *Huff D.* Formation and Ideology of the Sasanian State in the Context of Archaeological Evidence // *The Sasanian Era* / Eds. V. S. Curtis, S. Stewart. London; New York: I. B. Tauris, 2008. P. 31–59 (The Idea of Iran. Vol. 3).
- Ilyasov*, *Rusanov*, 1998 — *Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura, 1998. Vol. 5 (1997/98). P. 107–159.
- Jenkins*, 2006 — *Jenkins I.* Greek Architecture and Its Sculpture. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2006. 271 p.
- Kaptan*, 2002 — *Kaptan D.* The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid empire. Vol. 1–2. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2002. XVI, 486 p. (Achaemenid History. 12).
- Kawami*, 1987 — *Kawami T. S.* Monumental Art of the Parthian Period in Iran. Leiden: E. J. Brill, 1987. XVIII, 272 p., 72 pl. (Acta Iranica. 26; Textes et mémoires. Vol. 13).
- Kawami*, 2013 — *Kawami T. S.* Parthian and Elymaean rock reliefs // *The Oxford Handbook of Ancient Iran* / Ed. D. T. Potts. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 751–765.
- Kraeling*, 1956 — *Kraeling C. H.* The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. Pt. I: The Synagogue / With contributions by C. C. Torrey, C. B. Welles, and B. Geiger. New Haven: Yale University Press; London: Geoffrey Cumberlege; Oxford: Oxford University Press, 1956. XVIII, 402 p., 78 pl.
- Laubscher*, 1975 — *Laubscher H. P.* Der Relief-schmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki. Berlin: Gebr. Mann, 1975. IX, 182 S., 71 taf., 5 beil. (Archäologische Forschungen. Bd. 1).
- Lukonin*, 1967 — *Lukonin V. G.* Persia. II / Transl. from the Russian by J. Hogarth. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1967. 233 p.
- Luschey*, 1987 — *Luschey H.* Ardašir I. II. Rock Reliefs // *EIr*. 1987. Vol. 2. P. 377–380.
- Mathiesen*, 1992 — *Mathiesen H. E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. Vol. 1–2. Aarhus: Aarhus University Press, 1992. 340 p.

- Michalak*, 1987 — *Michalak M.* The Origins and Development of Sassanian Heavy Cavalry // *Folia Orientalia*. Wrocław, 1987. T. 24. P. 73–86.
- Mielczarek*, 1993 — *Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź: Oficyna Naukowa MS, 1993. 145 p. (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare. Vol. 1).
- Moreno*, 2001 — *Moreno P.* Apelles: The Alexander Mosaic / Transl. by D. Stanton. Milan: Skira editore, 2001. 135 p.
- Nikonorov*, 1997 — *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria, 700 BC — 450 AD. Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.
- Nikonorov*, 1998 — *Nikonorov V. P.* Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы МНК (2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. P. 131–138.
- Olbrycht*, 1998 — *Olbrycht M. J.* Parthia et ulteriores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München: tuduv-Verl.-Ges., 1998. VII, 337 S. (Quellen und Forschungen zur Antiken Welt. Bd. 30).
- Olbrycht*, 2003 — *Olbrycht M. J.* Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran // *Orientalistische Hefte*. Halle/Saale, 2003. Ht. 12. P. 69–109.
- Overtoom*, 2017 — *Overtoom N. L.* The Parthians' Unique Mode of Warfare: a Tradition of Parthian Militarism and the Battle of Carrhae // *Anabasis: Studia Classica et Orientalia*. Rzeszów, 2017. Vol. 8. P. 95–122.
- Palagia*, 2017 — *Palagia O.* Alexander's battles against Persians in the art of the Successors // *Ancient Historiography on War and Empire* / Eds. T. Howe, S. Müller and R. Stoneman. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 2017. P. 177–187.
- Porada*, 1965 — *Porada E.* The Art of Ancient Iran: Pre-Islamic Cultures / With the collaboration of R. H. Dyson and contributions by C. K. Wilkinson. New York: Crown Publishers, 1965. 279 p.
- Reinach*, 1925 — *Reinach S.* La Représentation du galop dans l'art ancien et moderne. Nouv. éd. ... Paris: Ernest Leroux, 1925. 126 p., 2 pl.
- Robinson*, 2002 — *Robinson H. R.* Oriental Armour. Mineola: Dover Publications, 2002. XI, 257 p., 32 pl.
- Rodenwaldt*, 1933 — *Rodenwaldt G.* Griechische Reliefs in Lykien // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin, 1933. 27 (Gesamtsitzung am 9. November). S. 1028–1055.
- Rostovtzeff*, 1931–1932 — *Rostovtzeff M. I.* L'art gréco-iranien // *RAA*. 1931–1932. T. 7, no. 4. P. 202–222.
- Rostovtzeff*, 1937 — *Rostovtzeff M.* Parthian Art and the Motive of the Flying Gallop // *Independence, Convergence, and Borrowing in Institutions, Thought, and Art*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1937. P. 44–56 (Harvard Tercentenary Publication. Vol. 3).
- Rothman*, 1977 — *Rothman M. S. P.* The Thematic Organization of the Panel Reliefs on the Arch of Galerius // *American Journal of Archaeology*. New York, 1977. Vol. 81, no. 4. P. 427–454.
- Schmidt*, 1970 — *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. 3: The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. XXIV, 174 p., 105 pl. (The University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 70).
- Schippmann*, 1987 — *Schippmann K.* Artabanus (Parth. Ardawān) // *EIr*. 1987. Vol. 2. P. 647–650.
- Shahbazi*, 2004a — *Shahbazi A. Sh.* Hormozd II // *EIr*. 2004. Vol. 12. P. 464–465.
- Shahbazi*, 2004b — *Shahbazi A. Sh.* Hormozdgān // *EIr*. 2004. Vol. 12. P. 469–470.
- Shepherd*, 1983 — *Shepherd D.* Sasanian Art // *CHI*. 1983. Vol. 3 (2). P. 1055–1112.
- Smith*, 1900 — *Smith A. H.* Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Vol. 2. London: Printed by Order of the Trustees, 1900. IX, 264 p., 26 pl.
- Syvänne, Maksymiuk*, 2018 — *Syvänne I., Maksymiuk K.* The Military History of the Third Century Iran. Siedlce: Scientific Publishing House of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 2018. 148 p.
- Treister*, 1997 — *Treister M. Yu.* New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century A.D.

- A Survey of Publications in VDI // ACSS. 1997. Vol. 4, no. 1. P. 35–100.
- Treister*, 2005 — *Treister M. Yu.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the «Ampsalakos School» // ACSS. 2005. Vol. 11, no. 3–4. P. 199–255.
- Vanden Berghe*, 1959 — *Vanden Berghe L.* Archéologie de l'Irân ancien. Leiden: E. J. Brill, 1959. XIX, 285 p., 174 pl. (Documenta et Monumenta Orientalis Antiqui. Vol. 6).
- Vanden Berghe*, 1983 — *Vanden Berghe L.* Reliefs rupestres de l'Irân Ancien. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1983. 208 p.
- Vanden Berghe*, 1993 — *Vanden Berghe L.* La Sculpture // Splendeur des Sassanides: L'empire perse entre Rome et Chine (224–642). [Exposition] 12 février au 25 avril 1993. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire; Crédit Communal, 1993. P. 71–88.
- Vanden Berghe*, *Schippmann*, 1985 — *Vanden Berghe L.*, *Schippmann K.* Les reliefs rupestres d'Elymaïde (Irân) de l'époque parthe. Gent: Iranica Antiqua, 1985. X, 175 p. (IA. Suppl. 3).
- Weitzmann*, *Kessler*, 1990 — *Weitzmann K.*, *Kessler H. L.* The Frescoes of the Dura Synagogue and Christian Art. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. XIV, 202 p., 202 fig. (Dumbarton Oaks Studies. 28).
- Widengren*, 1971 — *Widengren G.* The Establishment of the Sasanian dynasty in the light of new evidence // Atti del Convegno Internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970). Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1971. P. 711–782 (Accademia Nazionale dei Lincei. Problemi Attuali di Scienza e di Cultura. Quad. n. 160).
- Wiesehöfer*, 2007 — *Wiesehöfer J.* From Achaemenid Imperial Order to Sasanian Diplomacy: War, Peace, and Reconciliation in Pre-Islamic Iran // War and Peace in the Ancient World / Ed. K. A. Raaflaub. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2007. P. 121–140.
- Will*, 1962 — *Will Er.* L'art sassanide et ses prédécesseurs // Syria: Revue d'Art Oriental et d'Archéologie. Paris, 1962. T. XXXIX, fasc. 1–2. P. 45–63.
- Will*, 1986 — *Will Er.* Les éléments gréco-romains dans l'art sassanide // Iconographie classique et identités régionales. Paris, 26 et 27 mai 1983 / Publié sous la direction de L. Kahil et al. Athènes; Paris, 1986. P. 433–445 (Bulletin de Correspondance Hellénique. Suppl. 14).
- Winter*, 1912 — *Winter F.* Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg: Trübner, 1912. 18 S., 18 Taf.
- Yarshater*, 1983 — *Yarshater E.* Iranian National History // CHI. 1983. Vol. 3 (1). P. 359–477.

The Sasanian combat reliefs and the origin of the theme of equestrian duel with lances in the proclamative art of pre-Islamic Iran

V. P. Nikonorov

The most impressive kind of Iranian fine arts in the Sasanian era are, without any doubt, the grand rock reliefs numbering 39 ones (38 in Iran and one in Afghanistan), the overwhelming majority of which are located in the modern province of Fars — ancient Pars (Greek Persis), in the homeland of powerful rulers from the Achaemenid and Sasanian dynasties. A special place among these rock sculptures is occupied by a group of six combat reliefs that depict mounted duels between armoured lancers (Fig. 1, 1–6). Five of these monuments are in Fars: one in Firuzabad (Fir 1) and four in Naqsh-e Rostam (NRm 7/IV, NRm 7/V, NRm 5/VII, NRm 3/IX), as well as one more (obviously unfinished and, moreover, destroyed not earlier than 1818) in Ray, near Tehran. All the reliefs represent in fact the same motive: the culmination of equestrian single combat («scheme of culmination») between two heavy-armed riders, when the left of them sitting astride a horse that runs in the so-called flying gallop, on counter movement («scheme of confrontation») sticks his lance into the foe. These

representations inspired by heroic epic notions symbolically reflect some real important historical events like the decisive victory of the first Sasanian monarch, Ardashir I, over the Parthians at the battle of Hormizdagan in 224 AD (Fig. 1), etc. In their origins, the Sasanian combat reliefs go back to Parthian rock sculptures such as those at Bisotun (the relief of Gotarzes Geopothros) in Media and at Tang-e Sarvak (Monument «D») in Elymais (Fig. 1, 8, 9).

The prominent scholars have looked differently at the possible forerunners of combat scenes on the Parthian and Sasanian reliefs: as such considered have been Assyrian influence through Achaemenid artists (M. I. Rostovtzeff); two equestrian combat reliefs of the first half of the 4th century BC from Lycia — on the Izraza monument at Tlos and on the Nereid monument at Xanthos (fig. 2, 6, 7) (G. Rodenwaldt); early Hellenistic works like, first of all, the famous Alexander mosaic from Pompeii (Fig. 3, 2) (Er. Will).

In the present author's opinion, in order to solve this problem it is not enough to use comparative-iconographic methods of research solely. The matter is that there is no full coincidence between the Iranian rock monuments in question and the relevant pieces of art both above mentioned and the others coming from outside Iran (fig. 4) in the main three compositional criteria: the schemes of confrontation and culmination, and the flying gallop motive. Moreover, stylistically these two groups seriously differ from each other as well. If so, then, of course, one cannot talk about their common iconographic origin, perhaps with the exception of the flying gallop motive that seems to have been passed on to the Parthians from Achaemenid art. It is needful to take into account the fact that all the mounted warriors on the Parthian and Sasanian reliefs are the *cataphracts* — lancers encased together with their horses in full armour. This mode of fighting had been invented in the milieu of the Central Asian Iranian-speaking nomads (Dahae, Massagetae, Sacae) at the turn of the 4th and 3rd centuries BC and then, around the mid-third century BC, was brought to Iran by the Aparni from the Dahae tribal confederation — the founders of the Parthian empire. It should be stressed that the theme of equestrian duel between *cataphracts* using lances as the chief weapon is absolutely unique because it is no longer repeated on any other ancient monuments within the vast territory from the Balkans to Central Asia. Because the riders' martial equipment on our combat reliefs fully corresponds to the realities of warfare in Iran under the Arsacids and the Sasanians, the figurative motive under consideration could hardly have emerged somewhere else than in Iran proper, especially as from the point of view of stylistic and iconographic peculiarities similar monuments are unknown beyond Iran at all.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ

Любые античные вазы из Северного Причерноморья: путешествие к трансцендентальному

А. Г. Букина¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории коллекционирования и антикварной торговли античными расписными вазами (в том числе коринфской, беотийской, эвбейской, греческой геометрической, италийской, кипрской керамикой), которые в 1890–1910-е гг. рассматривались в качестве находок в Южной России (в Крыму, в районе Одессы и на Таманском полуострове). Эти предметы, хранящиеся сейчас в разных музеях России, в то время были важны для русских исследователей и любителей отечественной истории как элемент, обогащающий красками ожидаемую картину «уголка Древней Эллады на Юге России».

Annotation. The author analyzes the historical background for collecting and trading in the ancient painted pottery (Corinthian, Boeotian, Euboean, Greek geometric, Italiote, Cypriot) which was considered as finds from the South Russia (Crimea, Odessa region and Taman peninsula) during 1890–1910s. At that time these specimens of ancient pottery played an important role as an element bringing more colors to the expected image of “the Classical Hellas in the South Russia”. The pieces are currently available for studies in various Russian museums.

Ключевые слова: история коллекций античных расписных ваз, торговля античными древностями в России в 1890–1910-е гг., Императорская археологическая комиссия, архивные документы.

Keywords: history of collecting of ancient painted vases, trade of Classical antiquities in Russia during 1890–1910s, Imperial Archaeological Commission, archival papers.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-239-251

Знакомство с коллекциями античных расписных ваз в отечественных музеях по разным причинам постоянно возвращает нас мысленно к тому времени, когда «после присоединения к Российской империи Крыма и всего Северного Причерноморья <...> во вновь обретенные земли отправлялись ученые путешественники, да и просто энтузиасты-любители классических древностей <...>; их умы были заняты мечтой об уголке Древней Эллады на Юге России, о сопричастности

исторической судьбы нашего государства к ее великому наследию. <...> „Мы имеем право вообразить себе города античного мира покрытыми целым лесом статуй, колонн и храмов и все уголки жилищ и гробниц скольконибудь достаточных (т. е. состоятельных. — Ю. В.) из их обитателей наполненными множеством прекрасных художественных произведений меньшего размера“, – так писал по этому поводу П. М. Леонтьев» (Виноградов, 2000. С. 99 (Ч. 2. Путешествия к трансцендентальному)).

Конечно, расписным вазам (таким своеобразным и информативным со всех точек зрения) в картине трансцендентального

---

¹ Д-р искусствоведения, науч. сотрудник Отдела античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru.

Северного Причерноморья, которая занимала умы всё XIX столетие, должно было принадлежать особое место. И вот они сначала появились и украсили собой дореволюционные коллекции Санкт-Петербурга (императорские и частные), а потом переместились в самые разные точки советской музейной сети (*Петракова, Букина и др.*, 2019. С. 5–32, 199–218, 273–290).

Вплоть до конца 1910-х гг. в петербургских аристократических особняках еще существовали домашние музеи, где хранились вазы, вывезенные из Италии в первой половине XIX в.; иногда владельцы и наследники перепродавали их другим русским коллекционерам и даже вывозили обратно в Европу (*Там же*. С. 21–24). Императорские коллекции уже начали пополняться античной керамикой из раскопок на Юге России, но что касается частных собирателей, то еще в 1880-е гг. южнорусские античные вазы в Санкт-Петербурге приобрести было практически негде. В 1887 г. об отсутствии открытого рынка классических антиков прямо говорил И. Тонголатти, известный столичный антиквар. Это был владелец «магазина древностей и всякого рода предметов искусства, новых и старых картин» (*Северюхин*, 2008. С. 168–169). Тонголатти сообщал иностранному клиенту, который желал продать через него некую вазу (*Букина и др.*, 2019. С. 253–255, ил. 5–6), что это не получится, поскольку «здесь в Петербурге вовсе нет частных дилетантов (любителей. — А. Б.) древностей, как в других европейских странах» (АГЭ. Ф. I. Оп. V. 1887. Д. 2. Л. 187–188об.); поэтому Тонголатти советовал добиваться, чтобы вазу приобрели для Императорского Эрмитажа.

О том, как менее чем за 10 лет всё изменилось, мы знаем из воспоминаний, составленных в 1916 г. петербургским коллекционером А. А. Пальниковым (*Петракова, Букина и др.*, 2019. С. 273–290). Пальников писал, что его собственное «собрание греческих древностей, получило основание <... когда> в 1893 году на вербном торге у Гостиного двора в Петрограде впервые появился торговец

древностями из раскопок Юга России. Торговал он монетами и разной бронзовой мелочью, сильно покрытой окисью. Ничего интересного у него не было, и всего товару у него был один лоток» (ПГНИУ. *Опись Пальникова*, преамбула). Вербный торг на Невском проспекте устраивали «перед Гостиным двором, между зданием и тротуаром, на вербной неделе» (*Кони*, 1922. С. 54). Там «среди невообразимой толкотни и выкриков продавали пучки верб и вербных херувимов <...> и неизбежные воздушные шары, и живых птичек <...> и было бесконечное количество всяких восточных сладостей» (*Добужинский*, 1987. С. 20), а также «торговавшие всяким вздором лавчонки на открытом воздухе» (*Бенуа*, 1980. С. 536).

Дальше по Садовой античные древности среди прочих можно было найти в лавках со старыми вещами в Апраксином дворе (*Шуманский*, 1905. С. 149–151). В начале 1900-х гг. они встречались у Беженцева (адрес лавки — Шмитов проезд, № 4), Кручинина (лавка № 83) и Савельева (Михайловский проезд, № 438).

На рубеже веков в обеих столицах стали проводить еще и нерегулярные специализированные торги. Их устраивали заезжие антиквари из Южной России. О том, что там предлагалось, можно прочитать в анонимном рекламном объявлении (очевидно, 1890-х гг.), которое сохранилось в бумагах Императорского общества поощрения художеств (ГИАСПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 781, 1886–1915. Л. 2–2об.). Судя по перечню в этой листовке, «для господ археологов, нумизматов и любителей древностей <... на продажу было привезено> собрание древностей — Пантикапей <sic!>, Ставромата, Рископорида <sic!>, Котиса, Фанагории <sic!>, Иннинфимеоса <sic!>, Херсониса <sic!> Таврического, Керчи, Босфора Киммерийского, а также древности времен Митридата Понтийского, Римские, Византийские и Скифские». Адрес для покупателей в Москве — «против Александровского сада в гостинице „Кремль“, в Петербурге — «угол Невского и М<алой> Садовой, д. 54, кв. 38». Неназванный продавец, прибывший

«проездом очень ненадолго», предлагал купить у него «вазы с рисунками», «кувшинчики с рельефами», «светильники с рисунками», «маски различные, а также алебастровые», «разную стеклянную посуду, в том числе слезницы», «амулеты», «ожерелья разного рода», «камни углубленной резьбы и отчасти выпуклой, роскошной художественной работы по сердолику и др.», монеты, «обширный выбор аляповатых терракот», черепицы и ручки «с надписями» и тому подобные небольшие древности.

Пальников покупал у такого приезжего продавца краснофигурные вазы: «В 1895 году, узнав из газетных объявлений, что из Керчи прибыл торговец древностями, я отправился по его адресу. Это был известный нашим собирателям греческой старины Е. Р. Запорожский. Я для первого же раза сделал у него очень удачные приобретения <...> В 1897 году у приехавшего в Петербург Запорожского было приобретено 5 предметов и уже с выбором. Почин был уже сделан, теперь можно было уже фильтровать древности, прежде нежели приобретать их <...>» (ПГНИУ. *Опись Пальникова*, преамбула).

Запорожский, один из самых известных торговцев древностями в Крыму, владел двумя лавками древностей («Частными археологическими музеями») в Керчи и Ялте (Боровкова, 1999. С. 120–124). В 1890-е гг. он скупал предметы у керченских счастливых и пользовался услугами местных мастеров-реставраторов; те подчас и чинили находку, и тут же делали копии с нее — Запорожский выставлял на продажу и то, и другое (Боровкова, 1999. С. 104). О том, что продаются как подлинные, так и «фальсифицированные древности», открыто объявлялось (рис. 1). Запорожский подчас передавал подробные сведения о происхождении ваз. Так, по его словам, одна аттическая краснофигурная пелика, которую приобрел Пальников (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 166), была найдена «на форштадте, в солдатской слободе» (рис. 2). Очевидно, как раз в этом районе была исследована античная усадьба соответствующего времени (Федосеев, 1991).

Рис. 1. Объявление в книге Г. Г. Москвича «Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму» (Одесса, 1897)

Fig. 1. Announcement in a book of G. G. Moskvich “Illustrated Guide to the Crimea” (Odessa, 1897)

Нет нужды говорить о том, что подобные вазы IV в. до н. э. вообще были обнаружены в документированных причерноморских раскопках в большом количестве.

В то же время в магазинах Запорожского можно было найти и целые сосуды, которые принадлежали к нехарактерным для Причерноморья типам и, вероятно, были привезены из других регионов. Возможно, таково было происхождение коринфского лекифа с поясками, который ИАК купила у Запорожского в 1890 г. (Букина и др., 2015. Кат. 716). Это изделие конца V в. до н. э., когда коринфские вазы на внешние рынки уже широко не вывозили. Отдельные подобные лекифы (их, очевидно, продавали в древности как флаконы с благовониями) обнаруживались на Пелопоннесе, Итаке, Сицилии, в Беотии и Македонии. Откуда был экземпляр Запорожского,

Рис. 2. Страница «Описания Музея Великой Греции и ее черноморских колоний» А. А. Пальникова. 1916 г. (часть рукописи ПНИНГУ Опись Пальникова). © Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета

Fig. 2. Page from “Description of the Museum of the Great Greece and its Black Sea Colonies” by A. A. Palnikov. 1916 (part of a manuscript of the Perm State University, Palnikov’s register)
© The Museum of History of the Perm State University

неизвестно, но в документах ИАК, которые цитируются в эрмитажных книгах поступлений, было отмечено, что лекиф относится к числу «древностей, найденных в г. Керчи и на Таманском полуострове» (Архив ОАМ ГЭ. КП № I, разв. 48). Тем не менее, скорее, речь идет об одном из тех сосудов, которые как раз в 1890-е гг. на фоне возраставшего интереса публики начали обогащать ассортимент предложения ваз из Южной России. Среди них появились предметы, которые приобретали связь с причерноморской археологией, исключительно пройдя через руки причерноморских торговцев и коллекционеров.

В деле умножения березанских и ольвийских находок особое место заняли жители Одессы и Очакова. Как пополнялись запасы местных античных ваз, мы знаем, например, из описания Э. Р. фон Штерна. Штерн вспоминал, как осенью 1901 г. в Одессу заезжал знаменитый антиквар Илья (Илие, Элие) «Геладакис из Афин; по заметке, помещенной тогда в местных газетах, он, вследствие ходатайства весьма высокопоставленного лица в Афинах, получил от греческого правительства разрешение на вывоз определенного, довольно значительного, количества древностей <...> чуть ли не <...> сорока ящиков — для продажи их в Императорский Эрмитаж. По дороге <...> он остановился у нас в Одессе. <...> В музей к Штерну» приходили неоднократно после его приезда разные греческие и еврейские торговцы, которые <предлагали разные подлинные и поддельные древности...> Этим же греком привезены были и расписные вазы преимущественно коринфского стиля, которые нашими торговцами продаются под маркой „березанских“» (Штерн, 1906. С. 12–14).

В Эрмитаже есть немногочисленные (ни о каких сорока ящиках речь не идет) поддельные и подлинные античные вещи, купленные в начале 1900-х гг. у Геладакиса. В одном случае отмечено, что вазы (в том числе кратер геометрического стиля; *Борисковская*, 2008, ил. 1) происходят из Греции (Архив ОАМ ГЭ. КП № II, разв. 60); в другом — что предметы Геладакиса были «найжены отцом его в родном имении около Керамика и в Эретрии» (Архив ОАМ ГЭ. КП № II, разв. 52). Работы Геладакиса с компаньонами на юго-западном берегу острова Эвбея в 1890-е гг. и на рубеже веков были широко известны (*Garnier*, 2002. P. 20). Геладакис также устраивал большие распродажи антиков за границей (*Catalogue Drouot*), и европейские и американские собрания в настоящее время хранят приобретенные у него античные статуи, вазы, терракоты и ювелирные изделия, подлинные и поддельные.

Вазы коринфского стиля под маркой березанских предлагались к приобретению служащим ИАК в течение следующих 15 лет. Среди них были и совершенно целые (рис. 3),

и необычайно ранние, и просто даже до сих пор нехарактерные для причерноморских раскопок образцы.

В 1901 г. купили найденный вроде бы на Березани целый этрусско-коринфский остродонный арибалл последней трети VII в. до н. э. (Букина и др., 2015. Кат. 749). Аналогичный предмет, но уже «найденный в Керчи», в 1913 г. был получен «в дар от студента Ю. П. Гриневича» (Там же. Кат. 746).

Целые и ранние коринфские вазы (пере) продавали Шломо и Лейб Израилевичи Гохманы (Гаухманы), известные тем, что около 1900 г. почти «совсем монополизировали в своих руках торговлю ольвийскими древностями, которые невозможно <стало> купить непосредственно у парутинских мужиков» (Штерн, 1900. С. 82). На рубеже веков Гохманы установили долговременные отношения с ИАК, обратившись сперва с ходатайством через главу Херсонской губернии. Губернская администрация рекомендовала приобретать то, что предлагает «очаковский торговец древностями Лев (Лейба) Гохман», поскольку «немедленное и при том достаточное вознаграждение владельцев ольвийских древностей даст возможность обеспечить дальнейшее поступление интересных находок в Императорскую Археологическую Комиссию, вместо продажи их частным коллекционерам или вывоза за границу» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1898. Д. 8. Л. 31–31об.). Позже, с конца 1900-х гг., дело Гохманов процветало в Одессе, и тогда в продаже древностей ИАК, по поручению Шломо, участвовала и его жена, Гodelь Гохман (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1909. Д. 39. Л. 100).

Не все имена очаковских продавцов античных ваз были зафиксированы в документах ИАК, хотя сведения, полученные от некоторых из этих людей, особенно интересны, например, в тех случаях, когда упоминаются малоизвестные или неизвестные места находки. Так, в 1903 г. у кого-то, чье имя не сохранилось, были приобретены целые, необычной (для коринфской керамики из района Днепро-Бугского лимана) сохранности чернофигурные сосуды: амфориск 560-х гг.

Рис. 3. Коринфский чернофигурный амфориск. 560-е гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж
Fig. 3. Corinthian black-figure amphoriskos. 560s BC. © The State Hermitage Museum

до н. э. (рис. 3) (Букина и др., 2015. Кат. 156) и арибалл 630-х гг. до н. э. (Там же 273, 285–289. Кат. 18). Оба сосуда, по словам продавца, нашлись у села Викторовка Одесского уезда Херсонской губернии. Есть ли там неподалеку ранний некрополь, откуда могут происходить целые вазы, — неизвестно.

Однако точно известно, что в том же 1903 г. среди купленных «от г-осподина» Ицко-Береш Мошкова Нахмановича древностей, вырытых в дер<евне> Парутине и на остр<ове> Березани» (Архив ОАМ. КП № II, разв. 54) оказалась ойнохоя с рельефным выпуклым декором, исполненным по мотивам коринфской чернофигурной анималистической росписи (рис. 4) (Букина и др., 2015. Кат. 18).

Рис. 4. Сосуд с рельефным декором по мотивам чернофигурной коринфской анималистической росписи. Конец XIX — начало XX в.

© Государственный Эрмитаж

Fig. 4. Vessel with relief decoration based on Corinthian black-figure animalistic vase-painting. The end of 19th — the beginning of the 20th century.

© The State Hermitage Museum

Рис. 5. Беотийская чернофигурная лекана. Третья четверть VI в. до н. э. © Государственный Эрмитаж

Fig. 5. Beotian black-figure lekane. The third quarter of the 6th century BC. © The State Hermitage Museum

Облик этого изделия рубежа XIX–XX вв., а также его характерное состояние (ваза была разбита и склеена, и местами покрыта неким сероватым составом, имитирующим налет почвенных солей) не оставляет никаких сомнений в чистоте намерений продавца — самого Нахмановича, «проживающего в гор<оде> Очаков Херсонской губ<ернии>» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1903. Д. 8. Л. 38), или кого-то из его неизвестных контрагентов, перепродававших «под маркой березанского» или ольвийского всё, что попало в руки — чем экзотичнее, тем лучше.

Впрочем, если оставить эти эксцессы в стороне, нужно сказать, что керамика Коринфа и ее восточно-греческие имитации, изготовливавшиеся в VI — начале IV в. до н. э., в причерноморской археологии хорошо известны. Этого, однако, нельзя сказать о расписных вазах Беотии: «данные о находках беотийской керамики в Северном Причерноморье <...> не внушают доверия» (Борисковская, 2008. С. 14).

Беотийские чернофигурные вазы VI–V вв. до н. э. в 1900-е гг. ИАК, конечно, тоже приобретала, и они поступали в Эрмитаж. Есть покупка «из Ольвии» (рис. 5) (Там же. Ил. 6) и «с Березани» (Там же. Ил. 7). Кроме того, «сведения о находках беотийских ваз в Северном Причерноморье оперативно появились в археологических отчетах и в научной литературе» (Там же. С. 14). О последствиях беспокоился и современный исследователь беотийской чернофигурной керамики К. Килински, который предупреждал: «Необходимо помнить, что <...четыре опубликованные леканы третьей четверти VI в. до н. э., произведенные в Беотии>, по сообщениям, происходят из Малой Азии и Северного Причерноморья, и, если это верно, то тут может появиться реальное свидетельство соответствующих связей между регионами» (Kilinski, 1990. P. 39). За исключением хранящейся в Лейдене леканы «из Малой Азии», остальные как раз и были приобретены ИАК на Юге России. В связи с этим, а также поскольку известно, что Южную Россию в начале 1900-х гг. посещали такие продавцы, как Геладакис,

Рис. 6. Музей А. Ф. Эльтермана. Фото И. Оцуца. 1914 г. © Государственный Эрмитаж

Fig. 6. Museum of A. F. Elterman. Photo by I. Otsup. 1914. © The State Hermitage Museum

проблему, затронутую Килински, вероятно, можно пока опустить.

Беотийские вазы, которые Геладакис вез в своих «сорока ящиках», но не продал в Эрмитаж, по-видимому, разошлись по рукам русских коллекционеров и антикваров. Одним из них мог быть крупный петербургский дилер Аарон (Арон) Фролович (Рохович) Эльтерман (рис. 6) (Петракова, Букина и др., 2019. С. 273, 285–289). В 1910-е гг. беотийские и эвбейские чернофигурные сосуды приобретались у Эльтермана для Эрмитажа (Борисковская, 2008, ил. 14, 15; также Гос. Эрмитаж, инв. № ГР.8651 (Б.2744)). В начале 1920-х гг. купленные у Эльтермана изделия мастерских Беотии и Эвбеи поступили в музей Пермского университета

(рис. 7–8) (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 69, 98–100).

Среди этих последних обращает на себя внимание маленький двуручный кубок геометрического периода редкого типа (рис. 7) (Там же. Кат. 69). У Эльтермана он соседствовал с многочисленными вазами, обычными для причерноморских раскопок, почти как тот фрагмент эвбейской геометрической котилы, который чудесным образом соединился с образцами типичной керамики из Истрии в Кембриджском музее классической археологии (Boardman, 1991). Рядом с коробком, где лежали все эти обломки, как рассказал в свое время Дж. Бордман, хранилась керамика из Аль-Мины (и эвбейский фрагмент типичен

Рис. 7. Канфар миниатюрный расписной геометрического стиля. Беотия (?), VIII в. до н. э.
© Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 7. Small Geometric kantharos. Boeotia (?), the 8th century BC. © The Museum of History of the Perm State University

Рис. 8. Пиксида чернофигурная. Эвбея (?), V в. до н. э. © Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 8. Black-figure pyxis. Euboea (?), the 5th century BC © The Museum of History of the Perm State University

как раз для этого центра); то и другое «было внесено в каталог и надписано <годы спустя после поступления в музей...>. Так что надо было почти ожидать, что непомеченный фрагмент переместится из одного лотка или коробка в другой во время занятия, на котором сравнивали керамику из колоний» (Boardman, 1991. P. 389). Иными словами, рассматривая теперь геометрический кубок среди причерноморских античных ваз Эльтермана, никаких смелых выводов делать не нужно.

Некоторые беотийские сосуды можно различить на фотоснимке Археологического музея Эльтермана (рис. 6). Этот снимок был сделан в Петербурге, на Гороховой, 27, в 1914 г., когда владелец отмечал юбилей своей фирмы (15 лет антикварного дела и 25 лет — часового) и по этому случаю приглашал туда всех желающих с 10 до 17 часов (кроме праздников) для бесплатного осмотра экспозиции древностей. На фотографии видно, что витрина снабжена внутренним электрическим освещением. Экспозиции античных залов Эрмитажа таких усовершенствований в то время еще не имели (Букина, 2014).

В витрине за спиной Эльтермана стоят итальянские вазы; некоторые из них, а также более крупные итальянские сосуды, которые на фотографии не видны, были проданы в конце 1910-х гг. и в настоящее время хранятся в музее Пермского университета (Петракова, Букина и др., 2019. Кат. 125, 184, 185–187, 189–197). Как минимум три из них в свое время находились в Одессе и хранились в коллекции Е. А. Шуманского; коллекция была распродана в первой половине 1900-х гг. после того, как владелец безуспешно предлагал ее целиком в Императорский Эрмитаж (Васько, 2015). Три вазы, приобретенные Эльтерманом, зафиксированы на фотографиях коллекции Шуманского, которые хранятся в Эрмитаже (рис. 9 (справа) — 10). По поводу одной из них, краснофигурной апулийской пиксиды (рис. 6 (в центре)) (Там же. Кат. 194) Шуманский твердо сообщал в письме Г. Е. Кизерицкому: «Круглая коробка с крышкой. Ольвия» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1901. Д. 42. Л. 1–1об.). Это объяснимо, поскольку, как отмечал в 1904 г.

Э. Р. фон Штерн, «вазы южно-италийского типа появились на археологическом рынке в последние годы в довольно значительном числе <...> Местом их нахождения всегда называется Ольвия», и еще, говорил Штерн, италийские вазы в Одессе предлагаются постоянно в течение около десяти лет и даже недорого, и что «эти южно-италийские сосуды найдены в Италии и привезены в новейшее время нашими торговцами сюда, чтобы их продать под флагом ольвийских находок», сомневаться не приходится (Штерн, 1904. С. 57).

Так же как в случае с коринфской керамикой, вместе с подлинной привозной италийской предлагались и подделки под нее. И Шуманский тоже продавал одну подобную вещь (рис. 9, в центре); он писал о ней как о «вазе из простой глины, с рельефными изображениями и фигурами, какой нет ни в одном из русских музеев. Ваза найдена в 1900 г. при раскопках на острове Березани.., что подтверждает священник города Очакова, отец Николай Левицкий» (Шуманский, 1905. С. 133). Уникальность сосуда ценил также Кизерицкий, который писал в заключении о коллекции Шуманского, рекомендуя приобрести ее для Эрмитажа: «Несколько лет тому назад я слышал от разных торговцев, привезших древности в Ст. Петербург, об одной вазе, украшенной терракоттами <sic!>, о которой <sic!> говорились чудеса» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5, 1901. Д. 33. Л. 13). Архивная аннотация к фотографии, где чудесная ваза запечатлена (рис. 9), гласит, что она более всего напоминала эллинистические полихромные изделия, которые называют по имени города Канозади-Пулья, хотя, по признанию владельца, ваза была из «простой глины», иными словами не расписанная яркими (голубыми, розовыми, золотистыми) красками, как лучшие канозы.

Подлинная полихромная ваза эллинистического периода, хотя и не такая красочная, как канозы, а относящаяся к группе т. н. давнийской расписной керамики, тоже была среди березанских покупок ИАК. Поздний образец этой группы (III в. до н. э.), фимиатерий (Гаталина, 1984. Кат. 23), был куплен в Николаеве у некоего господина Войтина-

са вместе с большим кипрским кувшином с двуцветной росписью (bichrome IV) (рис. 11) (Букина *et al.*, 2008. Кат. 73). Фимиатерий при покупке считался «глиняной же подставкой» к этому кувшину (рис. 12) (ОИАК за 1903 год. С. 152, рис. 303).

Круглое тулово кипрского кувшина (это ойнохоя) украшено яркими орнаментами и двумя большими фигуративными клеймами (под ручкой и напротив нее). В клеймах изображены богиня в египетской одежде, ожерелье и парике, вдыхающая аромат лотоса, и обнаженный лучник, охотящийся на птиц. Поврежденная лишь по верху горла, в остальном целая и превосходной сохранности ваза оценена в наши дни как одно из лучших известных произведений группы bichrome IV с фигуративной росписью (Karageorghis *et al.*, 2005. P. 104). Такие сосуды изготавливали во второй половине VIII — VII в. до н. э. на востоке или юго-востоке Кипра, о чем свидетельствуют как данные о преимущественных местах находок, так и естественно-научные тесты этой керамики (Karageorghis, 1981. P. 120; Tschegg *et al.*, 2008. P. 1145; Tschegg *et al.*, 2009).

Кроме ойнохой ИАК немного раньше приобрела у того же священника г. Очаков, отца Левицкого, целую кипрскую фляжку с геометрической росписью по белому фону IX–VIII вв. до н. э. (группа white painted III) «с Березани» (Букина *и др.*, 2008. Кат. 19). Конечно, может быть, и не было бы ничего удивительного, если бы на Березани «нашли какую-нибудь кипрскую керамику, соответствующую местному наиболее раннему контексту <...>, что свидетельствовало бы о раннем потоке кипрских изделий в восточно-греческие города» (Boardman, 1991. P. 389). Однако наверняка ни целые сосуды VIII в. до н. э., ни удивительные комплекты из целых же, превосходного качества расписных ваз, произведенных с разницей в 300–500 лет, не были бы встречены так же спокойно.

И все же, так или иначе, известные по музейным коллекциям и архивным материалам античные вазы (упомянутые здесь и оставшиеся в тени) дают нам не реальную, но абсолютно завораживающую картину античного

Рис. 9. «Италийская керамика и ваза Каносса». 1901 г. Фотография. © Государственный Эрмитаж
Fig. 9. "Italiote pottery and Canosa vase". 1901. Photo. © The State Hermitage Museum

Рис. 10. Апулийская краснофигурная амфора. Середина IV в. до н. э.
© Музей истории Пермского государственного национального исследовательского университета
Fig. 10. Apulian red-figure amphora. The middle of the 4th century BC.
© The Museum of History of the Perm State University

Рис. 11. Ойнохоя с двуцветной росписью. Кипр, 750–600 гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж
Fig. 11. Bichrome oenochoe. Cyprus, 750–600 BC. © The State Hermitage Museum

мира на северном побережье Чёрного моря, как ее рисовали себе петербургские энтузиасты (собиратели, исследователи) первых двух десятилетий XX в. Это, поистине, любые вазы самых интересных разновидностей, из многих

Рис. 12. Лист из Отчета Императорской Археологической Комиссии за 1903 г.
Fig. 12. Page from the Report of the Imperial Archaeological Commission, 1903

частей Средиземноморья и разного времени производства. И вазы эти очень украшают отечественную античность, пусть даже и такую, которой никогда не существовало и которую некогда только надеялись найти.

АГЭ. Ф. I. Оп. V, 1887. Д. 2: О приобретении.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1898. Д. 8: § 3 Приобретение ценных предметов для пополнения Эрмитажа, покупка картин и проч<их> художественных произведений по всем отделениям Эрмитажа.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1901. Д. 33: О коллекции античных росписных ваз штабс-капитана Е. А. Шуманского.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1901. Д. 42: О коллекции древностей Е. Шуманского.

АГЭ. Ф. I. Оп. 5, 1909. Д. 39: Переписка Отдела древностей с разными лицами.

Архив ОАМ ГЭ. КП № I: Входящая книга Отделения Греко-Римских Древностей (I-го Отделения) Императорского Эрмитажа. № I. 1883–1893.

Архив ОАМ ГЭ. КП № II: Книга для записывания новых приобретений по отделению Древностей № II. 1893–1914.

ГИАСПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 781, 1886–1915: Каталоги экспонатов музея [Императорского общества поощрения художеств], описание их, списки экспонатов.

ПГНИУ. Опись Пальникова: Пермский государственный национальный исследовательский университет, фонды Музея истории, Опись

- египетской коллекции Александра Александровича Пальникова, 1908–1909 гг., 1 января 1909 г., Санкт-Петербург.
- Бенуа, 1980 — Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. 1–3. М.: Наука, 1980. 711 с. (Литературные памятники).
- Борисковская, 2008 — Борисковская С. П. Беотийские вазы в Эрмитаже // ТРЭ. Т. ХLI. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2008. С. 5–24.
- Боровкова, 1999 — Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с. (Древности Керчи. Кн. 4).
- Букина, 2014 — Букина А. Г. Выставки античных расписных ваз Императорского Эрмитажа // СГЭ. [Вып.] 72 (2014). С. 213–230.
- Букина и др., 2008 — Букина А. Г., Горская О. В., Дюков Ю. Л. Древности Кипра: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 128 с.
- Букина и др., 2015 — Букина А. Г., Петракова А. Е., Алексинский Д. П. Коринфские вазы и их античные имитации: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 456 с.
- Букина и др., 2019 — Букина А. Г., Гуляева Н. П., Горская О. В. Древности Стефана Верковича в Эрмитаже // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 8. Памяти С. Р. Тохтасьева / Ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2019. С. 230–275.
- Васько, 2015 — Васько Д. С. Одесский собиратель Е. А. Шуманский и его коллекция древностей // Клио. 2015. № 11 (107). С. 118–130.
- Виноградов, 2000 — Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2000. № 3. С. 98–128.
- Гаталина, 1984 — Гаталина Л. И. Расписная керамика местных апулийских мастерских // ТГЭ. Т. XXIV. Л.: Искусство, 1984. С. 34–48.
- Добужинский, 1987 — Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с. (Литературные памятники).
- Кони, 1922 — Кони А. Ф. Петербург: Воспоминания старожила. Пг.: Атений, 1922. 80 с.
- ОИАК за 1903 год — Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1906. 253 с.
- Петракова, Букина и др., 2019 — Петракова А. Е., Букина А. Г. при участии Алексева А. И., Баженовой О. К., Гузанова А. Н., Намойлик А. С., Ромашовой М. В., Тарарухиной Е. С., Фроловой А. А. Малые коллекции античных vaz в музеях России / Отв. ред. В. Н. Зинько. СПб.; Керчь: БФ «Деметра», 2019. 567 с.
- Северюхин, 2008 — Северюхин Д. Я. Старый художественный Петербург: Рынок и самоорганизация художников от начала XVIII века до 1932 года. СПб.: Миръ, 2008. 534 с.
- Федосеев, 1991 — Федосеев Н. Ф. Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора: К 165-летию основания Керченского музея древностей: ТДК. Керчь: Б. и., 1991. С. 29–31.
- Штерн, 1900 — Доклад члена совета Э. Р. фон Штерна по поводу вновь приобретенных музеем древностей, особенно нового эпиграфического материала // ЗООИД. 1900. Т. 22, ч. 4. С. 82–92.
- Штерн, 1904 — Доклад члена Э. Р. фон Штерна. Археологические новинки // ЗООИД. 1904. Т. 25, ч. 4. С. 54–62.
- Штерн, 1906 — Доклад члена Э. Р. фон Штерна. О новом способе подделки античных расписных ваз // ЗООИД. 1906. Т. 26, ч. 6. С. 5–15.
- Шуманский, 1905 — Шуманский Е. А. (сост.). Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров. Одесса: Типо-лит. А. Шульце, 1905. XVIII, 205 с.
- Boardman, 1991 — Boardman J. Early Greek pottery on Black Sea sites? // OJA. Vol. 10 (1991), no. 3. P. 387–390.
- Catalogue Drouot — Catalogue de la collection M. E. [Geladakis], vente Drouot, 2–4 juin 1904. Paris, 1904. 76 p.
- Garnier, 2002 — Garnier B. Rodin: Antiquity is my youth: A sculptor's collection. Paris: Musée Rodin, 2002. 79 p.
- Karageorghis, 1981 — Karageorghis V. Ancient Cyprus. Baton Rouge (LA): Louisiana State University Press, 1981. 204 p.
- Karageorghis V. et al., 2005 — Karageorghis V. in collaboration with Anastasia Bukina [et al.].

Ancient Cypriote Art in Russian Museums: the State Historical Museum, Moscow; the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow; the State Hermitage Museum, Saint-Petersburg. Nicosia: A. G. Leventis foundation, 2005. XII, 168 c.

Kilinski, 1990 — *Kilinski K.* Boeotian Black Figure Vase Painting of the Archaic Period. Mainz-am-Rhein: Von Zabern, 1990. 80 p.

Tschegg et al., 2008 — *Tschegg C., Hein I., Ntaflos Th.* State of the art multi-analytical geoscientific

approach to identify Cypriot Bichrome Wheel-made Ware reproduction in the Eastern Nile delta (Egypt) // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. P. 1134–1147.

Tschegg et al., 2009 — *Tschegg C., Ntaflos Th., Hein I.* Integrated geological, petrologic and geochemical approach to establish source material and technology of Late Cypriot Bronze Age Plain White ware ceramics // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36. P. 1103–1114.

Any ancient vases from the North Black Sea region: a journey to transcendence

A. G. Bukina

During 1890s — 1910s Russian public was interested in collecting of ancient painted vases considered as finds from the North Black Sea region. At that time these specimens played an important role as an element bringing more colors to the expected image of “the Classical Hellas in the South Russia”. The trade of these pieces included both lively commercial exchange in near sites of the North Black Sea (like Olbia, island of Berezan and Bosporan sites) and specialized sales in Saint Petersburg and Moscow. Imported high quality vases (Corinthian, Boeotian, Euboean, Greek geometric, Italiote, Cypriot) were often on sale under the guise of finds from the South Russia. The pieces are currently available for studies in various Russian museums.

Комплекс с «псевдо-самосской» амфорой из раскопок Фанагории¹

А. А. Завойкин²

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы локализации и хронологии группы ионийских тарных амфор, производство которых относят к мастерским Самоса, Милета или Эрифры. Основанием для рассмотрения этих вопросов стало открытие на акрополе Фанагории грунтового котлована, в котором найдены обломки керамической тары Хиоса, Менды и амфора, профилировка венца и ножки которой близко напоминают самосские, но формой тулова она отлична от них.

Annotation. The article discusses the problems of localization and chronology of a group of the Ionian transport amphorae which production is referred to the workshops of Samos, Miletus or Erythrai. The basic event behind these questions was the uncovering of a ground ditch at the Acropolis of Phanagoria in which fragments of ceramic containers of Chios, Mende and an amphora were unearthed. The rim shape and the foot of the amphora are closely associated with Samian amphorae, but the shape of its body is distinguished from them.

Ключевые слова: Фанагория, акрополь, амфора, Самос, Милет, Эрифры, хронология.

Keywords: Phanagoria, acropolis, amphora, Samos, Miletus, Erythrai, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-252-262

В 2015 г. на раскопе «Верхний город» в Фанагории был открыт небольшой объект — котлован³ (№ 738), относящийся к третьей четверти V в. до н. э. Точнее сказать, была рас-

¹ Работа выполнена в рамках НИР по теме «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир — контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2).

² Ведущий науч. сотрудник, Отдел классической археологии, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117209, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru.

³ Употребление этого термина объясняется в другом месте (Завойкин, 2018. С. 54–56). Обычно его используют для обозначения углубления в грунте для строительства фундамента здания или его подвала (полуподвала), стены которого выполняют ту же функцию. В данном же случае «котлован» — это функционально самостоятельное сооружение (прямоугольная в плане яма), предназначенное для недолговременного хозяйственного использования, имевшее лишь легкое перекрытие.

копана нижняя часть западной половины котлована. Сооружения второй половины V в. до н. э. весьма немногочисленны в этом районе города. Всего их для данного периода теперь известно здесь три⁴, и все они — прямоугольные в плане котлованы⁵, если не считать лишь частично синхронной им единственной наземной постройки — храма (№ 743; см.: Кузнецов, 2019. С. 402, 403, рис. 3, 1), который доживает до конца того же столетия.

⁴ Вообще же котлованов открыто здесь немало (Завойкин, Кузнецов, 2013. С. 167–169; Завойкин, 2018; 2019). Следует обратить внимание на тот факт, что подобного рода объекты пока неизвестны ни в одном другом районе Фанагории.

⁵ От одного из них (№ 279), изрезанного во многих местах хозяйственными ямами, сохранилась ничтожно малая часть, другой (№ 827) большей своей частью остался за пределами раскопа (Завойкин, 2019. С. 245–247, рис. 9, 10).

Поскольку объяснение такой ситуации на акрополе Фанагории во второй половине V в. до н. э. было уже дано неоднократно (например, см.: *Завойкин*, 2018. С. 57; 2019. С. 247–249), нет необходимости возвращаться к этому вопросу, так как публикуемый в этой заметке комплекс не может принести в обсуждение что-то новое. Важнее пояснить, что побудило рассматривать этот комплекс отдельно. Причина тому довольно проста: в надежно датированном контексте представлена археологически целая форма «самосской» амфоры третьей четверти V в. до н. э., что является значительной редкостью и дает хороший повод вновь (см.: *Завойкин*, 2014) обсудить вопрос о локализации керамической тары, относимой исследователями к производству Самоса, Милета или Эрифр (ср. мнения: *Монахов*, 2003. С. 27–28; *Монахов*, 2012. С. 111 сл.; *Стоянов, Эрим-Оздоган*, 2013. С. 220–221).

Но сначала приведу краткое описание самого объекта и амфорного комплекса, обнаруженного в нем. Котлован (№ 738) был открыт в метре от северного борта раскопа, поблизости от склона верхнего плато (кв. 111). В плане котлован, ориентированный с юга на север с небольшим отклонением к западу, прямоугольной формы со скругленными углами, из которых сохранилась только западная их пара (восточная уничтожена круглой хозяйственной ямой) (рис. 1, 1, 2). Длина котлована 2,37 м, в ширину он сохранился до 1,38 м, глубина же сохранившейся придонной части объекта не превышала 0,25 м. Борта отвесные, дно плоское без каких-либо следов подмазки пола или опор для перекрытия. В юго-западном углу обнаружены в крупных обломках: верхняя половина амфоры Менды, тулово хиосской амфоры (без горла и ручек) и, наконец, археологически целая (реставрированная полностью) амфора «самосского» облика⁶.

⁶ Поскольку другие немногочисленные находки были маловыразительны и не позволяют внести коррективы в датировку комплекса по амфорам, их описание опускается. Единственный фрагмент, который заслуживает упоминания, — это обломок верхнего края

Хиосская амфора наиболее показательна для определения даты комплекса. Она относится к позднему варианту пухлогорлой тары этого центра (рис. 1, 3), который датируется третьей четвертью V в. до н. э. Профилировка тулова в целом и особенно ножки позволяет уверенно отнести амфору из котлована к финальной разновидности этого варианта (по классификации С. Ю. Монахова — III-C-2; *Монахов*, 2003. С. 19, табл. 7, 4–6) и отнести примерно к 30-м — первой половине 20-х гг. V в. до н. э.

Этой датировке в полной мере соответствует морфология верхней части мендейской амфоры (рис. 1, 4). Она принадлежит сосуду «шаровидного» варианта пифоидного типа (I-B) по С. Ю. Монахову (*Монахов*, 2003. С. 90–91, табл. 61, 3, 4)⁷, который датирует амфоры этого варианта 40–30-ми гг. V в. до н. э. Для хронологии здесь особенно важен комплекс нимфейского склада 1978 г. с двумя мендейскими амфорами (*Монахов*, 1999. С. 125, 127, табл. 41, 1, 2). В нем, наряду с мендейскими и амфорами ряда прочих центров производства, представлены хиосские с прямым горлом наиболее раннего («нимфейского») варианта (IV-A; *Монахов*, 2003. С. 238, табл. 8, 1; ср. табл. 8, 2, 3, из склада № 3/1960 г. в Николии), а также фасосские ранние биконические типа «фанагорийский холм Г», но более стройные, чем амфоры из эпонимного комплекса и, очевидно, несколько более поздние (*Монахов*, 1999. С. 125, табл. 40, 4, 5). В совокупности хронологию этого весьма представительного собрания амфор из склада в Нимфее исследователь определяет в пределах первой половины — третьей четверти V в. до н. э., а завершение формирования комплекса относит ко времени «не позднее (курсив мой. — А. З.)

аттического канфара с ромбическим орнаментом белой накладной краской на стенке сосуда и росписью в виде «насечек» разбавленным лаком по венцу, который, вероятно, датируется третьей четвертью V в. до н. э.

⁷ Эти две амфоры из курганов № 27/1966 и № 30/1967 Елизаветовского могильника — хрестоматийный образец ранней керамической тары данного центра (*Брашинский*, 1984. С. 36, табл. XIV, 1) — особенно близки морфологии фанагорийской амфоры.

Рис. 1. Котлован № 738 на акрополе Фанагории и амфоры из него: 1 — общий вид с северо-востока; 2 — юго-западный угол объекта; 3 — амфора Хиоса; 4 — верхняя часть амфоры Менды; 5 — североионийская амфора («псевдо-самосская»)

Fig. 1. Trench no. 738 at the Acropolis of Phanagoria and amphorae from it: 1 — general view from the North-East; 2 — South-West corner of the object; 3 — Chian amphora; 4 — upper part of Mende amphora; 5 — north-ionic amphora (“pseudo-Samian”)

середины 30-х годов» (Монахов, 1999. С. 130). На мой взгляд, присутствие в комплексе хотя бы и наиболее ранних прямогорлых хиосских амфор заставляет повисить его датировку лет на 5–10⁸, то есть на тот примерно период, когда эти амфоры «сосуществуют» с пухлогорлыми сосудами того же центра (в этой связи стоит упомянуть неподтвержденную информацию о том, что в нимфейском комплексе хиосская пухлогорлая имела (Монахов, 1999. С. 125, прим. 19)).

⁸ Если только в данном случае С. Ю. Монахов понимает под «30-ми годами» интервал 440–430 гг.

Отмеченные выше хронологические дефиниции существенны для датировки третьей амфоры из фанагорийского котлована, поскольку сама «псевдо-самосская» амфора (рис. 1, 5) не может быть датирована столь же узко. В 2003 г. С. Ю. Монахов доводил линию эволюционного развития амфорной тары этого центра только до середины V в. до н. э., а сходные по форме амфоры второй четверти / середины — второй половины этого столетия он относил, следуя П. Дюпону (см.: Dupont, 1983. P. 42; Cook, Dupont, 1998. P. 168–169, fig. 23, 9d–g), к производству мастерских Милета (Монахов, 2003. С. 26, табл. 15, 7 (амфора

из афинского Керамика); С. 34–35, табл. 19, 20). Нас в первую очередь будет интересовать вариант П-В («Тигани») его классификации, о котором исследователь сообщает: «Надежных хронологических привязок у нас нет, но можно предполагать, что данный вариант тары выпускался параллельно ольвийскому, заходя, безусловно, и во вторую половину (третью четверть?) V века» (Монахов, 2003. С. 35).

После того как были опубликованы данные об амфорах из кораблекрушения у мыса Текташ Бурну (Tektaş Burnu, у побережья между Эрифрами и Теосом) и установлена их датировка (ок. 440–430/425 гг. до н. э.; *Carlson*, 2003. Р. 590; *Carlson, Lawall*, 2005–2006. Р. 32), С. Ю. Монахов изменил свое мнение о локализации производства отмеченной выше керамической тары. Следуя предположению о том, что большая часть груза (195 сосудов) на судне была представлена тарой Эрифр⁹ (поскольку на горле одной (!) из этих амфор имелось круглое клеймо с буквами ΕΡΥ, как на монетах этого полиса V–IV вв. до н. э.), в первый тип амфор этого центра, названный им «псевдо-самосским», исследователь включил и те амфоры, что ранее относил к милетскому производству (Монахов, 2012. С. 111 сл.; Монахов, 2013. С. 29–32, табл. I, 4–6: вариант I–B). Амфоры варианта «Тигани» поставлены после варианта I–A, названного «Текташ Бурну». Об амфорах этого раннего варианта сообщается: «Крупные амфоры пифоидной формы с массивным эхиновидным венцом третьей четверти V в., весьма близкие по морфологии к амфорам Самоса и Милета этого времени» (Монахов, 2013. С. 29). Неясно, однако, о каких именно самосских и милетских амфорах идет разговор, если все ранее относимые им к этим центрам производства сосуды теперь исследователь приписал мастерским Эрифр.

⁹ Помимо так называемых «псевдо-самосских», в комплексе содержалось 10 мендейских амфор (*Carlson*, 2003. Р. 587–588, fig. 10), две — хиосские пухлогорлые (двух поздних вариантов), три — «самосские» (двух типов, которые здесь же и в подрисуночной подписи почему-то именуется «самосско-милетскими») (см.: *Ibid.* Р. 590, fig. 11), две — амфоры предположительно «Северной Эгеиды» (*Ibid.* Р. 590, fig. 12).

Недавно появилась статья П. Дюпона, который в целом поддерживая идею об амфорном производстве в Эрифрах так называемых «веретенovidных „самосских“ амфор», высказал резонные сомнения в том, что все они (в том числе те из них, самосское производство которых, по мнению французского специалиста, убедительно аргументировано В. Грейс (*Grace*, 1971)) могут быть отнесены к изделиям этого центра. И в частности он отметил, что рентгено-флуорисцентный анализ образцов подобных амфор¹⁰ не позволяет локализовать производство строго в Эрифрах, но только в более широком ареале — Северная Иония (Эрифры—Теос—Колофон). Столь же основательны и сомнения П. Дюпона в том, что трехбуквенное клеймо на горле амфоры из кораблекрушения может быть однозначно интерпретировано как этникон (*Dupont*, 2018. Р. 88, 91, 93–95).

На мой взгляд, тезис о том, что так называемые «веретенovidные» (spindle-shape), «самосские» или «псевдо-самосские» амфоры производились синхронно не одним, а несколькими северо-ионийскими центрами, не вызывает сомнений. Косвенно в пользу этого говорит и разнородность в их локализации, и затруднения, возникающие в хронологических дефинициях — это всё последствия попыток выстроить единую классификацию для керамической тары, произведенной в различных центрах¹¹.

Подтвердить это заявление довольно просто: достаточно сопоставить между собой синхронные амфоры. Удобно будет для начала внимательно посмотреть на сосуды из одного комплекса — груза затонувшего корабля у Текташ Бурну. Единственная амфора с клеймом (рис. 3, 1) имеет довольно высокое плечо, конически сужающееся к ножке туло-

¹⁰ Из Херсонеса (*Dupont*, 2018. Р. 90, fig. 5; Монахов и др., 2017. С. 93, ер. 1), которую С. Ю. Монахов относит к эрифрским варианта I–B «псевдо-самосского» типа (Монахов, 2012. С. 112, рис. 1, 5), и из кораблекрушения у Текташ Бурну.

¹¹ Ср.: «В настоящее время у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отнести указанные амфоры Самосу, Милету или Эрифрам» (Стоянов, Эрм-Оздоган, 2013. С. 221).

во при общих округлых («пифоидных») его очертаниях, горло короткое (!) с массивным отогнутым («эхиновидным») венцом. Две другие амфоры¹² с яйцевидным обводом тулова (рис. 3, 2, 3), размерами и пропорциями отличные одна от другой, весьма мало походят на первую, как общими очертаниями, так и формой ножки. Учитывая относительную узость хронологического диапазона товара на торговом судне (оговорки здесь уместны, но останавливаться на этом не будем), предполагать, что эти амфоры представляют собой два последовательных варианта тары одного центра¹³ трудно, но допустимо, раз уж в том же комплексе содержались амфоры Хиоса двух вариантов (см. сноску 9). Но выстраивать здесь последовательную цепочку из трех хронологических вариантов (поставив амфору с клеймом в ее начало) будет явной натяжкой, а с учетом морфологических особенностей сосудов это и вовсе нереально.

После сказанного уместно вернуться к рассмотрению амфоры из фанагорийского котлована. По амфорам Хиоса и Менды она

¹² Одну из них Д. Карлсон называет «самосской», другую — «самосско-милетской» (Carlson, 2003. P. 586, fig. 5; P. 590, fig. 11).

¹³ Больше всего они напоминают форму «классических» самосских амфор по В. Грейс (Grace, 1971. P. 76, fig. 3, 3, pl. 15, 9) и И. Б. Брашинскому (Брашинский, 1984. С. 32–33, табл. II, 1; ср.: Монахов и др., 2017. С. 93, ер. 2; 2019. С. 146, ер. 1, 2). Превосходный комплекс амфор для сравнения представлен в раскопках поселения Менекше Чатай (Menekşe Çatayı) в Пропонтиде, который следует датировать ок. 470–440 гг. до н. э. (Стоянов, Эрим-Оздоган, 2013. С. 234, рис. 11; С. 235, рис. 13. 2–4).

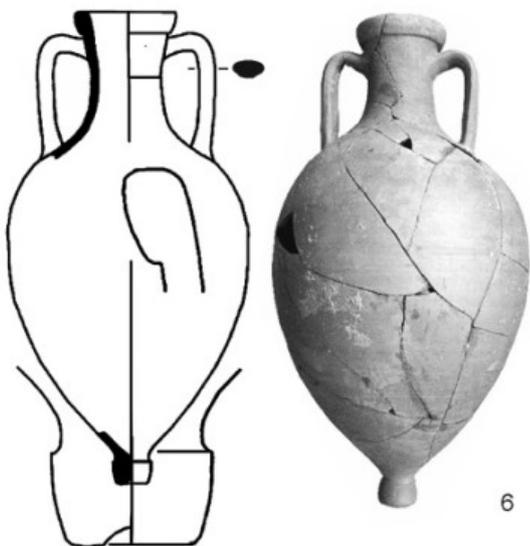
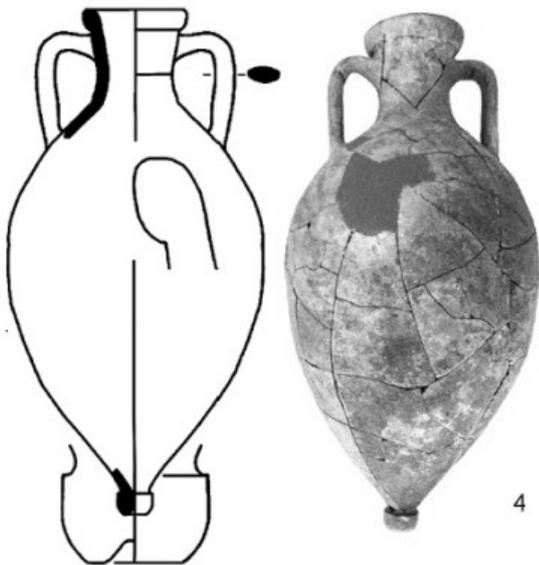
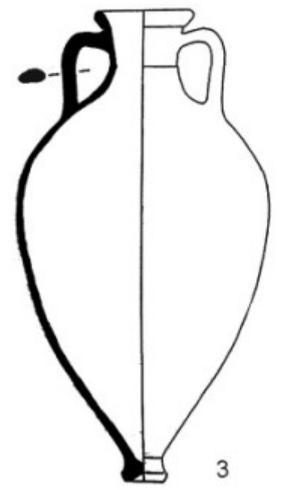
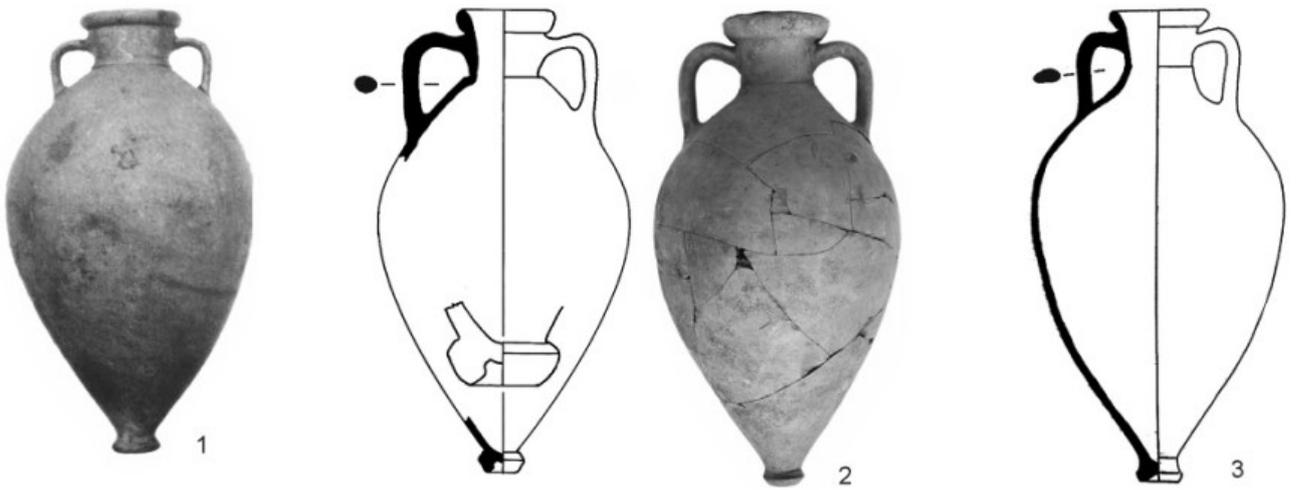
синхронизируется (в пределах поздней третьей четверти V в. до н. э.) с амфорами из кораблекрушения Текташ Бурну. Однако легко заметить, что фанагорийская амфора, вполне близко соотносясь с ними по форме венца и ножки, заметно отличается от сосудов из кораблекрушения формой тулова. Оно не яйцевидное с максимальным диаметром примерно по центру общей высоты корпуса, как у тех двух (и, замечу в скобках, иных «классических» самосских амфор), а имеет относительно высокие плечи, от которых сужается на конус к ножке (рис. 1, 5). Тарный сосуд из котлована общими очертаниями больше напоминает амфоры варианта I-C по классификации С. Ю. Монахова, которые он «сугубо предположительно» относит к продукции Эрифр. Амфоры этого варианта не имеют надежной хронологической привязки, и исследователь датирует их интуитивно, по морфологии, последней третью V в. до н. э. (Монахов, 2013. С. 32, 33, табл. II, 8, 9)¹⁴.

Таким образом, мы наблюдаем не последовательные этапы эволюции форм амфор одного центра производства, а синхронные их

¹⁴ Ранее этот вариант «милетских» амфор С. Ю. Монахов (2003. С. 35–36) датировал второй половиной (последней третью) V — первой половиной IV в., ссылаясь, в частности, на распределение подобных (по его мнению) профильных частей амфор в культурном слое «Южного города» Фанагории (Завойкин, 1992. С. 50, рис. 3, 3), которые в действительности ближе варианту I-B его классификации, датируемому последней четвертью V в. до н.э., и, в том числе, происходят из комплексов, которые именно так и датируются (например, см.: Завойкин, 2004. С. 25–27, табл. 17, 2–4).

Рис. 2. Самосские амфоры VI — середины V в. до н. э. (1–6, 8): 1 — из погребения 81 некрополя Вульчи (Rizzo, 1990. Fig. 214); 2 — из ямы-склада № 32/2003 в Патрее (чертеж: Абрамов, 2006, фото: Г. А. Ломтадзе); 3 — из подвала в кв. 108/Ц.–С. в Пантикапее (Толстиков и др., 2003. Табл. XII, 3); 4–6 — из помещения D здания на поселении Менекше Чатай в Пропонтиде (Стоянов, Эрим-Оздоган, 2013. Рис. 11, 13, 2–4); 8 — из хозяйственной ямы 13/1962 в Ольвии (фото: Брашинский, 1967: рис. 2, чертеж: Монахов, 2003. Табл. XIX, 5). 7 — серебряная монета Самоса (Grace, 1961. Pl. 15, 7). Масштаб: а — для амфор, б — для деталей профилей

Fig. 2. Samian amphorae of the 6th — middle of the 5th century BC (1–6, 8): 1 — from the burial 81 in the necropolis Vulchi (Rizzo, 1990. Fig. 214); 2 — from the pit-storage no. 32/2003 in Patrey (scheme by Абрамов, 2006, photo — G.A. A. Ломтадзе); 3 — from the basement at square 108/Ц.–С. in Panticapaeum (Толстиков и др., 2003. Tabl. XII, 3); 4–6 — from the room D of the building in the settlement Menekshe Qatagi at Propontis (Стоянов, Эрим-Оздоган, 2013. Fig. 11, 13, 2–4); 8 — from utility pit 13/1962 in Olvia (photo by Брашинский, 1967: picture 2, scheme by Монахов, 2003. Tabl. XIX, 5). 7 — silver Samian coin (Grace, 1961. Pl. 15, 7). Scale: a — for amphorae, б — for profile fragments

0 50 см — а

0 10 см — б

вариации по крайней мере трех разных центров. При этом, как представляется, можно ретроспективно проследить в хронологической последовательности линию морфологического развития амфор одного из них от последней четверти V в. до н. э. Речь идет о сосудах с яйцевидным (или «веретенновидным»¹⁵) туловом. Итак, начнем с амфор варианта I-B по классификации С. Ю. Монахова, датировка которых подтверждается фрагментированными материалами из комплексов «Южного города» Фанагории (рис. 3, 4–6; см. сноску 14). Этот вариант («Тигани») включает в себя и эпонимную амфору, найденную в море у берегов Самоса, которую В. Грейс относил к местному производству, и «самосско-милетскую» амфору из кораблекрушения Текташ Бурну (рис. 3, 3; *Grace*, 1971. Pl. 15, 9; *Carlson*, 2003. Fig. 11). Наряду с последней, как было отмечено, в этом комплексе представлена «самосская» амфора того же типа, но, видимо, предшествующего варианта, который в целом можно датировать ок. 450/40–430/25 гг. до н. э. (рис. 3, 2; *Carlson*, 2003. Fig. 5, верхняя). К предшествующему периоду (ок. 470–440 гг. до н. э.) целесообразно отнести амфоры из комплекса разрушения усадьбы в Менекше Чатай (рис. 2, 4–6; см. сноску 13). К несколько более раннему времени (ок. 480–470 гг. до н. э.) относится амфора из подвала на акрополе Пантикапея (рис. 2, 3; *Толстиков и др.*, 2003. С. 340, табл. XII, 3, 4)¹⁶, которому, в свою очередь, предшествует (ок. 525–500 гг. до н. э.) тарный сосуд из ямы-подвала в Патрее (рис. 2, 2; *Абрамов*, 2006. С. 18, 33, рис. 8, 9)¹⁷.

¹⁵ Термин (spindle-shape) не очень удачен, поскольку под ним подразумевается форма не самого веретена, а веретена, на котором в большем или меньшем количестве намотана спряденная нить.

¹⁶ Ср. образец DUP 561, определяемый П. Дюпоном как продукция Самоса (*Dupont*, 2018. P. 97, fig. 27, слева).

¹⁷ По форме тулова эта амфора с низким горлом (уступ-подрезка на нем располагается в его нижней части, почти на границе с плечом) и массивным венцом занимает пограничную позицию между предыдущим («архаическим») типом (рис. 2, 1) (*Rizzo*, 1990. P. 110, fig. 214; ср.: *Cook, Dupont*, 1998. Fig. 23, 9b) и рассматриваемым в этой статье («классическим»). Ю. Бырзеску ставит амфору из Патрея в один ряд с другими амфорами

Таким образом, опираясь на хорошо датированные комплексы, наблюдаем плавную эволюцию формы и размеров однотипных амфор с последней четверти VI до конца V в. до н. э. Основной тенденцией развития их формы стало последовательное увеличение стройности сосудов (и, соответственно, высотных характеристик их частей): от широкого пифоидного тулова к «яйцевидному» и «веретенновидному». Увеличивается в высоту горло с характерным уступом-подрезкой, который поднимается от границы горла с плечом к середине его (горла) высоты. Ножка видоизменяется, развиваясь из маленького (рудиментарного) поддона в дополнительно выделенную деталь — либо в виде высокого поддона с глубокой выемкой, либо в виде «кубарька» (knob) с небольшим углублением в подошве, внешними своими очертаниями, однако, близко напоминающего ножки первой разновидности. Венец же этих амфор сохраняет свою массивность и «эхиновидность» внешних контуров (хотя во второй половине V в. до н. э. нередко встречаются образцы более грацильные в сечении, чем у ранних).

Наиболее существенно то, что амфоры в средней части этой эволюционной цепочки максимально близко соотносятся по форме с тарными сосудами, изображенными на реверсе серебряных тригемиоболов Самоса ок. 480–439 гг. до н. э. (рис. 2, 7) (*Barron*, 1966. P. 71, 198, pl. XVI, 1–6), и были уверенно идентифицированы с продукцией мастерских этого центра (рис. 2, 8) (*Grace*, 1971; *Брашинский*, 1967. С. 23–26)¹⁸. Ни амфора с клеймом из кораблекрушения у Текташ Бурну, ни амфора из фанагорийского котлована в этот эволюционный ряд не вписываются, хотя формой венца и напоминают самосские, а фанагорийская амфора (в отличие от «эрифрской») и формой ножки близка ножкам амфор, с большой

(тип 3 по его классификации) последней четверти VI — первых двух десятилетий V в. до н. э. (*Birzescu*, 2012. P. 159–161. Fußnote 1230).

¹⁸ Напомню, что И. Б. Брашинский ограничивал период торговли Самоса с Северным Причерноморьем первыми шестью десятилетиями V в. до н. э. (до антиафинского восстания самосцев в 439 г. до н. э.).

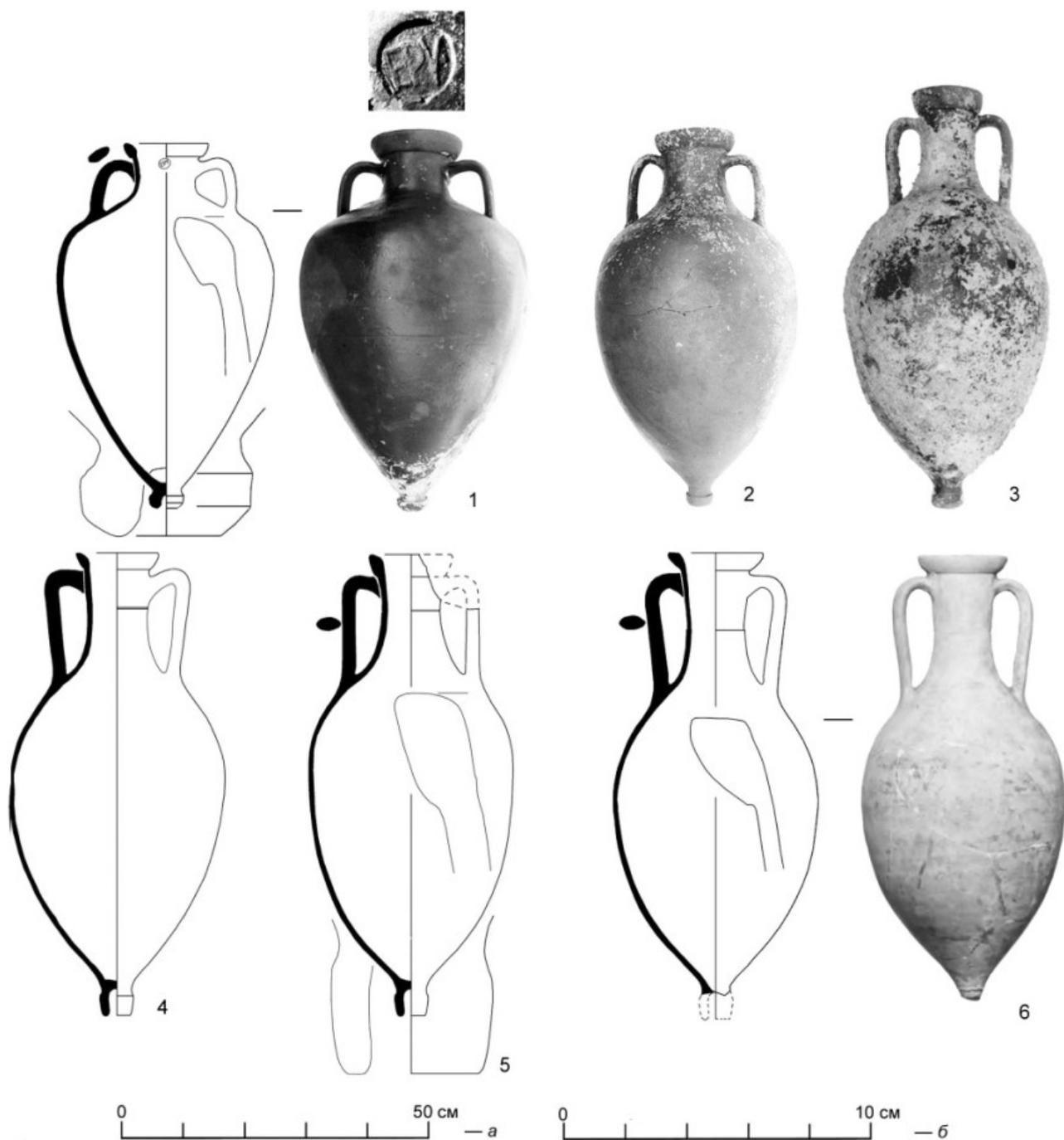

Рис. 3. Амфоры Эрифр (?) и Самоса второй половины V в. до н. э.: 1-3 — из кораблекрушения у мыса Текташ Бурну (Carlson, 2003. Fig. 5, 11); 4 — из моря у Тигани, Самос (чертеж С. Ю. Монахова (2012. Рис. 1, 4) по фото: Grace, 1971. Pl. 15, 9); 5 — из моря у Херсонеса Таврического (Монахов, 2012. Рис. 1, 5); 6 — амфора неизвестного происхождения (Гос. Эрмитаж. № 1830-318/X.43/411; Монахов и др., 2019. С. 146, er. 1). Масштаб: а — для профилей, б — для амфор

Fig. 3. Erithraea (?) and Samos amphorae of the second half of the 5th century BC: 1-3 — from shipwreck near the Tektash Burnu cape (Carlson, 2003. Fig. 5, 11); 4 — from the sea near Teagan, Samos (scheme by S. Yu. Monakhov (2012. Рис. 1, 4) by photo: Grace, 1971. Pl. 15, 9); 5 — from the sea near Tauric Chersonesos (Монахов, 2012. Рис. 1, 5); 6 — from the State Hermitage Museum (№ 1830-318/X.43/411; Монахов и др., 2019. С. 146, er. 1). Scale: а — for profile, б — for amphorae

степенью вероятности произведенных на Самосе. Нельзя не отметить и отсутствие на горле обеих этих амфор подрезки-уступа.

Учитывая тот факт, что практически все исследователи при визуальной оценке отмечают большую вариативность глин интересующих нас амфор, невозможно настаивать на том, что буквально все сосуды, представленные в упомянутых комплексах (или вне их), были изготовлены в мастерских Самоса. Тем более не следует игнорировать результаты серьезных лабораторных исследований, выполненных в Лионе столь авторитетным специалистом, как П. Дюпон, который уверенно выделил керамическую тарную продукцию Милета. Здесь проблема в другом. Уважаемый французский коллега трактует форму амфор, называемую им *spindle-shaped*, слишком расширительно¹⁹. Так, при наличии характерного уступа в средней части горла у амфоры из Херсонеса (химический образец продукции Самоса — CRI 3) и уступа в нижней трети горла из Истрии (эталонного образца амфорного производства Милета — DUP 504) трудно не заметить отличия в профилировке их венцов (ср.: Dupont, 2018. P. 90, fig. 5; P. 97, fig. 27, слева). Венчик милетского образца, очень массивный отогнутый валик (к сожалению, отсутствие

прорисовки профиля не позволяет точно судить о его форме), напоминает разве что внешние очертания венца более поздней амфоры из афинского Керамика (*Ibid.* P. 92, fig. 10, справа). Представленный на рисунке образец (DUP 561) горла самосской амфоры с венчиком, похожим на милетский образец (Dupont, 2018. P. 97, fig. 27, справа), принадлежит, насколько можно судить, сосуду, форму которого едва ли можно назвать *spindle-shaped*.

Соглашаясь с предостережением, адресованным П. Дюпоном своему другу С. Ю. Монахову, чтобы тот не слишком полагался на «обманчивый внешний вид» (*misleading appearances* [амфор]) и избежал западни, в которую попала его великая предшественница, Вирджиния Грейс, отнеся к одному-единственному центру производства (Самосу) продукцию нескольких центров (Dupont, 2018. P. 99), хочу, в свою очередь, предостеречь. Во-первых, очень важно, чтобы в такого рода суждениях в расчет принимались тарные сосуды действительно морфологически однородные, а не просто «похожие» отдельными чертами, а во-вторых, сопоставлять между собой следует исключительно синхронные их серии. Только в этом случае можно обоснованно рассуждать о том, в какой степени специфическая форма амфоры была важна или не важна для каждого города в качестве его «товарной эмблемы» (*trade mark*), обладавшей «*an emblematic value for the city*», по П. Дюпону (Dupont, 2018. P. 99; ср.: Monakhov, Kuznetsova, 2017. P. 59).

¹⁹ Как и форму амфор, которые он именует Zeest's "Samian-type", относя к ним, в том числе, и сосуды, по форме далекие от амфор, которые И. Б. Зеест предположительно (только по глине) считала продукцией Самоса (ср.: Зеест, 1960. С. 70, табл. I, 3; Dupont, 2018. P. 93, fig. 14, слева; P. 97, fig. 25).

Абрамов, 2006 — Абрамов А. П. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н. э. из Патрея // ДБ. Т. 9. 2006. С. 11–35.

Брашинский, 1967 — Брашинский И. Б. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 23–26.

Брашинский, 1984 — Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984. 248 с.

Завойкин, 1992 — Завойкин А. А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. № 3. С. 40–56.

Завойкин, 2004 — Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н. э. (по материалам «Южного города»). М.: Б. и., 2004. 244 с. (ДБ. Suppl. I).

Завойкин, 2014 — Завойкин А. А. Амфоры «Самос/Милет» в Фанагории: некоторые проблемы хронологии // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 160–167.

- Завойкин, 2018 — Завойкин А. А. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории // ДБ. 2018. Т. 22. С. 54–66.
- Завойкин, 2019 — Завойкин А. А. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ. 2019. Т. 24. С. 232–252.
- Завойкин, Кузнецов, 2013 — Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. «Верхний город» Фанагории в V в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // XIV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: Материалы МНК / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня, 2013. С. 162–169.
- Зеест, 1960 — Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: АН СССР, 1960. 178 с. (МИА. № 83).
- Кузнецов, 2019 — Кузнецов В. Д. К ранней истории Фанагории // ДБ. 2019. Т. 24. С. 396–414.
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплекс керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та 1999. 678 с.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 351 с.
- Монахов, 2012 — Монахов С. Ю. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 111–124.
- Монахов, 2013 — Монахов С. Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 2013. № 3. С. 28–51.
- Монахов и др., 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 207 с.
- Монахов и др., 2019 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.
- Стоянов, Эрим-Оздоган, 2013 — Стоянов Р. В., Эрим-Оздоган А. Керамический комплекс слоя разрушения поселения Менекше Чатай в Пропонтиде // АМА. 2013. Вып. 16. С. 215–239.
- Толстиков и др., 2003 — Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки Пантикапея VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2003. Т. 6. С. 307–350.
- Barron, 1966 — Barron J. P. The Silver Coins of Samos. London, 1966. 242 p. + XXVI pls.
- Bîrzescu, 2012 — Bîrzescu Iu. Die archaischen und frûklassischen Transportamphoren. Bucureşti, 2012. 356 S. + 120 Taf. (Histria. Vol. XV).
- Carlson, 2003 — Carlson D. N. The Classical Greek Shipwreck at Tektaş Burnu, Turkey // American Journal of Archaeology. Princeton, 2003. 107. P. 581–600.
- Carlson, Lawall, 2005/2006 — Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // Skyllis. 2005/2006. Hft. 1–2. P. 32–40.
- Cook, Dupont, 1998 — Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London; New York: Routledge, 1998. 226 p.
- Grace, 1971 — Grace V. Samian Amphoras // Hesperia. 1971. Vol. XL, no. 1. P. 52–95, pls. 12–15.
- Dupont, 1983 — Dupont P. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros // Dacia. 1983. Vol. XXVII, no. 1–2. P. 19–43.
- Dupont, 2018 — Dupont P. Erythrai versus South Ionia: «Samian» Amphoras Revisited // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 / Под ред. А. А. Завойкина, В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2018. С. 58–72 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6).
- Monakhov, Kuznetsova, 2017 — Monakhov S. Iu., Kuznetsova E. V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions / Ed. V. Kozlovskaya. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 294–298.
- Rizzo, 1990 — Rizzo M. A. Le anfore da transport il commercio etrusco arcaico. I. Coplessi tombali dall'Etruria Meredionale. Roma: De Luca Edizioni D'arte, 1990. 159 p.

A complex with a “pseudo-Samian” amphora from the excavations of Phanagoria

A. A. Zavoykin

The article discusses the problems of localization and chronology of a group of the Ionian transport amphorae which production is referred to the workshops of Samos (*Брашинский*, 1967; *Grace*, 1971), Miletus (*Cook, Dupont*, 1998; *Монахов*, 2003) or Erythrai (*Carlson*, 2003; *Монахов*, 2012, 2013). The basic event behind these issues was the uncovering of a rectangular ground ditch at the Acropolis of Phanagoria in which fragments of ceramic containers of Chios, Mende and an amphora were unearthed (Fig. 1). The rim shape and the foot of the amphora are closely associated with Samian amphorae, but the shape of its body is distinguished from them.

The context is reliably dated to the third quarter of the 5th century BC. And this makes possible to synchronize it with amphorae from the Tektaşh Burnu’s ship-wreck, one of which had a stamp (EY) on its neck, as on Erythrain coins of the 5th–4th centuries BC. This find allowed us to assume that amphorae of similar shape were manufactured in Erythrai. However, the author of the article assumes that the shape of the amphora with the stamp considerably differs from the one of others synchronous amphorae, including those found in the same context of the ship-wreck at Tektaşh Burnu (Fig. 3, 1–3).

The author supports the view (*Dupont*, 2018) that the group of amphorae under consideration cannot be assigned to the same centre of production. At the same time he believes that a considerable part of such amphorae belong to the workshops of Samos, and adheres to the traditional point of view based on a so-called numismatical method of localization (*Брашинский*, 1967; *Grace*, 1971). The new finds accumulated from well dated contexts for the last decades provide an opportunity to build an evolutionary line of development of the Samian amphorae throughout the last quarter of the 6th — the end of the 5th centuries BC (Fig. 2–3).

Склад амфор в пантикапейском погребѣ № 645 (1967 г.)¹

С. Ю. Монахов²

Аннотация. В статье анализируется комплекс из шести амфор разного производства (Гераклеи, Фасоса, Коса и неизвестного центра) и нескольких отдельных клейм середины IV в. до н. э. из раскопок И. Д. Марченко 1967 г. в Пантикапее.

Annotation. The article analyzes the complex with 6 amphorae of different production (Heraclea, Phasos, Kos, and an unknown center) and several individual stamps of the mid-IV century BC from I. D. Marchenko's excavations 1967 in Panticapaеum.

Ключевые слова: амфоры, керамические комплексы, хронология.

Keywords: amphorae, ceramic complexes, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-263-268

В 1967 г. на кв. 121–122 в восточной части Ново-Эспланадного раскопа Пантикапея (нач. экспедиции И. Д. Марченко) был обнаружен погреб, у которого сохранились три каменные стенки высотой 1,1 м и длиной от 0,4 до 1,1 м. Судя по отчету, в нем находилось около двух десятков различных амфор, из них 9–10 фасосских, на двух из которых были оттиснуты клейма; три гераклейские, из которых одна целая с двустрочным энглифическим клеймом; одна хиосская с колпачковой ножкой и косская амфора с грибовидным венчиком и двуствольными ручками. Амфоры были поставлены наклонно, некоторые лежали, упираясь в стенки погребѣ. На дне отдельных амфор встречалась стекловидная масса коричневого цвета. Кроме амфор

в погребѣ № 645 другой керамики не было. Судя по всему, мы имеем дело со складом пустых амфор (Марченко, 1967. Л. 6, 7). В настоящее время в фондах ГМИИ сохранилось шесть целых и фрагментированных амфор из этого склада (см. метрические параметры в табл. 1) и два отдельных фасосских клейма на ручках³.

Амфоры под полевыми номерами 230 и 237 — гераклейские типа I-A, на горлах обеих энглифические клейма. Первая амфора № 230 имеет валикообразный венец, выделенный небольшой подрезкой, высокое расширяющееся книзу горло, овоидное тулово с четким переходом к плечам. Ножка утрачена. Типологически относится к варианту I-A-2. На горле клеймо с легендой Εὐάρχο | ἐπὶ Διονυ(σίου), эмблема «полумесяц», буква «ню» ретроградно. Амфора в свое время была опубликована (Монахов, 2003. С. 133, табл. 91, 2; она фигурирует также в сводке: Брашинский, 1984. С. 192,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

² Д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский ГУ им. Н. Г. Чернышевского; ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; e-mail: monachsjs@mail.ru.

³ Фотографии предоставлены Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. Пушкина.

Таблица 1. Размерные характеристики амфор из комплекса склада № 645

№ п/п	Центр производства	Инв. № ГМИИ / № п.о.	Линейные размеры, мм						Рис.
			H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d ₁	
1	Гераклея	230	Сохр. 598	574	286	359	250	88×100	1, 1
2	Гераклея	237	728	641	310	260	242	69×74	1, 2
3	Фасос	231	сохр. 450	–	290	200	256	102	1, 3
4	Фасос	М-1268	658	556	245	145	368	124×128	1, 4
5	Кос	236	сохр. 184	–	–	165	–	160	1, 7
6	Средиземноморье	235	сохр. 183	–	–	–	–	≈128	1, 8

табл. 7, № 209)⁴ (рис. 1, 1). Аналогии клейму немногочисленны, в частности, оттиск такого штампа найден на поселении Волна-1 (2001 г., оп. 98/169), есть и другие находки (Федосеев, 2016. № 327 — неточное восстановление). В данном случае магистратом является Дионисий II, который датируется 360-ми гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 431).

На горле второй *гераклейской* амфоры, относящейся к «коническому» типу, стоит клеймо с легендой Μαλάκων | Ήρακλέδας, эмблема «амфора». Во второй строке в имени Гераклида буква «ро» ретроградно (рис. 1, 2). Аналогии этому штампу достаточно многочисленны (Былкова, 2007. С. 53, без ил.; Полин, 2014. С. 391, рис. 317; Козырка XII, п. о. 1988/3 — по картотеке В. И. Каца). Магистратом в данном случае является Гераклид, относимый В. И. Кацем к IVA группе и датируемый примерно концом 350-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 430).

Оба гераклейских магистрата, Дионисий II и Гераклид, близки по времени и датируются 360–350-ми гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429).

В фондах ГМИИ из этого комплекса сохранились также две *фасосские* амфоры. Первая из них, без нижней части тулова и ножки (рис. 1, 3), относится к «развитой

биконической» серии (Брашинский, 1984. С. 183, табл. 6, № 92 — без ил.; Монахов, 2003. С. 68, табл. 44, 4). На ее ручке стоит клеймо с легендой Καλιφῶν Θασι(·) Μέ(γων), эмблема «лабрис». Клейма магистрата Мегона II хорошо известны и датируются в пределах 360-х — конца 350-х гг. до н. э. (Придик, 1917. С. 49, № 293–294; IOSPE III. № 1135–1148; Кац, 2007. С. 415; Кац, 2015. № 132–133; Garlan, 1999. P. 203, № 526; Tzochev, 2016. Tabl. 2).

Вторая *фасосская* амфора (рис. 1, 4) относится к редкой серии «топраисара» конического варианта и уже была опубликована (Монахов, 2003. С. 72, табл. 48, 2). На ручке клеймо, чтение легенды которого представляет определенные трудности.

Дело в том, что легенда идет по четырем сторонам вокруг центральной эмблемы «рыба». Точно такая эмблема имеется еще в одном клейме на целой биконической амфоре из ямы № 271 из Никония (Монахов, 1999. С. 299, табл. 125, 4; Монахов, 2003. С. 68, табл. 44, 3). Однако очевидно, что на амфоре из Никония мы имеем иную легенду с хорошо читаемым именем фабриканта Павсания и, как первоначально предположил И. Гарлан в письме от 01.06.1991 г., не сохранившимся именем магистрата Мииска. Правда, в своем своде фасосских клейм он дает уже другое восстановление имени магистрата: Στα(τ--) (Garlan, 1999. P. 200, № 513). Полная

⁴ В публикации ошибочно указано, что амфора происходит из погребения, а не из погребя.

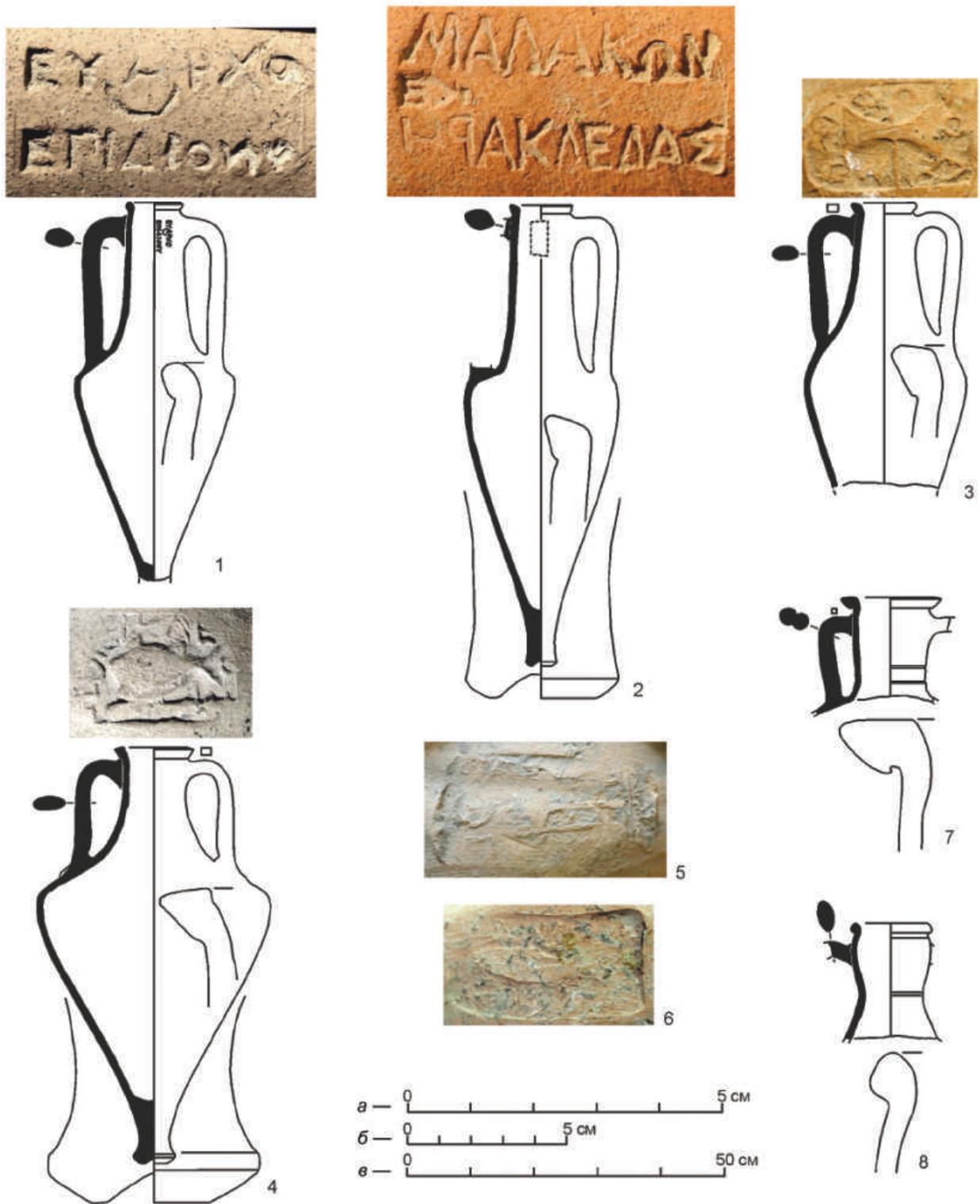

Рис. 1. Амфоры из погребя № 645 в Пантикапее: 1, 2 — Гераклея (№ 230, 237); 3–6 — Фасос (№ 231, М-1268, 233, 234); 7 — Кос (№ 236); 8 — неустановленный центр производства (№ 235). Масштаб: а — для клейм, б — для деталей профилей, в — для амфор в целом

Fig. 1. Amphorae from the storage no. 645 in Pantikapaion. 1, 2 — Heraclea (no. 230, 237); 3–6 — Thasos (no. 231, M-1268, 233, 234); 7 — Kos (no. 236); 8 — unidentified centre of production (no. 235). Scale: a — for stamps, б — for profile fragments, в — for whole amphorae

аналогия нашему клейму на амфоре из Пантикапея имеется в том же своде И. Гарлана среди «неидентифицированных» клейм, где имя магистрата также не сохранилось (*Garlan*, 1999. Р. 302, № 1014). И. Гарлан высказывает предположение, что магистратом там мог быть Протис, а фабрикантом — Мнесикл. Как представляется, клеймо на амфоре из Пантикапея дает возможность уточнить чтение легенды.

Внимательное изучение этого уникального оттиска позволяет дать следующее восстановление легенды: «палица» [---]ω Θασί(..) Κλεο(...) вокруг эмблемы «рыба». Причем вторая эмблема «палица» вырезана в результате перегравировки штампа поверх большей части имени магистрата, в результате чего от его имени осталась в полном виде только последняя буква «омега», да еще в нижней части поля клейма из-под палицы выглядывают гасы еще одной буквы, скорее всего «мю». Этникон и имя фабриканта Κλεο(φάνης) читаются совершенно определенно. Весь вопрос в том, каким было имя магистрата. Здесь возможно несколько вариантов прочтения имени: ΠΡΟΦΩ[-], ΘΡΑΣΩ[ΝΙΔΗΣ] или ΜΕΓΩ[N]. Первые два имени могут быть исключены, поскольку, как любезно сообщил Ч. Цочев, оба они фигурируют с постоянной эмблемой «канфар» или «гроздь». Предпочтительнее видеть здесь последнее имя — магистрата Мегона II, тем более что у него во многих штампах очень похожее размещение легенды с часто встречающимся сокращением до четырех букв с последней «омегой» (*Garlan*, 1999. Р. 202–205, № 517–540). Трудно ответить на вопрос о причинах перегравировки штампа, когда фактически имя магистрата было почти полностью срезано и заменено еще одной эмблемой. Возможно, это каким-то образом связано с тем, что Мегон умер во время выполнения магистратуры. Время магистратуры Мегона II приходится на конец 350-х гг. до н. э. (*Kau*, 2007. С. 415; *Tzochev*, 2016. Tabl. 2), хотя по А. Авраму оно датируется чуть позднее (*Avram*, 1996. Tabl. 2).

И, наконец, последнее относительно описанной выше второй фасосской амфоры

серии «топраисара». Как известно, таких амфор совсем немного, а клейменная — вообще единственная, именно эта из пантикапейского склада. Но неклеименные сосуды помимо эпонимного кургана Топраисара встречены также в кургане № 10 у с. Бутор, в никонийском подвале № 1, порфмийской яме 1968 г. и погребении № 187 Прикубанского меотского могильника (*Монахов*, 1999. С. 227, 297, 308, табл. 94, 124, 125, 131; 2003. С. 72, табл. 48, 1, 3, 4, 5, 7). По всем этим комплексам они датируются в пределах первой половины IV в. до н. э.

Помимо целых амфор в комплексе склада из Пантикапея есть еще два сильно затертых фасосских клейма на обломках ручек (п. о. № 233 и 234). В одном уверенно восстанавливается легенда Θάσιον | Πυλάδ(ης) с двумя эмблемами: «фиала», «треножник» (рис. 1, 5). В данном случае вместо имени магистрата фигурирует эмблема «фиала». Полные аналогии этому оттиску известны (*Garlan*, 1999. Р. 216, № 597; *Tzochev*, 2016. Р. 113, № 69).

В другом фасосском клейме на ручке по аналогиям восстанавливается легенда [Θάσιον | [Δαμάστης] | Φείδιλλος, эмблема «рыба» (*Garlan*, 1999. Р. 242, № 718) (рис. 1, 6). В первом случае мы имеем дело с магистратом, использовавшим эмблему «фиала», а во втором — с магистратом Дамастом II, оба они датируются в пределах 360–350-х гг. до н. э. (*Garlan*, 1999. Р. 97; *Kau*, 2007. С. 415; *Tzochev*, 2016. Tabl. 2).

Наконец, от косской амфоры из пантикапейского склада 1967 г. сохранилось лишь горло. Оно цилиндрическое, слегка припухлое в верхней части, ручки двуствольные, расходящиеся вверх, венец грибовидный (рис. 1, 7). На ручке остались следы от прямоугольного клейма, совершенно стершегося. Имеется серия аналогичных целых сосудов из разных памятников Средиземноморья и Причерноморья, которые сгруппированы в так называемый «ранний» вариант I-A. По ряду комплексов, прежде всего причерноморских, они датируются в пределах 370–360-х гг. до н. э. (*Монахов*, 2014. С. 202 сл., рис. 3).

Последняя амфора из пантикапейского склада 1967 г. имеет особые морфологические

характеристики. У нее стандартный валикообразный венеч, но необычное ярко выраженное припухлое горло (рис. 1, 8). Глина ярко-красная, без особых включений. Такие формы встречаются крайне редко, на ум приходит лишь одна находка из некрополя Артющенк — это амфора из детского погребения № 120 без нижней части тулова (*Кацаев, Павличенко, 2013. С. 135, рис. 2*). Авторы публикации приводят в качестве аналогии похожую амфору из скифского слоя разрушения в Калос-Лимене, который датируется I в. н. э. (*Уженцев, 2001. С. 161, рис. 4, 2*), ссылаясь дополнительно также на мнение А. Опайта.

Однако амфора из Калос-Лимена имеет более вытянутое веретенообразное тулово, венеч иной профилировки и, как представляется, не является прямой аналогией. Учитывая общий контекст ее находки в складе в Пантикапее и отсутствие там каких-либо следов перекопов и любых более поздних материалов, следует относить и эту амфору к середине IV в. до н. э.

Таким образом, учитывая перекрестные датировки всех групп амфорного материала из склада в Пантикапее 1967 г., можно определить время его закрытия в пределах рубежа 360–350-х гг. до н. э.

Брашинский, 1984 — Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984. 248 с.

Былкова, 2007 — Былкова В. П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Изд-во ХГУ, 2007. 244 с.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).

Кац, 2015 — Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Ч. I. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 180 с.

Марченко, 1967 — Марченко И. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1967 г. // Архив ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. 17 л.

Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.

Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммериды, Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.

Монахов, 2014 — Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology.

№ 3. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2014. С. 195–222.

Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золото-балковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.

Придик, 1917 — Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. 191 с.

Уженцев, 2001 — Уженцев В. Б. Калос Лимен в I в. до н. э. — начале II в. н. э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Поздние скифы Крыма / Под ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлёва. М., 2001. С. 156–166 (Тр. ГИМ. Вып. 118).

Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь: Солорич, 2016. Т. 2. 320 с.

Avram, 1996 — Avram A. Les timbres amphoriques. 1. Thasos. Bucarest; Paris, 1996. 176 p., LXIV pl. (Hestia. VIII).

Garlan, 1999 — Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris: École Française d'Athènes, 1999. 335 p., XII pl.

IOSPE III — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III.

Tzochev, 2016 — Tzochev C. Amphora Stamps from Thasos. Princeton, 2016. 244 p. (The Athenian Agora. Vol. XXXVII).

Amphorae storage in the Panticapaeum cellar no. 645 (1967)

S. Yu. Monakhov

The article analyses the complex of the amphorae storage discovered by I. D. Marchenko in 1967 at the New Esplanade excavation area in Pantikapaion. It included about 20 amphorae from different centres. Six transport containers made in Pontic Heraclea, Thasos, Kos, an unknown centre, and two individual Thasos stamps are kept in the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Heracleian containers are presented by two amphorae of variants I-A-2 and II. One of these variants has a stamp of a city council Dionysius-II, the other has a stamp of a city council of Heraclides (Fig. 1, 1, 2). Both of them were made almost at the same time and are dated to 360–350s BC. Thasian group of containers is presented by a standard vessel of a “developed biconic” series with a stamp of a city council Megon-II and a quite rare example of a “Topraisar” series with a stamp of another stamping of the same city council Megon-II (Fig. 1, 3, 4). The timeframe of the city council Megon-II is the end of 350s BC. The name of a city council Damast-2 and an emblem of “phiale”; instead of a name of a city council can be restored on the individual Thasian stamps (Fig. 1, 5, 6). Both of them are dated to between 360–350s BC. The complex also included two amphorae necks — one belonged to a Kos amphora and another to a vessel of an unidentified centre of production. Generally they can be dated to the specified chronological framework.

In a whole, considering crossdating of all the groups of the material, the closing time of the complex should be dated to 360–350s BC.

О фрагменте греческой ойнохой из кургана у с. Болтышка

М. Ю. Вахтина, Т. В. Рябкова¹

Аннотация. Статья посвящена фрагменту восточногреческой расписной ойнохой, хранящемуся в Эрмитаже. Он был обнаружен в скифском кургане у с. Болтышка Черкасского уезда Киевской губернии в 1863 г. и издан Б. В. Фармаковским в 1914 г. Фрагмент, представляющий собой горло с полностью сохранившейся вертикальной ручкой, украшен росписью в «стиле дикого козла». Его можно датировать 640–630-ми гг. до н. э. Сосуд попал к местному населению лесостепи в результате греко-варварских контактов во второй половине VII в. до н. э.

Annotation. The paper deals with the fragment of an East-Greek painted oinochoe kept in the State Hermitage Museum. It was discovered in the Scythian mould near Boltysyka village in Cherkasy region of the province of Kiev in 1863. B.V. Farmakovsky published it in 1914. The fragment is a neck with a completely preserved vertical handle. It is decorated with paintings in the “Wild Goat Style”. It can be dated to 640–630 BC. The vessel came to a local forest-steppe population as a result of contacts between the Greeks and the barbarians in the second half of the 7th century BC.

Ключевые слова: греки, варвары, архаический период, ойнохоя (oinochoe), греко-варварские контакты.
Keywords: Greeks, barbarians, Archaic period, oinochoe, contacts between the Greeks and the barbarians.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-269-277

Обстоятельства находки

Обломок греческого сосуда был обнаружен в раскопанном в 1863 г. крестьянами кургане № 1 (всего ими было раскопано два кургана) в верхнем течении р. Тясмин на территории имения Болтышка. Имение это некогда принадлежало знаменитому генералу от кавалерии Н. Н. Раевскому и перешло к его потомкам. Свое название оно получило по названию

села Болтышка, где располагались экономическая контора и главный усадебный дом Раевских (Бухаров, 2014. С. 12). Границы имения пролегали в пределах Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии, что соответствует современным территориям Александровского р-на Кировоградской обл. и Смелянского р-на Черкасской обл. Украины. Фрагмент греческого сосуда хранился в домашней коллекции семьи Раевских. Позже, по завещанию А. М. Раевской, он вместе с другими вещами и документами был передан в Музей Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1912 г. А. А. Спицын указал на него известному ученому, знатоку греческих древностей Б. В. Фармаковскому, который в полной мере оценил эту находку и опубликовал ее в статье

¹ М. Ю. Вахтина — Отдел истории античной культуры ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vakhtina@ Rambler.ru; Т. В. Рябкова — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 4, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru.

М. Ю. Вахтина выполняла работу в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской академии наук по теме № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

«Милетские вазы из России» (Фармаковский, 1914б. Табл. VI–VII). Он писал, что заказал для этой работы московскому фотографу К. А. Фишеру два снимка фрагмента, которые были использованы в публикации. Негативы и отпечатки в настоящее время хранятся в Научном архиве ИИМК РАН². Б. В. Фармаковский приводит запись об обстоятельствах находки, обнаруженную в бумагах А. М. Равевской и, очевидно, сделанную ее рукой: «Горло с ручкой от греческого сосуда, расписанного черной краской по желтовато-розоватому полю с изображением собаки, преследующей сайгу. Найдено в 1863 г. крестьянами в могиле, в поле Киевской губ., Чигиринского уезда, между лесами Кунцовым и Нерубаем, где, по словам крестьян, были заметны следы толстых сгнивших брусьев, расположением своим облигавших³ устройство как бы погребца. Там же найдены были черепки наподобие чайных блюдечек, которые затерялись. Могила находится на крестьянской даче и теперь полностью раскопана» (Фармаковский, 1916. С. 47). Основываясь на этом сообщении, исследователи полагают, что курган содержал погребение в деревянном срубе или же склепе (Ильинская, 1975. С. 10–11). Фрагмент сосуда из Болтышки позже был передан в Эрмитаж.

Следует отметить, что эта находка является чрезвычайно интересной как с точки зрения изучения греческой вазовой живописи архаического периода, так и всего спектра вопросов, связанных с начальным периодом освоения греками Северного Причерноморья. Фрагмент из Болтышки с момента его первой публикации постоянно и вполне объяснимо привлекает внимание как специалистов в области античной культуры, так и скифологов, отечественных и зарубежных, и воспроизводится как в специальных работах, посвященных греческой вазописи, так и в обобщающих трудах (приведем лишь некоторые из них: Книпович, 1934. С. 96 сл.; Сидорова, 1962. С. 96; Онайко, 1966. С. 14–15, табл. I, II; Ильинская,

Тереножкин, 1983. С. 236; Boardman, 1999, P. 244, fig. 283; Бруяко, 2005. Рис. 60, 1; Kerschner, Shlotzhauer, 2005. P. 17, fig. 13; Tsatskheladze, 2012. Fig. 11; 2018. P. 43, tabl. 2.3).

Описание

Фрагмент греческого сосуда (рис. 1), хранящегося в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа⁴, представляет собой горло так называемой плоской (round-mouthed), то есть имеющей округлый венчик, ойнохои. Эта форма, популярная в Восточной Греции в раннеархаическое время, представляла собой кувшин с шарообразным, как бы приплюснутым сверху туловом на широком низком кольцевом поддоне, вертикальной ручкой и высоким прямым расширяющимся к верхней части горлом, завершающимся валикообразным венчиком (Копейкина, 1972. С. 148, 150).

Сохранившаяся высота эрмитажного фрагмента 13,8 см, диаметр верхней части горла 14,8 см, диаметр горла в нижней части 8,5 см. В нижней части обломка, в области крепления ручки, частично сохранился «переход» между основанием горла и верхней частью тулова; также полностью сохранилась трехствольная вертикальная ручка. Верхний ее конец, украшенный с двух сторон дисками-ротеллями, слегка возвышается над краем венчика, нижний — прикреплен к верхней части тулова.

Глина сосуда розовая, с мелкими включениями слюды. Поверхность местами потерта. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Лак плотный, блестящий, хорошего качества. Венчик покрыт темным лаком, под краем — пояс петлеобразной плетенки, сверху и снизу ограниченный двумя узкими полосами лака. Горло украшено помещенной в метопу сценой преследования собакой горного козла-эагра (*Capra aegagrus*) (рис. 2, 3). Фигуры животных переданы силуэтом, мускулатура подчеркнута «пропущенными линиями». Собака с удлиненной мордой, выступающим ухом, круглым

² НА ИИМК РАН. ФО. Q 580.12 и Q 580.13; нег. II 84344 и II 84345.

³ Мы сохраняем язык источника.

⁴ Инв. Дн 1863 2/1.

Рис. 1. Горло ойнохои из Болтышки (Гос. Эрмитаж, инв. Дн 1863 2/1)

Fig. 1. Oinochoe neck from Boltysyka village (the State Hermitage, inventory number Дн 1863 2/1)

Рис. 2. Горло ойнохои из Болтышки: 1–3 — виды боковых сторон и центральной части композиции

Fig. 2. Oinochoe neck from Boltysyka village: 1–3 — lateral sides and the central part of the composition

глазом показана в беге вправо (рис. 2, 1, 3). Нос показан черной точкой. Собака преследует козла, также бегущего вправо, морда его повернута назад и обращена в сторону преследователя (рис. 2, 3; 3). Нос так же, как и у собаки, показан в виде черной точки. Изображения диких козлов-эгагров — «пасущихся» и «скачущих», а также преследуемых собаками в так называемых сценах охоты — были широко распространены в росписи восточногреческой керамики второй полови-

ны VII в. до н. э. (Cook, 1997. P. 112). Собаки в подобных композициях часто представлены в позе так называемого «летающего» бега — с вытянутой вперед приподнятой передней лапой, как, например, на ойнохое из основного погребения кургана на Темир-Горе (Фармаковский, 1914б. Табл. IX, 4). На горле из Болтышки обе лапы собаки — передняя и задняя — показаны на горизонтальной линии, ограничивающей изображение снизу. Однако динамичность сцены погони подчеркнута позой козла,

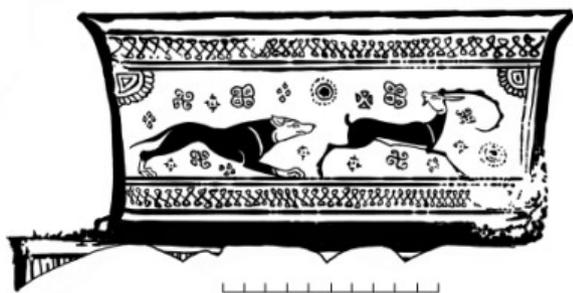

Рис. 3. Композиция на горле ойнохой из Болтышки (прорисовка)

Fig. 3. Composition on oinochoe neck from Boltyschka village (drawing)

голова которого обращена назад, в сторону преследователя. В верхних углах изобразительного поля помещены две крупные «подвесные» розетки. Заполнительный орнамент образуют свастики, розетки разных типов и две крупные фигуры, составленные из больших точек, заключенных в концентрические окружности (одна из окружностей образована мелкими точками, другая, внешняя, — пояском лака). Одна из них помещена в центре композиции, над фигурами животных (рис. 2, 2), как бы над пространством, разделяющим собаку и убегающего от нее козла. Крупные розетки из четырех лепестков помещены в верхней части композиции, над фигурами животных (рис. 2, 1, 3).

Нижняя часть горла под изобразительным полем покрыта черным лаком. Ниже, в верхней части тулова — узкий пояс в цвете ангоба, под ним сохранилась часть орнамента из расходящихся лучей или лепестков (рис. 4, 3).

Ручка сосуда изящная, трехствольная (рис. 1; 4, 2). Она была сформирована из трех жгутов, в месте нижнего прилепа снаружи уплощена, а с внутренней поверхности укреплена дополнительно прилепленным сверху небольшим плоским куском глины. Дискротелли в верхней части украшены четырехлепестковыми розетками (рис. 1; 4, 3; 5, 2). Сверху, у верхнего крепления ручки, по краю горла, частично захватывая и внутреннюю часть, нанесена неровная широкая (до 1 см) полоса лака. В верхней части ручки, у края сосуда, над трехствольной ручкой сформирована

уплощенная прямоугольная площадка со сторонами $3,5 \times 2,0$ см, украшенная рельефным орнаментом в виде трех звеньев простой плетенки, заключенных в рамку из узких полос (рис. 4, 4; 5, 3). В центре каждого — по крупной черной точке. Поверхность здесь сильно потерта, поэтому сложно определить, было ли изображение плетенки подчеркнуто лаком (что представляется более вероятным) или же нет. По внешней поверхности «стволов» ручки нанесен орнамент, на среднем — «шахматного» типа в виде чередующихся квадратов, выполненных лаком и оставленных в цвете ангоба (рис. 4, 2; 5, 4). Всего на ручке семь таких квадратов; четыре верхних украшены в центре черными точками. Боковые «стволы» ручки украшены орнаментом в виде коротких косых параллельных полос лака. Нижнее основание ручки залито черным лаком. Внешняя поверхность горла в области ручки также покрыта лаком (рис. 1). На этом темном поле в верхней части, под верхним прилепом ручки, оставлено поле в цвете глины (рис. 4, 1; 5, 1). Оно имеет вид неправильного «подвесного» треугольника, основание которого обращено к венчику, а противолежащий угол — к тулову сосуда. Другой такой треугольник, меньшего размера, обращенный одной из вершин к горлу, помещен в области нижнего крепления ручки в верхней части тулова сосуда (рис. 5, 3a). Эти декоративные элементы «оживляли» «оборотную» сторону ойнохой. Следует сказать, что сосуд, по-видимому, имел «лицевую» и «заднюю» стороны. Вероятно, его декор был рассчитан на то, чтобы смотреть на него, когда он стоит, обращенный назад ручкой. Впрочем, судить об этом с большей вероятностью можно было бы, находясь в нашем распоряжении целая форма, а не фрагмент.

Стоит отметить в декоре ойнохой из Болтышки и такой смелый, возможно, новаторский для периода SiA Ib, прием, как помещение динамичной композиции, представляющей «сцену охоты», на горле сосуда. Обычно на горле ойнохой этой группы можно видеть декор из геометрических и растительных элементов. Так, например, на горлах сосудов из Темир-Горы (рис. 6, 2) и на фрагментированной

Рис. 4. Горло ойнохой из Болтышки, детали росписи: 1–3 — ручка и области её крепления; 4 — вид сверху

Fig. 4. Oinochoe neck from Boltyschka village, details of painting: 1–3 — handle and areas of its attachment; 4 — top view

Рис. 5. Горло ойнохой из Болтышки (рисунки): 1 — вид сзади; 2 — вид сбоку, разрез; 3 — вид сверху; 4 — ручка

Fig. 5. Oinochoe neck from Boltyschka village (drawings): 1 — back view; 2 — side view, sectional view; 3 — top view; 4 — handle

ойнохое из самосского Герайона (Walter, 1968. No. 502, taf. 91–93) основным декоративным элементом является горизонтальный пояс меандра, фланкированный поясами плетенки. На ойнохое из Лувра можно увидеть пояса «шахматного» орнамента в обрамлении поясов плетенки (Schiering, 1957. Taf. 3, 2). Пока мы можем указать лишь на один сосуд этой группы, горло которого украшают изображения живых существ — это «большая» ойнохоя (рис. 6, 3) из кургана у хутора Красный

(Шевченко, 2013. Рис. 9), одна из двух греческих ойнохой, обнаруженных в ритуальном комплексе кургана⁵. На ее горле представлены водоплавающие птицы, утки или гуси,двигающиеся вправо (поверхность горла сильно потерта, сохранились изображения лишь двух птиц, позволяющие реконструировать композицию). Однако эта ритмичная, уравновешенная,

⁵ Благодарим Н. Ф. Шевченко за предоставленную возможность воспроизвести изображение сосуда.

Рис. 6. Южноионийские ойнохои из курганов варварской элиты Северного Причерноморья: 1 — Болтышка (реконструкция); 2 — Темир-Гора (Trofimova, 2007); 3 — Красный (Шевченко, 2013)

Fig. 6. South Ionic oinochoai from burial mounds of barbarian elite of the North Black Sea Region: 1 — Boltyshka village (reconstruction); 2 — Temir-Gora (Trofimova, 2007); 3 — Krasny (Шевченко, 2013)

«спокойная» схема производит совсем иное впечатление, чем динамичная сцена преследования на горле ойнохои из Болтышки. К сожалению, можно лишь предполагать, как было украшено тулово сосуда. Здесь, на наш взгляд, вероятны два варианта. Возможно, мастер не стал «перегружать» сосуд большим количеством изображений, и фризы тулова вполне могли быть декорированы поясами меандра или же какими-либо другими геометрическими или растительными элементами. В этом случае сцена охоты, представленная на горле, была бы акцентирована и привлекала основное внимание. Однако также вполне возможно представить и иную картину: сосуд из Болтышки мог иметь на тулове по крайней мере один фриз, украшенный изображениями животных и фантастических существ, характерных для восточнореческой керамики ориентализирующего стиля. Нельзя исключить, конечно, и наличие на тулове двух фризов с изображениями живых существ. В этом случае сосуд имел бы очень «нарядный», хотя и, возможно (с нашей точки зрения), «утяжеленный» вид.

Глина и характер росписи фрагмента ойнохои из Болтышки позволяет отнести ее к продукции южноионийских мастерских, вероятнее всего, Милета. Следует сказать,

что предположение о милетском происхождении сосуда было с уверенностью высказано еще Б. В. Фармаковским (Фармаковский, 1914б. С. 5). Современные исследования лишь подтверждают эту точку зрения. Сосуды этой группы относят к периодам Middle Wilde Goat I (Cook, Dupont, 1998. P. 34–39) или же SiA Ib (Kerschner, Schlothauer, 2005. P. 8), то есть время изготовления сосуда, которому принадлежало горло, найденное в кургане Болтышка, можно поместить в рамки 650/640–630/625 гг. до н. э.

Роспись сосуда из Болтышки (насколько можно судить по дошедшему до наших дней фрагменту) демонстрирует стилистическую близость прежде всего с росписью ойнохои из Темир-Горы в Восточном Крыму. Нетрудно заметить сходство в декоре ручки, элементах композиции, дополнительного орнамента. Однако складывается впечатление, что ойнохоа из Темир-Горы, отличающаяся большей тщательностью и тонкостью рисунка, отсутствием «подвесных» элементов дополнительного орнамента, старше ойнохои из Болтышки. Правда, «хронологический разрыв» между ними не может быть значительным, оба сосуда входят в одну хронологическую группу SiA I b. Таким образом, если принять датировку сосуда из Темир-Горы 40-ми гг. VII в. до н. э. (Копейкина, 1972. С. 156), можно предположительно

относить сосуд из Болтышки к 640–630 гг. до н. э. Л. В. Копейкина отметила стилистическую близость росписи ойнохой из Темир-Горы и ряда фрагментов греческих сосудов из Немировского городища в Побужье и предположила, что эти сосуды вышли из одной мастерской. Следует отметить, что фигуры животных — собаки и козла — на горле сосуда из Болтышки, хотя и выполнены в той же манере, что и изображения на ойнохое из Темир-Горы, все же не являются «безусловными аналогиями» животным, представленным на этом сосуде. На наш взгляд, некоторую близость в трактовке морды собаки на сосуде из Болтышки можно видеть на небольших фрагментах из Немирова (Фармаковский, 1914а. Табл. II; Вахтина, 2018. Табл. 6.9, 1, б). Впрочем, мастера «стиля дикого козла», придерживаясь общих канонов, по-разному передавали бесконечное множество деталей и элементов и их сочетания. Результатом были уникальные изобразительные системы восточногреческой керамики «стиля дикого козла».

Следует отметить, что находки «плоских» ойнохой на территории Северного Причерноморья достаточно редки. Для памятников варварского мира региона в настоящее время известно пять таких экземпляров и их фрагментов. К этой группе, кроме сосуда из Болтышки, принадлежат: уже упоминавшаяся ойнохоя из основного погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму (Фармаковский, 1914б. Табл. VIII–IX; Копейкина, 1972. Рис. 1), две ойнохой, обнаруженные в ритуальном комплексе кургана у хутора Красный в Краснодарском крае (Шевченко, 2013. Рис. 8–10) и небольшой фрагмент венчика такого сосуда, происходящий из раскопок Немировского городища в лесостепном Побужье (Фармаковский, 1914а. Табл. II; Вахтина 2018. Табл. 6.5.3) Вполне вероятно, что к «плоским» ойнохой принадлежали и другие фрагменты архаических расписных сосудов, обнаруженные на памятниках как местного населения региона, так и в слоях первых греческих поселений, но судить об этом с определенностью достаточно сложно, так как мы обычно имеем дело с фрагментированными материалами. Так,

А. В. Буйских полагает, что подобным сосудам принадлежали наиболее ранние фрагменты расписной керамики из березанской коллекции, хранящиеся в Научных фондах Института археологии НАН Украины (Буйских, 2018. С. 222–223, рис. 1, 1, 2). Однако для туземного мира Северного Причерноморья можно пока с уверенностью говорить о пяти экземплярах.

Заключение

Территориальная близость кургана у села Болтышка и Немировского городища, расположенных в лесостепном междуречье Днепра и Южного Буга, позволяет предполагать, что греческая керамика попадала сюда сходными путями, прямыми либо опосредованными, в период первых контактов между греками и туземным населением лесостепи. Часто варварские памятники, где была найдена античная посуда, хорошо «увязываются» с греческими поселениями, соединявшимися водными коммуникациями с районами, где они были расположены. В научной литературе традиционным стало предположение о наличии речных путей по Южному Бугу и Днепру (Онайко, 1966. С. 41–45). Термин «речной путь» в применении к таким рекам, как Южный Буг и Днепр, конечно, является не совсем точным и отражает лишь способ их использования в качестве основных магистралей. Как полагает Ю. В. Болтрик, торговые связи греков Нижнего Побужья «...с населением Среднего Поднепровья осуществлялись преимущественно по водоразделам бассейнов Южного Буга и Днепра, через междуречье Ингула и Ингульца» (Болтрик, 2000. С. 122). Сравнительно недавно была предпринята попытка реконструировать путь (который исследователи называли Ольвийским), соединявший греческие поселения Нижнего Побужья и бассейн р. Тясмин и «ответвлявшийся» и на соседние территории — бассейны рек Синюха и Рось (Бессонова, Полтавец, 2015). Наличие речных путей подкрепляет предположение о том, что ранняя греческая керамика могла проникать на территорию правобережной лесостепи из греческих поселений, расположенных южнее в прибрежной зоне, прежде

всего, из поселения на о. Березань (Борисфена). Такое предположение, безусловно, кажется вполне логичным. На современном уровне наших знаний, вероятно, следует признать справедливость мнения о том, что дата возникновения первого греческого поселения в Нижнем Побужье близка той дате, которую предлагают письменные источники. Общепринятая дата, реконструируемая на основании этих данных, — 647/646 гг. до н. э. (Euseb. Chron. can. / Helm. В., 1984: 95 b).

Мы придерживаемся традиционных взглядов в этом сложном, интересном и остро дискуссионном вопросе, полагая, что основными контрагентами причерноморских варваров были греки-колонисты, основатели поселений Нижнего Побужья, а основным источником, откуда ранний греческий импорт распространялся в туземной среде, являлось поселение на о. Березань (Вахтина, Кашуба, 2014). А. В. Буйских недавно обнаружила и опубликовала ряд фрагментов милетской керамики

периода SiA Ib (550–530 гг. до н. э.), найденных на Березани, в числе которых и фрагменты «плоских» ойнохой (Буйских, 2018. С. 222–223, рис. 1). Исследовательница справедливо полагает, что эти находки служат серьезным аргументом в пользу точки зрения о поселении на о. Березань как об основном источнике контактов с варварским миром Приднепровья–Побужья во второй половине VII в. до н. э. (Там же. С. 227–228). Греческий сосуд, фрагмент которого был найден в кургане в бывшем имении Болтышка, вероятнее всего, попал к туземному населению от греков — основателей первых поселений в Нижнем Побужье, возможно, на одной «волне» с керамической продукцией, поступавшей на Немировское городище. Эти сосуды вполне справедливо относят к шедеврам греческой вазописи. Яркие, выразительные, украшенные сложными композициями, они, безусловно, сыграли важную роль в налаживании контактов между греками-колонистами и представителями туземной элиты.

Бессонова, Полтавецъ, 2015 — Бессонова С. С., Полтавецъ В. І. Шляхи сполучення в басейні Тясмині на початку доби заліза // Старожитності раннього залізного віку / Отв. ред. С. А. Скорый. АДИУ. Киев. 2015. Вип. 2 (15). С. 21–37.

Болтрик, 2000 — Болтрик Ю. В. Основной торговый путь Ольвии в днепровское лесостепное Правобережье // РА. 2000. № 1. С. 121–130.

Бруяко, 2005 — Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до н. э. Кишинёв: Университет Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с.

Буйских, 2018 — Буйских А. В. Шел второй год 33-й Олимпиады... // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. науч. тр., посв. 70-летию В. П. Копылова / Ред. А. Н. Коваленко. Ростов на/Д, 2018. С. 220–231.

Бухаров, 2014 — Бухаров В. Г. К истории Болтышского имения Раевских // Наукові Записки. Історичні науки. Вып. 19. Кировоград, 2014. С. 12–24.

Вахтина, 2018 — Вахтина М. Ю. Греческая керамика из раскопок Немировского городища // Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т.,

Старкова Е. Г. Городище Немиров на реке Южный Буг / Ред. А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Питровский, Ю. А. Виноградов. СПб.: Невская типография, 2018. С. 193–222.

Вахтина, Кашуба, 2014 — Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 69–79.

Ильинская, 1975 — Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1975. 221 с.

Ильинская, Тереножкин, 1983 — Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова Думка, 1983. 377 с.

Книпович, 1934 — Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII–V веках до н. э. // ИГАИМК. Т. 104. М.; Л., 1934. С. 90–110.

- Копейкина*, 1972 — *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–159.
- Онайко*, 1966 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1966. 118 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Сидорова*, 1962 — *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея // Пантикапей: Сб. ст. / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 94–148 (МИА. № 103).
- Фармаковский*, 1914а — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // МАР. М., 1914. Вып. XXXIV. С. 15–78.
- Фармаковский*, 1914б — *Фармаковский Б. В.* Милетские вазы из России // Древности. М., 1914. Т. XXV. С. 47–61.
- Шевченко*, 2013 — *Шевченко Н. Ф.* Курган раннескифского времени у хут. Красный // АСГЭ. СПб. 2013. Вып. 39. С. 100–118.
- Boardman*, 1999 — *Boardman J.* The Greeks overseas. Their early colonies and trade. 4th ed. London: Thames & Hudson, 1999. 304 p.
- Cook*, 1997 — *Cook R. M.* Greek painted pottery. London; New York: Routledge, 1997. 464 p.
- Cook, Dupont*, 1998 — *Cook R. M., Dupont P.* East Greek pottery. London; New York: Routledge, 1998. 226 p.
- Kerschner, Schlotzhauer*, 2005 — *Kerschner M., Schlotzhauer U.* A new classification system for East Greek pottery // Ancient East & West. 2005. Vol. 4, no. 1. P. 1–56.
- Schiering*, 1957 — *Schiering W.* Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin: Mann, 1957. 151 S.
- Trofimova*, 2007 — *Trofimova A. A.* (ed.). The Art of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007. 348 p.
- Tsetskhladze*, 2012 — *Tsetskhladze G. R.* Pots versus people: further consideration on the earliest examples of East Greek pottery in native settlements of the Northern Pontus // From the Pillars of Hercules to the footsteps of Argonauts. Colloquia Pontica. 2012. Vol. 4. P. 315–374.
- Tsetskhladze*, 2018 — *Tsetskhladze G. R.* Greek penetration on the Black Sea: twenty years on // Essays on the archaeology and ancient history of the Black Sea littoral. Colloquia Pontica. 2018. Vol. 18. P. 1–64.
- Walter*, 1968 — *Walter H.* Frühe Samische Gefäße. Chronologie und Landschaftstile Ostgriechischer Gefäße // Samos. H. 5. Bonn: Rudolf Habelt, 1968. 128 S. + 131 Taf.

Concerning the fragment of a Greek oinochoe from a burial mound near Boltyska village

M. Yu. Vakhtina, T. V. Ryabkova

A fragment of an eastern Greek oinochoe (Fig. 1) was found in 1863 by peasants in the burial mound excavated by them in the territory of the Boltyska estate owned by the Raevsky family in the former province of Kiev. The fragment of a vessel was kept in the home collection. Then it was transferred to the Museum of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at the Moscow University. B. V. Farmakovskiy saw it there and published it in his well-known paper “Milesian vases from Russia”. Later the fragment was given to the State Hermitage Museum. It’s currently kept there. A picture of this fragment can often be seen both in research papers devoted to the Greek artistic pottery and in papers dedicated to the wide range of problems associated with the initial period of contacts between the Greeks and barbarians in the Northern Black Sea Region. The purpose of our article is to thoroughly describe the fragment of this interesting example of Greek archaic pottery. The fragment of the vessel from Boltyska village is a neck and a small part of shoulder straps of a round-mouthed oinochoe with fully preserved vertical handle (Fig. 1, 4, 5). There is a scene where a mountain goat is chased by a dog. The animals are depicted running to the right (Fig. 2, 3). Oinochoe was made in the South Ionia, probably in Miletus in 640–630 BC. The vessel reached local forest-steppe population as a result of contacts between the Greeks and the barbarians in the second half of the 7th century BC most likely from the settlement at Berezan island.

«Exotische Utopien einer fernen Welt»: два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья¹

А. Е. Петракова²

Аннотация. В статье рассматриваются два аттических фрагментированных колоколовидных кратера. Первый происходит из раскопок Херсонеса 1903 г., второй — из раскопок Пантिकाпея 1867–1868 гг. Оба кратера украшены изображением редкой разновидности грифономахии: амазонки и бородатые варвары вместе противостоят грифонам. Еще одна редкая разновидность изображения на аттических и южноиталийских вазах — сцена, в которой амазонки помогают Беллерофонту сражаться с Химерой. Интерпретации этих изображений и посвящена статья.

Annotation. The paper deals with two fragmented Athenian red-figure bell-kraters. The first one was excavated in Chersoneses in 1903, the second one was found in Panticapaion in 1867–1868. Both kraters are decorated with a rare kind of Gryptomachy: Amazons and bearded barbarians are fighting together against Gryffins. Another rare subject in Athenian and South Italian vase-painting is the depiction of Amazons, helping Bellerophon to fight Chimera. The aim of the paper is in interpretation of these subjects.

Ключевые слова: аттические вазы, южноиталийские вазы, краснофигурные кратеры, амазонки, грифоны, аримаспы, вазы из раскопок в Северном Причерноморье, атрибуция и интерпретация вазовых росписей.

Keywords: Athenian vases, South Italian vases, red-figure kraters, Amazons, Griffins, Arimasps, vases from excavations in the Northern Black Sea Area, attribution and interpretation of vase-painting.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-278-290

---

¹ Статья в расширенном, дополненном и переработанном виде представляет материал, впервые озвученный на конференции АРХОНТ–2019 (тезисы: Петракова, 2019). Автор выражает глубокую признательность Ю. П. Калашнику и Д. Е. Чистову за любезное разрешение работать с экспонатами из их хранения, всяческое содействие в работе и теплое отношение, а также художнику-реставратору высшей категории Н. Л. Павлухиной за реставрацию кратера из Херсонеса.

² Д-р искусствоведения, ст. науч. сотрудник, Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

...Весьма распространенные сейчас трактовки греческих вазовых росписей с помощью концепции «утраченного звена», на мой взгляд, абсолютно непродуктивны. Смысл древних изображений надо искать не в утраченных мифах! Более логично задуматься о смысловых нагрузках, которые древние мастера и их заказчики могли связывать с формой сосуда, а также со структурой его украшений, со значением входящих в нее конкретных художественных образов.
(Виноградов, 2007. С. 30–31)

В Эрмитаже хранятся фрагменты двух краснофигурных колоколовидных кратеров — их любили расписывать мастера афинского Керамика в конце V — начале IV в. до н. э. (см.: *Καθάριον*, 2002. Р. 16–20, 100–103).

Первый кратер (инв. № Х.1903.121) происходит из раскопок в Херсонесе, проводившихся К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. Как явствует из записи в инвентаре («склеена из девяти кусков, два — отдельно»), фрагменты были склеены еще до поступления в музей. Впоследствии швы разошлись; новая реставрация с догипсовкой отсутствующих частей была осуществлена в 2018 г. В отличие от другого, целого, кратера из раскопок того же времени и также хранящегося в Эрмитаже (Вдовиченко, Жесткова, 2011. Кат. 225, рис. 6), этот не вошел ни в публикации К. К. Косцюшко-Валюжинича в ОАК и ИАК, ни в издание 2011 г., посвященное расписной керамике Херсонеса из его раскопок. Целый кратер был найден в скальной гробнице, наш же — в раскопках центральной части городища на бывшей монастырской усадьбе, где только в тот сезон откопали «1666 обломков краснофигурных сосудов» (ОАК за 1903 г. С. 32). При таких масштабах находок неудивительно, что «...расписная керамика Херсонеса до настоящего времени... изучена недостаточно... Собранные Косцюшко-Валюжиничем за 19 лет плодотворных исследований богатые коллекции предметов древности до сих пор не полностью введены в научный оборот» (Вдовиченко, Жесткова, 2011. С. 4).

Второй кратер, рассматриваемый в настоящей статье (инв. № П.1867/68–745), происходит из раскопок на горе Митридат (Пепелище), датируемых 1867–1868 гг. За один только 1868 г. там было найдено «несколько тысяч черепков от расписных сосудов... По мере углубления в насыпь открывались почти каждый день черепки, служившие дополнением прежде отысканных» (ОАК за 1868 г. I–II). В отличие от некоторых других фрагментов краснофигурных ваз из раскопок того же времени в выпуски отчетов ИАК за эти или последующие годы наш кратер не попал. В инвентаре обломки описаны как два фрагмента (один — из пяти кусков, другой из десяти кусков) «явно от одного кратера, но вместе не склеиваются». В 1978 г. они были переданы в ЛНРППИ, где была произведена догипсовка, позволившая соединить их вместе.

Кратер из Херсонеса представляет собой крупный фрагмент тулова с венчиком, который имеет максимальную сохранившуюся высоту 23,2 см (рис. 1, 1); небольшой фрагмент верхней части тулова с венчиком (рис. 1, 1), который следует добавить к предыдущему слева (он не стыкуется, но подходит по изображению и размерам); маленький фрагмент тулова, судя по изображению принадлежащий оборотной стороне кратера (рис. 1, 2) — на нем сохранилась часть виноградной грозди и головы в венке, которым нет места на стороне А, целиком посвященной изображению битвы. Кривизна венчика позволяет определить размеры кратера: его диаметр был приблизительно 42–43 см, а высота — 35–40 см.

Сторона Б с изображением либо симпозиа, либо фиаса не дает достаточного материала для рассуждений. Во-первых, сохранился слишком маленький кусочек. Во-вторых, и тот, и другой варианты прекрасно подходят для росписи кратера конца V — начала IV в. до н. э., оба варианта очень популярны в аттической вазописи этого времени, часто украшают оборот кратера и прекрасно согласуются с его функцией. А вот сторона А (рис. 1, 1; 2, 1) представляется гораздо более интересной. В инвентарной книге изображение на ней охарактеризовано как «четыре фигуры амазонок

Рис. 1. Виртуальная реконструкция: 1–2 — крatera инв. X.1903.121; 3–4 — крatera инв. П.1867/68-745
 Fig. 1. Virtual reconstruction: 1–2 — krater inv. X.1903.121; 3–4 — krater inv. П.1867/ 68-745

со щитами и секирами». Это ошибочное утверждение: амазонками могут быть названы лишь два персонажа слева, в то время как оба персонажа справа имеют усы и бороду. Костюмы у мужчин и амазонок похожи: длинные штанины и рукава украшены рядами полосок и зигзагов, надеты сверху подпоясанные туники — «бегущей волной» и каймой в виде сильно упрощенных рядов морских коньков,

такие орнаменты были популярны в работах Мастера Мелеагра и его круга (ср.: *Καθαρίου*, 2002. Р. 185–188). Щиты-пельты с шахматным орнаментом также одинаковы. Один мужчина вооружен секирой, второй, по-видимому, тоже — места достаточно лишь для нее, если бы было копье, была бы видна хоть какая-то его часть. А вот амазонки вооружены копьями, и, исходя из наличия третьего копья слева,

Рис. 2. Кратеры (1-3) и детали их изображений (а, б, в): 1, а-в — инв. X.1903.121, сторона А; 2, а, б — инв. А1844 в Брюсселе, сторона А; 3, а, б — инв. П.1867/68-745, сторона А
 Fig. 2. Kraters (1-3) and the image details (а, б, в): 1, а-в — inv. X.1903.121, side A; 2, а, б — inv. А1844 in Brussels, side A; 3, а, б — inv. П.1867/ 68-745, side A

мы можем предположить, что была и третья амазонка — места для нее достаточно. Таким образом получается, что композиция стороны А целиком — это три амазонки (слева)

бородатых мужчины в варварских одеждах (справа). Все они представлены атакующими с оружием в руках, предмет их атаки находится между ними. Действие разворачивается

на лоне природы. Место действия обозначено не только при помощи размещения фигур на разных уровнях и довольно условно выглядящих спиралевидных завитков в нижней части композиции, но и при помощи вполне конкретно нарисованных деревьев (два на крупном фрагменте и еще одно — на среднем). На одном из фрагментов хорошо различимы передние лапы животного, вставшего на дыбы, выполненные при помощи белой краски.

Скорее всего, объектом атаки амазонок и бородатых мужчин является грифон, существо, часто встречающееся в аттической вазописи архаики и классики (см.: LIMC VIII, Suppl., Grups. P. 609–611). Сцены сражений амазонок (иногда их называют аримаспами, о чем речь пойдет чуть ниже) с грифонами крайне популярны в аттической вазописи конца V — IV в. до н. э. Это поединки с грифоном конной (BAPD 230233, 230234, 231056) или пешей амазонки (BAPD 218269), а также многочисленные сцены с участием нескольких грифонов и амазонок³. Во много раз реже с грифонами в аттической вазописи сражаются воины-мужчины, причем не только варвары (которых при желании можно называть аримаспами, гиперборейцами, исседонами, персами и пр.), но и греки (!)⁴. В италийской вазописи картина та же — там против грифонов активно выступают нагие воины с круглыми

щитами, мечами и прочими элементами вооружения, которые ассоциируются с эллинами, а не варварами, уж тем более аримаспами (Schauenburg, 1982).

Грифонов в аттической краснофигурной вазописи конца V — IV в. до н. э. часто изображают при помощи белой краски, хотя встречается и вариант с краснофигурными грифонами (например: BAPD 13452, 230400, кратер из Пантикапея — рис. 1, 3; 2, 3). Скорее всего, на херсонесском кратере представлен грифон, однако фрагментированное состояние вазы не позволяет утверждать это с полной уверенностью. Например, на аттическом кратере в Вилле Джулия (*Καθαρίου*, 2002. πιν. 81A, атрибутирован Упсальскому мастеру, начало IV в. до н. э.; *McPhee*, 2017. Fig. 15–16; BAPD 28060) амазонки сражаются не с грифоном, а с Химерой, у которой лапы трактованы очень похожим образом (рис. 4, 1). На кратере в Неаполе (рис. 3, 1) с Химерой сражаются бородатые мужчины (*Καθαρίου*, 2002. πιν. 55A, атрибутирован Будапештской группе, первая четверть IV в. до н. э.; BAPD 218089), при этом композиция, позы, трактовка деталей, пейзажа, костюма в его росписи близка тем, что мы видим на кратере из Херсонеса, разве что фигур на кратере в Неаполе больше. На херсонесском кратере явно нет места для Беллерофонта, так что, скорее всего, персонажи на нем сражаются все-таки с грифоном. Наиболее близкой аналогией по композиции, многочисленным деталям росписи, сюжету является чашевидный кратер, хранящийся в Брюсселе (рис. 2, 2). На обороте этого кратера представлена менада между двумя сатирами, над ручками нарисовано по алтарю. Карл Шеффорд датировал его 390–380 гг. до н. э. (*Scheffold*, 1934. P. 139, Coll. Lambros-Dattari 76, Taf. XII; CVA, Brussels 2, Pl. 3.2A-C; LIMC VIII, Pl. 340, Arimaspoi 7; BAPD 12111), но не атрибутировал определенному мастеру.

От кратера из Пантикапея сохранилась значительная часть стороны А (рис. 1, 3; 2, 3); на обороте могли быть фигуры в плащах, симпосиасты или фиас (рис. 1, 4) — именно эти варианты встречаются на стороне Б кратеров этого периода чаще всего. Изображение

³ Например: BAPD 230458, 218059 — две пешеходные амазонки против грифона; BAPD 13452 — конная и пешеходная амазонки против двух грифонов; BAPD 230475 — конная и две пешеходные амазонки против грифона; BAPD 12928, 230453, 230456 — три пешеходные амазонки против грифона; BAPD 230400 — три пешеходные амазонки против двух грифонов; BAPD 136 — четыре пешеходные амазонки против грифона; BAPD 13401 — четыре пешеходные амазонки против двух грифонов и т. п.

⁴ Так, изображение гоплита в противостоянии грифону украшает чернофигурный скифос, выставленный на Sotheby's (BAPD 5900), бородатый пешеходный мужчина в варварских одеждах сражается с грифоном на пелике в Бостоне (BAPD 230247) и с двумя — на пелике в Пльзне (BAPD 230383), бородатый всадник в варварских одеждах сражается с двумя грифонами на кратере в Вене (BAPD 564), бородатый возница в греческом хитоне на биге выступает против двух грифонов на пелике в Оксфорде (BAPD 137) и пр.

Рис. 3. Кратеры: 1 — инв. 81569 в Неаполе; 2 — инв. 4530 в Лечче; 3 — инв. 1917.61 в Оксфорде; 4 — кратер с торгов Sotheby's

Fig. 3. Kraters: 1 — inv. 81569 in Naples; 2 — inv. 4530 in Lecce; 3 — inv. 1917.61 in Oxford; 4 — krater from Sotheby's auction

на кратере из Пантикапея в инвентаре охарактеризовано как «часть фигуры вправо, в восточном костюме, борющаяся со львом... амазонка в восточном костюме, сидящая на лошади вправо; правее — воин с копьем и щитом, борющийся с грифоном». Слева, я полагаю, расположен не «лев», а такой же грифон, что и справа, «часть фигуры» — это тоже амазонка (ее туника украшена так же, как и у амазонки на коне), а над ней, по-видимому, была еще одна фигура, от которой сохранился

лишь маленький кусочек одежды или щита (?), возможно, еще один бородатый воин в варварской одежде. Получается, что в центре композиции — амазонка, слезающая с падающего коня, на которого спереди и сзади навалились грифоны, ее защищает бородатый воин и еще два персонажа. Под ногами при помощи белых линий и двух краснофигурных элементов изображены неровности почвы.

Найти точную аналогию в данном случае сложнее, но хочется отметить стилистическую

Рис. 4. Кратеры: 1 — инв. 1514 в Вилле Джулия; 2 — инв. 1911.163 в Генуе; 3 — инв. 81947 в Неаполе; 4 — инв. F3258 в Берлине

Fig. 4. Kraters: 1 — inv. 1514 in Villa Giulia; 2 — inv. 1911.163 in Genoa; 3 — inv. 81947 in Naples; 4 — inv. F3258 in Berlin

близость росписей к работам всё того же круга Мастера Мелеагра (первая четверть IV в. до н. э.), в частности — Мастера Вюрцбургской Амимоны (ср.: *Καθαρίου*, 2002. πιν. 44А-В, 45В; *McPhee*, 1976. Pl. 89, 29; VAPD 487) и мастеров Будапештской группы (ср.: *Καθαρίου*, 2002. πιν. 54А-В, 55А-В). Гораздо более интересным представляется другое: в данном случае опять амазонки действуют заодно с бородатыми мужчинами — они вместе противостоят чудовищу, которое несет погибель, неважно,

грифон это, как на кратерах из Херсонеса (рис. 2, 1) и в Брюсселе (рис. 2, 2), или Химера, как на кратере в Вилле Джулия (рис. 4, 1).

Вернемся к вопросу о том, почему безбородые персонажи в варварских одеждах на эрмитажных кратерах названы в этой статье амазонками, а не аримаспами. Безусловно, первое и естественное желание любого исследователя, возросшего на уходящей корнями в XIX, а то и XVIII в. традиции, — воспринимать расписные вазы исключительно как

«иллюстрации» к греческим текстам — определить грифоноборца в «варварской» одежде как аримаспа. Ведь всем известно, что именно аримаспам положено сражаться с грифонами (см. весь список источников: LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Arimaspoi. P. 529–534). Проблема состоит в том, что изображения на аттических вазах очень часто не только не иллюстрируют тексты, но и вступают с тем, что в них изложено, в откровенное противоречие, вроде знаменитого килика с Ясоном (его имя подписано рядом на вазе), которого изрыгает дракон (VARD 205162). В таких случаях появляется желание говорить о том, что вазы «иллюстрируют» некий утерянный миф. Или даже больше — желание упрямо называть изображенного на вазе человека в чепчике «женщиной» (несмотря на то, что его нагое тело очевидно мужское) исключительно потому, что тексты много раз сообщили нам, что чепчик в Древних Афинах был исключительно женским элементом костюма (см. подробнее: *Petrakova*, 2020).

Если рассматривать два эрмитажных cratera не как иллюстрации к античным текстам, а как очередные две вазы в контексте множества аттических и италийских (!) краснофигурных vaz — безбородых персонажей в варварских одеждах следует назвать именно амазонками⁵. Как справедливо заметил изучавший проблему «со стороны амазонок» Мартин Лангнер, «...„амазонок“ не отличить от „аримаспов“ ни по одежде, ни по прическе, ни по вооружению... костюм всего лишь отсылает нас к тому, что они — жители северо-восточных окраин <...> наверное, именно в этом и состоит особая прелесть этого образа», ведь он дает возможность для очень большой свободы в интерпретации росписи на вазах (*Langner*, 2013. P. 226–227). Мы знаем множество изображений на вазах именно амазонок, их идентификация не вызывает сомнений благодаря контексту или надписям

⁵ Позволю себе оставить в стороне вопрос о возможности существования «амазонов» (амазонок-мужчин) и «аримаспих» (аримаспов-женщин) — он подробно рассмотрен все у того же Мартина Лангнера.

рядом с ними (LIMC I, 1981, s. v. Amazones; LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Amazones). А вот подобных изображений аримаспов не существует. Попытки отождествить того или иного грифоноборца или всадника на грифоне с аримаспом выглядят крайне спорными и базируются лишь на том, что в соответствии с текстами с грифонами положено сражаться именно аримаспам (LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Arimaspoi. P. 529–534). Аскольд Иванчик, изучавший проблему «со стороны аримаспов» так же, как и Мартин Лангнер, полагает, что «вряд ли... следует отождествлять любую грифономахию с аримаспами: этот сюжет известен уже в микенскую эпоху... был достаточно распространен в ассирийском и сиро-финикийском искусстве... оба сюжета, очевидно, отсылают к неким мифическим противникам мифических существ» (*Иванчик*, 2002. С. 27).

Берусь утверждать то же самое, так сказать, «со стороны вазописи». Амазонки постоянно появлялись в аттической вазописи в самых разных контекстах на протяжении VI–IV вв. до н. э. (подробно с библиографией см.: *Петракова, Ягги*, 2017). Значительную часть этих изображений составляют сцены амазономахий: единоборство конкретной амазонки (Пентесилеи, Ипполиты и пр.) с конкретным героем (Ахиллом, Гераклом и пр.), а также многочисленные амазономахии с «анонимными» греками и амазонками, причем амазонки гораздо чаще проигрывают. Это противопоставление героя-мужчины амазонке сохраняется в аттической вазописи на протяжении VI, V и IV вв. до н. э., не менее характерно оно и для италийской вазописи. Безусловно, амазонки относятся к тем варварским народам, которые ассоциируются с Востоком — в этом качестве они востребованы в греческом искусстве и римском искусстве тех периодов, когда такое изображение помогало в конструировании эллинской или римской идентичности, демонстрации мужских военных добродетелей и идеи превосходства над врагом-чужаком (не-эллином, не-римлянином) (см.: *Russenberger*, 2015. S. 70–95). Но амазонка также является и женщиной, при этом ведущей себя в соответствии с мужской моделью

поведения, что крайне любопытно, необычно и привлекательно для представителей социума, где привыкли к другим женщинам (*Blundell*, 1995. P. 62). В свете этого противостояние амазонок греческим (позже — римским) мужчинам рассматривается современными учеными не только в буквальном смысле вражды эллинов/римлян с варварами, но и как борьба двух разных начал, в том числе — любовная борьба (завершение которой не смерть, а продолжение жизни), просто представленная иносказательно. Подобные уподобления встречаются, например, в явном виде в лирике начала римской империи (см.: *Russenberger*, 2015. S. 114–144). Уместно будет вспомнить, что сцены амазономахий украшали очень разные предметы и сохраняли популярность на протяжении многих столетий — от греческого искусства VI в. до н. э. до римского искусства II–IV вв. н. э., в частности римские саркофаги. Исследователи при этом справедливо задаются вопросом: почему именно битвы с амазонками — ведь в качестве противника для героя мифология позволяет выбрать и множество других персонажей? На этот вопрос нет однозначного ответа. Например, применительно к аттической вазописи времен греко-персидских войн или к римским саркофагам II в. н. э. наиболее популярной точкой зрения является та, которая предполагает, что через противопоставление героев амазонкам происходит выражение культурной идентичности, выражение идей противостояния с восточным, варварским, беспорядочным в противопоставление привычному, упорядоченному, цивилизованному, то есть эллинскому или римскому. Однако целый ряд произведений италийской и аттической вазописи (подобно знаменитому килику с Ахиллом и Пентесилеей; *VAPD* 211565), как и целый ряд римских саркофагов III в. н. э. с амазономахиями, явно показывает интерес авторов этих произведений именно к теме гибнущей женственности, красоты, идеи трагичности и неизбежности смерти вне зависимости от пола и принадлежности к тому или иному народу. В римских саркофагах этого времени, украшенных амазономахиями, погребали женщин,

а в эпитафиях любимые жены прямо сравнивались с трагически погибшими амазонками (см. подробнее: *Russenberger*, 2015). Наиболее популярная на сегодняшний день точка зрения на эти памятники состоит в том, что в них проявляется сочувствие художника к обеим сторонам конфликта, а памятник хорош для покупателей обоюбого пола — ведь женщина может ассоциировать себя с амазонкой, а мужчина — с героем.

Кроме многочисленных битв, амазонки появляются среди персонажей дионисийского круга, для которых вообще характерно нарушение социальных норм и двойственная природа — именно это и воплощают в себе амазонки. Танцующие (*Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 1–6) и даже крылатые (*Там же*. Рис. 7–8) амазонки встречаются в аттической и италийской вазописи конца V и IV в. до н. э. Грифоны же выступают не только их противниками, но и союзниками, например, когда амазонки едут на грифонах (*Там же*. Рис. 17; *VAPD* 231167, 218271, 218269, 218270 и др.), сражаются друг с другом, в то время как чуть выше Эрот протягивает руку утке (*VAPD* 11163), или сражаются с грифонами, восседая на грифонах (*Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 15–16). В перечисленных примерах представлены именно амазонки, в характерных костюмах и с длинными кудрявыми волосами, ровно такие же, как те амазонки, что сражаются с греками на вазах того же времени (ср., например: *VAPD* 217562, 213262, 218104, 217570, 9018487 и др.). Помимо амазонок на грифонах ездят бородатые мужчины в варварских одеждах (*VAPD* 564) и безбородые мужчины с короткими волосами, не покрытой головой, в том числе с обнаженной грудью (*VAPD* 43217). И все три типа персонажей (!) представлены в качестве грифоборцев в одном пространстве росписи на знаменитых луврских кратерах (*VAPD* 230371, 230372; *Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 10). Если бы они все были аримаспами — зачем один и тот же вазописец в одном и том же пространстве вазовой росписи стал бы их так дифференцировать? Кратеры в Неаполе (рис. 3, 1), в Оксфорде (рис. 3, 3) (*VAPD* 260105),

на Сотби (рис. 3, 4) (VAPD 13401), в Мадриде (VAPD 24282) показывают, что вазописцы прекрасно могли изобразить всех персонажей одинаковыми в пределах одной росписи.

Как и амазонки, грифоны — создания необычные, принадлежащие к двум разным мирам (мужской и женский мир — амазонки, земля и воздух — грифон), а стало быть, могут путешествовать между мирами, служить посредниками и проводниками (*Flagge*, 1975; LIMC VIII, Suppl., v. s. Gryps. P. 609–611); союзниками и противниками грифонов в аттической вазописи бывают очень разные персонажи! Как представляется, называть кого-то аримаспом исключительно из-за того, что он сражается с грифоном или едет на грифоне, было бы несправедливым. С грифоном может сражаться гоплит (VAPD 5900), грифон может нападать на сатира (VAPD 41551), что касается всадников — кроме амазонок на грифонах в аттической и итальянской вазописи ездят Афина (LIMC I, Athena 38), Аполлон (VAPD 215308, 28788, 231126), Дионис — для последнего прекрасным примером может служить композиция на стороне А кратера из раскопок Олинфа, где среди танцующих сатиров и менад представлен Дионис верхом на грифоне (VAPD 16222; см. также: VAPD 9337, 14042, 218232). Существуют даже примеры, где грифон представлен везущим Диониса в окружении персонажей в комических масках (*Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 18). На лекифе в Берлине на колеснице, запряженной двумя грифонами (VAPD 6987; датирован 390–380 гг. до н. э.), вступает в битву с гигантами женский персонаж (пол не вызывает сомнения в силу особенностей тела, вида костюма и пр.), вооруженный тирсом (возможные идеи по интерпретации: Артемида, менада); справа на гиганта нападает Геракл с дубинкой. Грифоны также могут быть эмблемами на щитах у гоплитов (например: VAPD 207751, 202186, 202995, 217276) и у Афины (VAPD 202370), входить в состав орнаментов, украшающих ткани (например: VAPD 216789).

Однако вернемся именно к теме сражения. Крайне любопытным представляется следующий факт. Количество ваз, украшенных

изображениями, на которых амазонки сражаются против мужчин, огромно. Количество ваз, на которых амазонки сражаются против грифонов, весьма велико, к ним мы можем также добавить небольшое количество ваз, на которых с грифонами сражаются бородатые или безбородые мужчины. А вот количество ваз, на которых амазонки в союзе с мужчинами выступают против грифонов или Химеры, крайне мало. Даже если не соглашаться со мной и считать амазонок на этих вазах молодыми аримаспами, это не меняет сути — ваз с такими изображениями крайне мало. Мне известно всего лишь несколько таких аттических и несколько итальянских ваз конца V и IV в. до н. э. Это упоминавшиеся кратеры в Лувре, на которых сражение мужчин и амазонок против грифонов сочетается со сценами дионисийского круга — для итальянских краснофигурных ваз такое сочетание также весьма характерно, и упоминавшийся кратер в Брюсселе (рис. 2, 2). К названным трем кратерам следует добавить и два кратера из Эрмитажа. На брюссельском кратере и на кратере из Пантикапея мужчины и амазонки чередуются, на кратере из Херсонеса четко разделены на две группы. Все названные вазы — кратеры, то есть вазы, связанные с особой культурой симпосия, которая, благодаря грекам, распространилась по всей ойкумене. На трех целых вазах сцена соседствует с изображением персонажей дионисийского круга, как и на кратере из Херсонеса.

Мартин Лангнер тоже обратил внимание на то, что амазонки *вместе* с мужчинами сражаются крайне редко. В качестве примера он привел эрмитажную пелику из таманских раскопок (*Langner*, 2013. P. 240, abb. 72a-b), на которой по-гречески обнаженные и экипированные мужчины вместе с амазонками сражаются против других аналогичным образом выглядящих мужчин. По его мнению, столь редкое изображение связано с тем, что изготовители расписных ваз в Афинах знали о смешанном этническом составе Боспорского царства (и браках между приезжими эллинами и местными, в том числе «скифскими», женщинами) и таким образом пытались это

отразить в расчете на боспорского заказчика. Этим же он объясняет другой крайне редкий сюжет — сражение амазонок друг против друга. Идея, безусловно, очень красивая (особенно притягательная в связи с нынешней пропагандой мультикультурализма и толерантности), но она не объясняет присутствия амазонок в сценах сражения Беллерофонта с Химерой. Зачем амазонки помогают Беллерофону — не могут объяснить нам и античные тексты. По свидетельству Аполлодора, он сражался с Химерой (все источники см.: LIMC III, Chimaira. P. 249–253), потом с солимами, потом с амазонками (Мифологическая библиотека. Книга II, III(2)), но никогда не сражался *вместе* с солимами или амазонками (тем более — аримаспами) против Химеры. И если уж любой, кто сражается с грифоном — это аримасп, раз тексты нам об этом сказали, то любой, кто сражается с Химерой, должен быть Беллерофонтом, и никак иначе. В вазописи же мы видим такие композиции, которые явно противоречат письменным источникам. Авторы аттических кратеров в Неаполе (рис. 3, 1) и в Лечче (рис. 3, 2; VAPD 41456; Mannino, 2006. Fig. 67–68; сопоставлено Бизли с работами выделенного им Мастера Джуличчи) решили, что помогать Беллерофону в борьбе с Химерой должны мужчины. Только в Неаполе (рис. 3, 1) это довольно однообразно нарисованные бородатые варвары (которые при желании интерпретатора могут быть названы солимами), а в Лечче (рис. 3, 2) — безбородые юноши с длинными волосами и в восточных шапках, которых вазописец изобразил обнаженными (возможно, чтобы зритель не перепутал их с амазонками); помимо них Беллерофону помогает юноша с короткими волосами и петасом за спиной (то есть явный эллин), а также Пан. Авторы аттического кратера в Вилле Джулия (рис. 4, 1) и другого аттического кратера, в Генуе (рис. 4, 2; VAPD 217510, близко Мастеру Прономоса) отрядили в помощь Беллерофону амазонок (на кратере в Генуе есть амазонка, а есть обнаженные юноши в восточных шапках). То же самое сделали и авторы апулийских кратеров в Берлине (рис. 4, 4; Kästner, Saunders, 2016.

Cat. 3; 330–310 гг. до н. э., атрибутирован Мастеру подземного мира) и Неаполе (рис. 4, 3) (Vasi antichi, 2009. P. 116–118; 340–320 гг. до н. э., атрибутирован Мастеру Дария). К этой же группе редких изображений, где Беллерофону убивать Химеру помогают амазонки, должен быть отнесен фрагмент аттического чашевидного кратера из раскопок в Коринфе (McPhee, 1976. Pl. 90, 28; VAPD 487).

Если амазонкам можно сражаться с Химерой, что, в соответствии с зафиксированной в текстах информацией, должно происходить где-то в Ликии, почему им нельзя сражаться с грифонами там, где, в соответствии с теми же текстами, и им, и грифонам положено обитать? Грифон — существо по своей силе, необычности и двойственной природе вполне сопоставимое с Химерой... да и действие происходит где-то там, в чуждедалных краях, где-то там, куда лишь самые великие путешественники вроде Диониса добиваются, и где, как и в его мире, возможно даже невозможное, нарушающее традиции, нормы, представление о должном и не-должном. Любопытно, что на кратере из Херсонеса (как и на кратерах в Брюсселе и Неаполе) автор уделил особое внимание изображению растений между фигурами. Здесь это не просто завитки, листики, точки, которые условно обозначают некую растительность, а хорошо узнаваемые лавры — еще одна возможная отсылка к тому, что всё изображенное происходит не в обычном мире, а за его пределами (см. подробнее: Букина, 2020).

Я не призываю заходить так далеко, как Элизабет Роде, предложившая видеть в грифоне, подлетающем к сатиру на килике в Берлине, не просто «борьбу грифона против представителя низших сфер, богов растительности, испуганно отступающих», но символически представленное «превосходство всеведения и образованности над приземленной глупостью» (CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum 1. P. 44–45). Но закрывать глаза на то, что амазонки помогают персонажам мужского пола сражаться с Химерой и с грифонами, мы не можем. Известные мне вазы с такими редкими изображениями

происходят как из погребений, так и из раскопок жилых кварталов; география находок тоже разнообразна (юг Апеннинского полуострова, север Греции, Северное Причерноморье). Но все эти вазы — кратеры (любопытно, что на кратере из Пантикапея имеется след античной починки). И если на италийских вазах амазонки отличаются от мужчины-Беллерофонта хотя бы костюмом, то на аттических вазах с грифономахиями амазонки и мужчины представлены в одинаковых

костюмах. Все вместе они не только отсылают нас к восточным землям, но и к тем чуждальным, сказочным краям, где (как и в мире Диониса) возможен даже союз противников (греков и варваров, мужчин и женщин, Беллерофонта и амазонок и т. п.), то есть к той самой «Exotische Utopien einer fernen Welt», о которой говорил Мартин Лангнер (*Langner*, 2013. P. 225). Кратеры, украшенные такими сценами, прекрасно подходят и для симпозия, и для погребения.

Букина, 2020 — Букина А. Г. Всадник среди вакхантов: редкая аттическая иконография на периферии античного мира // БИ. Вып. ХLI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2020. С. 75–76.

Вдовиченко, Жесткова, 2011 — Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // *Stratum plus*. 2011. № 3. С. 3–111.

Виноградов, 2007 — Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 62 с.

Иванчик, 2002 — Иванчик А. И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 4. С. 23–42.

ОАК за 1868 г. — Отчет императорской археологической комиссии за 1868 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870.

ОАК за 1903 г. — Отчет императорской археологической комиссии за 1903 год. Санкт-Петербург: типография главного управления уделов, 1906.

Петракова, 2019 — Петракова А. Е. Фрагмент краснофигурного кратера с изображением амазонок и грифона, происходящий из раскопок Херсонеса, в собрании Эрмитажа: к вопросу о символической иконографии варваров // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы НК (Севастополь, 17–19 сентября 2019 г.) / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2019. С. 213–215.

Петракова, Ягги, 2017 — Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений // Боспорские исследования. Вып. XXXV / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 100–125.

Blundell, 1995 — Blundell S. *Women in Ancient Greece*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 224 p.; 45 b/w figs.

Chazalon, 2009 — Chazalon L. *Ceramica attica a figure rosse* // *Vasi antichi*, Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Napoli: Electa Napoli, 2009. P. 51–89.

CVA, Brussels 2 — Mayence F., Verhoogen V., CVA Belgique fasc. 2, Bruxelles, Musées Royaux d'Art et d'Histoire (Cinquantenaire) fasc. 2. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1937.

CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum 1 — Rohde E., CVA DDR Band 3, Berlin Band 1. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1986.

Flagge, 1975 — Flagge I. *Untersuchungen zur Bedeutung des Greifen*. Sankt Augustin: Verl. Hans Richarz, 1975. 222 S.

Καθαρίου, 2002 — Καθαρίου Κ. Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Παρατηρήσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2002. 444 τ. : εικ., πίνακες.

Kästner, Saunders, 2016 — Kästner U., Saunders D. (eds.). *Dangerous Perfection: Ancient Funerary Vases from Southern Italy*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2016. 176 p.

- Langner*, 2013 — *Langner M.* Amazonen auf Kertscher Vasen Wechselnde Blickwinkel auf ein populäres Bildmotiv // Hrsg. Ch. Schubert, A. Weiß. Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 221–257 (Beiträge zur Altertumskunde. 310).
- LIMC — Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae / Comité de rédaction J. Boardman et al. Zürich, München, 1981–2009.
- Mannino*, 2006 — *Mannino K.* Vasi attici nei contesti della Messapia: 480–350 a. C. Consiglio nazionale delle ricerche; Università degli studi di Lecce. Bari: Edipuglia, 2006. 328 p., ill.
- McPhee*, 1976 — *McPhee I.* Attic Red Figure of the Late 5th and 4th Centuries from Corinth // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 1976. Vol. 45, no. 4 (Oct. — Dec.). P. 380–396.
- McPhee*, 2017 — *McPhee I.* The Uppsala Painter and The Painter of the Erlangen Symposion // *Studi Miscellanei di Ceramografia Greca III / A cura di Elvia Giudici e Giada Giudici*. Catania: Ediarich, 2017. P. 49–70.
- Petrakova*, 2020 — *Petrakova A.* A youth in a bonnet in Attic red-figure: new case — new sense? // *Griechische Vasen als Kommunikationsmedium: Akten des Symposions / Hrsg. C. Lang-Auinger, E. Trinkl*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020 (Corpus vasorum antiquorum Österreich. Beiheft 3).
- Russenberger*, 2015 — *Russenberger C.* Der Tod und die Mädchen: Amazonen auf römischen Sarkophagen, *Image & Context* 13. Berlin; München; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. 640 S.
- Schauenburg*, 1982 — *Schauenburg K.* Arimaspen in Unteritalien // *Revue Archéologique Nouvelle Série*, fasc. 2. Hommage a Henri Metzger, 1982. P. 249–262.
- Schefold*, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1934. Pp. viii + 162; 50 plates and 85 text illustrations (Archäologische Mittelungen aus russischen Sammlungen. Bd. IV).
- Vasi antichi, 2009 — Vasi antichi, Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Napoli: Electa Napoli, 2009.

“Exotische Utopien einer fernen Welt”: two red-figure kraters with a rare depiction of Grypomachy from the excavations in the Northern Black Sea Area

A. E. Petrakova

There are two fragmented bell-kraters in the State Hermitage Museum, one was excavated in Chersoneses in 1903 (Fig. 1, 1–2), the other one — in Panticapaion in 1867–1868 (Fig. 1, 3–4). Both are decorated with a rare kind of Grypomachy: Amazons are fighting together with bearded barbarians against Griffins. We know many samples of Athenian and South Italian vases with the depiction of Amazons fighting men. There are many vases with the depictions of Amazons fighting or riding Griffins and few vases with the depiction of men (Greeks or non-Greeks) fighting or riding Griffins. But there are just several vases with the depiction of Amazons together with men fighting Griffins or Chimaera. I do not support the idea to call ‘an Arimasp’ any individual, fighting or riding Griffin just because ancient texts tell us about Arimasps fighting Griffins for gold. Moreover I guess female gender of Amazons is important for this rare kind of Grypomachy much more than their “Oriental, Barbarian” origin and appearance. I guess the vases, where Amazons are helping men (Greeks or non-Greeks) to fight deathful creatures of mixed nature, present us as Martin Langner once said, an “Exotische Utopien einer fernen Welt”, where everything is possible, even Amazons helping Bellerophon or women and men as allies in a battle.

Краснофигурный килик из раскопок на Березани

Ю. И. Ильина¹

Аннотация. Статья посвящена редкой находке краснофигурной керамики архаического периода. В 2018 г. были найдены обломки килика, из которых реставраторами были склеены четыре фрагмента разного размера от 17,0 см до 7,5 см. Килик — с изображением сцен битвы всадников и пеших воинов. По стилю и композиции росписи фрагменты можно отнести к работам мастера Никосфена. Это один из мастеров, который работал в последние десятилетия VI в. до н. э. Килики занимали значительное место среди сосудов разных форм, которые принадлежат руке этого мастера.

Annotation. The article is devoted to a rare find of red-figure ceramics of the Archaic period. In 2018, some pieces of kylix were found and glued together by restorers to four fragments of different sizes (from 17.0 cm to 7.5 cm). Scenes of a battle between horsemen and hoplites were represented on the vessel. Relying on the style and composition of this painting, the fragments can be attributed to the works of the painter Nikosthenes, one of the artists who worked in the last decades of the 6th century BC. Kylikes occupied a significant place among the vessels of various shapes that belong to the hand of this master.

Ключевые слова: Березань, аттическая краснофигурная керамика архаического периода, фрагменты килика с изображением сцены битвы всадников и пеших воинов, работа мастера раннего краснофигурного стиля, мастер Никосфен.

Keywords: Berezan, Attic red-figure pottery of the Archaic period, fragments of cups with the scenes of a battle between horsemen and warriors (hoplites), work of the master of the early red-figure style, master Nicosthenes.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-291-297

Аттическая краснофигурная керамика архаического периода не часто встречается на острове Березань. Одной из лучших находок краснофигурной керамики этого периода является килик с изображением гетеры работы Эпиктета из раскопок Э. Р. Штерна в 1904 г. (Beazley, 1963. P. 75, no. 60[53]; Beazley, 1971. P. 328, no. 60[53]; CVA, 2016. P. 19, pl. 8.1–2, 9.1–3). В 1982 г. были обнаружены фрагменты килика этого же мастера с изображением комастов на одной стороне и кентавра на другой (Ильина, 2000. С. 146–149; Ilyina, 2001.

P. 159–163; Shapiro, 2010. P. 291–293; CVA, 2016. P. 21–23, pl. 10, 11). Тем больший интерес представляют новые находки.

В 2018 г. были найдены фрагменты килика или киликов с изображением всадников и воинов-гоплитов (Крутилов, Чистов, 2019. С. 55–56, ил. 386–388; Чистов, Ильина, в печати)². К одному сосуду можно отнести четыре фрагмента (рис. 1, 1–5). По форме килик относится к типу В (Blöesch, 1940. P. 41–110; Cook, 1992. P. 168–169, fig. 30 B; Sparkes et al., 1970. P. 92). Килики этой формы имеют

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: iouliailiyina@gmail.com.

² Номер по полевой описи БЭ. 2018.36/398. Фрагменты склеены из кусков. На поверхности мелкие сколы, царапины.

большую и неглубокую чашу на высокой ножке, покоящейся на плоском основании (рис. 1, 6, 7). Форма эта возникла в переходный период, когда на смену чернофигурному стилю пришла новая краснофигурная техника. Характерным признаком этих киликов является непрерывная линия контура от края сосуда до небольшого выступа на основании ножки. Такая форма отличается особой элегантностью и законченностью линий. Килики этой формы расписывали лучшие мастера раннего краснофигурного стиля.

Диаметр березанского килика — около 30 см. Самый большой фрагмент имеет длину 17,0 см и высоту 14,5 см (рис. 1, 1). Сохранилась центральная часть композиции, представленной на одной из сторон чаши. В центре композиции — воин в шлеме халкидского типа, поножах, со щитом круглой формы и копьем с листовидным наконечником. Волосы спрятаны под шлемом, видно только ухо. Шлем низко надвинут. Глаз овальной формы с небольшим зрачком, обозначенным точкой. Нос массивный, кончик округлый. Губы плотно сжаты, и подбородок закрыт нащечниками. Воин одет в короткий хитон. Он повернулся назад и нападает на конного воина справа. От изображения всадника сохранилась лишь ступня, от фигуры коня — передняя часть крупа и ноги. Слева от воина помещен другой всадник: от его фигуры сохранились нижний край хитона и нога, а от изображения коня — нижняя часть с длинным хвостом. Внутри килика в медальоне была помещена фигура, от которой уцелели лишь часть руки, согнутой в локте, и конец древка копья: вероятно, здесь был изображен юноша с копьем (рис. 1, 2). По внутренней окружности сохранились буквы ПЕ, исполненные разбавленной глиной очень небрежно и которые не составляют слова.

Сохранились и два фрагмента краев килика. Один из них имеет 10,5 см в длину и 3,0 см в высоту (рис. 1, 3). На нем можно видеть часть фигуры всадника. Голова коня очень выразительна, грива коротко стрижена, уши плотно прижаты к гриве. Глаз круглый, со зрачком, переданным крупной точкой. Над глазом три волнистые линии, нанесенные разбавленным лаком, которые, вероятно, обозначают складки кожи. Линиями, нанесенными разбавленным лаком, обозначены и складки кожи между нижней челюстью и шеей. На морде коня разбавленным лаком очень тонкими линиями переданы детали сбруи, причем сохранились следы предварительного рисунка. Свищающий повод передан пурпуром, который частично облупился. Всадник повернулся назад, в одной руке держит повод, другая рука протянута в ту же сторону, в которую повернута его голова. Он одет в хитон с короткими рукавами или же панцирь. Однозначно определить нельзя, так как нижняя часть фигуры не сохранилась (обычно нижний край панциря обозначен). На голове всадника шлем гибридной формы, он напоминает как халкидский, так и иллирийский³. Точно определить его тип невозможно. Высокий гребень характерен для шлемов халкидского типа. Соединение гребня со шлемом обозначено рядом точек. Нащечники закрывают подбородок. На боковой части шлема помещена волюта. Затылочная часть спускается на спину, из-под нее выбиваются пряди длинных волос, видно ухо всадника. Шлем низко надвинут, и лицо изображено со смещением глаза на нос. Нос длинный, губы плотно сжаты. Форма овального глаза со зрачком-точкой типична для росписей архаического периода. От фигуры

³ Выражаю благодарность Д. П. Алексинскому, старшему научному сотруднику ОАМ ГЭ за консультацию по типам вооружения.

Рис. 1. Фрагменты килика с о. Березань: 1 — наружная сторона фрагмента 1; 2 — внутренняя сторона фрагмента 1; 3 — фрагмент 2; 4 — фрагмент 3; 5 — фрагмент 4; 6, 7 — ножка; 8 — реконструкция формы килика. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3–7; в — для 8

Fig. 1. Fragments of the kylix from Berezan: 1 — outer side of the fragment no. 1; 2 — inner side of the fragment no. 1; 3 — fragment no. 2; 4 — fragment no. 3; 5 — fragment no. 4; 6, 7 — foot of the kylix; 8 — kylix from Berezan, reconstruction of the shape. Scale: a — for 1, 2; b — for 3–7; c — for 8

воина, к которой повернулся всадник, сохранились локоть руки и древко копья. Между фигурами очень небрежно исполнены разбавленной глиной буквы ΕΝΕΡ (?), которые не составляют слова.

Другой фрагмент имеет 8,5 см в длину и 5,2 см в высоту (рис. 1, 4). На нем изображен всадник с копьем в руке, который сохранился почти полностью. От изображения коня сохранились лишь часть головы и шеи. Грива коротко острижена. Пропорции и детали аналогичны тем, которые мы видим в изображении коня на первом фрагменте. Всадник представлен без шлема, с лентой на голове. Голова наклонена к плечу. На лоб из-под ленты выбивается челка. Глаз овальной формы, круглый зрачок передан точкой. Нос массивный с округлым кончиком. Губы не прописаны. Массивный подбородок спрятан в складках одежды. По сторонам от головы помещены буквы ΝΗΣ, исполненные разбавленной глиной. Всадник одет в короткий хитон и хламиду из плотной шерстяной материи. В руке он держит копье. За его спиной — часть круглого щита, который относится к другой фигуре воина за спиной всадника. Под щитом — древко копья (?). Стиль изображения всадника отличается монументальностью. Примечательно, что между гривой коня и головой всадника черным лаком исправлена ошибка.

К этому килику относится часть стенки без края высотой 7,5 см (рис. 1, 5). От многофигурной композиции сохранились только ноги трех (?) воинов в поножах и часть круглого щита. Этот фрагмент, в отличие от других, побывал в огне.

Из-за плохой сохранности сосуда реконструкция композиции росписи затруднена; по аналогии с близкими по диаметру чашам можно предполагать, что на каждой стороне была помещена композиция из пяти или шести фигур. Изображение занимало всё пространство между ручками. Для реконструкции композиции росписи рассматриваемого килика важен килик мастера Никосфена из собрания Эрмитажа (*Передольская*, 1967. С. 14–15, табл. IV). На ножке — надпись владельца мастерской, гончара: «Памфай сделал». На обеих сторонах сосуда помещены по две группы

сражающихся, состоящие из пеших и конных воинов и воинов, ведущих на поводу коня. Только на большем фрагменте воины, ведущие в поводу коней, заменены всадниками. Близкая композиция представлена на стороне В, где пеший воин нападает на всадника. И перед этой группой помещена другая группа сражающихся. К ней относится изображение задней части коня, несущего всадника. По аналогии с эрмитажным киликом, перед ним должна быть представлена сцена битвы пеших воинов. Подобные группы из двух фигур помещены с левой стороны на эрмитажном килике. Однако на сохранившемся фрагменте четыре ноги принадлежат трем фигурам воинов. Часть ноги, согнутой в колене, относится к крайней фигуре этой композиции. Вероятно, к этой же фигуре относится круглый щит, который изображен в три четверти. На воина со щитом нападает воин, вооруженный копьем с листовидным наконечником, который отчетливо виден. За его спиной находилась фигура другого воина. От нее сохранилась только нижняя часть ноги, которая перекрывает ногу воина с копьем. Этот прием типичен для росписей Никосфена. Три воина, составляющие группу и завершающие композицию, облачены в поножи. Роспись очень динамична и передает напряженный момент битвы.

Какое место в композиции росписи килика занимали фрагменты с изображением всадников? Скорее всего, они находились на другой стороне сосуда, где помещены две группы: сражающихся всадников и пеших воинов.

Роспись килика выполнена уверенной рукой, композиция продумана, лица воинов выразительны, фигуры воинов и лошадей переданы в изящной и, вместе с тем, монументальной манере. Контур фигур обведен рельефной линией, которая изредка выходит за границы предварительного рисунка, исполненного стеклой, следы которого местами можно заметить. Всё выдает руку мастера раннего краснофигурного стиля конца VI в. до н. э. Изображения верхних частей голов воинов выходят за край килика. На одной стороне сохранился след от крупной фракции в тесте глины. Однако эти особенности не сказываются на качестве

вазописи. В росписи присутствуют детали, встречающиеся в росписях Никосфена: шлемы с высоким гребнем, круглые щиты с круглыми накладками по кругу, форма руки, держащей копье, пропорции фигур, форма глаза в фас со зрачком в виде точки в центре (*Передольская*, 1967. Табл. IV; *Beazley*, 1963. P. 124, 7–8; P. 125, 20; *Beazley*, 1971. P. 333, 20; *Boardman*, 1975. P. 77–78, fig. 93–95).

Сходные тяжеловесные черты лица можно отметить в изображении юноши, присевшего на корточки с кратером в руках в центральном медальоне килика, который по аналогии с росписью килика Никосфена из музея Вилла Джулия, теперь относят к его работам (*Schariro*, 2010. P. 293, fig. 3; *CVA*, 2016. Pl. 14–15, 16, 1). На фрагменте дна килика из раскопок в Ольвии можно встретить похожее изображение рук с копьем (*Горбунова*, 1964. С. 185–186, рис. 4, 1; *CVA*, 2016. P. 29, pl. 16, 2–3). Также для росписей этого мастера характерны красивые кони с узкими мордами, коротко подстриженными гривами (*Передольская* 1967. Табл. IV; *Передольская*, 1961. С. 34–35).

Однако следует отметить и отличия. К ним относятся изображения хитонов воинов без складок, с нижним краем в виде округлых фестонов. Именно эта деталь встречается в росписях Берлинского мастера. Например, на гидрии из собрания Эрмитажа с изображением Поликсены и Ахилла (*Передольская*, 1967. С. 42–43, табл. XXVIII, 1; *Beazley*, 1963. P. 210, 174). Этот сосуд относится к раннему периоду его творчества и датируется 500-ми гг. до н. э. На амфоре с изображением Афины и Гермеса, относящейся к раннему периоду 500–490 гг. до н. э., подобным образом трактованы складки по краю хламиды (*Ibid.* P. 197, no. 5 [13]). На фрагменте килика из коллекции Кампана во Флоренции край хитона выделен тремя параллельными линиями (*CVA*, s. a. Taf. 17, 45). Изображение всадника в хитоне и хламиде отличается монументальностью.

Отдельные детали, типичные для росписи березанских фрагментов, можно встретить в росписях мастеров этого периода, объединенных Бизли в одну группу — мастера, расписывавшие килики раннего краснофигурного стиля (*Beazley*, 1963. P. XI–XIV). Очень

близкие по манере исполнения морды коней изображены на нескольких фрагментах киликов из собрания Кампана, которые хранятся во Флоренции (*CVA*, s. a. Taf. 4, 71–72). И на киликах мастеров: *Chelis Painter*, работавшего с гончаром *Kachrylion*, и гончара *Pamphaios*, в мастерской которого работал и Никосфен (*Hoppin*, 1919. P. 156, 157, 190, 191). Также на килике вазописца *Euergides* из Лувра можно встретить очень похожие изображения коней, в частности схожи складки под нижней челюстью на шее (*Beazley*, 1963. P. 91, 51[43]; *Hoppin*, 1919. P. 190–191) и на килике из Ватикана (*Beazley*, 1963. P. 96, 131 (?), инв. № 34951). Фрагменты киликов этого вазописца с изображениями лошадей имеются в коллекции Кампана во Флоренции (*CVA*, s. a. Taf. 4, 39; 5, 23). Сходные изображения шлемов и поножей встречаются на килике из Бостона, приписываемом мастерской *Pamphaios* (*Beazley*, 1963. P. 128, 19; *Hoppin*, 1919. P. 282–283). Узкая ступня ноги всадника типична для росписей мастера *Bowdoin-Eye* 510–500 гг. до н. э. (*Beazley*, 1963. P. 167, 11; *Carpenter*, 1989. P. 183, 49).

В целом стиль росписи явно демонстрирует черты, присущие раннему краснофигурному стилю. Рисунок остается плоскостным, развертывая фигуры в плоскости, вазописец еще не умеет объемно передать человеческое тело. Сохраняются остро выступающие контуры, которые обведены рельефной линией, этой же линией нанесены и основные детали фигур и предметы: глаза, брови, одежда, доспехи. При повороте головы в профиль глаз нарисован в фас. В росписи уже наблюдаются элементы, которые встречаются у одного из лучших мастеров позднего краснофигурного стиля — Берлинского мастера. Никосфен был современником Эпиктета, но не достиг того совершенства росписи, которое позволило Бизли охарактеризовать этого замечательного миниатюриста и превосходного рисовальщика следующими словами: «можно рисовать иначе, но нельзя рисовать лучше». Сам Никосфен был очень плодовит, ему принадлежат около 80 известных нам ваз, большинство из них — килики (*Beazley*, 1963. P. 123–132). Еще 31 килик отнесен к работам, созданных под его влиянием (*Ibid.* P. 132–134; *Beazley*, 1971. P. 333–

334; *Carpenter*, 1989. P. 175–177). Вероятно, и березанский килик относится к позднему периоду его деятельности (510–500 гг. до н. э.), так как в росписи встречаются приемы, характерные для других мастеров, работавших в это время.

Если рассматривать фрагменты стенок как принадлежавшие к одному килику, то отнести ножку к этому же сосуду затруднительно, так как нет точки, где она соединяется с фрагментами чаши. Это ножка типична для киликов типа В, она имеет диаметр 11, 1 см. Большинство киликов имеют ножки, различающиеся по диаметру на несколько миллиметров.

От изображения в медальоне сохранилась только небольшая часть — низ торса, задранированного в хитон, и верхние части ног фигуры юноши. Роспись исполнена уверенной рукой тонкими линиями черным лаком. По положению ног можно предположить несколько вариантов расположения фигуры в круге. Юноша был изображен присевшим, как на килике мастера *Carpenter Painter* из Британского музея (*Beazley*, 1963. P. 179, 1; *Boardman*, 1975. P. 86, fig. 124). Также можно предположить, что здесь был представлен пританцовывавший юноша с посохом в руках (*Cohen*, 2006. P. 60–61, fig. 9.1), участник дружеского пира. Оба мастера работали в 520–500 гг. до н. э. и расписывали преимущественно килики (*Beazley*, 1963. P. 7–180). Однако сохранность лишь небольшой части росписи в медальоне эрмитажного килика позволяет только предположительно отнести его к работам Никосфена.

Килики лучших мастеров раннего архаического периода Эпиктета, Олтоса, Никосфена,

Эпелеса хорошо известны на Березани и в Ольвии, а в Истрии работы этих мастеров не найдены (*Ильина*, 2000. С. 145–150; *Горбунова*, 1964. С. 175–188; *Dimitriu, Alexandrescu*, 1973. P. 29). Однако их количество очень невелико. Килики, расписанные лучшими аттическими мастерами, были дорогими изделиями. Находки в Ольвии, сделанные на территории агоры, позволили считать их специальным приобретением для храмового хозяйства (*Горбунова*, 1970. С. 573). Это подтверждает и посвящение Зевсу и Афине, сделанное прочерчиванием граффито на уже готовом килике Никосфена (*Горбунова*, 1964. С. 175). Килик, найденный на Березани, был приобретен для общественных нужд, так как происходит из заполнения большой полуземлянки, расположенной под алтарем, возведение которого можно датировать концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э. Сам же алтарь находится на территории большого двора, расположенного к югу от комплекса общественных зданий (*Чистов, Ильина*, в печати).

Следует отметить, что на участке были раскрыты два общественных здания — гестатории, которые были вероятно сооружены в конце VI в. до н. э. или на рубеже VI–V вв. до н. э. Особенностью этого участка является значительная концентрация краснофигурной керамики, представленной фрагментами крупных сосудов: гидрии, кратера или стамноса, амфоры (*Чистов, Ильина*, 2012. С. 19, 44–45, рис. II). А участок, где в 2018 г. был найден килик, расположен к югу от этого комплекса общественных зданий.

Горбунова, 1964 — *Горбунова К. С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и Агора* / Ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Наука, 1964. С.175–188.

Горбунова, 1970 — *Горбунова К. С.* Килик Олтоса из раскопок в Ольвии в 1968 году // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitat Rostock*. 1970. Jg. 19. S. 578–574 (*Gesellschafts- und Sprach-wissenschaftliche Reihe*. Нт. 8).

Ильина, 2000 — *Ильина Ю. И.* Ранняя краснофигурная керамика Березани // *Античное*

Причерноморье / Ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 145–155.

Передольская, 1961 — *Передольская А. А.* Новый килик мастера Никосфена // *СГЭ*. Вып. XXI. Л.: Искусство, 1961. С. 32–35.

Передольская, 1967 — *Передольская А. А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.: Советский художник, 1967. 403 с.

Крутилов, Чистов, 2019 — *Крутилов В. В., Чистов Д. Е.* Отчет о работах ольвийской комплексной международной экспедиции

- на острове Березань в 2018 году. Участок «О-Западный». СПб., 2019 г. (хранится в Научном архиве ИА НАН Украины, Киев).
- Чистов, Ильина, 2012 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // *Scripta Antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры / Гл. ред. М. Д. Бухарин. Т. II. М.: Собрание, 2012. С. 19–48.
- Чистов, Ильина, в печати — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2018 году: новый теменос Борисфена // АСГЭ. 2020 (в печати).
- Beazley, 1963 — Beazley J. D. Attic red-figure Vase-painters. 2nd ed. Vol. I–III. Oxford, 1963. P. 2036.
- Beazley, 1971 — Beazley J. D. Paralipomena. Additions to Attic Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1971. P. 679.
- Blöesch, 1940 — Blöesch H. Formen attischer Schalen. Bern, 1940. S. 147.
- Boardman, 1975 — Boardman J. Athenian Red Figure Vases. The Archaic period. London, 1975. P. 252.
- Carpenter, 1989 — Carpenter T. H. Beazly Addenda. Oxford, 1989. P. 481.
- Cohen, 2006 — Cohen B. The Collors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles: Getty Publications, 2006. 371 p.
- Cook, 1992 — Cook R. M. Greek Painted Pottery. London: Routledge, 1992. 408 p.
- CVA, s. a. — CVA Italia, Regio Museo Archeologico di Firenze, fasc. I. Vasi Attici a figure rosse. Frammenti della collezione Campana. Casa editrice d'Arte bestetti e tumminelli, Milano, Roma: Bestetti et Tumminelli, [1931]. 93 p. + 56 pl.
- CVA, 2016 — CVA Russia, The State Hermitage Museum, fasc. XI. Attic red-figure and bilingual drinking-cups, part II. Roma: L'ERMA di Bretschneider. 2016. 126 p. + 220 pl.
- Dimitriu, Alexandresku, 1973 — Dimitriu S., Alexandresku P. L'importation de la céramique Attique dans les colonies du Pont-Euxin avant les guerres médiques // RA. 1973. 1. P. 23–30.
- Hoppin, 1919 — Hoppin J. C. A Handbook of Attic Red-figure Vases signed by or attributed to the various Masters of the 6th and 5th centuries B. C. Cambridge, Massachusetts, 1919. Vol. 1. P. 471. Vol. II. P. 600.
- Ilyina, 2001 — Ilyina Yu. Early red-figure pottery from Berezan // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum / Eds. J. Boardman, S. L. Solovyov, G. R. Tsetschladze. Leiden; New York; Köln: Brill, 2001. P. 159–169 (Colloquia Pontica. Vol. 1).
- Shapiro, 2010 — Shapiro H. A. Notes on attic red-figure pottery from Berezan // ТГЭ. Т. 54 / Ред. С. Л. Соловьёв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 291–302.
- Sparkes et al., 1970 — Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1: Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472. (The Athenian Agora, Vol. 12).

Red-figure kylix from the excavations at Berezan

Yu. I. Ilyina

In 2018, the Berezan archeological expedition of the State Hermitage Museum found fragments of a red-figure kylix of the Archaic period (Fig. 1). During restoration they were glued together into four fragments of different sizes, which gave the opportunity to reconstruct the shape of the cup. This find is quite rare one for Berezan settlement. The vessel was decorated with scenes of a battle between horsemen and hoplites. Probably there was a composition of five or six figures on each side of the cup. The scenes are very dynamic and seem to convey an intense moment of the battle. The style of the painting allows us to attribute the vessel to the works of master Nicosthenes who worked during the last decades of the 6th century BC. Kylikes took a significant place among vessels of different shapes that were made in his workshop.

Керамика с росписью в стиле *West Slope* из Танаиса

Т. В. Егорова¹

Аннотация. Комплекс чернолаковой керамики с росписью в стиле *West Slope* из Танаиса датируется III и II вв. до н. э. Представлена продукция аттических и малоазийских, преимущественно пергамских, мастерских, причем последние преобладают. Можно говорить о сравнительном разнообразии мотивов, учитывая незначительное общее число фрагментов. Однако в сравнении с другими полисами количество форм и изображений на них существенно меньше. Это своеобразие можно объяснить хронологией и географическим расположением Танаиса, а также небольшим объемом исследования ранних слоев города.

Annotation. A complex of black-glazed pottery of *West Slope* style from Tanais is dated to the 3rd and the 2nd centuries BC. The production of Attic and Asia Minor workshops, predominantly of Pergamon, is represented. The latter workshops prevail. The motives are relatively diverse given the small overall number of fragments. However, in comparison with other poleis the number of shapes and ornaments on the fragments is significantly smaller. This singularity can be explained by the chronology and the geographical position of Tanais, as well as by a relatively modest volume of research of early city layers.

Ключевые слова: Танаис, эллинизм, чернолаковая керамика, накладной орнамент.

Keywords: Tanais, Hellenistic period, black-glazed pottery, appliqué decoration.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-298-307

В материальной культуре Танаиса, основанного в начале III в. до н. э. на северо-восточных рубежах Боспорского царства, выделяется ряд особенностей, обусловленных как географическим расположением, так и «специфическими условиями его возникновения и существования» (Шелов, 1970. С. 5; 1975. С. 9). Некоторое своеобразие характерно и для комплекса столовой, в первую очередь чернолаковой керамики, датирующейся в целом от начала III до середины I в. до н. э. Именно в это время в античном мире широкое распространение получает посуда, украшенная накладным орнаментом, наносившимся

разбавленной глиной и белой краской, с дополнением прочерченных элементов, за которым в литературе закрепилось название стиля *West Slope* (подробнее: Егорова, 2016. С. 260). Ее принято рассматривать в совокупности с чернолаковой керамикой, поскольку подобная роспись является одним из вариантов декора последней (например: *Tompson*, 1934. P. 311–480; *Schäfer*, 1968; *Drougou*, 1991; *Rotroff*, 1997; *Егорова*, 2009; *Журавлёв*, 2015. С. 190–215, и др.). Кроме того, ей посвящено и большое количество отдельных исследований (например: *Rotroff*, 1991. P. 59–102; *Забелина*, 1992. С. 284–298; *Behr*, 1988. P. 97–178; *Alexandropoulou*, 2002; *Божкова*, 2012. С. 27–41; *Lungu*, 2013; *Егорова*, 2016. С. 259–276, и др.).

Стоило ожидать, что в Танаисе, учитывая общую хронологию памятника, эта группа

¹ Кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, к. 4, г. Москва, 119192, Россия; e-mail: tvegorova@yandex.ru.

изделий будет представлена максимально широко. Однако фактически она составляет не более 8 % (26 экземпляров) от всего комплекса чернолаковой керамики из раскопок городища и некрополя, хранящегося в фондах Музея-заповедника «Танаис»². Даже если при подсчетах принимать во внимание небольшие фрагменты, роспись на которых не сохранилась, но тип сосуда предполагает ее наличие (например, пергамские эллинистические кратеры), картина кардинально не изменится.

Керамику *West Slope* выпускали как в Аттике, так и в многочисленных мастерских далеко за ее пределами (*Behr*, 1988. Р. 97–178; *Rotroff*, 2002. Р. 97–116; *Bulut*, 2013. Р. 75–127; *Kallini*, 2013. Р. 59–66; *Lungu*, 2013; *Bozkova*, 2014. Р. 199–214, и др.). Подавляющее большинство сосудов из Танаиса (более 2/3) малоазиатского производства, в отличие от опубликованных материалов из таких крупных причерноморских полисов, как Пантикапей и Ольвия, где на первом месте стоит аттический импорт (*Забелина*, 1992. С. 284–298; *Буравчук*, 2014. С. 357–379; *Егорова*, 2016. С. 261; *Егорова*, 2019. Р. 432, и др.). Главным образом это связано с тем, что в этих центрах среди эллинистической керамики с накладным орнаментом преобладают изделия конца IV — первой половины III в. до н. э., то есть периода, когда аттическая чернолаковая продукция регулярно встречается за пределами Афин и доминирует в причерноморском регионе. Однако во второй половине III — II в. до н. э. экспорт керамики из Афин резко сократился (*Rotroff*, 2005. Р. 27; *Егорова*, 2019. С. 442). Между тем именно этим временем датируется основная масса чернолаковых сосудов из Танаиса, в том числе с накладным орнаментом, что и объясняет небольшое число найденных здесь аттических изделий.

Продукция аттических мастерских

Аттические сосуды (шесть фрагментов и один целый экземпляр) датируются, в основном,

² Выражаю признательность заместителю директора Музея-заповедника С. М. Ильяшенко за предоставленную возможность работы с материалами.

первой половиной III в. до н. э. и только один — концом этого столетия. Для всех характерна глина бежево-оранжевых тонов (*Munsell*:³ 7.5 YR 6/6, 7/4, 8/6; 10YR 7/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Преимущественно это сосуды для питья. Самые ранние из них — чашевидные канфары (*Bowl-kantharoi*), для которых характерно полусферическое тулово и профилированная ножка на высоком стволе. Выделяются варианты с прямым или отогнутым наружу венчиком и с горизонтальными петлевидными или вертикальными ручками, дополненными налестками. Три фрагмента украшены накладным орнаментом, который позволил датировать их 80–70-ми гг. III в. до н. э. На одном (рис. 1, 1) сохранилась часть виноградной лозы, выполненной в одном из стилей, выделенных С. Ротрофф для аттической керамики *West Slope: Bracket Leaf Group* (*Rotroff*, 1991. Р. 65–67). Аналогичные гирлянды представлены на чашевидных канфарах и скифосах коринфского типа из Афин (*Rotroff*, 1991. Р. 69, pl. 15, 5; 16, 11; 17, 12). Орнамент на другом фрагменте относится к *Edwards Group* по С. Ротрофф: это плющевая гирлянда на широкой ленте (рис. 1, 2) (ср.: *Rotroff*, 1991. Р. 71, pl. 18, 18, 21). Имитация волны со вписанными в нее белыми точками и дельфинами над ней, ограниченная снизу двойной линией с точками внутри на третьем фрагменте, характерна для *Dikeras Group* по С. Ротрофф (рис. 1, 3). Основные элементы при этом выполнены разбавленной глиной (ср.: *Rotroff*, 1991. Р. 76, pl. 23, 37, 38).

Только на двух фрагментах канфаров классических форм с прямым венчиком (*Classical kantharoi: plain rim*) зафиксирован накладной орнамент. Это два самых распространенных мотива: во-первых, плющевая гирлянда, нанесенная разбавленной глиной с процарапанными элементами (рис. 1, 4); во-вторых, выполненные разбавленной глиной копьевидные подвески, которые «крепятся» к широкой ленте белой краски при помощи

³ *Munsell* — цветовая система, предложенная в 1905 г. американским ученым и художником Манселлом.

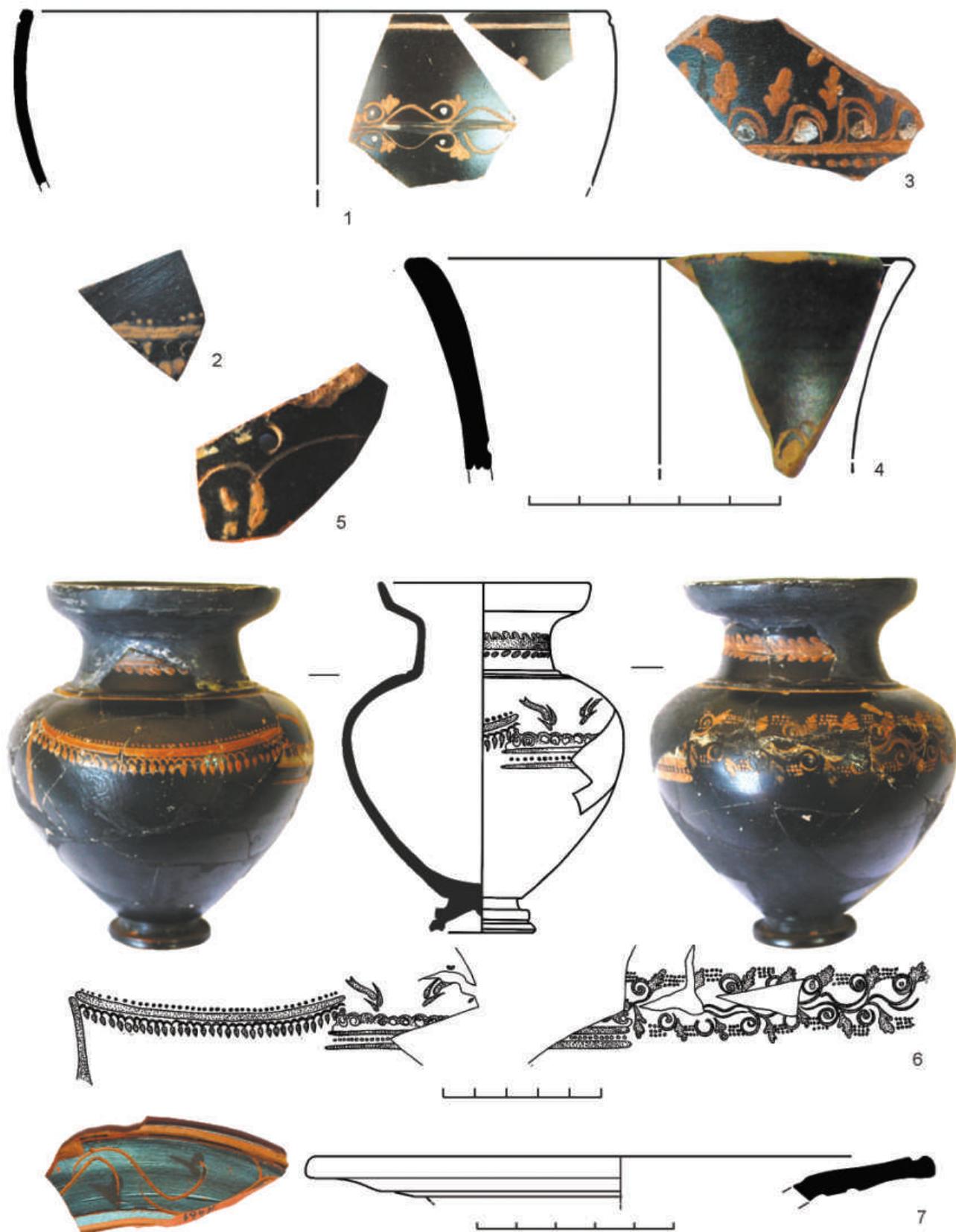

Рис. 1. Атика: 1-3 — кубковидные канфары; 4, 5 — классические канфары; 6 — ойнохоя; 7 — блюдо
 Fig. 1. Attic: 1-3 — bowl-cantharoi; 4, 5 — classical cantharoi; 6 — oinochoe; 7 — dish

процарапанных дуг (рис. 1, 5). Длительность использования такого рода орнаментов, а также общая хронология формы позволяют датировать эти небольшие фрагменты в широких пределах — первой половиной III в. до н. э. (Rotroff, 1997. P. 48, 83–84).

Помимо сосудов для питья стоит отметить находки двух интересных и довольно редких форм. Одна из них (рис. 1, 6) — уже неоднократно опубликованный миниатюрный кувшин, или ойнохоя (подробнее: Егорова, Ильяшенко, 2017. С. 109–116). Он был найден в одном из ранних подвалов Танаиса с монетами Пантикапея и амфорными клеймами первой половины III в. до н. э. (Арсениева и др., 2001. С. 92). Поскольку мы уже давали подробный анализ как самой формы, так и орнамента, здесь кратко остановимся лишь на орнаментальных мотивах. На горло сосуда нанесено изображение оливковой гирлянды. Верхнюю часть тулова украшает трехчастный рисунок: 1) копьевидные подвески на широкой ленте с плотным рядом точек над ней; 2) виноградная лоза в стиле *Edwards Group*; 3) спиралевидная волна вправо, заполненная белой краской, под которой размещались две линии с рядом плотных точек между ними, а над ней — дельфины. Этот мотив можно отнести к уже упоминавшейся *Dikeras Group*. Интересно отметить, что очень близкое сочетание орнаментальных мотивов зафиксировано на аттической чернолаковой ойнохое (но другого типа — с прямым краем) из Истрии: виноградная лоза *Edwards Group*; спиралевидная волна с дельфинами *Dikeras Group*, аналогичная той, что украшала чашевидный канфар, упомянутый выше, и очень близкие по стилю копьевидные подвески на широкой ленте (Lungu, 2013. P. 130, 131, pl. 13). В. Лунгу датирует ее 270–260-ми гг. до н. э. Обе орнаментальные группы связаны с одной из аттических мастерских, продукция которой была, очевидно, ориентирована на причерноморский регион (Rotroff, 1997. P. 74–77; Rotroff, 2005. P. 27; Егорова, 2016. С. 274; Егорова, Ильяшенко, 2017. С. 113). Что касается формы, то наиболее близкие сосуды происходят из эллинистического некрополя

Фессалоник и кочевнического погребения 14 Большого Ипатовского кургана (Δαφφα-Νικουανου, 1986. P. 191–192, πιν. 7; Дедюлькин и др., 2019. С. 74–76, рис. 17). Причем первый имеет существенные отличия в форме ножки, более узкое горло и датируется временем около середины — третьей четверти III в. до н. э.

Еще один редкий тип сосудов — блюдо с накладным орнаментом (*Large West Slope Plate*) (рис. 1, 7). Обычно такие блюда были неглубокими, диаметром от 20 до 33 см, на низком прямом кольцевом поддоне, с уплощенным венчиком и несколькими глубокими кольцевыми желобками на внутренней поверхности. Так же как эллинистические столовые амфоры и кратеры, подобные сосуды изготавливались только с накладным орнаментом, различные элементы которого заполняли пространства между желобками. Они встречаются в слоях, датирующихся III — первой четвертью II в. до н. э., но наш экземпляр близок аттическим образцам конца III в. до н. э. (Rotroff, 1997. P. 326, no. 832, fig. 56). В нашем случае сохранился лишь небольшой фрагмент гирлянды плюща, листья которого нанесены белой краской, а ветви прочерчены уже после обжига сосуда.

Таким образом, можно отметить, что для аттической керамики *West Slope*, учитывая большое число фрагментов, характерно разнообразие мотивов. Здесь представлены три группы изображений — *Bracket Leaf*, *Dikeras* и *Edwards* — и несколько объектов: виноградная лоза, плющевая и оливковая гирлянды, копьевидные подвески, спиралевидная волна, дельфины (рис. 4, 1–9).

Продукция малоазийских мастерских

Гораздо многочисленнее (19 экз.), но менее разнообразна малоазийская керамика *West Slope*. За одним исключением, это продукция пергамских мастерских (рис. 2, 3). Среди них в первую очередь стоит назвать канфары с S-видным профилем (рис. 2, 1–8) (один целый и девять фрагментов). Они представляют собой глубокие сосуды для питья с прямым, в большей или меньшей степени

Рис. 2. Пергам: 1–8 — эллинистические канфары с S-видным профилем; 10–13 — столовые амфоры. Эфес: 9 — эллинистический скифос

Fig. 2. Pergamon: 1–8 — Hellenistic S-shaped cantharoi; 10–13 — table amphorae. Ephesus: 9 — hellenistic skyphos

отогнутым наружу венчиком, S-видной формой тулова с небольшим ребром в раннем варианте и невысоким профилированным кольцевым поддоном или ножкой. Вертикальные ручки чаще всего дополнены роутелями, реже имеют налепы в виде листьев плюща или масок актеров. Для них характерна бежево-серая (Munsell: 10YR 5/2-6/8) или красноватая (Munsell: 7,5YR 4/6-6/8) глина, плотная или с мельчайшими порами и включениями кальцита. Черный лак иногда с бурым или оливковым оттенком, матовый, часто с металлическим блеском. Датировки сосудов этой формы до сих пор остаются дискуссионными (подробнее: *Егорова*, 2018. С. 510–519). Тем не менее, учитывая прямые аналогии с опубликованными пергамскими материалами, можно относительно уверенно говорить о том, что один фрагмент (рис. 2, 2), относящийся к первой фазе по Д. Бер, датируется первой половиной III в. до н. э. (*Behr*, 1988. P. 117, abb. 1, 1). Остальные фрагменты (рис. 2, 1, 3–8) имеют форму, характерную для второй фазы, датирующейся в целом концом III — третьей четвертью II в. до н. э., а возможно, и позже (*Behr*, 1988. P. 113–114). Однако стоит отметить, что обстоятельства находки целого сосуда (рис. 2, 1) в основании северной оборонительной стены западного пригорода, сооруженной на рубеже III–II вв. до н. э., не позволяют датировать его более поздним временем (*Циркунова*, 2008. С. 384). Канфары с S-видным профилем, как правило, украшались накладным орнаментом, который располагался в верхней трети сосуда. На экземплярах из Танаиса зафиксированы два мотива, бывшие особенно популярными в пергамском варианте керамики *West Slope* (*Schäfer*, 1968. P. 45–63; *Behr*, 1988. Taf. 14, 2; *Lungu*, 2013. Pl. 24, 25). Во-первых, гирлянда плюща, нанесенная белой краской и только в двух случаях разбавленной глиной, иногда с процарапанными элементами-ветвями (рис. 2, 1, 2, 5, 7, 8). Во-вторых, лента с копьевидными подвесками, выполненными аналогичным образом (рис. 2, 3, 4, 6).

Один фрагмент принадлежит верхней части эллинистического скифоса, предположи-

тельно эфесского производства начала II в. до н. э. (рис. 2, 9). Орнамент совпадает по стилю с эфесскими образцами (*Gassner*, 1997. P. 62–63, taf. 10, 169). Это упрощенно-схематичное изображение ветви лавра, выполненное белой краской, нанесенное в верхней трети сосуда. Глина бежевая (Munsell: 10YR 6/8), мелкозернистая, с мельчайшими порами и включениями кальцита. Лак черный с бурым оттенком, нанесен тонким неровным слоем.

Столовые амфоры *West Slope* представлены только пергамскими образцами. Обычно это довольно крупные двуручные сосуды с высоким горлом, вместительным, сужающимся книзу туловом и широкой устойчивой ножкой или поддоном. Единственный целый сосуд (рис. 2, 10), опубликованный еще Д. Б. Шеловым, декорирован по плечикам прочерченной волной вправо, заполненной в основании белой краской, на горле — копьевидными подвесками с лентой. Абсолютно аналогичный орнамент украшает края некоторых пергамских кратеров (*Рыжова*, 2015. С. 99, 101, рис. 6, № 5). Форма амфоры до деталей повторяет сосуд из Коринфа, датированный Й. Шефером второй половиной II в. до н. э. (*Shäfer*, 1968. P. 165, abb. 3, 4.). Кроме того, найдены три фрагмента с остатками накладного орнамента. Два из них — с лентой и копьевидными подвесками на горле сосуда и пальметтой на плечиках (рис. 2, 11, 12) — типологически близки пергамским образцам II в. до н. э. (*Shäfer*, 1968. P. 50, taf. 17, 18; *Lungu*, 2013. P. 75–97, pl. 1–3, 6). Третий — фрагмент плечика сосуда с каннелированным туловом, на котором частично (задние ноги и хвост) сохранилось изображение, скорее всего, кошачьего хищника (рис. 2, 13). Если это предположение верно, то ближайшими аналогиями могут служить изображения пантер на внутренней поверхности блюд пелопоннесского производства из Истмии и Пилоса (*Alexandropoulou*, 2002. P. 182–186, 211, 212, abb. 47, 48, P3, P5). Впрочем, форма сосуда, а также цвет и структура глиняного теста позволяют однозначно говорить о пергамском производстве.

Из семи фрагментов пергамских эллинистических кратеров — крупных сосудов

Рис. 3. Пергам: 1-3 — кратеры

Fig. 3. Pergamon: 1-3 — kraters

с массивным широким отогнутым наружу венчиком, большим вместительным туловом, двумя ручками-упорами и профилированной ножкой или поддоном — на трех сохранился накладной орнамент: во-первых, пальметты,

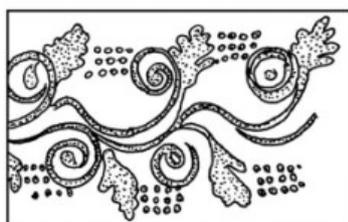
выполненные сильно разбавленной глиной и белой краской (рис. 3, 1, 3), часто в противопоставлении друг другу или в сочетании с дельфинами (например: Рыжова, 2015. С. 99, рис. 4); во-вторых, удлиненные лепестки с чередова-

Рис. 4. Мотивы West Slope. Атика: 1 — виноградная лоза (*Bracket Leaf Group*); 2 — виноградная лоза (*Edwards Group*); 3 — листья плюща с широкой лентой (*Edwards Group*); 4 — спиралевидная волна, дельфины (*Dikeras Group*); 5 — спиралевидная волна, дельфины (*Dikeras Group*); 6, 7 — копьевидные подвески на широкой ленте; 8 — оливковая гирлянда; 9 — гирлянда плюща. Пергам: 10-12 — гирлянды и листья плюща; 13-14 — копьевидные подвески; 15 — пальметта; 16 — спиралевидная волна; 17 — кошачий хищник (?). Эфес: 18 — ветвь лавра

Fig. 4. *West Slope* motives. Attic: 1 — grape-vine (*Bracket Leaf Group*); 2 — grape-vine (*Edwards Group*); 3 — ivy leaves with a wide ribbon (*Edwards Group*); 4 — heliciform wave, dolphins (*Dikeras Group*); 5 — heliciform wave, dolphins (*Dikeras Group*); 6, 7 — lanciform pendants on a wide ribbon; 8 — olive garland; 9 — ivy garland. Pergamon: 10-12 — garlands and ivy leaves; 13-14 — lanciform pendants; 15 — palmette; 16 — heliciform wave; 17 — feline predator (?). Ephesus: 18 — branch of the laurel

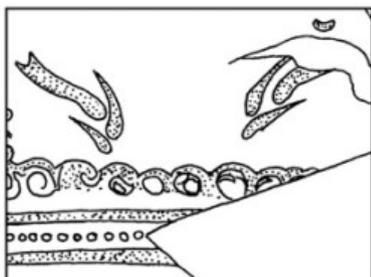
1

2

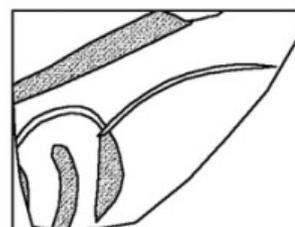
3

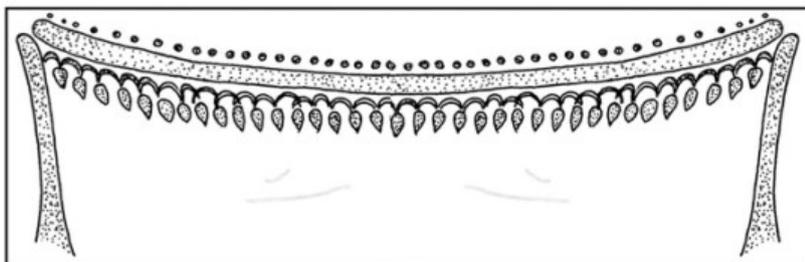
4

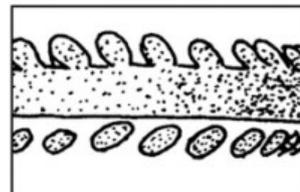
5

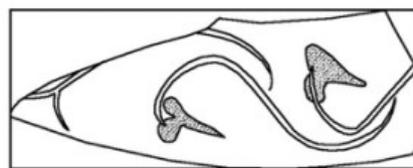
6

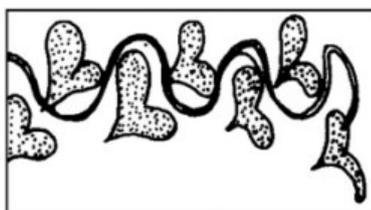
7

8

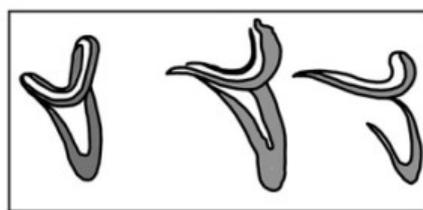
9

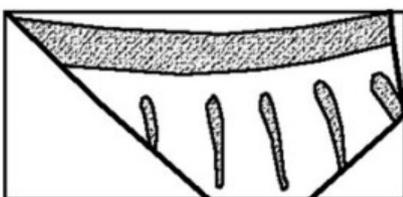
10

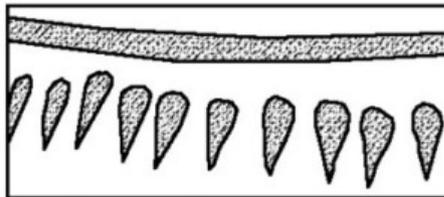
11

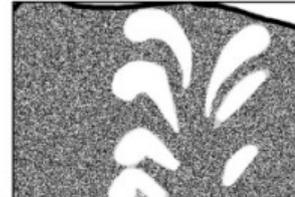
12

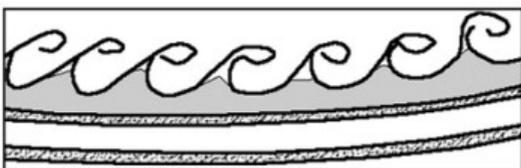
13

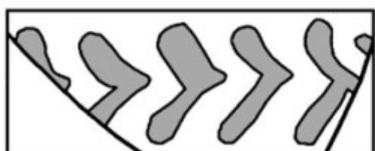
14

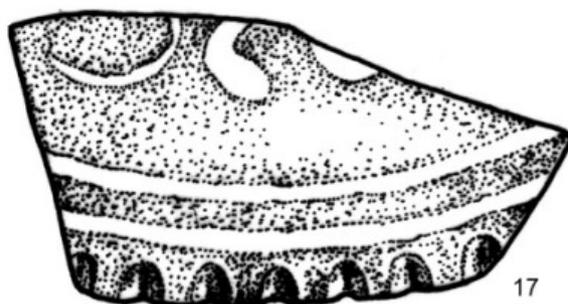
15

16

18

17

нием глины и белой краски (рис. 3, 2). Подобные сосуды встречаются в слоях конца III–II вв. до н. э. (например: *Shäfer*, 1968. P. 48–49, 58; *Behr*, 1988. P. 157–158; *Рыжова*, 2015. С. 90).

Таким образом, относительно малоазийской керамики *West Slope* можно говорить о пяти вариантах изображений, наиболее популярных в конце III–II в. до н. э.: гирлянды плюща и лавра, копьевидные подвески, волна, пальметты, лепестки (рис. 4, 10–18).

В целом при сравнении группы керамики с росписью в стиле *West Slope* из Танаиса

с материалами из Пантикапея, Ольвии и Херсонеса необходимо отметить существенно меньшее количество находок. То же самое можно сказать о разнообразии форм сосудов и орнаментальных мотивов. С одной стороны, это связано с недостаточной изученностью эллинистических культурных напластований, с другой — обусловлено хронологией памятника, о чем уже было сказано. Кроме того, следует также учитывать удаленность и относительную труднодоступность региона, по крайней мере, в отдельные периоды.

Арсеньева и др., 2001 — *Арсеньева Т. М., Бертгер Б., Науменко С. А.* К истории эллинистического Танаиса // ПИФК. 2001. Вып. XI. С. 84–120.

Божкова, 2012 — *Божкова А.* West Slope керамика от България // Археология. Вып. 2. София: Национальный археологический институт с музеем при Българска академия на науките, 2012. С. 27–41.

Буравчук, 2014 — *Буравчук О. Е.* Эллинистическая расписная керамика // МАИЭТ. Suppl. 13 / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 357–379.

Дедюлькин и др., 2019 — *Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещерякова Д. В.* Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 51–88.

Егорова, 2009 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 253 с.

Егорова, 2016 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика с росписью в стиле «West Slope» из раскопок Пантикапея // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 259–276.

Егорова, 2018 — *Егорова Т. В.* Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в Античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посв. 70-летию профессора В. П. Копылова. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д; ИП Истратов С. В., 2018. С. 510–520.

Егорова, Ильяшенко, 2017 — *Егорова Т. В., Ильяшенко С. М.* Чернолаковая ойнохоя из Танаиса //

XVIII БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 109–116.

Журавлёв, 2015 — *Журавлёв Д. В.* Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2015. Вып. 47 (1). С. 190–215.

Забелина, 1992 — *Забелина В. С.* Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг. // СГМИИ. 1992. Вып. 10. Археология и искусство Боспора. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, С. 133–152.

Рыжова, 2015 — *Рыжова Л. А.* Пергамские эллинистические кратеры (по материалам раскопок Херсонеса) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. Античность и средневековье / Отв. ред. В. В. Хапаев, С. В. Ушаков. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2015. С. 89–104.

Циркунова, 2008 — *Циркунова И. В.* Чернолаковый канфар из западного пригорода Танаиса // *Novensia*. 2008. Т. 18–19. С. 381–385.

Шелов, 1970 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 251 с.

Шелов, 1975 — *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1975. 166 с.

Alexandropoulou, 2002 — *Alexandropoulou A.* Gnathia- und Westabhangkeramik: eine vergleichende Betrachtung. Münster: Scriptorium, 2002. 225 S.

- Behr*, 1988 — *Behr D.* Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 1988. Band. 38. S. 97–178.
- Bozkova*, 2014 — *Bozkova A.* West Slope Pottery from Mesambria Pontike // *BSS*. 2014. Vol. 16. P. 199–214.
- Bulut*, 2013 — *Bulut H.* West Slope Ware from Daskyleion // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 2013. Band. 63. P. 75–127.
- Δαφφα-Νικονανου*, 1986 — *Δαφφα-Νικονανου Α.* Κτερίσματα ελληνιστικού τάφου στη Νεάπολη της Θεσσαλονίκης // *Μακεδονικά. Θεσσαλονίκη*, 1986. № 25. P. 180–202.
- Drougou*, 1991 — *Drougou S.* Hellenistic pottery from Macedonia. Thessaloniki: Aristotelian University, 1991. 171 p.
- Egorova*, 2019 — *Egorova T.* Hellenistic West Slope pottery from Panticapaeum // *IARPotHP*. Wien: Phoibos, 2019. Vol. 2. P. 429–444.
- Gassner*, 1997 — *Gassner V.* Das Südtor der Tetragnos-Agora. Keramik und Kleinfunde // *Forschungen in Ephesos*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 1997. Bd. XII/I/I. 309 S.
- Kallini*, 2013 — *Kallini Ch.* Hellenistic Kantharoi. Their production centers and their distribution in the Eastern Mediterranean // *BAR*. 2013. Int. Ser. 2593. P. 59–66.
- Lungu*, 2013 — *Lungu V.* La céramique de style west slope // *Histria*. 2013. T. XIV. 340 p.
- Rotroff*, 1991 — *Rotroff S. I.* Attic West Slope Vase Painting // *Hesperia*. 1991. Vol. 60, no. 1. P. 59–102.
- Rotroff*, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. 1997. 612 p. (The Athenian Agora. Vol. XXIX.)
- Rotroff*, 2002 — *Rotroff S. I.* West Slope in the East // *Céramiques hellénistiques et romaines, productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne)*. Lyon: Maison de l’Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2002. P. 97–116.
- Rotroff*, 2005 — *Rotroff S. I.* Four Centuries of Athenian Pottery // *BSS*. 2005. Vol. 3. P. 11–30.
- Schäfer*, 1968 — *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon // *Pergamenische Forschungen*. 1968. Bd. 2. 261 S.
- Thompson*, 1934 — *Thompson H. A.* Two Centuries of Hellenistic Pottery // *Hesperia*. 1934. Vol. 3, 4. P. 311–480.

Painted pottery of *West Slope* style from Tanais

T. V. Egorova

The pottery of “west slope” style is common among finds in the Hellenistic layers of ancient sites.

The vast majority of vessels with similar painting from Tanais (more than two third) was made in Asia Minor. This fact lets us distinguish Tanais from other large poleis of the Northern Black Sea Region where Attic import prevails. Above all this is caused by the general chronology of the complex — the 3rd century (predominantly the end of the century) — the 2nd century BC, i. e. the time when the export of black-glazed pottery from Athens has decreased radically but hasn’t stopped completely.

Production of the Attic workshops mainly date to the first half of the 3rd century BC. Only one item dates to the end of the 3rd century BC. These are different shapes of cantharos-like vessels, a dish and an oinochoe. There are three groups of images (according to S. Rotroff): Bracket Leaf, Dikeras and Edwards and a few motives: grape-vine, ivy and olive garlands, lanciform pendants, heliciform wave, dolphins (Fig. 1; 4, 1–9).

The goods of the Asia Minor workshops are much more numerous (Fig. 2, 3). With one exception they are from Pergamon: Hellenistic cantharoi with S-shaped profile, table amphorae and Hellenic kraters. One fragment of a skyphos rim is presumably from Ephesus (Fig. 2, 9). There are five versions of images: ivy and laurel garlands, lanciform pendants, wave, palmettes, petals (Fig. 4, 10–18).

Рельефная «мегарская» чаша с Елизаветинского городища

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко¹

Аннотация. В статье рассматривается рельефная «мегарская» чаша, случайно найденная на территории меотского городища в станице Елизаветинской (Прикубанский округ г. Краснодара). Сосуд принадлежит к классу рельефных чаш с растительным и цветочным орнаментом. Распределение орнамента по горизонтальным зонам характерно для чаш «эфесско-ионийской» группы, а форма и пропорции сосуда более соответствуют аттическим образцам. Хронология чаши по морфологическим и орнаментальным признакам определяется в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н. э.

Annotation. The article is devoted to a moldmade “megaron” bowl accidentally found at the territory of Maeotian fortified settlement at Elizavetinskaya Cossack village (Prikubansky District of Krasnodar city). The vessel is attributed to the class of relief bowls with vegetal and floral ornament. The allocation of the ornament in horizontal zones is peculiar to bowls of “Ephesian-Ionian” group. Its shape and proportions are more compliant to Attic examples. By morphological and ornamental attributes the bowl is dated to the last quarter of the 3rd century BC — the first quarter of the 2nd century BC.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, рельефная «мегарская» чаша, атрибуция, хронология.

Keywords: Kuban region, Maeotian culture, moldmade relief “megaron” bowl, attribution, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-308-313

Станица Елизаветинская, расположенная на западной окраине г. Краснодара, известна в археологической науке по комплексу памятников меотской культуры, связанной с древним местным населением Прикубанья. Здесь, на правой высокой террасе р. Кубань, находится одно из крупнейших меотских городищ, обозначенное на карте М. В. Покровского и Н. В. Анфимова под № 4 как открытое ими в 1928 г. (Покровский, Анфимов, 1937. С. 266). В его юго-восточной части, под защитой рва и вала, стоят знаменитые курганы, принадлежащие

верхушке меотской знати, которые в 1912–1915 и 1917 гг. раскапывал Н. И. Веселовский. С северо-западной стороны к городищу примыкают грунтовые могильники. В советское время на памятнике вели работы Ю. С. Крушкол, В. А. Городцов, М. В. Покровский, В. И. Шилов, Н. В. Анфимов и И. Н. Анфимов. Материалы из этих раскопок хранятся в разных музеях (Гос. Эрмитаж, МАЭ, КГИАМЗ). Обширная коллекция древних предметов, собранных на этом памятнике за многие годы местными жителями, находится в музее станичной школы. Основную ее часть составляет керамика (как целые формы, так и фрагменты): сероглиняные и лепные сосуды меотского производства, амфоры, чернолаковая посуда.

Среди этого разнообразия находок специального внимания заслуживает рельефная

¹ Н. Ю. Лимберис — ст. науч. сотрудник; И. И. Марченко — канд. ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, НИИ археологии Кубанского ГУ; Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, 350040, Россия; e-mail: meot@mail.ru.

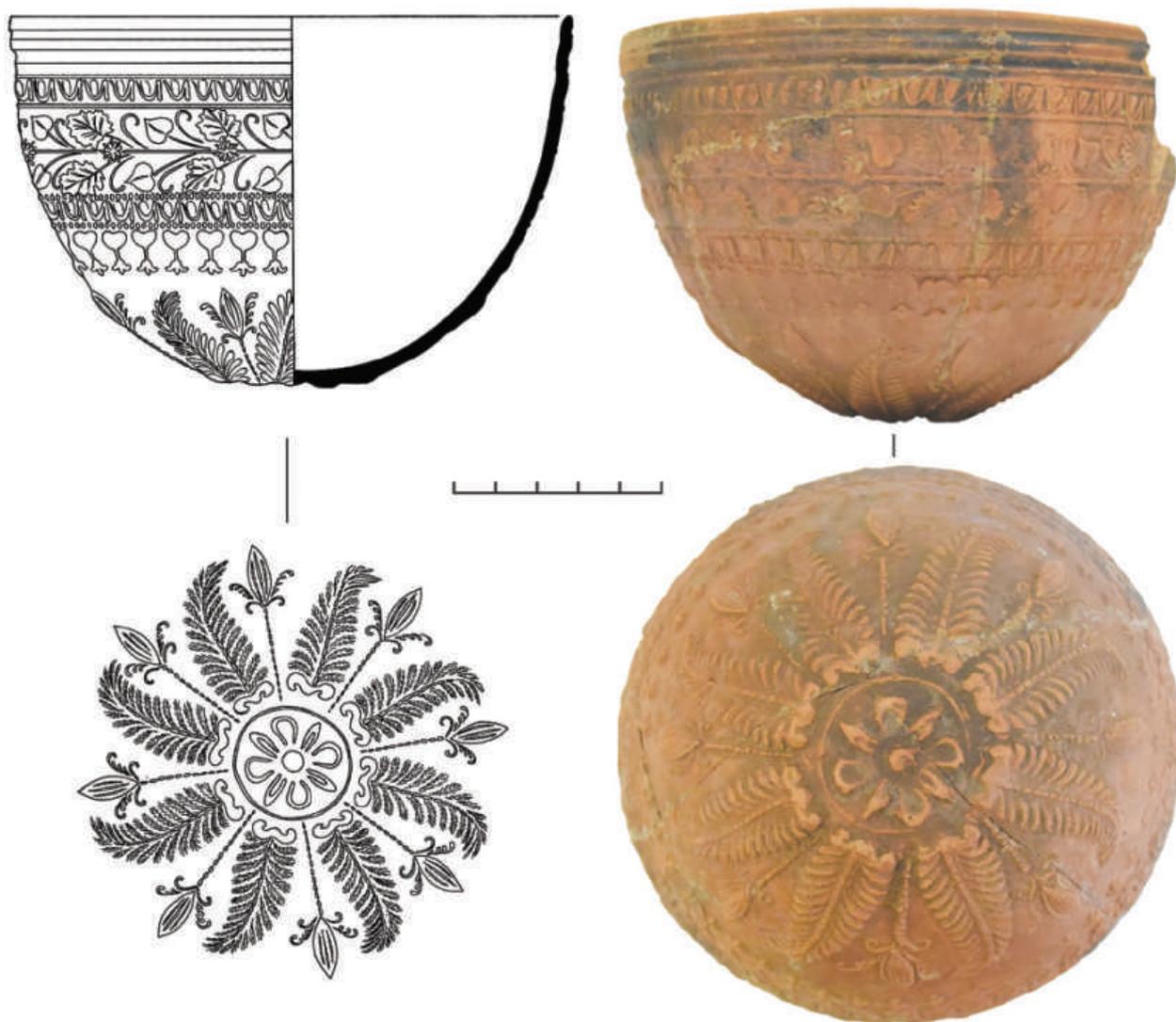

Рис. 1. Рельефная чаша с Елизаветинского городища
 Fig. 1. Relief bowl from Elizavetinskaya fortified settlement

«мегарская» чаша, которая сохранилась практически полностью, так как, вероятно, происходит из разрушенного при земляных работах погребения (рис. 1). Сосуд был найден в раздавленном виде и склеен, утрачен только небольшой фрагмент края.

Чаша полуяйцевидной формы, тонкостенная, имеет вертикальный край, профилированный плоским валиком между двумя желобками, и рельефное дно. Медальон, окруженный проточенной бороздкой, представляет собой розетку из четырех овальных и четырех заостренных лепестков, расположенных крестообразно вокруг центральной

выпуклой окружности. От него отходит «корона» из восьми листьев аканфа с закрученными вправо верхушками, которые чередуются с заостренными бутонами (или листочками нимфеи) на стебельках из точек, у основания бутонов — парные «усики» и тонкие перистые листочки (прилистники), закрученные в разные стороны. Выше расположен пояс из соединенных попарно по вертикали маленьких трилистников и сердцевидных листочков плюща, над которыми проходит пояс из «ов», отделенных сверху и снизу точечными линиями. Над «овами» — широкая, направленная влево, гирлянда из

чередующихся попарно листьев плюща, винограда и тонких «усиков», концы которых закручены вправо. По горизонтали гирлянда разделена тонкой линией, с маленькими многолепестковыми розетками между виноградными листьями. Выше гирлянды проходит поясok «ов», ограниченный снизу и сверху узкими желобками. Изнутри и снаружи сосуд имеет бурое матовое покрытие, по краю снаружи — тусклое черное, с подтеками. Глина светло-коричневая, с мельчайшими примесями белого цвета и блестками золотистой слюды. Высота чаши 9 см, диаметр 13,4 см.

Сосуд принадлежит к классу рельефных чаш с растительным и цветочным орнаментом (*Class III: bols à décor uniquement végétal et floral*) по классификации Ф. Курби (*Courby*, 1922. P. 334–337). Этой классификации, в основном, и придерживаются исследователи, несколько изменяя и уточняя названия.

Розетка чаши из школьного музея обыкновенная, 8-лепестковая, но лепестки разной формы. Оформление стенок в нижней части (т. н. корона) пышными листьями аканфа в сочетании с другими растительными элементами весьма характерно как для «растительных», так и для «фигурных» чаш. Несколько усложненной выглядит обвивающая чашу гирлянда, сочетающая листья винограда и плюща с маленькими розетками. Гирлянду ограничивают пояски из «ов», которые являются типичным узором, встречающимся на чашах разных центров производства.

Распределение орнамента по горизонтальным зонам характерно для рельефных чаш т. н. делосской группы, которые хорошо известны в северопричерноморском регионе. Глина их серая или коричневая, плотная, без примесей, с редкими блестками кварца. Лак матовый, с небольшим блеском, цвет варьирует от черного до коричневого и красного (*Лосева*, 1962. С. 197; *Усачёва*, 1978. С. 101). Хотя делосское производство чаш в основном было принято исследователями, тем не менее по ряду существенных причин оно неоднократно подвергалось сомнению. В настоящее время реальной выглядит локализация, по крайней мере, 10 мастерских по производству

чаш «делосского» типа в крупнейшем полисе Ионийской Греции — Эфесе (*Внуков, Коваленко*, 1998. С. 62, 66).

Начало производства аттических рельефных чаш с растительным орнаментом (*floral bowls*) относится к последней четверти III в. до н. э. (*Rotroff*, 1982. P. 17–18). В этой группе чаш с Афинской агоры также встречаются экземпляры с горизонтальным делением орнамента, в том числе и с гирляндой, ограниченной бороздками, сочетающей листья винограда и плюща с маленькими розетками. Датировка их приблизительно ограничивается 225–175 гг. до н. э. (*Там же*. P. 52, pl. 12, 68, 71). Для чаш аттического производства характерны проточенные бороздки у края и вокруг розетки, окрашенные свинцовым суриком. Венчик гладкий, плавно отогнутый (однако встречается и вертикальный край). Глина светлая, красно-коричневая, светло-коричневая или розовая, с небольшой примесью слюды, одинаковая для всех групп аттических рельефных чаш; ее состав не является хронологическим признаком. Лак чаш конца III — первой четверти II в. до н. э. обычно тонкий, с блеском, или «металлический», тонкий и тусклый во второй четверти II в. и позднее, хотя бывают исключения (*Там же*. P. 14–15).

Среди «лиственных» чаш (*foliage bowls*) из Коринфа выделяются два фрагмента с «круговой композицией» (*encircling composition*), на которых гирлянды плюща расположены в свободном поле или ограничены рельефными линиями. Они датируются около 175 г. до н. э. Коринфская глина (в том числе и та, из которой изготовлена рельефная керамика) очень светлая, разных оттенков (*Edwards*, 1975. P. 10, 161–162, pl. 66, 793, 794).

В эллинистическое время рельефные чаши широко импортировались (в основном из Ионии) в Северное Причерноморье, где приобрели популярность как у греческого, так и варварского населения Боспора (*Вахтина*, 2018. С. 220–221). Как полагают исследователи, в Северо-Западный и Центральный Крым «мегарские» чаши поступали через Ольвию и Керкенидиду до последних десятилетий II в. до н. э. Позднее импорт товаров этого рода

был вытеснен собственной продукцией Боспора и Херсонеса (*Внуков, Коваленко, 1998. С. 74*). На азиатской стороне Боспора находки «мегарских» чаш также обычны для греко-варварских некрополей и бытовых памятников (*Коровина, 1987. С. 81–83, рис. 10, 11; Алексеева, 1997. Табл. 66, 19; 87, 2–4, 6, 7; Лимберис, Марченко, 2010. С. 158, рис. 3, 7, 8; Журавлёв, Захаров, 2016. С. 224, рис. 2*).

На варварскую периферию Боспора подобные сосуды (как и другие импортные предметы) попадали заметно реже. Хотя ареал распространения рельефных чаш в Прикубанье довольно широк, представлены они, в основном, отдельными фрагментами из культурных слоев городищ и случайными находками, и в целом в памятниках местного населения (как меотов, так и сарматов) встречаются нечасто (*Анфимов Н., 1986. С. 183, рис. 1, 1; Анфимов И., 1986. С. 194, рис. 3, 2; Лопатин, Малышев, 2002. С. 39; Цокур, 2004. С. 131, рис. 6, 35*). Чаши «делосской» (или «эфесско-ионийской») группы известны из погребений последней четверти II в. до н. э. Старокорсунского могильника № 2. Это, пожалуй, единственный меотский памятник, где рельефные «мегарские» чаши были встречены в хорошо документированных комплексах, в том числе с родосской амфорой с клеймом эпонима Кленострата, деятельность которого относится приблизительно к 126 г. до н. э. (*Лимберис, Марченко, 2000. С. 4–18; Finkielsztejn, 2001. P. 156, 195, tabl. 12, 21; Лимберис, Марченко, 2005. С. 227–228, рис. 26, 27, 36, 1–5*). Из могильника Елизаветинского городища, кроме рассматриваемого нами сосуда, происходит несколько фрагментов из случайных находок, но только одна целая «фигурная» чаша была найдена при раскопках В. А. Городцова в погребении 23 1934 г. Эта чаша, украшенная мифологическими сценами, была изготовлена в мастерской Кирбея, которую ранее связывали с северопричерноморским регионом, а в настоящее время предположительно локализируют в Смирне, где она активно работала в течение двух последних десятилетий II в. до н. э. (*Городцов, 1935. С. 74–75, рис. 2; Лосева, 1962. С. 201–203; Усачёва, 1978. С. 101; Коваленко, 1987. С. 79; Внуков, Коваленко, 1998. С. 71*).

По зональной структуре и смешанному характеру растительного орнамента (в среднем поясе — гирлянда с листьями винограда и плюща, разделенными закрученными в разные стороны «усиками») чаше из школьного музея наиболее близок сосуд из разрушенного кургана у хутора Ковалевский в Закубанье, который отличается отогнутым венчиком. Исследователи относят его к средиземноморскому производству и датируют второй четвертью — серединой II в. до н. э. (*Лопатин, Малышев, 2002. С. 38–39*).

О конкретном происхождении чаши из Елизаветинской трудно судить, но по форме и пропорциям она мало похожа на сосуды «делосско-ионийской» группы, а более соответствует аттическим образцам. Среди чаш из раскопок Афинской агоры есть экземпляр аналогичной формы и очень близкий по размерам (*Rotroff, 1982. P. 51, pl. 10, 92, 62*). Не очень качественное лаковое покрытие, цвет и состав глины также не могут рассматриваться в качестве признаков, полностью исключающих возможность принадлежности «школьной» чаши к аттическому производству. Хронология чаши по морфологическим и орнаментальным параметрам, скорее всего, может быть определена в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н. э.

«Случайная» находка рельефной чаши на Елизаветинском городище, на самом деле, вовсе не представляется случайной. И не только потому, что здесь известны чаша Кирбея из Смирны и несколько отдельных фрагментов (причем эти находки относятся уже к концу II в. до н. э., а «школьная» чаша, как мы думаем, более ранняя). Неслучайным является само присутствие дорогостоящих (для меотов) импортных сосудов на крупном городище, где с конца IV по первую половину I в. до н. э. существовала торговая фактория боспорян (*Анфимов Н., 1966. С. 161; Кошеленко и др., 2010. С. 277, 280*). Торгово-экономическая деятельность греческого эмпория, несомненно, оказывала и заметное культурное влияние на жизнь местного населения городища, способствуя развитию и расцвету меотской культуры в целом.

- Алексеева*, 1997 — *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 559 с.
- Анфимов Н.*, 1966 — *Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165.
- Анфимов Н.*, 1986 — *Анфимов Н. В.* Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 183–190.
- Анфимов И.*, 1986 — *Анфимов И. Н.* Погребальный комплекс II в. до н. э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Там же. С. 190–197.
- Вахтина*, 2018 — *Вахтина М. Ю.* Две «мегарские» чаши из порфмийского некрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3. С. 215–223.
- Внуков*, *Коваленко*, 1998 — *Внуков С. Ю.*, *Коваленко С. А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: ГИМ, 1998. С. 61–76. (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Городцов*, 1935 — *Городцов В. А.* О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. 1935. № 3. С. 71–76.
- Журавлёв*, *Захаров*, 2016 — *Журавлёв Д. В.*, *Захаров Е. В.* Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 // ДБ. М., 2016. Вып. 20. С. 222–228.
- Коваленко*, 1987 — *Коваленко С. А.* К вопросу о происхождении рельефных чаш с надписью “KURBEI” // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1987. № 6. С. 70–80.
- Коровина*, 1987 — *Коровина А. К.* Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // Культура и искусство Боспора / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. М.: Советский художник. 1987. С. 71–109 (Сообщения ГМИИ. Вып. 8).
- Кошеленко и др.*, 2010 — *Кошеленко Г. А.*, *Малышев А. А.*, *Улитин В. В.* Торговля // Античное наследие Кубани / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука. 2010. Т. II. С. 257–289.
- Лопатин*, *Малышев*, 2002 — *Лопатин А. П.*, *Малышев А. А.* К вопросу об античном керамическом импорте в Закубанье в VI–II вв. до н. э. // ИАА. 2002. Вып. 8. С. 33–40.
- Лосева*, 1962 — *Лосева Н. М.* Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // Пантикапей: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. М.: АН СССР, 1962. С. 195–205 (МИА. № 103).
- Лимберис*, *Марченко*, 2000 — *Лимберис Н. Ю.*, *Марченко И. И.* «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: археология, история, этнография: Сб. ст. / Под ред. В. Б. Виноградова. Краснодар: КубГУ, 2000. С. 4–18.
- Лимберис*, *Марченко*, 2005 — *Лимберис Н. Ю.*, *Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис*, *Марченко*, 2010 — *Лимберис Н. Ю.*, *Марченко И. И.* Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия: Сб. ст. / Ред. совет: Р. М. Мунчаев, Д. Браунд и др. М.; Киев: ИА РАН, 2010. Вып. 1. С. 152–163.
- Покровский*, *Анфимов*, 1937 — *Покровский М. В.*, *Анфимов Н. В.* Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV века до н. э. по III век н. э. // СА. 1937. № 4. С. 265–275.
- Усачёва*, 1978 — *Усачёва О. Н.* Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. № 156. С. 100–107.
- Цокур*, 2004 — *Цокур И. В.* Раскопки курганной группы Пластуновская-53 // МИАСК. 2006. Вып. 4. С. 125–165.
- Courby*, 1922 — *Courby F.* Les vases grecs á reliefs. Paris, 1922. 598 p.
- Edwards*, 1975 — *Edwards C. R.* Corinthian Hellenistic Pottery. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1975. 254 p., 86 pl. (American School excavations. Vol. VII, part III).
- Finkielsztejn*, 2001 — *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphorique rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C environ. Premier bilan. Oxford, 2001. 260 p. (BAR. Int. S.).
- Rotroff*, 1982 — *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported moldmade bowls. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1982. 136 p., 99 pl. (The Athenian Agora. Vol. XXII).

Moldmade “Megarion” Bowl from Elizavetinskaya Settlement

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

The article is devoted to a moldmade “megarion” bowl which was accidentally found at the territory of Maeotian fortified settlement at Elizavetinskaya Cossack village (Prikubansky District of Krasnodar city). At the Hellenic epoch moldmade “megarion” bowls were extensively imported to the Northern Black Sea Region. There they gained popularity among the local barbarian population. Distribution area of the moldmade bowls at the Kuban region is relatively wide but they are rarely met at the sites of the local barbarian population (Maeotae and Sarmatians). The vessel from Elizavetinskaya is attributed to the class of relief bowls with vegetal and floral ornament. The allocation of the ornament in horizontal zones is peculiar to bowls of “Ephesian-Ionian” group. Its shape and proportions are more compliant to Attic examples. By morphological and ornamental attributes the bowl is most probably dated to a period between the last quarter of the 3rd century BC — the first quarter of the 2nd century BC.

Кухонная керамика в ритуальных и погребальных комплексах Боспора¹

Е. В. Четверкина²

Аннотация. Автором рассматриваются находки фрагментов профилей и целых форм античной гончарной кухонной керамики с территории святилищ и некрополей Боспорского царства. Целью данной работы является попытка выделить подобные контексты и установить причину наличия в их составе кухонной керамики, не относящуюся к атрибутам религиозных и погребальных практик. Находки кухонной посуды были выявлены в святилищах Деметры и «богов-покровителей мореходства» в Нимфее, святилище Афродиты в Кепах, погребениях и тризнах некрополей Нимфея, Пантикапея, Фанагории. Автор статьи рассматривает основные формы сосудов, выделяет возможные импортные экземпляры. Текст статьи дополнен фотографиями и рисунками кухонных сосудов некрополя Нимфея из коллекции Гос. Эрмитажа.

Annotation. The author considers the finds of fragments of profiles and whole pieces of ancient wheel made cooking ware from territories of sanctuaries and necropoleis of the Bosporan kingdom. The purpose of this paper is to try to highlight similar contexts and define the reason of existence of cooking ware which is not related to attributes of religious and burial practices in these contexts. Objects of cookware were found in sanctuaries of Demeter and “patron gods of sailing” in Nymphaion, Aphrodite’s sanctuary in Kepoi, burials and pyres of necropoleis of Nymphaion, Pantikapaion and Phanagoria. The author of this article highlights basic categories of vessels and possibly imported units. The article’s text is supplemented by photos and drawings of cooking vessels from Nymphaion necropolis kept in the collection of the State Hermitage Museum.

Ключевые слова: Боспорское царство, кухонная керамика, святилища, погребения, тризны.

Keywords: Bosporan Kingdom, cooking ware, sanctuaries, burials, pyres.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-314-321

Кухонная керамика, изготовленная на гончарном круге, встречается среди керамического материала в слоях городов Боспора. В отличие от других категорий керамики, ее

количество обычно невелико — от 3–4 до 10 % от общего числа без учета амфор³. Очень редки находки фрагментов гончарных кухонных изделий на сельских поселениях, где доминирует лепная керамика, в совокупности которой порой не просто разделить сосуды по функции. Изредка фрагменты кухонных

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме гос. задания № 0160-2019-0044.

² И. о. мл. науч. сотрудника, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vilgelmina_@mail.ru.

³ Учитывая результаты изучения массового керамического материала городища Мирмекий, беглое знакомство с полевой документацией других памятников позволяет предполагать, что это соотношение справедливо и для других боспорских городов.

сосудов (иногда даже целые формы) находят в некрополях в составе погребального инвентаря и тризнах, в комплексах на территории городищ, интерпретируемых как святилища.

Цель данной статьи — выделить такие контексты и установить возможную причину присутствия в их составе кухонной керамики, которую обычно не относят к атрибутам религиозных и погребальных практик. Такие комплексы были обнаружены автором по полевым отчетам и публикациям, коллекциям предметов из дореволюционных раскопок Государственного исторического музея, Москва,⁴ и коллекции вещей с городища и некрополя Нимфей Гос. Эрмитажа, Санкт-Петербург⁵.

В структуре святилищ, исследованных на территории Боспорского царства, кухонные сосуды были встречены в святилищах Деметры и «богов-покровителей мореходства»⁶ в Нимфее, святилище Афродиты в Кепях.

Самый яркий комплекс представляют сосуды из святилища Деметры⁷, датируемые VI–V вв. до н. э. В настоящее время автором готовится отдельная публикация, посвященная данному комплексу, однако уместно привести здесь краткую характеристику. Всего на территории святилища было обнаружено 50 фрагментов гончарных сосудов, среди них присутствуют такие формы, как «горшки с крышкой», горшки, кастрюли, крышки. Среди кастрюль преобладает тип, наиболее характерный для памятников классического времени, — кастрюля с длинным вертикальным краем и ярко выраженным длинным выступом для крышки, невысоким широким туловом, через резкий излом сужающимся к коническому дну. Аналогичные сосуды

широко распространены в различных центрах средиземноморского региона. В основном они являются продукцией Эгины, где зафиксировано максимальное количество кастрюль данного типа, производство которого продолжалось вплоть до середины II в. до н. э. (*Kleibinder-Gauss*, 2010. P. 186). Горшки представлены четырьмя типами, два из них отличают широкое тулово и прямой слегка отогнутый край, два других имеют покатое тулово и слегка утолщенный край, более свойственный уже горшкам эллинистической эпохи. Один из сосудов аналогичен, скорее, формам лепной керамики. Крышки встречены с ручками различных форм: конусом, шпечкой, сложнопрофилированные с прямым и отогнутым краем. Все эти формы также распространены и в слоях городища классической и раннеэллинистической эпох (*Четверкина*, 2019. С. 119). Хорошо отмученная красная глина с редкими блестящими включениями или без видимых примесей большинства сосудов указывает на их импортное происхождение. Находки кухонной керамики были зафиксированы в различных слоях на территории святилища, в отложениях «священной дороги», связывающей территорию храма с близлежащими гротами, которые могли использоваться в культовых целях. Они представляют собой мусор, выкинутый с территории святилища.

В 1984 г. на территории святилища «богов-покровителей мореходства» была исследована Цистерна № 2, в которой открыт целый набор целых кухонных сосудов, часть которых была опубликована (*Соколова*, 2004). Они были ранее подробно описаны и атрибутированы автором (*Четверкина*, 2019. С. 118–119). Следует отметить, что среди кухонной керамики из данного комплекса преобладают кухонные сосуды явно импортного происхождения, типологически схожие с афинскими и ионийскими образцами.

Самые поздние находки кухонной керамики происходят из святилища Афродиты в Кепях, датируемого II–I вв. до н. э. Автор раскопок отмечает, что они выполнены из местной глины и по формам соответствуют находкам из других слоев городища. К сожалению, хотя кухонные сосуды упоминаются среди

⁴ Выражаю сердечную благодарность Д. В. Журавлёву и Г. А. Ломтадзе за возможность работать с коллекциями.

⁵ ©Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020.

⁶ Название дано автором раскопок Н. Л. Грач. Далеко не все исследователи согласны с определением этого комплекса как святилища.

⁷ За доступ к полевой документации и возможность работать с коллекцией выражаю сердечную благодарность О. Ю. Соколовой.

материала, найденного в святилище (*Соколовский*, 1964. С. 106), в коллекции, хранящейся в Государственном историческом музее, и в иллюстрациях к отчету их нет. Судить о их форме можно только по одному единственному изображению кастрюли, опубликованному в статье Э. Я. Николаевой (*Николаева*, 1967. Рис. 36, 1). Этот сосуд с вертикальным краем и прямым туловом относится к типу 6 (*Четверкина*, 2017), широко распространенному в позднеэллинистическое время как в Северном Причерноморье, так и в средиземноморском регионе.

Как показывают работы зарубежных археологов, на территории святилищ и храмов средиземноморского региона кухонная керамика не просто присутствует в слоях святилищ, ее количество здесь на порядок больше, чем найденной при исследовании жилых кварталов городов. Например, в обнаруженном в городе Колонны на Эгине сакральном комплексе, возможно, связанном с почитанием могилы героя, кухонная керамика составляет почти 50 % керамического комплекса (*Kleibinder-Gauss*, 2019. P. 19–20), и это не единственный случай (см. библиографию вышеуказанной статьи). Наличие находок кухонных сосудов не только нормально, но и вполне закономерно. Они являются необходимым инвентарем для частных и публичных трапез, происходящих после жертвоприношений. Хотя в структуре боспорских святилищ невозможно выделить конкретные помещения, которые могли бы служить местом для проведения таких собраний, находки кухонной керамики в их наслоениях, несомненно, являются остатками подобных трапез.

Кухонная керамика на Боспоре встречается и в составе погребальных комплексов. Среди форм кухонной посуды, относящейся к контексту погребальных памятников, чаще всего присутствуют миниатюрные горшки и «кастрюлеобразные» миски, реже — полно-размерные горшки и кастрюли.

Миниатюрные горшки в нашей выборке представлены шестью находками с территории некрополей Нимфея и Фанагории. На некрополе Нимфея один из сосудов был найден в засыпи некрополя (объект А90) и датирован

III в. до н. э. (*Грач*, 1999. С. 61) (рис. 1, 1), другой является случайной находкой с территории некрополя (рис. 1, 2), и, наконец, последний был обнаружен в катакомбе К4, датирующейся I–II вв. н. э., среди инвентаря мужского погребения № 1 (*Там же*. С. 141) (рис. 2, 1). Следует отметить, что горшок из катакомбы К4 отличается типологически от других более вытянутым высоким туловом. Миниатюрные горшки были найдены при исследовании восточного некрополя Фанагории в тризнах погребений 60 (262), 51 (253), 23 (225) II в. до н. э. (*Марченко*, 1956. С. 113, рис. 3, 4, а–в). Сосуды из Нимфея, судя по варьирующейся от оранжевого до красного цвета глине с белыми включениями, относятся к местному производству. Глина горшочков из некрополя Фанагории не описана должным образом в публикации, однако автор явно считает всю простую керамику, найденную в некрополе, фанагорийской, вероятно, не без оснований.

Этими примерами не исчерпывается вся совокупность находок данных сосудов, в целом миниатюрные горшочки часто встречаются на памятниках Северного Причерноморья, от классического периода вплоть до римского времени. Наиболее часты, судя по полевым отчетам и журналам раскопок, фотографиям и рисункам вещей в архивных делах Императорской археологической комиссии, были их находки в дореволюционное время при исследовании боспорских некрополей. В собрании Государственного исторического музея хранится целый ряд миниатюрных горшков, принадлежащих к коллекции И. Е. Забелина, происходящих из дореволюционных раскопок (ГИМ 22399/409, 22410/414, 22379/397). К сожалению, они все поступили в музей в результате покупки, об их контексте известно лишь то, что они были обнаружены на территории Керчи. Вероятно, можно предположить, что они происходили из грабительских раскопок некрополей Пантикапея или же представляли собой случайные находки. Все сосуды типологически однородны, имеют округлое широкое тулово, заканчивающееся круглым, реже плоским дном, отогнутый край венчика и высокую вертикальную ручку. Они выполнены из оранжевой глины без

Рис. 1. Кухонные кастрюли и горшки некрополя Нимфея (рисунки для сосудов 1–3 приведены по изданию Грач, 1999, остальные рисунки и фото выполнены автором): 1 — ННФ.76.148; 2 — НФ.64.185; 3 — ННФ.77.5; 4 — ННФ.77.6

Fig. 1. Kitchen chytra and lopades of Nymphaion necropolis (drawings for vessels 1–3 are taken from edition Grach, 1999, the rest of the drawings and photos are made by the author): 1 — ННФ.76.148; 2 — НФ.64.185; 3 — ННФ.77.5; 4 — ННФ.77.6

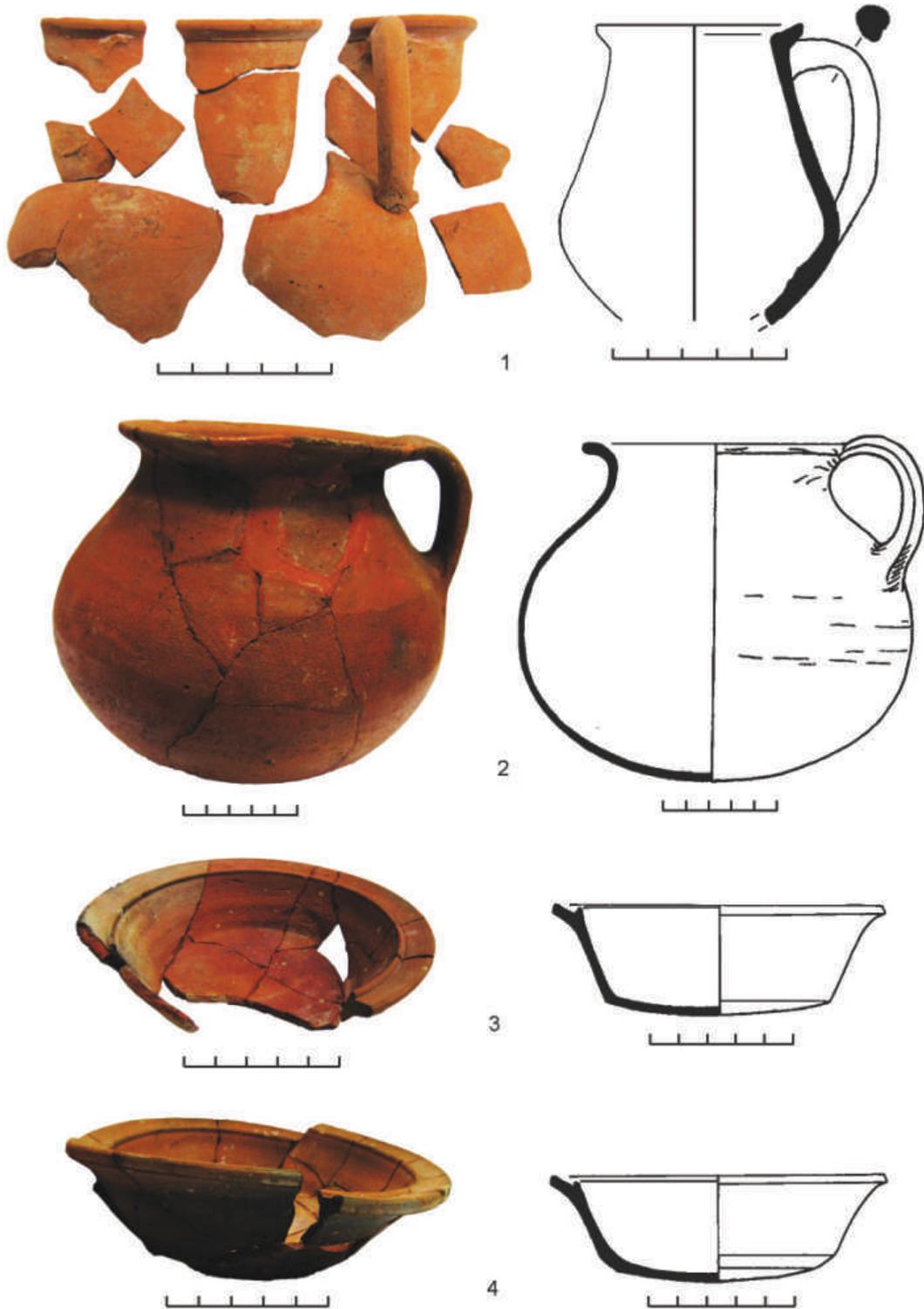

Рис. 2. Кухонные кастрюли и горшки некрополя Нимфея (рисунки для сосудов 2–4 приведены по изданию Грач, 1999, остальные рисунки и фото выполнены автором): 1 — ННФ.73.17; 2 — ННФ.74.53; 3 — ННФ.76.144; 4 — ННФ.76.145. 2, 3, 4

Fig. 2. Kitchen chytra and lopades of Nymphaion necropolis (drawings for vessels 2–4 are taken from edition Грач, 1999, the rest of the drawings and photos are made by the author): 1 — ННФ.73.17; 2 — ННФ.74.53; 3 — ННФ.76.144; 4 — ННФ.76.145. 2, 3, 4

видимых примесей и, вероятно, относятся к боспорскому производству. Некоторые имеют следы огня на поверхности.

В зарубежной литературе такую форму горшка называли хитридион, как и вышеупомянутый лопадион, это — современный термин, в котором соединены древнегреческие названия горшка и кастрюли (χύτρα и λопάς) с соответствующим уменьшительным суффиксом. В Афинах хитридионы и лопадионы связаны со специфическими сакральными комплексами, представляющими собой ямы со следами сожжения и определенным набором керамики, реже — остатками кальцинированных костей животных (Jordan, Rotroff, 1999. P. 147). Следует отметить в ряду таких объектов один из самых интересных — миниатюрный горшок со свинцовой табличкой-проклятием внутри, сокрытый в подвале одного из жилых домов (*Ibid.* P. 149).

«Кастрюлеобразные» миски, найденные в погребальных комплексах Боспора, представляют собой широкие низкие сосуды с округлым дном, венчик которых схож по конфигурации с венчиком кастрюли: край горизонтальный, со слабо выраженным бугорком — выступом для крышки, в диаметре не превышает 11–12 см. Такие сосуды присутствуют в составе тризны кургана 4 курганной группы «Цементная слободка 1» (Рукавишников и др., 2018. С. 181, рис. 6, 3), тризне 4 и на месте кремации в некрополе на ул. Генерала Петрова (Зинько, 2002б. Л. 34, рис. 4; 1989. Рис. 158, 11), тризне А85 в некрополе Нимфея (Грач, 1999. С. 60; 223, табл. 52, 4, 6). Данные комплексы датируются в пределах второй половины IV — начала III в. до н. э. Практически все сосуды имеют на поверхности следы воздействия огня, как правило, легкие пятна копоти, у мисок из тризны А85 (рис. 2, 3, 4) сильно варьирует цвет сосуда, местами встречаются участки насыщенно красного цвета, на внутренней части дна некоторых сосудов присутствуют пригоревшие остатки органики.

В зарубежной литературе такие сосуды называются лопадионами. Они встречаются достаточно широко и за пределами черноморского региона. В Афинах, например, лопадионы

находят в комплексах последней четверти V — первой четверти III в. до н. э., причем большую часть времени своего бытования они встречаются исключительно в ритуальных комплексах и лишь в позднюю фазу своего существования стали широко применяться в домашнем обиходе (Rotroff, 2006. P. 216).

Кухонные горшки и кастрюли в погребальных комплексах Боспора встречаются редко. Среди них следует отметить одноручный горшок с отогнутым венчиком и круглым туловом из погребения Б2, датируемого IV в. до н. э. нимфейского некрополя, где он был использован в качестве урны для кремации (Грач, 1999. С. 88) (рис. 2, 2), и два горшка с загнутым краем и ребристым туловом римского времени из раскопок некрополя Пантикапея А. А. Бобринского (ГИМ 27135) и В. В. Шкорпила (ГИМ 45117), хранящиеся в Государственном историческом музее.

Кастрюли встречены в тризне над погребением А125 нимфейского некрополя. По Н. Л. Грач эта тризна относится к данному погребению, датируемому первой половиной IV в. до н. э. (Грач, 1999. С. 66–67, 231). Однако судя по инвентарю погребения, оно может быть отнесено к I в. до н. э. Указанная же автором дата погребения, скорее, относится к тризне, содержащей помимо кухонных сосудов также фрагменты фасосских и хиосских амфор, но которая, очевидно, всё же с данным погребальным комплексом не связана. Как более ранний объект оказался стратиграфически выше позднейшего — вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Так или иначе, типологически кастрюли соответствуют классическому времени, как более массивная кастрюля (рис. 1, 4), так и более низкая (рис. 1, 3). Оба сосуда имеют характерный для этого времени вертикальный прямой край и сильно выраженный выступ для крышки, выполнены из красной глины с мелкими блестками без видимых включений, имеют на тулове следы красного покрытия. По качеству исполнения и характеристикам глиняного теста кастрюли явно являются привозными.

Небезынтересна также находка фрагментов края горшка типа 2 (Четверкина, 2017) с отогнутым венчиком и кастрюли типа 1

(Там же) на территории одного из пантикапейских некрополей, в подземном строительном комплексе, интерпретируемом как святилище хтонических богов (Зинько, 2002а. Л. 68, рис. 51, 4, 5).

Кухонная керамика была также обнаружена при исследовании восточного некрополя Фанагории в тризнах погребений, датируемых II в. до н. э., и межмогильном пространстве. В нем был найден двуручный горшок с выступом для крышки (Марченко, 1956. С. 113, рис. 3, б). Форма сосуда вполне соответствует горшкам эллинистического времени, однако массивный венчик с толстым краем и толстым изогнутым выступом для крышки не имеет близких аналогий. Вероятно, данный горшок относится к местному производству. В тризне детского погребения 23 (225) имелись фрагменты кастрюль с раздвоенной ручкой. Они отличаются не только редкой формой ручки, но и выделенной средней частью тулова, заостряющимся к краю венчиком, что дает основание считать их местным вариантом типа 4 (по: Четверкина, 2017) либо даже отдельным специфическим типом, встречаю-

щимся только на памятниках азиатского Боспора (Марченко, 1956. С. 113, рис. 3, 5, а–в).

Хотя количество выявленных нами находок в погребальных комплексах невелико, некоторая тенденция определенно прослеживается. В комплексах, относящихся к классическому и эллинистическому времени, кухонные сосуды встречаются исключительно в тризнах, связанных с поминанием усопшего, в них готовилась пища для ритуала «кормления» покойного. В римскую эпоху кухонная керамика иногда включалась и непосредственно в состав погребального инвентаря, вероятно, как резервуар для напутственной пищи для погребенного, что может указывать на влияние варварских погребальных традиций на греческий обряд.

Подводя итог, следует отметить, что кухонная керамика в быту жителей боспорских городов использовалась достаточно широко, не только для домашних нужд, но в том числе и для религиозных ритуалов и погребального обряда, однако ее основная функция — использование для приготовления и хранения пищи — несомненно, сохраняется.

Грач, 1999 — Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.

Марченко, 1999 — Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории // Фанагория / Под ред. А. П. Смирнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 100–127 (МИА. № 57).

Зинько, 1989 — Зинько В. Н. Отчет о работе Комплексной охранно-археологической экспедиции в 1989 г. // Архив ВКИКМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1032. 1989.

Зинько, 2002а — Зинько В. Н. Отчет о работе Комплексной охранно-археологической экспедиции в 2002 г. // Архив ВКИКМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1615. 2002.

Зинько, 2002б — Зинько В. Н. Отчет о работе Комплексной охранно-археологической экспедиции в 2002 г. // Архив ВКИКМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1656. 2002.

Николаева, 1964 — Николаева Э. Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. № 109. 1967. С. 94–100.

Рукавишников и др., 2018 — Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Исследования кургана 4 курганной группы «Цементная слободка 1» в Керчи // Древности Боспора. № 23. М., 2018. С. 171–189.

Соколова, 2004 — Соколова О. Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. ст. к 60-летию М. Б. Пиотровского / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 175–185.

Сокольский, 1964 — Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 101–118.

Четверкина, 2017 — Четверкина Е. В. Типологический и хронологический анализ античной кухонной посуды Мирмекия // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1129–1130.

Четверкина, 2019 — Четверкина Е. В. Кухонная керамика Нимфея (по материалам Государственного Эрмитажа) // АВ. № 25. 2019. С. 113–128.

- Klebinder-Gauss*, 2012 — *Klebinder-Gauss G.* Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. Locale Produktion und Importe, Ägina-Kolonna. Forschungen und Ergebnisse. Wien: Ausrian Academy of Sciences Press, 2012. 440 S.
- Klebinder-Gauss*, 2019 — *Klebinder-Gauss G.* Dining with the Ancestors: the Late Archaic-Classical Westkomplex in Aegina-Kolonna // Eds. I. S. Lemos, A. Tsingarida. Beyond the Polis. Rituals, Rites and Cults in early and Archaic Greece (12th–6th centuries BC). Brussels: CReA-Patrimoine, 2019. P. 115–133.
- Rotroff*, 2006 — *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery: the plain wares. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies in Athens. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2006. Pp. xxxviii + 444 (The Athenian agora. Vol. XXXIII).
- Jordan, Rotroff*, 1999 — *Jordan D. R., Rotroff S. I.* A curse in a chytridion: a contribution to the study of Athenian pyres // *Hesperia*. 1999. № 68.2. P. 147–154.

Cooking ware in ritual and burial complexes of Bosphorus

E. V. Chetverkina

Sometimes the cooking ware produced on a potter's wheel is met among ceramic material in layers of Bosporan towns. Occasionally fragments and whole kitchen vessels are found in necropoleis, among burial inventory, and in pyres, in complexes at territories of sites of ancient towns interpreted as sanctuaries. At first glimpse its presence is characteristic of domestic assemblages and non-characteristic of ritual and burial deposits.

At the sanctuaries' structure investigated on a territory of Bosporan kingdom kitchen vessels were met at temples of Demeter and "patron gods of sailing" in Nymphaion. The most notable complex is presented by vessels from Demeter's sanctuary dated to the 6th–5th centuries BC. Major part of these vessels is imported according to characteristics of clay and quality of work. Their form is similar to chytra, lidded chytra, lopades from Aegina and Athens. It is probable that the kitchen vessels were necessary for feasts after private and public sacrifices in a temple.

A set of types of the cooking ware in the context of burial monuments of Bosphorus is more specific. Almost all the vessels were produced locally. Most frequent finds are lopadions and chytridions, less frequent are fully sized chytra and lopades. Lopadions are a part of pyres of a burial mound 4 of a burial mound group "Cementnaya sloboda 1", pyre 4 and a cremation site at necropolis at General Petrov st., pyre A85 at necropolis of Nymphaion. In our sample small chytra consists of six objects from a territory of necropoleis of Nymphaion and Phanagoria. Two chytridions were found out of context at necropolis of Nymphaion (Fig. 1, 1, 2) and one was found at catacomb K4 in inventory of a male burial no. 1 (Fig. 2, 1). During investigations of Eastern Phanagoria necropolis miniature pots were found at pyres of burials nos. 60 (262), 52 (253), 23 (225) of the 2nd century BC.

Fully sized pots and lopades were found at pyres of burials dated to the 2nd century BC and at a space between burials of the Eastern necropolis of Phanagoria, at a territory of Nymphaion necropolis in ground burial B2 (Fig. 2, 2) and at pyre over burial A125 (Fig. 1, 3, 4) and Panticapaeum necropolis.

In burial complexes of the 4th — the 2nd centuries BC listed above the kitchen vessels are found only at pyres linked to a commemoration of a dead person and sacrifices to chthonic gods. At the Roman epoch the cooking ware was sometimes immediately included among burial inventory probably as a basin for memorial food for a buried person which may indicate that there was an influence of barbarian burial traditions on the Greek ceremony.

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

Несколько замечаний о монетах как средстве обмена между денежной и престижной экономикой в Северо-Западном Причерноморье¹

В. Кожокару^{2,3}

Аннотация. В первой части статьи рассматриваются монеты-стрелки в контексте дихотомии «кочевой–оседлый». Во второй части автор рассматривает так называемые «скифские» монеты, которые свидетельствуют о попытке нескольких династий с иранскими именами узаконить свое правление посредством греческой чеканки. В заключение приводятся соображения о функциях денег в Северо-Западном Причерноморье на разных уровнях (обращение, трансформация и накопление) в архаическое, классическое и эллинистическое время.

Annotation. In the context of the dichotomy “nomadic-settled”, in the first part of the papers the research focuses on arrowheads with monetary value. In the second part, the author considers the so-called “Scythian” coins, which attest the attempt of several dynasts with Iranian names to legitimate their rule through the medium of Greek coinage. Finally, some remarks about the functions of the money in the North-Western Black Sea Area on various levels (circulation, transformation and deposition) in archaic, classical and Hellenistic times are added.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, греко-скифские отношения, монеты-стрелки, «скифские» монеты, функции денег.

Keywords: North-Western Black Sea Area, Greco-Scythian relations, the arrow-money, the “Scythian” coins, the functions of the money.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-322-333

Несколько лет назад в статье, написанной для сборника о номадизме в древности, я

попытался описать характер греко-скифских отношений на основе денежного обращения в пограничье со степью (Sojocarui, 2011). Сборник, посвященный «грекам и их соседям в Северном Причерноморье античной эпохи», позволяет не только охарактеризовать современное состояние дел в науке, но и обозначить некоторые перспективные направления исследований в контексте длительных отношений между греками и другими народами в западной и северо-западной части Понта Эвксинского. Я хотел бы начать рассмотрение вопроса о вводе в оборот и раннем этапе использования денег в этом регионе со сравнения с ситуацией в других периферийных

---

¹ Данная статья написана при поддержке гранта Министерства исследований и инноваций Румынии, Консультативной группы по исследованиям, развитию и инновациям (CCCDI) и Исполнительной группы по финансированию высшего образования, исследований, развития и инноваций (UEFISCDI), номер проекта PN-III-P1-1.2-PCCDI-2017-0116, в рамках PNCDI III.

² Я выражаю благодарность доктору Лавинии Грумеца (Институт археологии, Яссы) за ценные замечания и помощь в создании рисунков.

³ Д-р ист. наук, д-р классической филологии, Институт археологии Румынской АН; Яссы, Страда Кодреску, д. 6, Яссы, 770479, Румыния; e-mail: sojocarui_arhia@yahoo.com.

обществах⁴. Я полностью согласен с методологическим положением А. Бурше: «Мы должны обратиться к антропологическим теориям нерыночных экономик, введенных в научный оборот субстантивистскими и примитивистскими школами К. Поланьи, Дж. Дальтона и Р. Ходжеса <...> мы не можем анализировать ранние, так называемые «примитивные», общества с точки зрения рыночной экономики; множество принципов, к примеру, стремление к экономической прибыли, во многих обществах прошлого не существовали, или, по крайней мере, были не столь важны, как сейчас. Отношения в социуме регулировались в таких обществах традициями, репутацией и честью» (*Bursche*, 2008. С. 396).

**Древнейшие «монеты»
Северо-Западного Причерноморья
в контексте культа Аполлона
и нумизматического открытия
«благородного дикаря»**

Самые древние известные «монеты» Северо-Западного Причерноморья — от Аполлонии до Керкинитиды — это так называемые «монеты-стрелки». Такие наконечники стрел были впервые обнаружены в Ольвии в 1908 г.⁵, но в отдельный нумизматический класс их выделил Дж. Севереану лишь в 1926 г. (*Severeanu*, 1926).⁶ Со временем появляется все больше публикаций археологов и нумизматов о новых находках. Разворачиваются дискуссии о литых медных деньгах

⁴ Ср., например: *Wigg-Wolf*, 2008. С. 35, где говорится о «германском» мире в эпоху ранней Римской империи и ее расцвета и о «кельтском» мире в последние столетия до нашей эры: «...оба мира были пограничными культурами, располагавшимися на периферии находившейся в центре высокоразвитой культуры: кельты — на периферии средиземноморского мира, а германцы — на периферии могущественной средиземноморской державы, которая расширилась за пределы Альп и включила в себя области к югу от Рейна и Дуная».

⁵ См.: Отчеты ИАК. 1908 (СПб., 1912). С. 73–74.

⁶ Для более детального ознакомления с историографическими данными о так называемых ольвийских «дельфинчиках» и отливках в виде наконечников стрел см.: в *de Callataj*, 2019.

уникальной формы⁷. В недавно опубликованном мною первом томе *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini* (BCOSPE) я привожу не менее 40 работ, непосредственно связанных с обсуждаемой темой⁸, хотя я не учитывал открытия и публикации, связанные с Черноморским побережьем Болгарии и Румынии.

В своей основополагающей статье Г. Б. Уэллс (*Wells*, 1978) выделяет категории «внешнего вида», «веса», «стратификации и датировки находок». На основе этой классификации автор высказывает предположение, что монеты-стрелки изначально не предназначались для использования в качестве знаков обмена, а были, скорее всего, недоделанными наконечниками стрел или их заготовками. Уэллс особо выделяет два больших клада из Енисалы и Джуриловки (оба они находятся в румынской Добрудже), в которых отдельные экземпляры настоящих наконечников стрел сочетаются с несколькими сотнями однотипных двухлопастных наконечников, подражающих скифским (рис. 1). Изучение этих наконечников позволило сделать следующий вывод: «монеты-стрелки не были заготовками для наконечников стрел. Напротив, сломанные наконечники могли превращаться во что-то полезное, к примеру, в монеты-стрелки» (*Wells*, 1978. С. 25)⁹.

Почти все обнаруженные монеты-стрелки находятся в восточноевропейских государственных или частных коллекциях. Неудивительно, что научная дискуссия, касающаяся этих монет, наиболее активно ведется среди ученых Румынии, Болгарии, России и

⁷ Из наиболее значимой научной литературы по теме я упомяну здесь лишь следующие работы: *Анохин*, 1986; *Stingl*, 2005; *Talmaçhi*, 2010; *de Callataj*, 2019.

⁸ *Cojocaru*, 2014. № 811, 818, 826, 827, 829, 849, 850, 853, 858, 864, 875, 879, 933, 935, 936, 962–964, 970, 982, 983, 986, 988, 989, 995, 997, 998, 1006, 1007, 1010, 1012, 1021–1023, 1031, 1032, 1036–1038, 1053, 1054, 1062, 4709.

⁹ Ср.: *de Callataj*, 2019. С. 264 (со ссылкой на *Wells*, 1982): «Идея Б. Уэллса о том, что сломанные наконечники стрел могут быть недоделанными рабочими заготовками, не получила поддержки».

Рис. 1. Монеты-стрелки, клад из Журиловки, фото В. Кожокару. © Музей археологии Тульчи
Fig. 1. Arrow-money hoard from Jurilovka, photo V. Cojocararu. © Museum of Archaeology Tulcea

Украины. Рамки данной статьи не позволяют привести даже сжатое описание всех обсуждаемых вопросов. Поэтому я ограничусь проблемой происхождения и раннего этапа использования монет-стрелок в условиях возникновения общего торгового обмена между греками и «варварами» в Северо-Западном Причерноморье.

Сейчас ученым известно около 30 кладов и чуть больше 60 отдельных находок¹⁰. Все они происходят исключительно из милетских *апоекий* и их *хоры*. Так что мы можем с уверенностью утверждать, что монеты-стрелки были греческими изделиями. Их изготовителями могли быть переселенцы или потомки переселенцев из Малой Азии, где уже была известна чеканка монет из электра и, возможно, из серебра. Некоторые клады электровых монет, например, с Березани, из Ольвии и Бургасского залива, датируются первой половиной VI в. до н. э. Они свидетельствуют о том, что эти монеты с самого начала использовались в торговле с далекими средиземноморскими *полисами*. В то же время в торговле с отдаленным варварским хинтерландом самым выгодным видом экономического обмена для греческих поселенцев, по крайней мере в архаический период, был прямой обмен товарами. Однако экономическое развитие милетских *апоекий* в Северо-Западном

Причерноморье и повседневные нужды населения в пограничных областях привели к изобретению мелких разменных монет. Такие монеты были более удобными для местной торговли даже по сравнению с самыми мелкими монетами из электра¹¹.

В последние десятилетия все большее количество исследователей склоняется к гипотетической пока что мысли о том, что использование (а затем и производство) наконечников стрел в качестве валюты изначально было связано с культом Аполлона (особенно в его ипостасях *Врача* и *Лучника*)¹². Я сам ранее утверждал, что использование формы стрелы, возможно, было своего рода открытием «благородного дикаря», независимо от того, говорим ли мы о контактах, установившихся с фракийским или скифским хинтерландом¹³. Фракийцы пользовались изделиями из бронзы (так называемыми «монетами-секирами») в качестве средств обмена еще до греческой колонизации. Это обстоятельство говорит о готовности торговых партнеров за пределами Греции заменить традиционный натуральный обмен домонетными денежными знаками (ср.: *Talmaçchi*, 2010. С. 10–14, 110–112). Однако мы не можем не обратить внимания на схожесть (иногда доходящую до идентичности) монет-стрелок и настоящих наконечников стрел скифского типа (*Граков*, 1971а. С. 90). Но Геродот пишет, что царь Ариант, желая узнать численность

¹¹ Что касается зарождения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье, то до сих пор актуальны следующие заметки: *Карышковский*, 1988. С. 27–34.

¹² Эта идея была впервые высказана А. С. Русяевой (*Русяева*, 1986. С. 49–50). Ср.: *Русяева*, 2005. С. 229–231.

¹³ См.: *Cojocararu*, 2011. С. 32. Существует большое количество работ, посвященных выражению «добрый, или благородный дикарь») (фр. *bon sauvage*), появившемуся в английской литературе XVII в. для описания идиллической фигуры «дикаря», не испорченного западной цивилизацией (что также напоминает об идеализации «варваров» античными авторами, начиная с Эфора). Здесь я привожу лишь некоторые наиболее важные обобщающие труды: *Ellingson*, 2001; *Le Blanc*, 2003; *Fauvelle*, 2017.

¹⁰ См. каталог открытий, посвященный отдельным находкам и кладом, в том числе и монетным в работе: *Talmaçchi*, 2010. С. 81–100.

скифов, приказал каждому скифу принести ему по наконечнику стрелы, и эти наконечники были переплавлены и из них были сделаны другие предметы¹⁴.

Тем не менее все имеющиеся свидетельства указывают на то, что наконечники стрел, сильно отличающиеся друг от друга по размеру и весу, были изготовлены в ионийских колониях на морском побережье. Наконечники стрел были предназначены как для внутреннего рынка полиса, так и для упрощения торговли с местными «варварами». На Березани была найдена небольшая бронзовая гирька с рельефом в виде наконечника стрелы (*Граков*, 1971б. С. 125–126). Это подтолкнуло некоторых ученых к мысли о том, что вес наконечников был нормирован, но любые попытки установить точную стоимость по отношению к серебру или электру остаются чисто теоретическими и не заслуживают доверия¹⁵.

Нет единого мнения даже по вопросу о хронологических рамках обращения монет-стрелок. Считается, что они не выходят за пределы VI в. до н. э., но упоминание ἄρδις на чернолаковом скифосе¹⁶ доказывает, что

¹⁴ Hdt. IV: πλήθος δὲ τὸ Σκυθέων οὐκ οἶος τε ἐγενόμην ἀτρεκέως πυθέσθαι, ἀλλὰ διαφόρους λόγους περὶ τοῦ ἀριθμοῦ ἤκουον: καὶ γὰρ κάρτα πολλοὺς εἶναι σφέας καὶ ὀλίγους ὡς Σκύθας εἶναι. (...) βουλόμενον γὰρ τὸν σφέτερον βασιλέα, τῷ οὐνομα εἶναι Ἀριάνταν, τοῦτον εἰδέναι τὸ πλήθος τὸ Σκυθέων κελεύειν μιν πάντας Σκύθας ἄρδιον ἕκαστον μίαν ἀπὸ τοῦ οἰστοῦ κομίσαι. ὃς δ' ἂν μὴ κομίση, θάνατον ἀπέλειε. κομισθῆναι τε δὴ χρῆμα πολλὸν ἄρδιων καὶ οἱ δόξαι ἐξ αὐτέων μνημόσυνον ποιήσαντι λιπέσθαι. ἐκ τούτων δὴ μιν τὸ χαλκίον ποιῆσαι τοῦτο καὶ ἀναθεῖναι ἐς τὸν Ἐξαμπαῖον τοῦτο ταῦτα δὲ περὶ τοῦ πλήθεος τοῦ Σκυθέων ἤκουον. Перевод с кратким комментарием см.: *de Callataj*, 2019. С. 269, сноска 72.

¹⁵ П. О. Карышковский (*Карышковский*, 1988. С. 34) предполагает, что наконечники обращались по условному курсу, основывающемуся не на относительной стоимости металлов, а на установленном в законодательном порядке счетном соотношении между ними и электровыми монетами.

¹⁶ См.: *Dubois*, 1996. С. 73, № 31, где данная надпись датируется примерно 500 г. до н. э.: Ὅςθ ἐλεῖ βενέν, δέκ' ἄρδις καταβαλὼν πυγίζετω <...> Ἠφαιστόδωρον. Перевод см.: *de Callataj*, 2019. С. 269: «Кто хочет любить, должен заплатить десять стрелок, и он будет любить [сзади] <...> Гефестодора».

в Ольвии начала V в. до н. э. они все еще применялись в качестве средства оплаты, очевидно, одновременно с другими домонетными денежными знаками («дельфинчиками»). Исследования археологов показали, что уже в середине VI в. до н. э. в результате обширной миграции на запад в степи и лесостепи низовой Днепра возник центр скифской державы (ср.: *Rolle*, 2001. С. 646–648, с картой). В условиях роста экономической активности и усиления торговых связей с западнопонтийскими фракийцами и новыми властителями степей Северного Причерноморья ионийцы должны были найти средства обмена с достаточно низкой стоимостью для более интенсивного обращения¹⁷. Отметим также, что освоение новых земель было все еще связано исключительно с добычей меди как составной части бронзового сплава. Мы видим это на примере месторождений в Алтын-Тепе рядом с Аргамумом (близ с. Журиловка, Румыния), а золото и серебро были статьями импорта (*Анохин*, 1986. С. 81–83; ср.: *Talmaçchi*, 2010. С. 593–594). На Аполлона Врача, в ипостаси Лучника¹⁸, мог указать оракул Дидимы как на божество-защитника, которое облегчает прямые контакты между греческими колониями на морском побережье и «благородными

¹⁷ Здесь я бы хотел процитировать комментарий к ольвийскому декрету Каноба об иноземных монетах (*Syll.*³ 218), который может пролить свет на наш вопрос: «Итак, городские власти хотели, чтобы торговцы приходили в определенное для обмена место с монетами, чья торговая ценность была признана, а вовсе не со слитками из драгоценных металлов или украшениями, которые находят в монетных кладах. *Очень может быть, что местные скифы на периферии с большей готовностью использовали такие немонетизированные металлы и, возможно, даже бронзовых дельфинчиков* (курсив В. Кожокару). Скифы получали серебро с Урала и были склонны взаимодействовать с греческими купцами, приехавшими за пшеницей, напрямую, а не через Ольвию, в условиях монополии городских властей на сделки» (*Dubois*, 1996. С. 33).

¹⁸ SEG. 36, 694; 40, 611. Ср.: *Dubois*, 1996. № 93. Эта надпись была впервые опубликована в работе: *Русяева*, 1986. С. 26–28. По поводу замысловатого комментария первого редактора см.: *Ehrhardt*, 1987. С. 116–117; *Буркерт*, 1990. С. 155–160.

дикарями» — западнопонтийскими фракийцами или скифами — в их движении на запад.

Ранее в качестве косвенных свидетельств ученые ссылались на вотивные стрелы, обнаруженные в святилище Аполлона Врача в Ольвии, а также на «дельфинчики», которые, как считается, произошли от монет-стрелок под влиянием культа *Аполлона Дельфиния*. Вместе с тем внимание ученых привлекли другие символы, такие как лук и стрелы, изображенные на ранних статуях Аполлона из Аполлонии Понтийской и Ольвии, а также мифологическая традиция об Аполлоне Гиперборейском¹⁹.

В заключение первой части статьи я хотел бы согласиться с гипотезой, сформулированной ранее некоторыми российскими учеными, такими как Ю. Г. Виноградов, С. Ю. Сапрыкин и С. Л. Соловьёв (*Vinogradov*, 1997a, *passim*; *Saprykin*, 2004. С. 73–74; *Solovyov*, 2006. С. 67). Несмотря на то что геополитическая обстановка в каждой милетской *аноийкии*, видимо, была различной, активное обращение монет-стрелок, а также литых медных монет в целом от Аполлонии до Керкинитиды позволяет предположить, что во всем регионе действовал единый рынок. Это было связано с сакральной сферой жизни греческих колонистов с самого начала и вплоть до классической эпохи.

Если мы попытаемся сравнить Причерноморье с периферийными обществами, то идея Л. Хедегера об экономике пограничных регионов как об особой сфере деятельности римской и германской экономических систем кажется мне весьма плодотворной (*Hedeager*, 1988). На пути из античного мира, перед тем как достичь германских земель, римские товары проходили некий экономический или социальный барьер. Как и в случае римского железного века, мы можем представить, что монеты-стрелки и маленькие медные монетки обладали стандартизированной стоимостью. С их помощью осуществлялись посредничество и обмен

в различных транзакциях между греческой денежной экономикой и престижной экономикой фракийских и иранских «варваров».

Можно провести и иные аналогии между периферийными обществами и средиземноморскими государствами. Д. Вигг-Вольф находит общие черты с кельтским и германским миром и предлагает еще один подход к пониманию причин появления монет-стрелок и иных домонетных знаков оплаты. «После того, как производство небольших бронзовых вещиц, зачастую крупными тиражами, стало возможным, люди начали использовать монеты в мелких повседневных сделках. Таким образом, металлические деньги могли использоваться как средство обмена в ограниченной наличными расчетами экономике» (*Wigg-Wolf*, 2008. С. 36). Как и на последнем этапе кельтской чеканки монет в Галлии, наконецники стрел и «дельфинчики» выполняли функцию денег лишь в *полисах* и на их *хоре*.

«Скифские» монеты в дихотомии «кочевничество–оседлость»

Во второй части статьи я хотел бы обратить внимание на другую особенность нумизматических данных в контексте долгосрочных отношений между греками и варварами в западной и северо-западной частях Понта Эвксинского. Я имею в виду восприятие монет как символов легитимности власти некоторыми «варварскими» династиями. К сожалению, формат статьи не позволяет нам обсудить бронзовые монеты Скила из Никоиния (*Загинайло, Карышковский*, 1990. С. 3–15) или серебряные статеры Эминака из Ольвии (*Карышковский*, 1988. С. 49–52; ср.: *Кулланда, Раевский*, 2004. С. 79–95). Эти монеты датируются V в. до н. э. Также мы вынуждены пропустить более поздние серебряные монеты с надписью ΑΤΑΙΑΣ, которые, судя по всему, чеканили в Геракле Понтийской, Дионисополе и Каллатисе (*Draganov*, 2015, С. 33–61). Я обращаюсь ко II в. до н. э. Тогда на территории Малой Скифии (совр. Добруджа) шесть династических правителей с иранскими именами чеканили монеты с греческими изображениями и надписями.

¹⁹ См. в кратком виде: *Русяева*, 2005. С. 231; ср.: *Chieikova*, 2008. С. 27–28.

В наши дни известны более тысячи «скифских» бронзовых монет²⁰. Наряду с сюжетами, заимствованными из греческой иконографии, на них присутствуют негреческие антропонимы Канит, Харасп, Танос, Акроса, Элий и Зариакс. Имя последнего имеется также на серебряных драхмах (Draganov, 2015. С. 258–259, № 764–773). Во-первых, обратим внимание на то, где были найдены эти «скифские» монеты. Эта территория практически полностью совпадает с ареалом обращения домонетных знаков оплаты, таких как упомянутые ранее монеты-стрелки. Это еще раз отсылает нас к греческим городам на северо-западном побережье Черного моря, а также к их окрестностям. Так как все изображения на аверсе и реверсе монет связаны с греческой мифологией, становится ясно, что они были не только отчеканены в городских общинах, находящихся на побережье, но и обращались на внутренних рынках этих *полисов*. Типология монет, надчеканки на некоторых из них, связанные с такими городами, как Истрия, Томы или Каллатис, монограммы монетных магистратов, которые гарантировали, что монета обладает определенной ценностью — все это указывает на то, что вышеупомянутое предположение верно.

Иконография в основном традиционно греческая, с изображениями Зевса (рис. 2, 1, 10), Деметры (рис. 2, 2, 11), Деметры и Коры (рис. 2, 3, 6, 13), Гермеса (рис. 2, 4, 8), Геракла (рис. 2, 5), Диоскуров (рис. 2, 7, 12, 14), Аполлона, Гелиоса, молнии и орла, кадуцея, треножника и т. д. Однако некоторые признаки, отражающие менталитет иранских кочевников, позволяют предположить наличие влияния и с их стороны. К примеру, изображения *протомы* лошади (рис. 2, 12, 14) или наконечников стрел (рис. 2, 9) определенно пользовались у скифов большой популярностью, хотя они не могут интерпретироваться

²⁰ См.: Draganov, 2015. С. 7: «...база данных, содержащая более 1000 скифских монет, собиралась автором на протяжении многих лет»; ср.: Там же. С. 8: «Выводы, сделанные в данном исследовании, основаны на самой обширной существующей базе данных скифских царских монет. В ней содержится 1084 монеты».

как мотивы, характерные исключительно для кочевников.

Особенно интересен царь Скилур, правивший из своей столицы Неаполя Скифского. Он упоминается не только у Страбона (Strabo. VII, 4, 3 и 7; ср.: VII, 3, 17), но и в некоторых лапидарных надписях (Syll.³ 709 = IOSPE I² 352; SEG 37, 674; SEG 39, 692; ср.: Vinogradov, 1997b), а также на серии бронзовых монет, датирующихся промежутком между 140/135 и 115/110 г. до н. э. Некоторые ученые утверждают, что его портрет изображен на аверсе монеты из Ольвии (рис. 3, 1, 2)²¹. На этой монете его голова повернута вправо. Он изображен с бородой, на голове остроконечный головной убор, как у Диоскуров на бронзовых монетах Элия, Акроса и Хараспа²². На других монетах того же времени, найденных в Ольвии, представлена женская голова вправо (рис. 3, 3–5), или бог Гермес (рис. 3, 6, 7). Симбиоз двух разных миров становится еще более заметен, если взглянуть на реверс: колос пшеницы с палицей, лук с колчаном, скифская запряженная колесница и кадуцей. Надпись везде читается одинаково: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΥ и ΟΛΒΙΟΥ.

«Скифские» монеты зачастую используются в спорах о том, существовал ли скифский протекторат над греческими городами на северо-западном побережье Понта Эвксинского. Эту современную гипотезу я попытался развенчать в другой своей работе (Cojocaru, 2009). В данной статье я бы хотел поднять вопрос о том, подразумевает ли наличие монет с именами Канит, Харасп, Танос, Акроса, Элий и Зариакс существование скифского протектората над Истрией, Томисом, Каллатисом или Дионисополисом, по аналогии с монетами Скилура из Ольвии? Если это так, мы должны объяснить, почему

²¹ См., напр.: Фролова, 1964. С. 44. П. О. Карышковский (Карышковский, 1988. С. 102) пишет о неидентифицированном божестве.

²² Об иконографии скифских монет в Добрудже см.: Draganov, 2015. С. 68–83 (Диоскуры на с. 72–74); ср.: Там же. С. 8: «На самом распространенном типе монет скифских царей изображены Диоскуры в качестве *парасемона*».

Рис. 2. «Скифские» монеты из Добруджи (Preda, 1998. Рис. VIII (без соблюдения масштаба))

Fig. 2. "Scythian" Coins from Dobruja (Preda, 1998. Pl. VIII (not to scale))

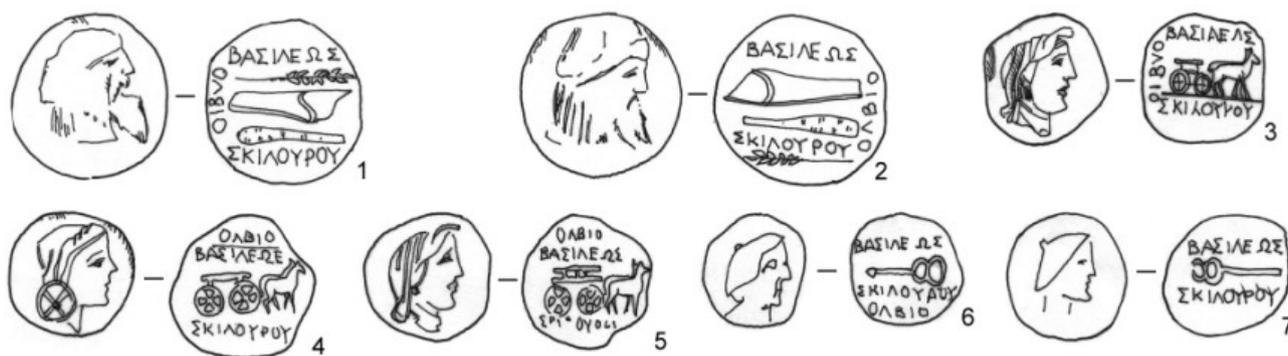

Рис. 3. Монеты Скилура из Ольвии (Фролова, 1964. С. 46, рис. 1 (без соблюдения масштаба))

Fig. 3. Skiluros' coins from Olbia (Фролова, 1964, С. 46, рис. 1 (not to scale))

надчеканки этих городов находятся на некоторых монетах, выпущенных вышеперечисленными правителями. Более того, если понятие протектората также подразумевает взятие под свой контроль местных монетных дворов, то как объяснить одновременное существование монет Скилура и автономной чеканки бронзовых монет в Ольвии? Для решения проблемы необходимо задать себе вопрос — что подразумевается под современным понятием «скифский протекторат»?

Заключительные замечания и некоторые перспективные направления исследований

Несмотря на некоторые ограничения, нумизматические свидетельства являются ключевыми при поиске ответов на множество вопросов, касающихся Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Может показаться, что вопросы, поставленные в данной статье, носят несколько антикварный характер, но в действительности они раскрывают историю культурного взаимодействия на берегах Понта. Необходимо провести подробные исследования на основе всех доступных источников. Мы должны стремиться к созданию каталога всех значимых находок. Это необходимо как для изучения монет-стрелок и «дельфинчиков», так и для изучения «скифских» монет²³. Также необходимо

²³ Недавно опубликованная книга Д. Драганова (Draganov, 2015) может считаться рабочим инструментом для Добруджи.

вести конструктивный диалог между румынскими, болгарскими и другими учеными с территории бывшего СССР, который обеспечит должную интерпретацию имеющихся материалов. Многие научные работы, особенно опубликованные во время существования коммунистического режима, страдают от переизбытка неактуальной сейчас марксистской идеологии²⁴. Кроме того, даже в наши дни большинство работ, вводящих в научный оборот новые находки или обсуждающих уже известные, далеки от междисциплинарных подходов, сочетающих методы, концепции и теории археологии, нумизматики, эпиграфики, истории искусств и истории в рамках изучения античности.

Поэтому необходимо пересмотреть имеющиеся данные нумизматики в русле стандартов, выработанных многими западноевропейскими исследовательскими институтами за последние десятилетия. Говорим ли мы о домонетных знаках или о собственно деньгах, я согласен с Ф. Кеммерс и Н. Майберг (Kemmers, Myberg, 2011. С. 90) в том, что мы

²⁴ Ср.: de Callataj, 2019. С. 266: «Но главная проблема с трехступенчатым эволюционным сценарием „1) натуральный обмен, 2) монетные знаки в виде товаров, 3) монеты“, где каждая ступень идет после предыдущей, заключается в том, что главный акцент здесь делается на торговле. Существует большой пласт созданной под сильным влиянием марксизма литературы об интенсивной торговле между различными обществами, в которой монетизация — это степень обеспеченности экономики деньгами, а не просто появление денег как таковых».

Рис. 4. Монеты как средство обмена между греческой рыночной и варварской престижной экономикой в Северо-Западном Причерноморье

Fig. 4. Coins as a medium of exchanges between the Greek market economy and the Barbarian prestige economy in the North-Western Black Sea Area

должны принимать во внимание исторические и идеологические характеристики монет и таким образом различать чеканку (первичный контекст), обращение (вторичный контекст) и накопление (третичный контекст). Археологические и письменные источники (особенно лапидарные надписи) помогли создать схематическую упрощенную модель, описывающую функции денег в Северо-Западном Причерноморье на нескольких уровнях (обращение, трансформация²⁵ и накопление) в архаический, классический и эллинистический периоды.

Я насчитываю по меньшей мере девять способов поступления денег из прибрежных греческих городов на их *хору*, а затем к племенам за ее пределами (рис. 4)²⁶. 1. Деньги как

средство обмена. 2. Отдельные находки утерянных или намеренно спрятанных монет в результате миграций. 3. Ежегодная дань, которая в основном выплачивалась золотом, как, например, Ольвия платила Сайтафарну. 4. Дипломатические дары, игравшие важную роль в системе обмена подарками внутри варварских обществ. 5. Плата наемникам, например плата Истрии царю Ремаксосу и его сыну Фрадмону. 6. Выкупы за пленников, обычно выплачивавшиеся золотом, особенно часто в эллинистическую эпоху. 7. Периодические разграбления *полисов* некоторыми варварскими династиями, например Бурбистой, даже если письменные источники не уточняют,

²⁵ Имеется в виду трансформация их функций, например использование монет в качестве украшений.

²⁶ Ср.: Munteanu, 2013. С. 367–372, писал о шести возможных некоммерческих путях, по которым

греческие монеты попадали в руки «варваров». 1. Дань (однократная или ежегодная) и выплата вознаграждений за союзные договоры. 2. Выплаты наемникам. 3. Выкупы за пленников. 4. Грабительские набеги. 5. Дипломатические дары. 6. Миграция населения.

получали ли они при этом деньги. 8. Накопление денег (тезаурация) для различных целей, включая хранение монет как потенциальный источник металла. (9). Наконец, греческие медные монеты, начиная с монет-стрелок и «дельфинчиков», по-видимому, играли также определенную роль в погребальных обрядах как поминальные приношения.

В завершение я бы хотел вернуться к монетам-стрелкам и «скифским» монетам. Создается впечатление, что ионийские греки в

поисках *modus vivendi* с «благородными дикарями» осваиваемых земель поняли, какие средства обмена являются наиболее эффективными. Это были монеты-стрелки. Они помогли развить торговые связи с фракийцами и с иранскими владыками степей Северного Причерноморья. По иронии судьбы, несколько веков спустя, оседлые скифские династии использовали силу убеждения, присущую греческим монетам, в поиске средства укрепления своей легитимности.

- Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монеты-стрелки // Ольвия и её округа / Отв. ред. А. С. Русяева. Киев: Наукова думка, 1986. С. 68–89.
- Буркерт, 1990 — Буркерт В. Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2. С. 155–160.
- Граков, 1971а — Граков Б. Н. Скифы: научно-популярный очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 170 с.
- Граков, 1971б — Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. 1971. № 3. С. 125–127.
- Загинайло, Карышковский, 1990 — Загинайло А. Г., Карышковский П. О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Л. Янин. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 3–15.
- Карышковский, 1988 — Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1988. 177 с.
- Кулланда, Раевский, 2004 — Кулланда С. В., Раевский Д. С. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. № 1. С. 79–95.
- Русяева, 1986 — Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25–64.
- Русяева, 2005 — Русяева А. С. Религия понтийских греков в античную эпоху. Мифы. Святые лица. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос, 2005. 558 с.
- Фролова, 1964 — Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1. С. 44–55.
- Bursche, 2008 — Bursche A. Function of Coins in Barbaricum in Later Antiquity. An anthropological Essay // Roman Coins Outside the Empire: Ways and Phases, Contexts and Functions: Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3–6 September 2005 / Eds. A. Bursche et al. Wetteren, 2008. P. 395–416 (Collection Moneta. 82).
- de Callataj, 2019 — de Callataj F. Did “Dolphins” and Non-functional Arrowheads Massively Found in and Around Olbia, Istros and Apollonia Have Ever Had a Monetary Function? // Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion / Eds. V. Cojocaru et al. Cluj-Napoca, 2019. P. 257–279 (Pontica et Mediterranea. VIII).
- Chiekova, 2008 — Chiekova D. Cultes et vie religieuse des cités grecques du Pont Gauche (VIIe–Ier siècles avant J.-C.). Bern and Oxford, 2008.
- Cojocaru, 2009 — Cojocaru V. Zum Verhältnis zwischen Steppenbevölkerung und griechischen Städten: Das ‘skythische Protektorat’ als offene Frage // Tyche. 2009. Bd. 23. S. 1–20.
- Cojocaru, 2011 — Cojocaru V. Von Pfeilspitzen zu „skythischen“ Münzen: zu griechisch-skythischen Beziehungen im Spiegel des Geldumlaufs am Rande der Steppe // Nomadismus in der „Alten Welt“: Formen der Repräsentation in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von L. Präger. Münster et al., 2011. S. 26–49.
- Cojocaru, 2014 — Cojocaru V. Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica. Cluj-Napoca, 2014 (Pontica et Mediterranea. II).

- Draganov*, 2015 — *Draganov D.* The Coinage of the Scythian Kings in the West Pontic Area. Sofia: Bobokov Bros. Foundation, 2015. 310 p.
- Dubois*, 1996 — *Dubois L.* Inscription grecques dialectales d'Olbia du Pont. Geneva: Droz, 1996. Pp. xvii + 208.
- Ehrhardt*, 1987 — *Ehrhardt N.* Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten. Ein Beitrag zur Bedeutung von Kolonialverhältnissen in Griechenland // Actes du IX Congrès International d'épigraphie Grecque et Latine (31.VIII. — 7.IX.1987) / Ed. A. Fol. Sofia, 1987. S. 78–117.
- Ellingson*, 2001 — *Ellingson T.* The Myth of the Noble Savage. Berkeley, 2001.
- Fauvelle*, 2017 — *Fauvelle Fr.-X.* À la recherche du sauvage idéal. Paris: Le Seuil, 2017. 224 p.
- Hedeager*, 1988 — *Hedeager L.* Money Economy and Prestige Economy in the Roman Iron Age // Trade and Exchange in Prehistory: Studies in Honour of Berta Stjernquist / Eds. B. Hårdh et al. Lund: Lunds Universitets Historiska Museum, 1988. P. 147–153.
- Kemmers*, *Myberg*, 2011 — *Kemmers F., Myberg N.* Rethinking Numismatics: The Archaeology of Coins // Archaeological Dialogues. 2011. Vol. 18. P. 87–108.
- LeBlanc*, 2003 — *LeBlanc St.* Constant Battles: The Myth of the Peaceful, Noble Savage. New York: St. Martin's Publishing Group, 2003. 256 p.
- Munteanu*, 2013 — *Munteanu L.* Legăturile oraşelor greceşti vest-pontice cu populaţiile “barbare” în epoca elenistică. Evidenţa numismatică (The Relations Between Western Pontic Greek Cities and “Barbarian” Populations in the Hellenistic Period. The Numismatic Evidence) // Poleis în Marea Neagră: relaţii interpontice şi producţii locale (Poleis in the Black Sea Area: Inter-Pontic Relations and Local Productions) / Eds. F. Panait Bîrzescu et al. Bucharest, 2013. P. 362–394.
- Preda*, 1998 — *Preda C.* Istoria monedei în Dacia pre-romană (History of Currency in Pre-roman Dacia). Bucharest: Editura enciclopedică, 1998. 376 p.
- Rolle*, 2001 — *Rolle R.* s. v. Skythen // DNP XI. 2001. Col. 644–656.
- Saprykin*, 2004 — *Saprykin S. Ju.* Money Circulation on Chorai of Olbia and Tauric Chersonesus in Pre-roman Period // Presenza e funzioni della moneta nelle chorai delle colonie greche dall'Iberia al Mar Nero, Atti del XII Convegno organizzato dall'Università “Frederico II” e dal Centro Internazionale di Studi Numismatici, Napoli, 16–17 giugno 2000 / Ed. A. Stazio. Roma: Università di Napoli, 2004. P. 71–132.
- Severeanu*, 1926 — *Severeanu G.* Sur les monnaies primitives des Scythes. Lingots-monnaies en forme de pointe de flèche // Buletinul Societăţii Numismatice Române, 1926. Vol. 21. P. 1–6.
- Solovyov*, 2006 — *Solovyov S. L.* Monetary Circulation and Political History of Archaic Borysthenes // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2006. Vol. 12.1–2. P. 63–75.
- Stingl*, 2005 — *Stingl T.* Frühe bronzene Geldformen im Nordwestlichen Schwarzmeerraum // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2.2003 / Hrsg. von F. Fless, M. Treister. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2005. S. 119–123, taf. 62–63.
- Talmaţchi*, 2010 — *Talmaţchi G.* Semne monetare din aria de vest şi nord-vest a Pontului Euxin. De la simbol la comerţ (secolele VI–V a. Chr.) (Monetary Signs in the West and North-West Area of Pontus Euxinus. From Symbol to Trade [6th–5th Centuries B.C.]). Cluj-Napoca: Mega, 2010. 292 s.
- Vinogradov*, 1997a — *Vinogradov Ju. G.* Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien: kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes / Hrsg. in Verbindung mit H. Heinen. Mainz, 1997. S. 1–73.
- Vinogradov*, 1997b — *Vinogradov Ju. G.* Die Votivinschrift der Tochter des Königs Skiluros aus Pantikapaion und die Probleme der Geschichte Skythiens und des Bosphorus im 2. Jh. v. Chr. // *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien: kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes / Hrsg. in Verbindung mit H. Heinen. Mainz: Philipp Von Zabern, 1997. S. 526–562.
- Wells*, 1978 — *Wells H. B.* The Arrow-Money of Thrace and Southern Russia. A Review and Discussion of Eastern European and Soviet

Writing. Part II // *SAN: Journal of the Society for Ancient Numismatics*. 1978. Vol. 9. P. 6–9, 12, 24–26, 31.

Wells, 1982 — *Wells H. B.* A Western Archaeologist's Article on the Arrowhead-Money // *SAN: Journal of the Society for Ancient Numismatics*. 1982. Vol. 13/3. P. 57–58.

Wigg-Wolf, 2008 — *Wigg-Wolf D.* Coinage on the Periphery // *Roman Coins Outside the Empire: Ways and Phases, Contexts and Functions: Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3–6 September 2005* / Eds. A. Bursche et al. Wetteren, 2008. P. 35–47 (Collection Moneta. 82).

Some Remarks on the Coins as a Medium of Exchanges between Money Economy and Prestige Economy in the North-Western Black Sea Area

V. Cojocar

In the first part of the paper the research focuses on arrowheads with monetary value, especially to aspects relating to the origin and early functionality of the arrow-money within the context of an emerging common market among the Greeks and “Barbarians” in the North-Western Black Sea area (Fig. 1). All the available evidence seems to indicate that the arrowheads — very different in size and weight — were produced into Ionian colonies on the seaside both for the inner polis market and for the purpose of facilitating easier trade with the “barbarians” around. As a conclusion of the first part of the paper, the author expresses his agreement with a hypothesis previously formulated by some Russian scholars. Despite the possible different geo-political situation in the case of each Milesian *apoikia*, the intense circulation of the arrow-money as well as of the cast cooper coins in general from Apollonia to Kerkitis allows the assumption that the whole region had one united market; this was connected with the sacred sphere of the Greek colonists' lives, from the very beginning to the classical time (Fig. 2, 3).

In the second part of the paper the research focuses on another particular aspect of the numismatic evidence in the context of long-term relations between the Greeks and non-Greeks in the Western and North-Western Area of the Pontus Euxinus — the acceptance of the coin as a symbol of legitimation of power by some “barbarian” dynasts. Chronologically, it is about the 2nd century BC, when in the territory of Scythia Minor (current Dobrudja), six dynasts with Iranian names are attested to have used coinage with Greek iconography and legends.

The archaeological and written sources (especially lapidary inscriptions) provide a basis for a schematic simplified model describing the functions of the money in the North-Western Black Sea Area on various levels in archaic, classical and Hellenistic times. There were, in author's opinion, at least nine means (Fig. 4) by which coinage flowed from the Greek cities on the seaside to their *chorai* and further to the tribes of the interior: 1. Money as a medium of exchange. 2. Individual finds of the lost or intentionally deposited pieces as a result of the mobility of the people. 3. Annual tribute. 4. Diplomatic gifts. 5. Payment to mercenaries. 6. Ransoms for prisoners. 7. Occasional plunder of the *poleis* by some barbarian dynasts. 8. Hoarding of money (tesaurization) for various purposes. 9. Greek copper money also seems to have played a role in rites of passage as funeral offerings. If one tries a comparison with the situation in other peripheral societies, one could imagine that arrow-money and the subsequent small copper coins would be most easily accepted as a standard value, which acted as the intermediary and convertible factor in the miscellaneous transactions between Greek money economy and prestige economy of Thracian and Iranian “barbarians”.

Случайные находки из поселка Прогресс

А. Е. Терещенко¹

Аннотация. В заметке представлен обзор разрозненных случайных монетных находок, сделанных в 2019 г. на территории частного владения в поселке Прогресс (Темрюкский район, Краснодарский край) — всего 15 бронзовых монет и два бронзовых предмета (колечко и щиток). Помимо расчистки, для всех предметов была произведена рентген-флуоресцентная спектрометрия металла. Кроме того была предоставлена информация о находке электрового статера чеканки Кизика.

Annotation. The paper discusses an overview of disparate coin artefacts found incidentally in 2019 at a private territory in the village of Progress (Temryuk district, Krasnodar region) — 15 bronze coins in total and two bronze objects (a ring and a small shield). Besides the cleaning of the objects, X-ray and fluorescence spectrometry of the metal has been conducted. In addition, we received the information about the discovery of the stater of electrum stamped in Cyzicus.

Ключевые слова: античная нумизматика, Боспор Киммерийский, пантикапейская чеканка.

Keywords: Ancient numismatics, Cimmerian Bosporus, Pantikaraion coinage.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-334-339

В период полевого сезона 2019 г. в Бугазский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН (поселение Артющенко I, Таманский п-ов) поступило несколько античных артефактов для очистки и определения. По словам находчика, они были обнаружены в поселке Прогресс, на территории древнего поселения.

Этот археологический памятник, получивший условное название «Прогресс I», впервые обследовался в 1983 г. Он находится на равнине, в 1,8 км к северо-западу от современного поселка². В его западной части проходит широкая лощина. Культурный слой

нарушен плантажной распашкой, микро рельеф сглажен, однако в нем различимы пологие возвышения (высота 35–44 м над уровнем моря)³, на которых концентрируется подъемный материал V в. до н. э. — III в. н. э. (Абрамов, Паромов, 1993. С. 59).

После очистки выяснилось, что комплекс находок составляют 15 монет (рис. 1, 1–15), колечко с зубчатым узором (рис. 1, 16) и вогнутый щиток с прорезью в центре (рис. 1, 17); все они изготовлены из бронзы⁴.

Итоги исследования нумизматической части выглядят следующим образом.

¹ Канд. ист. наук, заведующий отделом изучения истории дворцов, Государственный Русский музей; ул. Инженерная, д. 4, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

² В настоящее время часть территории поселения находится в частной собственности. Владелец участка является И. С. Москатов, предоставивший рассматриваемый материал.

³ На аэрофотосъемке им соответствуют светлые пятна.

⁴ В отношении всех находок заведующим отделом технологических исследований Государственного Русского музея С. В. Сирро была проведена рентген-флуоресцентная спектрометрия металла, за что приношу ему благодарность.

1. Пантикапей: *Ав.* Голова безбородого сатира вправо. *Рв.* Голова быка влево, вокруг легенда Π-Α-Ν. Лепта (?). D — 8×10 мм, вес — 1,0 г. Состояние плохое (рис. 1, 1, аналог⁵ — см. рис. 1, А). Состав металла: *Сu* (медь) — 80,6 %, *Sn* (олово) — 16,5 %, *As* (мышьяк) — 2,5 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %, *Sb* (сурьма) — 0,2 %.

Датировка: 375–240 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XL, 21); 340–330 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 215, № 51); 314–319 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140, № 114); ок. 330–320 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 150, № 1026); 380–350 гг. до н. э. (*Мельников*, 2002. С. 166); ок. 340 — 335 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2015. С. 125).

2. Пантикапей: *Ав.* Голова безбородого сатира в венке влево. *Рв.* Лук, под ним стрела вправо, внизу надпись ΠΑΝ. Т. н. «деградированный тип». Обол (?). D — 14×15 мм, вес — 2,0 г. Состояние удовлетворительное (рис. 1, 2, аналог — см. рис. 1, Б). Состав металла: *Сu* (медь) — 88,3 %, *Pb* (свинец) — 6 %, *Sb* (сурьма) — 2,6 %, *Sn* (олово) — 2 %, *Fe* (железо) — 0,5 %, *Ag* (серебро) — 0,4 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %.

Датировка: 300–250 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XLI, 5); первая половина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 217, № 66); третья четверть III в. до н. э. (*Голенко*, 1970. С. 23, прил. 6); 284/3 г. до н. э. — середина второй четверти III в. до н. э. (*Терещенко*, 2013а. С. 339); ок. 272 — 260 гг. до н. э. (*Мельников*, 2018. № 27–31).

3. Пантикапей: *Ав.* Голова безбородого сатира в венке влево. *Рв.* Лук, под ним стрела вправо, внизу надпись ΠΑΝ. Так называемый деградированный тип. Обол (?). D — 14 мм, вес — 1,4 г. Состояние плохое (рис. 1, 3, аналог — см. рис. 1, Б). Состав металла: *Сu* (медь) — 90,7 %, *Sn* (олово) — 6,2 %, *Sb* (сурьма) — 1,5 %, *As* (мышьяк) — 1 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %, *Pb* (свинец) — 0,2 %.

Датировка: 300–250 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XLI, 5); первая половина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 217, № 66); третья четверть III в. до н. э. (*Голенко*, 1970. С. 23, прил. 6); 284/3 г. до н. э. — середина второй четверти

III в. до н. э. (*Терещенко*, 2013а. С. 339); ок. 272 — 260 г. до н. э. (*Мельников*, 2018. № 27–31).

4. Пантикапей: *Ав.* Голова безбородого сатира в венке влево. *Рв.* Лук, под ним стрела вправо, внизу надпись ΠΑΝ. Т. н. «деградированный тип». Обол (?). D — 14 мм, вес — 1,2 г. Состояние плохое (рис. 1, 4, аналог — см. рис. 1, Б). Состав металла: *Сu* (медь) — 93,2 %, *Sn* (олово) — 4,2 %, *Pb* (свинец) — 1 %, *As* (мышьяк) — 0,7 %, *Sb* (сурьма) — 0,6 %.

Датировка: 300–250 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XLI, 5); первая половина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 217, № 66); третья четверть III в. до н. э. (*Голенко*, 1970. С. 23, прил. 6); 284/3 г. до н. э. — середина второй четверти III в. до н. э. (*Терещенко*, 2013а. С. 339); ок. 272 — 260 гг. до н. э. (*Мельников*, 2018. № 27–31).

5. Пантикапей: *Ав.* Голова Аполлона в венке вправо. *Рв.* Треножник, внизу надпись ΠΑΝ. Дихалк (?). D — 12 мм, вес — 0,8 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 5, аналог — см. рис. 1, В). Состав металла: *Сu* (медь) — 93 %, *Sn* (олово) — 5 %, *As* (мышьяк) — 1,2 %, *Sb* (сурьма) — 0,6 %, *Pb* (свинец) — 0,2 %.

Датировка: Середина III в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XLI, 9; *Шелов*, 1956. С. 217, № 69); 230–220 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 142, № 141); ок. 235 — 325 г. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 154, № 1054); 238–233 гг. до н. э. (*Мельников*, 2018. № 65–67); середина второй четверти — середина III в. до н. э. (*Терещенко*, 2013. С. 340).

6. Пантикапей: *Ав.* Голова безбородого сатира влево. *Рв.* Лук, стрела, внизу надпись ΠΑΝ. Надчеканка «треножник, слева надпись ΠΑΝ». Тетрахалк (?). D — 12 мм, вес — 1,1 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 6, аналог — см. рис. 1, Г). Состав металла: *Сu* (медь) — 91,7 %, *Sn* (олово) — 5,7 %, *As* (мышьяк) — 1,5 %, *Sb* (сурьма) — 0,6 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %, *Pb* (свинец) — 0,2 %.

Датировка: 240–230 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 141, № 139); 243–240 гг. до н. э. (*Мельников*, 2018, № 53–68).

7. Пантикапей: *Ав.* Голова Афины вправо. *Рв.* Надпись в две строки: сверху — ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу — ΛΕΥΚΩΝΟΣ. Обол. D — 17×18 мм, вес — 3,6 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 7, аналог — см. рис. 1, Д). Состав

⁵ Фотографии монет взяты с сайта «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив». Режим доступа: <https://bosporan-kingdom.com> (дата обращения 20.05.2020).

Рис. 1. Находки из пос. Прогресс (1-18) и аналогии к ним (А-Н): 1 — лепта (?); 2 — обол (?); 3 — обол; 4 — обол; 5 — дихалк (?); 6 — тетрачалк (?); 7 — обол (?); 8 — дихалк (?); 9 — дихалк (?); 10 — тетрачалк (?); 11 — дихалк (?); 12 — тетрачалк (?); 13 — дихалк (?); 14 — тетрачалк (?); 15 — тетрачалк (?); 16 — изделие в форме щитка; 17 — изделие в форме колечка; 18 — статер. А — лепта (?); Б — обол (?); В — дихалк (?); Г — тетрачалк (?); Д — обол (?); Е — дихалк (?); Ж — дихалк (?); З — тетрачалк (?); И — дихалк (?); К — тетрачалк (?); Л — дихалк (?); М — тетрачалк (?); Н — тетрачалк (?). 1-9, 11-13, А-Ж, И, К, Л — Пантикапей; 10, 14, З, М — Фанагория; 15, Н — Амис; 18 — Кизик; 16, 17 — пос. Прогресс. 1-17 — медь; 18 — электр

Fig. 1. Finds from the village of Progress (1-18) and their analogies (A-H): 1 — lepton (?); 2 — obol (?); 3 — obol (?); 4 — obol (?); 5 — dichalkus(?); 6 — tetrachalkus (?); 7 — obol (?); 8 — dichalkus (?); 9 — dichalkus (?); 10 — tetrachalkus (?); 11 — dichalkus (?); 12 — tetrachalkus (?); 13 — dichalkus (?); 14 — tetrachalkus (?); 15 — tetrachalkus (?); 16 — artifact with a form of a small shield (?); 17 — artifact with a form of a small ring; 18 — stater. A — lepton (?); B — obol (?); B — dichalkus (?); Г — tetrachalkus (?); Д — obol (?); Е — dichalkus (?); Ж — dichalkus (?); З — tetrachalkus (?); И — dichalkus (?); К — tetrachalkus (?); Л — dichalkus (?); М — tetrachalkus (?); Н — tetrachalkus (?). 1-9, 11-13, A-Ж, И, К, Л — Pantikapaion; 10, 14, З, М — Phanagoria; 15, Н — Amisos; 18 — Cyzicus; 16, 17 — the village of Progress. 1-17 — copper; 18 — electrum

металла: *Cu* (медь) — 93,6 %, *Sn* (олово) — 4,3 %, *As* (мышьяк) — 0,8 %, *Sb* (сурьма) — 0,8 %, *Pb* (свинец) — 0,5 %.

Датировка: Начало второй половины III в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 246, табл. XLI, 16); третья четверть III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 218, № 77); 240–230 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 141, № 135); ок. 217 — 215 г. до н. э. (*Мельников*, 2018, № 118).

8. Пантикапей: Ав. Голова Аполлона в венке вправо. *Rv.* Лук, под ним стрела вправо, внизу надпись ПАН. Дихалк (?). D — 10×11 мм, вес — 1,4 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 8, аналог — см. рис. 1, E). Состав металла: *Cu* (медь) — 92,9 %, *Sn* (олово) — 5,2 %, *As* (мышьяк) — 1 %, *Sb* (сурьма) — 0,6 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %, *Pb* (свинец) — 0,01 %.

Датировка: 200–121 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 246, табл. XLII, 11); первая половина и середина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 219, № 96); 220–210 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 142, № 146).

9. Пантикапей: Ав. Голова Аполлона в венке вправо. *Rv.* Лук, под ним надпись ПАН. Дихалк (?). D — 10×11 мм, вес — 2,0 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 9, аналог — см. рис. 1, Ж). Состав металла: *Cu* (медь) — 90,2 %, *Sn* (олово) — 7,2 %, *Sb* (сурьма) — 1 %, *As* (мышьяк) — 1 %, *Pb* (свинец) — 0,3 %, *Zn* (цинк) — 0,3 %.

Датировка: 150–140 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 143, № 170); ок. 155 — 145 г. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 154, № 1075).

10. Фанагория: Ав. Голова бородатого сатира вправо. *Rv.* Лук и стрела вправо, внизу надпись ФА. Тетрахалк (?). D — 12 мм, вес — 1,9 г. Состояние удовлетворительное (рис. 1, 10, аналог — см. рис. 1, 3). Состав металла: *Cu* (медь) — 86,1 %, *Sn* (олово) — 11 %, *As* (мышьяк) — 1,3 %, *Sb* (сурьма) — 1,1 %, *Ag* (серебро) — 0,3 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %.

Датировка: 250–200 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 246, табл. XLII, 13); начало — первая половина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 221, № 112); 220–210 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 142, № 147); 195–185 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 168, № 1166); 107–96 гг. до н. э. (*Мельников*, 2004. С. 250).

11. Пантикапей: Ав. Голова безбородого сатира в венке вправо. *Rv.* Шапки Диоскуров, внизу надпись ПАНТИ. Дихалк (?). D —

10×11 мм, вес — 1,8 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 11, аналог — см. рис. 1, И). Состав металла: *Cu* (медь) — 78 %, *Sn* (олово) — 20,4 %, *As* (мышьяк) — 1 %, *Fe* (железо) — 0,4 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %.

Датировка: Конец III — начало II в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, табл. XLI, 21); последняя четверть II в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 220, № 101); 130–125 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 143, № 176); 135–125 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 156, № 1081); 123–113 гг. до н. э. (*Мельников*, 2004б. С. 82).

12. Пантикапей: Ав. Голова Афины в шлеме вправо. *Rv.* Прора корабля, внизу надпись ПАН. Тетрахалк (?). D — 11 мм, вес — 0,8 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 12, аналог — см. рис. 1, К). Состав металла: *Cu* (медь) — 88,4 %, *Sn* (олово) — 8,8 %, *Sb* (сурьма) — 1 %, *As* (мышьяк) — 1 %, *Pb* (свинец) — 0,5 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %.

Датировка: Ок. 110 г. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 220, № 102); 125–115 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 144, № 183); 125–115 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 159, № 1089); 110–108 гг. до н. э. (*Мельников*, 2004. С. 250).

13. Пантикапей: Ав. Треножник. *Rv.* Звезда, между лучами надпись П-А-Ν-Τ-Ι-Κ-Α-Π. Дихалк (?). D — 13 мм, вес — 3,2 г. Состояние удовлетворительное (рис. 1, 13, аналог — см. рис. 1, Л). Состав металла: *Cu* (медь) — 89,2 %, *Sn* (олово) — 9 %, *Pb* (свинец) — 1 %, *Sb* (сурьма) — 0,4 %, *Fe* (железо) — 0,2 %.

Датировка: 100–75 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 246, табл. XLIII, 18); 90–80 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 145, № 203); 107–96 гг. до н. э. (*Мельников*, 2004. С. 250).

14. Фанагория: Ав. Голова Артемиды вправо, слева за плечом лук в колчане. *Rv.* Лань, под ней надпись ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ. Тетрахалк (?). D — 18×19 мм, вес — 6,0 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 14, аналог — см. рис. 1, М). Состав металла: *Cu* (медь) — 82 %, *Sn* (олово) — 16 %, *As* (мышьяк) — 1,4 %, *Sb* (сурьма) — 0,2 %, *Fe* (железо) — 0,2 %, *Zn* (цинк) — 0,2 %.

Датировка: 109–100 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 144, № 194); 92–91 гг. до н. э. (*Мельников*, 2010. С. 300).

15. Амис: Ав. Эгида с головой горгоны в центре. *Rv.* Ника, шествующая вправо,

с пальмовой ветвью на плече. Слева и справа имя города АМΙ-ΣΟΥ. Тетрахалк (?). D — 20×22 мм, вес — 6,8 г. Состояние очень плохое (рис. 1, 15, аналог — см. рис. 1, H). Состав металла: Cu (медь) — 84 %, Sn (олово) — 14,2 %, As (мышьяк) — 0,7 %, Ag (серебро) — 0,5 %, Pb (свинец) — 0,3 %, Zn (цинк) — 0,2 %.

Датировка: 85–65 гг. до н. э. (SNG BM Black Sea, 1993. 1177–1179).

Анализ металла щитка и колечка показал, что в сплаве этих изделий присутствует железоникелевая составляющая.

Щиток: Cu (медь) — 86,7 %, Zn (цинк) — 12 %, Ni (никель) — 0,5 %, Fe (железо) — 0,3 %, Sb (сурьма) — 0,3 %, Pb (свинец) — 0,2 %.

Колечко: Cu (медь) — 81 %, Zn (цинк) — 7,2 %, Sn (олово) — 7 %, Pb (свинец) — 2,2 %, As (мышьяк) — 0,8 %, Sb (сурьма) — 0,6 %, Ni (никель) — 0,5 %, Fe (железо) — 0,4 %.

В целом, как можно видеть по результатам рентген-флуоресцентной спектрометрии, для изготовления монет на Боспоре в IV–I вв. до н. э. в качестве обязательных присадок использовались сурьма и мышьяк. В большинстве случаев присутствуют оба этих элемента, иногда — только один из них. Впрочем, если судить по щитку и колечку, и для изготовления других предметов на основе меди применялась та же технология.

Возвращаясь к характеристике основной части находок из Прогресса I, можно констатировать, что они представляют собой вполне репрезентативную выборку относительно типологии монет, находившихся в обращении

на территории Боспорского царства в III–II вв. до н. э.

Кроме вышеописанных предметов владельцем участка была предоставлена информация о находке электрового статера города Кизик весом 16,2 г. Ав. Фигура Нике в позе коленапреклоненного бега влево, в левой руке — тунец. Голова божества повернута в правую сторону. Rv. Quadratum incusum. Датруется данный тип 500–460 гг. до н. э. (Fritze, 1912. № 21).

Судя по фотографии (рис. 1, 18), состояние этого экземпляра очень хорошее⁶. Подобный статер, правда, в худшем состоянии, входил в состав Мирмекийского клада 2003 г. (Мирмекийский клад, 2004. С. 56, № 52). Согласно сводке В. Н. Розова, помимо кладов на Боспоре «засвидетельствованы отдельные находки 16-ти электровых монет Кизика, среди которых безусловно преобладают статеры (13 экз.)» (Розов, 2017. С. 320). Принимая во внимание, что в 1997 г. большой клад кизикинов был найден в пределах античного памятника Артющенко II (Розов, 2017. С. 312), обнаружение в 12–15 км от него, на поселении Прогресс I, единичного кизикина вполне вероятно. Таким образом, с учетом нашего экземпляра количество разрозненных находок этой «валюты» античного мира возросло до 17 штук.

В заключение стоит констатировать, что Прогресс I, безусловно, является весьма многообещающим памятником и заслуживает скорейшего исследования.

⁶ К сожалению, монета уже продана.

Абрамов, Паромов, 1993 — Абрамов А. П., Паромов Я. М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 2. С. 28–95.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стило, 2011. 328 с.

Голенко, 1970 — Голенко К. В. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // НЭ. 1970. Т. VIII. С. 17–23

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с. (МИА. № 16.)

Мельников, 2002 — Мельников О. Н. К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н. э. // III БЧ. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. материалов III Боспорских чтений (Керчь, 20–23 мая 2002 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2002. С. 165–181.

Мельников, 2004 — Мельников О. Н. К хронологии монетных выпусков Боспора конца III —

- начала I в. до н. э. // V БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Сб. науч. материалов V Боспорских чтений (Керчь, 20–24 мая 2004 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2004. С. 248–258.
- Мельников, 2004а — Мельников О. Н. К итогам изучения хронологии монет Боспора конца III — начала I вв. до н. э. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. Вып. II. С. 81–85.
- Мельников, 2010 — Мельников О. Н. Понтийское производство монет Боспора // XI БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня, 2010. С. 295–305.
- Мельников, 2018 — Мельников О. Н. Датировка основных типов Боспора, времени от Евмела до Перисада III: дополнение к статье «Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э.» [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://coins.ucoz.ru/_ld/2/257____.pdf (дата обращения: 31.03.2020).
- Мирмекийский клад, 2004 — Мирмекийский клад. Новые открытия на Боспоре Эрмитажной археологической экспедиции: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 120 с.
- Розов, 2017 — Розов В. Н. О Таманском кладе кизикинов 1997 г. // ДБ. 2017. Т. 21. С. 311–327.
- Терещенко, 2013 — Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.
- Терещенко, 2013а — Терещенко А. Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV — конца III в. до н. э. // ДБ. 2013. Т. 17. С. 325–344.
- Терещенко, 2015 — Терещенко А. Е. К вопросу датировки новой разновидности пантикапейской меди IV в. до н. э. // Таврические студии. 2015. № 7. С. 121–125.
- Шелов, 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 234 с.
- Fritze, 1912 — Fritze H, von. Die Elektronprägung von Kyzikos: eine chronologische Studie // Nomisma. 1912. Heft VII. S. 1–38.
- SNG. BM Black Sea, 1993 — Sylloge nummorum Graecorum. The British Museum: The Black Sea. London: British Museum Press, 1993. Vol. IX, pt. 1. 69 p.

Casual artifacts from the village of Progress

A. E. Tereshenko

In the 5th century BC — the 3rd century AD an ancient settlement existed at the territory of the modern village of Progress of Temryuk district of Kransnodar region. The site was examined in 1983. It was named “Progress I” but no regular works have been conducted. A part of the settlement is now private property. Its owner gave the artefacts he found in 2018–2019 to Bugaz branch of Bosporan archaeological expedition of the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences for identification and publishing. The numismatic material consists of 15 bronze coins (12 Pantikapaion coins, 2 Phanagoria coins and 1 coin of Amastris) and two bronze objects — a ring and a round small shield with a hole in its centre (Fig. 1). The coins are dated to the period from the first half of the 4th century BC to the end of the 1st century BC. Besides the measuring and weighing of the coins, X-ray and fluorescence spectrometry of the metal of the coins has also been conducted. In addition, we received information about the discovery of the stater of electrum stamped in Cyzicus.

Некоторые соображения по поводу одной боспорской надписи (КБН. 150)

Н. В. Молева

Аннотация. В статье анализируется давно известная боспорская надпись КБН. 150 с точки зрения ее астрономического значения. Автор приходит к заключению, что плита с этой надписью и круглыми, специально сделанными лунками, могла представлять собой нижнюю часть боспорской парапегмы II в. н. э.

Annotation. The article analyses a well-known Bosporan inscription of CIRB. 150 from a point of view of its astronomical meaning. Author's conclusion: a slab with this inscription and round deliberate grooves could be a lower part of a Bosporan parapegma of the 2nd century BC.

Ключевые слова: парапегма, календарь, хронология, астрономическое счисление, созвездия, Боспор.

Keywords: parapegma, calendar, chronology, astronomical calculations, constellations, Bosporus.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-340-347

В 1892 г. Керченский музей древностей приобрел у Н. Файна расколотую на две части известняковую плиту с необычной двухстрочной надписью. По словам продавца, она была найдена на Глинице, то есть на территории некрополя Пантикапея. Никакие другие обстоятельства этой находки неизвестны. Судя по всему, камень сохранился не полностью; вероятнее всего, это нижняя часть плиты, имевшей первоначально подпрямоугольную или квадратную форму. Ее размеры: высота 26 см, ширина 61 см, толщина 11 см. Сама плита имеет закругленные углы и по краям окантована довольно высоким бортиком. Поперек нее крупными, но неглубокой резьбы буквами, состоящими из двойных линий, читается двухстрочная надпись: Ἄστρο τὰ δῆ / πρ(ο)βέβηκε («Звезды продвинулись»).

По этой надписи плита датирована составителями КБН II в. н. э. (КБН. 150). На единственной сохранившейся ее фотографии (рис. 1) хорошо заметно, что кроме надписи на поверхности имеются 12 глубоких,

специально сделанных круглых лунок, на которые совершенно не обратили внимание предшествующие исследователи (Латышев, 1895. № 4; IPE IV. 409; КБН. 150; Федосеев и др., 2013. С. 4). То, что надпись является цитатой из Гомера, было определено еще В. В. Латышевым (IPE IV. 409), и с тех пор его мнение является общепринятым. Замечу, что в «Илиаде» этот пассаж совершенно определенно связан с измерением времени: «...ночь убегает и близко Денница. Звезды продвинулись уж далеко; более двух уже долей Ночь совершила, и только что третья доля осталась...» (Ном. II. X, 252; Гомер, 1967. С. 173.)¹. В приведенной цитате описывается процесс измерения времени по движению звезд.

Спустя два столетия звездно-аграрный календарь, которым, как полагают, сельские жители Греции пользовались до средневековья,

¹ В переводе Н. Гнедича «Звезды ушли...». Составители КБН и Н. Ф. Федосеев уточнили: «Звезды продвинулись...».

был довольно подробно описан в «Трудах и днях» Гесиода (Hes. Op. 385, 415, 565, 570, 585, 600, 610, 620; *Гесиод*, 1963. С. 154–155, 160–161). Вполне естественно, что греческие колонисты, основавшие города в Северном Причерноморье и по берегам Боспора Киммерийского в частности, также сверяли свою жизнь и сельскохозяйственные работы со звездным небом.

В крупных центрах Древней Греции изготавливались специальные парапегмы — высеченные на каменных плитах календарные таблицы, целью которых было приведение в соответствие гражданского лунного и солнечного сельскохозяйственного года. Такое соответствие достигалось при помощи астрономических наблюдений за созвездиями. Положения звезд (восход и заход) на этих каменных календарях обозначались глубокими круглыми лунками. По мере надобности в эти лунки вставлялись штифты, отмечавшие расположение звезд в какой-то определенный день. Именно поэтому, по мнению И. А. Климишина, подобные таблицы обозначались именно словом «парапегма», то есть буквально «прикрепление» (Климишин, 1990. С. 183)². Такие календарные таблицы были найдены в Афинах, Милете и Риме. Все они, особенно афинские, сильно фрагментированы. Наибольший интерес для нашего исследования представляет милетская парапегма 110/109 г. до н. э., так как именно из Милета было выведено большинство боспорских колоний. Фрагменты ее были найдены при раскопках театра. Наряду с текстом на них имеются глубокие круглые лунки, обозначающие восход и заход созвездий (рис. 2, 1). В одной из таких лунок сохранился *in situ* каменный штифт (Бикерман, 1975. С. 23–28; Селешиников, 1977. С. 110; Климишин, 1990. С. 183–185). Вставленные штифты хорошо видны и на римской парапегме (рис. 2, 2).

Несомненно, что и в греческих городах Северного Причерноморья должны были существовать подобные таблицы. В этой связи снова обратимся к боспорской надписи КБН. 150.

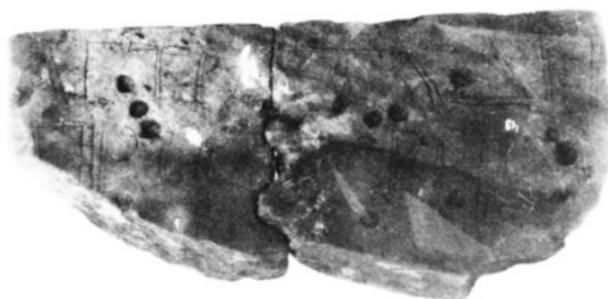

Рис. 1. Плита с надписью КБН. 150

Fig. 1. Slab with the inscription CIRB. 150

Ее содержание, способ нанесения и внешний вид очень необычны — надпись перекрывает изображение. Исследователи пытались объяснить это любовью боспорян к поэзии Гомера и тем, что, скорее всего, надпись представляла собой упражнения ученика, заданное резчиком (КБН. С. 149, комментарий к № 150). Сохранившееся ее фото (КБН-Альбом. 150) не отличается хорошим качеством, а эстампаж сделан только с надписи, без учета лунок. И хотя в настоящее время местонахождение этого памятника неизвестно, изображения практически полностью сохранившегося текста и лунок позволяют сделать предположение о специальной «прозрачности» надписи, нанесенной тонкими двойными линиями, а не о ее небрежности, как полагали первые издатели.

Кстати, Н. Ф. Федосеев и его соавторы в своем небольшом исследовании о поэзии античного Боспора (Федосеев и др., 2013. С. 4) высказывают предположение о том, что надпись могла быть чем-то иным, чем ученическим упражнением, и об этом стоит поразмышлять. Вполне возможно, что эта надпись, так же, как и строки Гомера, имеет прямое отношение к измерению времени, но уже на Боспоре. Этому имеются некоторые доказательства. Известно, что все надписи, относящиеся к I–IV вв. н. э. датируются по понтийской эре, которая была введена на Боспоре в период правления Митридата Евпатора вместе с македонским календарем (Скржинская, 2001. С. 42–43; Завойкин, 2013. С. 536–540). Именно с этого времени Боспор органично вошел

² От греческого глагола *παράπηγνυσι* — втыкать, вбивать, закреплять, фиксировать, отмечать (LSJ, s. v.).

в общеисторический процесс, как понимали его греки и римляне (*Завойкин*, 2013. С. 508). В посвящениях, проксениях, манумиссиях, строительных надписях уже обозначались даты, соответствующие понтийской эре и македонскому календарю (КБН. С. 832, 846, комментарий). При этом следует отметить, что нам мало известно о практических способах счисления времени в Боспорском государстве первых веков нашей эры. Более или менее изученными являются приемы определения времени внутри суток, благодаря находкам мраморных солнечных часов (скафисов) в Пантикапее и Китее, скрупулезно изученных С. А. Шестаковым (*Шестаков*, 2005. С. 360–373). Он же предпринял попытку сопоставить различные числа для определения количества дней в месяце и году (*Шестаков*, 2014. С. 492–496). Что же касается счисления лет, месяцев, длительности года и правил помещения интеркалируемого (дополнительного) месяца в боспорском календаре, то тут предстоит еще многое выяснить. Предположительным остается и новогодие. Можно только полагать, что в первые века существования Боспорского государства в нем использовался милетский календарь с весенним новым годом, как это было в Ольвии. Колонии, как правило, заимствуют из метрополий календари точно так же, как и культы. Это правило строго соблюдалось милетскими апойкиями (*Виноградов, Русяева*, 1980. С. 37). Вполне вероятно, что и в Ольвии, и на Боспоре, как и в Милете, летоисчисление могло быть связано с культом Аполлона (*Скржинская*, 2001. С. 40; *Завойкин*, 2013. С. 537). В первые века нашей эры календарные счисления, вероятнее всего, изменились. Поэтому любая находка, дающая информацию о календарях этого времени, представляет значительный интерес.

Хочется еще раз обратить внимание на то, что на поверхности нижней части плиты КБН. 150 кроме «астрономического» текста имеются 12 специально выдолбленных круглых лунок. Три большие лунки в левой части плиты расположены наискосок по прямой линии и вызывают безусловную ассоциацию с Поясом Ориона — группой звезд, которая сопутствует Большой Медведице и хорошо

заметно на небосклоне Северного полушария. В нем много ярких звезд. Оно хорошо запоминается и легко узнается (*Крапп*, 2000. С. 411).

В правой части плиты лунки кажутся расположенными беспорядочно, но, учитывая фрагментарность памятника, вполне возможно, что они тоже образовывали созвездия или обозначали отдельные звезды. Кроме того, на поверхности плиты в крайней левой ее части угадывается еще несколько лунок, но качество фотографии не позволяет утверждать это однозначно. Совершенно очевидно, что именно круглые лунки главенствуют на стеле, а слабо прочерченная надпись служит как бы фоном, пояснением к ним. И лунки, и сам текст могут быть соотнесены с астрономическими изображениями на древних парапетгах. Однако заметна и разница; на календарных таблицах из Милета, Афин и Рима (рис. 2) текстовые описания положения созвездий сопровождаются лунками, их обозначающими, в которые в соответствующее время вставлялись штифты. На боспорской плите имеются только лунки, к которым нет текстового комментария. Вероятно, несколько созвездий, обозначенных ими, были настолько узнаваемы и характерны, что не нуждались в пояснении. Возникает вопрос: не представляет ли собой исследуемый памятник часть боспорской парапетги II в. н. э., пусть даже в упрощенном, по сравнению с греческими, варианте? В таком случае это был бы первый и пока единственный памятник подобного рода в Северном Причерноморье. К сожалению, из-за того, что плита дошла до нас со значительными утратами, мы не можем судить о реальной практике счисления года на Боспоре в первые века нашей эры. Однако сам факт наличия астрономических наблюдений за звездным небом на широте Крыма очень интересен. Но есть ли свидетельства, подтверждающие такую гипотезу?

Использовавшиеся для учета времени приспособления, в конструкции которых присутствовали круглые лунки, известны с глубокой древности. Самое раннее из них относится к верхнему палеолиту. При раскопках Ачинского поселения в Сибири был найден жезл из бивня мамонта с косыми пе-

рекрестьями, образованными лунками. Одна из лунок на этом жезле была заполнена белой пастой. Проанализировав эту находку, ее автор, профессор В. Е. Ларичев, пришел к выводу, что этот жезл мог использоваться жрецами при расчетах годового движения звезд (Ларичев, 1980. С. 3; 1984. С. 99–100).

Костяная пластинка из Сержака (Франция), также относящаяся к верхнему палеолиту, содержала ряды лунок, вероятно, обозначающие дни лунных месяцев. Д. Ламберт предполагает, что эти изображения могут быть связаны со счислением последовательности фаз Луны (Ламберт, 1991. С. 170). В древнеегипетских астрономических и календарных таблицах также использовались круглые лунки внутри обозначения звезд.

Шли века, но косые насечки, кресты (солярные знаки), спирали и лунки по-прежнему продолжали использоваться для календарных обозначений. Широко известны сосуды Черняховской культуры IV в. н. э. из Лепесовки и Ромашково, на венчиках и стенках которых обозначены месяцы и дни года. На горшках из Ромашково круглыми лунками обозначены дни, сгруппированные в 12 месяцев, а на чаше из Лепесовки изображен календарь с обозначением солярных праздников и сельскохозяйственных работ (Рыбаков, 1962. С. 67–69; Климишин, 1990. С. 165–166).

Общепринятая в древности традиция обозначать лунками и косыми крестами расположения звезд и Солнца была свойственна и античному миру, и Боспорскому царству как его составляющей. На территории последнего было обнаружено несколько артефактов, связанных с измерением времени. Кроме уже упоминавшихся солнечных часов это два костяных изделия в виде четырехгранников из некрополей Илурата и Пантикапея, сохранившиеся почти полностью (рис. 3). Особенно показателен полый четырехгранник из Илурата, на всех сторонах которого имеется гравированный «рисунки», состоящий из 12 + 1 «отсеков», разделенных горизонтальными линиями. Внутри каждого «отсека» размещены косой крест и глубокие лунки, число и расположение которых разнятся (рис. 3, 1).

Находка эта, так же как и исследуемая плита с надписью, относится ко II в. н. э. Уже было высказано мнение, что 12 «отсеков» соответствуют месяцам года, а еще один, дополнительный, вероятно отражает систему интеркаляции: по македонскому календарю еще один месяц вставлялся через год. Лунки, обозначающие положение звезд в том или ином месяце, могли заполняться штифтами в виде шариков из воска или глины (Молева и др., 2004. С. 171–173; Молева, Молев, 2016. С. 168–169). Несмотря на некий скепсис, высказанный в отношении интерпретации костяного изделия из Илурата как календарной схемы, использовавшейся на Боспоре в первые века нашей эры, эта точка зрения получила признание в академическом издании по истории развития оптики (раздел «Небесные циклы и календари») (Стафеев, Томилин, 2006. С. 89–90).

Конечно, очень интересен вопрос о том, какие звезды и созвездия являлись на Боспоре определяющими при счислении года и делении его на части. Со времен Гесиода известно, что главным созвездием на ночном небе Греции были Плеяды (Hes. Op., 385ff.; Гесиод, 1963. С. 154). Наряду с ними упоминается Большая Медведица (Арктос), движение которой зимой соотносилось с Орионом. На широте Крыма Арктос и Орион видны особенно четко, а сезоны — весна, лето, осень, зима — характеризуются разными положениями «ковша» Большой Медведицы и пояса Ориона (Крапп, 2000. С. 451). По мнению греков, на северном небе это созвездие относится к числу незаходящих: «Арктос чуждается мыться в водах Океана» (Ном. II. XVIII. 488; Гомер, 1967. С. 319). Вполне вероятно, что греки, жившие в городах Северного Причерноморья, могли использовать Орион и Большую Медведицу при счислении календарных циклов и новогодий. Две-три тысячи лет назад эти звезды располагались еще выше из-за прецессии земной оси и наблюдались «более зримо» (Крапп, 2000. С. 443).

В этом отношении весьма примечательна случайная находка, сделанная на территории античного Херсонеса Е. Я. Туровским. Это медный кованный перстень ленточной формы,

декорированный насечками и круглыми большими и маленькими лунками (рис. 4). В центральной его части изображено хорошо узнаваемое созвездие Большой Медведицы в горизонтальном положении, обозначенное маленькими лунками. Автор публикации этого перстня считает все изображения на нем каббалистическими знаками (Баканов, 2001. С. 143). Такое предположение противоречит центральному изображению на перстне, где созвездие Большой медведицы находится параллельно горизонту, то есть так, как оно располагается осенью (Крапп, 2000. С. 451). Остальные изображения (лунки и насечки) также не соответствуют каббалистическим знакам. В данном случае наиболее вероятной может быть гипотеза о календарном смысле этих обозначений на недорогом перстне, предназначенном для индивидуального использования. Эта находка может косвенно подтвердить предположение В. И. Кадеева об осеннем новогодии в Херсонесе (Кадеев, 2000. С. 268). Присутствие же лунок роднит его с парапегмами в самом упрощенном их варианте.

Что же касается Боспора, то, хотя из эпиграфических источников нам хорошо известны названия всех используемых в первые века нашей эры месяцев, у нас крайне мало сведений об их порядке в календаре и о традиции новогодия. Некоторые исследователи относят начало боспорского года в первые века нашей эры приблизительно ко времени осеннего равноденствия (Скржинская, 2001. С. 41).

В заключение отмечу, что на Боспоре в первые века нашей эры счисление времени шло в русле общего развития хронологии в греческой ойкумене, для которого было характерно стремление к точной датировке фактов и событий (Там же. С. 44). Значительное развитие астрономии и математики имело практическое значение для составления календарей. В боспорских городах (Пантикапее, Китее, Илурате) были найдены приборы, связанные с измерением времени: солнечные часы, календарные схемы индивидуального пользования и, может быть, часть парапегмы с красноречивой надписью «звезды продвинулись...» (КБН. 150).

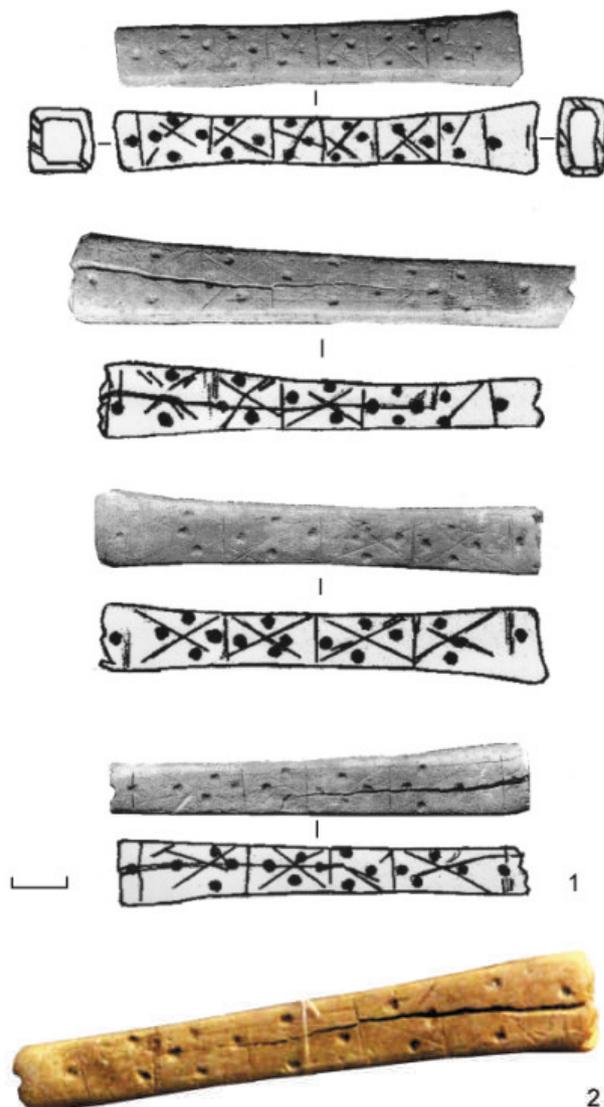

Рис. 3. Календарные таблицы на кости: 1 — из Илурата; 2 — из Пантикапея

Fig. 3. Calendar tables on a bone: 1 — from Iluraton; 2 — from Panticapaeum

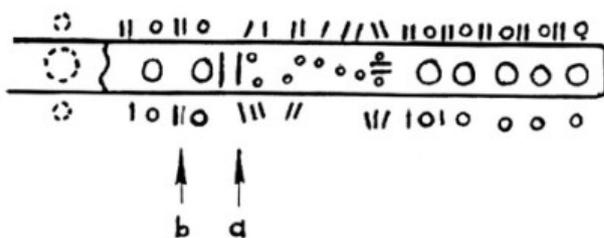

Рис. 4. Изображения на перстне из Херсонеса
Fig. 4. Images on a ring from Chersonesos

- Баканов*, 2001 — *Баканов М. Ф.* Перстень с каблистическими знаками из Херсонеса // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона (материалы II Крымской международной религиоведческой конференции): Сб. науч. тр. Севастополь: Б. и., 2001. С. 139–143.
- Бикерман*, 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Виноградов*, *Русяева*, 1980 — *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. А. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 19–64.
- Гесиод*, 1963 — *Гесиод*. Труды и дни / пер. В. В. Вересаева // Эллинские поэты. М.: Художественная литература, 1963. С. 141–168.
- Гомер*, 1967 — *Гомер*. Илиада / Пер. Н. Гнедича. М.: Художественная литература, 1967. 766 с.
- Завойкин*, 2013 — *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС принт, 2013. 592 с.
- Кадеев*, 2000 — *Кадеев В. И.* О календаре Херсонеса Таврического // *Кадеев В. И.* История и археология Причерноморья: статьи разных лет. Харьков: Бизнес-информ, 2000. С. 363–371.
- Климишин*, 1990 — *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1990. 480 с.
- Крапп*, 2000 — *Крапп Э. К.* Астрономия = Beyond the blue horizon. Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / Пер. с англ. К. Савельева. М.: Гранд; Фаир-пресс, 2000. 654 с.
- Ламберт*, 1991 — *Ламберт Д.* Доисторический человек / Пер. с англ. В. З. Махлина; под ред. А. Н. Олейникова. Л.: Недра, 1991. 254 с.
- Ларичев*, 1980 — *Ларичев В. Е.* Чей календарь древнее? // Неделя. 1980. № 40.
- Ларичев*, 1984 — *Ларичев В. Е.* Находки в Сибири // Остров пурпурной ящерицы: Сб. / Сост. С. Плеханов. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 99–100.
- Латышев*, 1895 — *Латышев В. В.* Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах. С объяснениями академика В. В. Латышева // МАР. № 17. СПб: Типография Имп. Академии Наук, 1895. 86 с. + 1 табл.
- Молева*, *Молев*, 2016 — *Молева Н. В., Молев Е. А.* О счислении годового цикла на Боспоре // Ученые записки Крымского ФУ им. В. И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68), № 1. Исторические науки. С. 165–174.
- Молева и др.*, 2004 — *Молева Н. В., Тульпе И. А., Хрищановский В. А.* Костяная поделка из Илурата — боспорский календарь? // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы МНК. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 171–183.
- Рыбаков*, 1962 — *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. н. э. из земли полян // СА. 1962. № 4. С. 74–79.
- Селешников*, 1977 — *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1977. 224 с.
- Скржинская*, 2001 — *Скржинская М. В.* Хронологические исчисления на Боспоре и в Ольвии // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы МНК. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 40–44.
- Стафеев*, *Томилин*, 2006 — *Стафеев С. К., Томилин М. Г.* Пять тысячелетий оптики. Предыстория. СПб., 2006. 304 с.
- Федосеев и др.*, 2013 — *Федосеев Н. Ф., Кучеревская Н. Л., Артеменко Е. Д.* Продвинулись звезды... Керчь: Керченский историко-культурный заповедник, 2013. 60 с.
- Шестаков*, 2005 — *Шестаков С. А.* Солнечные часы из Керченского музея // БИ. Вып. IX / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь; Симферополь: Керченская городская типография, 2005. С. 360–373.
- Шестаков*, 2014 — *Шестаков С. А.* К проблеме боспорского календаря. Числа // XV БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 492–496.

Some considerations on one Bosporan inscription (CIRB. 150)

N. V. Moleva

The calculation of time at the Bosphorus in the first centuries AD looked like a chronology at Greek oecumene, i. e. it tried to precisely date facts and events. Astronomy and mathematics were considerably developed there. They had a real-life impact on calendars compilation. Some devices which used to measure time were found in Bosporan towns (Panticapaeum, Kytion, Iluraton): sun clocks, calendar schemes for individual use. The Bosporan inscription (CIRB. 150) is probably about one of them. The author thinks that the slab with the eloquent inscription “the stars have moved...” and round deliberate grooves could be the lower part of the Bosporan parapigma of the 2nd century BC.

Цифровое граффито из раскопок Нимфея

А. С. Намойлик¹

Аннотация. В статье рассматривается древнегреческое граффито, обнаруженное в 2006 г. при раскопках боспорского города Нимфея. Граффито состоит из порядковых числительных, обозначающих последовательность дней с первого по пятый, и акрофонических цифровых знаков. Шрифт надписи позволяет датировать ее III в. до н. э. Предполагается, что граффито представляет собой хозяйственную запись, связанную с одним из мероприятий, проводившихся в нимфейском театре.

Annotation. The article considers an ancient Greek graffito found in 2006 during the excavations of the Bosphoran city of Nymphaion. The graffito consists of ordinal numerals denoting a sequence of days from the first to the fifth, and acrophonic numeric signs. The inscription manner of writing allows us to date it to the 3rd century BC. It is estimated that the graffito is a household note related to one of events that were conducted in the Nymphaion theatre.

Ключевые слова: граффито, Нимфей, Боспор, древнегреческий язык, акрофонические цифровые знаки.

Keywords: graffito, Nymphaion, Bosphorus, Ancient Greek language, acrophonic numeric signs.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-348-354

В ходе исследований городища Нимфей, проводившихся в 2006 г. Нимфейской археологической экспедицией Гос. Эрмитажа, был обнаружен фрагмент амфорной стенки с семистрочным граффито на древнегреческом языке². находка происходит из мощной многослойной насыпи, которая образовалась над архитектурным комплексом, включавшим в себя ряды каменных сидений амфитеатра и пропилеи ионического ордера. Возникнув в первой половине IV в. до н. э., этот комплекс функционировал до середины III в. до н. э. (Соколова, 2017. С. 244–246; 2019. С. 208, 222–228; Соколова, Павличенко, 2002. С. 99–121).

Фрагмент с граффито оказался в слое засыпи, сформировавшемся во второй половине III — II в. до н. э.; в нем также присутствовало небольшое количество материалов IV в. до н. э. и первых веков новой эры (Соколова, 2007. С. 32–39).

Надпись процарапана на обломке тулова амфоры размерами 8,6 × 7,8 см (рис. 1)³. Глиняное тесто красно-коричневого цвета, с большим количеством блесок слюды и включениями кварца; поверхность покрыта темно-бежевым ангобом. Эти характеристики свидетельствуют о том, что амфора была изготовлена за пределами понтийского региона. На черепке имеются потертости, появившиеся еще до нанесения граффито и потому

¹ ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; ул. Древняя, д. 1, г. Севастополь, 299045, Россия; e-mail: info@chersonesos-sev.ru.

² Выражаю признательность начальнику экспедиции О. Ю. Соколовой за возможность публикации надписи.

³ находка хранится в фондах ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (КП-164035; КМГ-3839; Оп. № Н.06.278).

не затрудняющие прочтение надписи. Текст сохранился целиком.

- 1 ΠΡΩΤΗ Η
- 2 ΔΕΥΤΕΡΑΙ Η
- 3 ΤΡΙΤΗΙ ΙΙΙ Η
- 4 ΤΕΤΡΑΔΙ
- 5 ΙΙ ΗΔΙΙΙ
- 6 ΠΕΝΤΗΙ
- 7 ΔΔΔΔΠ

Граффито выполнено аккуратно, уверенной рукой. Высота знаков варьируется от 0,25 см (*омега*) до 1,25 см (вертикальная черта в пятой строке), достигая максимальных размеров в пятой и шестой строках. Шрифт надписи отличается следующими особенностями: *альфа* с прямой перекладиной, *дельта* со скошенным основанием, широкое *пи* с гасками разной длины (правая длиннее левой — *sic!*) и горизонталью, выступающей за пределы вертикалей с левой стороны, *ню* с приподнятым правым уголком, *ро* с длинной вертикалью, широкое *тау* с вертикалью, смещенной вправо. *Эпсилон*, *ипсилон* и *омега* имеют курсивные очертания; *омега* располагается в верхней части строки, *эпсилон* состоит из трех параллельных черточек разной длины, соединенных дугой. Правые наклонные линии *альфы* и *дельты* длиннее левых; гаски некоторых букв вогнуты. В целом подобные палеографические характеристики свойственны памятникам малой эпиграфики III в. до н. э.⁴, в том числе граффито на нимфейской фреске, которую относят к середине этого столетия (Яйленко, 1995. С. 230–272; Vinogradov, 1998a. С. 271–302; Яйленко, 2017. С. 814, рис. 130). По сравнению с текстами на фреске, представляющими собой образцы развитого курсивного письма, шрифт рассматриваемого граффито более консервативен; кроме того, в нем употребляется *iota adscriptum*, отсутствующая в надписях на фреске. Эти детали могут указывать на более раннюю датировку в пределах

⁴ Ср.: Намойлик, 2008. С. 155 (Нимфей, III в. до н. э.); Намойлик, 2018. С. 127–128, № В103 (Нимфей, III в. до н. э.); Vinogradov, 1998b. P. 149 (Ольвия, вторая половина III — первая половина II в. до н. э.).

Рис. 1. Цифровое граффито из раскопок Нимфея. Фотография и прорисовка

Fig. 1. Numeric graffito from the Nymphaion excavations. Photo and drawing

III в. до н. э. Вместе с тем обе разновидности письма и орфографические варианты⁵ могли существовать одновременно. Примечательной особенностью надписи является соседство таких обычно асинхронных элементов, как курсивные формы и *iota adscriptum*.

Благодаря аккуратности автора граффито, который предусмотрительно разделил текст на смысловые блоки, а также ввиду хорошей сохранности находки чтение надписи не вызывает затруднений.

- 1 πρώτῃ(ι) Η
- 2 δευτέραί Η
- 3 τρίτῃι ΙΙΙ Η
- 4 τετράδι
- 5 ΙΙ ΗΔΙΙΙ
- 6 πέντῃι
- 7 ΔΔΔΔΠ

⁵ Ср.: КБН. 75 (Пантикапей, II в. до н. э.): Ἀφροδείτῃ, но μεδεούση.

Граффито представляет собой список порядковых числительных в форме Dat. sing. *femīnīnum*, сопровождаемых акрофоническими цифровыми знаками. Числительные следуют в возрастающем порядке от *πρώτη(ι)*⁶ до *πέντη*⁷. Форма *δευτέρα* с сохранением *ā rīgīt* не принадлежит ионийскому диалекту, доминировавшему в Нимфее в архаическую и классическую эпохи (Намойлик, 2005. С. 52–54), и, скорее всего, является результатом распространения койне. Вместо ожидаемого порядкового числительного *τετάρτη* в надписи употреблена форма существительного *τετράς*. Оно может означать «четверка», но также — «четвертый день (месяца)» (LSJ, s. v.). Данный факт указывает на то, что в граффито идет речь о последовательности дней с обычным эллипсом слова *ἡμέρα*⁸. Однако эта последовательность не является перечислением начальных дней месяца, поскольку первый день месяца в лунном календаре, которым пользовались греки, носил название *νομήνια* (McLean, 2005. P. 161, 164, tabl. 13), а не *πρώτη*, как в нашем случае. Надпись переводится следующим образом.

в первый (день) — 100
 во второй (день) — 100
 в третий (день) — 4 100
 в четвертый (день) — 3 114
 в пятый (день) — 45

К сожалению, текст не дает ответа на вопрос о том, к чему относились указанные в нем цифры.

Ближайшей аналогией нимфейской надписи является граффито на фрагменте амфорной стенки, найденное в окрестностях

⁶ *Йота* уверенно дополняется на основании ее последовательного употребления во второй, третьей и пятой строках; эта последовательность убеждает в том, что форма без *ι* — результат описки, а не орфографический вариант.

⁷ Форма *πέντη* образована от количественного числительного *πέντε*; обычная форма — с губным согласным: *πέμπτη* (см.: Vиск, 1910. P. 57).

⁸ Например, в граффито на нимфейской фреске: *ἡνοίξαμεν Καλαμαῖωνος ἐβδόμη στήσαντος; ἡνοίξαμεν Θαρυεῶντος εἰκάδι; ἐνάτη Ταυρεῶνος ἐνδεκάτη* (Яйленко, 1995. С. 258–260, рис. 15, p, c, m).

поселения хоры Ольвии Лиманы-1 (Снытко, 2011. С. 180–191). Издатель датирует находку IV в. до н. э.⁹ Приведем наше чтение надписи, основанное на представленной в статье прописке, поскольку оно отличается от предложенного издателем.

- 1 ἐνάτη ΜΜ
- 2 δεκάτη ΜΜ
- 3 ἐνδεκάτη ΜΜ
- 4 δωδεκάτη ΜΗ
- 5 τρεῖσκαδεκάτη Μ[ ]
- 6 πεντεκαδε(κά)τη Μ[ ]

Расположение символов первой строки строго вдоль верхнего края черепка свидетельствует о том, что перед нами начальная часть текста, а расположение первых букв 1–5 строк строго друг под другом на одинаковом расстоянии от левого края — об отсутствии утрат в начале строк. Текст поврежден лишь в нижней части, возможно, только в левом и правом углах. Вероятно, начало списка было процарапано на другом черепке.

В граффито перечисляются порядковые числительные женского рода (начиная с «девятой» и заканчивая «пятнадцатой», с пропуском «четырнадцатой»), за которыми следуют акрофонические знаки. Числительные стоят в Nom. sing.; кажется, нет оснований усматривать здесь Dat. с опущением второго элемента дифтонга, так как в IV в. до н. э. написание с *ι* оставалось нормативным (Vиск, 1910. P. 32). Символ *Μ* обычно обозначал 1 мину (*μνᾶ*) как весовую (а не денежную) единицу,

⁹ И. А. Снытко определил амфору, на обломке которой прочерчено граффито, как херсонесскую. Отметим, что начало амфорного производства в Херсонесе Таврическом соотносят с началом клеймения, то есть со временем около 325 г. до н. э. (Кац, 2007. С. 310–316). Если фрагмент действительно принадлежал херсонесской амфоре, то датировку граффито следует сузить до последней четверти IV в. до н. э. Однако палеографические характеристики надписи (в частности, *σигма* с расходящимися верхней и нижней частями, аналогичной формы *μιο* с непараллельными боковыми линиями, отсутствие курсивных форм) скорее свидетельствуют о ее датировке в рамках второй и третьей четвертей этого столетия.

включавшую 100 драхм, а Н — половину (ἡμισυ) предшествующей единицы (*Tod*, 1912. P. 98–132; *Lang*, 1956. P. 9, nos. 32–34, 46, 47; *Guarducci*, 2005. P. 85). Перевод надписи таков.

- 1 *девятая — 2 мины*
- 2 *десятая — 2 мины*
- 3 *одиннадцатая — 2 мины*
- 4 *двенадцатая — 1,5 мины*
- 5 *тринадцатая — 1 мина [--]*
- 6 *пятнадцатая — 1 мина [--]*

Какое существительное подразумевалось при порядковых числительных этого граффито, остается неясным (в переводе на русский язык женский род греческих числительных сохранен условно). И. А. Снытко предложил несколько вариантов интерпретации текста: перечень пожертвований в храм с указанием их доли в общем приношении и итоговые цифры по каждому пункту; годовой отчет дедиканта с перечислением номеров земельных участков; части общего дохода, выраженные в цифрах; список уплаченных в казну налогов с каждого участка; перечень залоговой или продажной стоимости земельных участков. Ни одна из версий не подкреплена убедительными аналогиями; не сделана попытка установить опущенное слово, которое могло использоваться в значении «участок»; цифровые символы прочтены неудовлетворительно. В другой статье тот же автор отдает предпочтение интерпретации граффито как перечня государственных налогов (десятины) с участков хоры или отдельных «ойкосов», обозначенных порядковыми номерами (*Снытко*, 2013. С. 7).

Следует отметить, что мы действительно не располагаем аналогиями, которые помогли бы понять, какое существительное находится в эллипсе. Формально нашей надписи близки списки имущества афинских храмов (*Harris*, 1995), где среди прочего неоднократно перечисляются серебряные гидрии с указанием веса каждой.

- [ύ]δρῖαι ἀργυραῖ Ἰ Ἀθηνᾶ[ς] Πολ[ιά]δος
 πρώτη, σταθμὸν [Ἰ]ΝΝΝ[Η]ἸἸἸἸἸἸἸἸ
 δευτέρα, σταθμὸν [Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 ...

- ένάτη, σταθμὸν [XIII]
 δεκάτη, σ[ταθ]μὸν [Ἰ]Ν[Η]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 ένδεκάτη, [σ]ταθμὸν [Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 δωδεκάτη, [σ]ταθμὸν [Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 τρίτη καὶ δεκάτ[η] [Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 τετάρτη καὶ δεκ[ά]τ[η] [Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 λέμ[ε]π[τ]η[λέμ]π[τ]η]καὶδεκάτη[Ἰ]ἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸἸ
 ...
 (Аттика, 368/7 г. до н. э., IG II². 1425₁₃₇₋₁₆₄)

В отличие от этой надписи, в граффито с хоры Ольвии фигурируют округленные значения, едва ли являвшиеся результатом взвешивания.

Граффито с поселения Лиманы-1 является аналогией нимфейской находке лишь по форме, но не по содержанию.

Еще одно подобное граффито IV в. до н. э. происходит с поселения Сиверсов Маяк-1, также расположенного на хоре Ольвии. Надпись процарапана на донце аттического чернолакового килика типа Borsal: [ε]ἰκάδι ΑΓΑΘ[ ] (*Снытко*, 1991. С. 66–70). Слово εἰκάδι, употребленное в Dat. sing., аналогично тетράδι нимфейского граффито и означает «в 20-й день (месяца)». Издатель интерпретирует текст как посвящение Аполлону, сделанное в день его праздника 20-го числа неким жителем поселения: Ἀγαθ[ῖνος vel sim., patronymicon Ἀπόλλωνι] эпиклеза εἰκάδι. Однако одинаковые межбуквенные интервалы говорят в пользу того, что два сохранившихся слова были написаны одно за другим, то есть едва ли [ε]ἰκάδι было последним, а ΑΓΑΘ[ ] — первым словом граффито. Вотивные надписи, как правило, начинались с имени дедиканта (*Lazzarini*, 1976. P. 58–59), которое в нашем случае, скорее всего, стояло перед указанием даты и в настоящий момент утрачено. Тогда ΑΓΑΘ[ ] следует восстанавливать как Ἀγαθ[ῶν δαίμονι] («Доброму гению») или ἀγαθ[ῆι τύχηι] («в добрый час»), хотя, по верному замечанию И. А. Снытко, двадцатые числа обычно посвящались Аполлону, а благопожелание ἀγαθῆι τύχηι более характерно для лапидарных надписей¹⁰. Двадцатое число

¹⁰ Впрочем, эта формула изредка встречается и в граффито (*Виноградов*, 1990. С. 51–64; *Яйленко*, 2017. С. 675–678, рис. 116 — поселение Панское I, первая половина

упоминается также в посвятельном граффито на чернофигурном килике, обнаруженном на теменосе Ольвии: [Δε]λφινίωι εἰκοστῆ[ι] — «(Аполлону) Дельфинию 20-го числа» (Леви, 1964. С. 146–150, рис. 17, 2).

Заканчивая список возможных аналогий нимфейской надписи, приведем граффито τριάδι и ΓΙΙΙ на горле хиосской колпачковой амфоры первой половины IV в. до н. э. из Китея, обнаруженной в расселине, куда сбрасывали жертвоприношения (Молев, Молева, 2015. С. 155–163). Издатели считают надпись посвящением элевсинской триаде — Деметре, Коре и Иакху. Однако в античную эпоху употребление слова τριάς по отношению к божествам не имеет прецедентов ни в эпиграфических, ни в литературных источниках. Судя по *Thesaurus linguae Graecae*, это значение стало обычным только в христианских текстах¹¹. Не исключено, что слово τριάδι в граффито из Китея следует понимать как «на третий день» (LSJ, s. v.).

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении аналогии мало помогают для интерпретации нимфейского граффито. Попытаемся, насколько это возможно, сделать выводы на основании самого текста. Полное написание порядковых числительных, соблюдение интервалов между числительными и цифровыми знаками, аккуратность нанесения граффито говорят в пользу того, что оно являлось деловой записью, которая должна была быть понятна не только автору, но и другим потенциальным читателям. При цифрах нет указания на единицы измерения. Это не были единицы массы или стоимости: в противном случае вместо вертикальных линий в пятой строке стояли бы знаки драхмы. Весьма вероятно, что количество измерялось в штуках.

IV в. до н. э., на чернолаковой чаше; *Блаватская*, 1952. С. 69–73 — Киммерик, II в. н. э., на краснолаковом кубке).

¹¹ Акрофонические цифровые знаки ΓΙΙΙ (= 8) авторы публикации понимают как Γ — сокращение имени посвятившего — и ΙΙΙ — символ «триады». Этот символ они усматривают не только в граффито на столовой керамике, но и в стандартных цифровых обозначениях на венчиках пифосов и в случаях употребления буквы Ε (Молев, Молева, 2015. С. 157–158, 162–163, рис. 4, 2; 4, 3; 5).

Для третьего и четвертого дней приведено по два числа, причем вторые числа делятся на первые без остатка. Быть может, указанная величина делилась соответственно на четыре и три части (4 раза по 25 и 3 раза по 38).

Возможно, в граффито шла речь о некоем мероприятии, длившемся пять дней, например о празднике. Известно, что в греческих полисах праздничные торжества могли занимать по несколько дней. Так, Фесмофории в Афинах продолжались три дня, а в Сиракузах — до десяти дней (Nilsson, 1906. P. 313–316). В течение пяти дней справлялись Великие Дионисии в Афинах: в первый день проводилось торжественное шествие (πομπή), а в остальные четыре проходили театральные представления (Pickard-Cambridge, 1968. P. 66).

Нимфейское граффито было обнаружено в слое насыпи над комплексом театра вместе с материалами второй половины III — II вв. до н. э. и небольшим количеством более ранних и более поздних примесей. Судя по палеографическим особенностям надписи, она относится к первой половине III в. до н. э., будучи синхронной последней фазе функционирования театра. Черепок с надписью мог попасть в насыпь, скатившись со склона, где располагались зрительские ряды.

Театр был местом проведения массовых общественных мероприятий, в первую очередь театральных и музыкальных представлений. О том, что в нимфейском театре проходили празднества в честь Диониса, свидетельствует посвятельная надпись агонотета Теопротида на архитраве пропилей, обрамлявших вход на территорию этого общественного сооружения (Соколова, Павличенко, 2002. С. 99–121).

В афинском театре Диониса был найден декрет 288 г. до н. э. в честь агонотета Агатея, сына Автокла (Michel, 1900. № 681). Согласно тексту постановления, в функции этого магистрата входило совершение жертвоприношений Дионису и остальным богам, а также организация агонов, в первую очередь дионисийских; о выполнении своих обязанностей агонотет отчитывался перед народным собранием.

Можно предположить, что нимфейское граффито было связано с одним из многодневных праздников, проводимых в театре, скорее всего с Дионисиями. Оно представляло собой план или отчет о каких-то расходных материалах¹². Автором надписи мог являться

¹² Примером официального документа подобного рода служит декрет с о-ва Кеос, в котором даются конкретные инструкции относительно организации публичного банкета по случаю праздника в месяце Маймактерионе (IG XII, 5, № 647; *Syll.*³ 3, № 958; *Minneapolis*, 2010. P. 209–217). В тексте перечислены основные необходимые для пиршества продукты и указано

агонотет, его помощник либо иное лицо, ответственное за организацию мероприятия. Это был человек, хорошо владевший навыками письма.

Если предложенный вариант интерпретации граффито соответствует действительности, то перед нами один из немногих памятников эпиграфики, имеющих отношение к функционированию театра в Нимфее.

количество мяса в расчете на одного человека. В эпиграфических памятниках Северного Причерноморья также встречаются случаи детализированной записи сакральных предписаний (*Ручинская*, 1994. С. 73–74).

Блаватская, 1952 — *Блаватская Т. В.* Надпись на сосуде из Киммерика // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII. С. 69–73.

Виноградов, 1990 — *Виноградов Ю. Г.* Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // *Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора Петра Осиповича Карышковского*. Одесса: Б. и., 1990. С. 51–64.

Кац, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).

Леви, 1964 — *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика) // *Ольвия. Теменос и агора* / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Наука, 1964. С. 131–174.

Молев, *Молева*, 2015 — *Молев Е. А., Молева Н. В.* «Триада» в сакральном граффито из Китейского святилища // БИ. Вып. XXXI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 155–163.

Намойлик, 2005 — *Намойлик А. С.* К вопросу о метрополии Нимфея (по данным письменных и археологических источников) // VIII Межвузовская конференция студентов-филологов: ТД. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 52–54.

Намойлик, 2008 — *Намойлик А. С.* Посвятительное граффито из Нимфея // *Hyperboreus. Petropoli: Bibliotheca Classica Petropolitana*. München: Verlag C. H. Beck, 2008. Vol. 14, fasc. 2. С. 153–161.

Намойлик, 2018 — *Намойлик А. С.* Граффити на керамических изделиях из раскопок Нимфея как источник по истории боспорского города

(по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2018.

Ручинская, 1994 — *Ручинская О. А.* Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // *Древности*. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1994. Т. 1. С. 73–86.

Снитко, 2013 — *Снитко І. О.* Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса // *Археологія*. Київ: Академперіодика, 2013. № 2. С. 3–14.

Снытко, 1991 — *Снытко И. А.* Посвятительное граффито с поселения античного времени на Бугском лимане // ВДИ. М.: Наука, 1991. № 4. С. 66–70.

Снытко, 2011 — *Снытко И. А.* Новая древнегреческая надпись с левобережья Бугского лимана // *Вопросы эпиграфики*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. Вып. V. С. 180–191.

Соколова, 2007 — *Соколова О. Ю.* Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2006 год. СПб., 2007 // Архив ОАМ ГЭ.

Соколова, 2017 — *Соколова О. Ю.* Нимфейская экспедиция в 2015 году // АСГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. Вып. 41. С. 238–247.

Соколова, 2019 — *Соколова О. Ю.* Нимфейская экспедиция в 2016 году // АСГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. Вып. 42. С. 208–228.

Соколова, *Павличенко*, 2002 — *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвященная надпись из Нимфея // *Hyperboreus. Petropoli:*

- Bibliotheca Classica Petropolitana. Vol. 8, fasc. 1. München: Verlag C. H. Beck, 2002. С. 99–121.
- Яйленко, 1995 — Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин. М.: Наука, 1995. С. 204–272.
- Яйленко, 2017 — Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора (VII в. до н. э. — VII в. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Buck, 1910 — Buck C. D. Introduction to the Study of the Greek Dialects. Boston, N. Y., Chicago, London: Ginn and Company, 1910. 320 p.
- Harris, 1995 — Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechtheion. Oxford: Clarendon Press, 1995. 306 p.
- Guarducci, 2005 — Guarducci M. L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 2005. 596 p.
- Lang, 1956 — Lang M. Numerical Notation on Greek Vases // Hesperia. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1956. Vol. XXV. issue 1. P. 1–24.
- Lazzarini, 1976 — Lazzarini M. L. Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Vol. XIX, fasc. 2. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1976. 356 p.
- McLean, 2002 — McLean B. H. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. 516 p.
- Michel, 1900 — Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles: H. Lamertin, 1900. 1000 p.
- Minnen, 2010 — Minnen P. Contracting Caterers on Keos // Myths, Martyrs, and Modernity. Studies in the History of Religions in Honour of Jan N. Bremmer / Eds. J. Dijkstra, J. Kroesen, Y. Kuiper. Leiden, Boston: Brill, 2010. P. 209–217.
- Nilsson, 1906 — Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der attischen. Leipzig: B. G. Teubner, 1906. 489 S.
- Pickard-Cambridge, 1968 — Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. Oxford: Clarendon Press, 1968. 358 p.
- Tod, 1912 — Tod M. The Greek Numeral Notation // Annual of the British School at Athens. London: MacMillan & CO., 1912. Vol. XVIII. P. 98–132.
- Vinogradov, 1998a — Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosporos // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden: Brill Academic Publisher, 1998. Vol. V. S. 291–302.
- Vinogradov, 1998b — Vinogradov Ju. G. Ein sprechender Lagynos aus Olbia Pontica // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1998. Bd. 121. S. 149–152.

Numeric graffito from the Nymphaion excavations

A. S. Namoilik

During the excavations of the Bosporan town of Nymphaion conducted in 2006 by the Nymphaion archaeological expedition of the State Hermitage Museum an amphora fragment with an ancient Greek graffito was found (Fig. 1). The find originates from a multilayer mound appeared above the architectural complex of the theatre. The graffito is a list of ordinal numerals in the form of dat. sing. femininum accompanied by the acrophonic numeric signs. Numerals are written in an ascending order from πρώτη to πέντη. Instead of expected ordinal numeral τετάρτη a noun form τετράς is used. This fact indicates that the graffito is about a sequence of days with a normal ellipsis of a word ἡμέρα. Based on palaeographic features of the inscription, it can be dated to the first half of the 3rd century BC and it's synchronous to the last phase of functioning of the theatre. It is fair to assume that the graffito was connected to one of multi-day celebrations held in the Nymphaion theatre. Most likely it is connected with the Dionysiacs. It was a plan or a report about some consumable materials. An agonothetes, his assistant or another person responsible for the organization of the event could be an author of the inscription.

ГИГИЕНОНТ — АРХОНТ НА БОСПОРЕ

С. Ю. Сапрыкин¹

Аннотация. Статья посвящена архонту Гигиенонту, который известен по монетам и клеймам на черепице как архонт Боспора. Время его правления по доступным источникам — начало II в. до н. э. По мнению автора статьи, Гигиенонт мог быть представителем рода Спартокидов и был избран архонтом в Пантикапее, где имел постоянную резиденцию. Один из последних Спартокидов, законный царь Боспора, был правителем всего царства, но в условиях опасности вторжений сарматов предоставил Гигиенонту право управлять европейским Боспором, чтобы укрепить обороноспособность столицы и его хоры, собрать войско и вступить в договорные отношения со скифскими царями Таврики против сарматской угрозы. Гигиенонт, если судить по его монетам, добился успехов на этом поприще и сумел одержать военную победу, усилившую военно-политическое влияние боспорских царей, что нашло отражение в изображении Афины Никефоры на царских золотых статерах.

Annotation. This article is devoted to archon Hygiainon known by coins and tile stamps as the archon of Bosphorus. According to available sources of information he ruled at the beginning of the 2nd century BC. The article's author believes that Hygiainon could be a member of the Spartocid dynasty. He was elected as an archon at Panticapaeum where he had his permanent residence. One of the last of the Spartocids and the legitimate king of Bosphorus ruled all over the kingdom, but against the risk of a Sarmatian invasion he allowed Hygiainon to rule European Bosphorus to strengthen a defensive capability of the capital and its countryside, gather an army and unite with Scythian kings of Tauris against a Sarmatian threat. From his coins we know that Hygiainon reached success in this field and managed to secure a military victory which strengthened military and political influence of Bosporan kings. It is reflected in an image of Athena Nicephorus on king's golden staters.

Ключевые слова: Боспор, Спартокиды, архонт Гигиенонт, Пантикапеей, черепичные клейма.

Keywords: Bosphorus, Spartocids, archon Hygiainon, Panticapaeum, tile stamps.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-355-366

Одной из наиболее загадочных в истории Боспорского государства является фигура Гигиенонта. Сохранились три серии его монет: золотой статер типа «голова Гигиенонта

вправо — Афина на троне с копьем и щитом влево с Никой в правой руке, монограммы в поле круга монеты и под тронном, под чертой трезубец между двух дельфинов, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ» (рис. 1, 1); две серебряные драхмы типа «голова Гигиенонта вправо — скачущий влево в галопе всадник в плаще, развевающимся по ветру за спиной, с копьем в правой поднятой вверх руке как бы поражающий противника, те же монограммы, что и на золотом статере, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ»

¹ Д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, к. 4, г. Москва, 119992, Россия; ведущий науч. сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Центр сравнительного изучения древних цивилизаций; Ленинский пр., д. 32А, г. Москва, 119334, Россия.

Рис. 1. Монеты архонта Гиgienонта: 1 — золотой статер Гиgienонта; 2 — серебряная драхма; 3 — медный тетрачальк

Fig. 1. Coins of archon Hygiainon: 1 — golden stater; 2 — silver drachma; 3 — copper tetrachalkus

Рис. 2. Клейма архонта Гиgienонта на боспорской черепице (1), прорисовки штампов черепичных клейм Гиgienонта (2)

Fig. 2. Stamps of archon Hygiainon on Bosporan tile (1), drawings of the tile stamps of Hygiainon (2)

(рис. 1, 2); медный тетрачальк «женская голова в покрывале вправо, сзади ветвь или рог изобилия?» — шапки Диоскуров со звездами между рогом изобилия, ΥΓΙΑ» (рис. 1, 3) (Орешиников, 1901. С. 37, рис. 2; Шкорпил, 1911. С. 38, табл. III, 1–3; Зограф, 1951. С. 138, табл. XLII, 18–20; Шелов, 1956. С. 184–186, табл. IX, 104, 105; Анохин, 1986. С. 62, табл. 5, 148–150; 2011. С. 182, № 1275–1277).

Гиgienонту принадлежат два штампа клейм на черепице — ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ (рис. 2) (IOSPE III. 1261–313; Шкорпил, 1904. № 711; 1911. С. 34–36; Придик, 1917. С. 129, № 54–58). Они обнаружены в Пантикапее, Мирмекии, Загородной усадьбе, Тиритаке, Порфмии, Нимфее (места находок многих клейм, к сожалению, неизвестны) (Придик, 1941. С. 185, № 95; Федосеев, 2012. С. 86–88, № 2713–2790; Ковальчук, Соколова, 2019. С. 341, № 271–277), а за пределами Керчи не засвидетельствованы (Шкорпил, 1911. С. 36, 37). Черепичные клейма Гиgienонта и его архонтство относили ко второй половине III в. до н. э. (Там же. С. 41–44), датировали 250–220-ми гг. до н. э. (Граков, 1935. С. 207, 208; Гайдукевич, 1935. С. 312, № 92, 93), впоследствии уточнив, что Гиgienонт правил в последней четверти III в. до н. э. как архонт, а не царь, так как не принадлежал к династии Спартокидов (Gajdukevič, 1971. S. 93). По другой точке зрения, монеты и клейма Гиgienонта появились в 215–205 гг. до н. э. (Анохин, 1999. С. 200, № 142, 143) либо в конце III — начале II в. до н. э. после некоторого ослабления власти Спартокидов (Шелов, 1954. С. 118–130; 1956. С. 152, 153; 1957. С. 220; ср.: Алексеева, 1997. С. 47). Эти даты были основаны на выводах В. В. Шкорпила и датировках монет Гиgienонта А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова — последняя четверть или треть III в. до н. э. (Шкорпил, 1911. С. 43; Орешиников, 1912. С. 41; Зограф, 1951. С. 183; Шелов, 1956а. С. 186).

В научной литературе неоднократно отмечалось, что золотой статер Гиgienонта типологически связан со статерами Лисимаха посмертной чеканки (Stolyarik, 1998. P. 63; Шонов, 2019. С. 221). Это позволило продатировать его в пределах второй половины и даже

последней трети III в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 183; *Шелов*, 1956а. С. 184). П. О. Карышковский, используя новую хронологию статеров Лисимаха чеканки Византия, высказал убедительное мнение, что эмиссия Гиgienонта, золотые монеты которого повторяют типологию монет посмертной лисимаховской чеканки и статеров Перисада II, укладывается во II в. до н. э., но никак не в III в. до н. э. Поэтому правление Гиgienонта следует датировать первой половиной II в. до н. э. (*Карышковский*, 1977. С. 23). По мнению Е. А. Молева, архонство Гиgienонта датируется не ранее второй декады II в. до н. э. Однако время его правления он отнес к 145–130 гг. до н. э., а клеймение черепицы — к третьей четверти II в. до н. э. (*Молев*, 1994. С. 10–14; 2004. С. 63, 64). В настоящее время наиболее популярная точка зрения сводится к тому, что архонт Гиgienонт правил в первой половине II в. до н. э. — в первой или во второй четверти столетия².

Монеты и клейма отражают лишь относительную хронологию правления Гиgienонта. Основной посыл дает комплекс Керченской гробницы, раскопанной в 1910 г., где найдены 10 черепиц с его клеймами, гидрия с ручкой в виде обнаженной фигуры Приапа на комической маске, чернолаковый сосудик с овальной ручкой, длинным горлышком и лучеобразными черточками черной краски по тулову вокруг основания горла, медная монета Пантикапея типа «голова быка — колос, плуг, [ΠΑΝ]ΤΙ» (*Шкорпил*, 1911. С. 42, 43). Эта монета датируется концом III — первой половиной II в. до н. э. (по Анохину — 160–150 гг. до н. э.) (*Шелов*, 1956а. Табл. VII, 83; *Анохин*, 1986. № 165; *Фролова*, 2007. С. 78). В. В. Шкорпил сравнил сосуд с фигурой Приапа с почти аналогичным сосудом-гидрией из Артюховского кургана, продатировав их концом III в. до н. э. Погребальный комплекс Артюховского кургана датируется серединой II в. до н. э., точнее — 145–125 гг. до н. э., а найденную там

гидрию считают боспорской. Ручки подобных сосудов с фигурными изображениями обнаружены в Порфмии и Нимфее — последняя найдена вместе с монетами 200–121 гг. до н. э. (*Максимова*, 1960. С. 55–57; 1979. С. 23, 118, 119, рис. 54, табл. IV, 3). Черепичная обкладка могилы с клеймами Гиgienонта явно вторичного использования, черепица попала на некрополь после снятия с крыши дома. Гидрия и чернолаковый сосудик, по типу близкий лагиносам первой половины II в. до н. э., были положены в могилу после смерти владельца, так как служили ему при жизни. Монета же могла обращаться достаточно долго. Поэтому черепица с клеймами архонта Гиgienонта могла быть выпущена приблизительно во второй четверти II в. до н. э. или чуть раньше.

Клейма Гиgienонта из Пантикапея и Мирмекия часто находят вместе с черепицей со штампами ΒΑΣΙΛΙΚΗ и обломками «мегарских» чаш. При раскопках остатков городской стены Пантикапея в 1924 г. были обнаружены фрагменты черепиц с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, ἄρχοντος Ὑψιάωντος и обломки «мегарских» чаш (*Гайдукевич*, 1935. С. 263). В помещении IV городища Мирмекий засвидетельствованы фрагменты керамид с клеймами Перисада II, ΒΑΣΙΛΙΚΗ, архонта Гиgienонта. При этом в соответствующих слоях эллинистического времени очень много фрагментов «мегарских» чаш боспорского и импортного производства (*Гайдукевич*, 1959. С. 77–80). На северном склоне западного плато Первого кресла горы Митридат при исследовании ордерной постройки № 387, которая прекратила функционировать в конце II — начале I в. до н. э., в слое разрушения найдены черепицы со штампами ΠΑΙΡΙΣΑΔΟ[Υ], [ΕΥ]ΘΕΣΙΩΝΟΣ, [ΕΥΘΕΣΙΩ]ΝΟΣ, ΒΑΣΙΛΙΚΗ, [ΒΑ]ΣΙΛΙΚΟΣ, ΑΡΧΟ[ΝΤΟΣ] / ΥΨΙΑΙ[ΝΟΝΤΟΣ], большое количество фрагментов «мегарских» чаш (*Толстиков*, 2010. С. 232–234, рис. 2, 4). В Северное Причерноморье рельефная керамика, так называемые «мегарские» чаши, стала активно поступать в конце второй четверти — середине II в. до н. э., а их местное боспорское производство начинает развиваться ближе

² *Stolyarik*, 1998. P. 61–70: первая четверть II в. до н. э.; *Фролова*, 2007. С. 71–83: ок. 165–150 гг. до н. э., золотой статер датируется ок. 160–150 гг. до н. э.; ср.: *Федосеев*, 2012. С. 87.

к рубежу II–I вв. до н. э. (Забелина, 1984. С. 153–172; Внуков, Коваленко, 1998. С. 61–74). Это позволяет приблизительно очертить хронологические границы использования черепицы с клеймами архонта Гиgienонта. Клеймение черепицы штампами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, как установлено, прекращается в начале II в. до н. э. (Граков, 1935. С. 207; Анохин, 1999. С. 200; Федосеев, 2012. С. 94, № 3287–3317)³, а монеты архонта Гиgienонта относятся к концу первой — второй четверти II в. до н. э. Соответственно клейма Гиgienонта должны были появиться около середины первой — начала второй четверти II в. до н. э., а черепица с этими клеймами могла использоваться до середины — начала второй половины столетия. Этим же временем — первой-второй четвертью II в. до н. э. — следует датировать и правление на Боспоре архонта Гиgienонта.

Существуют разные предположения о происхождении, властных полномочиях и судьбе Гиgienонта. Его считали скифским наместником на Боспоре (Werner, 1955. P. 422–430), современником Митридата Евпатора, наместником, даже преемником понтийского царя, руководителем антимиридатовского восстания на Боспоре. Полагали, что он был правителем в Боспорском царстве в I в. н. э.⁴

³ Ср.: Ковальчук, 2007. С. 2–7: вторая хронологическая группа включает царские клейма и оттиски архонта Гиgienонта 300 г. до н. э. — начала II в. до н. э.

⁴ Критику этих беспочвенных предположений см.: Шкорпил, 1911. С. 38; Молев, 1994. С. 9–12; ср.: Орешников, 1901. С. 40; Minns, 1913. P. 586: статер Гиgienонта датируется не позже II в. до н. э. К. В. Голенко сомневался в подлинности этого статера, однако его драхмы датировал концом II в. до н. э. (Голенко, 1982. С. 55). В. П. Яйленко считает, что архонт Гиgienонт управлял Боспором от имени Митридата Евпатора ок. 108–100 гг. до н. э. после подавления восстания Савмака и до Махара (Яйленко, 1990. С. 307, прим. 169). Это невозможно, так как противоречит типологии монет Гиgienонта, характерной для начала II в. до н. э., а главное — тому факту, что наместники понтийского царя не могли быть архонтами, так как являлись его сыновьями и в этом качестве управляли родовыми владениями Митридатидов, коими считался в том числе и Боспор, где до Махара наместничество осуществлял старший сын царя Митридат Младший.

Согласно М. И. Ростовцеву, это ставленник пантикапейского гражданства, не принадлежавший к роду Спартокидов (Ростовцев, 1918. С. 102). В. Ф. Гайдукевич предположил, что в последней четверти III в. до н. э. на Боспоре вспыхнула политическая борьба, что заставило Гиgienонта пользоваться титулом архонта, а не царя. Гиgienонт пришел к власти в результате заговора после гибели Левкона II, поэтому, не получив титула царя, ограничился титулом архонта (Гайдукевич, 1949. С. 78; Gajdukevič, 1971. С. 93). Этому мнению следует В. А. Анохин: Гиgienонт, став супругом царицы Алкатое, бывшей жены Левкона II и Спартока IV, которая убила своего первого мужа, был избран архонтом Народным собранием Пантикапея. Его власть распространялась и на варварское население Боспора, то есть она соответствовала титулатуре Спартокидов IV в. до н. э. При Гиgienонте городские монеты представлены исключительно пантикапейской чеканкой (Анохин, 1999. С. 89, 90).

По Е. А. Молеву правление Гиgienонта относится ко II в. до н. э. Его монеты в весовом отношении соответствуют боспорской чеканке II в. до н. э. Монограмма ПАН на статерах Перисада V аналогична монограмме на статерах и драхмах Гиgienонта, поэтому монеты последнего по времени выпуска и палеографии монетных легенд укладываются в пределы II в. до н. э. Медная монета с легендой ΥΠΑ относится к Гиgienонту, а краткость имени и отсутствие титулатуры вызваны обращением монеты на внутреннем рынке. На синхронных золотых и серебряных монетах официальный титул и имя правителя выписаны полностью, что делало необязательным повторение их на меди. Тип реверса — рог изобилия между украшенными звездами пилосами Диоскуров — повторяет типологию монет Понта последней четверти II в. до н. э. и выпущенных под их влиянием монет Пантикапея. Это, по мнению Е. А. Молева, решающий аргумент в пользу датировки меди Гиgienонта концом третьей четверти II в. до н. э., вследствие чего «все монеты архонта Гиgienонта оказываются принадлежащими

II в. до н. э.». Выпуск золота указывал на всю полноту власти, хотя Гиgienонт не мог стать законным царем по причине существования наследника престола и своего неспартокидовского происхождения. Поэтому у Гиgienонта не было права указывать титул царя и даже полное имя на его тетраخالке, последнем в серии его прижизненных монет. Появление всадника на драхмах говорит о том, что Гиgienонт совершил какие-то военные подвиги. Они могли быть связаны с тем, что Перисад IV погиб при столкновении с варварами, очевидно, сатархами. Поэтому стратег Гиgienонт, отомстив за его смерть, стал опекуном его малолетнего наследника с титулом архонта и впоследствии передал ему власть (Молев, 1994. С. 9–22; 2004. С. 61–66; ср.: Чореф, 2017. С. 62–72).

Согласно противоположной точке зрения, Гиgienонт — младший брат убитого в результате заговора Левкона II и пришедшего к власти Спартока V, но в момент злодеяния он на Боспоре отсутствовал. Появление Афины на его золотой монете было вызвано ее божественной функцией покровительницы, защитницы городов и победительницы врагов. Гиgienонт мог быть ее почитателем, подобно своему брату Левкону II, возможно, после пребывания в Афинах. Он использовал образ этой богини из желания продемонстрировать приверженность полисным устоям и защищать города, опору своей власти. Всадник на его монете символизирует обороноспособность державы, а символы Диоскуров — стремление расширить морскую торговлю (Русяева, Супруненко, 2003. С. 169–176).

Противоречивые, подчас спекулятивные, высказывания ученых объяснимы — у нас нет сведений о Гиgienонте, за исключением тех, которые дают монеты и керамические клейма на черепице. Из них следует, что он не был царем, а был только архонтом, не мог изображать себя на монетах в царской диадеме или царской повязке. Его правление приходится на первую-вторую четверть II в. до н. э. Гиgienонт был родственником или членом династии Спартокидов (Чореф, 2017. С. 62–72), о чем свидетельствует

трезубец Посейдона между двумя дельфинами на его золотых статерах (Шкорпил, 1911. С. 41; Фролова, 2007. С. 76)⁵. Предположение, что это не династический символ, а доказательство торгово-экономических связей между причерноморскими государствами (Чореф, 2017. С. 66–70), малореально. Эта символика засвидетельствована исключительно на царских золотых памятных монетах, которые не применяли при торговых расчетах. Их крайне мало, а типология монет связана с какой-то военной победой. Поэтому правление Гиgienонта было краткосрочным, возможно, экстраординарным. Клейма на черепице с именем и титулом Гиgienонта находят преимущественно на европейской стороне Боспора, но это всего два штампа, что подтверждает краткость его правления.

Следует отказаться от предположений о связи прихода Гиgienонта во власть с заговором и убийством Левкона II, а также с его женитьбой на царице Алкатое. Правление Гиgienонта относится к первой половине II в. до н. э. и никак не соотносится с событиями политической истории Боспорского государства второй половины III в. до н. э. Несостоятельны и утверждения о власти Гиgienонта над синдо-меотскими и прочими племенами сродни царской власти, которую имели Спартокиды в IV — первой половине III в. до н. э. (Там же. С. 66). Это могло быть, но только если бы титул Гиgienонта звучал как «архонт Боспора», тогда как Гиgienонт был простым архонтом. В этой связи сравнение его архонтства с архонтством Асандра в 45–42 гг. до н. э. (Молев, 1994. С. 12), когда на золотых монетах его титуловали «архонтом Боспора — Асандром» (Анохин, 1986. С. 146, 147), не совсем корректно. Асандр был этнархом, когда Фарнак II отправился походом в Малую Азию, оставаясь полномочным царем (его

⁵ Этот символ на Боспоре не являлся простым заимствованием с монет посмертной лисимаховской чеканки, а служил династической эмблемой Спартокидов. Это подтверждается его использованием на монетах последних Спартокидов (Фролова, 2007. С. 76, табл. II–III) и на царской черепице с клеймом ΒΑΣΙΛΙΚΗ (Федосеев, 2012. С. 95).

величали даже «царем царей»). Он был оставлен наместником на всем Боспоре, поэтому после узурпации власти в 47 г. до н. э. сохранил власть, распространявшуюся на всю территорию царства. Приняв титул архонта (законным царем оставался Фарнак II), он получил право поместить на свои золотые монеты пояснение, что правит всем государством. В случае с Гигиенонтом этого не наблюдалось, не считался он и царем Боспора. На это намекает отсутствие царской диадемы на его монетном портрете, поэтому как архонт он не был правителем всего Боспора.

На золотом статере и серебряных драмах архонта Гигиенонта имеются монограммы — одна состоит из двух или трех букв ΔН или НΔ (быть может, ΔНМ?), другая — из трех ΠΑΝ. В первой монограмме видят имя монетного магистрата⁶, а в монограмме под тронном Афины — сокращение названия Пантикапея (*Чореф*, 2017. С. 66) как обозначения места чекана монет (*Шкорпил*, 1911. С. 37; *Шелов*, 1956а. С. 184, 185; *Фролова*, 2007. С. 75). Однако нельзя исключать расшифровку первой монограммы как ΔН(ΜΟΣ), ΔН(ΜΟΣΙΑ), ΔН(ΜΟΣΙΟΝ). Вкупе с сокращенным названием столицы Боспора она показывала, что монеты Гигиенонта отчеканены в Пантикапее, где его власть была санкционирована гражданским коллективом полиса. Вот почему он имел право только на титул архонта. Правление Спартокидов являлось тиранией, зародившейся в Пантикапее, поэтому их титул «архонтов Боспора и Феодосии», то есть симмахии греческих городов Боспора, являлся по сути полисным. Архонтский титул Гигиенонта вполне укладывался в боспорскую традицию — величать правителей Боспора архонтами, как было принято у Спартокидов.

Спартокиды титуловались «архонтами Боспора и Феодосии», что подразумевало управление городами во главе с Пантикапеем. При Левконе I их титул дополнялся указанием

на «царствование» над синдо-меотскими племенами. Спарток III был первым из Спартокидов, кто заменил архонтский титул на титул царя, хотя в действительности власть династии оставалась тиранией. Гигиенонт вряд ли обладал архонтскими полномочиями, как ранние Спартокиды. Если бы Гигиенонт имел аналогичную титулатуру, то надобность в монограмме с названием Пантикапея на его монетах отпадала. Отсутствие у Гигиенонта титула царя вообще контрастирует с правлением на Боспоре в эпоху эллинизма. Клейма Гигиенонта находят в основном на европейской стороне Боспора, и его золотой статер происходит из района между Феодосией и Керчью (обе серебряные драхмы, правда, обнаружены на Таманском полуострове) (*Шкорпил*, 1911. С. 36, 37). Можно предположить, что Гигиенонт получил титул архонта по традиции в Пантикапее как столице государства, где в 438 г. до н. э. установилась тирания Спартокидов. Однако его властные полномочия ограничивались пределами вроейского Боспора, поскольку верховная власть оставалась за Перисадами, возможно, III и IV, которые по праву наследования имели царский титул (*Виноградов*, 1987. С. 64; *Толстиков*, *Виноградов*, 1999. С. 296; *Русяева*, *Супруненко*, 2003. С. 176; *Фролова*, 2007. С. 109–112). Объяснение этому может быть одно — Гигиенонт управлял частью государства на Керченском полуострове (*Орешников*, 1912. С. 41; *Шонов*, 2019. С. 219), тогда как общая власть принадлежала законному царю из рода Спартокидов, возможно, временно управлявшему азиатским Боспором. Не исключено, что при Гигиенонте действительно существовал малолетний наследник, как предлагалось в литературе (*Молев*, 2016. С. 55). Такое разделение власти в истории Боспора бывало при Левконе I, Перисаде I, Эвмеле и в римскую эпоху.

Исследователи предполагали, что клейма Гигиенонта как бы вклинились в серию почти одновременных им клейм Спартока, Перисада, Эвтесиона, ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΟΣ и даже черепичных клейм Пантикапея — ΠΑΝΤΙ. По нашему мнению, это невозможно. Гигиенонт правил не в III в. до н. э., а в первой половине II в.

⁶ Вычитывать в монограмме имя ΝΔΟΥΣ, как предлагает М. М. Чореф, крайне рискованно (*Чореф*, 2017. С. 66). За исключением Н и Δ другие буквы в монограмме не прочитываются.

до н. э. ближе к его середине. Клейма Пантикапея появились более чем на столетие раньше, клейма Спартока и Перисада относятся не к одноименным царям II в. до н. э., а принадлежат Спартоку III и Перисаду II, которые правили в первой половине III в. до н. э. Наконец, клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΟΣ были распространены в середине — второй половине III в. до н. э. как следствие финансирования общественно значимых построек из царской казны или из царского фонда (Сапрыкин, 2019а. С. 24; Сапрыкин, 2019б. С. 61–63). Подобная практика, очевидно, продолжалась при Гиgienонте, однако оплата строительных работ, изготовления и поставок черепицы производилась под прямым контролем архонта Пантикапея, где находились основные керамические эргастерии. Неслучайно, что в Анапском музее клейм Гиgienонта нет, нет их и в Горгиипии, а также, что показательно, в закрытом комплексе Таманского толоса. Это святилище погибает около середины II в. до н. э., очевидно, в связи с вторжением сарматов (Сокольский, 1976. С. 123, прилож. 2). На этом основании можно сделать вывод, что клейменная при архонте Гиgienонте черепица предназначалась для Пантикапея и его ближайшей периферии. Это подтверждается полисным титулом Гиgienонта — архонт, и тем, что его резиденцией являлся Пантикапей. Отрицание полисного характера должности архонта Гиgienонта (Чорев, 2017. С. 62–66) опровергается расшифровкой названия общины Пантикапея в монограммах на золотых и серебряных монетах этого правителя. Близкие и даже иногда тождественные им монограммы на монетах последующих царей Спартока IV, Перисадов IV и V (Фролова, 2007. С. 107) не противоречат этому выводу. Они показывают, что их монеты были выпущены в Пантикапее как царские в столице всего государства в противоположность Гиgienонту, власть которого как архонта была ограничена, а значит, не распространялась на всю территорию Боспора.

Появление на Боспоре Гиgienонта было вызвано обострением обстановки вокруг этого государства. В начале II в. до н. э. в Прикубанье активизировал деятельность сиракский

племенной союз. В середине II в. до н. э. сираки, ставшие могущественнее, включили в свой состав новые группы варварского населения и начали военную экспансию против Боспорского царства. Они разрушили Таманский толос, началась варваризация, точнее сарматизация, местного населения, на Боспор была наложена дань, которая была ежегодной и постепенно становилась непосильной (Strabo. VII, 4, 3–4) (Марченко, 1996. С. 126, 127). В пределы Боспора начали вторгаться роксоланы, одно из самых воинственных сарматских племен. Обострилась обстановка и в Крыму. Позднескифский царь Аргот был вынужден отбивать атаки «меотов», то есть сирако-меотов, продвигавшихся к Таврике (Виноградов, 1987. С. 85; Макаров, 2017. С. 75). В этой ситуации Боспорское царство предприняло попытки обезопасить Пантикапей и его окрестности, где, по всей вероятности, местная власть получила расширенные полномочия. На волне этих оборонительных мероприятий возвысился Гиgienонт, ставший архонтом. Большое количество его клейм в этом регионе говорит о том, что под его руководством проводились строительные работы по усилению обороноспособности — возводились и восстанавливались укрепления, реконструировались дома, стены, храмы. Это требовало активного производства и поставок черепицы. Боспорцы стали набирать войско, на что тратились дополнительные средства. Это послужило основанием для чеканки монет из золота, серебра, меди (Фролова, 2007. С. 107).

Обращает на себя внимание тип реверса серебряных драхм Гиgienонта — скачущий влево всадник с копьем на галопирующем влево коне. Это явная военная символика, связанная с образом Героса — конного всадника — победителя, или Зевса Гиппия, покровителя воинства. В эллинистической Македонии всадник на галопирующем коне имел отношение к культам Зевса, Геракла, Аполлона, Героса, Артемиды как аллегория защиты от войны и как приветствие царя его сторонникам и подданным (Picard, 1986. P. 66–76). Вместе с изображением богини Афины

с Никой — символом защиты и победы — данная типология свидетельствует о какой-то очень значимой для боспорцев победе или военном успехе, достигнутом при Гиgienонте или под его прямым руководством⁷. О большой роли в этом Гиgienонта говорят его слегка идеализированный образ на монетах и изображение Афины Nikeфоры на коммеморативных статерах, выпущенных, по всей вероятности, в ознаменование военной победы. Ведь неслучайно, что эта богиня фигурировала на золотых и серебряных монетах царей Боспора вплоть до последнего из них — Перисада V (Анохин, 1986. С. 142, 143, № 156, 161, 166, 171, 178, 178а; Фролова, 2007. С. 89–106).

Изображение на оборотной стороне тетраخالка Гиgienонта шапки Диоскуров со звездами, между которыми ветвь или рог изобилия, давно увязывают с типологией монет городов Понтийского царства — Амиса, Амасии и Синопы, которые по Ф. де Каллатаю датируются ок. 110–100 гг. до н. э. (*de Callataj*, 2007. P. 282; ср.: Молев, 1994. С. 13; Фролова, 2007. С. 73). Однако исследователи сомневаются, что тетраخالк принадлежал Гиgienонту (Minns, 1913. С. 585; Шелов, 1956а. С. 185), так как его оборотная сторона почти полностью повторяет реверсный тип монет понтийского чекана и пантикапейских тетраخالков 130–125 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 175, 176; Молев, 1994. С. 13; *Stolyarik*, 1998. С. 61–70; Фролова, 2007. С. 73), а это не соответствует времени его правления. Весьма противоречивым выглядит заключение Е. А. Молева, что поскольку монеты Понта, Пантикапея и Диоскуриады с пилосами Диоскуров на реверсе относятся к концу II в. до н. э.,

то тетраخالк Гиgienонта с аналогичным типом реверса должен датироваться концом третьей четверти II в. до н. э. (Молев, 1994. С. 12, 13). Согласно общепринятому мнению, которого придерживается и сам Е. А. Молев, тип его оборотной стороны появился под влиянием монет Понта и Пантикапея. С этой точки зрения тетраخالк не мог быть отчеканен в третьей четверти II в. до н. э., так как правление Гиgienонта относится к более раннему времени. В пользу принадлежности тетраخالка Гиgienонту имеются веские аргументы (Анохин, 1986. С. 142, № 150; 2011. С. 182, № 1277; Молев, 1994. С. 12, 13; Чореф, 2017. С. 67–72), поэтому типология оборотной его стороны стала результатом не воздействия монет Понта и битых под их влиянием тетраخالков Пантикапея, а иных причин.

Почти в одно время с Гиgienонтом и появлением его медной монеты с символикой Диоскуров цари Малой Скифии отчеканили монеты с изображениями Диоскуров и их коней. Их ранее относили к III в. до н. э., III–II вв. до н. э., концу II — началу/середине I в. до н. э., а в настоящее время датируют 218–167 гг. до н. э. (Юркова, 1992. С. 160; Андрух, 1995. С. 140–147; Манов, 2015. С. 425). Символы культа Диоскуров на этих монетах заимствованы с монет западнопонтийского полиса Томи, где приблизительно в это же время были выпущены монеты типа «голова женщины — шапки Диоскуров», «женская голова — шапки Диоскуров, между ними колос», «голова Тюхе — шапки Диоскуров», а также тетрадрахмы постлисимаховского типа с изображением двух пилосов Диоскуров в поле круга монеты (*Pick, Regling*, 1899. Taf. V, 20, 29; VI, 2; *Price*, 1991. P. 196, № 1211). После гибели Скифского царства в Добрудже около 168/167 г. до н. э. часть его населения осела в пределах Позднескифского царства в Крыму — на нижнеднепровских скифских городищах и в Таврике. Об этом свидетельствуют находки фракийской керамики на ранних поселениях поздних скифов и остатки трупосожжений во вторично использованных таврских каменных ящиках (Пуздровский, 1999. С. 105; Былкова,

⁷ См.: Шелов, 1956а. С. 185 — всадник, в образе которого запечатлен сам Гиgienонт, — это беспрецедентный случай в монетном деле Боспора, так как он отразил какие-то исторические события; Молев, 1994. С. 22 — эти события связаны с войной против сатархов (ср.: Чореф, 2017. С. 62–65); ср.: Шонов, 2019. С. 222 — монеты со всадником указывают на причастность Гиgienонта к культу Диониса — верховному культу Митридатидов. Это в корне неверно, ибо культ Диониса стал в Понте государственным только в конце II в. до н. э., что не соответствует времени правления Гиgienонта.

2007. С. 125). Примерно в одно время с Гиgienонтом Аргот, супруг боспорской царицы Камасарии (КБН. 75) (по предположению А. И. Иванчика, грек боспорского происхождения (*Иванчик*, 2017. С. 50–53), а по нашему мнению, скифский царь, предшественник Скилура, согласно эпитафии из мавзолея Неаполя Скифского), победил «меотов» — сираков Прикубанья — и «фракийцев», очевидно, гетов и бастарнов, «дорожив дружбой с эллинами», то есть в интересах греческих городов Ольвии и Боспора. С этого времени между Боспором и Скифским царством в Таврике устанавливаются союзные отношения, основанные на общих военно-политических интересах против сарматской угрозы (*Виноградов*, 1987. С. 85; *Иванчик*, 2017. С. 55; *Макаров*, 2017. С. 75). Стратегические и политические взаимоотношения Боспора и поздних скифов, победа Аргота над сирако-меотами, тревожившими владения боспорцев, помогли Гиgienонту отстоять независимость Боспора от сарматов. Возможно, что дружба между Арготом, царем скифов или представителем скифской аристократии (*Макаров*, 2017. С. 75), и эллинами Боспора стала причиной участия боспорского войска в победоносной войне с сираками и другими союзными им племенами, включая сатархов. Это вызвало появление победной символики на монетах Гиgienонта. Медная монета, где имя Гиgienонта стоит в сокращении без титула, появилась до военной победы, так как она предшествует другим его монетам (*Зограф*, 1951. С. 183; *Шонов*, 2019. С. 223). Дружественные связи

Боспора со скифами нашли выражение в понятной поздним скифам и грекам атрибутике культа Диоскуров. Изображение Тюхе на аверсе тетрахапка Гиgienонта попало на Боспор благодаря скифам Добруджи и их сородичам в Таврике в качестве символа военного счастья и защиты от неприятеля. Как тут не вспомнить изображение трезубца между дельфинами на монетах Гиgienонта и последующих царей Боспора, заимствованное с посмертных статеров Лисимаха чекана Византия и западнопонтских городов, в том числе Томи.

Выпуск серебра с изображением всадника мог быть осуществлен во время военных действий, когда Гиgienонт официально стал архонтом, а золотой памятный статер появился в ознаменование победы Гиgienонта как архонта. Афина Nikeфора как олицетворение этого успеха закрепились в типологии царских монет Боспора II в. до н. э., так как победа над сарматами стала знаковой для Боспорского государства.

Однако давление сарматов усиливалось, и Боспор был вынужден выплачивать большую дань сарматским царям. Это привело к сокращению доходов казны, поэтому клейма архонта Гиgienонта были последними в практике боспорского черепичного клеймения, которое завершается приблизительно во второй четверти — середине II в. до н. э. Но победа над сарматами-сираками имела важное политическое значение, поэтому ее символ — сидящую Афину Nikeфору — помещали на царские монеты Боспора вплоть до падения династии Спартокидов.

Алексеева, 1997 — *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.

Андрух, 1995 — *Андрух С. И.* Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. Запорожье: Запорожский гос. университет, 1995. 205 с.

Анохин, 1986 — *Анохин В. Н.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 179 с.

Анохин, 1999 — *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.

Анохин, 2011 — *Анохин В. А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стило, 2011. 328 с.

Былкова, 2007 — *Былкова В. П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Изд-во Херсонского ГУ, 2007. 244 с.

Виноградов, 1987 — *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. М.: Наука, 1987. № 1. С. 55–87.

- Внуков, Коваленко*, 1998 — *Внуков С. Ю., Коваленко С. А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: ГИМ, 1998. С. 61–76 (Тр. ГИМ. Вып. 102).
- Гайдукевич*, 1935 — *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков, С. А. Жебелев, Т. Н. Книпович, Ю. Ю. Марти. Из истории Боспора. М.; Л.: ОГИЗ; Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 211–315 (ИГАИМК. Вып. 104).
- Гайдукевич*, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г., 1934–1956. Варшава: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1959. 121 с.
- Голенко*, 1982 — *Голенко К. В.* Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья / Отв. ред. В. Л. Янин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 50–55.
- Граков*, 1935 — *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков, С. А. Жебелев, Т. Н. Книпович, Ю. Ю. Марти. Из истории Боспора. М., Л.: ОГИЗ; Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 202–210 (ИГАИМК. Вып. 104).
- Забелина*, 1984 — *Забелина В. С.* Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1984. Вып. 7. С. 153–172.
- Зограф*, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 261 с. (МИА. № 16).
- Иванчик*, 2017 — *Иванчик А. И.* Крымская Скифия III–II вв. до н. э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.) / Отв. ред. А. Иванчик, В. Мордвинцева. М., Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 34–55.
- Карышковский*, 1977 — *Карышковский П. О.* К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник / Отв. ред. В. А. Леквинадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 15–26.
- Ковальчук*, 2007 — *Ковальчук А. В.* Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм): Автореф. канд. дис. М.: Институт археологии РАН, 2007. 20 с.
- Ковальчук, Соколова*, 2019 — *Ковальчук А. В., Соколова О. Ю.* Черепичные клейма из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.) // ДБ. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 24. С. 325–357.
- Макаров*, 2017 — *Макаров И. А.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.) / Отв. ред. А. Иванчик, В. Мордвинцева. М.; Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 56–78.
- Максимова*, 1960 — *Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана // СА. М.: Наука, 1960. № 3. С. 46–58.
- Максимова*, 1979 — *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 150 с.
- Манов*, 2015 — *Манов М.* Скифские цари в Добрудже // Scripta antiqua. М.: Собрание, 2015. Т. IV. С. 424–436.
- Марченко*, 1996 — *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 1996. 336 с.
- Молев*, 1994 — *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1994. 140 с.
- Молев*, 2004 — *Молев Е. А.* Еще об архонте Гигиенонте // Историк, археолог, литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова. СПб.: Акционер и К., 2004. С. 61–66.
- Молев*, 2016 — *Молев Е. А.* Архонт Гигиенонт в истории Боспора // БИ. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2016. Вып. XXXII. С. 50–60.
- Орешиников*, 1901 — *Орешиников А. В.* Золотой статер архонта Гигиенонта // ТМНО. М.: О. О. Гербек, 1901. Т. II, вып. 1. С. 36–42.
- Орешиников*, 1912 — *Орешиников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. М.: Г. Лисснер и Д. Собко, 1912. 48 с.

- Придик*, 1917 — *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.: Типография РАН, 1917. 191 с.
- Придик*, 1941 — *Придик Е. М.* Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Под ред. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 173–193 (МИА. № 4).
- Пуздровский*, 1999 — *Пуздровский А. Е.* Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. М.: Наука, 1999. № 4. С. 97–119.
- Ростовцев*, 1918 — *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 190 с.
- Русяева, Супруненко*, 2003 — *Русяева А. С., Супруненко А. Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев; Комсомольск: Археология, 2003. 319 с.
- Сапрыкин*, 2019а — *Сапрыкин С. Ю.* Особенности черепичного клеймения на Боспоре // МНК «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященная 100-летию со дня рождения Д. Б. Шелова, 28–31 октября 2019 г. / Отв. ред. С. М. Ильяшенко. Ростов на/Д: ЮФУ-Танаис, 2019. С. 24.
- Сапрыкин*, 2019б — *Сапрыкин С. Ю.* Царское черепичное клеймение на Боспоре // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 61–63.
- Сокольский*, 1976 — *Сокольский Н. И.* Таманский голос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 125 с.
- Толстиков*, 2010 — *Толстиков В. П.* Новый объект ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Отв. ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М.; Киев: Триумф принт, 2010. С. 231–240.
- Толстиков, Виноградов*, 1999 — *Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: Институт археологии РАН, 1999. С. 282–304.
- Федосеев*, 2012 — *Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма. Боспор. Киев: Мистецтво, 2012. 160 с.
- Фролова*, 2007 — *Фролова Н. А.* Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н. э. (Гиgienонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. М.: Наука, 2007. № 4. С. 70–113.
- Чореф*, 2017 — *Чореф М. М.* К истории правления архонта Гиgienонта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Нижегородский ГУ, 2017. № 6. С. 62–72.
- Шелов*, 1954 — *Шелов Д. Б.* К истории керамического производства на Боспоре // СА. М.: Изд-во АН СССР. Т. XXI. С. 118–130.
- Шелов*, 1956а — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 221 с.
- Шелов*, 1956б — *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из раскопок Фанагории // Фанагория / Под ред. А. П. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 128–153 (МИА. № 57).
- Шелов*, 1957 — *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // Пантикапей / Под ред. И. Б. Зеест. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 202–225 (МИА. № 56).
- Шкорпил*, 1904 — *Шкорпил В. В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг. // ИАК. СПб.: Императорская Академия наук, 1904. Вып. 11. С. 19–166.
- Шкорпил*, 1911 — *Шкорпил В. В.* К вопросу о времени правления архонта Гиgienонта // ΠΡΟΕΔΡΩΙΔΩΡΟΝ: Сб. археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб.: В. Ф. Киришбаум, 1911. С. 31–44.
- Шонов*, 2019 — *Шонов И. В.* Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. 475 с.
- Юркова*, 1992 — *Юркова Й.* Монетите на тракийските племена и владетели. Т. 1. София: Петър Берон, 1992. 336 с.
- Яйленко*, 1990 — *Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм:

- экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 249–309.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Das Bosphoranische Reich. Berlin; Amsterdam: Akademie Verlag / Adolf M. Hakkert, 1971. 604 S.
- de Callataj*, 2007 — *de Callataj F.* La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnaies et des sites du Bosphore Cimmérien // Une coiné pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. — IIIe s. p. C.) / Eds. A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary. Bordeaux: De Boccard, 2007. 377 p.
- Minns*, 1913 — *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 814 p.
- Picard*, 1986 — *Picard O.* Numismatique et iconographie: le cavalier macédonien // Iconographie classique et identités régionales / Eds. L. Kahil, Ch. Augé, P. Linant de Bellefonds. BCH. Suppl. XIV. Athenes; Paris: De Boccard, 1986. P. 67–76.
- Pick, Regling*, 1899 — *Pick B., Regling K.* Die Antike Münzen Nordgriechenlands. Bd I, hbd 1. Berlin: G. Reimar, 1899. 920 S.
- Price*, 1991 — *Price M. J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Vol. I. Zurich; London: The British Museum, Swiss Numismatic Society, 1991. 509 p.
- Stolyarik*, 1998 — *Stolyarik E.* The Reign and Chronology of the Archon Hygiaenon // American Journal of Numismatics. N. Y.: American Numismatic Society, 1998. Ser. 2, № 10. P. 61–70.
- Werner*, 1955 — *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1955. S. 412–444.

Hygiaenon — archon at Bosphorus

S. Yu. Saprikin

This article is devoted to archon Hygiaenon who ruled the Bosphorus at the Hellenistic period.

There are pieces of evidence of his rule: a golden stater of “Hygiaenon’s head to the right — Athena on a throne with a spear and a shield to the left with Nike at the right hand, monograms in a coin’s field and under the throne, a trident is below a line between two dolphins, APXONTOΣ YΓIAINONTOΣ” type (Fig. 1); two silver drachmas of “Hygiaenon’s head to the right — rider prancing at gallop to the left with a cloak blowing in the wind, with a spear in his right hand in the air as if striking an enemy, same monograms as on the golden stater, APXONTOΣ YΓIAINONTOΣ” type (Fig. 2, 1); copper tetrachalkus “woman’s head with a coverlet to the right, a bough or a cornucopia? Behind — caps of Dioscuri with stars between cornucopia, YΓIA”. The tile stamps APXONTOΣ YΓIAINONTOΣ (Fig. 3–4) from Panticapaeum, Myrmekion, Zagorodnaja usad’ba, Tyritake, Porthmion and Nymphaion also belong to him. The rise of Hygiaenon happened at the beginning of the 2nd century BC when he attempted to protect Panticapaeum and its outskirts from the Sarmatian threat caused by increased attacks by Roxolani and Siraces-Maeotians. His activity took place only at the European Bosphorus where he, as the archon, supervised the restoration and the building of fortifications, houses, walls and temples. To achieve this active deliveries of tile were carried out. He spent additional money to call out troops which caused a mintage of coins with his name and title. Triumphant symbols of his coins evidence the military success of Bosphorus citizens. The Hygiaenon’s tetrachalkus with the images of the caps of Dioscuri with the stars with the bough or the cornucopia between them argues for alliance between Bosphorus and Scythian kingdom at Tauris which were based on common military and political interests against the Sarmatian threat. Strategical and political relationship between Bosphorus and the late Scythians helped Hygiaenon to defend Bosphorus’ independence from the Sarmatians. It probably happened because of the participation of the Bosphoran army in victorious wars against the Siraces and other tribes including the Satarchae.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Пещера Лейхтвейса

А. А. Масленников¹

Аннотация. В статье рассказывается об истории исследования не совсем обычного объекта археологии — довольно протяженной и широкой щели в скале (пещере) вблизи Приазовского городища Полянка (III–I вв. до н. э.). Приводятся соответствующие данные геоморфологии и палеосейсмологии. Делаются некоторые выводы хронологического плана.

Annotation. The article considers a research history of an uncommon archaeology object – a relatively long and wide crack in a rock (a cave) near Polyanka site at the Crimea Azov region (the 3rd–1st centuries BC). Relevant geomorphological and paleoseismological data is provided. There are some conclusions on chronology.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, античное городище Полянка, пещера, палеосейсмология, хронология, история исследования.

Keywords. Crimean Azov region, Polyanka site, cave, paleoseismology, chronology, research history.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-367-375

Кислое дело, — сказал он, — пещера
Лейхтвейса.

И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев», гл. XI

Вряд ли кто из читателей этой статьи помнит о перипетиях заключительной части повествования Р. Л. Стивенсона об острове сокровищ. Да и то дело: изложение занятное, но... давно это читано. Однако... обо всем по порядку.

Много-много лет тому назад, а именно летом 1889 г., студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского императорского университета Я. И. Смирнов вместе с местным керченским коллекционером древностей А. В. Новиковым посетил северное побережье Керченского п-ова в поисках следов археологических памятников. Будучи филологом-классиком, он, естественно, интересовался

поселениями и некрополями, прежде всего античного времени. Этим же летом съездил он и на Кавказ. Со временем Я. И. Смирнов стал известным российским востоковедом и византинистом, к сожалению, очень рано умершим в годину гражданской междоусобицы. Кстати, ни до, ни долгое время после него в этой части Крымского Приазовья никто из историков или специалистов-археологов не бывал. А места эти были тогда еще малолюдные, хотя уже и «тронутые» местными «гробкопателями». Тем интереснее и важнее сделанные Я. И. Смирновым наблюдения и описания (НА ИИМК РАН. РО. Ф. I. 1889 г. Д. 44. Л. 31–34). Трудно сказать: передвигался ли он пешим ходом, на повозке или верхом. Судя по тексту, вся поездка заняла немного времени: два дня. Началась же она (первый день), видимо, от Золотого кургана и закончилась (на исходе второго дня) у деревни Чегене (нынешнее село Золотое). При этом, пожалуй, он первым обратил внимание на продолжение

---

¹ Отдел полевой археологии, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, г. Москва, 117036, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru.

некоего вала и рва от указанного приметного пункта (Алтын-Оба) не только к северу, но и к югу, отметив, что это имеет место не непосредственно, а несколько «отступя к западу». Далее этот вал шел в сторону дер. Джаржавы и Юз-Обинского хребта. Иными словами, он увидел южную часть некоего (более раннего) земляного укрепления, линия которого проходила «параллельно» гораздо более известному благодаря знаменитому труду Ашика «Боспорское царство» (Ашик, 1848–1849) и относительно хорошо сохранившемуся валу и рву, позднее и незаслуженно получившему наименование Тиритакского вала.

А, собственно, почему мы об этом? А потому, что территория побережья, по которой во второй день прошел Яков Смирнов, просто-таки напичкана разными археологическими объектами, которых он, тем не менее, не увидел. Впрочем, это вполне естественно: поездка его была ознакомительная, а вовсе не рекогносцировочная. А «показчиком» выступал упомянутый Новиков, наверняка связанный с местными «счастливчиками», которых в первую очередь интересовали курганы и могильники. Пример тому — описание в данном «отчете» курганов и каменных ящиков на плато к северу от аула Мысыр, по-видимому, сделанное по свежим впечатлениям этой «экскурсии». Все эти объекты в разной степени сохранности присутствуют там и поныне. Тем примечательнее внимание автора (с подачи Новикова?) к следам поселения по соседству. А здесь на побережье выделяются две бухты: нынешняя живописная бухта Радости с остатками пансионата Военсовхоза и довольно густой растительностью и соседняя с запада так называемая Полянка с одноименным городищем. Какая из них в ту пору называлась Шалман — из текста Отчета не вполне ясно. Поначалу мы полагали, что первая. Но упомянутые в Отчете насыпь с ямами «у верхнего края котловины» бухты и, тем более, довольно большая курганообразная насыпь на крутом склоне «посреди котловины, на значительном расстоянии от моря...», по характеру находок и грунта явная

зольно-мусорная свалка (зольник), скорее, хотя и не буквально, соответствуют второй прибрежной долине. Насыпь на восточном ее склоне действительно имеется, а вот приметный холм — зольник — располагается сейчас у самого берегового обрыва (Яков Смирнов видел все это как бы «снизу» — купался он, что ли?). За сто с «гаком» лет береговая абразия вряд ли «съела» здесь десятки метров. Согласно наблюдениям геоморфолога А. А. Клюкина, она за прошедшее столетие составляла в этом районе в целом не более 0,2 мм (?) в год (Клюкин, 1998. С. 113–120). Далее Я. И. Смирнов упоминает уже вполне узнаваемое «небольшое пространство» и проход на вершине скалистого хребта, «отделяющим на востоке эту котловину от соседней...». Здесь хозяин имения Осман вырыл под скалой яму, судя по описанию грунта и находок, явно в культурном слое. Среди последних — обломки родоских и синопских амфор, в том числе с клеймами (рубеж III–II вв. до н. э. по определению А. В. Ковальчук) и фрагменты чернолаковых сосудов, в частности канфаров, орнаментированных в стиле «западного склона». Следы этой ямы отчетливо видны и по сей день. Обломки амфор были встречены путешественниками и с другой (восточной) стороны этого скалистого хребта, где их можно найти и в настоящее время. И вот, наконец, то, что нам надо. Автор Отчета пишет: «В восточном склоне этого хребта находится узкий вход в пещеру. На полу его также валяются амфорные черепки. До конца пещеры я не дошел». Все.

В период своего «первого пришествия» на Полянку (1984–1987 гг.) автор данной статьи не удосужился полюбопытствовать этим объектом. Лишь когда мы вернулись сюда в 2007 г., новый хозяин пансионата С. А. Кузьма рассказал об этой пещере, где он уже успел побывать. Но у нас все как-то руки (точнее, ноги) не доходили. Только в 2012 г. она была осмотрена и даже отчасти раскопана. Недавно посещалась палеосейсмологами и не только. Вот ее «параметры».

Высота щели-входа (в верхней части восточного обрыва скалистого мыса в западной

Рис. 1. Западная оконечность так называемой бухты Радости. Вид с востока

Fig. 1. Western extremity of the so-called "Radost" bay. View from the east

части бухты Радости) от уровня моря — около 12 м (рис. 1–2). Размеры входа — не более 1,0 × 0,8 м. Далее, на протяжении почти 12 м в общем направлении северо-восток—юго-запад, следовала довольно узкая, но все более повышавшаяся и слегка расширявшаяся расщелина, в самой широкой (до 4 м) и достаточно высокой (до 4–6 м) части почти под прямым углом поворачивавшая к северо-западу. Этот ее «отрезок» имел длину до 17 м, высоту от 7 до 4 м и ширину от 4,0 до 0,8 м, то есть плавно сужался (рис. 3). Повсеместно, кроме «пола», — это скала.

Таким образом, в сущности это не пещера и не грот, а узкая, глубокая и протяженная щель в скальном массиве плотного мшанкового (рифового) известняка, вовсе не пригодная для сколь-либо долгого пребывания, не говоря уж о проживании (рис. 4–7).

Что же касается наших упомянутых раскопок, то ими был затронут только поверхностный слой грунта (однородный, серый, рыхлый, немного золистый), покрывавшего «пол» пещеры, да и то не весь. Иными слова-

ми, пройдено около «штыка». Ниже (серый и светло-серый, с включением мелкой известняковой крошки, умеренно влажный) находки уже не попадались, и «поиски палеолита» были отложены «до лучших времен». Какие же это находки?

Прежде всего, — несколько десятков амфорных обломков, включая профильные части (Синопа, Родос). Затем — немногочисленные и невыразительные осколки лепной и простой красноглиняной посуды (горшки, миски, кувшины). Наконец — отдельные фрагменты чернолаковой керамики, кости животных и измельченные раковины мидий и виноградных улиток. Встречены были и следы недавнего прошлого: железные гильзы, куски стекла. Из всего этого небогатого собрания отметим четыре ручки родосских амфор с клеймами 198–161 и 234–199 г. до н. э. (определения Н. Ф. Федосеева). Странно, но эти клейма не вошли в свод полянских клейм, изданный исследователем в 2017 г. (Федосеев, 2017. С. 169–250). Упомянем также край красноглиняной буролаковой и стенку

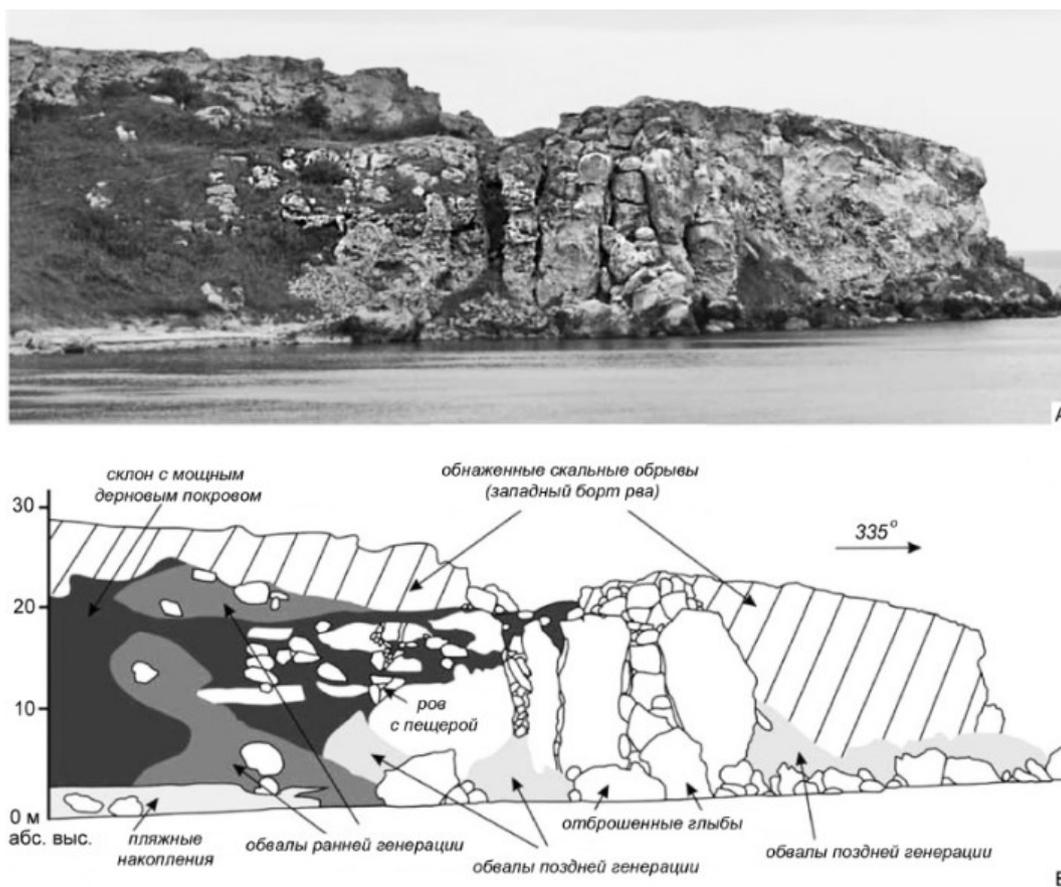

Рис. 2. Общий вид (А) и схема (Б) мыса с расщелиной (пещерой) в западной части бухты Радости. Вид с востока

Fig. 2. General view (A) and scheme (Б) of the cape with a crack (a cave) at the western part of the Radost Bay. View from the east

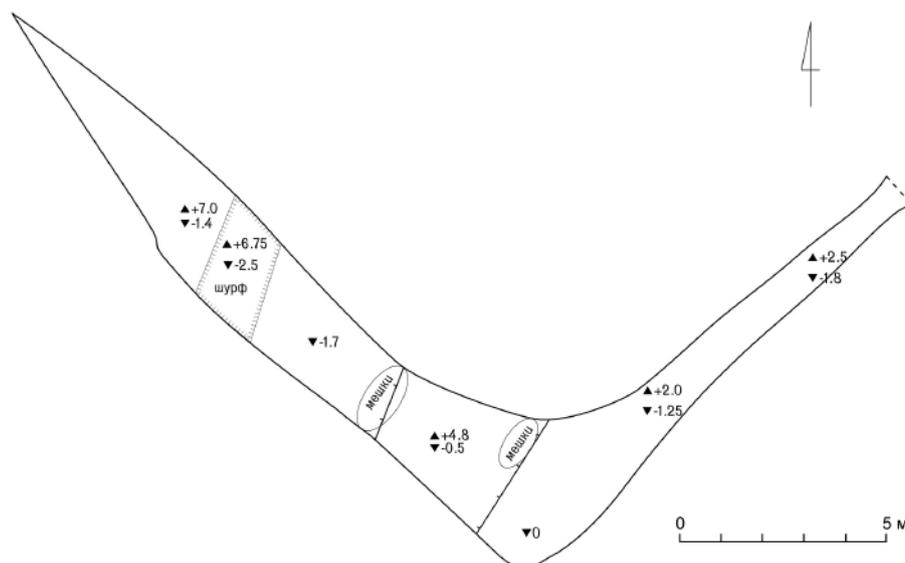

Рис. 3. План-схема расщелины (съемка А. Михайлова)

Fig. 3. Layout of the crack (survey by A. Mikhailov)

Рис. 4. Внутренний вид расщелины в районе входа
Fig. 4. Inside view of the crack near its entrance

Рис. 5. Внутренний вид расщелины в районе «шурфа» (вверху (1) и на его дне (2))
Fig. 5. Inside view of the crack at the area of a “test pit” (at its top (1) and bottom (2))

1

2

Рис. 6. Профиль восточного борта «шурфа» (1, 2)
Fig. 6. Profile of the eastern side of the "test pit" (1, 2)

Рис. 7. Вид расщелины в районе поворота

Fig. 7. View of the crack near a turn

сероглиняной (с мелкими блестками), покрытой черным блестящим лаком «мегарских» чашек и край с ручкой красноглиняного чернолакового (густой, блестящий) канфара (канфаро-кубка?) эллинистического типа с росписью в стиле «западного склона». Последний датируется приблизительно (точнее не позволяют размеры обломка) второй половиной III в. до н. э. (*Rotroff*, 1997. P. 264–268, Fig. 15–17, no. 206–258; впрочем, Т. В. Егорова относит этот тип сосудов, правда, неаттического происхождения, к первой половине следующего века: см.: *Егорова*, 2009. С. 150–152, № 550–557; 2018. С. 510–518). Иными словами, и грунт, и находки вполне соответствуют упомянутому (на восточном склоне долины) зольнику раннего (III–II вв. до н. э.) городища, основательно исследованному экспедицией на протяжении нескольких лет. Особняком как будто бы «стоит» сероглиняная «мегарка». Но и она, скорее всего, импортная, а не

местного (то есть более позднего) боспорского производства и, следовательно, не выпадает из хронологического контекста второй половины III — конца II в. до н. э. А вот дно сероглиняной «чернолощенной» чашки явно позднее (вторая половина I в. до н. э.? см.: *Масленников*, 2019. С. 134–143). Происхождение всех находок очевидно: затек грунта сверху, через щели в скале, главным образом (в настоящее время) в восточной части «пещеры».

На какое-то время данный объект выпал из поля нашего зрения, но, как уже упоминалось, года три назад к нему проявили интерес специалисты по палеосейсмологии из ИФЗ РАН. Облазив все на этом участке побережья в поисках следов древних землетрясений и обнаружив их во множестве (кто бы сомневался!) на раскопанных площадях поселения Полянка, они (2016 г.) обследовали и нашу «пещеру». Вывод такой: она — следствие периодических сейсморазрывов, последний из

которых имел место не позднее времени датировок находок в ней (*Масленников и др.*, 2017. С. 285–287). (Не надо быть специалистом в данной области, чтобы сказать тоже самое...) Поскольку соответствующих «зачисток» и специальных анализов палеосейсмологи не делали, о времени предшествовавших сейсмических явлений судить пока невозможно.

Так или иначе, но у нас еще оставались некоторые сомнения в полноте исследования «пещеры», которые — мы и предполагали рассеять работами 2019 г. Однако им не суждено было состояться ввиду имевших здесь место трагикомических событий межсезонья, заставивших вспомнить упомянутые страницы без сомнения самого увлекательного из романов Л. Стивенсона. Дело в том, что в этот период бухта с пансионатом посещается всякого рода «серыми» личностями из ближайших и не только околотов. Это и багеровско-керченские жиганы, и рыбаки-браконьеры, и бомжи, и Бог его вести кто еще из «любителей выпить и закусить». Некоторые из них оказались, говоря словами Я. Гашека о трактиришке Паливице, «весьма начитанными» и знакомыми с местными «достопримечательностями» и нашими изысканиями. Разбогатеть «здесь и сразу» — вечная мечта той части человечества, которой, по словам А. С. Пушкина: «труд упорный был тошен...». Со следами именно такой «эпопеи» я и столкнулся, спустившись в «пещеру» в начале июля. Нет, это не были жуткие скелеты «на сундуке мертвеца». Это было десятка полтора мешков, набитых землей из довольно большой и глубокой (более 1,1 м) ямы («шурфа»), вырытой в самом конце щели (рис. 3, 5–7). Работа была проделана немалая, а с учетом темноты, сырости и тесноты прямо-таки каторжная! Вскорости, удалось узнать подробности и имена «героев», называть которые не буду по причине, ну, скажем, жалости и снисхождения к ним, а также любви к классической приключенческой литературе.

То ли начитавшись Стивенсона или посмотрев соответствующий фильм, то ли желая

испробовать оказавшийся у них металлодетектор, то ли по наводке или наитию, но несколько местных искателей сокровищ, сговорившись, отправились на их поиски. Почему именно почти в конце «пещеры» (рис. 4) они начали рыть яму, доподлинно не знаю. Может, чисто интуитивно (все помещается, как известно, «в конце пути», «на дне чего-то», «в дальнем углу» и т. п.) или металлоискатель зазвенел... Но работы были организованы весьма грамотно и с размахом. Землю действительно удобнее всего было удалять через узкий вход мешками, высыпая ее в море с обрыва, а не ведрами. Мешки легче тащить согнувшись, а можно и с помощью веревки по доске, что я, собственно, и предполагал делать в случае раскопок. Однако их (мешки) почему-то складировали возле упомянутой ямы (уж не собирались ли просеивать землю?). По слухам «поисковикам» даже вначале «повезло», хотя и меньше, чем незадачливым пиратам у Стивенсона. Помните, те в яме из-под сокровищ Флинта подобрали одну золотую двойную гинею (см. «Остров Сокровищ», гл. 33). Они нашли маленькую медную сильно коррозированную монетку, скорее всего, III в. до н. э. Цена которой, как известно, на черном рынке Керчи не более плевка... Дойдя почти до дна своего «раскопа» и не откопав, если верить «легенде», более ничего (в неубранном «выкиде» рядом с ямой и в профилях ее стенок я не обнаружил ни одного черепка, разве что зафиксировал две-три тонкие прослойки так называемой тырсы — мелкой слежавшейся известняковой крошки (рис. 8), по всей видимости, особенно интенсивно ссыпавшейся со стен и свода «пещеры» вследствие «доисторических» землетрясений), «компаньоны» переругались, как водится, перепились (а что — в пещере ведь сквозняк и холодно), да и забросили свое «начинание». Слава Богу, без перестрелки, как у Стивенсона. Впрочем, может, мы всего и не знаем... В общем, «кислое дело — пещера Лейхтвейса», как говаривал «ветренный сын турецкоподданного». А «пещера» впредь лучше пусть именуется в честь Я. И. Смирнова.

- Ашик*, 1848–1849 — *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами / Соч. Антона Ашика, директора Керченского музея, состоящего в ведении Министерства иностранных дел и члена разных ученых обществ. В 3 ч. Одесса: Тип. Т. Неймана и К°. Ч. 1. 1848. 117 с.; Ч. 2. 1848. 88 с.; Ч. 3. 1849. 96 с.
- Егорова*, 2009 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М: Изд-во МГУ, 2009. 254 с.
- Егорова*, 2018 — *Егорова Т. В.* Еще раз о S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. ст., посвящ. 70-летию В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д: ИП Истратов И. Н., 2018. С. 510–519.
- Клюкин*, 1998 — *Клюкин А. А.* Абразия берегов Керченского полуострова в XX веке // География и природные ресурсы. Симферополь, 1998. № 1. С. 113–121.
- Масленников*, 2019 — *Масленников А. А.* Сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму // РА. 2019. № 4. С. 134–143.
- Масленников и др.* 2017 — *Масленников А. А., Овсяченко А. М., Корженков А. С., Ларьков А. С., Мараханов А. В.* Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом // ДБ. М., 2017. Вып. 21. С. 265–294.
- Федосеев*, 2017 — *Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 169–249.
- Rotroff*, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1997. Part 1: Text 1997 pp. i-xxxviii+1+575. Part 2: Illustrations 1997 pp. i-viii (The Athenian Agora. Vol. XXIX).

Leichtweis Cave

A. A. Maslennikov

About 150 years ago Ya. I. Smirnov who was a gymnasium student at that time, completed a study trip for a number of days during his summer holidays. He travelled to one of the regions of the Azov Coast of the Eastern Crimea. He managed to see around a few local necropolises and settlements of the Classical period. (A report of this research is kept at the archive of the Institute for the History of Material Culture in Saint-Petersburg). At “Shalman” plot of land (currently the “Radost” Bay) he found and explored a “cave” along other remains of the ancient settlement (Fig. 1, 2). There were some pieces of ceramics on the floor of the cave. Almost a century after that, the excavations of the Bosporean rural settlement “Polyanka” of the 3rd–1st centuries BC were started here. A few years ago this natural item of interest was examined again by the author and the group of paleoseismologists. It was quite a narrow although elongated crack in the rock (Fig. 3, 4). At the upper ground layer which filled its lower part (thickness of soil — about 1 m) some pottery fragments of the mentioned time were found. It probably had come here through the holes in the “ceiling” from the ash-hill of the settlement. Most recently the “cave” attracted attention of the local “treasure hunters”. They drilled a big deep hole at its back part (Fig. 5–8). Wishing or not the hole confirmed the factual absence of the cultural layers and, on hearsay, of any shadows of “treasures”. Nevertheless, this object is of a certain interest as a geological, seismological and topographical point at the immediate neighbourhood of this ancient settlement.

К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А. Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела)

Е. Г. Панкратова¹

Аннотация. Статья посвящена восстановлению биографии А. Г. Пригожина в период 1934–1937 гг. на основе неизвестных ранее материалов: архивно-следственных дел в составе Центрального архива ФСБ и Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и личного дела, хранящегося в Центральном архиве историко-политических документов. Исследовательская работа с этими документами позволила восполнить пробелы в биографии заместителя председателя ГАИМК, изучить события, предшествовавшие арестам А. Г. Пригожина, и установить новые подробности и основные направления следственного процесса в деле о «террористической организации ГАИМК» (1936 г.).

Annotation. The article is devoted to a reconstruction of the biography of A. G. Prigozhin in 1934–1937 based on materials that were previously unknown: criminal investigations case files as a part of the Central Archive of the Federal Security Service, Administration of the Federal Security Service for Saint-Petersburg and the Leningrad Region, and a personal file held in the Central State Archives of Historical and Political Documents. A research work with these documents allowed to fill the gaps in the biography of vice-chairman of the State Academy for the History of Material Culture, study events that had happened before the arrests of A. G. Prigozhin, find out new details and main directions of the investigation process in the case about “the terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” (1936).

Ключевые слова: А. Г. Пригожин, история науки, репрессии, архивные документы, ГАИМК.

Keywords: A. G. Prigozhin, history of science, repressions, archive documents, State Academy for the History of Material Culture.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-376-384

Материалы, касающиеся политического террора 1930-х гг. по отношению к сотрудникам научных учреждений Ленинграда, систематически публикуются начиная с 1990-х гг. (Артизов, 1994; Петров, Скоркин, 1999; Люди и

судьбы, 2003; Формозов, 2006; Брачев, 2016). Однако ввиду их обширности и затрудненного к ним доступа документы далеко не всех крупных следственных дел введены в научный оборот. Одним из таких является «дело о террористической организации ГАИМК», материалы о котором недавно начали публиковаться (Панкратова, 2019). Дело «террористической организации ГАИМК» было сфабриковано ОГПУ после убийства С. М. Кирова вместе с делами многих других

¹ Заведующая Отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; Университетская наб., д. 1, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: pankratova0484@yandex.ru.

«троцкистско-зиновьевских групп Ленинграда», якобы организованных с целью подготовки террористических актов в отношении руководства ВКП(б). Согласно материалам следствия, организация ГАИМК была тесно связана с подобными группами в ИАЭ АН СССР и Ленинградском отделении Коммунистической академии (ЛОКА). Руководителем «террористической организации ГАИМК» значился А. Г. Пригожин, в ее состав входили: Ф. В. Кипарисов, С. Н. Быковский, М. Г. Худяков, В. С. Адрианов, С. Г. Томсинский и другие. Ход следственного процесса в отношении участников организации восстанавливается на основе данных архивно-следственного дела, хранящегося в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1-7). Однако данные об участии в процессе самого руководителя организации, А. Г. Пригожина, в упомянутом деле отсутствуют, за исключением двух протоколов допросов, датированных 5 и 20–21 июля 1936 г.

Основной состав материалов, касающихся двух арестов, пребывания в заключении и расстрела А. Г. Пригожина, содержится в архивно-следственном деле, хранящемся в Центральном архиве ФСБ в Москве (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1, 2). Дело состоит из двух томов, документы которых сформированы в обратном хронологическом порядке (крайние даты первого тома — 1 августа 1936 — 8 марта 1937 г.; второго — 11 апреля 1935 — 30 июля 1936 г.). Материалы следственного дела включают в себя: постановления об арестах; ордера на арест и обыск; описи изъятых при аресте вещей; анкеты арестованного; протоколы допросов А. Г. Пригожина, Г. С. Зайделя, Н. А. Смирнова, С. Г. Томсинского, М. И. Лурье, Г. С. Фридлянда, В. А. Тер-Ваганяна и других лиц; обвинительные заключения, а также справки о расстреле и реабилитации.

В ходе работы над статьей крайне важная информация об истории ГАИМК в 1934–1936 гг. была получена из личных дел А. Г. Пригожина, Э. Г. Пригожиной и Ф. В. Кипарисова, хранящихся в Центральном архиве историко-политических документов (ЦГАИПД).

Абрам Григорьевич Пригожин² (рис. 1) поступил на работу в ГАИМК в 1932 г. и успел проработать заведующим сектором капиталистических и социалистических формаций; заведующим кафедрой истории западноевропейского феодального общества Института истории феодального общества и заместителем председателя ГАИМК (1932–1934 гг.) Именно ему в 1933 г. было поручено ведение переговоров с ГУЛАГ ОГПУ об организации спасательных археологических работ в районах масштабных лагерныхстроек (Академическая археология..., 2013. С. 122).

За время работы в Академии А. Г. Пригожин зарекомендовал себя как искренний, но вместе с тем слишком амбициозный, конфликтный и невыдержанный человек. Ф. В. Кипарисов отмечал неаккуратность А. Г. Пригожина в работе (неточности в отчетах, личное пользование казенными вещами), невоздержанность и бестактность³

² Абрам Григорьевич Пригожин родился 17 октября 1896 г. в Смоленске, в семье ремесленника, в 1906 г. в семье родилась дочь Эсфирь. Окончил Смоленскую гимназию. В 1916–1917 гг. состоял в Бунде, с 1918 г. — член ВКП(б), в 1919–1921 гг. служил в Красной армии. В годы Гражданской войны участвовал в боевых действиях на территории Украины, в Киеве попал в плен к белогвардейцам, подвергался пыткам и был приговорен к расстрелу, однако смог бежать. С 1919 г. на политической работе; профессор вузов на Дальнем Востоке, на Урале, в Москве (Университет им. Сунь Ятсена, 1925–1927) и Ленинграде, в т. ч. в ЛИЛИ/ЛИФЛИ (1928–1934), ученый секретарь Общества историков-марксистов при Коммунистической академии (1931–1932).

³ В частности Ф. В. Кипарисов отмечал бестактные выражения А. Г. Пригожина на партийных собраниях ГАИМК: «часто говорит „а кто будет делать не так, тому морду набьем“ — эта „морда“ любимое выражение Пригожина производит конечно крайне гнетущее впечатление на беспартийных специалистов, среди которых есть почтенные академики — видно, что их физически тошнит от этого. Я уже не говорю, что бестактность Пригожина, выражается в том, что он будущи никаким специалистом по античному миру, считает уместным писать предисловия к работам академика Жебелева или по истории Древнего Востока к работам профессора Струве. На них, по-видимому это производит тяжелое впечатление, хотя они мрачно молчат на эту тему» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 60).

Рис. 1. Абрам Григорьевич Пригожин [1934 г.]. Фото (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 535. Л. 3а)
 Fig. 1. Abram Grigorievich Prigozhin [1934]. Photo (Scientific archive of the ИИМК RAS, Manuscript Department. Archive Group 2. Inventory no. 3. File 535. Sheet 3a)

в личных взаимоотношениях с коллегами. На собраниях Ф. В. Кипарисов неоднократно пытался пресекать опасные высказывания А. Г. Пригожина о политическом положении в стране: «...все, что происходит в партии он считает возможным за счет личных связей и знакомств. Меня он называл наивным идеалистом за мое несогласие с этим. Он говорил, что у него нет несогласия с партией, а есть неверие в отдельных лиц, сидящих там» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 60).

В январе 1934 г., в связи с постоянно ухудшающимся здоровьем Н. Я. Марра, возникла необходимость в четком разграничении обязанностей по руководству Академией. Своим первым заместителем Н. Я. Марр назначил Ф. В. Кипарисова (Панкратова, 2020а), кото-

рому была поручена административная часть работы. Вторым заместителем был назначен А. Г. Пригожин, которому поручалось ведение научной части и редакционной работы. Руководство всей научно-исследовательской работой ГАИМК в области археолого-этнографических полевых исследований Н. Я. Марр поручил С. Н. Быковскому. Однако С. Н. Быковский заявил о своем несогласии оставаться в Академии ввиду нежелания находиться под научным руководством А. Г. Пригожина⁴. Конфликт очень скоро приобрел характер выяснения личных отношений между С. Н. Быковским и А. Г. Пригожиным на партийных собраниях ГАИМК. После множества заседаний партийного комитета ГАИМК на протяжении января–марта было решено признать аргументы, касающиеся разногласий С. Н. Быковского с А. Г. Пригожиным, «носящими мелочный характер» и привлечь С. Н. Быковского к партийной ответственности за клевету.

Несмотря на то что конфликт, казалось, был исчерпан, из-за собственной вспыльчивости и несдержанности А. Г. Пригожин стал причиной так называемой «Пригожинской склоки». В ходе разбирательств, связанных с этой «склокой», в апреле–мае 1934 г. обострились отношения между Ф. В. Кипарисовым и А. Г. Пригожиным⁵. После череды новых

⁴ Конфликты личного характера возникали между С. Н. Быковским и А. Г. Пригожиным начиная с 1932 г. На одном из заседаний С. Н. Быковский заявил: «Пригожин обвиняет меня в лодырничестве и называл сплетником, психологически я не могу с ним работать» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 14).

⁵ Основная причина критики Ф. В. Кипарисова по отношению к А. Г. Пригожину заключалась в его неосторожном высказывании, касающемся Наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова. Во время командировки в Москву в 1934 г. М. А. Тиханова и А. Г. Пригожин были на официальном ужине у М. Горького, после которого А. Г. Пригожин заявил в кругу коллег, что у М. Горького бывают «пьянки с участием писателей и других лиц», поименно назвав К. Е. Ворошилова, которого якобы отливали водой. Сведения об умалении авторитета партийного руководства в кругу беспартийных (М. А. Тихановой) дошли до партийной организации ГАИМК, и Ф. В. Кипарисов, который знал об этом инциденте, но не доложил о нем, был вынужден

заседаний Ф. В. Кипарисову был вынесен выговор за «попустительство склоке», А. Г. Пригожин получил выговор за антипартийное поведение и 25 июня 1934 г. был снят с работы в ГАИМК⁶. После увольнения он переехал в Москву⁷ (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 3), где занял пост директора Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Далее крайне важно осветить события, предшествовавшие первому аресту А. Г. Пригожина в апреле 1935 г. В декабре 1934 г. в Ленинграде третий раз был арестован муж Э. Г. Пригожиной, историк-китаевед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР и ГАИМК А. С. Поляков. Незадолго до ареста он был исключен из ВКП(б), после чего член комсомольской организации и аспирант ГАИМК С. С. Шакулов отправил в партийную организацию Московского отделения ГАИМК неофициальное письмо следующего содержания: «Прошу поставить в известность московскую парторганизацию об антипартийной деятельности А. С. Полякова. Приглашал его на работу А. Г. Пригожин и он знал об его активной работе в троцкистской оппозиции, так как он женат на его сестре, Э. Г. Пригожиной. Вчера коммунистическая

пойти на публичное осуждение А. Г. Пригожина. Даже когда дело перешло на уровень партийных собраний, он отмечал, что «зная Пригожина, я и сейчас думаю, что это только бытовая развращенность языка и что при серьезных обстоятельствах он так же, как и в годы Гражданской войны, отдаст себя за дело партии» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 59–60).

⁶ После его увольнения М. А. Тиханова подала в партийный комитет ГАИМК заявление о том, что «Пригожин являлся глубоко беспринципным человеком, морально разлагавшим беспартийных сотрудников. Вина всех в том, что относились к этому слишком либерально, и признавали некоторые положительные стороны А. Г. Пригожина, закрывая глаза на другое» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 87).

⁷ В октябре 1934 г. у него родился сын Сергей (супруга — Татьяна Николаевна, фамилия не уст.) Отец Григорий Ефимович и мать Зинаида Соломоновна остались в Ленинграде и проживали в общежитии ГАИМК по адресу: ул. Халтурина, 27/45, где до увольнения жил сам А. Г. Пригожин (ЦА ФСБ. Р. 8213. Т. 2. Л. 5).

организация Академии наук исключила из своих рядов А. С. Полякова как члена контрреволюционной подпольной организации. Все это говорит о том, что А. Г. Пригожин не порывал со своим прошлым» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 7).

Через месяц после ареста А. С. Полякова, в январе 1935 г., в ГАИМК состоялось собрание, на котором резкой критике за поддержание связи с «троцкистами» (А. С. Поляковым и А. Г. Пригожиным) была подвергнута Э. Г. Пригожина. В ходе этого собрания⁸ из партии Э. Г. Пригожину было решено не исключать ввиду осознания ею «притупления бдительности в отношении мужа и брата». Тем не менее, в феврале 1935 г. по решению Смольнинского райкома ВКПб, она была исключена из партии, а в июле выслана с двумя детьми из Ленинграда⁹ (ЦГАИПД. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544. Л. 4).

Одновременно с этими событиями, в начале 1935 г. состоялся ряд арестов сотрудников Саратовского педагогического института, принимавших участие в «троцкистской контрреволюционной группировке»: Башкирова Николая Ивановича, Дубинского Бориса Михайловича, Исаева Михаила, Минкина Григория Захаровича (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 16), а также Менделеева и Резника. Б. М. Дубинский показал на допросе, что «перед отъездом Менделеева в Москву, в конце декабря 1934 г., я, Дубинский, Менделеев и Резник собрались на квартире последнего. В связи с убийством С. М. Кирова в Ленинграде нас интересовал вопрос о том, какие выводы и решение

⁸ В январе 1935 г. у Э. Г. Пригожиной родился второй ребенок, и заседание было начато с просьбы Ф. В. Кипарисова «разрешить дело Пригожиной, так как ее нельзя задерживать из-за кормления ребенка» (ЦГАИПД. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544. Л. 5).

⁹ Э. Г. Пригожина была арестована 28 сентября 1936 г. по обвинению в участии в террористической троцкистско-зиновьевской организации и приговорена к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Тюремный срок отбывала в Соловецком лагере, поддерживая некоторое время связь с семьей. 14 октября 1937 г. приговорена к высшей мере наказания, расстрел состоялся 1 ноября, место погребения — Сандармох. Реабилитирована 25 июня 1959 г. (Режим доступа: bessmertnybarak.ru (дата обращения 05.03.2020)).

примет партия в отношении троцкистов» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 27). По возвращении Менделеев сообщил, что «в Москве он был у А. Г. Пригожина, который ему сказал, что в Ленинграде много преподавателей снято с работы. Кроме того А. Г. Пригожин сказал Менделееву о том, что у них в МИФЛИ работой не занимаются, а занимаются только бдительностью» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 27).

Вполне закономерным на фоне этих событий стал арест и самого А. Г. Пригожина, состоявшийся 11 апреля 1935 г. Арест и обыск¹⁰ производил сотрудник НКВД [И. И.] Антонов. При аресте были изъяты: личная переписка, книги и брошюры К. Каутского, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, а также личные вещи (паспорт, военный и профсоюзный билеты, удостоверение, портмоне, карманные часы и одежда) (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 5). Первый допрос состоялся 15 апреля, в ходе которого проводилось уточнение личных данных из заполненной ранее анкеты арестованного. На втором допросе, 22 апреля, А. Г. Пригожиным были даны «дополнительные показания», касающиеся собственной контрреволюционной деятельности и участников троцкистско-зиновьевского блока, с которыми он был связан (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 7). 3 июля 1935 г. А. Г. Пригожину было вынесено обвинительное заключение, согласно которому он обвинялся в «систематической пропаганде контрреволюционных троцкистских взглядов» и приговаривался к ссылке в Уфу сроком на три года (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 30). С июля 1935 г. А. Г. Пригожин проживал в Уфе, снимая квартиру по адресу: проспект Октябрьской революции, д. 35, кв. 1. Видимо, первоначально его перемещения были ограничены, но вскоре он получил возможность пользоваться общественным и частным транспортом, о чем в деле имеется справка от 7 марта 1936 г. (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 5).

¹⁰ Арест состоялся в квартире по адресу: ул. Кирова, д. 24/1, кв. 78, где А. Г. Пригожин проживал с женой, Татьяной Николаевной (фамилия не уст.) и сыном Сергеем, которому на момент ареста было семь месяцев (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 5об.).

Второй арест А. Г. Пригожина состоялся в июле 1936 г., по доступным материалам пока невозможно установить, чьи именно показания стали причиной его вторичного задержания и отправки для проведения следствия из Уфы в Ленинград. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграли показания бывших коллег А. Г. Пригожина по ЛОКА, Г. С. Зайделя и С. Г. Томсинского. Из Уфы в ЛО УНКВД (ул. Воинова (Шпалерная), 25) А. Г. Пригожин был переведен не ранее 5 июля (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1). В ДПЗ он содержался в 118 камере второго корпуса. Судя по всему, семья вскоре получила известие о втором аресте А. Г. Пригожина, поскольку 10 июля 1936 г. датируется почтовая открытка от матери, полученная им уже в тюрьме¹¹. В ЛО УНКВД он находился один месяц (июль 1936 г.) За это время было проведено три допроса, 5, 20–21 и 26 июля (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 9; Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 7. Л. 25). В ходе допроса, продолжавшегося двое суток, А. Г. Пригожин «признался», что в конце 1933 г. вербовал в террористическую группу Ф. В. Кипарисова, Б. А. Латынина и М. Г. Худякова (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 25). Согласно его показаниям, после вступления С. Н. Быковского и Ф. В. Кипарисова в «террористическую группу, созданную в ГАИМК», они были проинформированы о переходе к террористическим методам борьбы с руководством ВКП(б). Согласно дальнейшим показаниям на допросах арестованных С. Н. Быковского (арест 4 августа, допрос — 8–9 августа), Ф. В. Кипарисова (арест 27 августа; допросы — 27, 29 августа, 22, 28 октября, 3 ноября), М. Г. Худякова (арест 9 сентября; допросы — 11, 29 сентября) и В. С. Адрианова (арест

¹¹ Представляется важным привести полный текст этого небольшого письма: «Дорогой Абрам! Твой Сережа здоров (сыну А. Г. Пригожина на тот момент было 1,5 года. — Прим. Е. П.), живет на даче. Мы здесь тоже все здоровы, за исключением Соломона (дед А. Г. Пригожина. — Прим. Е. П.), который все время болен и находится в больнице [им. Б...вского] на 7 линии ВО, там его теперь лечат. Будь здоров. Целую тебя. Мама. Твои деньги из Уфы я получила» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 2. Л. 6).

4 ноября; допросы — 9 ноября, 15 декабря), руководителем террористической группы ГАИМК был назван А. Г. Пригожин. Уже после вынесения обвинительного приговора, 19 декабря 1936 г., Ф. В. Кипарисов и С. Н. Быковский заявили, что считают показания А. Г. Пригожина ложными, «но объяснить, почему он дал такие показания, они не смогли» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 34).

Сам А. Г. Пригожин 1 августа 1936 г., на основании Постановления, подписанного оперуполномоченным СПО УГБ, старшим лейтенантом Д. Я. Светловым, был переведен в Москву для продолжения следствия. Причиной тому явились показания «обвиняемых в Москве по следственному делу № 3257¹²», согласно которым «находящийся под арестом в УНКВД СССР по Ленинградской области А. Г. Пригожин является участником одной контрреволюционной организации с ними» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 1). На настоящий момент не установлено, кем именно были даны показания, по которым А. Г. Пригожину стала вменяться «террористическая деятельность» более серьезного организационного уровня, нежели руководство одной контрреволюционной группой в Ленинграде. Вполне возможно, что на одном из многочисленных допросов Г. С. Фридлянд «показал» о существовании в Ленинграде троцкистской группы, руководимой А. Г. Пригожиным (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 171), который «в продолжении многих лет был связан с К. Б. Радеком и считал его своим политическим руководителем по работе в организации» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 177).

Ряд вопросов, касающихся контрреволюционных связей с К. Б. Радеком, был задан А. Г. Пригожину в ходе трехдневного допроса (5–7 августа 1936 г.). Согласно «показаниям», к троцкистам А. Г. Пригожин примкнул в 1927 г. во время своей работы в Университете народов Востока им. Сунь Ятсена, ректором

которого в тот период был К. Б. Радек. В конце 1928 г. А. Г. Пригожин переехал в Ленинград, после чего его контакты с К. Б. Радеком возобновились в конце 1929 г. А. Г. Пригожину было поручено «расширять свои связи в Ленинграде и собирать информацию о настроениях работников партийного аппарата» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 13). Благодаря связям среди научных и партийных работников Ленинграда, А. Г. Пригожин располагал «обширной информацией о настроениях в партийных организациях Ленинграда и собранные сведения передавал лично К. Б. Радеку или И. Т. Смилге, который в 1932 г. рекомендовал сблизиться с экстремистки настроенными группами троцкистов и зиновьевцев» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 14, 15). В августе 1933 г. К. Б. Радек сообщил А. Г. Пригожину, что в Женеве получил сообщение от Л. Д. Троцкого, который «считает необходимым прекратить мнимые разногласия между троцкистами и зиновьевцами и поставить действительное средство борьбы, то есть физическое устранение И. В. Сталина и его ближайших соратников (подчеркнуто. — Прим. Е. П.)» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 17). К. Б. Радек поручил А. Г. Пригожину «собрать группу людей для организации активного выступления против С. М. Кирова», что и было им предпринято после возвращения в Ленинград. Однако «развернуть террористическую деятельность в Ленинграде» А. Г. Пригожин не успел, так как в марте 1934 г.¹³ был переведен на работу в Москву (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 23). На очередной встрече в Москве с К. Б. Радеком тот отрицательно охарактеризовал работу А. Г. Пригожина в Ленинграде, упрекнув его «в недостаточной активности». Уже после убийства С. М. Кирова К. Б. Радек сообщил А. Г. Пригожину о необходимости выполнить «вторую задачу — убить И. В. Сталина, поскольку, если не принять решительных мер, то половина партии будет в лагерях, а половина страны будет на положении ссыльных» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 35).

¹² Пока не установлено, какой именно антиправительственной московской организации был присвоен данный номер дела.

¹³ А. Г. Пригожин был уволен из ГАИМК в июне 1934 г.

По свидетельству А. Г. Пригожина: «на этой стадии работы по подготовке террористического акта я в апреле месяце был арестован НКВД» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 36).

22 сентября 1936 г. состоялся последний допрос А. Г. Пригожина, в ходе которого он отказался от данных ранее показаний в отношении упомянутых третьих лиц, оговоренных им самим «по неизвестной ему причине» (ЦА ФСБ. Т. 1. Л. 36, 36а). Судя по всему, для следствия «показания» А. Г. Пригожина о связи с К. Б. Радеком и И. Т. Смилгой оказались настолько исчерпывающими, что их хватило для составления обвинительного заключения. Судя по материалам дела, с сентября 1936 г. и вплоть до февраля 1937 г. никаких следственных мероприятий по отношению к А. Г. Пригожину не применялось.

27 февраля 1937 г. А. Г. Пригожин был включен как репрессированный по первой категории (расстрел) в список «Москва-Центр» за подписью И. В. Сталина, Л. М. Кагановича и В. М. Молотова¹⁴. 3 марта 1937 г. армвоенюристом В. В. Ульрихом было составлено обвинительное заключение по следственному делу А. Г. Пригожина. В заключении указывалось, что следствием было установлено, что в 1932 г. А. Г. Пригожин, действуя на основе полученной им лично от И. Т. Смилги директивы, являлся организатором троцкистско-зиновьевской террористической группы в Ленинграде, «ставившей себе целью совершение террористических актов против руководителей ВКП(б)». После перевода в Москву в 1934 г. А. Г. Пригожин приступил к созданию новой террористической группы, «ставившей себе задачей совершение террористического акта против И. В. Сталина» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 210).

6 марта А. Г. Пригожину было вручено обвинительное заключение (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 214), а 7 марта состоялось закрытое судебное заседание, продлившееся 15 минут (открыто 12.30 — закрыто 12 ч 45 мин). Отмечалось, что «подсудимый признает себя

виновным и преступления его настолько тяжелы, что он в свое оправдание ничего сказать не может. Он сын рабочего. Он красногвардеец, активный участник Гражданской войны. Он не раз рисковал своей жизнью в борьбе против врагов советской власти. Завяряет суд, что он окончательно разоружился. Просит учесть его чистосердечное признание и даровать ему жизнь» (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 215). Вынесенный приговор — высшая мера наказания с конфискацией имущества, как и в тысячах других случаях, обжалованию не подлежал... Расстрел состоялся 8 марта 1937 г. Прах захоронен в одной из общих могил на Донском кладбище г. Москвы (ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1. Л. 219; Расстрельные списки, 2005. С. 375). А. Г. Пригожин был реабилитирован 25 апреля 1956 г., кем было подано заявление о реабилитации, пока не установлено.¹⁵

На основе доступных в настоящий момент архивно-следственных дел стало возможным существенно дополнить биографию А. Г. Пригожина на столь трагичном для него отрезке жизненного пути в 1934–1937 г. Сопоставляя данные архивных документов, можно предположить, что даже при условии отсутствия показаний против него других лиц, рано или поздно он бы привлек к себе внимание со стороны ОГПУ/НКВД, поскольку постоянно оказывался в центре внутренних конфликтов и разбирательств. Кроме того, его членство в Бунде, бурное партийное прошлое, участие в Гражданской войне, поддержка левых оппозиционных течений, личное знакомство с партийными деятелями 1920-х гг. и аресты его ближайшего семейного окружения являлись безоговорочным подтверждением его «антиправительственных устремлений».

¹⁵ Сведения о дальнейшей судьбе семьи А. Г. Пригожина весьма отрывочные. Судя по всему, все члены семьи погибли в ходе дальнейших репрессий, а его сын Сергей попал в детский дом, где ему удалось выжить. Благодаря данным, опубликованным на сайте «Бессмертный барак», известно о внуке А. Г. Пригожина и родных со стороны Э. Г. Пригожиной (режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/Prigozhin_Abram_Grigorevich/ (дата обращения 08.05.2020 г.).

¹⁴ Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm> (дата обращения 12.05.2020 г.).

Судя по всему, к началу 1935 г. «Дело о сети контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп в научных учреждениях Ленинграда и Москвы» было еще не вполне сфабриковано ОГПУ. Этим и объясняется отсутствие обвинений в руководстве «террористической группой» и сравнительно легкий приговор — ссылка в Уфу без поражения в гражданских правах. В середине 1936 г. «Дело о сети террористических организаций» оформляется и набирает обороты, начинаются повторные аресты «троцкистов и зиновьевцев». Следственные процессы осуществляются по заранее подготовленному сценарию, показания на допросах повторяют один и тот же заранее определенный круг лиц. После повторного ареста в июле 1936 г. роль руководителя «группы ГАИМК» была определена А. Г. Пригожину, на что указывали в своих показаниях в июне–июле 1936 г. Г. С. Зайдель, С. Г. Томсинский, И. С. Фридлянд, Л. Г. Райский а позднее, в августе–ноябре 1936 г., С. Н. Быковский, Ф. В. Кипарисов, М. Г. Худяков, В. С. Адрианов и, судя по всему, многие другие участники данного процесса. Пока не представляется возможным детально восстановить события, предшествовавшие переводу А. Г. Пригожина из «Большого

дома» на Лубянку, однако четко вырисовывается линия следственного процесса к централизации «боевых террористических групп», созданных для убийства И. В. Сталина и курируемых Л. Д. Троцким через К. Б. Радека и И. Т. Смилгу. В данной связи удачным обстоятельством для следствия стало знакомство А. Г. Пригожина с К. Б. Радеком во время его работы в Университете им. Сунь Ятсена в 1925–1927 гг. Необходимые «признания» были получены от А. Г. Пригожина в ходе конвейерного допроса, и несмотря на то что придя в себя, он пытался от них отказаться, обвинительный приговор уже был составлен и повлек за собой расстрел бывшего заместителя председателя ГАИМК.

Безусловно, данные выводы основаны пока лишь на небольшой группе доступных архивно-следственных документов. Дальнейшая работа по определению состава обвиняемых и изучению соответствующих следственных дел предоставит возможность составить более полное представление о событиях, предшествующих аресту и гибели А. Г. Пригожина, а также о масштабах преступлений ОГПУ/НКВД в отношении административного и научного состава учреждений Ленинграда и Москвы в 1934–1937 гг.

Архив Управления ФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1: Дело № 21766. По обвинению Кипарисова Федора Васильевича // Архив Управления ФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7: Дело № 21766. По обвинению Адрианова Василия Степановича.

ЦА ФСБ. Р-8213. Т. 1, 2. Пригожин Абрам Григорьевич.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 475917: Пригожин Абрам Григорьевич. Личное дело.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 266544: Пригожина Эсфирь Григорьевна. Личное дело.

Академическая археология, 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН. 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 414 с.

Артизов, 1994 — Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

Бессмертный барак. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://bessmertnybarak.ru>.

Брачев, 2016 — Брачев В. С. Советский историк Соломон Исаакович Фендель (1893–1936) // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). 2016. № 3. С. 9–14.

Люди и судьбы, 2003 — Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Под ред. Я. В. Василькова, М. Ю. Сорокиной. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 495 с.

- Москва-Центр // [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm> (дата обращения 12.03.2020).
- Панкратова, 2019 — Панкратова Е. Г. «Террористическая организация ГАИМК» (1936 г.): Обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. М., 2019. С. 264–277.
- Петров, Скоркин, 1999 — Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М.: Звенья, 1999. 502 с.
- Пригожин Абрам Григорьевич. Открытый список // [Электронный ресурс.] Режим доступа: [https:// ru.openlist.wiki/Открытый_список](https://ru.openlist.wiki/Открытый_список) (дата обращения 8–12.03.2020).
- Пригожина Эсфирь Григорьевна. Открытый список // [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Открытый_список (дата обращения 8–12.03.2020).
- Расстрельные списки, 2005 — Расстрельные списки: Москва, 1935–1953: Донское кладбище, (Донской крематорий): книга памяти жертв политических репрессий // [подгот. Комиссией правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, ЦА ФСБ РФ, Обществом «Мемориал» / Под. ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского]. М.: Мемориал, 2005. 596 с.
- Формозов, 2006 — Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2006. 341 с.

Notes on the biography of “the leader of the terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” A. G. Prigozhin (based on the archive criminal investigations case files)

E. G. Pankratova

During the work with the archive criminal investigations case files of A. G. Prigozhin (Central Archive of the Federal Security Service. P-8213) we received previously unknown data concerning his arrest and committal due to the charges of leading of the “terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” in 1935–1937. The first detention of A. G. Prigozhin happened on April 11, 1935. He was charged with the Trotskyism propaganda and exiled to Ufa for three years. In 1936, according to the testimony of his former colleagues in the State Academy for the History of Material Culture and the Leningrad Department of the Communist Academy, obtained under various kinds of duress, he was accused of leading a terrorist organization in Leningrad and was arrested for the second time in July 1936 in Ufa. Not later than July 10, 1936 A. G. Prigozhin was transferred to the Direction of the People’s Commissariat for Internal Affairs of Leningrad region to carry on the investigation. After the interrogations conducted on 20–21 and 27 July the arrests of the administrative staff of the State Academy for the History of Material Culture began. Approximately at the same time they testified against him regarding his connections with K. B. Radek. After it on August 1, 1936 A. G. Prigozhin was transferred to Lubyanka for the further investigation. After a series of multi-day interrogations, he was forced to incriminate himself and confessed in leading the terrorist combat groups he had created in Leningrad and Moscow following the instructions of K. B. Radek and I. T. Smilga. On February 27, 1937 he was included in the execution list “Moscow-Center” signed by I. V. Stalin, L. M. Kaganovich and K. E. Voroshilov. He was executed on March 8, 1937 on charges of preparing terrorist acts against the leaders of the Communist Party of the Soviet Union. He was rehabilitated on April 25, 1956.

Список сокращений

- BAPD — Beazley Archive Pottery Database
[Электронный ресурс] <https://www.beazley.ox.ac.uk/pottery/default.htm>
- BAR — British Archaeological Report. Oxford
- BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Athènes
- BSS — Black Sea Studies. Aarhus
- CAIETE ARA — Asociația ARA (Arhitectură. Restaurare. Arheologie) annual reports.
Bucharest
- CIRB — Corpus of Bosporan inscriptions
- CHIr — The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1–2): The Seleucid, Parthian and
Sasanian Periods / Ed. E. Yarshater. Cambridge; etc., 1983
- CVA — Corpus Vasorum Antiquorum. Union Académique internationale, 1922–
- EIr — Encyclopædia Iranica / Ed. E. Yarshater. Vol. 1–. London; etc.,
1985— (online edition: New York, 1996–)
- FGrH — Jacoby F. (1923–1958). *Die Fragmente der griechischen Historiker*, Berlin
- FHG — Muller C. (1878–1885). *Fragmenta historicorum graecorum*, Paris
- I.Eleusis — Clinton K. Eleusis. The Inscriptions on Stone. Documents of the Sanctuary
of the Two Goddesses and Public Documents of the Deme. 2 vols. in 3 parts.
Athens: The Archaeological Society at Athens, 2005–2008
- I.Kalchedon — Merkelbach R. et al. 1980. *Die Inschriften von Kalchedon (Inschriften
griechischer Städte aus Kleinasien, 20)*, Bonn
- IA— Iranica Antiqua. Gent
- IAA — Israel Antiquities Authority
- IARPotHP — International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period
- ID — Inscriptions de Délos. 7 vols. Paris 1926–1972
- IG — Inscriptiones Graecae

- IGBulg — Inscriptiones Graecae Bulgariae repertae
- ILS — Dessau H. (1892–1916). *Inscriptiones Latinae selectae*, Berlin
- IOSPE — Latyshev V. (1885–1901). *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et Latinae*, St. Petersburg
- IOSPE I² — Латышев В. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et Latinae. Том I². Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum, Петроград, 1916
- IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et Latinae. Vol. IV. Petropoli, 1901
- ISM — Pippidi D. M. *et al.* 1983. *Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et Latinae*, Bucharest
- LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München; Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999. Vol. I–VIII, Indices
- LSJ — Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddel, R. Scott, revised by H. S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 + 320 p.
- Milet — Kawerau G., Rehm A. 1914. *Das Delphinion in Milet*, Berlin
- OJA — PWRE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
- RA — Revue Archéologique. Paris, 1844–
- RAA — Revue des Arts Asiatiques. Paris
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
- Syll.³ — Диттенбергер В. Sylloge inscriptionum Graecarum, третье издание / под ред. Ф. Хиллерафон Герtringена и соавторов, Лейпциг, том 1 (1915), том 2 (1917), том 3 (1920), том 4 (1921–1924) [переиздание: Хильдешейма 1960]
- TF — Teheraner Forschungen. Berlin
- AB — Археологические вести. СПб.
- ABU — Археологічні відкриття в Україні. Київ
- AGЭ — Архив Государственного Эрмитажа (Отдел рукописей и документального фонда)
- ADU — Археологічні дослідження на Україні. Київ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИДУ — Археологія і давня історія України
- АИК — Археологические исследования в Крыму. Симферополь
- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- АН — Академия наук
- АН СССР — Академия наук СССР
- АО — Археологические открытия. М.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. / СПб.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- БС — Боспорский сборник. М.
- БЧ — Боспорские чтения. Керчь
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры, Л.
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы
- ГУ — государственный университет
- ДБ — Древности Боспора. Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.
- ДД — Донские древности. Азов
- ДПЗ — Дом предварительного заключения
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.

- ЗООИД — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844–1916
- ИА — Институт археологии
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
- ИАА — Историко-археологический альманах Армавирского историко-краеведческого музея
- ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
- ИАЭ — Институт археологии и этнографии АН СССР. Л.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИД — издательский дом
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- ИКП — Институт красной профессуры. М.
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- КБН — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.
- КБН-Альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 432 с.
- КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
- Клио — Ежемесячный журнал для ученых: печатный орган
Клио — Международной академии исторических и социальных наук. СПб., 1997–
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- КубГУ — Кубанский государственный университет
- ЛИЛИ — Ленинградский историко-лингвистический институт АН СССР
- ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛНРППИ — Лаборатория научной реставрации предметов прикладного искусства, Государственный Эрмитаж
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
- ЛОКА — Ленинградское отделение Коммунистической академии
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАР — Материалы по археологии России
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
- МГУ — Московский государственный университет, М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. / М.
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани
- МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МК — международная конференция
- МНК — международная научная конференция
- НА ИИМК РАН. РО — Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел
- НА ИИМК РАН. ФО — Научный архив ИИМК РАН, фотоотдел
- НАНУ — Национальная академия наук Украины
- НК — научная конференция
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- НМЦА — Научно-методический центр археологии
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
- ОАС ГЭ — Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб.
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск

- РА — Российская археология. М.
- РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.
- РАН — Российская академия наук
- РККА — рабоче-крестьянская Красная Армия
- РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.-Л.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.-СПб., 1940–
- СПО — секретно-политический отдел
- СЭ — Советская этнография
- ТГЛИАМЗ — Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.-СПб., 1956–
- ТД — тезисы докладов
- ТДК — тезисы докладов конференции
- ТДС — тезисы докладов и сообщений
- ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
- УГБ — Управление государственной безопасности
- УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности
- ФУ — федеральный университет
- ХС — Херсонесский сборник. Севастополь
- ЦГАИПД — Центральный архив историко-политических документов. СПб
- ЮНЦ — Южный научный центр

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 29**

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Издательская группа ИИМК РАН
Н. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева,
Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Подписано в печать 01.12.2020. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49. Тираж 300 экз. Заказ 771

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 29 —

